Время жить. Книга первая: Поработители

Время жить - 1

Виктор Вадимович Тарнавский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К мирной планете Филлине, напоминающей Землю 60-х годов XX века, подходят корабли Военного космофлота Звездной Империи. Очередная "космическая опера"? Не торопитесь… Многие вещи на самом деле совсем не такие, какими выглядят на первый взгляд. В центре этого повествования будут не сражения (хотя, конечно, без них не обойдется), а политика, экономика и, в первую очередь, судьбы людей, оказавшихся в центре грандиозных и грозных событий.

- Пролог
- Глава 1. Не наша кровь
- Глава 2. Всемилостивейше повелеть соизволил
- Глава 3. Достаточно сумасшедший
- Глава 4. Все у нас получится
- Глава 5. Ослепительные перспективы
- Глава 6. Испытание
- Глава 7. Всего лишь надежда
- Глава 8. Вам нужна великая Гордана!
- Глава 9. Кусочек металла
- Глава 10. Посланцы
- Глава 11. Власть над душами
- Глава 12. Силы ада
- Глава 13. Все меняется
- Глава 14. Проклятый выходной
- Глава 15. Ночные крылья
- Глава 16. Опоздавшие на эвакуацию
- Глава 17. Эффектно и эффективно
- Глава 18. Символы перемен
- Глава 19. Тороканские Ворота
- Глава 20. Охрана порядка
- Глава 21. Единственный приемлемый вариант
- Глава 22. За два часа до рассвета
- Глава 23. В глубоком тылу противника
- Глава 24. Каждый выживает в одиночку
- Глава 25. Капли в потоке
- Глава 26. Чужие
- Глава 27. Большая семья
- Глава 28. Офицеры революции
- Глава 29. Чем вы лучше их?!
- Глава 30. Стальные крысы
- Глава 31. По эту сторону жизни

- Глава 32. Упавшие с небес
- Глава 33. Комиссар
- Глава 34. Цена победы
- Глава 35. Земля обетованная
- Глава 36. Еду я на родину
- Глава 37. Сияющие высоты
- Глава 38. Великий
- Глава 39. Самая крутая мафия в государстве
- Глава 40. Чувство цели

Поработители

Пролог

Это была первая межзвездная экспедиция. Первая – и, возможно, последняя, потому что люди начала XXIII века почти разучились смотреть на сияющие у них над головой звезды.

И все же они полетели. Корабль, вобравший в себя все достижения земной цивилизации, пересек невообразимую даль космического пространства и теперь приближался к цели. Желтая звезда, чуть уступающая по размерам Солнцу, вот уже который месяц медленно увеличивалась на обзорных экранах, а зоркие телескопы уже различали вокруг нее крошечные диски планет.

О том, что обладающая планетами земного типа звезда, находящаяся всего в двадцати с небольшим световых годах от Солнца, стала источником слабого радиоизлучения – точно в том масштабе и диапазоне, какой излучала бы Земля в первой половине XX века, первыми узнали ученые. Затем эту новость подхватили падкие на сенсацию средства массовой информации. С быстротой компьютерного вируса она прошлась по охватывающим всю планету информационным сетям, была миллионы раз скопирована и воспроизведена, обросла немыслимыми домыслами и мифами и, наконец, превратилась в мощную самостоятельную силу, с которой пришлось считаться даже сильным мира сего.

И тут кто-то вспомнил, что у человечества есть возможность достичь звезд. Теория суперпрыжков была разработана еще в середине XXI века, в период последнего расцвета фундаментальной науки. Она полностью вписывалась в существующую картину мира и была безупречна на бумаге или на экране компьютера, но никто никогда не проверял ее экспериментально. Для этого надо было разогнать предмет с массой, превышающей планковскую, до скорости не менее половины скорости света и, придав ему мощный импульс, попытаться проколоть видимое пространство "кротовой дырой", чтобы за ничтожные доли секунды преодолеть расстояние, могущее исчисляться световыми годами.

Человечество, пережившее кризисы и ресурсные войны второй половины XXI – начала XXII веков, могло бы позволить себе такой опыт. Могло – но не хотело. Однако возможное нахождение планеты с братьями по разуму пробудило, казалось бы, потухший интерес к космосу. Проект межзвездной экспедиции обсуждался миллионами восторженных дилетантов и сотнями специалистов и внезапно обрел плоть в высших политических кругах. Под него были выделены мозги и деньги – даже больше,

чем на безумную борьбу с глобальным потеплением в XXI веке или освоение глубинных и океанских месторождений полезных ископаемых в XXII-ом. Был проведен решающий опыт с беспилотным космолетом, который продемонстрировал, что теория верна, и человечество, вернее, наиболее значимая его часть, с головой окунулось в новую страсть.

С нуля были созданы целые отрасли промышленности. Походя были реализованы проекты, о которых бесплодно разглагольствовали десятки лет. Наука вдруг стала модной и интересной, валом пошли находки и открытия, напомнив историкам атмосферу первой половины XXI-ого или даже 50-60-х годов XX века. Были решены казавшиеся непреодолимыми проблемы с источниками энергии, способными разогнать звездолет до субсветовых скоростей, и управлением дальностью суперпрыжков, требовавшим немыслимой точности расчетов массы и собственной скорости корабля в сочетании с силой импульса. Среди людей, в которых века сытой цивилизации еще не вытравили способность рисковать своей жизнью, были найдены добровольцы, согласившиеся пойти в грозящий неизведанными опасностями испытательный полет…

Корабль, приближающийся к желтой звезде, был вершиной всех этих усилий – без малого, трех десятилетий упорной работы, потраченных триллионов, труда и творческого озарения миллионов людей. Позади были полтора независимых года полета в невероятной, небывалой оторванности от оставшегося на Земле человеческого общества.

Теперь они знали, что их усилия не пропали даром. Источником радиоизлучения была третья планета желтого солнца, в атмосфере которой чуткие анализаторы уже обнаружили кислород, азот и водяной пар. Они не сомневались, что скоро смогут увидеть с орбиты города и каналы иной цивилизации. Они ждали встречи с ней и готовились к этой встрече.

Однако члены земной экспедиции не знали, что около двух лет назад по земному счету в окрестностях желтой звезды появилась группа других космических кораблей. И их было МНОГО…

Глава 1. Не наша кровь

Большое полукруглое помещение метров пятнадцати в диаметре. Шероховатый ворсистый серо-зеленый пол; матовые гладкие светло-серые стены плавно загибаются кверху, очерчивая что-то вроде полусферы. На высоте примерно трех метров на задней стене за панелями прячутся светильники, заливающие помещение мягким белым светом, похожим на дневной.

Помещение заполнено аппаратурой. У задней стены громоздятся электронные блоки, поблескивают экраны, стоят кресла операторов. Напротив – на выпуклости полусферы – длинный пульт управления космическим кораблем. Перед пультом – четыре больших кресла-ложемента – два для пилотов, два – для штурманских операторов. Но сейчас три кресла из четырех пусты. Спинки стоят почти вертикально, не горят лампочки пультов управления на подлокотниках. Только в одном кресле сидит дежурный оператор и смотрит на огромный экран перед главным пультом. На экране блестят огоньки далеких звезд.

По обе стороны от главного пульта – по четыре пульта поменьше. Перед каждым из них – по такому же креслу, но и они все, кроме одного, пусты.

Все тихо и спокойно в главной рубке "Всемогущего", корабля первого класса в эскадре "Кэтэркоро" четвертого флота военного космофлота Звездной Империи. Негромко поет настроенный на одну ноту приборчик контроля искусственной гравитации. Выключена аппаратура боевых систем корабля, не горят экраны, пустуют кресла операторов, лишь дежурный штурманский оператор смотрит на звезды, да горят огни на пульте гравископа. На одном экране сменяют друг друга черные и белые горизонтальные полосы, на другом – трехмерное изображение окружающего пространства. Под прямым углом пересекаются тонкие белые линии, в середине медленно-медленно ползет по экрану красная точка. Вокруг желтые огоньки – метки других кораблей четвертого флота Империи.

Оператор, чтобы не скучать без дела, вызывает на дисплей координаты и параметры движения других кораблей. Больше ему нечем заниматься: все спокойно, не горят тревожные огоньки на шкале системы метеоритной локации, чист и пуст космос здесь – вне плоскости эклиптики местной планетной системы и далеко от ее кометного облака.

Но несмотря на внешнее спокойствие операторы слегка напряжены. Вот уже седьмые стандартные сутки после встречи в

назначенном месте корабли четвертого флота описывают витки вокруг этой ничем не примечательной безымянной звезды, отмеченной в справочниках лишь безликим индексом из длинного ряда букв и цифр. Что-то явно готовится, но что – операторам не дано этого знать. На рукавах их форменных комбинезонов нет нашивок, а только по два узких шнура – знаки различия всего лишь рядовых первого разряда.

В центре рубки пол поднимается уступами. На самом нижнем – главный пульт управления. Ближе к центру и выше – длинный полукруглый ряд блоков перед пятью креслами операторов, еще выше – высокий блок с большим экраном и креслом офицера наведения, а в самом центре зала – полукруг еще одного пульта и широкий ложемент перед ним. Это место командира корабля.

Командирское кресло сейчас тоже пустует. Правда, перед креслом на коленях стоит человек, но это явно не командир. Но и не рядовой. На его комбинезоне – три нашивки в виде горизонтальных вытянутых прямоугольников: знаки различия старшего офицера первого ранга или, короче говоря, старшего-один. Офицер высок, почти два метра ростом, худ; по земным меркам его трудно назвать красавцем – у него овальное гладкое лицо светло-сиреневого цвета, длинный узкий нос, хищно вытянувшийся над узким ртом с тонкими светло-голубыми губами, широкий немножко скошенный вперед подбородок, большие почти круглые темно-коричневые глаза и широкие полукруглые брови. Уши маленькие, немного остроконечные, плотно прижаты по бокам головы и почти скрыты коротко подстриженными прямыми темно-коричневыми волосами, расчесанными на пробор. Офицер поглощен работой. В его руках длинные изогнутые иглы, похожие на хирургические инструменты, соединенные проводами в белой оплетке с небольшим прибором с дисплеем и тускло освещенными шкалами. Он сосредоточенно водит этими иглами по большой панели в недрах одного из блоков командирского пульта, то и дело замирая и поглядывая на контрольный прибор.

Ворсистый, слегка пружинящий под ногами пол приглушает шаги, поэтому офицер не сразу замечает поднявшегося к командирскому пульту грузного широкоплечего человека со светлыми, почти белыми волосами. Это и есть командир корабля. На рукаве его формы тускло поблескивает двенадцатиконечная звезда генерала третьей величины. Генерал Эамлин примерно того же возраста, что и офицер у пульта – не молод, но еще далеко не стар. По земным понятиям – лет под сорок пять.

Офицер, услышав, наконец, шаги, приподнимает голову. Но первым заговаривает не он.

— Ну как у вас дела, Реэрн? — спрашивает генерал вполголоса.

— В порядке, — тоже вполголоса отвечает офицер, — если это слово применимо к такой рухляди. Но работать пока будет. Сейчас, еще минутку…

Офицер продолжает работу, а генерал отходит в сторону и, опершись на пульт, задумчиво смотрит на звезды на экране. Примерно через три минуты Реэрн меняет одну из микросхем на новую, ставит блок на место, складывает инструменты и, не спеша, отряхивая колени, поднимается.

— Порядок, шеф, — тихо, но весело говорит он генералу. — Авось, с пару месяцев еще протянет.

Генерал молча кивает. С Реэрном у него уже давно установились тесные и доверительные отношения, насколько это возможно между командиром и подчиненным на военном космическом корабле. Но, в конце концов, их места по боевому распорядку рядом. Реэрн как раз занимает то самое кресло под командирским пультом – он командует расчетом из трех операторов и двух старших операторов системы наведения корабельных ракет. А заодно он, наверно, лучший в эскадре, а может, и во всем четвертом флоте специалист по починке и наладке корабельной техники.

Неожиданно дверь в задней стене рубки отходит в сторону. На пороге появляется слегка запыхавшийся солдат. Он подбегает к командирскому пульту, где стоят, глядя на большой экран, генерал и Реэрн.

— Господин генерал третьей величины, — отдав честь, докладывает солдат. — Вам от командующего флотом. За шифром А8.

Генерал кивком отпускает солдата и, слегка улыбаясь, глядит на Реэрна. А8 означает "срочно, конфиденциально", а командующий флотом, между прочим, троюродный брат генерала Эамлина. Такова жизнь. Оба они принадлежат к одному из влиятельных семейных кланов Империи, их карьера всегда успешна, а Реэрн… Каждому свое.

— Ну что же, проверим вашу работу, — говорит генерал, подходя к своему креслу.

Усевшись, он, на секунду застыв с вытянутой рукой, нажимает на переключатель. Пульт оживает, загораются сигнальные лампочки, просыпается большой экран посреди пульта. Генерал сосредоточенно читает текст послания и наконец нажимает большую синюю кнопку на клавиатуре. Экран снова гаснет.

— Как, работает? — осведомляется Реэрн с края пульта. Вид у

него абсолютно незаинтересованный.

— Как всегда, отлично, — откликается генерал.

Он несколько секунд смотрит на Реэрна, затем по сторонам. Оба оператора заняты делом. Штурманский берет пеленги на различные объекты, просчитывая варианты ухода с орбиты, оператор гравископа продолжает уточнять координаты соседних кораблей. И генерал решается. Он энергично отмахивает рукой, словно говоря: "А, ладно, все равно скоро все об этом узнают", и продолжает:

— Реэрн, не делайте вид, что вам все равно. Информация уже не настолько секретная. Идите сюда.

— Кажется, кончилась наша спокойная жизнь, — вздыхает Реэрн, подходя к генералу. — Что такое, опять большие маневры?

— Хуже, — кратко отвечает генерал. — Боевая операция. Настоящая. Самая, что ни на есть.

— С этим барахлом?! — ужасается Реэрн, широким жестом показывая на аппаратуру в рубке. — Но все равно, это великий день. Надо же, как повезло. Первая боевая операция за последние четыреста… э-э-э… четыреста восемь стандартных лет. Неужели в пределах Империи появился флот вероятного противника?

— Да где уж там, — подхватывает тон генерал. — Космос чист и пуст, и никакого вероятного противника в нем не наблюдается. Но оставим шутки. Вам известно такое название: "Филлина"?

Реэрн молча проводит раскрытой ладонью справа налево перед лицом – общепринятый жест отрицания – и генерал продолжает:

— Филлина – это одна из планет звезды… э-э-э… впрочем, не помню, это не суть важно. В общем, это почти на границе, но отсюда недалеко – несколько световых лет. На этой планете существует разумная жизнь, цивилизация, ну и все такое прочее. Эта планета должна стать нашей новой колонией.

— Значит, то же самое, что и с Кронтэей, — медленно говорит Реэрн. Он уже совершенно серьезен. — Всемогущие Звезды, какое… Находим четвертую планету с разумной жизнью, четвертую, считая нас, за восемьсот лет, и снова лезем туда с оружием… Кронтэю мы же ведь испоганили до совершенно скотского состояния. И если это так далеко, зачем она нам? Мы ведь даже не сможем освоить ее…

Генерал пожимает плечами.

— Через какое-то время они могли бы стать опасными. Они быстро развиваются. У них довольно развитая техническая цивилизация. Они готовы к выходу в космос, уже овладевают ракетной техникой, близки к тому, чтобы создать свое ядерное

оружие. Это серьезный противник уже сейчас. Так что… приходится применять меры предосторожности. В любом случае, Совет Пятнадцати уже принял решение.

— Но заварушка, похоже, готовится грандиозная, — вставляет в паузу Реэрн.

— Да, еще бы. Кроме нас, участвуют еще второй и шестой флоты. Командует всем номинально старый нужник фельдмаршал Скроэг, а вертеть делом будет Таорз. Он начальник штаба соединения. Я, кстати, давно подозревал, что что-то подобное затевается.

— Вы что-то знали и раньше?

— Так, слышал краем уха, — говорит генерал небрежным голосом допущенного к тайне. — Ну, о самой Филлине мне кое-что уже было известно. На нее случайно наткнулись разведчики лет, так, примерно, тридцать назад. Информацию, как всегда, свалили кучей в Министерстве колоний и, как всегда, на всякий случай засекретили. А затем как-то забыли. Я, помнится… Э-э-э… Ладно, об этом не сейчас. В общем, кажется, лет шесть назад, кто-то о ней вспомнил, что-то там еще было, какие-то планы составлялись, но дело шло вяло. Фельдмаршал Гдоод, он тогда уже был командующим, облизывался, но дальше дело не шло. Только потом, когда Председателем Совета Пятнадцати стал Оонк, Гдоод взялся за дело круто. Наготовили кучу планов, чуть ли не каждую неделю проводили совещания, загрузили работой генштаб, потом Оонк наложил свое "Одобрям", и все закрутилось. Так что, когда нам приказали сдать на хранение всю новейшую технику и оснастили нас всяким музейным старьем, мне все стало ясно.

— Понятно, — кивает Реэрн. — Да, а Филлина, это что, местное название?

— Да, кажется. Впрочем, у меня тут кое-что есть об этой Филлине. Хотите взглянуть?

Генерал набирает несколько букв на клавиатуре, потом вводит еще одну комбинацию, и на экране появляются четкие строчки текста. Генерал медленно "пролистывает" текст.

— Ага, — наконец говорит он. — Да, действительно, местное название, на одном из самых распространенных языков. Их, языков, то есть, там что-то очень много, компьютер говорит – больше тысячи. Централизованного управления планетой не существует, но есть полторы сотни так называемых государств, вам известно это слово, Реэрн?

— Да, — коротко отвечает тот.

— Вторая планета своей звезды, чуть больше нашей. Год – 343,3 местных суток, 365 и две трети стандартных, то есть, сутки

у них длиннее. Расстояние до звезды, всякие другие параметры, это пока не важно. Вот, местное население, самоназвание на том же языке – "филиты", похожи на нас, только немного пониже ростом. Кровь, правда, не синяя, а красная, а так – две ноги, две руки, уши не торчат, волосы на голове растут, все как у людей… Численность – на нынешний день около двух с половиной миллиардов. Материки – две штуки – занимают 27 % поверхности, моря и океаны – 73 %. Кстати, хотите взглянуть на планету?

Генерал набрал нужную команду, и на экране возникла карта в прямоугольной проекции. Карта казалась объемной: на материках словно высились горы и простирались равнины, плоскогорья прорезали ветвистые русла рек, в океанах были отмечены шельфовые зоны и глубоководные впадины. Создать иллюзию объема помогала и раскраска по высотам – от светло-песочных низменностей до темно-коричневых гор на суше и от салатного шельфа до густой зелени морских глубин.

На планете было два материка. Нулевой меридиан проходил через крайнюю западную точку одного из материков, которые назывались, соответственно, Западным и Восточным (как пояснил генерал, такая картография была принята жителями планеты).

Восточный континент был значительно больше Западного. Его очертания походили на огромное, очень неровно обрезанное и вдобавок треснутое полукольцо, обращенное к югу. На западе, примерно на 40-м градусе северной широты, континент прорезало длинное и узкое внутреннее море, отделявшее от материка узкий полуостров длиной почти в три тысячи километров. На западе полуостров заканчивался неглубоким заливом, напоминавшим пасть змеи. Полуостров, играющий роль верхней челюсти, дотягивался до нулевого меридиана, в качестве нижней выступал длинный гористый остров.

Южнее внутреннего моря береговая линия уходила на юго-восток, достигая пятидесятого градуса южной широты и заканчиваясь плавным закруглением. По сравнению с этой частью "полукольца", которая сама по себе смотрелась как хороший континент площадью не менее 25 миллионов квадратных километров, восточный край, роль которого играл сравнительно узкий полуостров, протянувшийся от десятого градуса северной до тридцатого градуса южной широты, выглядел непропорционально худосочным. К юго-западу от полуострова тянулась длинная двойная цепь островов, верхняя ветвь которой очерчивала внутренний контур исполинского кольца, а нижняя доходила почти до Южного Полюса.

На Восточном континенте, в основном, преобладали

низменности, наверное, поэтому на нем так выделялась высокая горная цепь, протянувшаяся через весь материк с запада на восток: от внутреннего моря до восточного побережья. У сто десятого градуса восточной долготы она разделялась на два хребта. Один уходил к северо-востоку, второй на юго-восток, окружая полукольцом обширную низменность и длинный вытянутый к востоку полуостров у 25-го градуса северной широты.

Очертания Западного континента напоминали искривленный наконечник копья, протянувшийся с севера на юг от 75-го градуса северной широты до 75-го градуса южной. На севере континент расширялся, его протяженность с запада на восток превышала 4500 километров, на крайнем юге сужался до узкой полоски, повторяющей изгибы исполинского горного хребта, растянувшегося вдоль западного побережья всего континента.

Несколько минут Эамлин и Реэрн молча рассматривали карту. Затем генерал ввел еще одну команду, после которой карту покрыли тоненькие красные линии, густой сетью опутавшие Восточный континент, и редкие, прямые или повторяющие изгибы рек на Западном.

— Смотрите, это границы местных государств. Странно, но они очень разные. Вот здесь, по берегам этого круглого океана, кстати, местные так и называют его Круглым, — примитивные общества, техническая отсталость, кое-где нет даже огнестрельного оружия. Нет разве что только дикарей с каменными топорами. А рядом – север Западного континента, район внутреннего моря на Восточном – вполне развитая даже по нашим меркам техническая цивилизация. Между прочим, филиты называют внутреннее море Срединным, полуостров к северу от него – Приморьем, а этот большой кусок континента к югу – Заморьем. Самая большая страна, вот, видите, заходит немножко на Приморье, а так весь северо-восток, до этих гор, по местному, — Великая Южная Стена – так вот, она называется Чинерта. А та, что занимает весь север Западного континента от 35-го градуса северной широты, — Гордана. Запоминайте, Реэрн. Есть у меня предчувствие, что нам всем придется научиться в этом разбираться – в конце концов, кораблей во флоте много, а спец-радиоаппаратуру поставили только нам.

— О-о-о, — поднял брови Реэрн. — Кажется, мы сыграем большую роль в этой операции.

— Да, но еще большую должен сыграть кое-кто другой. Вы знаете такого суперофицера первого ранга Пээла?

— Припоминаю. Он не из наших, кажется, с эскадры "Тэкэрэо"? Так?

— Верно. Из молодых, недавно назначен командиром корабля первого класса "Победоносный", потом весьма отличился на последних маневрах. Не наш, правда. И вообще ничей. Так амбиции есть, способности тоже, но поддержки почти никакой, родственников наверху нет, отец – провинциальный офицер, причем, кажется, даже старший, а не супер. Ни к какой группировке он тоже не принадлежит, в общем, ничего такого. Правда, под его началом служит один весьма интересный молодой офицер, но вряд ли это сыграло решающую роль. Насколько я знаю, Пээл – протеже самого Оонка.

— А с каких это пор Служба Безопасности…

— Ну, не забывайте, Реэрн, Оонк уже номинально не глава Службы, а Председатель Совета Пятнадцати. И будучи, между нами говоря, тоже вовсе не из "трехбуквенных", имеет право питать слабость к подобным выскочкам (Перед фамилией граждан Империи ставится специальная приставка – "титул", символизирующая положение человека в обществе. Когда-то знак наследственной касты, теперь она может неоднократно меняться в зависимости от прохождения карьеры, причем, как в ту, так и в другую сторону, хотя в Империи и сохранилась сложная система наследования титулов. Шесть наивысших титулов (из 24) состоят из трех и более букв, остальные – двухбуквенные, так что аристократ-генерал намекает на низкое происхождение Оонка, ныне занимающего наивысший пост в Империи). Впрочем, Гдоод не возражал. Воображаю, какие плелись вокруг всего этого интриги, а он не любит одновременно отказывать слишком многим – место-то одно. Хотя, я думаю, решение Оонка устроило всех – уж слишком беспокойная работенка предстоит Пээлу. И выделиться можно, как никогда, и залететь на всю катушку.

— А что надо будет ему сделать?

— Дело в том, что мы на удивление мало знаем об этих филитах, а особенно о том, на что они способны в драке. Предполагается, конечно, что мы с нашей техникой, пусть и устаревшей, должны справиться с ними без каких-либо проблем. Но кто-то наверху, может быть, сам Гдоод, решил перестраховаться. А может, были у него и какие иные резоны… Так или иначе, корабль Пээла первым сядет на планету. Где-то здесь. Видите, на Восточном континенте южнее Срединного моря почти до 15 градуса северной широты простирается ничейная земля. Это так называемая Великая пустыня. По тому, как быстро их обнаружат, как и по каким каналам разойдется информация, мы узнаем возможности их систем связи и коммуникаций. На следующей стадии Пээл нанесет по филитам удар имеющейся у него на корабле техникой. Так мы выясним, чего она стоит в

настоящем бою, а заодно, что филиты могут ей противопоставить. А затем вступим в игру и мы, то есть, все соединение.

— Немного странно, — приподнял плечо Реэрн. — Если мы так боимся неприятных сюрпризов со стороны филитов, зачем мы тогда предупреждаем их и лишаемся преимущества внезапности?

— Нас слишком мало против целой планеты. Подставляя им корабль Пээла, мы заставим их выступить против него. Нужно, чтобы они отмобилизовали и сосредоточили свои армии, чтобы разгромить их в открытом бою, а не выколупывать по одному из щелей. Пока Пээл будет воевать, мы с орбиты будем наблюдать за их действиями, выявлять места сосредоточения их войск, штабов, транспортных узлов, предприятий военной промышленности, чтобы потом разгромить все одним ударом. Вот так вот. Солидно.

— Солидно, — согласился Реэрн. — Но все-таки, зря мы туда суемся. В крови будем по уши. Чем лезть в чужой, лучше бы привели в порядок собственный дом.

— Да, крови будет изрядно, — вздохнул генерал. — Но, в конце концов, кровь-то будет не наша. Да и не наше дело обсуждать приказы. Мы военные, нам приказывают – мы повинуемся. Но вы правы, Реэрн. Наш дом давно нуждается в хорошей уборке.

Генерал оглянулся по сторонам, словно проверяя, не достигли ли его слова не предназначавшихся для этого ушей. Но пение прибора искусственной гравитации надежно заглушало их разговор, и генерал снова повернулся к Реэрну.

— Да, через э-э-э… двадцать четыре минуты будет объявлена полетная готовность, а заодно и боевая готовность номер один. Так что, советую вам занести ваши инструменты и подготовиться. Чтобы все вышло без накладок, ясно?

Кивнув в знак согласия, Реэрн собрал свои инструменты и приборы и быстрым шагом вышел из рубки. Ему, действительно, надо было сделать многое, а главное, успеть до готовности заскочить в отсек к радисту.

Глава 2. Всемилостивейше повелеть соизволил

Последние события вызвали на корабле первого класса "Победоносный" немало споров. Недавно отпахав на утомительных больших маневрах с использованием наземной боевой техники (почему-то только устаревшей), и проведя на одной из баз необходимые регламентные работы, команда уже предвкушала спокойные месяцы патрулирования и неспешного, щадящего режима подготовки к очередной ежегодной проверке, как вдруг последовал непонятный и неприятный приказ отменить все отпуска и в пожарном порядке в составе эскадры вылетать куда-то к какой-то безымянной звезде, а потом, уже вместе со всем флотом, переться еще дальше, почти к самой границе – воображаемой сфере радиусом в 30 стандартных световых лет, очерчивающей рубежи Звездной Империи. Все это к тому же происходило в обстановке самой отвратительной секретности: о цели полета не знал даже командир корабля суперофицер первого ранга Коо не-Пээл (Коо – детское имя, Пээл – взрослое, "не" – приставка-титул девятого ранга).

Все это разительно отличало ситуацию от обстановки обычных больших маневров, проводящихся в одной из полигонных систем раз в два года с методичностью и неотвратимостью, свойственной разве что зиме или лету. Против версии маневров свидетельствовало и отсутствие на корабле проверяющих, что весьма радовало команду, так как последние учения и регламентные работы привели к практически полному оскудению специального командирского фонда.

Вскоре после прыжка в окружающем пространстве была засечена большая группа космических кораблей, что на целых полтора часа вызвало к жизни и такую экзотичную версию, как появление где-то на рубежах Империи космической армады условного противника.

Но неизвестные корабли быстро были идентифицированы как второй флот Имперского Космофлота, что, в свою очередь, только подлило масла в огонь. Споры не утихали до самого конца торможения и подхода к некоей безымянной звезде, тем не менее, отмеченной в справочниках как перспективной на пригодные для жизни планеты.

Совершив несколько привычных маневров, два имперских флота вышли в окрестности второй планеты местной системы,

судя по предварительным наблюдениям, окруженной кислородно-азотной атмосферой и явно имеющей свою жизнь. Сразу же по прибытии в систему большую активность развели транспортные корабли. Они вывели на низкие орбиты вокруг планеты два десятка следящих спутников различных типов, соорудили ретрансляционные станции и маяки на обеих лунах, а под конец подвесили на стационарной орбите три универсальных спутника связи, предназначенных для обеспечения всепланетной передачи информации.

После этого на корабле окончательно победила версия о проведении крупных внеочередных маневров, нечто подобное организованных лет тридцать назад грандиозных военных учений по отражению нападения условного противника. Как считало общественное мнение корабля, на этот раз следовало ожидать учений по отработке захвата одной отдельно взятой планеты – что-то вроде творческой обработки считавшейся эталонной операции четырехсотлетней давности по завоеванию Кронтэи – планеты, населенной местной разумной расой, обладавшей своей цивилизацией, правда, успевшей сделать только первые шаги в техническом развитии.

А через два дня, после того, как споры окончательно утихли, и команда примирилась с неизбежным, на корабле состоялось очередное еженедельное собрание.

Собрания – важный и неотъемлемый элемент общественной жизни граждан Империи. Они проводятся регулярно во всех учреждениях, предприятиях, учебных заведениях и воинских частях, включая корабли военного космофлота. Явка на них строго обязательна, а пропуск без уважительной причины является серьезным проступком.

Что же делают на этих собраниях миллионы и сотни миллионов имперских граждан? В основном, только теряют зря массу времени. Они прослушивают, точнее, обязаны прослушивать длинные, скучные, пафосные, наполненные трескучими фразами доклады о бесконечной мудрости Императора, великом счастье быть гражданином Империи, преданности державе и многих других столь же полезных и интересных вещах. Кроме того, на собраниях читают, а затем публично обсуждают и восхваляют Императорские речи и указы, дружно клянутся заученными, не меняющимися десятилетиями фразами в своей бесконечной верности Императору, начинают, развивают и подводят итоги многочисленных шумных кампаний, принимают на себя торжественные обязательства по совершению чего-то сверхпланового "в подарок Императору", вскрывают и

критикуют недостатки, обсуждают моральные и политические качества сослуживцев, избранных для так называемого "часа полной открытости", накладывают взыскания и выносят поощрения и многое, многое другое.

Но, кроме всего прочего, на собраниях еще и объявляют самые свежие новости. Возможно, эта надежда немного оживляла членов экипажа, привычно пришедших в зал собраний корабля.

Прибыли, как всегда, все кроме вахтенных, для которых собрание, также как всегда, транслировалось по корабельной сети. Места занимались согласно давно установленному порядку. Первые ряды занял командный состав корабля – командиры боевых частей, старшие инженеры и механики, за их спинами устроились младшие офицеры, потом унтер-офицеры, и наконец, уже в последних рядах уселись рядовые операторы и техники.

За длинным столом, стоящим на возвышении в передней части зала, привычно заняли свои места по левую и правую сторону от командира начальник штаба, заместители по технике и вооружению, старший офицер корабля, представители Службы Безопасности и Специального отдела космофлота (старательно избегающие друг друга), и как всегда, сбоку, поближе к трибуне, помощник командира по воспитательной работе, постоянный ведущий собрания.

Помощник командира по воспитанию – весьма важная фигура на корабле. Полностью его титул, как и везде в Империи, называется *"тэмолоноэнкхомирнион"* — "вещающий устами Императора", который, впрочем, вполне официально употребляется в сокращенном виде — *"тэон"*, а солдаты и младшие офицеры прибавляют к этому сокращению еще одну букву, превращая "тэон" в широко известную ироническую кличку *"тэонх"*, то есть "болтун".

Обязанности тэона весьма разнообразны. Он не только проводит собрания, но и следит за моральным климатом на корабле, всячески помогает спецотделу космофлота в выявлении ненадежных и подозрительных, поддерживает боевой дух и служебное рвение экипажа, занимается наглядной агитацией и оформлением так называемого "отсека Императорского воплощения", организует досуг команды, отвечает за должное реагирование на очередную кампанию и так далее.

Корабельные тэоны являются только нижним звеном внушительной пирамиды, на вершине которой находятся отдел политического воспитания личного состава космофлота в военном министерстве в столице, а также еще одно столичное

учреждение с зубодробительным названием "Главное управление по воспитанию в гражданах Империи высочайшей преданности Государю Императору", более известное как "Главное управление по воспитанию" или просто "Большой сарай" (из-за особенностей архитектуры здания). Выше Большого Сарая – только всемогущая канцелярия Совета Пятнадцати, а дальше уже и идти некуда.

Но на этот раз тэон остался на месте. К трибуне подошел сам командир суперофицер первого ранга Пээл.

Командир был строен, худощав, быстр в движениях и поступках. Он был отличным космолетчиком и способным администратором, заботился о подчиненных, умел ладить с начальством, но, к сожалению, не принадлежал ни к одному из могущественных кланов, из отпрысков которых набирались руководящие кадры военного космофлота. Недавно став командиром корабля первого класса и суперофицером первого ранга, Пээл, кажется, еще не осознал до конца, что здесь, в свои сорок с небольшим стандартных лет, он достиг потолка своей карьеры. Грядущие годы и десятилетия службы решительно не обещали ему, аутсайдеру и простолюдину, никаких продвижений вверх, но тем не менее, он по-прежнему продолжал тянуться изо всех сил, удерживая свой корабль среди лучших во всем четвертом флоте.

Командир не спеша подошел к трибуне, снял, как этого требовал порядок, свое форменное кепи, пригладил непослушную прядь волос, и медленно развернул большой свиток специальной плотной бумаги, перекрещенный широкими голубыми линиями, — знак официального документа высшей степени важности.

— Граждане Великой Империи, — начал командир официальную формулу приветствия. — Солдаты и офицеры Его Императорского Величества, да пребудет он вечно, Военного Космофлота! У меня есть для вас важное сообщение, касающееся предстоящей нам задачи. Итак, слушайте Указ Его Императорского Величества, Повелителя Звезд, Тоэмо Кэлроэроэ!

Он коротко прокашлялся и, как этого требовал порядок, начал чтение указа с предваряющих его титулов императора: "Он, Величайший, Достигший Звезд, Подобный Солнцу, Любимец Неба, Владыка Мира, Сердце Державы…"

Командир старался читать титулы таким же возвышенно-торжественным тоном, как это великолепно выходило у тэона, но получалось у него неважно. Титулов было сто сорок четыре, написаны они были в архаичном стиле со множеством окончаний, и Пээл, не замечая, как комично это выглядит со стороны, то

автоматически убыстрял чтение, то, спохватившись, восстанавливал прежнюю торжественность, то снова сбивался на заунывную скороговорку. Добравшись, наконец, до спасительного "и прочая, и прочая, и прочая", и одолев одним духом официальную формулу "всемилостивейше и в бесконечной мудрости своей повелеть соизволил", командир с облегчением перевел дух и начал чтение уже собственно указа почти нормальным голосом: "Прослышал я, что в пределах державы моей есть планета, Филлиной называемая, кою населяет несчастный народ, не ведающий в убожестве своем света Звезд и счастия под моею рукой обретаться. По сему, повелеваю я своему верному Военному Космофлоту и своей Службе Безопасности вразумить сей народ и направить его под скипетр державы моей к великому счастию и процветанию. Писано в Столице державы моей двадцать второго числа третьего месяца 3807 года. И да будет так!"

Сделав небольшую паузу и дав возможность команде перевести для себя текст указа на нормальный человеческий язык, командир продолжил, стараясь говорить как можно более напыщенно (только в таком стиле разрешалось комментировать высочайшие указы):

— Этим Указом Его Императорское Величество объявил о начале новой боевой операции Военного Космофлота, которая покроет его немеркнущей славой! На нас возложена великая честь добавить к Императорской короне еще один драгоценный камень – целую планету, причем, планету уже освоенную и обитаемую. Эта операция будет нелегка: противник находится на уровне высокоразвитой технической цивилизации, близкой к овладению атомной энергией и выходу в космос. Но тем большей будет наша слава! Нашему славному кораблю по приказу Совета Пятнадцати и командования Космофлота оказана высокая честь начать завоевание планеты! Мы первыми опустимся на планету и в качестве разведывательного передового отряда испытаем совершенство системы коммуникаций планеты и силу их ничтожного сопротивления нашей мощи. Противник будет разбит и уничтожен, но всем нам для этого надо проявить наш боевой дух завоевателей и первопроходцев и нашу высочайшую преданность Его Императорскому Величеству! Через один стандартный час на корабле объявляется боевая готовность номер один в режиме десантирования. Собрание объявляю закрытым. Экипажу приступить к выполнению своих обязанностей по штатному расписанию. Штурманам – прибыть ко мне для инструктажа.

Все в зале оживленно задвигались и зашумели. Слишком уж

ошеломляющим было сообщение. В дверях зала образовалась пробка. Командир быстро покинул отсек через отдельный выход, а вот обоим штурманам пришлось потратить немало времени, чтобы добраться до командирского кабинета, расположенного тремя палубами выше, возле Главной рубки.

— Нет, ну опять эта растреклятая мания все засекречивать, — возмущенно говорил второй штурман Боорк, высокий молодой офицер со светло-коричневыми, слегка волнистыми волосами. — Можно подумать, что знай мы об этом сразу, кто-то обязательно проболтался бы условному противнику! Куда ни плюнь, сплошные секреты!

Старший штурман Маард в ответ только пожал плечами. Он был уже немолод, невысок, лысоват, на рукаве его мундира поблескивали три голубые нашивки старшего офицера первого ранга.

Боорк тем временем никак не мог успокоиться.

— Инструкции – совсекретные, уставы – совсекретные, численность экипажа – военная тайна, системы – под кодовыми кличками, разговаривать о служебных вопросах с гражданскими – запрещено. От кого секретиться, черт побери?!

— Да ладно, — проворчал наконец Маард. — Раз заведено, так, значит, заведено. Чего зря трепаться? Не ровен час, до тэона дойдет. Привыкнешь еще. Послужишь еще, привыкнешь.

Боорк тихо вздохнул. За полгода военной службы он так и не смог привыкнуть к местным порядкам и сильно сомневался, что это когда-нибудь ему вообще удастся. Но жаловаться было не на что. Попав несколько лет назад в "черный список" и лишившись места в гражданском космофлоте, он не оставил себе другой возможности вернуться в космос, кроме этой.

Боорк был добровольцем – гражданским специалистом, получившим временное воинское звание на период службы в вооруженных силах по трехлетнему контракту. Об этом говорил и зеленый цвет его нашивок, только обрамленных голубым космофлотовским кантом. Нашивок у него было тоже три, но не прямоугольников, как у Маарда, а треугольников, что соответствовало званию младшего офицера первого ранга. Боорк в свое время сам удивился, получив по итогам аттестации этот не самый низкий чин, но как оказалось, вынужденные "каникулы" не сказались на его профессиональной квалификации.

Командир Пээл уже ждал штурманов в своем кабинете – смежном с его жилой каютой компактном отсеке, где стояли небольшой стол с персональным компьютером, принтер, сканер для документов, стеллаж с дисками и селектор внутрикорабельной связи.

— Итак, — деловито начал командир вместо приветствия, — посадка должна состояться в ближайшие стандартные сутки, но штаб нас не торопит, так что вам самим решать, на каком витке садиться. Лучше с этим не спешить – надо закончить проверку и окончательную наладку всех наземных систем.

— Район посадки? — осведомился Маард. Он любил конкретные указания.

Пээл молча развернул монитор, где уже была та самая карта, которую двадцать стандартных суток назад показывал Реэрну командир "Всемогущего".

— Эта карта вместе со всей прочей информацией о планете уже находится в корабельной сети, — продолжил командир. — Подробнее вы сможете ознакомиться с ней по вашему паролю, пока только взгляните. Посадку необходимо произвести в этом районе, вот, отмечен треугольником. Особая точность здесь не требуется, все это – так называемая Великая пустыня, местность почти необитаемая. Каких-либо препятствий при посадке быть не должно, о нас пока никто не знает и нашего появления никто не ждет. Для информации, к югу, вот здесь и здесь – районы с относительно низким уровнем развития, а северней – на берегах внутреннего моря – наш главный потенциальный противник. Местное название этого полуострова – Приморье, отдельные территории также имеют свои названия, например, Валез, Вилканд, Барганд, Солер, прошу все их выучить и запомнить. Как видите, место посадки с одной стороны, относительно недалеко от центров цивилизации, но с другой, должно быть вне их следящих станций.

— А они у них есть? — поинтересовался старший штурман.

— Вряд ли. Но точно придется выяснить именно нам.

— Садиться по маяку? — снова задал вопрос Маард.

— Нет. Свободная посадка. Важно только, чтобы вы не слишком отклонились к югу или к северу.

Маард недовольно почесал нос. Посадка на неизвестную планету, да еще без наводящих маяков ему явно не нравилась.

— На что хоть садиться? — наконец проворчал он. — Пустыня – это что, песок?

— По моим данным, именно в нужном вам районе песков практически нет. Вот, смотрите, — командир протянул Маарду и Боорку пачку фотографий, сделанных со спутника. — Судя по всему, здесь грунт твердый, каменистый, не хуже, чем на космодроме.

— Все равно не дело, — упрямо клонил голову Маард, показывая на увеличенный снимок, на котором были ясно видны широкие трещины, ямы и острые скалы, делающие равнину

похожей на заброшенный танковый полигон. — На эти буераки не сядешь.

— Ну, сядете тогда в режиме зависания, — недовольно пожал плечами командир. — Энергии на это хватит. В конце концов, здесь вам никто не помешает использовать локатор-пробник. Вы им пользоваться, надеюсь, не разучились? А вы как считаете, Боорк? Боорк, вы что там, задумались, что ли?

— Да-да, — рассеянно подтвердил Боорк, не слыша вопроса.

На фотографиях были не только ржавого цвета ломаные скалы или бурая голая поверхность пустыни. В пачке оказались и морские побережья с белой полоской прибоя, и города с чужой, чем-то похожей, а чем-то и странно чуждой архитектурой, и волнистый зеленый ковер лесов, и аккуратные прямоугольники полей вокруг красных крыш деревушек, и четкие очертания каких-то заводов и лент автострад. У Боорка захватило дух. Серые будни дней неожиданно обретали новые краски и формы. Целая планета! Целый неизвестный и совершенно новый мир, как в детских мечтах! Настоящий мир, куда он, Боорк, скоро придет как первопроходец, исследователь, завоеватель…

Завоеватель… Его вдруг охватило странное чувство причастности к чужой жизни. И одновременно щемящее чувство сожаления и утраты. Все вокруг стало каким-то неправильным, непонятным, болезненно искаженным, ненастоящим, жестокой и бессмысленной игрой. Наверно поэтому Боорк сказал намного больше, чем было бы безопасно.

— Господин суперофицер первого ранга, — начал Боорк. — Я прошу прощения, если говорю что-то не так, но… я не могу уяснить себе смысл наших действий в отношении этой планеты.

— Что? — поднял брови командир. — Что вы хотите этим сказать?

— Почему вы называете жителей этой планеты потенциальным противником? И почему речь постоянно идет о боевых действиях? Разве есть какая-то необходимость, какая-то целесообразность, чтобы просто взять и напасть на них? Ведь никто из них не сделал и не сделает ничего плохого никому из нас. Они ничем не угрожают нам. Они ничего даже не знают о нас, они ведь так далеко, так зачем обязательно начинать войну с ними? Тем более, если они так высоко развиты. А вдруг, если мы действительно когда-нибудь встретимся с настоящим противником? Нам же тогда куда больше понадобятся настоящие союзники, чем рабы, мечтающие о мести. И… во имя чего же мы тогда здесь? И зачем все это?

— Не понимаю вас. — Чувствовалось, что командир никогда не задавался подобными вопросами. — Но это же вытекает из

самого Звездного Манифеста! Как там, мы избраны, дабы нести свет звезд и благоденствие народам, населяющим галактику, открыть просторы космоса прозябающим внизу…

— Но почему мы должны обязательно делать это насильно? Во что мы превратили Кронтэю? И почему нести свет звезд жителям этой планеты нужно двум военным флотам? Что они могут принести, кроме смерти и разрушения? Как же это назвать, как не преступлением?

Последние слова Боорка звонко прокатились по отсеку. Несколько секунд стояла тишина, затем снова заговорил командир. Он был явно больше удивлен, чем рассержен.

— Немедленно замолчите, младший-один! Вы, кто вы такой, чтобы позволять себе оспаривать императорские указы?! Здесь Военный Космофлот, нам приказали, мы выполняем, и точка! И всем здесь плевать на то, что вы думаете, так что заткнитесь и выполняйте, тьма вас забери! И думайте, Боорк, в каком положении вы находитесь. Вы что, считаете, если вас взял к себе Военный Космофлот, все ваши прежние грехи забыты и прощены?! Да вы тут ходите по краю пропасти – один неверный шаг, и вас ждет даже не увольнение! И не трибунал! Не забывайте об этом, вы, обличитель хренов!

Командир остановился, чтобы набрать воздуха, и продолжил уже совершенно бесстрастным голосом:

— До этого инцидента вы, Боорк, проявили себя только с лучшей стороны как квалифицированный штурман и образцовый офицер. Поэтому печальных для вас последствий пока не будет. Но помните, Боорк, молчите. Я выношу вам первое и последнее предупреждение. Можете идти.

Опустив голову, Боорк вышел из рубки. Чувство вины и бессилия жгло его как огнем. Он ничего не мог сделать. Абсолютно ничего. Он не мог даже не участвовать.

Боорку оставалось только по-прежнему выполнять свои обязанности. Он выполнял их механически, по инерции, стараясь ни о чем не думать. За работой это иногда удавалось.

Через восемнадцать стандартных часов корабль первого класса "Победоносный" совершил посадку на Филлине, в Великой пустыне, в 850 километрах к югу от Срединного моря и в 1300 километрах к востоку от западного побережья континента. Было около трех часов утра по местному времени.

Глава 3. Достаточно сумасшедший

Вентилятор, как всегда, не работал, и в роскошном двухкомнатном номере "люкс", выполнявшем роль корпункта, было невыносимо жарко. Лето еще только перевалило за середину, и здесь, у южной кромки Великой пустыни, температура днем стабильно превышала +40.

Майдер Билон, собственный корреспондент "Курьера", одной из крупнейших горданских газет, в Дурдукеу, столице королевства Зерманд, лежал на кровати в одних шортах и, наверное, в тысячный раз проклинал судьбу, забросившую его в эту жаркую и пыльную дыру на краю пустыни.

— П-падаль! — с чувством произнес Майдер Билон, глядя на роскошный портрет зермандского монарха, висящий на противоположной стене. — Ну сколько я еще буду здесь торчать? Сколько можно?!

Король на портрете, естественно, молчал. Впрочем, вид у него, как частенько казалось Билону, и в самом деле был немного виноватым – ведь именно он дал толчок событиям, в конце концов приведшим горданского журналиста в Дурдукеу.

Все началось чуть меньше четырех лет назад, когда нынешний король после смерти своего почтенного родителя занял древний трехэтажный особняк правителя области. Новый властитель, в отличие от своих предков, в свое время получил кое-какое образование в Приморье и немного повидал свет. Наверное, поэтому первым делом он провозгласил себя полноправным монархом, а свое наследственное владение – суверенным государством, полностью независимым и от Барганда, еще недавно могущественной империи в Приморье, владевшей многочисленными заморскими колониями, и от Кушуда, расположенного к юго-востоку средних размеров государства, чьими вассалами всегда считались правители Дурдукеу.

Это сообщение прошло почти незамеченным. Барганд уже успел потерять все свои колонии в Заморье и на запоздалое провозглашение независимости еще одной из них просто не отреагировал, а Кушуду хватало своих собственных проблем, чтобы выяснять отношения с северным соседом, по крайней мере, не доставляющим никаких неприятностей. Провозглашение Зермандом независимости, наверное, вообще не привлекло бы ничьего внимания, если бы не одно обстоятельство: очерчивая

границы своего суверенного государства, новый монарх, не мудрствуя лукаво, одним росчерком пера присоединил к нему большущий кусок Великой пустыни, земли ненаселенной, ничейной и пока никому не нужной. Но возможно, именно это побудило крупнейшую горданскую горнодобывающую корпорацию "Ренгер" нажать на правительство и добиться от него официального признания Горданой независимого Зерманда и установления с ним дипломатических отношений. После этого "Ренгер" без особых сложностей заключил с Зермандом очень выгодный договор, устанавливающий монопольное право горданской корпорации на разведку и разработку всех видов полезных ископаемых на неосвоенных территориях.

Еще через два с половиной года, в день и час, с точностью вычисленный королевскими астрологами, состоялась пышная церемония коронации, окончательно закрепляющая права правителя Зерманда на королевский титул. Этому важнейшему в зермандской истории событию предшествовала солидная подготовка. В центре города, перед резиденцией правителя, переименованной в королевский дворец, с помощью специалистов из "Ренгера" в кратчайшие сроки был сооружен сорокаметровой высоты монумент в честь независимости. В такие же сжатые сроки были построены современный аэропорт и десятиэтажный отель международного класса, был приведен в надлежащий вид сам дворец, и, наконец, за границей была заказана новая форма для королевских гвардейцев.

Естественно, такое событие должно было быть должным образом освещено. Поэтому приглашения на коронацию были разосланы в редакции пятидесяти крупнейших газет мира. Правда, здесь надежды зермандцев так и не оправдались. Зарубежные средства массовой информации практически единодушно проигнорировали приглашения, и лишь "Курьер" после недолгих размышлений отправил в Зерманд своего молодого, но подающего надежды репортера Майдера Билона.

Дурдукеу вначале показался просто очаровательным. Билон прибыл в город ранней весной, когда летняя удушливая жара еще не наступила, погода была приятной, а вся столица радостно бурлила в ожидании праздничной церемонии.

Билону нравилось здесь все. И старинные трех-четырехэтажные дома с резными тяжелыми дверьми и узкими окнами с декоративными решетками. И кривые улочки с многочисленными лавками, жаровнями, ремесленными мастерскими, где лучшие образцы выставлялись прямо на пороге. И сами зермандцы – высокие смуглолицые люди в разноцветных одеждах с обязательным коротким мечом на поясе. И необычайно

красивые зермандские девушки, с гордо поднятыми головами идущие через вежливо расступающуюся перед ними толпу. И шумные базары, и старые мосты через Шекшуу – широкую реку, катящую свои воды со склонов Экваториальных гор, и возле Дурдукеу поворачивающую к юго-западу, чтобы каскадом величественных водопадов спуститься с плато на влажную и плодородную равнину у берега океана. Понравилось Билону и довольно гармоничное сочетание древнего и современного – аэропорт посреди саванны и конная стража с пиками и арбалетами у королевского самолета – пассажирского лайнера современной модели, разрисованного оскаленными мордами драконов и песчаных волков; традиционные очертания королевского дворца и рядом модернистское здание отеля и четкие обводы монумента независимости; обшарпанные парусные суденышки на реке и белоснежный королевский катер у специальной пристани.

Если город очаровал Билона, то коронация просто ошеломила. Ревели медные, трехметровой длины трубы, опирающиеся на специальные подставки, гремели нестерпимо сверкавшие литавры, мерно гудели громадные, почти в рост человека, барабаны. Клонящееся к закату солнце отражалось на лезвиях алебард королевских гвардейцев в красных с золотом мундирах. Стоя на отделанной серебром трибуне для почетных гостей, Билон не отрываясь смотрел, как идеально ровными рядами проходят перед королем, выкрикивая хором приветствия, знатнейшие роды Зерманда, каждый род в одинаковых роскошных праздничных одеждах фамильных цветов; как одна за другой идут гильдии ремесленников, а старейшины гильдий преподносят в дар королю образцы своего мастерства и, получив в ответ массивную медаль на серебряной цепи, пятясь, возвращаются на свои места; как, по обычаю сложив свои мечи на землю перед помостом, где сидит король, главы всех родов подходят к монарху принести торжественную присягу на верность; как мимо трибун проходит зермандская армия, и сияют на всю площадь доспехи королевских арбалетчиков.

После, когда солнце зашло и наступила ночь, начался пир. В покоях дворца и в его внутреннем дворике, освещенном факелами и красными отблесками огромных печей, праздновало свыше двух с половиной тысяч человек.

Дворец был просто великолепен. Он был неописуемо роскошен – со своими золотыми украшениями, старинными вазами и статуями, стенными панно из цветного камня и паркетом из драгоценных пород дерева. Здесь тоже причудливо сочетались старое и новое. Электрические лампы, заливавшие

дворец своим светом, были спрятаны внутри старинных светильников, на столах рядом с потемневшей от времени серебряной посудой и сделанными из рогов кубками стояли изящные хрустальные бокалы, только что изготовленные на горданских фабриках; ручной работы ковры неплохо уживались с новыми шелковыми драпировками, а почтенного возраста шкафчики и лавки – с роскошной мягкой мебелью. Такое же сочетание было и в тронном зале, где над игравшим роль трона резным креслом с полустертой бархатной подушечкой сверкал электрическими огнями сделанный из разноцветного стекла герб Зерманда – воин с поднятым мечом на лазоревом поле.

Пир продолжался всю ночь. А рано утром Его Величество в сопровождении почетного эскорта красивейших девушек из знатных семей, одетых в белоснежные одежды, а также всех пировавших ночью двух с половиной тысяч человек и вдесятеро большего количества прочих зрителей пешком отправился к реке. Там первосвященник Зерманда, в черно-золотом, расшитом изображениями солнца одеянии, окропил коленопреклонного правителя речной водой из священного сосуда и прямо на берегу, стоя лицом к восходящему солнцу, окончательно провозгласил его полноправным монархом. Последовавшие за этим праздничные танцы и еще одно почетное шествие обратно во дворец стали завершением коронации.

Оставила приятное впечатление у Билона и аудиенция у Его Величества, на первый взгляд, типичного местного властителя, грозно восседающего в старинных одеждах на старинном троне, но, тем не менее, неплохо знающего два иностранных языка, разбирающегося в сложных и запутанных проблемах мировой политики, и придирчиво следящего за тем, чтобы все его ответы были наилучшим образом записаны на новенький магнитофон Билона. В конце этой аудиенции, вдоволь наговорившись, высказав свою осведомленность в различных вопросах и придя в хорошее настроение, король предложил "Курьеру" организовать свой корпункт в Дурдукеу и даже пообещал взять на себя все расходы по его оборудованию и работе на ближайшие десять лет.

Пребывая еще в состоянии легкой эйфории, Билон передал королевское пожелание вместе с прочей информацией и был слегка удивлен, получив ответное сообщение о согласии газеты и своем назначении на должность собственного корреспондента "Курьера" в Зерманде.

Будущее тогда рисовалось Билону в весьма розовых тонах. Жизнь в далекой экзотической стране, обширные знакомства в высшем свете Зерманда, красочные репортажи, приятные вечера с зермандскими красавицами, чудесная коллекция произведений

искусства и мастерства ремесленников, затем триумфальное возвращение домой или переезд в какую-нибудь более развитую страну… Такими представлялись ближайшие месяцы Билону, даже не предполагавшему, чем ему придется заниматься в Зерманде в течение следующего года.

Да, в действительности все было совсем не так, как в начале представлялось Билону. Весна кончилась, и Дурдукеу на несколько месяцев превратился в раскаленный ад, где жизнь днем полностью замирала и оживлялась лишь к вечеру. Электричество в роскошный отель, куда поселили Билона, подавалось только несколько часов в день. На большее не хватало мощности единственной в стране электростанции, построенной еще баргандцами и работающей на угле, добываемом открытым способом в нескольких километрах от города. При сильном ветре со стороны угольного карьера столицу накрывало отвратительное облако угольной пыли.

Кроме электростанции и небольшого сарая, в котором допотопная паровая машина приводила в действие несколько стареньких станков, в стране не было ни одного современного промышленного предприятия. Железных дорог не существовало вообще, а сеть шоссейных дорог ограничивалась шестиполосной автострадой длиной семнадцать километров, связывавшей аэропорт, куда раз в неделю прилетал небольшой самолетик из Кушуда, с загородной королевской резиденцией.

В Дурдукеу был свой водовод, берущий воду из артезианских колодцев, и своя примитивная, но надежная система канализации, и горданские строители, возводившие отель, проявили чудеса технической смекалки, чтобы подключиться и к тому, и к другому. Но насосы даже при наличии тока в сети не доставали выше третьего этажа, так что Билону в самом начале пришлось приложить все свое искусство в ведении переговоров, чтобы переехать с десятого, самого верхнего этажа, на который его по местной традиции вначале поселили, хотя бы на второй. Все равно, ходить принимать душ ему приходилось в старинный особнячок с полным набором местных гигиенических принадлежностей, где разместили горданское посольство.

Не особенно баловало своим вниманием Билона и местное высшее общество. Король, растративший на церемонию коронации сумму, в несколько раз превышающую годовой бюджет страны, и вынашивающий несколько не менее грандиозных замыслов, столкнулся с мощной аристократической оппозицией, придерживающейся традиций и не одобряющей появление иностранцев откуда-то из-за океана на священной земле древнего Зерманда. Знать была сильна, и король покорился: перестал

ежедневно пользоваться своими автомобилями, поставил на прикол катер, повелел законсервировать в ангаре королевский самолет, на котором, впрочем все равно некуда было летать, со вздохом приказал убрать из покоев магнитофон с любимыми записями, аннулировал несколько крупных контрактов и сократил до минимума, как и приличествовало монарху, контакты с иностранцами. В итоге за без малого полтора года, проведенные в Зерманде, Билону так больше и не удалось получить ни одной королевской аудиенции.

На родовые празднества чужих обычно не приглашали, а пиры у менее изоляционистски настроенных вельмож, на которых удалось побывать Билону, особого впечатления не произвели. Его раздражали и необходимость выпивать огромное количество тепловатого местного пойла, заедая его не меньшим количеством странных на вкус яств, и однообразная и слишком громкая музыка, и светские беседы с хозяевами, в трезвом состоянии знающими около сотни баргандских слов, а в подпитии произносящими получасовые речи на чистом родном языке.

Материалы Билона, регулярно отсылаемые в Гордану, ужимались до небольших статеек, в лучшем случае, с парой фотографий, появляющихся раз в месяц на одной из внутренних полос, а в довершении всего все надежды Билона, связанные с местными девушками, оказались абсолютно бесперспективными. Зермандские девушки, как выяснилось, все поголовно были воспитаны в строго традиционалистском духе, и ни одна из них за все полтора года так и не решилась заговорить с Билоном. Попытка же затеять флирт с незнакомой девушкой, когда она сама того не желает, считалась верхом неприличия и могла дорого обойтись невеже.

Жизнь была тяжела и беспросветна. Билон в последнее время потерял вкус даже к пополнению своей коллекции – его номер и так уже был заставлен всевозможными бронзовыми чашами, светильниками, кинжалами, статуэтками хранителей очага и прочими мелочами. Даже несмотря на очень благоприятное соотношение горданской валюты и местной денежной единицы, всего, что нравилось Билону, купить было просто невозможно. К тому же тогда проблема перевозки всех этих экспонатов, и без того уже непростая, осложнилась бы неимоверно.

Но жить как-то все-таки было надо. И Билон за эти полтора года успел немного овладеть весьма сложным зермандским языком, близко познакомился с немногочисленной группой местной интеллигенции, сделал этой весной несколько вылазок в пустыню на своем потрепанном вездеходике, часто общаясь со специалистами "Ренгера", получил кое-какие познания в геологии

и минералогии, а также исписал пять толстых блокнотов, намереваясь по возвращении домой издать книгу о своем пребывании в Зерманде. Впрочем, в возвращение Майдер Билон уже почти не верил.

В дверь постучали.

— Кто? — мрачно спросил Билон, приподнимаясь на локте.

— Да все те же, — послышался веселый голос из-за двери. — Открывай, дело есть.

Билон медленно сполз с кровати, прошлепал босыми ногами по горячему полу и, щелкнув замком, пропустил в номер своего единственного постоянного соседа по отелю (в котором и в лучшие времена редко жило больше пяти человек одновременно) — представителя корпорации "Ренгер" в Дурдукеу, весельчака, оптимиста и выпивоху Вилама Сентера.

— Салют, Майди, — прямо с порога загромыхал своим басом Сентер. — Ты меня должен выручить.

— Да? — осведомился Билон. — У тебя опять кончилась выпивка? Что-то больно быстро. Угадал?

— Почти, — засмеялся Сентер. — Но ты обо мне слишком плохо думаешь. Все проще и трагичней. У меня окончательно сдох холодильник. Все теплое, сволочь!

— Ладно, — проворчал Билон. — Так и быть, грабь мой.

— Это дело, — обрадовался Сентер, раскрывая холодильник и засовывая две бутылки в карман своих шортов. — И не раскисай, дружище. Не забудь, вечером надо будет заняться спасением чужой жизни. Идешь к послу?

— Конечно, как не пойти? Он ведь без нас совсем пропадет. Сопьется.

— Еще бы. Совсем беднягу достало. Вчера говорит мне, мол, до сих пор не могу понять, кому я в МИДе дорогу перешел? Плевать я, мол, хотел, что здесь я чрезвычайный и полномочный. Только и мечтаю, говорит, пусть, секретарем, пусть атташе, лишь бы где-нибудь в цивилизованной стране.

— Вот-вот, — невесело согласился Билон. — Я его очень хорошо понимаю.

— Ничего, Майди, главное – не вешать нос. Подумай, разве жизнь не прекрасна? А то что-то ты в последнее время кислый. И меня поддерживаешь плохо.

— Да сколько можно? Я здесь сам скоро алкоголиком сделаюсь! Нет, если вернусь домой, ни к чему крепче сока и не притронусь.

— Все правильно. Но сегодня ты мне поможешь. Да, кстати, к тебе скоро гости должны пожаловать. Мне сегодня Собеско с

Эргемаром сообщили. Говорят, везут для тебя что-то интересное. Ну, бывай.

Еще раз улыбнувшись на прощание, Сентер захлопнул за собой дверь. Билон благодарно посмотрел ему вслед, чувствуя, что и его настроение немного повысилось.

Вилам Сентер был настоящей душой общества в маленькой горданской колонии в Дурдукеу. Он занимался различными вопросами снабжения геологоразведочных групп, постоянно решал какие-то сложные проблемы, регулярно общался с местными чиновниками, как правило, младшими сыновьями из знатных родов, умеющими только перекладывать ответственность с друг на друга, но, тем не менее, никогда не терял хорошего настроения. Он, да еще упомянутые Сентером Кен Собеско и Драйден Эргемар – пилоты, на своем вертолете доставляющие припасы геологам, были лучшими друзьями Билона.

Вздохнув, Билон поднял с пола недельной давности газету, пришедшую с позавчерашней почтой. Читать не хотелось. Домашние, горданские новости вызывали острую тоску по родине, а с международной информацией Билон уже ознакомился.

Международная информация тоже не радовала. Время было тревожным, и в мире чувствовалось заметное напряжение.

Прошло девятнадцать лет, как закончилась последняя большая война, и уже выросло новое поколение, готовое сложить свои головы в очередной бойне. Победители в войне – державы западного Приморья Вилканд, Валез и Гранида – никак не могли разделить зоны влияния в бывших Баргандских колониях в Заморье, соперничая как друг с другом, так и с новым претендентом на лидерство в регионе – крупнейшим государством Заморья, активной и быстро развивающейся республикой Керц-Ча, владеющей обширными землями на крайнем юге. Готовилась включиться в этот спор и Гордана, уже распространившая свое влияние на добрую половину Западного континента и в последние годы резко активизировавшая свою внешнюю политику на Восточном.

Пахло войной и на севере Заморья. Занимавшая ранее эту территорию когда-то сильная и могущественная империя Картагонар, потерпев поражение в последней войне, распалась на несколько небольших государств, крупнейшие их которых – Картай и Шуан – никак не могли определиться с границами и постоянно устраивали между собой мелкие пограничные конфликты.

И уж, конечно, неспокойно было и в Барганде, крупнейшей стране Приморья, из-за чьего наследства и грозила сейчас

начаться новая схватка. Также оказавшись девятнадцать лет назад среди побежденных, Барганд, лишившись статуса сверхдержавы и потеряв все свои колонии, так и не смог достичь политической стабильности. Правительства сменяли друг друга с калейдоскопичной быстротой, экономика никак не могла выйти из затянувшегося спада, и все громче заявляли о себе реваншистские группировки, требующие реставрации монархии и изменения сложившегося после войны соотношения сил. Хрупкую и непрочную демократию в Барганде спасала пока только разобщенность реваншистов, которые никак не могли договориться между собой и выдвинуть из своей среды настоящего вождя, способного захватить власть и сплотить нацию для новой схватки.

Баргандцам было о чем вспоминать. Их держава образовалась восемь веков назад, когда под грузом гражданских войн, восстаний рабов и дворцовых переворотов с треском рухнула древняя Тогродская Империя, и все Приморье превратилось в кромешный кровавый ад. В это время правителям Барганда – небольшого княжества, затерянного в лесах северного Приморья на окраине тогдашней цивилизации Срединного моря, удалось подчинить себе обширные территории и объединить их в единое могучее и централизованное государство.

От моря и до моря раскинулась империя Барганд. Там было все – невысокие лесистые горы, богатые полезными ископаемыми, и плодородные равнины, судоходные реки и удобные морские гавани, обильные села и богатые торговые города, смелые воины и усердные ремесленники и землепашцы. Столицей Барганда стал Тогрод – самый большой и самый старый город Приморья. И населяли его свободные люди, потому что рабство было уничтожено, законы крепки и всякий, без различия происхождения или вероисповедания, мог рассчитывать в молодом государстве на карьеру и удачу.

Несколько десятилетий вражеская нога не ступала на землю Барганда. Под скипетром императоров расцвела торговля, тронулась с места наука, начался технический прогресс. Очень быстро Барганд стал сверхдержавой. Правители других стран Приморья считались вассалами баргандских императоров, наследница древней цивилизации Срединного моря империя Картагонар сочла за лучшее установить дружественные отношения с могущественным северным соседом, разграничив с ним зоны влияния в Заморье.

После завоевания господства в Приморье экспансия продолжалась. Но путь на восток был закрыт неожиданно

возникшим в восточных степях королевством Чинерта, также объединившим под своей эгидой обширные земли, когда-то тоже принадлежавшие Тогродской империи. После нескольких десятилетий войн, проходящих с переменным успехом, Барганд отгородился от беспокойных чинетов рядом небольших буферных государств и обратил свое внимание на запад.

Западный континент был известен уже давно, но за его освоение до этого никто не принимался всерьез. Людей на Западном континенте не было, огромные пространства были свободны и ждали своих хозяев.

Всего за две сотни лет на незанятые земли за океаном переселились десятки миллионов людей со всего Восточного континента, большей частью, с самого Барганда и других стран западного Приморья, все еще твердо удерживаемых Империей в своей сфере влияния. Большинство селилось на севере – в крупнейшей имперской колонии Гордане, занимавшей все земли континента к северу от 35-го градуса северной широты. Гордана со временем приблизилась по численности населения к самой метрополии, там выросли новые города и заводы, раскинулись поля, протянулись дороги. Даже баргандский язык, смешавшись с языками других народов и немного упростив свою сложную грамматику, стал за океаном называться горданским.

Казалось, Барганду судьбой предназначено навечно стать властелином половины мира. Над владениями императора не заходило солнце, баргандский флаг – черно-оранжевый косой крест на белом поле – был известен даже в самых отдаленных уголках Восточного континента, мощь имперской экономики и военной машины казалась неодолимой.

Но империи стареют, так же как и люди. Застывшая имперская система начала тормозить научно-технический прогресс. Устарела техника на баргандских заводах и фабриках. Просвещение народов подготовило почву для демократических преобразований.

Первым звонком, предвещавшим начало конца, стало отделение Горданы, после кровопролитной, но недолгой войны завоевавшей независимость. Снова заявила о себе Чинерта, которая, проиграв борьбу за Восточное Приморье, обратила свое внимание на другие направления. Всего за полтора столетия чинеты объединили все степи вплоть до Восточного океана, ассимилировав местные племена, и утвердили свое влияние в лесах, покрывавших весь север континента.

Следующей сверхзадачей Чинерты стало покорение горных княжеств, контролировавших наиболее удобные перевалы через Великую Южную стену и плодородные долины предгорий. Они

издревле жили с пошлин, собираемых с караванов, а порой и грабили эти караваны, особенно, проходящие через земли соседей, а частенько и совершали набеги на чинетские поселения на берегах Дана, Триаса, Тиргула, Орончука, Кульника и Барабоя – шести великих рек, несущих свои воды к далекому Северному океану.

Терпеть рядом с собой грабителей и работорговцев чинеты не могли и не хотели. После тяжелой и продолжительной войны, вернее, целой серии войн, занявших почти сто лет, княжества были приведены к покорности, а некоторые – и попросту присоединены с Чинерте. Их население было частью ассимилировано, частью – бежало на юг, за Стену, а Шестиречье, объединенное Великими каналами в единую водную систему, превратилось в новый промышленный и сельскохозяйственный район, опираясь на который, чинетские власти попытались снова утвердиться в Приморье, снова вступив в соперничество с Баргандом.

Все более независимую политику стали позволять себе Гранида и Вилканд – крупнейшие страны западного Приморья. Их промышленные товары, изготовленные с помощью более совершенной техники, стали понемногу вытеснять баргандские на мировых рынках. Заговорили о независимости и другие колонии, как на Западном, так и на Восточном континентах.

Одно время казалось, что Барганд сможет восстановить свое пошатнувшееся могущество, подчинив своему влиянию Чинерту. Восточное королевство переживало острейший кризис. На селе там полным ходом шел процесс концентрации собственности, сопровождавшийся разорением тысяч мелких фермеров и массовым сгоном с земли крестьян. Сотни тысяч обездоленных людей ринулись в города, где промышленники радостно понизили до предела плату за труд. Предельная дешевизна рабочей силы позволяла им не только компенсировать повышенные затраты на транспортировку, взятки и откаты чиновникам, но и выйти со своими товарами на внешние рынки. Обстановка в стране стремительно накалялась, а правительство, всецело поддерживавшее "эффективных собственников", не забывавших делиться своими сверхдоходами с аристократической верхушкой, демонстративно не шло ни на какие компромиссы, только подливая масло в огонь.

Одновременно с классовыми противоречиями обострились и национальные. Возрастала напряженность между собственно чинетскими землями и Зеллидой – крупнейшей провинцией страны, когда-то вошедшей в состав чинетской державы как союзник и очень болезненно переживавшей все более заметное

ущемление своих прав – вернее, беспардонные действия чинетских олигархов, при содействии коррумпированных властей не только разорявших зеллийских крестьян, но и перехватывавших финансовые потоки и отбиравших наиболее доходные места у здешней элиты.

По крови и языку зеллийцы были самым близким к чинетам народом. Их страна занимала самые плодородные земли на берегах Срединного моря. Там находились крупные промышленные центры, порты, угольные шахты и нефтяные вышки. Зеллида, побывавшая в свое время в составе Тогродской Империи, долгое время была самой богатой и культурной частью королевства. Однако зеллийские землевладельцы, купцы и промышленники, многие века свысока поглядывавшие на соседей-чинетов, пропустили мощный технический и организационный подъем чинетского капитала и неожиданно для себя оказались в подчиненном и дискриминируемом положении.

Зеллийская элита в ответ стала разыгрывать национальную карту, стремясь, прежде всего, не допустить распространения на Зеллиду чинетских настроений, где мощное низовое народное движение возникло и стало набирать силу под лозунгами социальной справедливости. Однако заботливо выпестованные и вскормленные местной верхушкой зеллийские национал-радикалы пошли гораздо дальше, чем хотели бы их хозяева. Захватив власть в провинции, они объявили об ее отделении, истолковав в свою пользу старинные договора и уложения о зеллийских вольностях. В Чинерте началась гражданская война. Королевские армии терпели поражения. Националистическое правительство Зеллиды ориентировалось на Барганд. В стране нарастали хаос и народное возмущение.

Трехлетняя бесплодная война закончилась катастрофой. Власть короля рухнула, но страной стали править военные, не способные ни победно закончить войну, ни установить мир. Генералов после череды переворотов сменили левые радикалы, противники богатых и поборники равенства, начавшие жестокий террор и продолжившие войну уже с революционных позиций.

Казалось, время для баргандского вторжения в Чинерту было выбрано точно. Казалось, объявив своей целью восстановление порядка в государстве, Барганд получит поддержку населения, уставшего от войны и разрухи, и установит свой контроль над Востоком.

Но вышло не так, как предполагали баргандские сановники и генералы. Уж слишком неприкрыто они жаждали земель, богатств и рабов, слишком старательно собирали под свои знамена всех, когда-либо обиженных чинетами. Интервенция стала толчком,

повернувшим события в другом направлении.

Левых радикалов отстранили от власти их более здравомыслящие товарищи, умевшие не только разрушать, но и строить, и не только подавлять, но и договариваться. Новое правительство Чинерты отказалось от утопических лозунгов, заключило мир с независимой Зеллидой и призвало народ к сопротивлению захватчикам. Иноземное вторжение помогло чинетам опомниться и остановиться на грани гражданской войны. Все, кому была не безразлична судьба страны, сплотились вокруг нового правительства, которое не стало отвергать ничью помощь. Те, кто попытался использовать баргандцев ради достижения своих целей, быстро утратили общественную поддержку и сошли со сцены, непримиримых всех цветов и оттенков политического спектра изгнали или перебили. Страна, простояв несколько мгновений у края пропасти и заглянув в нее, устрашившись, вернулась к новой жизни.

После двухлетней войны баргандские армии были изгнаны из пределов Чинерты. Народным возмущением было сметено даже правительство Зеллиды, поддержавшее Барганд. Националистам, вначале очень популярным, не простили их полнейшей неспособности наладить нормальную мирную жизнь и союз со старинным врагом против давних друзей и соседей чинетов.

Чинерта вышла из войны преображенной. Новое правительство сумело навести порядок, смогло совместить сохранение частной собственности с широкими социальными гарантиями, подняло из руин экономику и уверенно повело страну по дороге демократических преобразований, основав на месте королевства федерацию, в состав которой вошла и Зеллида.

Барганд же начал катастрофически терять свое влияние. Одна за другой стали объявлять о своей независимости колонии. Сопредельные страны окончательно обогнали старую империю в своем экономическом развитии. Тогда, стремясь любой ценой удержать свое положение мирового лидера, новое правительство Барганда, пришедшее к власти после переворота, восстановившего в стране абсолютную монархию, развязало новую войну, на этот раз против государств западного Приморья.

Силы были неравны. Население Барганда и его союзника Картагонара превышало население их противников в два с половиной раза, численность армий – в три с половиной, валовой внутренний продукт – в два. Но тут свое веское слово сказала Чинерта, незадолго до войны заключившая союз с демократическими государствами западного Приморья. В самый критический момент чинетская армия сокрушила войска союзных Барганду "буферных" государств и открыла второй фронт уже в

самом Барганде.

Старая империя опять потерпела поражение, окончательно утратив статус сверхдержавы, но не растеряв полностью былых амбиций. Хотя военный союз Чинерты и стран Западного Приморья продолжал существовать, внутренние разногласия между победителями значительно ослабили его, и никто в мире не мог поручиться, что в случае своего прихода к власти реваншисты не начнут новой войны.

Снаружи послышался шум мотора. Билон отбросил газету и распахнул окно, не обращая внимания на волну раскаленного воздуха, ворвавшуюся в комнату.

Во всем Зерманде было ровно девятнадцать автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, включая десять, относящихся к дворцовому ведомству, и Билон уже научился распознавать их по звуку. Не ошибся он и на этот раз. Из-за угла на пустынную в это время дня площадь перед отелем вынырнул открытый вездеход. За рулем сидел Драйден Эргемар, а рядом устроился его напарник Кен Собеско.

— Привет, — заорал Билон на всю улицу. — С приездом! Бросайте свой драндулет и поднимайтесь ко мне!

— Раскрывай холодильник! — прокричал в ответ Эргемар. — У меня внутри сухо как в этой чертовой пустыне!

Лихо развернувшись, Эргемар припарковал свой вездеход возле автомобиля Билона. Сам Билон в это время наводил кое-какой порядок в комнате, готовясь к встрече гостей.

В коридоре послышались шаги, и Билон широко распахнул дверь, пропуская в номер друзей, — сначала Эргемара, а потом Собеско.

Драйдену Эргемару, как и Билону, недавно исполнилось двадцать шесть. Он был высоким, худощавым, рукастым парнем с длинным, но не лишенным приятности лицом, а его светло-соломенного цвета волосы были стянуты сзади цветной тесьмой. Эргемар с его несколько богемным видом, в который не вписывались только крепкие рабочие руки фермерского сына, на первый взгляд не производил впечатления интеллектуала, но Билон не знал другого такого человека, который уделял бы столько времени самообразованию. Почти каждую свободную минуту Эргемар проводил с книгой в руках. Он перечитал все две сотни томов, составлявших посольскую библиотеку, и, кажется, начал повторять что-то по второму разу. Больше всего он ценил хорошую приключенческую литературу, особенно, фантастическую, однако в багаже Эргемара находились и несколько потрепанных учебников по аэродинамике, механике и

сопромату с огромным количеством схем и формул, в которых мог разобраться только он сам, да еще немного Кен Собеско.

Первый пилот Собеско был уроженцем Граниды, страны, находящейся на крайнем юго-западе Приморья. Раньше он был офицером гранидских ВВС, но в силу неких печальных обстоятельств пять лет назад вынужден был эмигрировать. Собеско был постарше Билона с Эргемаром, его возраст подходил уже к тридцати пяти годам. Он был почти на голову ниже своего напарника, но в его могучем торсе и широких плечах чувствовалась огромная сила. Он был действительно очень силен – легко ворочал двухсотлитровые бочки с бензином и без особых усилий сгибал в дугу железные прутья.

Темные волосы Собеско были всегда очень коротко острижены, а с широкого круглого лица почти не сходила кривая ухмылка, что придавало ему сходство с бандитом из криминального телесериала. Только изредка сквозь эту маску проступал истинный образ прежнего блестящего офицера, умного и эрудированного собеседника, знающего себе цену и имеющего собственное мнение по любому важному вопросу. Сентер, очень высоко ценивший первого пилота, как-то рассказывал Билону, что Собеско прочили какой-то высокий пост в компании, но он попал в немилость к начальству и был фактически сослан в эту дыру на самой границе цивилизованного мира. В это можно было поверить: Собеско никогда не боялся высказывать собственное мнение, когда считал себя правым. Он вообще ничего и никого не боялся.

И как бы то ни было, Билон был рад, что судьба столкнула его с этими незаурядными людьми.

— Ну как ваши дела? — после обмена приветствиями спросил Билон. — Где были, что видели?

— Ох, что у нас было, — возбужденно сказал Эргемар, открывая холодильник. — Ты просто не поверишь.

— Ну да, — скептически заметил Билон, хорошо знавший склонность Эргемара к шуткам и розыгрышам. — Вилам передал, у вас какие-то новости. Ребята Хольна медь нашли, что ли?

— Да нет, найти-то они нашли, только не медь, а уран. Знаешь, минерал есть такой, урановая смолка.

— Н-да, — протянул Билон.

— Вот-вот, именно так выразился и Хольн.

— Ну, в принципе, какая разница, уран или медь, — включился в разговор Собеско. Он говорил по-гордански свободно и без всякого акцента. — Все равно, руду в пустыне добывать не станешь – нужно тянуть железную дорогу, строить комбинат,

везти материалы, топливо, рабочих. Чтобы оправдать такие расходы, нужно найти, как минимум, золото. А уран… Майдер, ты не знаешь, для чего уран нужен?

— Черт его знает, — пожал плечами Билон. — Краску, говорят, из него изготовляют. Есть такая краска, урановая желтая, вроде бы неплохая краска. Да и физики что-то с ураном мудрят – это самый тяжелый металл, да и все прочее. Читал еще где-то, что атомы урана могут вроде бы сами собой распадаться, и что-то из этого там получается. В любом случае, толку от этого никакого. Да, так это и есть та самая новость?

— Подожди, — спокойно сказал Собеско. — Сейчас ты, Майдер, соберешь свой походный чемоданчик, возьмешь оба своих фотоаппарата, кинокамеру, всю пленку, что у тебя есть, и поедешь с нами на аэродром. А на месте мы тебе покажем кое-что интересное.

— Стоп-стоп-стоп, так дело не пойдет, — запротестовал Билон. — Э-э-э, нет. Сначала я должен знать, куда надо лететь, потом – зачем, а уж потом я подумаю, отправляться мне с вами или не стоит. Только так.

— Ну, куда лететь, это, пожалуй, можно сказать, — после некоторых размышлений решил Собеско. — То, что мы нашли, находится примерно в двадцати пяти километрах к северо-западу от лагеря группы Хольна. Удовлетворен?

— Ни в коем случае! Сначала я должен знать, какого черта мне надо переться с вами к Хольну за полтысячи километров…

— Пятьсот двадцать, — невозмутимо поправил Собеско.

— Тем более, а потом еще жариться на этой чертовой сковородке! И почему вы не хотите говорить, черт возьми?!

— Послушай, Майдер, — успокаивающим тоном сказал Собеско. — То, что мы видели, слишком невероятно, чтобы в это можно было поверить, а у нас сейчас нет никаких доказательств. Я обещаю тебе, это сенсация века. Тебя ждет всемирная слава. Но сейчас ты должен поверить нам и лететь с нами.

— Я охотно поверю, только скажите сначала, во что?! Я знаю, Кен, ты не любитель розыгрышей, но я должен знать, за чем вы меня тащите!

— Ну да, а после всего этого ты назовешь нас врунами или психами. Или подумаешь, будто я начитался драйденовых книжек. А мне не хотелось бы везти тебя силой. Это немного шумно и утомительно.

— Так или иначе, если не скажете, вам придется тащить меня силой! Требую свободы информации! Все равно, я умру от любопытства по дороге, и смерть моя будет на вашей совести!

— Ну, ладно, — сдался Собеско. — Только дай слово, что бы

ты не подумал потом о нас и обо всей этой истории, ты соберешь свои вещи, возьмешь свои фотоаппараты и кинокамеру, пленку, и полетишь с нами.

— Хорошо, хорошо, только скажите сначала. Лечу я с вами, ладно, убедили.

— Ну, слушай тогда, — сказал Собеско. — Рассказывай ты, Драйден. У тебя лучше получится.

— С удовольствием, — откликнулся Эргемар. По нему было видно, что ему уже не терпится. — Значит, так. Было это позапрошлой ночью. Мы заночевали у Хольна и готовились утром вылетать на промежуточную базу. И вот ночью, еще, наверно, и трех не было, меня будто что-то толкнуло. Просыпаюсь, слышу с неба какой-то гул. Ночь темная, безлунная, только звезды блестят. Вижу вдруг – ползут по небу два огонька. На самолет, вроде бы, не похоже, да и звук не тот. Разбудил Кена, ребят, сидим, смотрим. А огни все приближаются и приближаются. Шум будто бы чуть поутих, и вдруг видим – прямо над головами медленно так проплывает такое черное, круглое, громадное, и снизу за ним два огненных хвоста тянутся. Мы тут, конечно, немного струхнули. А оно так прошло над нами, заплыло за дальние холмы, там равнина, ни камней, ни ям, и вроде бы там опустилось. Ну, наутро, чуть рассвело, вскочили мы в вертолет и осторожненько, над самой землей, полетели к холмам. Посадили машину на склоне, сами забрались наверх, смотрим – прямо под нами стоит что-то такое темно-серое, металлическое, типа огромной детской юлы, только без ручки сверху, и величиной оно, наверно, метров четыреста, не меньше.

— Ну и что же это, по-твоему? — автоматически спросил Билон. Услышанное пока никак не укладывалось в его сознании.

— Мы решили, что это космический корабль. С другой планеты. Мы его немножко осмотрели, в бинокль. Везде металл, ни двери, ни люка, может, на другой стороне. И опирается оно, похоже, и на грунт, и на опоры. Ну вот, посмотрели мы на все это, и прямо сюда. Жаль только, при себе ни фотоаппарата не было, ничего. А у геологов, как на грех, пленка кончилась, а мы им новую не привезли. Так что, хочешь, верь, хочешь, не верь, но вот все, что мы хотели тебе сказать. Ну, что ты после этого думаешь? Получил что хотел?

— Ну что же, — медленно сказал Билон. — Кажется, я тут достаточно свихнулся и уже готов поверить во все, что угодно. Космический корабль? С другой планеты? А почему бы и нет? Поехали!

Глава 4. Все у нас получится

Солнце только несколько минут назад выползло из-за ломаной гряды скал, но в пустыне было уже совсем светло. Вертолет летел на высоте каких-нибудь тридцати метров. Внизу проносились бугры, трещины, впадины, огромные камни, осыпи, острые зубья скал – все, что осталось от древних гор, разрушенных за миллионы лет солнцем и ветрами.

Вертолет вел Кен Собеско. Рядом, в соседнем кресле, сидел Драйден Эргемар и, повернув голову к Майдеру Билону, наверное, в пятый раз за последние сутки излагал свои впечатления.

— Знаешь, Майдер, — говорил Эргемар, придерживая одной рукой сползающий наушник, — я сам видел этот корабль, своими собственными глазами, но я не могу поверить и не верю до сих пор, что это действительно чистая правда! Это что-то совершенно невероятное, будто я сам стал героем какой-то фантастической книжки! Корабль, он просто никак не стыкуется с нормальной жизнью, может быть или одно, или другое, он как мираж. Или просто из какой-то другой реальности, другой жизни, что ли. Так просто не бывает! Это не-воз-мож-но!

— Я тоже в это не могу поверить! — ответил Билон, в очередной раз проверяя, захватил ли он с собой все, что нужно. — В голове как-то не укладывается.

— Вот, — продолжал Эргемар. — У меня вообще сейчас такое ощущение, будто этого корабля там больше нет! Он исчез, улетел, пропал, так же ведь и должно быть! И снова наступит нормальная человеческая жизнь, где ничего сверхъестественного не происходит! Ведь мы ничего тогда не докажем! Все эти рисунки, свидетельства – ерунда! Да я почти уверен, что если он вдруг еще там, и из твоих фотографий ничего не получится!

— Получится! — крикнул Билон. — Будет, что снимать, получится! У меня всегда получается!

— Да я не о том! Я просто не хочу, чтобы этот корабль влезал в нашу жизнь! — попытался возразить Эргемар. Но говорить было трудно, и он, закашлявшись, умолк.

Тем временем Собеско, пройдя вдоль небольшого ущелья, посадил вертолет на сравнительно ровной площадке у подножия островерхой гряды невысоких холмов. Двигатель смолк, и наступила тишина.

— Действуем так, — коротко сказал Собеско. — Наверх поднимаемся все вместе. К кораблю, если он на месте, идем я и

Майдер. Ты, Драйден, остаешься наверху. На глаза не показывайся, только фотографируй. В случае враждебных действий со стороны корабля, если мы будем ранены и не сможем идти, убиты или захвачены, рисковать запрещаю. Тогда немедленно возвращайся. Поднимай вертолет, и сразу уходи в ущелье. Твоя задача – добраться и рассказать. Хольну от моего имени передашь приказ немедленно сворачиваться и уходить в направлении оазиса. И расскажи обо всем Сентеру. Пусть дальше он займется этим делом.

— Вы думаете, такой вариант возможен? — спросил Билон. Собеско был снова офицером, отдающим приказы, и Билон, обращаясь к нему, автоматически употребил обращение на "вы".

— Я не думаю, я просто не исключаю такого варианта, — жестко сказал Собеско. — Всегда надо планировать, исходя из худшего.

— А если корабля уже нет? — перешел на свою излюбленную тему Эргемар. — Что тогда?

— Тогда Майдер сфотографирует место посадки, — без промедления ответил Собеско. — Там наверняка останется обожженная земля, а также следы от опор. Они ведь углубились на полметра, самое меньшее, а грунт там твердый как кирпич. Также у нас останутся рисунки и свидетельства геологов из группы Хольна. Все ясно? Тогда пошли.

Собеско, распахнув дверцу, первым спрыгнул на голую, ржавого цвета, землю пустыни. Так же уверенно, обходя осыпи, он стал подниматься наверх. За ним поспешили Билон и Эргемар.

В Главной рубке военного космического корабля первого класса "Победоносный" на этот раз было многолюдно. Командир, спешно вызванный в рубку, опершись на пульт, смотрел на один из экранов. Оптический датчик, установленный в первую же ночь на вершине самого высокого холма, работал безукоризненно. На экране были хорошо видны три маленькие фигурки, медленно поднимающиеся вверх по склону.

— Дайте максимальное увеличение, — распорядился командир.

Изображение на секунду исчезло, затем на экране появился вертолет крупным планом. Оператор медленно переводил изображение с Собеско на Билона, затем на Эргемара, потом снова на вертолет.

— Да, летательный аппарат тот же самый, что и два дня назад, — наконец вынес свой вердикт командир. — Дайте общий план. Теперь сравните изображения филитов – те же ли это опять? И вы заметили, что у них в руках?

Начальник штаба, к которому был обращен вопрос, пожал плечами.

— Очевидно, это не оружие. У того, кто идет вторым, явно какой-то оптический прибор. Но назначение? Возможно, устройство для записи изображения.

— Да, вы, пожалуй, правы. Это логично. Сначала разведка, потом запись изображения.

— Но я ждал от них большей оперативности, — заметил молодой суперофицер третьего ранга Мивлио, заместитель по вооружению. — Если учесть, что обнаружили они нас в первое же утро… А запись изображения только на третьи сутки.

— Ну почему же, — возразил командир. — Это вполне понятно. Если учесть их уровень развития, чужой космический корабль должен быть для них чем-то необычным, невероятным. Так что ничего удивительного, что произошла некоторая задержка. Между прочим, мы находимся в пустыне, вдали от центров цивилизации, и уже на третий день прибывает представитель власти или специальный агент для записи информации – это очень оперативно.

На пульте перед командиром замигал огонек. Командир нажал на кнопку, и печатающее устройство сразу же начало выбрасывать длинные бумажные листы.

— Вот, — сказал командир, ознакомившись с сообщением. — Штаб обеспокоен. Они не ждали такого быстрого развития событий. Нас очень быстро обнаружили. Теперь следует оценить, с какой скоростью информация о нас пойдет по планете. Но штаб уже сейчас считает, что произошла значительная недооценка сил противника.

— Означает ли это, по-вашему, что у них есть наблюдательные станции прямо в пустыне? — спросил начальник штаба. — Или нас смогли засечь на расстоянии в несколько сотен километров?

— Штаб пока не сообщает о своих предположениях, — ответил командир, еще раз пробежав глазами текст сообщения. — Но очевидно, надлежащие выводы будут сделаны.

— По-моему, следящие станции и наблюдательные посты здесь не при чем, — язвительно произнес зам по вооружению. — Все дело в том, что мы просто ухитрились сесть в двух шагах от лагеря какой-то группы филитов, живущих в пустыне. Это единственное возможное объяснение.

— Нет, это слишком неправдоподобно, — немедленно отреагировал командир. — Но даже, если это было бы правдой, то это в любом случае не наша вина. Мы получили приказ от штаба соединения, в котором говорилось, что квадрат посадки

представляет собой абсолютно незаселенную территорию. Но я впредь не советовал бы высказывать версии, бросающие тень на репутацию штаба. Ясно?

— Так точно, — откликнулся зам по вооружению. — Молчу.

Тем временем Билон, немного отстав от Собеско и Эргемара, тоже поднялся на вершину холма. Все еще не веря в невероятное, он осторожно выглянул из-за барьера из огромных камней, закрывающих обзор в сторону равнины.

Корабль был на месте. Он никуда не исчез, он по-прежнему стоял на широких опорах – огромный, круглый, металлический, темно-серый, без единого выступа или щели в гладком металле. Здесь, на голой, без единого кустика или травинки бурой равнине он даже не казался чем-то невероятным. Он, наоборот, полностью вписывался в пейзаж, такой же дикий, нефиллинский и фантастический, как он сам.

Дрожащими руками, словно боясь, что корабль вдруг исчезнет, растворится в воздухе как мираж, Билон поднял один из своих фотоаппаратов, машинально проверил выдержку, диафрагму и метраж, взвел затвор и нажал на кнопку спуска. Сухой щелчок затвора прозвучал как-то слишком громко в окружающей тишине. Билон застыл, словно слившись с прохладным, еще не успевшим нагреться камнем.

Из оцепенения Билона вывел Собеско.

— Пора, — шепотом сказал он, дергая Билона за руку.

Билон послушно сполз с камня. Собеско взял у него фотоаппараты, передав один из них Эргемару.

— Особенно о видах не думай. Здесь все уже выставлено, просто снимай и все. Для тебя главное – не высовываться.

— Понятно, — кивнул Эргемар, расчехляя небольшой любительский фотоаппарат Сентера. — Буду снимать обоими.

Сентер полтора дня назад проявил на удивление мало любопытства. Впрочем, у него был тогда на редкость трудный день. Выслушав рассказ Собеско о сенсационной находке, он не стал уточнять, в чем она заключалась, просто обеспечил все, что требовалось с его стороны, и на прощание передал Эргемару заряженный фотоаппарат, потребовав запечатлеть сенсацию и на нем. "Ладно, Кен, — сказал он тогда Собеско. — Не хочешь распространяться, не надо. Тебя я знаю, если ты сказал, дело стоящее, значит оно стоящее. Но тогда, чтобы я узнал обо всем первым. А больше мне, пожалуй, сейчас ничего и не нужно".

Тем временем Билон последний раз проверил кинокамеру, и

Собеско медленно, словно под обстрелом, выпрямился, перелез через камень и так же медленно, спокойно, через каждые пять шагов останавливаясь, чтобы поднести к глазам фотоаппарат, начал спускаться.

Вслед за Собеско из-за камней выпрыгнул Билон. В этот момент он ощущал только азарт. Спотыкаясь и съезжая по осыпям, он шел вниз, не отрываясь от кинокамеры, стараясь только захватить в кадр одновременно и корабль, и Собеско. Фотоаппарат бил его по боку, в ботинки забились пыль и каменное крошево, но Билон не замечал ничего.

Сейчас и он, и Собеско уже были видны на большом экране в Главной рубке. Станция связи работала на полную мощность, посылая информацию в штаб на орбиту. Во избежание перехвата передача производилась в импульсном режиме – сигналы словно спрессовывались в короткие, длительностью всего в пять сотых секунды, импульсы, передаваемые раз в две секунды.

Командир нервно расхаживал по рубке, придирчиво следя за качеством передачи и свирепо рыча на операторов. Вдруг изображения Собеско и Билона, все время удерживаемые в центре экрана, стали перемещаться к нижней кромке, а затем и вовсе пропали за краем.

— Что такое!? — заорал командир на оператора-рядового. — Почему не следишь за картинкой?!

— Мертвая зона, господин суперофицер первого ранга, — четко ответил не растерявшийся оператор. — Они слишком близко подошли к кораблю и вышли из поля зрения датчиков.

Командир помедлил всего секунду.

— Включить обзорные датчики системы наружного контроля! Изображение перевести на главную рубку!

— Придется подождать несколько минут, — виновато сообщили из отсека контроля. — Датчики сейчас на режиме консервации. По инструкции рабочее положение разрешено только в космосе…

— Ждем, — бросил в микрофон уже остывший командир и, обращаясь к начальнику штаба, добавил: – Надеюсь, за эти несколько минут они не доставят нам неприятностей.

В это время Собеско и Билон стояли прямо под одной из восьми опор корабля. Огромная металлическая мачта высотой в двадцать с лишним метров заканчивалась пятиметрового диаметра кругом, углубившимся в твердую почву пустыни на полметра. Внизу под кораблем был заметен широкий кольцевой выступ, окруженный невысоким валом. Земля в нем была

глянцево-шоколадного цвета и казалась спекшейся от жара.

Не без робости Билон первым прикоснулся к опоре. Металл был холодным – здесь была постоянная тень. Корабль нависал над головой – огромный, чужой, непонятный, пугающе необычный. И было очень тихо, даже ветер, вечный ветер пустыни, в это утро был совсем не сильным и неслышным.

Медленно, молча, стараясь не поднимать шума, Билон и Собеско пошли в обход корабля. Билон шел впереди, а Собеско двигался, все больше забирая влево и скорее удаляясь от корабля, стремясь одновременно видеть Билона и самому удерживаться в поле зрения Эргемара.

Корабль был безмолвен. Он ничем не реагировал на незваных гостей, словно они были слишком незначительными по сравнению с его размерами и мощью. Азарт, вначале охвативший Билона, начал понемногу уступать место подавленности. Тишина действовала на нервы, а неподвижность и громадность корабля пугали.

Пленка в фотоаппарате кончилась. Билон остановился, начал обратную перемотку и внезапно уловил краем глаза движение в доселе непроницаемой корабельной броне. Забыв о фотоаппарате, Билон поспешно поднял к глазам кинокамеру и нажал на спуск.

Он не ошибся. Действительно, из корабельного металла выдвинулся небольшой предмет, похожий на гриб с плоской шляпкой. Из щели под шляпкой, как на секунду показалось Билону, будто сверкнул глаз объектива.

Раздался щелчок. Пленка кончилась. Билон опустил кинокамеру и вдруг заметил, что привлекший его внимание грибок был не один. Стараясь как можно быстрее перемотать пленку, Билон начал медленно отступать по направлению к Собеско. Грибки – их в его поле зрения было около двадцати – больше не проявляли ни малейшей активности, но Билону казалось, будто оттуда следят за ним чьи-то недобрые глаза.

Поменяв пленку, Билон сделал несколько снимков и, пятясь и спотыкаясь, поспешил обратно. Но, добежав до Собеско, он устыдился собственного страха. Ничего больше не происходило, все по-прежнему было тихо и спокойно, и Собеско стоял, широко расставив ноги на неровном склоне.

— Ты видишь? — громко спросил Билон и ободренный звуком собственного голоса, добавил: – Они заметили нас.

Собеско молча кивнул. Со своего места он видел, что грибки не разбросаны в беспорядке. Они образовали три кольца – одно в нижней части корабля и два – выше перегиба, там, где металл плавно загибался, очерчивая контуры гигантской юлы.

Страх у Билона уже прошел. Вспоминая прочитанные им

фантастические романы о встречах с представителями иных миров, он медленно пошел вперед, по направлению к ближайшему грибку. Майдер Билон был готов ко встрече с представителями иной цивилизации. Он ждал ее.

Корабль был уже совсем близко. Билон остановился.

— Привет! — закричал он, задирая голову. — Я Майдер Билон, а там мой друг Кен Собеско! Мы приветствуем вас на Филлине! Выходите! Мы ваши друзья! Мы готовы встретиться с вами!

Но корабль молчал. Он больше ничем не реагировал на Майдера Билона. Пришельцы не желали с ним разговаривать.

Билон ждал. Он ждал минуту, две, пять. Все по-прежнему было тихо. Нет, корабль все же определенно казался зловещим. Он был чужим, недобрым, подозрительным. Билон уже не ждал от него ничего хорошего.

На вершине Собеско и Билона встретил Эргемар, отснявший все пленки, потный и уставший от жары и от лежания на горячих камнях, но в хорошем настроении.

Вскоре хорошее настроение вернулось и к Билону. Корабль остался позади, и навеянные им страхи развеялись. Билон оживленно обсуждал с Эргемаром различные версии и с нетерпением предвкушал сенсацию, которую он произведет в мире своим сообщением. Жизнь снова казалась ему прекрасной.

Глава 5. Ослепительные перспективы

Любая сенсация нуждается, в первую очередь, в широкой огласке. Поэтому теперь главной задачей Билона стала доставка добытой информации по назначению. Справился он с этой задачей великолепно, хотя, справедливости ради, надо отметить, что главная роль в этом принадлежала не ему.

Вначале дело в свои руки взяли Эргемар и Собеско, уже к вечеру посадившие свой вертолет на аэродроме Дурдукеу. Затем пришла очередь самого Билона. Примчавшись с аэродрома в свой номер в отеле, он мужественно подавил желание сначала принять душ и, даже не переодевшись, первым делом проявил в своей импровизированной фотолаборатории одну из отснятых пленок. Получив, вопреки мрачным прогнозам Эргемара, великолепные негативы, и едва дождавшись, пока пленка просохнет, Билон выдернул с вечеринки у посла Виллама Сентера и уже с его помощью отпечатал свыше полусотни фотографий, на которых фигурировали Собеско и корабль в разных видах и сочетаниях.

После этого эстафету принял отчаянно зевающий Виллам Сентер. Мало озабоченный невероятностью увиденного и услышанного, а может, просто не забивая себе этим голову, он вызвал по рации представителя "Ренгера" в Кушуде и, не особенно вдаваясь в подробности, но упомянув о сенсации века, попросил о присылке внеочередного самолета.

Представитель "Ренгера" в Кушуде, немало удивленный тем, что его подняли с постели глубокой ночью, кажется, в душе был романтиком. А может, ему уже настолько осточертела тяжкая работа в тропической малоцивилизованной стране, что он, как и Билон, был уже готов поверить во все что угодно. Или, может, даже посылка внеочередного самолета в Зерманд была для него чем-то заметным, нарушающим ежедневную беспросветную рутину. Во всяком случае, уже в восемь часов утра небольшой самолетик компании "Ренгер" с кушудскими опознавательными знаками к недоумению не введенных в курс дела служащих аэродрома совершил посадку в Дурдукеу. Всего через четверть часа самолет вылетел обратно, имея на борту важный груз в виде толстого пакета с непроявленными фото- и кинопленками, проявленными негативами, пачкой отпечатанных фотографий и подробным репортажем Майдера Билона о произошедших событиях.

В Кушуде самолет уже ждали. Ознакомившись с материалами, отправленными, по его просьбе, в незапечатанном конверте, представитель "Ренгера", несколько ошарашенный размахом сенсации, но не сбитый с толку, решил не доверять судьбу бесценного пакета кушудской почте и сам на том же самолете немедленно вылетел в столицу.

В столице он развернул очень бурную деятельность и, использовав все возможные связи, от кушудского министра почт и телеграфов и горданского посла до представителя горданской авиакомпании и командира летного экипажа, он добился того, что пакет тем же вечером был отправлен в Гордану транзитом через Барганд на рейсовых самолетах.

На территории Горданы бесценный пакет продолжил свое движение из рук в руки, и на следующие сутки он вместе с прочей утренней почтой оказался на столе заведующего международным отделом газеты "Курьер", проделав весь путь от Дурдукеу до горданской столицы Реперайтера за абсолютно неправдоподобный рекордный срок в два дня.

Шеф международного отдела имел в редакции репутацию педанта. Наверно поэтому он первым делом выбрал из всей утренней почты толстый пакет, отправленный из далекого Зерманда, исписанный всеми возможными выражениями, символизирующими важность и срочность, но скорее всего, не содержащий в себе ничего сверхважного и сверхсрочного.

Опять-таки, в силу своей педантичности, он не спеша проглядел толстую пачку фотографий, терпеливо прочитал от начала до конца длинную статью, написанную Билоном по горячим следам прямо в вертолете и поэтому не особенно отличающуюся ясностью почерка, потом еще раз посмотрел фотографии, теперь уже внимательно, послал в фотолабораторию непроявленные пленки, и только после этого направился на доклад к главному редактору.

Главный редактор не был педантом, но он был газетчиком. Поэтому он тоже внимательно прочитал текст сообщения, внимательно рассмотрел все фотографии и, мало веря в столь невероятную сенсацию, но все же надеясь на нее, позвонил в фотолабораторию, потребовав проявить все пленки и отпечатать снимки немедленно и вне всякой очереди. Одновременно с этим он отправил присланные из Зерманда готовые фотографии и негативы на экспертизу одному своему приятелю в криминалистическую лабораторию и стал ждать, на всякий случай распорядившись придержать пока первую полосу. Благо в международных и внутренних делах наступило временное затишье и по-настоящему важного материала, бесспорно

достойного первой полосы, не предполагалось.

После обеда на стол главному редактору положили толстую пачку фотографий инопланетного космического корабля, снятого в разных ракурсах и с разных позиций. Еще через час позвонил очень заинтригованный знакомый из криминалистической лаборатории и сообщил, что, во-первых, на пленках и на фотографиях никаких признаков фотомонтажа или подделки не обнаружено, а во-вторых, ему очень хотелось бы знать, где господин редактор раздобыл такие фотоматериалы.

На следующее утро газета "Курьер" вышла с огромными заголовками на первой полосе. "Мы не одиноки во вселенной!" – гласил самый крупный заголовок. И чуть ниже: "Посадка инопланетного космического корабля в Великой пустыне". И еще ниже: "От нашего зермандского корреспондента". И наконец: "Смотрите сегодня вечером специальный выпуск по каналу "Всемирные новости". Вслед за этим на трех страницах был напечатан подробный репортаж Майдера Билона, а в конце – комментарий известного автора книг и статей о возможностях контакта с иными цивилизациями, прошлым вечером извлеченного самолично главным редактором "Курьера" прямо с очередной конференции.

Уже к восьми часам утра все телефоны в редакции звонили, не переставая. Сенсация интересовала всех: от генералов и депутатов парламента до школьников и домохозяек. В десять часов в кабинете главного редактора раздался даже звонок из приемной президента страны, тоже заинтригованного сообщением газеты.

Президент есть президент. Во всяком случае, он получил всю интересующую его информацию и даже фотографии, отправленные со специальным курьером. Остальным в этом отношении повезло меньше. На все просьбы и требования охрипшие сотрудники редакции отвечали стандартной, уже завязшей в зубах фразой: "Информация подлинная. Добавить ничего не можем. Смотрите вечером "Всемирные новости".

Канал "Всемирные новости" транслировался на всю Гордану, и поэтому неудивительно, что по меньшей мере половина населения страны этим вечером сидела перед экранами телевизоров.

Их ожидания не были обмануты. После небольшого вступления, в котором телезрителям рассказали и показали, где находится Зерманд, их вниманию был предложен пятиминутный фильм, смонтированный из присланных Билоном кинопленок, сопровождаемый чтением соответствующих выдержек из Билоновского репортажа. Закончился фильм еще одним

сенсационным сообщением: несколько часов назад самолет ВВС Шуана, наиболее близко расположенной страны Северного Заморья, совершил разведывательный полет в пустыню и в сообщенных горданцами координатах действительно обнаружил инопланетный космический корабль, полностью подтвердив факты, изложенные в "Курьере".

После показа наиболее эффектных фотографий, снятых с самолета и только что переданных по фототелеграфу, специальный выпуск продолжила небольшая конференция с участием ученых, писателей-фантастов и уже упомянутого автора книг о поисках внефиллинского разума, развернувших перед ошеломленными телезрителями ослепительные перспективы контакта с иной цивилизацией.

На следующий день информацию "Курьера" перепечатали почти все газеты мира, а пятиминутный фильм о космическом корабле увидели еще миллионы телезрителей на обоих континентах, так что сенсация приняла уже международный масштаб.

Сообщение о посадке инопланетного космического корабля вызвало во всем мире огромный интерес. Вдруг очень популярной стала фантастическая литература. Даже солидные газеты помещали на своих страницах статьи о космических пришельцах, а очень вовремя вышедший на экраны интересный, но не отличающийся особенными художественными достоинствами фильм о появлении на Филлине посланцев иной цивилизации за неделю побил все кассовые рекорды.

Несколько дней на первых страницах крупнейших газет мира печатались короткие сводки из лагеря геологов группы Хольна, ставшего чем-то вроде постоянного пункта наблюдения за инопланетным кораблем. Роль главного наблюдателя в нем играл Майдер Билон, получивший новое задание редакции и со вздохом вспоминавший спокойную и казавшуюся теперь почти комфортной жизнь в зермандской столице.

Снова оказавшись в пустыне, Билон понял, что прочно связался со всей этой историей, и триумфальное возвращение домой снова откладывается на неопределенный срок. Почти равнодушно он воспринял и свою всемирную известность, и благодарственное письмо лично от президента, и награждение одним из высших зермандских орденов, и сообщение о том, что он принят в почетные члены двух научных и пяти околонаучных обществ, а его кандидатура выдвинута на соискание одной международной и трех горданских премий для журналистов. Все это было далеко, абстрактно и казалось совершенно нереальным. А реальностью была пустыня, раскаленная днем и пронизывающе

холодная ночью, недовольный Хольн, в первую очередь озабоченный срывом графика работ, и конечно, корабль – по-прежнему чужой, безмолвный и неподвижный.

В Зерманде уже появилось несколько корреспондентов ведущих информационных агентств мира и трое никому не известных людей неясного рода занятий, называющих себя специалистами по контакту. Правда, дальше Дурдукеу они пока не продвинулись. Единственным в Зерманде видом транспорта, способным быстро достичь лагеря Хольна, координаты которого, кстати, не афишировались, ведал Виллам Сентер, занявший жесткую позицию. Сентер совершенно справедливо замечал, что в его распоряжении пока что только один вертолет, которому надо заниматься снабжением и других геологоразведочных групп, а Хольн просто не может принять такое количество гостей.

Иностранные корреспонденты, в свою очередь, тоже совершенно справедливо обижались на Сентера, обвиняя его в намеренном создании преимуществ Билону. По Дурдукеу ходили слухи о каких-то совершенно секретных инструкциях, полученных Сентером от горданского начальства, и о том, что "Курьер" сговорился с "Ренгером" и за большие деньги обязался держать в тайне координаты места посадки корабля и не подпускать к нему конкурентов. Пока стороны соблюдали вежливый нейтралитет: корреспонденты потихоньку организовывали караван с использованием местных жителей, а Сентер старался держать подальше от Дурдукеу Собеско и Эргемара, ранее уже доставивших в лагерь Хольна Майдера Билона, мощную радиостанцию с радистом и дополнительную порцию горючего и продовольствия.

У Собеско к тому же были и свои проблемы. Военное правительство его родной Граниды, с гордостью заявив на весь мир, что один из первооткрывателей космического корабля – гранидец, стыдливо помалкивало, что этот гранидец – политический эмигрант, имеющий в кармане только горданский вид на жительство. Меры, впрочем, были приняты мгновенно. Уже на четвертый день после публикации в "Курьере" Собеско получил послание из Министерства внутренних дел Граниды с сообщением о том, что ему возвращено гражданство и предоставлена возможность беспрепятственно вернуться на родину и даже продолжить службу в Вооруженных Силах, прерванную, как говорилось в послании, "в силу некоторых печальных обстоятельств". Впрочем, у Собеско не было даже времени серьезно обдумать предложение министерства. Как и Эргемар, он в эти дни работал на износ, и как и все заинтересованные лица в Дурдукеу, с нетерпением ожидал

обещанной присылки еще двух вертолетов с экипажами и дополнительных поставок топлива, продуктов и снаряжения.

В этой ситуации самой выигравшей стороной считал себя, наверно, правитель Зерманда. Он просто наслаждался всемирной известностью своей страны, устраивал приемы для почетных иностранных гостей, давал интервью маявшимся без дела журналистам и даже сумел заразить своим настроением аристократию, совершенно не понимавшую, в чем дело, но решившую ради такого случая поступиться принципами и немного отойти от своих изоляционистских позиций.

Если же брать всемирный масштаб, то здесь выигравшей стороной, бесспорно, стала небольшая группа энтузиастов, еще в допосадочные времена активно занимавшаяся небезынтересной, но абсолютно не связанной с жизнью проблемой космических пришельцев, и вдруг обнаружившая, что все ее невозможные мечты самым чудесным образом свершились. Очевидно поэтому большинство статей и прогнозов, посвященных последствиям контакта, отличалось просто безоглядным оптимизмом.

Правда, в мировой печати появлялись и другие статьи, имевшие, скорее, трезво-реалистический характер. Их авторы считали своим долгом предупредить, что возможное знакомство с иной, высшей цивилизацией, может стать сильнейшим шоком для всего человечества Филлины, а появление космических пришельцев в неспокойном, раздираемом противоречиями и разделенном мире может стать источником ряда сложнейших проблем с труднопросматриваемым решением.

Но все же, несмотря на очевидный интерес, проявленный в мире к пришельцам, эта тема практически никого глубоко не затронула. Инопланетяне всегда находились в одном ряду с ведьмами, драконами и прочими сказочными существами, и их действительное появление пока мало кем отождествлялось с объективной реальностью. К тому же, корабль был где-то в далекой пустыне, никакого влияния на события в мире пришельцы пока не оказывали, да и возможность такого влияния просто не входила в рамки обычных представлений и отбрасывалась сознанием.

Все в мире продолжало идти своим чередом. В Великой пустыне больше ничего не происходило, и космические пришельцы стали понемногу вытесняться с первых страниц газет. В Валезе готовились к парламентским выборам, в северо-западном Заморье продолжали бряцать оружием, а Вилканд, пообещав щедрые кредиты, наконец получил согласие Мурхуна, одного из небольших государств на дальнем юге Заморья, на строительство там своей военной базы. Этому немедленно

заявила свой решительный протест Южно-Заморская Республика Керц-Ча, пригрозив Мурхуну экономической блокадой.

Чинерта и Валез объявили о создании международной группы по исследованию космического корабля, присоединиться к которой пригласили и представителей других стран, в первую очередь, Горданы, и проблема пришельцев окончательно перешла из сенсационной плоскости в практическую. Наверно поэтому совершенно незамеченным прошло вызвавшее бы всего несколько дней назад немало толков сообщение обсерваторий в Чинерте и Южно-Заморской Республике об обнаружении неведомых космических объектов, скорее всего, вращающихся вокруг Филлины на очень низкой орбите.

Также не вызвали особого внимания и заметки, появившиеся в двух горданских, вилкандской и чинетской газетах об имевших место наблюдениях пролета и посадок в ночное время необычных летательных аппаратов, и ставшие достоянием публики рапорты нескольких баргандских РЛС о засечении неопознанной цели, вдруг поднявшейся на высоту тридцати километров и там исчезнувшей с экранов локаторов, и опубликованный в нескольких местных газетах рассказ членов экипажа одного горданского траулера, который чуть не потопил рухнувший в море большой дискообразный предмет. Этим сообщениям просто не поверили, как и всем подобным мини-сенсациям, просто усеявшим страницы газет в разгар инопланетного бума. Действительно, в этой обстановке отличить вымышленное от реального было совершенно невозможно.

Штаб соединения имперского космофлота на орбите продолжал тем временем откровенно пороть горячку. Быстрое обнаружение филитами космического корабля и столь быстрое же распространение информации о нем стали неприятной неожиданностью для космофлотовских стратегов. Тщательно разработанные графики и планы приходилось перекраивать, подготовительные работы ускорить, проверочные мероприятия свернуть до минимума. Конечно, дело при этом не обошлось без досадных провалов и срывов, но все же, на двадцать четвертые стандартные сутки (через двадцать один филлинский день) после посадки "Победоносного" издергавшийся штаб наконец дал сигнал к началу нового этапа операции.

Глава 6. Испытание

По корабельному времени было пять часов утра, но по решению штаба испытание проводилось именно на этом витке, и в Главной рубке "Всемогущего", несмотря на столь ранний час, было весьма многолюдно. Мрачный и невыспавшийся генерал Эамлин сидел в своем командирском кресле, повернувшись вполоборота к собравшимся вокруг пульта офицерам, и сердито выговаривал начальнику связи:

— Старший-один, вы понимаете, в какое положение поставили эскадру, дивизион, корабль, не говоря уже обо мне?! Здесь, конечно, есть и моя вина, но я никак раньше не думал, что вам нужна нянька, чтобы постоянно напоминать: сделай то, сделай это, а аппаратура специального назначения должна быть приведена в боевую готовность в первую очередь!

Оправдываться не стоило, но начальник связи не смог удержаться.

— Господин генерал третьей величины, аппаратура же новая – вы же сами знаете, в каком состоянии она к нам приходит. И личного состава у меня некомплект – на регламентных работах едва успели со всем остальным справиться, спецаппаратуру наладить как следует просто возможности не было. А здесь же, ваше превосходительство, сначала штаб проверками замучил, они же обязательные, их же никто не отменял, а людей-то некомплект…

— В конце концов, поздно уже и ругать, и оправдываться, — примирительным тоном вставил тэон, прервав становящееся все более беспорядочным бормотание начальника связи. — Будем надеяться, Реэрну удалось все наладить.

Генерал с явной неприязнью покосился на тэона. Ему хорошо – он может все критиковать, поднимать любые вопросы, а сам ни за что прямо не отвечает.

— Кажется, кое-кто, — язвительно заметил генерал, — начинает смотреть на старшего-один Реэрна как на своего рода универсальную волшебную палочку. Я лично сомневаюсь, что даже такому высококлассному специалисту как Реэрн удастся всего за сутки разобраться и отладить незнакомую и достаточно сложную аппаратуру. И почему, в конце концов, я должен узнавать о ее небоеготовности только тогда, когда штаб отдает приказ об испытании? Конечно, стружку снимут, в первую очередь, с меня, но я обещаю, слышите, старший офицер, для вас это тоже не останется без последствий.

На этот раз начальник связи промолчал. Он, как и все на корабле, знал, что Эамлин способен выполнить практически любую угрозу.

Затянувшуюся паузу прервал зуммер системы внутрикорабельной связи. Генерал медленно повернулся в своем кресле и взял микрофон.

— Главная рубка, — хрипло сказал он. — Слушаю.

— Господин генерал третьей величины, — прозвучало из динамика. — Штаб соединения требует в пятиминутный срок доложить о готовности.

— Принято, — сообщил генерал. — Видеосвязь с отсеком специального назначения!

Небольшой экран связи посреди командирского пульта осветился, показав тесный, заставленный аппаратурой отсек специального назначения. Вид у отсека был не слишком рабочий. Некоторые блоки были выдвинуты из гнезд, повсюду валялись листы со схемами и пустые бутылки из-под тонизирующего напитка, на кресле оператора высилась кипа тетрадей с техническими описаниями. Сам оператор стоял на коленях, глядя на экран осциллографа, и медленно вращал колесико настройки, а Реэрн, тоже стоя на коленях, изучал внутренности передатчика.

— Что у вас там? — безнадежно спросил генерал.

Реэрн захлопнул дверцы и встал.

— Вроде бы, должно действовать. Все системы, кажется, в норме. Но проверить можно только в работе.

— Нет времени. Штаб приказал через четыре с половиной минуты сообщить о готовности.

— Принято, ваше превосходительство, — твердо сказал Реэрн. — Тогда начинаем контроль функционирования. Давай, ставь все на место, — обратился он к оператору. — Потом уже закончим настройку.

Дождавшись, пока оператор задвинет на место все блоки и снимет со своего кресла технические описания, Реэрн щелкнул переключателем на центральном распределительном щите.

— Поднимаю высокое напряжение, — доложил он генералу. — Сейчас пойдет автоматический контроль.

На блоке перед оператором зажглась оранжевая лампочка. Сразу замигали огни и на панели вспомогательного компьютера.

— Компьютер производит проверку всех систем, — сообщил Реэрн. — Вот, началось.

На блоке системы контроля одна за другой начали загораться оранжевые лампочки.

— Система ориентировки в норме, — Забубнил оператор. — Система компенсации в норме, синхронизация в норме, система

управления антенной…

— Ч-ч-черные звезды! — вырвалось у генерала.

Огоньки, бежавшие по панели, словно застыли. Одна из лампочек мигала и никак не могла зажечься. На блоке системы контроля загорелась синяя лампочка.

Реэрн молча выдвинул один из блоков и легонько хлопнул ладонью по плате. Непослушная лампочка на панели компьютера сразу зажглась, и огоньки продолжили свой бег. Синий сигнал погас, и рядом с ним загорелся оранжевый.

— Система управления антенной в норме, — с облегчением доложил оператор. — Система подстройки частоты, система ориентировки луча – все в норме. Есть.

Рядом с последней оранжевой лампочкой зажглась зеленая. Оператор обрадованно повернул переключатель. Оранжевые огни погасли.

— Контроль функционирования прошел, система к боевой работе готова, — сообщил Реэрн.

Генерал снова нажал кнопку селектора внутрикорабельной связи.

— Радиорубка, связь со штабом, — приказал он.

На командирском пульте загорелась еще одна лампочка. Из динамика внешней связи раздалось шипение.

— На связи, — наконец откликнулся штаб. — "Всемогущий", доложите о готовности.

— "Всемогущий" к проведению испытания готов, — доложил генерал. — Все системы в норме.

— Тогда начинаем испытания, — заявил штаб. — Обеспечить защищенный канал межкомпьютерной связи.

— Принято, — отозвался генерал, выполняя на своем пульте необходимые операции.

— Есть связь, — проскрипело из динамика. — Аппаратуру в действие.

— Аппаратуру в действие, — повторил генерал по внутрикорабельной связи. — Реэрн, начинайте.

Оператор повернул еще один переключатель. На блоке оранжевая лампочка сменилась зеленой.

— Мы готовы, генерал, — доложил Реэрн. — Сигнал пошел на антенну. Так, началось.

На панели вспомогательного компьютера снова замигали огоньки. Начали зажигаться лампочки и на одном из блоков.

— Работает система ориентировки, — вполголоса отметил Реэрн, напряженно следивший за мерцанием огоньков. — Есть. Теперь широкий луч, точечный луч. Все! Пошла полная мощность!

На центральном распределительном щите зажглась синяя лампочка. Томительно медленно текли секунды. Затаив дыхание, генерал напряженно смотрел на молчащий динамик внешней связи.

— Связь есть, — бесстрастно сообщил штаб. — Суперофицер Пээл принимает сигнал хорошо. Теперь противометеоритный маневр.

— Противометеоритный маневр! — крикнул генерал. — Штурман, не спите!

Штурман засуетился, посылая в компьютер необходимую команду. Корабль вздрогнул. Звезды на большом экране на секунду качнулись и снова вернулись в прежнее положение.

— Связь восстановлена, — на этот раз в голосе штабного офицера чувствовалось удовлетворение. — Сигнал устойчивый. Теперь пусть поработает час в обычном режиме.

Из динамика раздался щелчок. Штаб отключился.

— Все в порядке, Реэрн, — устало сказал генерал в микрофон. — Теперь главное, чтобы продержаться еще час.

— Принято, — кивнул Реэрн. — должно продержаться.

Казалось, время застыло на месте. Медленно тянулись минуты. Все так же горели огни на панелях блоков в отсеке специальной аппаратуры, оператор откровенно дремал в своем кресле, Реэрн, устало прислонясь к дверцам передатчика, медленно перелистывал тетради с техническими описаниями, офицеры за спиной генерала переминались с ноги на ногу.

Наконец штаб снова вышел на связь.

— Примите поздравления, генерал, — послышался из динамика голос начальника штаба соединения флаг-маршала Таорза. — Испытания закончены. По докладу суперофицера Пээла, связь была отличная. Штаб выносит вам благодарность.

— Во славу Императора, — по уставу откликнулся генерал. — Реэрн, — обратился он по внутренней связи. — Выключайтесь. Полный порядок. Дело сделано.

Эамлин облегченно откинулся назад в своем кресле. Лицо начальника связи, весь этот час простоявшего навытяжку, начало понемногу приобретать нормальный цвет. Офицеры зашевелились.

— А ведь можем, — с гордостью заметил тэон. — Господа, это ведь значительное достижение – попасть с орбиты лучом диаметром всего в сто метров буквально в точку – в космический корабль. Как вы считаете, ваше превосходительство?

Но генерал не ответил. Он, нахмурив брови, читал медленно ползущие по экрану строчки текста. Затем снова взял микрофон внутрикорабельной связи.

— Реэрн, вы еще не ушли? Тогда зайдите сейчас ко мне.

Лампы в небольшом командирском кабинете были, пожалуй, слишком яркими. Их свет буквально резал глаза, но генерал, казалось, не замечал этого неудобства, а может быть, просто уже привык.

— Как вы понимаете, штаб не оставил без внимания наш успех, — говорил он, по привычке слегка покачиваясь в кресле. — Можно сказать, он проявил не совсем свойственную ему щедрость. Поощрения получили я, начальник штаба, тэон – надо полагать, за отлично проведенную морально-воспитательную работу, зампотех – очевидно, в основном потому, что он муж двоюродной сестры жены племянника флаг-маршала Таорза, даже этот остолоп начальник связи. Но в этом списке нет ни вашего имени, ни имени оператора!

— Все логично, — кивнул Реэрн. — На вас лежала ответственность, вы руководили испытанием, а что мы с оператором? Мы просто сидели и смотрели на приборы. С тем же успехом можно было бы читать последний сборник Императорских речей.

— Вот к этому вопросу я бы советовал вам относиться серьезнее, — недовольным тоном заметил генерал. — Вы подаете дурной пример всему экипажу. И знаете, кстати, сколько у меня лежит донесений от тэона, что вы отлыниваете от посещения собраний? Много, могу вам сказать, очень много. Тэон, правда, тоже хитрый жук, он знает, что я не намерен лишаться вас из-за такой ерунды и поэтому посылает все мне. Но все же, имейте это в виду. Впрочем, хватит, перейдем к делу. Итак, Реэрн, вашими усилиями мы все избежали больших неприятностей.

— Но ведь дело еще не закончено, — несколько удивленно сказал Реэрн. — Аппаратуру не мешало бы еще отладить, да и к тому же… Как я понимаю, после испытания она должна быть использована уже по-настоящему.

— А, это уже не так важно, — махнул рукой генерал. — Испытание мы провели, о готовности отчитались, что еще надо? Все равно, полностью проверить результат не удастся.

— Вот как? — поднял брови Реэрн.

— Да, именно, — подтвердил генерал. — Поэтому я бы хотел как-то отметить ваши заслуги. И честно говоря, не могу придумать, как. Благодарностей у вас уже столько, что вы их можете, скажем, солить или обклеить все стены вашей каюты. Курсы вы уже заслужили за регламентные работы. Отпуск, сами понимаете, дать вам до окончания операции не могу. Премию, если мне удастся ее пробить в штабе флота и в Управлении в

столице, вы получите только минимум через год. Да и не так вам она и нужна. Вы – человек одинокий, пьете мало, денег на женщин практически не тратите, дорогостоящих пороков, кажется, не имеете. Просто не знаю, что тогда. Вот как вы считаете сами – что вы заслужили? Постараюсь выполнить любую вашу просьбу, если она, конечно, в пределах моих возможностей.

— Вообще-то, — медленно сказал Реэрн, — в настоящее время меня больше всего интересует вопрос о назначении нашей спецаппаратуры. Никак не могу понять, для чего нам нужен точечный луч со сверхточным наведением, образующий на поверхности планеты пятно с диаметром всего в сто метров, да еще при излучении на таких частотах. Признаться, раньше у меня было предположение, что на Филлине у нас появились какие-то агенты. Но теперь… Я просто в недоумении.

Генерал сухо рассмеялся. Но глаза у него остались серьезными.

— Меня просто поражает ваше умение выуживать из всех интересующие вас сведения. Иногда мне даже кажется, что для вас и я, в первую очередь, не командир, а ценный источник информации.

— Человек – слабое существо, обуреваемое страстями, — улыбнулся Реэрн. — Одни жаждут денег, другие – власти, а мне… А мне нужны лишь знания.

— Знания… — повторил генерал. — Знание – сила, а информация – власть, не так ли, Реэрн? Вы же далеко не так просты, как хотите казаться. Вы можете командовать кораблем в бою, умеете управлять наземной техникой, у вас есть свидетельство пилота. А теперь еще эти курсы инженеров по информации. Зачем вам все это, Реэрн? И… у вас большой авторитет на корабле, пожалуй, даже больший, чем у старшего офицера. Вас уважает даже тэон, хотя он и недоволен, что вы не ходите на собрания. Да что тэон? Вы ухитряетесь поддерживать хорошие отношения одновременно с нашим спецотдельцем и с представителем Службы Безопасности, хотя друг друга они терпеть не могут… Знания… Зачем вам нужно все знать? И уж не делитесь ли вы потом своими знаниями с кем-нибудь, скажем, с друзьями молодости?

— Я с детства был любопытным ребенком, — вздохнул Реэрн. — И могу заверить вас, я глубоко уважаю конфиденциальность наших бесед. А насчет друзей молодости… Как говорят, все мы в молодости радикалы, а в старости становимся консерваторами.

— Ну, до старости вам тогда еще очень далеко, — усмехнулся генерал. — Ну ладно, к делу. Вы меня поймали на слове, теперь

придется выполнять обещание. Тогда слушайте. Коротко говоря, наша установка генерирует сигналы на частоте филлинских телепередач. Их начали ловить уже в первом разведывательном полете. Ничего сложного в них нет – передача звука и изображения по одному частотному каналу, модуляция, превращение сигнала в изображение с помощью лучевой пушки и экрана с чувствительным слоем – в общем, что-то вроде этого. Если что-то напутал, не обижайтесь. Здесь я не специалист, да это и не так важно. Вот. Сигналы эти быстро декодировали и при желании теперь мы можем сами делать такие передачи.

— Понятно. Но зачем же нам тогда точечный луч? — подал реплику Реэрн.

— Подождите. И до него дойдет дело. Так вот, тоже, в один из первых полетов разведчики, кроме всего прочего, выяснили, где находятся резиденции правителей двух крупнейших государств Филлины – Горданы и Чинерты. Уже потом их планетные координаты уточнили с точностью буквально до метра. Послезавтра в обеих странах будет выходной день. Надо полагать, правители будут в своих резиденциях. Вечером по местному времени мы выйдем в эфир. Сигнал у нас очень мощный, он забьет тамошние передачи. И мы начнем специально для глав государств передавать обращение Председателя Совета Пятнадцати Оонка. Все уже готово и переведено на местные языки. Сначала передача пойдет для Чинерты – она в более раннем часовом поясе, потом для Горданы.

— И что же хочет сказать им Оонк? — спросил Реэрн.

— Им предложат на выбор: или добровольное подчинение нам и власть над половиной планеты или война.

— Заманчиво… на первый взгляд. Но зачем это нужно нам?

— У нас просто не хватит сил на все сразу. Вы же знаете, в кронтэйской операции участвовало четыре из пяти тогдашних флотов, три четверти гвардии, и вся операция потребовала не один месяц. А у нас что? Всего два флота. Вскоре, правда, присоединится еще и шестой, но все равно – это ничтожно мало. И для оккупации нужна армия, а не наша полностью автоматизированная боевая техника. Но Филлина втрое дальше, чем Кронтэа, нам просто не собрать здесь все нужные силы, их невозможно будет снабжать. Поэтому настоящее завоевание, как я понимаю, будет постепенным и займет, наверное, несколько лет. Наша задача сейчас – разрушить экономику Филлины, разбить войска филитов, нарушить управление и связь. Но даже для этого нам нужна концентрация сил. И мы попробуем купить правителей. Условия для них будут довольно выгодными: всего-навсего признать верховную власть Императора, снабжать нас

сырьем и продовольствием, допустить в правительство наших наблюдателей, и за это – власть, могущество, наша поддержка, почти полная свобода действий на той территории, которую мы им отдаем. Кто-то может и откликнуться.

— А если оба государства сразу или никто?

— Если оба сразу, тогда просто. В обращении будет сказано, что предпочтение получит тот, кто первым даст положительный ответ. Так оно и будет. Вот если никто… Тут сложнее. С рабочей силой – а нам ее понадобится немало уже на первых порах – как-то выкрутимся за счет пленных, собственно, для этого наша техника и приспособлена. Но нам будут нужны еще материалы и поставки продовольствия. Вот это уже проблема. До нашей ближайшей колонии – Тэкэрэо – почти пятнадцать стандартных световых лет, да она и себя еле обеспечивает, куда уж нас. Даже не знаю, как будет тогда, наверно, все же поставки из других колоний. И уж конечно, нам тогда понадобятся подкрепления. И война пойдет не "прилетели – постреляли", а всерьез. Впрочем, по правде говоря, такой вариант наших военачальников устраивает больше всего.

— Но если это вызовет такие трудности, тогда почему?

— А, Реэрн, это же такая интересная игра, особенно когда ты заведомо сильнее противника. Такое удовольствие хочется затянуть подольше.

— Ясно. А что дальше будет с теми странами, которые без борьбы покорятся нам?

— Со временем придет и их черед. Правда, все будет делаться поэтапно, но все равно вскоре там будет установлен режим примерно того же типа, что и в Кронтэе. Ну, вы знаете, местная администрация под нашим контролем и управлением, обязательные поставки продовольствия и рабочей силы и все прочее. Кронтам, в общем, стоит дать передышку – их число и так сокращается с каждым годом. Ну и, конечно, филиты получат те же права, что и кронты.

— А фактически, полное отсутствие каких-либо прав, полная беззащитность перед нашими чиновниками, принудительная вербовка, запрет на владение землей и любым недвижимым имуществом даже на своей планете, карательные экспедиции по всякому поводу и без повода с расстрелом всех встречных и каждого пятого в придачу! И затем – неизбежное оскудение и вымирание!

— Вы правы, — согласился генерал. — В конечном итоге их ждет именно эта участь. Что поделать, наш мир – довольно жестокая штука.

— Да, не хотел бы я быть на месте этих правителей, — тихо,

словно рассуждая вслух, проговорил Реэрн. — Какой ужасный выбор: смерть в бою или добровольное рабство. Я даже не знаю, что лучше.

— Честно говоря, я тоже. Но учтите, Реэрн, правители ведь не будут знать, что им придется сделать именно такой выбор.

Глава 7. Всего лишь надежда

Дождь разошелся вовсю. Он монотонно стучал в оконное стекло, барабанил по подоконнику, брызгал через открытую форточку и все лил и лил на поникшие деревья, начавшую желтеть листву и все еще зеленую траву лужайки перед Домом Мантериса – небольшим трехэтажным особняком, игравшим в Чинерте роль президентской резиденции.

Дождь принес с собой похолодание, возвестившее, что осень окончательно вступила в свои права, но в небольшой гостиной на втором этаже было тепло и уютно. Невидимое за тучами солнце уже зашло, за окном стемнело, и стеклянные подвески люстры бросали яркие блики на висящий над камином портрет первого президента Чинерты Корка Мантериса, на стоящие в углу старинные кабинетные часы и на крытый простой скатертью стол – небольшой, но вполне достаточный, чтобы за ним с удобством разместились девять человек во главе с хозяином.

У президентов редко выдаются свободные дни, но этот вечер ему все же удалось выделить, чтобы встретиться со своими старыми друзьями. Федеральному президенту Киру Калансису недавно исполнилось пятьдесят шесть лет. Это был крепкий, широкоплечий, уже начавший лысеть мужчина с выразительным приветливым лицом, зигзагообразным шрамом над левой бровью и яркими голубыми глазами. Фигуру президента трудно было назвать спортивной, хотя в последнее время он здорово похудел. Друзья в шутку говорили, что его с непривычки иссушает политическая борьба.

Действительно, Кир Калансис не был профессиональным политиком, и поворот судьбы, приведшей его в президентское кресло, был, возможно, неожиданным и для него самого.

Впрочем, в жизни Кира Калансиса хватало крутых поворотов, можно сказать, это было семейной традицией. Все началось более полувека назад. Самому Киру в ту пору не исполнилось еще и пяти лет, но впоследствии он очень ясно представлял себе, какой переполох поднялся в высшем обществе Фраувенга, второго по величине города Зеллиды и ее крупнейшего порта на Срединном море, когда всеми уважаемый Соррас Калансис, отпрыск богатого и известного рода купцов и промышленников, вдруг забросил свои дела, приносящие ему миллионные доходы, чтобы, к ужасу всех родных и друзей, броситься в дебри политики, не без оснований считавшейся в чинетском королевстве того времени

делом неприбыльным, ненадежным и небезопасным.

Возможно, здравомыслящий Соррас Калансис не смог выдержать в тогдашней атмосфере торжествующего в стране абсурда. Его как многих в те годы, увлекла деятельность национально-освободительного движения Зеллиды, буквально вытолкнутого на поверхность беспардонно-шовинистической политикой правящей камарильи, напрочь забывшей, что правит многонациональной страной, и с заслуживающим лучшего применения упорством, если не сказать тупым упрямством, отвергавшей все возможные компромиссы и уверенно ведущей страну к катастрофе.

Националисты не отягощали себя сложной программой, но их единственный лозунг независимой зеллийской республики давал возможность каждому вложить в него свое содержание, а отважное противостояние ненавистному правительству умножало ряды сторонников. Так или иначе, но Соррас Калансис сменил фрак завсегдатая аристократических салонов на рабочую фуфайку, выступал на митингах, доставал материалы для печатания листовок и прокламаций, оборудовал у себя в подвале подпольную типографию, как-то незаметно для себя стал одним из признанных лидеров оппозиции во Фраувенге и, наконец, был избран в зеллийский сенат, многие десятилетия считавшийся только данью традиции и не принимавший никакого участия в управлении.

Однако новый сенат, подавляющее большинство в котором завоевали националисты, смело бросил вызов как традициям, так и центральному правительству в столичном городе Галане. Опираясь на старинные вольности и уложения, он на первом же заседании объявил Зеллиду независимой республикой и себя – высшим органом этой республики, а затем, опираясь на подчинившуюся ему национальную гвардию, сместил чинетского губернатора и установил свою власть уже де-факто. Тогда правительство Чинерты, ранее проспавшее выборы в Зеллиде, объявило сенат мятежным и бросило на Зеллиду королевскую армию. Началась гражданская война.

Первое время Соррас Калансис не особенно отличался от всех остальных депутатов. Вместе со всеми он проголосовал за независимость, что, исходя из тогдашней ситуации, неминуемо означало войну; вместе со всеми он избрал президентом Зеллиды вождя крайних радикалов Хорема Гарта; вместе со всеми он согласился сначала с исключением из сената, а затем и арестом шести депутатов, проголосовавших против провозглашения независимости; вместе со всеми он, скрепя сердце, отдал свой голос за принятие чрезвычайных законов военного времени и

вместе со всеми принял требования президента Гарта о предоставлении ему на время войны диктаторских полномочий.

Однако в душе Соррас Калансис оставался (или еще оставался) предпринимателем, и зрелище экономики, стремительно разрушаемой чрезвычайными военными законами и разрывом привычных связей с Чинертой, заставило его перейти в стан новой оппозиции. Он уже воздержался при принятии так называемого закона об антизеллийской деятельности; сказавшись больным, не явился на заседание, посвященное ратификации зеллийско-баргандского договора, превращающего Зеллиду в полуколонию Барганда, и наконец, после расстрела войсками антиправительственной демонстрации в его родном Фраувенге, больше других крупных городов пораженном экономическими неурядицами, открыто выступил в сенате против президента Гарта, обвинив его в установлении новой диктатуры и геноциде собственного народа.

Последствия не заставили себя ждать. Соррас Калансис был арестован и заключен в концлагерь, а его имущество в силу того же закона об антизеллийской деятельности конфисковано. Четырнадцатилетний Кир, которого до этого времени сравнительно слабо касались все политические бури, был вынужден покинуть школу, из которой его все равно бы исключили как сына антизеллийского элемента, и пойти работать, чтобы прокормить себя и мать.

Больше года Кир по двенадцать часов в сутки и без выходных мыл посуду в вокзальной забегаловке, но затем времена снова изменились. Президент Гарт был свергнут, баргандские войска ушли из Зеллиды, а сильно похудевший и постаревший Соррас Калансис с триумфом вернулся в зеллийскую столицу город Криденг. Разыскав семью и выяснив, в каком бедственном положении она находится, он отказался от предлагаемого ему министерского поста и, получив полагающуюся ему компенсацию, вернулся во Фраувенг, чтобы в обстановке послевоенного экономического бума поправить свои дела.

Казалось, жизнь вернулась в старую колею, но Соррас Калансис уже, наверно, не представлял себя вне политики. За три года восстановив свое состояние, он снова отошел от предпринимательской деятельности, на этот раз уже навсегда, баллотировался в верхнюю палату федерального парламента Чинерты как кандидат от либеральной партии, без особого труда победил и впоследствии каждые четыре года так же легко продлевал свой мандат.

В федеральном парламенте Соррас Калансис занимал пост сначала заместителя, а потом и председателя комитета по

экономике, стал автором ряда известных поправок и законопроектов, а во время войны возглавлял парламентскую фракцию либералов. Пару раз его имя называлось в связи с различными темными историями по поводу распределения государственных заказов и строительных подрядов, но дальше этого дело не шло. Одним словом, Соррас Калансис после ряда поворотов наконец-то нашел свое окончательное место в жизни.

Что касается Кира Калансиса, то он за это время с некоторым опозданием закончил гимназию и был принят на считавшийся элитным юридический факультет Галанского университета. Университет он успешно закончил, но юристом так и не стал. Не стал он и политиком. Кира Калансиса увлекла журналистика. Последние два года своей учебы большую часть времени он проводил в редакции небольшой газеты "Таксон" – "Обозреватель", занимающейся, в основном, биржевыми новостями и судебными казусами.

Закончив учебу и получив диплом одного из самых престижных в Чинерте учебных заведений, Кир Калансис отказался от ряда заманчивых предложений и начал нелегкую карьеру журналиста – сначала в "Таксоне", а затем и в крупнейшей газете страны *"Галана Нейвл"*, то есть "Галанские Новости". В "Галана Нейвл" он тоже показал себя с лучшей стороны, завоевал известность и авторитет в журналистских кругах и в тридцать один год был назначен заместителем главного редактора.

С начала войны Кир Калансис добровольцем ушел на фронт. Воевал в пехоте, побывал на всех фронтах, прошел путь от командира взвода до командира батальона, участвовал в знаменитом рейде на баргандские нефтепромыслы, был награжден шестью орденами, трижды ранен, после последнего ранения комиссован и заканчивал войну уже в качестве военного корреспондента.

Через три недели после победы скоропостижно скончался сенатор Соррас Калансис, оставив сыну в наследство свое состояние и свои обширные связи в Галане, Фраувенге, Криденге и федеральной столице Самодонесе. Кир Калансис использовал и то, и другое на свой лад. Едва вступив в права наследования, он покинул редакцию "Галана Нейвл" и основал свою собственную газету *"Рейлан"* — "Голос".

Друзья честно заявляли ему, что это безумие – бросаться в такое рискованное дело, имея на руках жену и двух дочерей, отказываясь от любимой работы и в перспективе – кресла главного редактора крупнейшей и солиднейшей газеты страны.

Они справедливо замечали, что идея дешевой, массовой, но в то же время серьезной газеты весьма сомнительна, что симпатии читателей уже прочно поделены между солидными многостраничными изданиями, экономической прессой и сравнительно дешевыми бульварными листками, а попытка соединить все три типа в один вполне возможно приведет к неудаче и к потере не только денег, но и авторитета.

Возразить на все эти доводы Киру Калансису было нечего – разве что работой. Его идея, как минимум, нашла свое воплощение. Газета "Рейлан" выходила всего на восьми (в выходные – на двенадцати) страницах, один ее экземпляр стоил двадцать или, соответственно, тридцать *ларков* вместо одного-двух *аксов*, на ее страницах находилось место и новостям, и проблемным статьям, и развлекательной тематике и самое главное, все ее материалы при серьезности содержания были занимательными и интересными.

Киру Калансису удалось подобрать отличную команду, в основном, из молодежи, да и сам он оказался хорошим руководителем – твердым и в тоже время демократичным, умел вовремя принять нужное решение и найти подходящего человека на любую должность, удачно соединял в себе талантливого журналиста и рачительного хозяина и, наконец, был способен задать цель и увлечь за собой людей.

К тому же, его "Рейлан" всегда был готов занять активную позицию. Он первым вступился за ветеранов, которым и через три года после окончания войны Министерство обороны так и не удосужилось вручить кровью заработанные ордена и медали – история получила широкий резонанс, министерству пришлось взяться за дело, и за четыре месяца все запоздавшие награды нашли своих владельцев. Он настойчиво боролся против бюрократизма и неповоротливости государственной телефонной компании – в конце концов правительство приняло решение реорганизовать ее и разделить на три независимые части, что сразу же привело к понижению тарифов и улучшению качества обслуживания. Он поддержал зарождающееся движение "зеленых" против могущественного концерна "Аконара", экономящего на очистных сооружениях и загрязняющего своими отходами озера и реки – в ряд законов были включены существенные поправки и "Аконара" была наказана многомиллионным штрафом, да и остальным промышленным гигантам пришлось уделить больше внимания охране природы. Он, наконец, предал гласности сведения об увеселительных поездках и постройке особняков за государственный счет рядом депутатов федерального и земельных парламентов – последовало несколько

скоропостижных отставок, а кое-кому пришлось отказаться от намерения баллотироваться на следующих выборах.

За "Рейланом" числилось немало и других подвигов. Со временем он приобрел репутацию ревнителя честности и неподкупности и защитника интересов простых граждан. Немало политиков всех рангов как огня боялись попасть на его страницы в нелицеприятном контексте, а некоторые крупные фирмы, в борьбе за доходы позволившие себе нечестную игру, после публикаций в "Рейлане" были вынуждены сообщить о снижении прибыли. Против газеты было возбуждено немало судебных процессов, но Кир Калансис хорошо помнил о своем юридическом образовании. К тому же, поддавшись в начале своей деятельности на несколько провокаций, он твердо следовал правилу не выпускать никакой, даже самой сенсационной или вопиющей информации без проверки и документального подтверждения.

Время шло, и друзья один за другим признавали свою неправоту. Небольшой объем газеты и дешевизна привлекали читателей и подписчиков, да и к тому же она была просто интересна. "Рейлан" стремительно набирал популярность. Тираж его в конце концов поднялся до двенадцати миллионов – очень много даже для страны со 180-миллионным населением, что принесло ему славу самой читаемой в мире газеты. Калансис мог позволить себе самые высокие расценки за рекламу, а на полученные доходы создать в стране и за границей обширную сеть по сбору информации, считающуюся даже более надежной, чем чинетское федеральное телеграфное агентство.

Вместе с газетой росла слава и ее главного редактора. Еженедельную редакторскую колонку – полный юмора, а иногда весьма язвительный комментарий к событиям, произошедшим в стране и в мире за неделю, — читала вся Чинерта. Кира Калансиса узнавали на улице, а редакцию ежедневно приходили мешки писем, адресованных "лично редактору Калансису".

Жизнь, вроде бы, установилась прочно и навсегда. Многие из друзей Калансиса были политиками, он был своим человеком в их кругу. Не замечая того, он сам оказывал немалое влияние на политику, но идея заняться политикой самому, наверно, и не приходила ему в голову – Кир Калансис дорожил своей свободой и независимостью и любил свое дело.

Все вышло весьма неожиданно. На одном из высоких приемов незадолго до выборов в разгар сезона выдвижения кандидатов престарелый президент Ладанис при всех стал высказывать редактору Калансису свою обиду по поводу последней редакторской колонки в "Рейлане", где автор, подводя итоги семи с лишним лет правления нынешней администрации, не нашел

лучшего определения для этой деятельности, чем "бег на месте".

— Вы уж очень любите всех критиковать, — со вздохом было сказано в заключении этой нравоучительной речи. — Со стороны это всегда просто. А попробовали бы сами побыть на моем месте!

Кир Калансис обвел взглядом круг зрителей, вместивший в себя уже всех присутствующих.

— Хорошо, — принял он вызов. — Я попробую немного побыть на вашем месте, господин президент. Итак, господа, сим объявляю, что выставляю свою персону, гм, то есть, кандидатуру, на пост президента Чинерты. Как независимый кандидат.

Возможно, уже через минуту Кир Калансис искренне пожалел о сказанном, но было уже поздно. На приеме присутствовали и коллеги-журналисты, сенсационное сообщение прозвучало на следующий день по телевидению и появилось во всех газетах, так что делать было нечего – оставалось только идти до конца.

У Кира Калансиса, как и у всех кандидатов, началась горячая пора. Верный своему принципу браться за любое начатое дело всерьез и доводить его до конца, он совершил несколько поездок по стране, выступил в теледебатах, где благодаря своей искренности, чувству юмора и быстрой реакции смотрелся намного лучше других кандидатов, и на все сто процентов использовал положенное ему по закону время на предвыборные телевизионные ролики.

За это время Киру Калансису довелось встретиться со многими людьми, узнать много нового, услышать о себе немало как хороших вещей, так и брани. Многие люди, которых он совсем не знал или с которыми у него были до этого вполне нормальные отношения, вслух и печатно называли его дилетантом, бессовестным демагогом, а в неофициальной обстановке и зарвавшимся писакой. Ему приходилось слышать, что он скрывает свои доходы от налогообложения, что знаменитые редакторские колонки на самом деле пишут за него другие, и даже что зеллиец никогда не будет избран президентом в стране, где большинство населения составляют чинеты.

У Кира Калансиса не было ни желания, ни времени не только отвечать, а даже и читать эти вздорные обвинения. Часто недосыпая (но не теряя аппетита) он продолжал изматывающую гонку, про себя и вслух проклиная и президента Ладаниса с его обидой, и свое собственное мальчишество.

— Это какой-то кошмар, — говорил друзьям Калансис. — В жизни никогда не буду больше баллотироваться ни в какие президенты!

Наконец, "дни большого кошмара", как окрестил предвыборную кампанию сам Калансис, подошли к концу, и

настал день выборов. Свои шансы Калансис оценивал не слишком высоко – за ним не стоял мощный пропагандистский аппарат политических партий, организовывать предвыборную кампанию ему помогали друзья, а не профессионалы, многое приходилось делать экспромтом и при том считать каждый ларк. В общем, он с сильным недоверием относился к опросам, неизменно предрекавшим ему, как минимум, выход во второй тур голосования.

Но оказалось, что Кир Калансис сильно недооценивал свою популярность. Уже в первом туре он набрал пятьдесят четыре процента голосов и был провозглашен седьмым президентом Чинерты. Теперь отступать было уж точно некуда, и Кир Калансис набрал правительство, которое, кажется, сам он и назвал в шутку редколлегией, и приступил к выполнению многотрудных президентских обязанностей.

С этого времени прошло почти полгода. Кое-что было сделано, многое делалось, еще больше было запланировано, и даже проводя вечер выходного дня со старыми друзьями, президент Калансис не смог удержаться от разговора о своих планах и заботах.

Держался он, правда, довольно долго. Обед был съеден, по чашкам был разлит *лакин* — настоянный на особой смеси трав горячий ароматный напиток, лично заваренный супругой президента Нейри Калансис по бабушкиному рецепту. За столом давно установилась та атмосфера непринужденного веселья, которая обычна при встрече старых друзей, которым всегда есть что сказать и рассказать друг другу, с которыми можно оставаться самим собой и с которыми всегда можно поделиться всем, что лежит на душе, и быть выслушанным и понятым.

Но пока в гостиной слышались шутки и смех. Университетский товарищ Кира Калансиса а ныне судья Торви Арнинг в комически-драматическом стиле рассказывал о приключениях во время последнего отпуска, который они с женой провели в сравнительно редко посещаемом туристами районе в предгорьях Великой Южной Стены. Нейри Калансис – высокая, стройная, в свои пятьдесят с лишним такая же красивая, как и десять, и пятнадцать, и двадцать пять лет назад, весело и беззаботно смеялась. Линн Арнинг – чуть ниже среднего роста, плотная, с тяжелой копной черных, чуть тронутой сединой волос – слушала мужа с иронической улыбкой и время от времени вставляла в его рассказ меткие комментарии. Сын Арнингов Гредер, женатый на младшей дочери президента Рэл – двадцатисемилетний здоровяк, в недалеком прошлом дважды

чемпион Галанского университета по специальной борьбе, но тем не менее, четыре года назад успешно закончивший экономический факультет этого университета – участия в этих приключениях не принимал и поэтому пока отмалчивался.

За окном шумел дождь, в углу мерно тикали часы, а первый президент Корк Мантерис, задумчиво улыбаясь чему-то своему, смотрел с портрета куда-то на дальний конец стола, где сидели самый старший из присутствующих 66-летний профессор социологии Костас Феланис и его жена Эри – такая седая добрая бабушка, выглядевшая старше своего по-спортивному подтянутого мужа.

Костас Феланис не проявлял особого интереса к приключениям Арнингов. Сам он проводил все отпуска дома за письменным столом, с предубеждением относился к лазаниям по горам и ночевкам в третьеразрядных отелях, а всем видам активного отдыха предпочитал бег на длинные дистанции. Сейчас он, слегка наклонив голову, вполголоса обменивался репликами со своим соседом – бывшим заместителем Калансиса, а теперь главным редактором "Рейлана" Барком Негелисом.

Так же в пол-уха, но уже по другой причине, слушала рассказ Арнинга жена Барка Тэй Негелис по прозвищу мама Тэй, сильно располневшая за последние годы, но не потерявшая ни капли живости и жизнерадостности. Дождавшись, пока Торви Арнинг дойдет до благополучного возвращения к благам цивилизации и в разговоре наступит пауза, она немедленно повернулась к Киру Калансису.

— Слушай, Кир, ты можешь обдурить кого угодно, но только не меня. Ты смеешься, шутишь, но глаза у тебя тревожные. У тебя снова какие-то проблемы? Что случилось, в конце концов? Не зря же Нейри нас всех сюда позвала.

Кир Калансис вздохнул. Мама Тэй по-прежнему считала всех мужчин независимо от возраста и положения малыми детьми, нуждающимися в заботе и опеке, и отвязаться от нее было невозможно. Да и не нужно.

— Проблемы, — медленно повторил Кир Калансис, устало помассировав левый висок. — Да, проблемы… Знаете, я никогда не боялся принимать решения, не боюсь и сейчас, но я чувствую, на мне лежит ответственность за всю страну. Это тяжело – всегда помнить, какова цена ошибки.

Он обвел взглядом сразу посерьезневших и замолчавших друзей.

— Да, стране нужны перемены. Я все вспоминаю, как прямо перед выборами ездил в Дондоэль. Никто туда не решился поехать, а я все же отважился. Это было просто страшно.

Полумертвый город. Три четверти шахт закрыты, пятая часть жителей не имеет работы. Центр они еще умудряются поддерживать в хорошем состоянии, а окраины… Как после бомбежки. А рабочие поселки вокруг города? Все пусто, вымерло. А ведь это же земля Арлатон – наш первый промышленный район – первые заводы, железные дороги, шахты… Все мертво, все в запустении. Старые пласты выработаны, уголь выгоднее добывать на востоке – открытым способом…

Помнишь, Барк, мы тогда воевали против закрытия шахт? Безнадежно, конечно; шахты надо было закрыть. Но нас тогда не послушали – люди ведь не все разъехались, очень многие остались там – на мертвой земле…

И мы всегда гордились тем, что у нас самая низкая в Приморье преступность. А сейчас она растет, год за годом, все быстрее и быстрее. Не только в Арлатоне – везде, где люди теряют работу, а молодежь – возможность ее найти. И я помню, я разговаривал тогда с Керкисом, мэром Дондоэля. Получается заколдованный круг. Фирмы уходят, потому что боятся плохой конъюнктуры, запустения, преступности. Они уходят, и в бюджет города поступает меньше налогов, не хватает средств, чтобы противостоять запустению. Безработица вызывает рост преступности. А преступность и разруха заставляют прекращать бизнес следующие фирмы. И так без конца. Точнее, до полного конца.

Я тогда сказал людям: я не обещаю вам сразу, немедленно, никаких чудесных превращений. Но я хочу дать вам надежду. Надежду, что все изменится к лучшему. Всего лишь надежду… И они мне поверили. За меня в Дондоэле проголосовало шестьдесят пять процентов, больше только во Фраувенге. И я должен, я обязан что-то сделать.

Барк Негелис зашевелился, стремясь что-то сказать, но Кир Калансис опередил его.

— Подожди, Барк, не сейчас. Я читал твою статью. Я всегда прочитываю нашу газету, и я знаю, что ты сейчас хочешь сказать. "Бесчеловечность как государственная политика", так? Возможно, ты прав. Да, я тут много и хорошо говорил о помощи бедным и безработным, а вместо этого урезал пособия. Да, я решился на это! И не один ты проклинаешь меня, но я говорю всем, как сейчас тебе: пойми, людям нужна честная, достойная работа, а не подачки от государства! Я говорил про Арлатон, но ведь трущобы растут у нас во всех крупных городах. Даже в таких благополучных, как Самодонес или Фраувенг. Из-за этих пособий мы рискуем вырастить целое поколение, которое не умеет и не хочет работать! Да, наше государство достаточно богато, мы

можем гарантировать любому прожиточный минимум. Но мы почему-то забываем, что все эти пособия мы забираем из кармана тех, кто работает и платит налоги. А налоги растут, теперь мы дошли даже до того, что сидеть на пособии уже иногда выгодней, чем работать! И люди сидят – годами. И превращаются в бездельников и люмпенов. А я хочу заставить их самих зарабатывать деньги, заставить уважать себя, в конце концов!

Кир Калансис закашлялся, и Барк Негелис сумел вклиниться в паузу.

— Стой, Кир! Ты уже не на трибуне. Я хотел только спросить – правда ли, что ты уговорил Трента из корпорации "Элано" построить новый завод электротехники в Торнединге под Дондоэлем?

— Правда, — усмехнулся Калансис. — Если будешь писать об этом, можешь сослаться на хорошо осведомленный источник в правительстве. По расчетам – около двенадцати тысяч новых рабочих мест, не считая занятых на стройке. По сути дела, это даже не строительство, а настоящая реконструкция всего района. Помнишь, мы как-то опубликовали проект о промышленных зонах будущего – технополисах? Что-то вроде этого. Дня через три я собираюсь туда поехать – мне, в общем, будет, что сказать по поводу начала этой стройки.

Да, ты меня перебил. Я говорил, что хочу заставить работать бездельников, но я еще хочу и дать работу тем, кто ее ищет. Хотя бы некоторым. Мы разработали большую программу. Определили кризисные районы, много разговаривали с мэрами городов, премьер-министрами земель, провели расчеты. Там, в Торнединге, я объявлю об этой программе. Сто восемьдесят восемь миллиардов на шесть лет. Реконструкция городов, строительство дорог, рекультивация земель, всяческие льготы тем, кто будет создавать рабочие места в кризисных районах. Мы объявляем войну трущобам! Порочный круг будет разорван!

— Ты очень веришь в эту программу? — спросила мама Тэй. Она всегда умела задавать точные вопросы.

— Да, пожалуй. Мне надо верить в нее. И надо убеждать всех, что все идет прекрасно, а жизнь меняется к лучшему. Но в том-то и дело, что я не знаю, правильно ли мы идем. И дело не только в этой программе… Стране нужны перемены, в этом у меня нет сомнений. У меня сомнения – дадут ли перемены желаемый эффект. Будет ли толк от такого искусственного повышения занятости, от поощрения мелкого бизнеса, от снижения налогов? Очень верит во все Морринсон. Он верит. Он двадцать лет твердил об этом, писал статьи и книги. А сейчас он счастлив. Он министр экономики, причем, очень неплохой министр, и может

применить все свои теории на практике. А между тем, в бюджете на следующий год предусмотрен дефицит в шестьдесят миллиардов – впервые за десять лет и причем так много. А министр финансов Суарис, хотя и очень верит во все наши программы, тем не менее, предсказывает на будущий год инфляцию в восемь процентов – такого у нас тоже не было десять лет.

— Я понимаю, в чем дело, — размеренно вставил Костас Феланис. — Вы решились прямо вмешаться в экономику, и вмешаться так, как это не делал до вас никто в мире.

— Верно! — поддержал Калансис. — Никто! Во всем мире считается, что производители сами быстрее и лучше справятся с делом, чем неповоротливая государственная бюрократия. Во всех странах нашей цивилизации принято не отводить государству большую роль, чем роль судьи на поле, который строго следит за соблюдением правил, но не принимает участия в игре. У нас государство строило и строит электростанции, железные дороги, каналы и порты, контролирует стратегические отрасли наподобие финансов или военной промышленности, но никогда ранее ни у кого не возникало идеи сделать его одним из игроков. И ведь это у нас были и Гарт, и Баркенис, которые хотели полностью подчинить экономику государству. Мы-то не понаслышке знаем, что это такое!

— Очевидно, они скомпрометировали своим излишним рвением в целом здравую идею, — добавил Феланис. — Мы же сейчас видим и другой полюс: Гордану. Я был там в прошлом году и видел, в какой жуткий тупик они уперлись. Это государство, где капиталу не было поставлено вообще никаких заслонов. И что они имеют сейчас? Чудовищные контрасты: огромное богатство и нищету, коррупцию, преступность. Всем правят гигантские корпорации. Все там дороже, чем у нас, заработная плата ниже, качество хуже. Все эти гипертрофированные уроды держатся только за счет экспорта.

— Вот-вот, — невесело согласился Калансис. — В том-то и вопрос – найти путь между двумя крайностями. А путей много и попробуй, найди, какой из них верный.

— Но программу, наверно, трудно будет утвердить в парламенте, — посочувствовала Линн Арнинг.

— И не говори. Придется отстаивать каждый пункт. Кто-то будет беспокоиться из-за бюджетного дефицита, кому-то не понравится сама идея, а кто-то, — голос президента ожесточился, — постарается привлечь побольше внимания к своей персоне. Но все же, думаю, пройдет. Сильно надеюсь на общественную поддержку, ну а с лидерами всех фракций в

парламенте я уже успел переговорить. Со скрипом, но большинство наша программа должна набрать. Главное – начать. А заканчивать, наверно, придется уже не мне.

— Так наверно не тебе или точно не тебе? — невинным голосом спросила Тэй Негелис.

Президент улыбнулся.

— Ну, кто его знает? Не знаю, раньше я говорил вам, что не хочу баллотироваться на второй срок, а сейчас… Наверно, правильно говорят, что власть затягивает. Точнее, я понимаю это как выход на более высокий уровень. И мне нравится быть на этом уровне. И просто по-человечески, не хочется с него уходить. Теперь я понимаю, почему все президенты после ухода с поста прекращают активную деятельность. После того, как ты побыл достаточно долго на самой вершине, просто неинтересно снова оказаться на подступах. Ведь назад, снова наверх, уже нет хода. И больше нет цели. Так что не знаю. Впрочем, у меня еще есть время решить.

Атмосфера за столом несколько разрядилась. Нейри Калансис разлила по чашкам новую порцию лакина. Некоторое время все молча прихлебывали ароматный горячий напиток. Первой нарушила молчание Эри Феланис.

— Послушайте, друзья, это же просто невозможно. Мы не виделись Единый знает, сколько времени, а тут сидим и говорим о политике! И ты, Гредер, сидишь и молчишь весь вечер. А тебе ведь есть, что рассказать нам, правда?

Гредер Арнинг смущенно задвигал стулом.

— Да, верно, — поддержал Эри Кир Калансис. — Нейри говорила, ты ушел с работы. Что в конце концов произошло?

— Ты ушел? — Удивилась Тэй Негелис. — Но ведь ты, помню, был так рад, что тебя прямо из университета взяли в центральное правление "Мельдиесо".

Все внимание присутствующих было теперь обращено к Гредеру Арнингу. Нейри Калансис и Эри Феланис облегченно переглянулись. Действительно, выговорившись, Кир Калансис заметно успокоился.

— Тогда я по-настоящему был рад, что меня взяли на "Мельдиесо", — начал Гредер Арнинг. — Ну, конечно, самая большая автомобильная фирма в Чинерте, традиции, всемирная слава, да и все прочее. Вначале все было чудесно – работаю в центральном правлении, зарплата хорошая, люди вокруг тоже хорошие. Но сейчас, когда я осмотрелся – нет, это не для меня. Ну, я прихожу каждое утро, там, как дела, с женой вчера были в театре; а как там вчера наши сыграли – а, выиграли, молодцы, Воренис опять там их всех как детей, за тридцать уже мужику, а

играет как бог; а что там в сегодняшней газете, да, верно, валезцы действительно слишком много хотят; а, снова письмо из Криденгского филиала, надо ответить, а в вычислительном центре опять задержка, пойти разобраться, что ли – и все это изо дня в день. Мне просто стало тошно, как я представил, что буду заниматься этим и завтра, и через месяц, и еще тридцать лет. Я понимаю, в дирекцию мне не выбиться, ну стану к сорока годам, может быть, начальником отдела, но так вся жизнь пройдет, и не заметишь. Просто хочется быть самому себе хозяином, иметь хоть небольшое, но свое дело. Ну, когда Томи Ларнисон предложил войти в долю, я и согласился.

— А что за дело? — спросил Барк Негелис.

— Сначала открыть небольшой ресторанчик. Томи – это мой старый приятель, еще по университету. У его родителей ресторан в Галане в старом городе, я у них всегда на каникулах подрабатывал. А сейчас Томи предложил открыть собственное заведение. Он берет на себя, так сказать, производственную часть, а я финансовую.

— Что ж, тоже неплохо, — немного снисходительно пожал плечами Костас Феланис. — Как для начала. Тут самостоятельность тебе обеспечена. Или выжил, или прогорел. Все ясно и просто.

— Не просто, — резко сказал Гредер Арнинг. Он отлично уловил оттенок снисходительности в словах Феланиса. — Я не стал бы вкладывать ни свой труд, ни свои деньги в какую-то мелкую забегаловку, которых полно в любом городе, и половина из которых еле сводит концы с концами. Это та же дыра, из которой не выбраться. Нет. Просто когда я был в прошлом году в командировке в Вилканде, я обратил внимание на тамошние рестораны сети "Отио". Там подают ресторанные блюда, но по низким ценам. И я вдруг задумался: а почему у нас нет подобных заведений? В центре Галаны, где полно офисов и ходят толпы туристов, есть только кафе быстрого питания, где все дешево, но не всегда вкусно и качественно, и где нельзя посидеть, а нужно просто перекусить и бежать дальше. Или же настоящие рестораны, где тебя хорошо накормят и обслужат, но это будет недешево, да и такой обед займет почти час. Два полюса, и ничего между ними. И я подумал, а что, если закрыть эту брешь? Только не так как "Отио", в которых все как в настоящем ресторане, только дешево. Там так и выпирает, что они на всем экономят. Все эти пластиковые стулья, столики чуть ли не вплотную друг к другу, заморенные беготней официантки – все это как-то неуютно. А я хочу, чтобы это выглядело как кафе быстрого питания, но с уютными местами, музыкой, чтобы все

было не только недорого, но также вкусно и…

— Много! — со смехом вставил Кир Калансис.

— Да, много. И это должны быть не какие-то бутерброды, а полноценные блюда. И еще мне пришла в голову одна идея: в той же поездке в Вилканд мы заблудились, и нам пришлось переночевать в крохотном отельчике в одном городке. И мне там запомнился местный ресторанчик. Прямо в зале огромная печь, в которой прямо на твоих глазах пекут вкуснючий хлеб, рядом жарят мясо, делают салаты. Мы там просидели, наверное, часа три. И я хочу, чтобы в нашем заведении было все то же самое! А хлеб вообще будет нашим фирменным блюдом! У Томи выпечка вообще что-то вроде хобби, и когда он обо всем этом услышал, то прямо загорелся. И я думаю, людям тоже это понравится.

— А что еще у вас можно будет поесть, кроме хлеба? — заинтересовалась Тэй Негелис.

— Пока секрет фирмы. У Томи есть несколько идей. Но мы открываем свое первое заведение где-то через месяц. Так что, будете в Галане – заходите.

— А куда заходить? — спросил Барк Негелис. Было видно, что идея ему понравилась. — Где вас искать-то?

— На Ремесленной улице угол Доктора Макселиса. Практически в самом центре – пятнадцать минут ходьбы до Пушечной площади. Недалеко станция метро, да и вообще район довольно оживленный. И все наши заведения будут называться одинаково, как "Отио" в Вилканде. Просто "Ларринг". Мы уже зарегистрировали фирменный знак. Теперь нам главное – реклама. Завтра как раз буду заказывать плакаты.

— Да, но ты еще не сказал самого главного, — вмешалась в разговор Линн Арнинг. — Скажи, где вы взяли деньги на все это.

— Ну, половину стартового капитала мы собрали сами. Сложили свои сбережения, немного отец дал, немного – семья Томи. А на остальную сумму мы взяли президентский кредит – так его называют – в Фонде поддержки малого бизнеса. Идея им там понравилась, обо мне на "Мельдиесо" дали хороший отзыв, у Томи тоже все в порядке – вот мы и получили все, что нам требовалось.

— Так что, как минимум, один положительный результат новой политики у тебя уже есть, — со смехом сообщил Калансису Барк Негелис.

Гредер Арнинг взглянул на часы и со вздохом поднялся с места.

— Прошу прощения, но мне пора ехать. Путь неблизкий, а завтра с утра дела.

— Да, — взволнованно поддержала его Нейри Калансис. —

Ты действительно уже сильно задержался. Смотри, на улице уже совсем темно.

— Ничего, — успокаивающим тоном сказал Гредер Арнинг. — Мне главное – за город выехать, а там уже прямая автострада на Галану. За три часа доеду.

— У тебя все та же машина? — спросил Феланис.

— Да, та же. "Мельдиесо Морри". Самая дешевая, самая простая, самая надежная. Ничего, как заработаю первый миллион, куплю что-нибудь получше.

Феланис широко улыбнулся. Нейри Калансис встала из-за стола.

— Хорошо, Гредер, будем прощаться. Передавай Рэл привет. Жалко, конечно, что она так и не приехала. Мы с Киром очень надеялись.

— Ей самой страшно хотелось вас повидать. Но она все-таки вчера очень разволновалась. Ведь наш малыш до этого ничем не болел, а тут так внезапно, и такая высокая температура. Врач сказал – ничего страшного, завтра-послезавтра пройдет, но Рэл, конечно, никак не могла поехать. Но ничего, через месяц ему как раз исполнится три годика, тогда уж обязательно навестим.

— Ну, будем ждать, — сказал Кир Калансис, поднимая руку в жесте прощания.

— Будем ждать, — повторила Нейри. — Но все равно, я обязательно позвоню завтра вечером, узнаю, как там у вас.

— Гредер Арнинг, еще раз улыбнувшись всем на прощание, пошел к двери, но не успел сделать и трех шагов. Дверь распахнулась, и в комнату стремительно и без стука вошел бледный и растерянный Рейн Магранис – начальник президентской охраны.

— Что произошло?! — встревоженно вскочил с места Кир Калансис. Ему, да и никому другому, никогда не приходилось раньше видеть Магранис растерянным.

— Нечто странное, — Магранису удалось справиться с волнением, но голос его все же звучал непривычно неуверенно. — Это слишком необычно, поэтому я прошу вас, господин президент, включите сначала телевизор.

Все уже были на ногах. Кир Калансис сделал неуверенный шаг в сторону, но его опередил Гредер Арнинг. Ему было достаточно только протянуть руку. Раздался щелчок, и экран стоявшего в углу телевизора стал медленно разгораться.

Это был новейший цветной телевизор фирмы "Элано", только в этом году запущенный в производство. Но сейчас он не показывал вообще ничего. Гредер Арнинг повернул переключатель, но на всех каналах было одно и то же – светло-

серая матовая пелена, через которую не пробивалась даже рябь помех.

— Так в чем дело? — повернулся президент к Магранису. — Что-то со связью или прекратили передачи все телестанции?

Рейн Магранис судорожно сглотнул. Он был в затруднении – не знал, с чего начать.

И вдруг на экране появилось изображение. Какой-то кабинет, человек за пустым столом из полированного дерева и большая незнакомая эмблема, нарисованная… нет, не нарисованная, а прикрепленная над его левым плечом на светло-розовой стене.

В центре эмблемы было стилизованное изображение солнца со множеством лучей. Вокруг светила – тонкий черный эллипс и четыре глобуса зелено-песочного цвета – точь в точь, как на рисунке в школьном учебнике, иллюстрирующем обращение планеты вокруг солнца и смену времен года. Выше глобусов был полукруг из синих двенадцатиконечных звезд, еще один полукруг образовывали внизу две перекрещенных ветви какого-то растения, тоже синего цвета. Из точки пересечения ветвей веером расходился вверх голубой конус, образуя под нижним глобусом широкий прямоугольник, внутри которого блестели золотом два ряда непонятных символов.

Эмблема обращала на себя внимание, и поэтому в первую секунду никто не заметил странностей в облаке человека, сидящего за столом. На нем был темно-синий френч непривычного покроя с вертикальным рядом золотых застежек в виде уголков, спускающихся вниз от наглухо застегнутого стоячего воротника с золотой ленточкой посредине. У него было длинное узкое лицо трудноописываемого цвета – что-то среднее между голубым и сиреневым, нос с необычным разрезом ноздрей, узкая щель тонкогубого рта, большие почти круглые темные глаза, брови дугами, высокий лоб, тронутый морщинами.

Человек, сидящий за столом, был не молод. Если бы он был филитом, его возраст можно было бы оценить лет в пятьдесят. Но он не был филитом! Он был инопланетянином!!!

Несколько секунд все в оцепенении смотрели на экран. И вдруг инопланетянин медленно заговорил по-чинетски.

— Я, Председатель Совета Пятнадцати великой Звездной Империи Ркао эни-Оонк, обращаюсь к президенту государства Чинерта Киру Калансису…

Никто не ожидал этого – все вздрогнули. Инопланетянин говорил с сильным акцентом, растягивая гласные и произнося звуки "ч" и "ш" как "с", но очень медленно, четко и понятно.

— Я обращаюсь, — бесстрастно произнес он, глядя прямо перед собой, — как равный к равному, и надеюсь, что мои слова

будут правильно поняты и правильно оценены. Их слышат сейчас только вы и те люди, которые находятся в одном здании с вами.

Ваша планета находится в секторе пространства, который является зоной интересов Империи, и исходя из этого, Совет Пятнадцати считает нужным распространение на нее своего влияния и включение ее в состав Звездной Империи на правах колонии. Этот статус предполагает, что планета Филлина, ее земля, воды и недра, равно как и находящиеся на ней здания и сооружения хозяйственного, бытового или культурного назначения объявляются собственностью Империи, представляемой ее высшим органом управления – Советом Пятнадцати.

Произнеся эту фразу, инопланетянин сделал паузу, давая слушателям возможность осознать смысл сказанного, и выждав несколько секунд, продолжил тем же ровным и бесстрастным голосом, глядя тяжелым и немигающим взглядом прямо в глаза ошеломленных слушателей.

— В соответствии с законами Империи, исполнение властных функций в колонии Филлина будет отводиться управителю, назначаемому министерством колоний, утверждаемому в должности Советом Пятнадцати, и обладающему после этого утверждения всей полнотой власти (Снова пауза).

Хотя законы Империи не допускают создания органов самоуправления для коренного населения колоний, Совет Пятнадцати и лично я, как первое лицо в государстве, из уважения к достигнутому вашей цивилизацией уровню развития готовы пойти на создание так называемой Особой Зоны Филлины, управляемой местной администрацией. У меня есть два альтернативных варианта, первый из которых отводит на особую зону материковую часть Восточного континента, расположенную севернее пятнадцатого градуса южной широты, всю его островную часть, за исключением архипелагов Сагвас и Деззеаг, а также острова Фланни и Ксаннет у побережья Западного континента.

Я предлагаю лично вам, президент Кир Калансис, возглавить администрацию Особой Зоны. Вам и вашим преемникам будет предоставлено исключительное право пользования и распоряжения всей Императорской собственностью на ее территории. Ваша полная власть над населением Особой Зоны будет безусловно признана Советом Пятнадцати. Все ваши действия, направленные на утверждение вашей власти или наведение надлежащего порядка на вверенной вам территории, будут восприниматься нами с пониманием и при необходимости поддержаны всей мощью размещенных на Филлине сил Империи.

В ответ мы ожидаем принятия вами ряда условий, а именно:

официально признать верховную власть Императора и Совета Пятнадцати; допустить в администрацию Особой Зоны наблюдателей от Имперского Министерства колоний с целью установления постоянного контакта с аппаратом управителя Филлины, а также постепенного приведения законодательства в соответствие с правовыми нормами Империи и подготовки к дальнейшему включению Особой Зоны Филлины в общеимперскую систему обязательных поставок; вплоть до достижения самообеспеченности снабжать колониальные власти сырьем, продовольствием и рабочей силой. (Пауза).

И запомните, — инопланетянин наклонился вперед, его бесстрастный голос зазвучал положительно зловеще. — На корабле Имперского космофлота, совершившем посадку в пустыне, ожидают положительного ответа в течение десяти филлинских суток. В случае его отсутствия Совет Пятнадцати уполномочил Вооруженные Силы Империи утвердить свою власть на Филлине военными средствами, не останавливаясь ни перед чем. Этими же средствами будет произведена очистка территории, не вошедшей в Особую Зону Филлины. Кроме того, имейте в виду, что в этот же день альтернативный проект, предусматривающий создание Особой Зоны на Западном континенте, будет представлен президенту Горданы Лёриду Кирстену. Поторопитесь, ибо предпочтение получит тот, кто даст согласие первым, а думать, что из-за разницы часовых поясов вы имеете четверть суток форы, было бы непростительной глупостью.

Что-то негромко щелкнуло, а может, это всем только показалось, и изображение исчезло.

— Это ужасно, — выдохнула Эри Феланис. И почти жалобно, глядя на мужа: – Друзья, ну разбудите меня кто-нибудь! Этого ведь не может быть! Это же не всерьез!?

Костас Феланис отвел взгляд. Он понял, что это всерьез. Тэй Негелис пробормотала что-то похожее на ругательство.

Гредер Арнинг напряженно следил за бегом секундной стрелки. Десять, пятнадцать, двадцать секунд – казалось, еще немного, и белая пелена на экране пропадет, возобновятся нормальные передачи, а странный инопланетянин останется сном, галлюцинацией, кадром из фильма, о, нет!…

На сорок второй секунде на экране снова появился Председатель Совета Пятнадцати Оонк. Он повторил свою речь слово в слово – бесстрастно, спокойно, твердо, словно наслаждаясь растерянностью застигнутых врасплох слушателей. Он был хозяином положения и не скрывал этого.

— Ну и наглец! — возмущенно воскликнула Тэй Негелис,

едва дождавшись окончания речи. — Кир, тебе не кажется, что этот синерожий слишком много себе позволяет?!

Кир Калансис не отреагировал.

— Рейн, — повернулся он к Магранису. — Я уверен, вы, как всегда, знаете обо всем, что происходит в этом доме. Сколько человек – кто еще – слышали или могут услышать выступление пришельца?

Рейн Магранис был готов к ответу.

— Обслуживающий персонал вы сами сегодня отпустили. Журналистов никого нет. Остается только охрана. Ребята из бодрствующей смены. Я сам был у них в комнате, когда это началось.

— Хорошо, — президент слегка улыбнулся. — Они, думаю, не станут обо всем этом особенно распространяться, верно? И… Рейн, вы приняли меры для записи этого… гм… обращения?

— Да, господин президент, — отрапортовал начальник охраны. — Мы сразу же записали его на магнитофон, а перед тем, как идти к вам, я распорядился, чтобы принесли киноаппарат и звукозаписывающую аппаратуру.

— Отлично, — президент с благодарностью посмотрел на Магранис. — Теперь пошлите своих людей в близлежащие дома. Пусть под любым предлогом выяснят, не принимают ли они эту передачу. Вас же, друзья, — повернулся он к собравшимся, — я попрошу сохранить в тайне все увиденное и услышанное.

Все это прозвучало достаточно жестко и требовательно. Барк и Тэй Негелисы синхронно кивнули. Торви Арнинг пробормотал что-то одобрительное. Остальные стояли, словно окаменев. Переход от мирного ужина в дружеском кругу к военному совету оказался слишком резким.

Хлопнула дверь – это Рейн Магранис быстрыми шагами вышел, почти выбежал из комнаты. Кир Калансис подошел к телевизору и выключил звук. Линн Арнинг подняла на него испуганные глаза.

— Что это? — пробормотала она слабым голосом. — Это ультиматум?

Кир Калансис вздохнул.

— Ты права, Линн. Это ультиматум. И это война.

Эри Феланис вздрогнула.

— Нет, — запротестовала она. — Это просто чудовищно. Зачем… И что же нам теперь делать?

— Как что?! Сражаться! — воскликнула Тэй Негелис, воинственно взмахнув своей сильной рукой. — Они хотят завоевать нас, так пусть попробуют!

— Но может, этому есть какое-нибудь другое объяснение, —

попробовала возразить Эри Феланис. — Вдруг, это чья-нибудь провокация, чтобы поссорить нас с Горданой, или неумная шутка…

— Вряд ли, — покачал головой Негелис. — Ведь для этого надо было прервать передачи на всех каналах, а ими руководят различные люди, телестудии расположены в разных городах. Это слишком сложно. Нет, не то, что сложно – просто невозможно.

— А что такое острова Фланни и Ксаннет? — вспомнила вдруг Линн Арнинг. Кажется, ей хотелось немного разрядить обстановку.

— Этот пришелец, если он действительно пришелец, употребил баргандские названия, — пояснил Костас Феланис. — По-нашему, это Фаланен и Касанета. Два крупных острова вблизи горданского побережья. Если я не ошибаюсь, город Сапполен на Касанете был первой столицей Горданы, когда она еще была баргандской колонией. Реперайтер основали гораздо позже.

— Спасибо, — поблагодарила Линн, хотя было видно, что ее мысли заняты совсем другими вещами. — И все же, так хотелось бы, чтобы права была Эри. Что угодно, пусть неумная шутка, провокация, но не война!

Но Барк Негелис твердо решил развеять все робкие надежды.

— Я не допускаю, чтобы причина находилась здесь, в Чинерте и даже на Филлине. В конце концов, мы скоро узнаем ответ. Если пришелец не солгал, и передачу принимают только здесь, в Доме Мантериса, нам придется ему поверить. У нас такая точность невозможна. Надо смотреть правде в глаза – нам только что объявили войну, хотя и непонятно, из-за чего.

На несколько секунд наступила тишина. Гредер Арнинг невидящими глазами смотрел на экран, где пришелец беззвучно открывал и закрывал рот, старательно артикулируя звуки.

— Война, — неслышно, одними губами, прошептал он. — Опять…

Старые воспоминания вдруг со страшной силой нахлынули на него. Черные прямоугольные репродукторы на столбах и противный вой воздушной тревоги, и торопливые сборы, и подвал, где он сидел между мамой и бабушкой и где было очень скучно, так как свет был слишком тусклым, чтобы читать, дощатое сиденье неудобным и жестким, а взрослые сидели тихо и испуганно и не разрешали бегать и играть. И хруст от битого стекла под ногами, когда от близкого разрыва бомбы вылетели все стекла. И похороны их учительницы, погибшей при бомбежке, и плач соседки, которой пришла похоронка на мужа, и…

Но нет, та война, что им угрожает сейчас, будет другой войной. В памяти завертелись образы то ли из прочитанной

книги, то ли из увиденного когда-то фильма. Гигантские шагающие машины, давящие дома; взрывающееся нефтехранилище; дискообразные летательные аппараты, преследующие людей, и воины в рогатых шлемах и со странным оружием, рыскающие среди руин. Хотя нет, воины – это из другого фильма…

И это конец, конец всему. И не будет больше ни программы Калансиса, ни ресторана под вывеской "Ларринг", ни новой книги Феланиса, и Рэл! О, боже! Рэл, малыш!… Гредер Арнинг судорожно сглотнул. Неужели нет никакой надежды?!

Надежда была. По крайней мере, у Тэй Негелис.

— Главное – не терять мужества, — решительно говорила Тэй, энергично рубя воздух правой рукой. — Мы можем и должны сражаться! Мы победили баргандцев, дадим по зубам и этим гадам!

Она сделала паузу, чтобы вдохнуть воздух, и этим воспользовался Торви Арнинг.

— Да, мы можем воевать, — негромко сказал он. — Но должны ли?

Тэй просто задохнулась от возмущения.

— Как это, должны ли?! А что же нам еще остается?! Сдаться?!

Торви Арнинг был почти спокоен.

— Все это слова, эмоции. Да, отвергнуть с порога позорный, я повторяю, позорный ультиматум – это первое и наиболее естественное, что может придти в голову. Но это же неразумно! Да, это тяжело, это страшно, но капитуляция – это лучший вариант из двух худших!

— Этого варианта вообще не существует! — отрезала Тэй. — Как только можно было предложить такое?! Да когда такое было, чтобы мы, чинеты, при первой же угрозе поджимали хвост, словно проклятые трусы, перед какими-то синерожими ублюдками?! Да пусть мои дети лучше погибнут, чем станут рабами!

Детей у Тэй было четверо. Один родной и два ее двоюродных брата погибли на войне. Она понимала, о чем говорила.

У Торви Арнинга ярко порозовели уши, пальцы сжались в кулак, но по старой судейской привычке он сохранял хладнокровие.

— Опять эмоции, ничего, кроме эмоций, — голос его звучал ровно, даже чересчур ровно. — Конечно, кричать "К оружию!", "Все на борьбу с врагом!", "Свобода или смерть!" и тому подобное – легче всего. А дальше? И что дальше? Они летают между звезд, а мы еще не вышли за пределы нашей планеты. Насколько же их цивилизация опережает нашу! Да в войне с ними у нас столько же

шансов, сколько у дикарей, вышедших даже не с луками и стрелами, а с дубинами и копьями против пулеметов и танков!

— Было бы хорошо, если бы все было так просто, — пробормотал Барк Негелис. — Это не трусость – склониться перед противником, который сильнее тебя во много раз. Но мне не нравится кое-что у этих пришельцев! Во-первых, сначала нас приглашают вступить в какое-то унизительное соревнование с Горданой – как две собаки, которым бросили одну кость: а ну-ка, кто из вас схватит ее раньше и завиляет хвостиком?! Потом пришельцы будут воевать на Западном континенте, а мы в это время им как на блюдечке – вот вам, пожалуйста, продовольствие, вот вам, пожалуйста, матерьяльчики, вот вам, пожалуйста, чего изволите-с! И наконец, нас еще оставляют за порядком следить – если где недовольные заведутся, а они, похоже, обязательно заведутся, нам это все и подавлять, нашей кровью, во славу наших синерожих хозяев! Это не трусость, это предательство, предательство всего мира! И позор за него падет не только на головы тех, кто принял решение, а на весь народ наш и потомков наших и во веки веков! Так что мы выиграем? Положение надсмотрщиков над другими рабами да вселенский позор в придачу? Стоит одно другого? По-моему, нет!

— Допустим! — резко сказал Торви Арнинг. Уже не только уши, но и все его лицо покраснело от гнева. Он еле сдерживался, но все же еще сдерживал себя. — Да, ты прав, Барк. Это все так. Но ты тоже забыл об одной вещи – о человеческих жизнях. Сколько людей погибнет в этой войне, где мы, кстати, обречены на поражение? Сотни тысяч? Миллионы?! И что мы получим в конце этой проигранной войны?! Да то же рабство, только более жесткое, жестокое, беспощадное! В любом случае нас ждет одно и то же! Мы можем выбирать только пути! Вы считаете, честь лидера, народа, государства стоит этих миллионов жизней? А я думаю, что сдавшись пришельцам на их условиях, мы сохраним наших родных, близких, соотечественников, сохраним нашу промышленность, науку, даже, возможно, оружие!

После паузы тихим голосом:

— Возможно, это звучит чудовищно цинично, но если на нашей планете суждено пролиться крови, почему это должно быть непременно наша кровь?

И еще тише:

— Хотя все это, конечно, намного выше уровня моей компетенции.

— Нет-нет, — рассеянно покачал головой Кир Калансис. — Продолжайте, пожалуйста. Вы мне очень помогаете взвесить все за и против. Возможно, Торви, ты и прав с точки зрения

рациональности. Но рациональность редко бывает сильнее, как ты выражаешься, эмоций.

— Послушайте, — негромко сказала Нейри Калансис. — Мне кажется странной одна вещь. Если пришельцы настолько сильнее нас, зачем они вообще вступают в переговоры? Ведь, если разобраться, они предлагают нам не много, не мало, разделить власть на планете. Я ни на секунду не поверю в их объяснения. Но тогда – почему?

— И в самом деле, почему? — медленно повторил Кир Калансис. — Может, они вовсе не так сильны, как кажутся, и не так уверены в своей победе? А, между прочим, с военной точки зрения у них чистой воды десантная операция. И им, выходит, нужно не только, говоря нашим языком, захватить плацдарм, но и постоянно снабжать свои войска пополнением, боеприпасами, материалами, продовольствием! Все сходится: они сами, похоже, показали свои слабые места! И в наше время это самая сложная часть любой десантной операции, а ведь им придется возить все это, возможно, за многие миллионы и миллиарды километров. Поэтому они, видимо, и хотят поссорить нас с Горданой, разделить силы, а потом и уничтожить поодиночке! Так что мы еще поборемся! Мы еще сможем победить!

Кир Калансис подошел к телевизору и выдернул штекер из розетки. Все смотрели на него с облегчением: под обсуждением была подведена черта.

— Прошу прощения, — наконец сказал Гредер Арнинг. — Мне пора ехать. Я, кажется, сегодня слишком задержался.

Нейри Калансис обеспокоенно посмотрела на часы.

— Может, останешься у нас? Уже поздно. И… может, тебе сейчас лучше не садиться за руль?

Гредер Арнинг невесело улыбнулся.

— Нет, спасибо. Мне как раз надо отвлечься, а для этого лучше всего подходит именно быстрая езда. И… это смешно, но завтра утром мне надо договариваться насчет рекламных плакатов.

Он повернулся и вышел. Все молчали – говорить никому не хотелось. Костас Феланис мелкими глотками пил уже совсем остывший лакин.

— Извини, — наконец сказал Барк Негелис, повернувшись к Торви Аргингу. — Я оскорбил тебя. Прости, это было ненамеренно. Я просто… слишком болезненно это воспринял…

— Забыто, — пробормотал Торви Арнинг. Его мнение не в первый раз не совпадало со взглядами остальных, но ему все равно было тяжело.

И опять тишина. Нарушил ее уже Рейн Магранис. В этот раз

он не забыл постучаться.

— Это невероятно, но пришельцы – самое правдоподобное объяснение всего того, что произошло, — доложил он. — Сигнал очень сильный: настолько, что телевизор принимает его даже с отсоединенной антенной. В близлежащих домах никаких отклонений. У нас была версия о передатчике в самом здании, но позже пришлось ее отбросить. Похоже, передача идет прямо из космоса.

— Спасибо, Рейн, — сказал президент. Решение было принято, и он чувствовал себя уверенно. — Срочно оповестите членов правительства: я хочу их видеть. И предупредите связистов, мне нужна связь с президентом Горданы Лёридом Кирстеном.

Кир Калансис двинулся к двери, но его остановил Костас Феланис.

— Подождите. В Гордане еще ничего не знают. Пришелец сказал, что из-за разницы часовых поясов сообщение будет отправлено им позже.

— Да, — Кир Калансис остановился. — Вы правы. Мы должны ждать еще пять часов.

Глава 8. Вам нужна великая Гордана!

Президентский дворец, освещенный ярким желтым светом прожекторов, словно парил в темном вечернем небе над горданской столицей. Дворец стоял на высоком холме, и с его смотровой площадки открывался великолепный вид на спускающиеся круто вниз кривые улочки, на сияющие огнями башни небоскребов и море реклам столичного центра, на еле заметные отсюда темные силуэты портальных кранов и на ровный, словно прочерченный по лекалу, вытянутый полуэллипс Реперайтерской бухты.

Однако всей этой величественной панорамы не было видно из большой комнаты на третьем этаже, называемой во дворце Малым Залом. Все три ее окна выходили в маленький внутренний дворик, обычно надежно скрытый от взглядов туристов и официальных делегаций.

Меблировка Малого Зала была проста и функциональна: тринадцать черных кожаных кресел – больших и удобных, столики с напитками, широкоэкранный цветной телевизор в углу и зачехленный киноаппарат у дальней стены.

Двенадцать кресел стояли неправильным полукругом, тринадцатое – напротив остальных, в простенке, почти касаясь тяжелых темно-синих портьер, занавешивавших окна. Человека, который сидел в этом кресле, звали Лёрид Кирстен, и он был президентом Горданской Республики.

Лёриду Кирстену полгода назад исполнилось сорок шесть – он был самым молодым президентом Горданы за последнее столетие. Злые языки утверждали, что своей победой на выборах весной этого года он был в первую очередь обязан своей внешности, принесшей ему большую часть голосов женской аудитории. Даже если и это не было правдой, для подобных слухов все же имелись некоторые основания. Лёрид Кирстен действительно выделялся как на фоне остальных кандидатов, так и предшественников на президентском посту. Высокий, широкоплечий, с телосложением спортсмена и привлекательным волевым лицом с решительным взглядом серо-стальных глаз и ослепительной мальчишеской улыбкой, всем своим видом он вызывал доверие и симпатию.

Путь Лёрида Кирстена к вершине власти был прямым и стремительным. Родился и вырос он в Зейгалапе – средних

размеров промышленном центре на северо-востоке страны. В двадцать два года унаследовал от рано умершего отца семейное предприятие – небольшую строительную фирму с семидесятилетней историей, но весьма скромными достижениями. Это был скромный, но достойный кусок хлеба, однако молодой Лёрид Кирстен желал большего. И не только желал, но и мог.

Толчком в нужном направлении стала женитьба на Ларге Скэб – дочери одного из наиболее влиятельных лиц города. Представившиеся возможности были использованы с максимальной эффективностью. Уже к тридцати годам Лёрид Кирстен был своим человеком в кругах высшего общества Зейгалапа, ворочал миллионами и делал щедрые пожертвования в кассу относительно небольшой, но влиятельной Прогрессивной партии, вот уже четверть века безраздельно правившей городом.

Такое стремительное возвышение не могло остаться незамеченным. По городу время от времени ползли слухи, но… они так и оставались только слухами: Лёрид Кирстен умел хранить свои и чужие секреты, к тому же, к этому времени он успел стать неофициальным лидером ряда молодежных организаций и имел все возможности как словом, так и делом оградить свою сферу влияния от конкурентов и любопытствующих.

Столь блестящие способности молодого бизнесмена были замечены и надлежащим образом оценены. Когда перед очередными выборами выяснилось, что нужно срочно искать преемника для уходящего в отставку мэра (старик сильно сдал за последние годы, к тому же его репутация была основательно подорвана скандалом со взятками, который так и не удалось замять), выбор верхушки Прогрессивной партии в Зейгалапе пал именно на Лёрида Кирстена. Переквалифицировавшись из бизнесмена в политика, он без особого труда победил на выборах и в тридцать четыре года занял свой первый официальный пост.

Став мэром, Лёрид Кирстен не замедлил сделать ряд шагов, еще более увеличивших его популярность. Он с большой помпой прогнал несколько второстепенных чиновников, обвинив их во взяточничестве и казнокрадстве; стартовал амбициозный проект по сносу трущоб и постройке на их месте современного городского района и парка аттракционов; сократил таким образом безработицу; основал пару молодежных клубов; зарегистрировал возглавляемые им молодежные организации под общим названием "Союз молодых прогрессистов "Возрождение"; превратил Зейгалап в город с самым низким в стране уровнем молодежной преступности; а также, что, впрочем, не так

афишировалось, раскопав компромат, заставил, наконец, заткнуться бескомпромиссного и неугомонного редактора "Зейгалапской газеты", доставлявшего до этого немало неприятностей правящей верхушке.

Дальше все пошло как по маслу. В тридцать восемь лет он после очередных выборов стал главой администрации дистрикта Зейгалап; в сорок два был избран в парламент, а еще через четыре года, переиграв в упорной борьбе президента Дипстола, баллотировавшегося на второй срок, занял высший пост в государстве.

Подобной прыти от мало кому известного претендента не ожидал никто. Он представлял второстепенную партию, не пользующуюся особой популярностью за пределами Зейгалапа, за ним не стояла мощная команда поддержки, а его скандальные выступления в парламенте и призывы к созданию "сильной" Горданы принесли ему не только широкую известность в стране, но и имидж популиста и "несерьезного" политика.

Однако за три месяца до выборов все волшебным образом изменилось. Кирстен внезапно стал постоянным гостем студий крупнейших телеканалов Горданы, а для ряда газет вдруг превратился в главного эксперта по вопросам государственного строительства. Под маской скандалиста неожиданно обнаружился здравомыслящий и решительный государственный деятель, не боящийся откровенно высказываться по самым животрепещущим вопросам и к тому же говорящий понятные и приятные для всех слова о необходимости перемен, которые должны были превратить Гордану в самую богатую и процветающую страну мира. Рейтинг Лёрида Кирстена рос не по дням, а по часам и окончательно взлетел ввысь после предвыборных теледебатов, на которых он своими энергией, напором и целеустремленностью, буквально, раздавил всех остальных кандидатов. Довести дело до победы теперь оставалось только делом техники.

В определенных кругах в столице Лёрид Кирстен был широко известен под прозвищем "генерал Ураган", полученным, видимо, или за ту стремительность, с которой он буквально ворвался в политическую элиту страны, за двенадцать лет пройдя путь от мелкого провинциального босса до президента, или за решительность и воинственность его громовых речей в парламенте и на митингах, или, иронично, за пристрастие появляться на публике окруженным "адъютантами" – молодыми людьми из того самого "Союза Возрождение", сначала открыто, а потом неофициально опекаемого Лёридом Кирстеном. Этот союз насчитывал уже более десяти тысяч членов и за последние годы приобрел очень широкую, хотя часто и весьма скандальную

известность.

Но, что бы не говорили о нем сторонники, готовые пойти за ним и за него в огонь и в воду, или противники, открыто называвшие президента демагогом, диктатором и бандитом с большой дороги, Лёрид Кирстен был, без сомнения, настоящим и прирожденным лидером, личностью выдающейся и неординарной. Перед ним можно было преклоняться, его можно было ненавидеть, но его нельзя было не считать человеком, способным поставить перед собой самые высокие цели и готовым достичь их любыми средствами. И очевидно, те люди, что собрались в Малом Зале в этот вечер выходного дня, также учитывали это. Или, как минимум, должны были учитывать.

Их было двенадцать. Двенадцать черных кожаных кресел неправильным полукругом; двенадцать человек, полных и худощавых, стариков и просто пожилых; двенадцать пар глаз, внимательно глядящих на президента.

Их лица и имена также были широко известны в определенных кругах. Каждый из них владел миллиардами, каждый из них контролировал одну или даже несколько могущественных горданских монополий, каждый из них в свое время пожертвовал сотни тысяч на президентскую кампанию Лёрида Кирстена. Именно они считали себя хозяевами в этом кабинете и в этой стране. И они слушали президента, которого, как они полагали, сами сделали президентом.

— Уважаемые господа! — Кирстен был сама любезность. — Поверьте, как можно скорейшее разрешение возникших между нами недоразумений является самым искренним моим желанием. Уверяю вас, для вашего недовольства политикой президентской администрации нет никаких серьезных оснований. Да, я считаю, что Гордана нуждается в переменах. Может быть, эти перемены на первый взгляд выглядят… несколько радикальными. Но они ни в коей мере не затрагивают существующего порядка вещей. Это, если можно так выразиться, мелкий текущий ремонт государственного механизма, от которого выиграют решительно все! Например, проблема преступности…

— А причем тут преступность? — внезапно насторожился один из присутствующих, высокий худой длиннолицый старик с крючковатым носом и внимательными глазами.

У "нефтяного короля" Горданы Пирама Модделя были причины для любопытства: он сам был отпрыском крупного гангстерского клана и добился впечатляющих успехов в легальном бизнесе не без помощи старых связей.

— О, речь идет исключительно об уличной преступности, —

мягко, почти вкрадчиво произнес Кирстен. — Как мы все знаем, о важности этой проблемы свидетельствуют все опросы общественного мнения. Население обеспокоено. В большинстве городов небезопасно находиться на улице в темное время суток, ограбления и кражи происходят уже среди бела дня, преступность растет, а наши суды ориентируются, в основном, на показания свидетелей, которых просто запугивают, покупают или даже убивают. К тому же, все расследования производятся местной полицией, а она не имеет права действовать за пределами своего района, и преступнику, чтобы ускользнуть от правосудия, часто достаточно просто пересечь границу дистрикта. Стране просто необходима общенациональная организация, я предлагаю назвать ее Национальное бюро расследований. Она могла бы взять на себя дела по особо тяжким преступлениям, осуществлять общенациональный розыск, брать на себя защиту свидетелей по важным делам, дополнять работу местной полиции и, в случае необходимости, расправляться с террористами, подстрекателями и прочими врагами нашего общества и нашего порядка.

Последние слова Кирстен выделил особо, со значением, надеясь на благоприятную реакцию. И реакция последовала.

— Вы что-то говорили насчет внутренних врагов? Вы имеете в виду Движение за демократию? — спросил благообразный, похожий на пожилого священника Челнер Гаккель, в отличие от большинства своих коллег, любитель появляться на публике, известный филантроп и меценат.

На его угольных шахтах были такие низкие зарплаты и такие жуткие условия труда, что оттуда давно разбежались все нормальные шахтеры. Поэтому для работы на них по согласованию с тюремным ведомством использовали преступников, осужденных на небольшие сроки, а сам Гаккель подкармливал пару дюжин судей и полицейских чинов, фабриковавших липовые дела специально для пополнения его трудовой армии.

— Движение опаснее, чем вы думаете! — убежденно произнес Кирстен. — Оно становится чересчур популярным. Я получил недавно данные секретных опросов. Если бы выборы проводились без корректировок и э-э-э… усиленной агитации, Движение получило бы более 30 % голосов.

— Именно если бы! — презрительно бросил Гаккель. — Кому какое дело до этих опросов? Это только жалкая кучка идеалистов. Они называют корректировку результатов выборов преступлением, шарахаются от методов усиленной агитации – так они всегда будут обречены на поражение. И их существование вовсе не оправдывает создание вашего бюро расследований.

— Но, тем не менее, они провели в парламент четырех своих кандидатов.

— Четыре места из четырехсот пятидесяти! При 30 % возможных голосов! Всего лишь четыре!

— Целых четыре, господин Гаккель. И это без всяких корректировок и при организованном противодействии со стороны остальных кандидатов. И я вовсе не считаю случайностью их победу в дистрикте Ойдевиз. Это тенденция. Они набирают силу. И они выступают именно против вас, господа! Они хотят отобрать у вас собственность, они требуют, чтобы большой бизнес подчинялся придуманным им правилам! На этих выборах их удалось сдержать, но если их будет поддерживать уже половина населения, а все идет к этому, то даже вам, господа, при ваших деньгах, влиянии и использовании квалифицированного аппарата и испытанных средств, будет очень трудно откорректировать результаты следующих выборов в нужном направлении.

— И как вы думаете использовать против них вашу новую структуру? — с подозрением спросил лысый боров с маленькими хитрыми глазками – Толстяк Хич, которого в определенных кругах называли также Владыкой всего алюминия Горданы. Именно из-за него импорт любой алюминиевой продукции облагался 200 %-ной пошлиной, причем, некоторые потребители все равно считали такие сделки выгодными.

— Дело не только и не столько в ней. Я пытался справиться с ними с помощью своего Союза "Возрождение", но неудачно. Я думал лишить их сторонников, но Союзу удалось привлечь на свою сторону только часть низших слоев, и притом худшую часть. Эта публика хороша, когда нужно кого-то бить, но они не в состоянии воспринять любую мало-мальски сложную идею. Поэтому наша задача – опередить их! Они выступают против коррупции и нищеты – надо забрать их лозунги и самим претворить их в жизнь! Массы хотят порядка и справедливости – мы должны дать им порядок и справедливость, пока этого не сделало Движение. Массы хотят жрать – так кинем им кусок, пока они не захотели большего. А когда они нажрутся, им не будет больше никакого дела до политики, а Движение перестанет быть угрозой для нас, а станет тем, чем должно быть – жалкой кучкой никчемных идеалистов!

Лица, лица, ряд бесстрастных лиц. Ну что, задел он хоть кого-нибудь?

— Вы сгущаете краски, Кирстен, — сидящий прямо напротив президента широкоплечий седовласый атлет лет шестидесяти с небольшим положил ногу на ногу и принял более удобную

позу. — Пока деньги и власть в наших руках, никакое Движение не в силах поколебать устои нашего общества. Выборы не выигрывают общественным мнением. Их выигрывают… вы сами, впрочем, знаете, чем.

Голос его звучал ровно и вежливо, но его серые глаза были жесткими и холодными. Дилер Стайс считался самым богатым человеком в Гордане, хотя никто в точности не знал размеров его состояния. Под его контролем находились десятки промышленных предприятий – от металлургических и химических комбинатов до фармацевтических фабрик и производства точных приборов. При этом, Стайс был известен, в первую очередь, не как успешный предприниматель, а как самый удачливый, эффективный и безжалостный корпоративный рейдер в истории. Он был непревзойденным специалистом по захвату и отъему чужой собственности. И хотя в последние годы он практически перестал заниматься расширением своей империи, это не делало Стайса менее могущественным и опасным.

— Господа, я бы хотел преувеличивать опасность, но, боюсь, я приуменьшаю ее! — Кирстен все еще надеялся убедить собеседников в своей правоте. — Есть еще одна проблема, которая нуждается в срочном решении! Силовом решении! Преступность нарушает покой нашего общества, Движение подрывает его устои, но есть сила, которая угрожает самому существованию нашей цивилизации!

— Да вы с ума сошли, Кирстен! — брезгливо скривил губы Дамс Дукс, хозяин машиностроительного концерна "Дуксиори", выпускавшего дешевые и исключительно ненадежные грузовики и малолитражки. — Ваша неприязнь к выходцам из Заморья переходит все границы!

Для "Дуксиори" Заморье было крупнейшим рынком сбыта. Туда шла все более-менее качественная продукция концерна, позволяя сбрасывать откровенное барахло на внутренний рынок.

Выдержка у президента была просто колоссальной. Он ничем не выдал переполнявшего его гнева, хотя позволил себе добавить немного эмоций в свой обычно спокойный и ровный голос.

— Я очень сожалею, что вы недооцениваете опасность, которые несут эти черные, или, как по-вашему, выходцы из Заморья. Мы все – потомки эмигрантов. Наши предки пришли из разных стран, чтобы здесь, на новой земле, найти себе новую жизнь и называться горданцами. А эти ублюдки, которые живут у нас больше ста лет, по-прежнему предпочитают лопотать на своем языке, поклоняются своим гнусным божкам и селятся вместе как племена дикарей. Да они и есть грязные дикари! У них даже растут волосы на лице, как у обезьян! Они все хитрые, лживые и

коварные, они ненавидят нас и только притворяются смирненькими овечками! И разве вы не видите? Они как крысы, живут все вместе, целыми гнездами, и как крысы держатся друг за дружку! И каждый из них всегда готов поддержать своих соплеменников! Заметьте! Мы приглашали их предков как рабочих, а сейчас их не увидишь ни на заводах, ни на стройках! Они все – мерзкие торгаши, и из-за того, что лезут всем скопом, быстрее добиваются успеха. Еще бы! Где пролез один, там завтра будет десять, а послезавтра сотня, а где сотня черных, там уже не будет ни одного белого, одни черные! В некоторых городах трудно найти лавку, которая бы не принадлежала черным! И вы тоже должны знать – есть города, которыми управляют банды черных! Нет, они не лезут на передний план, они пока боятся, но сколько подонков у них уже на содержании! Их уже почти тринадцать миллионов, и они размножаются как кролики. Почему рождаемость у них в два с половиной раза больше, чем у нас?! Они только ждут, чтобы их сделалось еще больше, а потом раз – и мы уже стали их рабами! Они же все связаны друг с другом! А сейчас они полезли в наши университеты! Уже даже есть черные адвокаты, черные врачи, черные менеджеры! А скоро черные пролезут и в парламент! Их надо бить, бить и бить, выбивать из них спесь и поставить их на место!

Несколько секунд было тихо.

— Я не ожидал, что вы сами верите в ту чушь, которую приберегаете для толпы, — сказал Дамс Дукс, почти с омерзением глядя на Кирстена. — Вы выросли и постоянно жили на северо-востоке. Что же, мне самому доставляет мало радости видеть эти толпы заморцев в их нелепой одежде, вечно с кучей детей, говорящих со своим подвывающим шепелявым акцентом. Но в южных и большинстве центральных дистриктов картина совсем иная. У нас, можно выразиться, происходит ассимиляция. У нас заморцы – это нормальные граждане, которые нормально работают на, как вы выражаетесь, заводах и стройках, женятся на белых девушках и выходят замуж за белых парней…

— Но это еще опаснее, — почти перебил Дукса Кирстен. — То, что вы называете ассимиляцией, на самом деле разжижает нашу кровь, это ставит под угрозу всю нашу расу! Черный даже полукровка остается черным! И надо вообще запретить им мешать их кровь с нашей!…

— Хватит! — резко прервал президента Стайс. — Довольно. Вы не на митинге, Кирстен! Вам нужна новая силовая структура, которая будет подчиняться лично вам и выполнять ваши приказы?! Так вот, этого не будет! И придержите ваших головорезов из так называемого "Возрождения"! Если вы хотите

усмирить Движение, в этом вы получите наше полное согласие и поддержку. Но нам не нужны молодчики с битами, громящие офисы и лавки!

— Но засилье черных – это не выдумка! — Кирстен уже начал заводиться. — За мной идут люди, которым я обещал…

— Вы всем давали очень много обещаний, — с полуулыбкой сказал Стайс, глядя прямо в глаза президенту. — Поэтому не будет страшно, если вы забудете некоторые из них. Помните о приоритетах. Нас, в целом, устраивает положение в стране, а больше волнует, например, внешняя политика. Не забывайте, процветание Горданы зависит, в первую очередь, от экспорта.

— Верно, — поддержал Стайса Пирам Моддель. — От экспорта, а не от производства вооружений, на котором вы так настаиваете.

— Но это же связано одно с другим, — возразил Кирстен. — К тому же, довольно тесно. Любые переговоры удобнее вести, чувствуя за собой силу.

Возражений не последовало, и президент поспешил развить тему.

— После поражения Барганда и распада Картагонара в мире не осталось ни одной сверхдержавы. Это положение ненормально, и вакуум должен быть заполнен. Очевидно, на вакантное место могут претендовать только две страны: мы и Чинерта. Чинерта даже скорее – она победила в войне, у нее самая мощная в мире экономика и самая многочисленная армия. Но она самоустранилась, отказалась от активной внешней политики. Тогда занять вакантное место должны мы! У нас достаточное влияние на Западном континенте, но Гордане пора прекратить лавировать, играть на разнице интересов Вилканда, Валеза и Граниды, подбирать объедки с их стола. Мы должны включиться в эту игру на равных и твердой рукой установить нужный нам порядок в Заморье. Давайте скажем честно: нам все труднее удержать там наши позиции. Ведь несмотря на относительную дешевизну, наша продукция уступает в качестве произведенной в Приморье…

Он сделал паузу, чтобы глотнуть воздуха, и в нее немедленно вклинился Чупас Гид, сухой жилистый старикашка, сидящий справа от Модделя.

— Видите, вы сами признаете, что дешевизна наших товаров – это наше главное преимущество! Поэтому прекратите вашу болтовню о пособиях и медицинских страховках, Кирстен! Мы не можем допустить никаких пособий, никакого повышения расходов на рабочую силу!

Голос Гида сорвался на забавный визг, но никто даже не

улыбнулся. Чупас Гид мог быть смешон, но не смешной была его политика. Он был хозяином крупнейшей в Гордане сети универмагов, и ее экспансия неизменно сопровождалась банкротством сотен небольших торговых компаний. Чупас Гид не терпел конкурентов и разорял их, не жалея ни времени, ни денег, с каким-то сладострастным наслаждением.

— …Поэтому, — как ни в чем не бывало, продолжил Кирстен, — мы сможем защитить наши интересы и занять в мире подобающее нам место, только опираясь на силу нашего оружия, не останавливаясь и перед его применением.

— Вы имеете в виду войну? — Челнер Гаккель был шокирован.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Толстяк Хич. — Что в этом плохого? Военные заказы, гарантированная прибыль, никаких проблем со сбытом. Во-вторых, можно без особой возни заткнуть кое-кому глотку. Потом расшириться – вложить деньги в восстановление побежденных. Нет, маленькая победоносная война – это именно то, что нам нужно.

— Не сказал бы, — язвительно возразил Стайс. — Начинать нам надо почти с нуля. Значит, на все эти ваши военные заказы понадобятся огромные средства. А это повышение налогов, рост государственного долга, инфляция, отток капиталов оттуда, где они, как правило, больше всего нужны. И в результате мы имеем великолепно развитые военные отрасли, с которыми после окончания войны не знаешь, что и делать. Вспомните. Победивший Вилканд получил в награду такую инфляцию, что и после деноминации наш брас стоит более двадцати тысяч вилкандских лимий. Из победившей Граниды за пять послевоенных лет эмигрировало больше народа, чем за предыдущие пятьдесят, потому что правительство не знало, куда девать свою победоносную армию. А затем эта армия сама стала правительством. А победившая процветающая Чинерта до сих пор платит умопомрачительные суммы по своим военным займам. Этого что, мало?

— Война – это чистое разорение! — снова вклинился старикашка Гид. — Эта последняя война – сколько она принесла убытков! Ужасно! С деловым партнером невозможно связаться! А эти бомбежки! И какой урон нанесла она торговому судоходству! Нет, нет, никаких войн!

— На протяжении большей части своей истории, — продолжал Стайс, — Гордана ни разу не ввязывалась в войны на Восточном континенте и, думаю, нам не стоит нарушать эту традицию. Особенно, если внутренняя ситуация, как вы считаете, неустойчива. Я высоко ценю вас, Кирстен, иначе я бы не сделал

ставку на вас, но поймите, война – это наихудший способ решения экономических проблем. И если вам нужна Великая Гордана, то нам вовсе ни к чему связанные с этим великие потрясения. Будьте спокойнее, Кирстен. Не дергайтесь, продолжайте ту же политику, что и ваши предшественники – и будет вам счастье! И не забывайте: деньги могут победить только большие деньги, а большие деньги не победит никто! Я бы не хотел, чтобы некоторое недопонимание с вашей стороны вызвало между нами ссору, чреватую неприятными для всех нас последствиями.

Кирстен молчал, хотя глаза его метали молнии.

Сделав последний глоток, Стайс поставил свой бокал на столик, встал, вежливо попрощался с хозяином, и покинул Малый Зал. За ним последовали остальные. Разговор был окончен.

После ухода последнего посетителя прошло несколько минут. Лёрид Кирстен неподвижно сидел в кресле и тянул вино, не чувствуя вкуса. Наконец дверь слегка скрипнула, и в зал вошел шурин президента Сеймор Скэб, занимающий важную, хотя и скрытую от глаз общественности должность главы аппарата сотрудников президента.

Сеймору Скэбу было, как и президенту, сорок шесть лет. Двадцать три из них – ровно половину жизни – он был ближайшим другом, помощником и соратником Лёрида Кирстена. По первому впечатлению Скэб не представлял из себя ничего особенного. Маленький, щуплый, одно плечо ниже другого, невыразительное лицо, очки в металлической оправе, жидковатая, начавшая седеть шевелюра. Типичный чиновник – педантичный, незаметный и невзрачный.

Однако первое впечатление было, как всегда, обманчивым. Умный, цепкий, беспощадный взгляд темных глаз за стеклами очков сразу выдавал в нем незаурядного человека, прошедшего рядом с Кирстеном весь путь к богатству и власти, причем прошедшего как равный, а не как ведомый.

Увидев, что Кирстен заметил его приход, Скэб включил телевизор, нашел музыкальный канал, прибавил звук и только тогда, наполнив вином бокал, присел на подлокотник ближайшего к президенту кресла.

— Не помешает, — коротко бросил он, имея в виду телевизор.

— Свора ублюдков! — прошипел Кирстен. Долго накапливающаяся ярость наконец нашла выход. — Они ведут себя как хозяева! Это была моя победа, а не их!

— Ты же сам принял их деньги, Лёрид.

— Еще бы. От таких предложений не отказываются. Но они всегда держали меня за запасного игрока и поддержали, только когда стало ясно, что я выиграю! А теперь они диктуют мне, как поступать!

— Ты сам знал, на что шел, Лёрид. Так что привыкай или… не выступай с предложениями, которые не будут поддержаны.

— Нет, хватит. Я не собираюсь все это время убалтывать всяких ослов в парламенте и выворачиваться наизнанку ради этих дурацких торговых договоров. И уж меньше всего я собираюсь и дальше улыбаться всяким черным и сдерживать наших ребят! Подумать только! Какое Стайсу дело до черных?!

— Дело не в них, — пожал плечами Скэб. — Ему не угодна любая массовая организация. Движение, наш союз "Возрождение" – ему без разницы. Люди не должны объединяться. И, конечно, к ним в руки не должно попадать оружие. Это элементарно. Разрозненными одиночками легче управлять.

— Проклятье! — Кирстен ударил кулаком по подлокотнику кресла. — Неужели они не видят, в каком дерьме мы увязаем все глубже и глубже?! Какой беспредел творится в провинции – всем известно, парламент стал уже практически неработоспособным – слишком много там переплелось интересов, и порой, противоположных. Неужели не ясно? Стране нужна не болтовня, а порядок! Порядок и достаток! Люди должны видеть, что страной правит президент, а не денежные мешки или гангстеры и воры! Черт возьми! Гордана может стать властелином мира, но как она добьется этого, пока сами горданцы остаются у себя в стране бесправным быдлом, обираемым всякой шушерой и вечно дрожащим над куском хлеба!?

— Увы, для наших воротил внутренний рынок никогда не являлся приоритетом, — вздохнул Скэб. — Их богатство выросло из всеобщей бедности, и иного они просто не понимают.

— Видит Единый, все, что я предлагал, объективно было в их интересах. Наведи я порядок и подними доходы населения, внутри страны сразу бы повысился спрос на их товары. И военные заказы достались бы им, а не кому другому. У меня бы нашлось, чем отблагодарить их, но…

— Жаль, Лёрид, нам выпало жить в плохое время. Ты же видишь, всем правят эти старики. Они в свое время захапали все, что можно, поделили страну между собой, а теперь они хотят только покоя. Покоя и стабильности. Они крепко держат все в своих руках, не пускают наверх никого из молодых, и даже еще не начали подыхать, чтобы пошла драка из-за наследства. Мы не зря стали отставать от Приморья – ведь они ужасно боятся всяких новшеств, которые могут нарушить их чертово равновесие. И они

не зря обложили тебя так плотно. Нет, из них тебя никто не поддержит.

— Ну, не все так безнадежно. Кроме Стайса и его банды есть еще люди. Скажем, генерал Могли. Или Пикас Форк, он так и не пришел сегодня. Кое в чем нас могли бы поддержать Моддель или Толстяк Хич. Мы еще поборемся. Надо расширять нашу команду. Попробуй посмотреть среди полиции или судейских. Тех, кто еще полностью не продался.

— Уже, Лёрид, — слабо улыбнулся Скэб. — Значит, запасной план становится основным?

Кирстен слегка покачал светло-янтарную жидкость в бокале, затем залпом допил ее.

— Я не хотел этой войны. И еще меньше мне хочется иметь Стайса в противниках. Но другого выхода я просто не вижу. Мы должны ударить первыми, иначе нас просто раздавят.

— В таком случае, как ты относишься к тому, чтобы на некоторое время взять в союзники Движение? За ними популярность, организованность, опыт борьбы с нашими воротилами, да и лозунги их во многом совпадают с нашими. По-моему, ими можно будет воспользоваться, а потом взять под контроль.

— Нет, только не Движение! Они чересчур щепетильны, чтобы закрыть глаза на наши методы, и слишком идейны, чтобы с их верхушкой можно было договориться, а уж тем более, подмять под себя. Да, у нас и у них общие лозунги, но содержание-то противоположно! Они отвергают наш главный закон, нашу сущность – наш священный индивидуализм, они пытаются заставить всех нас жить по писаным законам! Я не хочу обижать тебя, Сеймор, но ты учился в Барганде и в тебе есть иногда это восточное преклонение перед текстами всяких кодексов и конституций. Для нас, горданцев, все это – мертворожденное дитя, ненужное наследство, доставшееся нам от баргандцев. Закон нужен только для слабых, для тех, кто не в силах преступить через него, а для сильных – это клетка. Да, я тоже хочу заставить всех этих людишек жить по законам, но Движение берет за основу нудные тексты, написанные кем-то два с лишним века назад, и не делают исключений ни для кого. А я хочу… Я и есть закон, я президент, вождь, я устанавливаю правила, и только я могу позволить нарушать и изменять их, и только если я этого захочу! И уж меньше всего я хочу идти на союз с Движением, которое лижется с черными и предает свою расу, осмеливаясь защищать их от справедливого гнева моих мальчиков из Союза!

— Ладно, — пожал плечами Скэб, стремясь вернуть разговор в деловое русло.

Но Кирстен уже завелся. Он не часто позволял себе такую разрядку, и хотел выговориться до конца.

— А это еще что? — громыхнул он, прислушавшись к телевизору. — Какой идиот мог выпустить на телевидение осла, не умеющего правильно говорить по-гордански?!

В запале он даже вскочил с места, и вдруг застыл, уставившись на экран.

То, что он увидел, до мельчайших подробностей повторяло картину, представшую пять часов назад перед глазами Кира Калансиса и его друзей. Глава Совета Пятнадцати был, правда, так же не в ладах с горданской фонетикой, как и с чинетской, но это не сильно затрудняло понимание.

— В чем дело? — недовольно поинтересовался Скэб, тоже разворачиваясь лицом к экрану. — Что ты мог найти интересного в этом ящи… ке?…

В полном молчании они выслушали короткую речь и только на десятой секунде паузы Сеймор Скэб смог сбросить с себя оцепенение и подойти к телевизору.

— Что за мистика? — пробормотал он, переключая каналы, естественно, безрезультатно.

— Если это шутка, то весьма неудачная, — раздраженно заявил Кирстен, который терпеть не мог никаких неопределенностей.

— Эта штука кажется мне слишком сложной для шутки, — заметил Скэб. — Вот, наконец-то изображение. А, ч-черт!…

— Ты что-нибудь понимаешь? — немного неуверенно спросил Кирстен, выслушав обращение инопланетянина во второй раз. — Совет Пятнадцати, Оонк, Звездная Империя? Что это, черт возьми?!

— Кем бы они ни были, но ребята они серьезные, — с уважением покачал головой Скэб. — Ты заметил? Они крутят свою программу сразу по всем каналам и, очевидно, перебив все наши передачи. И этот синерожий… Я слабо представляю себе таких шутников у нас на Филлине.

— Ладно. Тогда придется поверить, что это действительно инопланетяне, иначе мы просто свихнемся. Ты запомнил, что они нам предлагают?

— Весь Западный континент, часть Восточного, ограниченную с севера Великой Южной Стеной и Голубым хребтом, а с юго-запада линией Ригела, все острова в Круглом океане за исключением архипелагов Сагвас и Деззеаг, а также остров Валез в западном Приморье, — слово в слово повторил Скэб – у него была превосходная память.

— Стоп, стоп, подожди. А что такое линия Ригела?

— Вообще-то странно, что пришельцы знают даже об этом. Ригел – это был такой древний или не очень древний географ, который предлагал считать Заморье отдельным материком. И если провести линию от юго-восточного угла Срединного моря к заливу Геччи в Круглом океане, это и будет граница – линия Ригела. Интересно, где они умудрились ее откопать?

— Меня сейчас больше интересуют другие вопросы. Пришелец болтал, будто его передачу принимают только во дворце. Но даже если он не соврал, кто еще мог его слышать? Черт, уйма народу – обслуга, секретари, охрана! Хорошо хоть, Ларга вместе со спиногрызами приедет только завтра. Выясни это, Сеймор. А потом поразмыслим, что нам теперь делать.

— Все не так уж и плохо, — докладывал Сеймор Скэб, минут через тридцать снова появившийся в Малом Зале. — Я тут прошелся по этажам. Все заняты делом: охрана бдит; начальник охраны с твоим адъютантом обсуждают диспозицию твоего завтрашнего выступления; сами охранники, кто не на дежурстве, дуются в карты – я на всякий случай вытащил из их ящика предохранитель; обслуга наводит глянец перед завтрашним днем – там вообще пыль столбом и все снуют как муравьи; твой секретарь вместе с парой профессоров корпит над твоей завтрашней речью, им не до телевизора – в общем, все в порядке.

— А за пределами дворца?

— Я послал пару ребят в близлежащие дома – все тихо, мирно и никаких пришельцев. Малыши балдеют от мультиков, остальные смотрят какую-то исторически-истерическую белиберду.

— Неплохо. Это даже лучше, чем я предполагал. Что-то еще?

— Да, я на всякий случай записал речь этого пришельца.

— На магнитофон?

— Нет. Помнишь, тебе пару месяцев назад преподнесли машинку для записи телеизображения? Опытный образец стоимостью в пять кусков. Отличная штука! Я даже не ожидал, что так хорошо выйдет.

— Неплохо, — повторил Кирстен, удовлетворенно откинувшись на спинку кресла. — А я за это время успел побеседовать по интересующему нас вопросу с чинетским президентом Киром Калансисом.

— Калансисом? — тонкие брови Сеймора Скэба недоуменно скакнули вверх.

— Тебя это удивляет?

— Нет, пожалуй, уже нет. Пришелец упоминал о нем как о втором кандидате. И о чем же был разговор?

— Я не могу понять его до конца, — с досадой сказал Кирстен. — Калансис считает, что предложение пришельцев – это только попытка столкнуть нас друг с другом, чтобы потом разбить по одиночке. Поэтому он предлагает отвергнуть их ультиматум и сделать совместное заявление, чтобы предупредить мир об опасности.

— Вполне неплохо. Как минимум, гладко и логично.

— Слишком гладко. Правда, я посоветовал ему пока не спешить с заявлениями и хранить все в тайне. Под тем предлогом, что пришельцы, узнав, что ультиматум отвергнут, могут начать военные действия, и не дожидаясь конца десятидневного срока.

— Он согласился? — полувопрос, полу-утверждение.

— Он согласился. Но, хотя пришелец и утверждал, что это не имеет значения, Калансис все равно опережает меня на пять часов. У него было время все обдумать, и он уже принял какое-то решение. И я не могу с точностью знать, какое. А отвергнуть ультиматум означает войну. И если у Калансиса есть под рукой достаточно мощная армия, то что делать нам, с нашими доблестными вооруженными силами численностью в двести тридцать тысяч?

— Но пришельцам тоже верить нельзя, — сказал Скэб. Он понял, что имеет в виду Кирстен. — Калансис вполне может быть прав. А может, нас просто хотят взять на испуг. Может, нет никакой империи, а этот Оонк – всего лишь мелкий авантюрист, вздумавший попробовать захватить целую планету с помощью только одного корабля, обещаний и угроз.

— Нет, Сеймор. Кто бы они ни были, за ними сила. Сила и оружие, против которого у нас нет защиты. И этот Оонк вовсе не похож на мелкого авантюриста, я это чувствую. К тому же, если мы пошлем кого-нибудь в пустыню с ответом, это еще ничего не будет значить. Все обещания, клятвы, бумаги – все это не будет иметь никакого значения, и всегда можно будет дать задний ход. Зато мы выиграем время. Думаю, наверняка будут какие-нибудь переговоры, обмен посланиями – за это время ситуация может проясниться. В худшем случае, мы получим время на подготовку. А в лучшем – мы, может, убережем страну от войны, сохраним людей, может, даже сумеем выторговать себе уступки. Или вообще, при удачном раскладе дадим им коленом под зад. Так что, надо посылать ответ. И поскорее. Черт! Этот Калансис, похоже, неплохой мужик, но я не могу, не имею права ему полностью доверять! Может, его посланец уже в пути.

— Официальные круги, как я понимаю, исключены, — уточнил Скэб.

— Само собой. Но… Проклятье! Кого же послать?! Среди нашей кодлы немало верных ребят, но большинство из них не в силах связать и двух слов. А здесь нужны мозги. И мне придется снабдить посланца какими-то полномочиями!

— Ну, эта проблема вполне решаема, — улыбнулся Скэб. — На переговоры отправлюсь я. Изобрету какой-нибудь предлог для отлучки или ты что-нибудь придумаешь насчет моего отсутствия.

— Хорошо, — медленно сказал Кирстен. — Лети, Сеймор. Но будь осторожен. И обязательно возвращайся – мне будет страшно тебя не хватать.

— Я всегда осторожен, — снова улыбнувшись, заметил Скэб. — Ладно, кажется, мы с тобой выяснили все вопросы.

— Почти, — нахмурился Кирстен. — Черт, одна проблема все же осталась. Общее заявление, естественно, отпадает, но Калансис твердо намерен как-то оповестить мир об угрозе со стороны пришельцев. И пожалуй, он прав.

— Это ерунда, — отмахнулся Скэб. — Ложись спать, Лёрид. Завтра что-нибудь придумаете.

В пять часов утра Лёрида Кирстена поднял с постели секретарь, получивший экстренное сообщение из Зерманда.

— Ну что же, — пробормотал полусонный Кирстен. — Одной проблемой меньше.

И заснул снова.

Глава 9. Кусочек металла

— Я готов поручиться своим честным именем, что аппаратура специального назначения в этот раз сработала безукоризненно, — заявил Реэрн.

— Вы не возражаете, если я так и запишу в конце своего рапорта в штаб? — засмеялся генерал. — Считайте, очередная благодарность у вас в кармане. Теперь дело завертится. Сразу же за нами наступает очередь нашего баловня судьбы – суперофицера Пээла.

— А что ему предстоит сделать? — поинтересовался Реэрн.

Генерал объяснил.

— Но это же преступление! — возмутился Реэрн. — Это самое настоящее хладнокровное убийство!

— Это приказ. Ну и, в конце концов, он хороший стрелок. Пожалуй, не хуже вас, Реэрн. Вас ведь тоже называют стрелком?

И удалился, не замечая, что Реэрн смотрит ему в спину со странной смесью настороженности и тревоги.

— Вот он! Летит! — выкрикнул Даг, радостно размахивая руками.

— Где? — прищурился Майдер Билон. Он пока ничего не видел. Воздух дрожал над раскаленными скалами, горизонт был нечетким и расплывался. — Да рановато ему вроде.

— Да вон же! — настаивал Даг. — Прямо над теми двумя вершинами.

Приглядевшись, Билон, наконец, увидел еле заметную черную точку.

— Ну и зрение у тебя, приятель, — сказал он с уважением.

— Сто двадцать процентов, — с гордостью заявил Даг, вернее, Дагир Дельвин, молодой геолог из группы Хольна, невысокий, черноволосый, с лицом, потемневшим от загара и ветров. — Это в нашей семье наследственное. У меня отец служил на флоте сигнальщиком.

— Тогда понятно, — кивнул Майдер Билон.

Он стоял рядом с Дагом на вершине холма, крутыми уступами спускающегося на равнину, где – совсем рядом – тускло блестел под лучами заходящего солнца корабль чужаков. За все те дни, что провел в пустыне Билон, он не стал ни понятней, ни приветливей. С другой стороны гряды виднелись зеленые и оранжевые палатки – лагерь геологов.

— Жаль все-таки, что мы уезжаем, — сказал, наконец, Даг. Он

все еще глядел на приближающийся вертолет.

— Недалеко же, — невнятно пробормотал Билон. Он старался прикрепить к массивной камере, крепко сидевшей на широко раскинувшем свои лапы трехногом штативе, большой зонтик из блестящей фольги.

— А какая разница? — в голосе Дага слышалась легкая грусть. — Какая разница, сорок километров или четыреста? Все равно, мы сюда больше не вернемся. И все тайны будут раскрыты без нас.

— Зато Хольн обрадуется, — проворчал Билон. Проклятый зонтик никак не хотел становиться на место.

— О да! Но я его, честно говоря, не понимаю. Странный он какой-то…

— Неромантичный, — вставил Билон.

— Точно. Тут такое дело, сенсация века, это же ведь никогда больше не повторится, а у него одна только забота – как бы нагнать план, да набрать побольше образцов. Да какие тут, к дьяволу, образцы?!

Билон пожал плечами. Иногда он не понимал и Дага. Для самого Билона, как, впрочем, и для всех остальных, ежедневные походы к кораблю сделались обычной работой, рутинной и притом ужасно скучной. Только Даг еще сохранял энтузиазм.

Камера с легким скрежетом повернулась на своем треножнике, по пути отщелкав шесть кадров. Этим она теперь будет заниматься каждые две минуты до самого утра, пока Билон не придет, чтобы сменить батареи и пленку.

— Надо бы смазать, — озабоченно заметил Даг.

— Черт с ним, завтра. Еще провозимся до заката. Пошли.

От вершины холма до лагеря по прямой было не более восьмисот метров, но ни жара, лишь немного спавшая к концу дня, ни пересеченная местность не располагали к спешке. К тому времени, как Билон и Даг дошагали до короткого ряда палаток, вертолет уже успел сесть, и на импровизированной посадочной площадке царила легкая суматоха.

Драйден Эргемар помог оттащить подальше в тень несколько канистр с водой и теперь с важным видом протирал стекла кабины. Кен Собеско вместе с двумя геологами – Каном и Торкасом – загружал в вертолет мешки с камнями – драгоценные образцы Хольна, стоявшего рядом и что-то озабоченно корябавшего в своем блокноте. Радист Оки, недавно прибывший из Горданы в помощь Билону, уже успел получить свой груз, состоящий из пленки и батарей, и теперь не спеша стаскивал их в одну кучу. Телшие – смуглолицый зермандец, исполнявший в

экспедиции роль повара, уборщика и, если потребуется – переводчика и даже охранника, уже насадил аппетитные куски мяса на вертел, изготовленный из обломков телескопической антенны, и колдовал над костром.

— Привет труженикам, — возвестил Билон, радостно ухмыляясь. — О, смотрите-ка! Эй, Вилам, а ты-то что здесь делаешь?

Вилам Сентер сидел в тенечке на ящике с консервами и обмахивался шляпой. Он умел переносить жару не хуже всех остальных, но иногда любил напускать на себя вид страдальца.

— Майди, — слабым голосом сказал он. — Майди, это ужасно. Я взял с собой ящик пива, но оно нагрелось в дороге чуть ли не до кипения! Я не доживу до утра!

— Доживешь, — безжалостно заявил Билон. — Но все же, что привело тебя в наши края, где до ближайшего бара не меньше трех сотен километров, а может, и все четыре? Неужели в тебе проснулось чувство благородного любопытства?

— Какое любопытство? — со вздохом простонал Сентер. — Я здесь отдыхаю. Ты просто не представляешь, что сейчас происходит в городе. И знаешь, что общего между мной и пивом? И то, и другое, нужно абсолютно всем. Это невыносимо!

— Эй, Вили, кончай страдать, — крикнул с другой стороны вертолета Эргемар. — Телшие обещает нам роскошный ужин. Так что восставай из мертвых и присоединяйся!

Прощальный ужин удался на славу. Костер, в который не пожалели высыпать целый мешок горючего сланца, радостно трещал, сыпал искрами и поочередно выхватывал из темноты то разгоряченные лица людей, то легкие палатки геологов или солидный шатер, где обитали Билон и радист Оки, то стеклянные выпуклости кабины вертолета.

— …Наша дыра вдруг стала очень знаменитой, — рассказывал оживший Сентер. — Местные жители просто обалдевают. Понаехали какие-то репортеры, эксперты, чуть ли не заклинатели духов, и всех тянет сюда как магнитом. Знали бы, что их тут ждет!

На днях явился тут один, Хьорм по имени, из валезской академии наук. Тут ученые какую-то экспедицию затеяли, вот он и прибыл – организовывать. Как засел за телефон – и с утра до ночи! А линий-то только две! И мне теперь, получается, до Кушуда и не дозвониться. Ну, думаю, ладно, выкручусь. Не такие крепости брали.

Вчера вот еще одна парочка этих ученых прилетела. Один тихий такой старичок. Вилкандец. С самого начала как засел в

баре – по нюху он его нашел, что ли – и начал там: одно пиво, второе пиво, смотрю, а половины стратегического резерва и нету! А второй, молодой, из Чинерты, по фамилии не то Маклис, не то Муклис, как накинулся на этого Хьорма – я сначала обрадовался, что линия телефонная наконец освободилась, а потом даже жалко стало беднягу. Я-то не знаю, что он там ему выговаривал, но интонации хорошие были, соответствующие.

Потом приходит ко мне этот Маклис или Муклис, там то да се, мол, у меня тут и опыт большой, и контакты хорошие – минут пятнадцать так распинался. И тут выясняется, что им надо оборудование принять – для начала тонны три – и чтобы таможню прошло побыстрее, а затем все это добро перевезти сюда к вам. Ну, я ему говорю, конечно, да-да, господин Маклис или может быть Муклис, помогу, обеспечу, окажу, так сказать любезность.

Только ушел – я снова за телефон, а он, гад, опять занят! Ждал я, ждал, а потом плюнул на все, да и улетел вместе с ребятами. Все равно завтра у зермандцев какой-то праздник, и никто там работать не будет. А теперь ты, Майдер, рассказывай. Мне же интересно, что ты тут делал без меня все это время.

— Сторожил, — рассмеялся Билон. — Ходим тут все вокруг, скоро тропы протопчем. Только колотушки не хватает. Правда, чего сторожим, не понятно. Можно подумать, если он захочет улететь, я его удержу за опору.

— А он может захотеть? — поинтересовался Сентер. — Как тебе кажется, он у нас надолго застрял?

— И главное, зачем, — вставил Эргемар.

— Хороший вопрос, — проворчал Билон. — Знаешь, Вили, вечеров пять подряд мы только и делали, что изобретали всякие версии. Мы перебрали, по-моему, все возможное и невозможное, что только может придти в голову.

Даг весело рассмеялся. Он вспомнил кое-что из этого возможного и невозможного.

— Именно, — продолжил Билон. — В конце концов, Хольн заявил, что у нас всех преждевременный маразм, и мы решили прекратить ломать мозги…

— Тем более, что мы начали повторяться, — вставил Даг.

— В общем, мы твердо знаем только то, что ничего не знаем. И честно говоря, я не против, чтобы в один прекрасный день он сделал нам ручкой. Может, мне только кажется, но мне кажется, что знакомство с пришельцами не принесет нам ничего хорошего. Тут что-то нечисто. Мы уже дней десять выставляем на ночь камеры, а вчера нам передали первые результаты. Вот, Оки не даст соврать, с одной стороны, ничего интересного, но есть пара подозрительных мелочей. Мы передали им восемь пленок – две

камеры, четыре дня – так вот, две из них оказались засвеченными.

— И естественно, за одну и ту же ночь, — добавил Даг.

— Конечно, это может быть совпадением, — продолжил Билон. — Мало ли, от чего может засветиться пленка. И мало ли, от чего могут сдвинуться несколько камней – в конце концов, между съемками прошла не только та ночь, но и два дня. И мало ли, от чего высовываются те штуки, когда мы слишком близко подходим к кораблю. Я не хочу делать сенсации из всех этих мелочей, но… — Билон заколебался – …но вчера я попробовал залезть на тот высокий холм, что прямо над кораблем. С его вершины, наверно, открывается идеальный вид, но подъем слишком крутой – туда смог бы подняться только опытный альпинист. Или по воздуху. И на небольшом уступчике недалеко от вершины – это максимум, куда мне удалось подняться, — я нашел одну вещь, и до сих пор не знаю, в какую часть нашей мозаики ее засунуть.

Взгляды всех сидящих у костра были обращены к Билону. Все, как зачарованные, смотрели, как он медленно лезет во внутренний карман, не спеша разворачивает бумажный сверток и достает из него маленький целлофановый пакетик.

В пакетике оказался винтик. Всего-навсего маленький темно-серый винтик длиной около двух сантиметров, с обычной нарезкой, плоской широкой шляпкой с крестообразной прорезью и четырьмя полукруглыми выемками по краям шляпки.

Примерно полминуты все молча рассматривали находку. Наконец тишину нарушил Даг.

— Майди, ты говорил, что нашел его вчера, а почему не показал нам раньше?

— Приберегал секрет для меня, — попробовал пошутить Сентер. — Ждал, когда появится настоящий специалист.

— Понимаешь, — медленно проговорил Билон. — Я просто не знал, что мне с ним делать. Это же опять такая мелочь – ну подумаешь, винтик. Просто смешно принимать его как доказательство деятельности пришельцев. И кто поверит – тут даже нарезка в ту же сторону, что и у нас, и металл, наверно, такой же. А с другой стороны, будь он хоть сто раз обычный, откуда он там взялся? Никто же до меня на этот холм не лазил – помните, я вчера у всех допытывался. А он там лежал себе спокойно между камешков, даже запылиться особенно не успел! Вот куда его теперь заткнуть? Впрочем, кто его знает? Он, вроде бы, нестандартный, я проверял.

— Может, южно-заморский, — предположил Даг. Он, похоже, обиделся на Билона за то, что он не показал ему находку сразу. — У них стандарты, отличные от наших.

— Вряд ли, — авторитетно сказал Собеско. — Я за всю свою жизнь ихней техники понавидался. И винтов всяких тоже. Они такую мелочевку делать не очень любят, и получается у них всегда довольно грубо. Да и не бывает там у них таких прорезей крестом, да еще настолько аккуратных.

— Ты отправь его лучше в Гордану, — посоветовал геолог Кан. — Пусть там металл исследуют. Вдруг какой-нибудь неизвестный сплав или хотя бы нетипичный. Сейчас, говорят, ученые могут даже по пуле определить, на какой фабрике она была отлита и в каком году.

— Так то пуля, — скептически заметил Эргемар. — А тут… какой-то винтик. Его действительно лучше спрятать и не показывать, а то еще за дурака примут.

— Да как это – спрятать? — воспротивился Даг. — Это ведь экспонат! Уникальный.

— Ага, уникальный, — проворчал радист Оки. — Вот приедут ученые, вскроют корабль как консервную банку, таких экспонатов там с полтонны найдется, если не больше.

— Постой, постой, — вдруг спохватился Билон. — Подожди, не смешивай. Ведь если этот винтик действительно потеряли пришельцы, значит, они, выходит, сидят там внутри…

— А по ночам вылазят, — продолжил Сентер. — Вот чему это доказательство.

— А если они вылазят, почему они так не хотят нам показаться? — задумчиво спросил Даг. — Может, имеет смысл выставлять наблюдателей на ночь вместо камер?

Обсуждение новой проблемы грозило затянуться надолго, но было подавлено Хольном в самом зародыше.

— Ребята, хорош спорить. И так засиделись. Завтра с рассветом сворачиваем лагерь и немедленно вылетаем. А то еще опять придется раскладываться в самую жарынь…

Программа Хольна была хороша, но, как выяснилось, не слишком реалистична. Немедленно вылетать, не сделав кораблю пришельцев последнего визита, не захотел никто. И меньше всех – Вилам Сентер.

— Да как я могу просто так улететь отсюда, не повидав хотя бы одним глазком тот самый корабль, который грозит стать наибольшей сенсацией с тех пор, как Борбадур-Мореплаватель открыл Западный континент?! — эмоционально объяснял он изрядно недовольному Хольну. — И что скажут мне мои дети, которых у меня будет, как минимум, трое, когда узнают, что их папа провел целый вечер, ночь и пол-утра в каком-нибудь километре от этого корабля и так и не удосужился его потрогать,

понюхать, я уже не говорю, чтобы принести на память кусочек?! Они скажут мне: "Ну и дурак же ты, папочка", и будут правы! Хольн, если ты не хочешь, чтобы мои собственные дети безнаказанно называли меня дураком, ты должен дать нам время!

Хольн не заставил себя долго уговаривать – он хорошо помнил, кто заведует снабжением его группы. Идея "прощального визита" вообще оказалась весьма популярной, и в результате к кораблю в конце концов отправилась целая делегация: Билон, Сентер, Эргемар с Собеско, Даг, Торкас, Кан и даже сам Хольн. В лагере остались только Оки, заявивший, что этого корабля он уже понавидался, и что он у него уже и так в печенках сидит, если не глубже, и зермандец Телшие, относящийся к пришельцам с полнейшим равнодушием.

— …Один, два, три… пять… восемь, — вслух считал начальник штаба. — Прямо настоящая экскурсия. И как нельзя кстати, не так ли?

— Дайте максимальное увеличение, — сухо распорядился Пээл. Вопрос был задан ему, но он не посчитал нужным отреагировать.

Но начальник штаба не унимался.

— Знаете, кажется, я уже начал узнавать их в лицо. Вон те двое, что идут впереди, появляются у нас дважды в сутки, а вот следующий… Что-то не припоминаю.

Командир кивнул. Он тоже научился узнавать филитов в лицо и теперь медленно переводил изображение с одного на другого. Он легко узнал идущего впереди Дага, Билона, нагруженного как обычно, аппаратурой, немного задержался на третьем. Третий – это было хорошо видно – не привык ходить по сильно пересеченной местности. Даже отсюда было заметно, как он тяжело дышит, спотыкается, оступается на камнях. Плоская черная сумка через плечо била его по ноге. Лицо под широкополой шляпой было почти неразличимым.

Зато двое следующих были знакомыми. Невысокий и широкий в темной безрукавке, а за ним – его постоянный спутник с длинными желтыми волосами. Потом еще двое, тоже смутно знакомые и, наконец, последний. Длинное узкое лицо, прямой нос, темные очки, низко надвинутый на глаза козырек – если бы не цвет кожи, его издали можно было бы принять за соотечественника.

Над ухом что-то надоедливо бубнил начальник штаба, и командир почувствовал, как в нем стремительно нарастает раздражение. Он знал, что сейчас должен сделать, и давно не чувствовал себя так отвратительно. В какой-то момент ему даже

подумалось, что еще не поздно переиграть, ведь никто не требовал от него личного исполнения приказа, и есть еще время переложить все на кого-то другого… Но нет – командир рассердился на свою слабость, и эта злость позволила ему придти в себя. Какое ему, в конце концов, дело до этих ничтожных недочеловеков с отсталой планеты? Их мир все равно обречен, и если глупая жизнь одного из них должна быть использована в целях Империи и в целях успеха его, суперофицера Пээла, карьеры – тем лучше. Он, не колеблясь, переступит через свои предрассудки и минутные слабости и выполнит свою задачу. Выполнит, как это положено образцовому офицеру Космофлота Империи.

— Связь со штабом, — приказал он и был сам доволен тоном своего приказа – резким, уверенным, непреклонным – настоящим командным тоном. Таким же тоном он кратко доложил обстановку дежурному офицеру.

— Принято, — как всегда невыразительно ответили из штаба. — Ждите. Сейчас с вами будет говорить флаг-маршал Таорз.

Экран связи посреди командирского пульта начал медленно разгораться, и командир на всякий случай еще раз проверил снаряжение. Все было в порядке – проигрыватель на поясе, мощный динамик над правым плечом и, наконец, игломет – фактически пистолет-пулемет, стреляющий оперенными стрелками пятимиллиметрового калибра. Развивая скорость в полтора раза выше звуковой и вибрируя в полете, они просто разрывали любую преграду. Но сейчас это изящное смертоносное оружие было заряжено особыми стрелками с темно-синими головками. Темно-синими как кровь…

— Суперофицер первого ранга Пээл, — в центре экрана появилось, наконец, лицо флаг-маршала. — Идите и выполните возложенную на вас почетную обязанность. Будьте достойны славы Космофлота. Император смотрит на вас!

"Почетную обязанность… — повторил про себя командир. — Скажите лучше, грязную работу…" Ему хотелось сказать что-то очень резкое.

— А, чтоб… — начал он, но осекся, встретившись с холодным и внимательным взглядом тэона.

Вначале корабль действовал на всех одинаково.

— Ну и громадина, — со смесью ужаса и восхищения прошептал Вилам Сентер. — Майди, я никогда… Никогда бы не подумал, что эта штука величиной с чертовый авианосец!..

Майдер Билон сухо кивнул. Стоя на вершине холма рядом с

тяжело дышащим после трудного подъема Сентером, он тоже смотрел на корабль со смешанным чувством благоговения перед его мощью и страха, все время навеваемого неясными предчувствиями. Даже отсюда, почти со стометровой высоты, корабль поражал воображение. Он был совершенно, невероятно, неправдоподобно огромен. Казалось, это громадина, действительно чем-то напоминающая авианосец, слишком монументальна и тяжела, чтобы быть способной подняться в воздух. Билон, во всяком случае, не мог представить корабль взлетающим.

Спуск оказался менее тяжелым, чем подъем. Холм обрывался на равнину почти отвесно, но тысячелетия эрозии образовали в его теле словно ряд ступеней. Даг двинулся было к камерам, все еще поворачивающимся на своих широких треножниках, но Билон жестом остановил его. Этим можно было заняться и на обратном пути.

Внизу все сбились тесной кучкой прямо под гигантской опорой. Хольн, стоя несколько поодаль, мрачно глядел в сторону, не скрывая своего раздражения. Корабль ему не нравился, он представлял собой что-то незнакомое, отличающееся от привычных образцов и геологических структур, пугал перспективами каких-то неясных и нехороших перемен.

Даг, наоборот, смотрел в небо, где-то по другую сторону которого скрывались звезды. Звезды, откуда явился этот неведомый посланец. Даг не хотел расставаться с кораблем. Его мучила нераскрытая тайна, и так не хотелось возвращаться к наводящей тоску повседневной обыденности.

Вилам Сентер, немного отдышавшись после похода, деловито раскрыл свою таинственную сумку, с которой он не расставался от самого Дурдукеу. С любопытством вытянув шею, Майдер Билон следил, как Сентер достает из сумки незнакомый черный прибор величиной с небольшую книгу.

— Что это? — с интересом спросил Торкас, тоже подошедший поближе.

— Счетчик атомных распадов, — невнятно пробормотал Сентер.

Нажав кнопку сбоку прибора, он деловито повел им из стороны в сторону. Раздался негромкий щелчок, затем еще один, потом наступила тишина.

— А что он измеряет? — снова поинтересовался Торкас.

— Я же сказал, распад атомов, — пожал плечами Сентер. — Меня попросили включить его и пройтись около корабля. А для чего это надо, я и сам не знаю.

Сопровождаемый взглядами семи пар глаз, Сентер с важным

видом пошел вперед, туда, где поблескивало кольцо расплавленной почвы. Когда до кольца осталось всего несколько шагов, счетчик, до этого издавший всего два или три щелчка, словно пробудился. Щелчки начали раздаваться один за другим, напоминая весеннюю капель. Медленно пятясь и сохраняя достоинство, с подчеркнуто серьезным лицом, Сентер вернулся обратно. Он явно чувствовал себя значительной персоной.

— Как мне сказали, — важно объяснил он, — если начнет часто щелкать, нужно сразу уходить.

Подойдя к опоре, Сентер повел счетчиком прямо над поверхностью металла. Счетчик снова оживился, выдав несколько щелчков подряд, но на этот раз лениво и редко, будто исчерпав весь запал.

— Так, очень хорошо, — Сентер выключил счетчик и засунул его обратно в сумку, достав взамен молоток и… самое обыкновенное зубило, аккуратно запакованное в запаянный целлофановый пакет.

— Я же сказал, что хочу отрезать на память кусочек, — с преувеличенной серьезностью объяснил Сентер, доставая зубило из пакета. — Не, честно. Мне это прислали пару дней назад прямо из дома. Сказали, даже если не удастся ничего отрезать, на кромке все равно останутся следы их сплава.

Сентер попримерялся пару раз, поднял руку с молотком, но нанести удар так и не успел. Резкий лязг, раздавшийся прямо над головой, заставил всех посмотреть вверх. Билон, словно выведенный из ступора, в бешеном темпе подготовил к работе камеру, на пару секунд отвлекшись, включил звукозаписывающую аппаратуру, поднес видоискатель к глазу и нажал на спуск.

И вовремя. Наверху, метрах в семи над головами ошеломленных людей, в непроницаемой корабельной броне появились прямые щели. Секунда, другая – и небольшая дверь с плавно закругленными углами отошла в сторону. Еще через несколько секунд из нее выплыло нечто похожее на платформу с поручнями. На платформе стоял человек.

Вернее, это был не человек. Глаза сразу отмечали кожу светло-сиреневого цвета, почти круглые темные глаза, правильные дуги бровей, прямой нос, хищно вытянувшийся над тонкогубым ртом. На пришельце был светло-серебристый костюм с широким черным поясом и портупеей. Над правым плечом была прикреплена темно-серая прямоугольная коробка с дырчатой передней стенкой. В руках пришелец держал небольшой, но тускло-тяжелый предмет, напоминающий пистолет-пулемет системы Вейна, но с более длинным и тонким стволом. Кен Собеско медленно и стараясь быть как можно более незаметным,

отступил за опору. В предмете, который держал пришелец, он безошибочно опознал оружие. И это ему очень сильно не понравилось.

Секунд пятнадцать все молча смотрели друг на друга. Затем пришелец повел рукой и что-то нажал на небольшом аппарате, прикрепленном на поясе. И тогда раздался голос. Голос чужой, механический, равнодушно роняющий слова на почти безукоризненном горданском.

— Ничтожные козявки! — прогремело над пустыней из мощного динамика (а это был именно динамик) над плечом пришельца. — Козявки, что копаются в грязи своей жалкой планеты. Вашего мира больше нет. Сюда пришли мы, посланцы великой Звездной Империи и высочайшего Императора, простершего свою длань над вашим небом. Нам нужна ваша планета, ваши земли, ваши воды и недра, но совсем не нужны вы сами. Убирайтесь отсюда прочь и не докучайте нам больше. И помните, кто отныне осмелится попасться нам на глаза, будь то любой филит, наземный или летательный аппарат, будет наказан смертью! Через три рассвета мы продемонстрируем мощь своего оружия на том селении, что лежит в долине к востоку отсюда. Мы разрешаем вам наблюдать за его гибелью, чтобы вы склонились перед нашей мощью и, трепеща, покорились нашей силе. А теперь уходите, и завидуйте тому, кто умрет первым, ибо смерть его будет легкой и быстрой…

Подтверждая эти слова, пришелец неуловимым движением вскинул свое оружие. Выстрел, похожий на сухой щелчок, — и тело Хольна словно взорвалось. Брызги крови из разнесенной выстрелом груди покрыли красными пятнами одежду стоящих рядом с Хольном Торкаса, Дага и Билона, продолжавшего съемку с застывшим лицом. Платформа, на которой стоял пришелец, медленно втянулась вглубь корабля. Дверь так же медленно начала закрываться.

И тогда очнулся Даг.

— Га-а-а-а-ды!!! — из его груди вырвался не крик, а какой-то звериный рев. — Сво-ло-чи поганые! — в слепом бешенстве он наклонился за ближайшим камнем и запустил его вверх, в уже почти закрывшуюся дверь. — Вы все поплатитесь! Все! Все!

Даг промахнулся. Камень со звоном ударился о металл. Дверь закрылась. Даг в исступлении поднял следующий камень, но затем выронил его, безнадежно закрыв лицо руками.

— Великолепный выстрел! — восхищенно говорил начальник штаба, подобострастно заглядывая в лицо командиру. — Я думаю, и флаг-маршал, и Оонк, и сам Император теперь будут довольны

вами…

Командир не ответил. Он устало прислонился к переборке, опустив руку с иглометом. Он не слышал поздравлений. Со всей своей яростью и гневом он просто молча проклинал и Императора, и штаб, и свою собственную карьеру, которая сегодня заставила его стать убийцей.

Глава 10. Посланцы

Ранее утро было тихим. Может быть, даже на редкость тихим.

— Эй, ребята, слышьте, что-то летит! Никак самолет?

— Какой еще самолет? Проснись, Оки! Даг, ты видишь самолет?

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ааа! (Мощный зевок) Не-а, не вижу.

— Сами вы проснитесь, олухи! Уши заложило, что ли? Да тарахтит, маленький такой самолетик, типа "Стрекозы", сам на таких сотню раз летал.

— Да ладно, Оки, полей мне лучше на руки. О, вот так. Эу, Телшие, как там у нас с завтраком? Да-да, поторопись, пожалуйста, нам надо дойти до селения до наступления жары. И (прислушиваясь), нет, знаешь, Оки, я таки ничего не слышу. Показалось, наверно.

— Конечно, показалось. Ты уж не обижайся, Оки. Мало ли, с такого рання. Да и кому здесь летать на "Стрекозах"?

Сеймору Скэбу, вот кому. Он, вообще, был человеком многочисленных достоинств, и одним из них было умение пилотировать легкомоторные самолеты.

Но сейчас Сеймор Скэб откровенно нервничал. Вся идея с одиночным полетом, ночевкой в пустыне и попыткой найти корабль с помощью карты, аэрофотоснимков и весьма примитивных навигационных инструментов теперь казалась ему гнуснейшей авантюрой. Слишком много отдавалось на откуп слепой удаче и слишком мало оставалось на долю его излюбленного трезвого и спокойного расчета.

Но надо было спешить. Шел уже третий день после объявления ультиматума, а Скэб очень не любил опаздывать. Официальные пути исключались, а неофициальные требовали того, что было ему слишком дорого, — времени.

Окончательно положась на удачу, он повел свою "Стрекозу" по кругу и почти облегченно вздохнул, увидев, как лучи восходящего солнца отразились от огромного металлического предмета на горизонте. Сеймор Скэб почти достиг своей первой цели.

Как считал штурман Боорк, работка после приземления досталась ему непыльная, но утомительная. Называлась она по-военному пышно: координатор поста наружного контроля, а короче, неофициально, просто сторож.

Согласно инструкциям, в обязанности координатора ПНК входят наблюдение за тридцатикилометровой зоной безопасности вокруг корабля, контроль перемещений своих летательных и наземных аппаратов, покидающих эту зону, поддержка требуемого режима взлетной готовности и еще многое другое. Но единственное, с чем пока пришлось столкнуться Билону, — это многочасовые бдения в главной рубке корабля, либо скучно-утомительные, как, например, сейчас, условной ночью, либо опасливо-напряженные. Во время условного дня в рубке всегда толпилось руководство, а Боорк, как и всякий разумный человек, всегда предпочитал держаться подальше от начальства.

Так что, это дежурство было еще не самым худшим. По корабельному времени была ночь, и в рубке не было никого, кроме Боорка и его помощника – унтер-офицера, откликавшегося на детское имя Гри. На обзорных экранах были видны мрачные безжизненные холмы, восходящее солнце и ровные ряды военной техники, которую готовили для завтрашней показательной атаки.

Смена Боорка подходила к концу, как вдруг на пульте наружного контроля зажглись тревожные огоньки.

— Легкий летательный аппарат, — доложил проснувшийся Гри. — Вошел во внешнюю зону безопасности.

Боорк перевел датчик на максимальное увеличение. Действительно, легкий летательный. Даже слишком уж легкий. За стеклами кабины видна голова одинокого пилота.

Один из длинных пальцев Гри пополз к кнопке запуска противовоздушных ракет.

— Стойте, — остановил его Билон. — Не будем сбивать его.

— Мы в состоянии боевых действий, — напомнил Гри. — И мы обязаны уничтожить любой чужой летательный аппарат, проникший в зону безопасности.

— Боевые действия еще не начались, — возразил Боорк, в очередной раз чувствуя свою неполноценность. Будь он кадровым офицером, а не добровольцем, рекрутированным из гражданского космофлота, унтер и не подумал бы возражать ему.

— Через минуту он войдет во внутреннюю зону безопасности, — снова подал голос Гри. — Тогда или я уничтожу его, или автоматика объявит тревогу.

— Пусть объявляет, — коротко бросил Боорк, хотя почувствовал, как холодная струйка пота скользнула по его спине.

Он и сам не знал, почему ему так не хочется сбивать самолет. Наверное, он выглядел слишком маленьким, беззащитным, совершенно не способным причинить кораблю какой-либо вред. Встречать его ракетой было как-то неправильно, словно стрелять

на поражение из игломета в сорванца, полезшего через забор за фруктами.

А еще Боорк вдруг понял, что просто не может сделать этот выстрел. Он знал, что война неминуема, но не хотел проливать кровь. Ни при каких обстоятельствах.

Мало кто любит, когда его будят за час до подъема, и суперофицер первого ранга Пээл не был исключением.

— Вы что себе позволяете, младший офицер первого ранга?! — начал он безо всяких предисловий. — Вы так и не удосужились выучить ваши новые обязанности? Или для вас не был объявлен переход на боевую готовность номер один?!

— Господин суперофицер первого ранга, — стараясь справиться с дрожью в голосе, заявил Боорк. — Я отдал приказ не уничтожать филлинский летательный аппарат, так как пришел к выводу о его полной безвредности для нас. Да и ценность его (Боорк попробовал зайти с другой стороны) минимальна. Это только маленький самолет, и он не стоит и десятой доли того, во что обходится Империи одна противовоздушная ракета.

И очень маленький самолет может нести очень мощную бомбу, — язвительно заметил командир. — Но в любом случае, он должен быть сбит. Мы должны держать слово, иначе филиты перестанут нас уважать. Вас удовлетворит эта причина, младший-один?

— Господин суперофицер первого ранга, — не побоялся вклиниться в паузу Гри. — Филлинский летательный аппарат заходит на посадку.

— Час от часу не легче, — командир посерьезнел и призадумался. — Старший-один, — обратился он к офицеру из спецотдела. — Возьмите переводчик и выясните, какого черта нужно этому олуху. Возможно, это тот случай, из наших инструкций…

Сеймор Скэб чувствовал себя немножко глупо. Корабль жил своей жизнью, чего стоили только эти ряды мощных приземистых боевых машин, похожих на танки. Но вокруг было ни души, словно кораблю и дела не было до Скэба с его миссией. "Вот так, — растерянно думал Скэб. — Я же явился. Столько времени до них добирался, спешил, жизнью, можно сказать, рисковал, а меня никто не встречает. Странно…"

"…Странно, — рассуждал про себя офицер-спецотделец. — Неужели это действительно посланец? Один самолетик, один филит – как-то совсем несолидно, не по-настоящему… На

Кронтэе… На Кронтэе это было бы похоже на какой-то нелепый маскарад. Целая толпа старых долбаков, трясущих своими лысыми башками, склоненные знамена, барабаны, визгливые вопли. Представление для дураков-туристов.

И все же, это, наверное, посланец. Слишком целеустремленно он выглядит. И значит, тот младший-один таки был прав, что не сшиб его при подлете. А должен был бы…

Хотя странно, если штаб ждал посланца, почему он не дал на этот счет никаких конкретных указаний? А приказ – он ясен: сбивать, и вся недолга. Странно, странно… На что же они тогда рассчитывали? На инициативного младшего офицера? Нет, таки странно. Надо запомнить. Настоящий офицер спецотдела должен быть памятливым. И наблюдательным. Мало ли, что в жизни пригодится…"

Сеймор Скэб с некоторой опаской осматривал боевые машины пришельцев. Вблизи они уже меньше напоминали знакомые ему танки филлинских армий.

"Ну и мощь, — думал Скэб. — Раза в полтора больше наших, если не в два. И пушка-то какая здоровая! Но гусеницы-то, гусеницы, ну и широченные. Такая дура везде пройдет, по любой грязи. А на башне явно какая-то оптика – вон линзы блестят. И трубы какие-то сбоку – они для чего? И непонятно совсем, где тут экипаж помещается, — они же широкие и плоские, что тараканы…"

Скэб опасливо отступил к самолету. Возвращаться на нем не хотелось. Левое колесо еще при взлете наткнулось на камень и теперь еле держалось. Горючего до того аэродромчика, с которого он вылетел вчера, могло и не хватить, а садиться в пустыне и вызывать помощь по радио граничило с провалом.

"Танки", закрывавшие обзор, не позволили Скэбу увидеть, как офицер-спецотделец вышел из корабля. Но лязг открывшегося люка и звук шагов он услышал.

Идя навстречу пришельцу, Сеймор Скэб в последний раз оглянулся на самолет. Он ясно понимал, что "Стрекоза" совершила свой последний полет. На какой-то момент он даже впервые пожалел, что не взял с собой оружия. Эта мысль была нерациональной, подумал он с неудовольствием, зато логичной.

Они встретились на полдороге. Вернее, почти на полдороге. Скэб намеренно не спешил, стараясь, чтобы выстроенные рядами боевые машины пришельцев не пропадали из его поля зрения. Не то, чтобы с ними он чувствовал себя увереннее, но поворачиваться к ним спиной было еще страшнее.

И Скэб, и офицер-спецотделец остановились почти одновременно, когда между ними осталось около десяти шагов. Первые полминуты они просто стояли, молча разглядывая друг друга.

"Вот здоровенный, — думал Сеймор Скэб – спецотделец возвышался над маленьким горданцем более чем на полметра. — А может, у них все такие. И видно, что чужой. Похожий, но чужой. Или может быть, было бы лучше, если бы они были совсем чужими – как в кино, ростом в три метра, тело в шерсти и челюсти как у насекомого. Нет, все-таки лучше, что они хоть немного похожи на нас. Есть хоть какая-то надежда на взаимопонимание…

Нет, а он определенно ждет, пока я заговорю. Интересно, на каком языке мы с ним будем общаться? Нет, ну чего он молчит? Пусть сам начинает. Что я ему скажу – "Доброе утро", что ли? На редкость идиотская мысль…"

"И чего он ждет? — думал в это время офицер-спецотделец. — Кронт бы уже давно сообразил, что надо встать на колени, дотронуться лбом до земли и говорить, не вставая с колен. Как это и положено при обращении к представителю высшей расы. Ах, да, это не кронт. Ну что же, попробуем отнестись к нему как к равному. Надеюсь, он этого заслуживает. Так, а на какой же язык настроен мой переводчик? А, впрочем, какая разница? Я думаю, мы все равно поймем друг друга…"

— Ты… посланец? — наконец глухо произнес на горданском языке голос из динамика, закрепленного на плече пришельца. — Посланец… от кого?… Отвечай.

Удивительно, но Скэб понял мгновенно.

— Я посланец, — сказал он, стараясь выговаривать слова как можно более четко. — Я Сеймор Скэб, глава аппарата сотрудников президента Горданы Лерида Кирстена. Я прибыл, чтобы провести переговоры с представителем председателя Совета Пятнадцати Оонка. На это у меня есть полномочия, врученные мне моим президентом.

— Я доложу о вас, — коротко ответил офицер-спецотделец. Он не совсем понял, что представляет собой должность Скэба, что-то вроде министра двора, и почувствовал даже некоторое уважение к собеседнику. Сановник высокого ранга сам отправляется на другой континент, сам пилотирует весьма ненадежный на вид летательный аппарат. Совсем не похоже на Кронтэю. И на Метрополию, кстати, тоже.

Связавшись с кораблем и дождавшись, пока командир Пээл

получит ответ из штаба, офицер-спецотделец уже вполне доброжелательно повернулся к Скэбу.

— Я счастлив приветствовать вас, — заявил он почти официально. — Пройдемте со мной. Переговоры вам предстоит вести с другими людьми и в другом месте…

Он уже твердо решил воспринимать Скэба как равного.

В главной рубке Пээл, наконец, повернулся к Боорку, все еще стоявшему навытяжку перед командирским пультом.

— Младший-один, срок вашего дежурства еще не истек. Потрудитесь подготовиться к принятию шаттла, который высылает штаб за нашим гостем. — И немного тише: – Штаб не настаивает на вынесении вам взыскания, Боорк, и я тоже не буду настаивать. Но от обязанностей координатора ПНК я вас освобождаю. Поступите в распоряжение группы контроля. И запомните, Боорк, сегодня вам повезло, но хранит вас Небо, если вы опять вздумаете, так сказать, проявить излишнюю инициативу!

Глава 11. Власть над душами

Добраться до оазиса до наступления дневной жары так и не удалось. Кен Собеско рассчитал все правильно и даже с запасом, но как-то упустил из виду, что все предыдущие разы попадал в оазис по воздуху. Короче говоря, Собеско не придал должного внимания тому, что почти половину пути им пришлось пройти по зарослям стланника.

Стланник – самое, пожалуй, распространенное растение пустыни, странное создание странной земли, где вот уже пятьсот тысяч лет не идут дожди. Его кривые, узловатые плети тянутся на десятки метров, переплетаясь друг с другом, оплетая обломки скал и протягивая свой полог над ямами и трещинами. Корни стланника уходят вглубь на многие метры, впиваясь даже в камень, а его жесткие круглые листья, настолько насыщенные минеральными солями, что ими брезгуют даже непритязательные пустынные жители, каждую ночь разворачиваются, чтобы уловить малейший намек на влагу в ночном ветре, а с восходом солнца снова сворачиваются в наглухо закрытые трубки, усеянные колючками.

Под покровом стланника создается свой особый микроклимат. Там в изобилии растет серый пустынный лишайник, пускает корни колючка перекати-поля, прячет свои лакомые плоды пустынная дыня-цама, вьют гнезда птицы и шныряют мелкие грызуны, за которыми охотится верткая, быстрая и свирепая ошейниковая куница… Всем им стланник оказывает свое гостеприимство, нарушить которое не в силах ни гроза пустыни поджарый песчаный волк, ни человек с копьем или иным оружием.

Стланниковая чаща достает среднему человеку почти до бедра, не давая прохода, а тяжелая, насыщенная солями древесина до того тверда, что затупляет топоры и мачете и плохо поддается даже огню. Поэтому Собеско, Билону, Дагу, Торкасу и Телшие, направляющимся в оазис, пришлось тратить время на обход – идти по гребням холмов, пробираться по осыпям, пересекать язык щебневой пустыни, где не укорениться даже вездесущему стланнику.

Солнце поднялось уже высоко, когда перед ними, наконец, открылось глубокое затененное ущелье, где блестела гладь небольшого озера, зеленела листва деревьев и кустарников, а ветер доносил крики птиц и приглушенное расстоянием блеяние кумаков.

В оазисе жили кочевники пустыни, а где живут они, там есть и кумаки – голенастые длинношееи травоядные с жесткой черно-белой шерстью, жирными задами, противным характером и способностью схрупать и переварить все, что растет или движется, включая даже совершенно несъедобный стланник.

Кумак для кочевника – это все. Молоко и мясо, шерсть, из которой делают одежду и одеяла, топливо и шкуры, и даже средство передвижения. Кочевники не только навьючивали кумаков своим скудным скарбом, но даже – вещь совершенно невиданная и не имеющая аналогов на Филлине – ездили у них на спинах, управляя животными с помощью гортанных команд или ремешков, прикрепленных к особым намордникам.

Впрочем, такими странными, не похожими ни на кого и ни на что кочевники были всегда. Они не походили ни на светлокожих жителей Приморья, ни на высоких смуглых заморцев, ни даже на приземистых, плосколицых и бронзовокожих жителей далеких восточных земель. Кочевники были маленькими, щуплыми, тонкокостными людьми с очень темной, почти черной кожей, и еще у них были бороды – не маленькие аккуратные бородки, которыми щеголяют жители Заморья, нет, они буквально до глаз зарастали черным, жестким, курчавым, диким волосом, к старости становящимся серым, словно остывший пепел.

Когда-то, судя по археологическим раскопкам и древним летописям, люди этой расы населяли все Северное Заморье. Но около семи тысяч лет назад пришедшие из-за Срединного моря белокожие охотники, более высокие и сильные, вооруженные тяжелыми копьями и длинными луками, загнали их в пустыню, а на юг не дали пробиться жители Центрального Заморья, у которых как раз в то время возникли первые древние царства.

Со временем кочевники приспособились к жизни в пустыне, часть из них кочевала по ее окраинам, двигаясь за стадами своих кумаков, а часть жила оседло в редких оазисах, выращивала какие-то злаки и овощи, воевала со своими кочевыми сородичами и даже слегка торговала с народами, живущими к северу или к югу от пустыни.

Этот оазис лежал в стороне от древнего караванного пути, безводные каменистые пустыни отделяли его и от областей, контролируемых дикими кочевниками, поэтому к чужим в этих местах относились вполне дружелюбно. В деревушке даже была миссионерская станция, на которую, в основном, и рассчитывал Собеско, надеясь предупредить жителей оазиса об опасностях "показательной атаки".

Ущелье было открытым с северо-запада, где зеленые

кустарники понемногу уступали место сухой колючке. Именно в эту сторону все чаще поворачивалась голова Майдера Билона, спускавшегося вслед за Собеско по узкой тропинке, петлявшей по крутому склону.

Там, на северо-западе, остались космический корабль пришельцев, старый лагерь и… могила Хольна. Билон навсегда запомнил, как они несли кровавые ошметки, оставшиеся от тела геолога, в свой лагерь. В тот же день они с помощью динамита выкопали могилу и оставили Хольна в этой бесплодной земле, сложив вместо надгробия пирамиду из камней. Сейчас эти камни, наверное, уже здорово накалились под безжалостным солнцем…

Зермандец Телшие, идущий вслед за Билоном, переносил жару легче других. В конце концов, он был сыном потомственного караванщика, да и сам не раз пересекал пустыню – и в ту, и в другую сторону.

Телшие тоже думал о Хольне, но мысли его текли совсем по-другому. Убийство вождя не должно было быть забыто. Белые люди скорбят по нему, но в их скорби нет мысли о мести. Нет, Телшие не негодовал и не осуждал их – другой народ, другие обычаи, но здесь, в пустыне, должен править закон пустыни.

Убитый вождь, особенно убитый внезапно, предательски, должен быть отомщен. Отомщен обязательно, пусть с риском для жизни, пусть даже ценою жизни, но что стоит жизнь человека перед древним законом?!

Телшие знал, что именно ему выпала честь вершить закон. Утром он окропил землю своей кровью и обвязал правую руку церемониальным платком. Он был теперь *матшаи т" мулькией* — тот, кто восстанавливает справедливость, — и должен был идти по этому пути до конца.

В отношении своей собственной участи Телшие не испытывал особых иллюзий. Он видел, во что превратило Хольна одно-единственное попадание из оружия чужих. И понимал, что с ними не справиться ни коротким мечом воина, ни даже винтовкой, которая должна была стать его собственностью после завершения экспедиции. Но в широких одеждах Телшие скрывалось и "секретное оружие" – три связанных между собой динамитных шашки, похищенные в последний день в старом лагере, когда смерть Хольна была еще слишком близка, а на Телшие, помогавшего загружать имущество группы в вертолет, никто не обращал особого внимания.

Итак, один удар он все-таки сможет нанести. Уйти ему, конечно, не дадут, но… отец и старшие братья будут гордиться им.

…И наверное, хорошо, что Шайинь ему отказала. Иначе

умирать было бы слишком тяжело. Эта мысль показалась ему почти забавной.

Сидеть в прохладной тени под скалой, привалившись к стволу дерева, и пить горячий лакин из фляжки после утомительного спуска было необыкновенно приятно. Прямо в деревню они не пошли – это было против местных обычаев, надо было сидеть и ждать приглашения, и Телшие, исходя из времени дня, оценил возможный срок ожидания часа в полтора.

— …С этим святошей, отцом Чупасом, — объяснял Собеско, имея в виду миссионера, — надо держать ухо востро. Он опасный тип.

— Это еще почему? — лениво поинтересовался Торкас, ставший после гибели Хольна старшим группы.

— Отец Чупас из породы религиозных фанатиков, — заявил Собеско. — В Гордане, хотя мне кажется, что по рождению он мой земляк, гранидец, ему оказалось слишком тесно, вот он и попросил назначение в самый дальний приход. Сюда он прибыл несколько лет назад и с тех пор ухитрился полностью подмять под себя всю деревню. Слов нет, он очень одаренный человек, хороший агроном, говорит на нескольких языках, знает медицину, Откровения может цитировать по памяти целыми страницами, туземцы его прямо боготворят. Но у него есть, на мой взгляд, отвратительная черта: он обожает властвовать над людьми, над их душами и телами. Кроме того, — брезгливо скривившись, не сказал, а словно выплюнул Собеско, — он ганглоанец!

— Кто-кто? — заинтересованно перевернулся на живот Даг.

— Ганглоанец! Член секты "Святая церковь Ган-Гло"! Банда воинствующих мракобесов, что выступает против любой науки, грамотности и вольномыслия!

— Странное название, Ган-Гло, — задумчиво повторил Билон. — Я слышал, это как-то связано с историей?

— Была когда-то такая страна, — объяснил Собеско. — Давно, лет шестьсот назад. Где-то в восточном Приморье, примерно, на месте нынешнего Кюнандорга. Это когда развалилась Тогродская Империя и началась анархия и всеобщая резня, одна военизированная религиозная секта отхватила изрядный кус земли и провозгласила его Святым Государством Ган-Гло. Абсолютная теократия. И абсолютный духовный контроль над простым населением, которое проводило дни в простом богоугодном труде. Все развлечения были запрещены. Грамотность тоже. Оружие могли носить только монахи. И милая привычка забирать детей в качестве налога.

— Церковь занималась работорговлей? — удивился Даг.

— Вот-вот. Специальные отряды головорезов рейдировали по окрестным княжествам, хватали всех подряд и продавали за море. И все это безобразие длилось несколько десятилетий. А потом с запада пришли баргандцы, с востока чинеты – вообще-то, между собой они враждовали, но ради такого случая объединились и раздавили святых отцов как гнилой орех!

— Подожди, — вскинулся Билон. — Это не об этом фильм "Божья кара"?

— Об этом, об этом. У вас-то на них смотрят как на безобидных чудаков, но вот у нас, лет пятнадцать назад, это было настоящее бедствие. Знаешь, война недавно закончилась, экономический кризис, работы нет, а тут эти – мол, во всем ученость виновата, долой ее, долой правительство, убивай, жги! Вот они и жгли – университеты, библиотеки, полицейские участки… Потом их всех перебили или пересажали. Кто-то успел податься за океан, тогда наших много эмигрировало, теперь их там и не найдешь. Так что, боюсь, наш отец Чупас из таких. Ему лет сорок с небольшим, как раз мог успеть во всем этом поучаствовать…

Слова Собеско прервал приветственный возглас появившегося со стороны деревни темнокожего кочевника. Перекинувшись с ним парой фраз, Телшие обернулся к сидящим на траве горданцам.

— Мы приглашены, — сказал он. — Великий отец извещен о вашем приходе и ждет вас.

Отец Чупас принял гостей в храме – длинном одноэтажном каменном здании, сильно не похожем на куполообразные шатры туземцев. Выглядел он так, как и описал его Собеско – высокий крупный мужчина лет сорока с гривой темных волос и пронзительным взглядом черных глаз из-под грозно нависших бровей. Он сидел в большом каменном кресле, стоявшем на возвышении у дальней стены. За его спиной жалась кучка туземцев, вооруженных легкими копьями и связками дротиков. Одет был отец Чупас в просторное одеяние из кумачьей шерсти, подпоясанное ремнем из сыромятной кожи, и в простые сандалии. В храме царил полумрак, но плошки с горящим жиром ярко освещали его могучий торс.

Отец Чупас и не подумал встать навстречу гостям. Вместо этого он громовым голосом проревел длинную фразу на непонятном языке.

— Он говорит на наречии кочевников, — вполголоса объяснил Телшие. — Он хочет, чтобы мы оставили на пороге все

греховные вещи – те, что не были сделаны руками человека.

— Ему, что, надо, чтобы мы разделись догола?! — яростно прошипел Торкас, но под взглядом Собеско расстегнул и снял пояс с пистолетной кобурой, добавил к нему фляжку и нож и демонстративно снял с руки компас и часы.

Телшие с каменным лицом приставил к стенке свою винтовку, Билон добавил в общую кучу фотоаппарат, и только после этого им разрешили приблизиться и сесть на низкую и очень неудобную скамью перед помостом.

Оглянувшись, Билон заметил, как в храм вошли еще несколько вооруженных туземцев, занявших пост у выхода. Все они, проходя мимо "греховных вещей", старательно дули на плечи и делали знак скрещенными пальцами – отгоняли бесов.

Миловидная девушка, испуганно косясь на отца Чупаса, раздала всем чаши с кумачьим молоком, и только тогда миссионер небрежно проронил несколько фраз на том же языке кочевников.

— Он спрашивает, зачем вы пришли на эту святую землю, — перевел Телшие.

Собеско прокашлялся. Воздух в храме был очень затхлый, к тому же в нем воняло горящим жиром и местными благовониями из особой смолы.

— Скажи ему, нет, скажи им, — Собеско широким жестом показал на туземцев, стоящих за спиной отца Чупаса, — что мы прибыли предупредить их об опасности.

— Какая опасность? — спросил отец Чупас. Это было понятно и без переводчика. Туземцы взволнованно переглядывались.

— Враг, — коротко ответил Собеско. — Враг сильный и безжалостный, желающий уничтожить вас лишь для того, чтобы показать силу своего оружия.

Реакцией стало небольшое совещание между отцом Чупасом и несколькими туземцами. Наконец один из них по знаку миссионера вышел вперед и прокричал несколько фраз.

— Э-э-э… Великий Отец приказал говорить Хранителю Копья племени, — сообщил Телшие. — Хранитель Копья обвинил вас во лжи. Он говорит, что солнце выжгло пустыню на многие дни пути, и что никакой враг не сможет придти к ним незамеченным.

— Но враг придет, — жестко сказал Собеско. — Святой отец, у вас есть радио, вы должны знать о посадке инопланетного корабля всего в сорока километров от вас. Это они. Телшие, переведи, что это нелюди, пришедшие из другого мира, что они уже убили нашего товарища.

— Он говорит, что здесь силы дьявола ничего не смогут сделать, — перевел ответ отца Чупаса Телшие. — Они забрали в

ад грешника, одного из вас, но они бессильны против святой веры этого племени.

— Какие еще силы дьявола?! — Собеско окончательно потерял терпение. — Послушайте, святой отец, поверьте нам. Вы что, забыли, что такое пулеметы и пушки? А то, что идет против вас, сильнее пулеметов и пушек! Это пришельцы, говорю я вам, пришельцы с другой планеты, другого мира! Мы сами слышали, как они обещали разрушить вашу деревню, только чтобы продемонстрировать свою силу!

Телшие, запинаясь, начал переводить, но отец Чупас прервал его.

— Вы, грешники! — возопил он, вскакивая на ноги. — Вы признались, что они не сотворены Богом! Вы сами, ваши грехи, ваши дьявольские искусы навлекли на вас кару! Час пробил! Грядут силы ада! И не спасется от них никто, лишь самые чистые и праведные! Вы отринули Бога ради мирских соблазнов, ради дьявольской прелести, и Бог не защитит вас!

Глаза отца Чупаса горели дьявольским пламенем, и Билон успел подумать, что святой отец смахивает на плохого актера в трагической роли. С ходу перейдя на местный язык, отец Чупас выкрикнул еще несколько фраз. Ответом был восторженный вскрик, лес поднятых копий, а затем туземцы, опустившись на колени, нестройно запели что-то довольно немелодичное, что Билон с изумлением опознал как почти до неузнаваемости искаженный гимн "Защити нас и спаси…"

Отец Чупас снова повернулся к горданцам.

— Изыдите! — возвестил он. — Убирайтесь и забирайте вашу дьявольскую утварь. А нас оградит молитва от козней дьявольских! Единый да защитит нас!

Дар речи вернулся к Собеско только в лагере.

— Какой же я идиот! — в сердцах разорялся он. — Как я мог забыть про любимое пророчество всех ганглоанцев – что за грехи наши явится на Филлину дьявольское войско – забирать в ад души грешников, так сказать, созревших для этого. Ну что бы мне соврать про каких-то террористов, спятивших военных, картагонарцев, наконец!…

— И ничего уже нельзя сделать? — оглушенно спросил Даг.

— Почему ничего? — со странной улыбкой ответил Собеско. — Можно еще воспользоваться советом отца Чупаса – молиться за их души. По-моему, ничто другое их уже не спасет.

Глава 12. Силы ада

Второй поход в деревню был делом абсолютно безнадежным. Это понимали все, но, как сказал Собеско, если есть один шанс из тысячи, глупо было бы не попытаться его использовать.

Сидя на неровном шершавом стволе упавшего дерева, точно на том же месте, что и сутки назад, Майдер Билон чуть ли не каждую минуту смотрел на часы, физически ощущая, как быстро и неумолимо уходит время. Он понимал, что сделать им, скорее всего, ничего не удастся, но почему-то ужасно боялся не успеть.

По-видимому, те же чувства испытывали и все остальные, кроме разве что Телшие, оцепенело смотревшего куда-то перед собой. Все чаще и чаще они бросали обеспокоенные взгляды на северо-запад, откуда должны были появиться пришельцы.

Там все уже было готово. Командир Пээл, сопровождаемый заместителями по технике и вооружению, вездесущим тэоном и еще несколькими офицерами, совершал последнюю инспекцию, обозревая выстроенную рядами военную технику.

В авангарде этой импровизированной выставки находились "Молнии" – длинные, изящные, стремительные летательные аппараты со стреловидными крыльями с изменяемой геометрией. Они объединялись в группы из девяти аппаратов, централизованно управляемые с борта корабля через машины-"лидеры", стоящие в середине каждого ряда, — более крупные, с чашеобразными антеннами помехозащищенной спутниковой связи. Эти машины считались давно устаревшими и относились к одному из первых поколений боевых беспилотников, но для Филлины, как считало командование, их было более чем достаточно.

Для выполнения своей основной задачи – ударов по наземным целям – "Молнии" вооружались восемнадцатью управляемыми ракетами "воздух-земля" либо установкой залпового огня, предназначенной для накрытия больших площадей и рассчитанной на восемь залпов тридцатью реактивными снарядами с разделяющимися боеголовками.

Какого-либо существенного противодействия со стороны филитов не ожидалось, однако "Молнии" были штатно вооружены восемью небольшими противоракетами осколочного действия и оснащены установками для отстрела тепловых ловушек. Кроме того, на внешние пилоны можно было навешивать до четырех пар ракет "воздух–воздух" – не менее устаревших, чем сами "Молнии",

с примитивным тепловым наведением.

При виде этих машин Пээл почувствовал нечто, похожее на ностальгию. "Молнии", давным-давно снятые с вооружения Военного Космофлота и извлеченные со складов только для участия в завоевании Филлины, до сих пор широко применялись как учебные машины. Послушные, легкие в управлении, прощающие ошибки неумелым дистанционщикам, они были любимы всеми курсантами космических училищ.

На какой-то момент командиру захотелось снова, как в курсантские дни, почувствовать на голове невесомую тяжесть управляющего шлема, увидеть, как разворачивается перед глазами карта местности, нарисованная компьютером по приборам "Молнии"-лидера, ощутить, как девятка скоростных, маневренных, смертоносных машин послушно подчиняется каждому движению управляющих рукояток на подлокотниках кресла, ласкать большим пальцем кнопку запуска ракет…

Но все это, конечно, в прошлом. В отсеке управления уже заняли свои места операторы-дистанционщики, проведшие уже много сотен часов в мире компьютерных сражений и далеко превзошедшие все его курсантские рекорды.

Не задержавшись среди "Молний" ни на минуту, Пээл прошел дальше, к двум рядам новых воздушных машин – массивных, тупоносых, короткокрылых. Вытянутый гребень посредине придавал им некоторое сходство с утюгами.

"Драконы" – так официально назывались эти машины – и в самом деле были еще те утюги. Оснащенные, помимо антигравов, шестью винтовыми двигателями на электроприводе от батарей топливных элементов, они были способны развивать скорость не более 400 километров в час. Впрочем, быстрота была им и не слишком нужна. Фактически "Драконы" представляли собой летающие платформы, способные часами висеть над районом патрулирования, передвигаясь, в зависимости от поставленных им задач, на высоте от нескольких десятков метров до десяти километров. Эти машины часто применялись для слежения за воздушной и наземной обстановкой, использовались в качестве ретрансляторов в условиях активных помех, но на Филлине их основным преимуществом должна была стать высокая грузоподъемность.

Тяжелые, неповоротливые "Драконы" превратили в этакие воздушные мониторы, буквально набитые оружием. С них сняли почти все защитные системы, оставив только бронирование нижней части корпуса, но зато многократно усилили ударное действие. Каждый из дюжины "Драконов", которыми был оснащен корабль, мог нести шесть мощных ракет, способных превратить в

руины целый заводской комплекс или городской квартал, и от шестнадцати до двадцати четырех менее крупных управляемых ракет "воздух-земля". Кроме того, вместо ракет "Драконы" могли нести до двенадцати тонн кассет с высокоточными глайдер-бомбами. В фугасном варианте такие бомбы идеально подходили для нанесения точечных ударов по объектам типа мостов, транспортных развязок, корпусов заводов, а сброс целой кассеты бомб объемного взрыва гарантированно уничтожал все живое на площади в три-четыре квадратных километра.

В отличие от "Молний" обычно летавших девятками под управлением одного оператора, "Драконы" требовали к себе более внимательного отношения. Ими управляли по одному, да и использовались они, как правило, по одиночке, а не группой.

Позади воздушных сил были выстроены наземные, основную мощь которых составляли штурмовые танки типа "Громовержец" – тоже несколько устаревшие, но вполне грозные, а на Филлине – особенно. Это были колоссальные машины – восьми метров в длину, почти трех в ширину и двух с лишним в высоту. Конструкторы с удовольствием сделали бы их еще больше, но тогда даже корабль первого класса оказался бы слишком тесным для положенных ему по штату сорока восьми "Громовержцев".

Впрочем, и при таких размерах танки несли на себе достаточно оружия. На приплюснутой широкой башне были установлены плазменная каскадная пушка для ближнего боя и спаренное с ней электромагнитное орудие. По бокам башни "Громовержца" находились два зенитно-ракетных комплекса, которые, впрочем, могли стрелять и по наземным целям.

Сердцем каждой машины был мощный компьютер, значительно превосходящий относительно примитивные управляющие устройства на "Молниях", из-за чего те могли исполнять только стандартный набор команд и управляться только через машину-лидера. Каждая шестерка танков, ведомая одним оператором, действовала как единое целое. Машины самостоятельно разбирали между собой цели, определяли их приоритетность, выполняли весьма сложные маневры.

Глядя на эти танки, трудно было поверить, что филиты со своим примитивным вооружением могут их остановить. Первой линией обороны "Громовержцев" были автоматические защитные установки, выбрасывавшие облака мелких частиц, сбивавших с курса противотанковые ракеты. Преодолевшие этот рубеж снаряды наталкивались на динамическую защиту, за которой находилась трехслойная броня из железоникелевого сплава с модифицированной кристаллической решеткой. Наконец, для поражения вражеской живой силы на танках устанавливались по

четыре крупнокалиберных игломета, стрелки которых пробивали даже каменную стену полуметровой толщины.

Вспомогательный гравитационный двигатель давал возможность преодолевать реки, пропасти и болота шириной до пяти километров. А метровой ширины гусеницы "Громовержца" состояли из тысяч роликов, изготовленных из материала с огромной упругостью и почти невероятной прочностью на разрыв. Между собой они крепились с помощью мономолекулярных нитей, и порвать такую гусеницу мог разве что направленный взрыв приличного количества специальной взрывчатки, которой у филитов все равно не было.

Но даже это было еще не все. "Громовержцы" шли в битву не в одиночку, а в окружении целой свиты разведывательных и боевых беспилотников. Дюжины этих небольших и небыстрых, но вертких и зоркоглазых летательных аппаратов проводили разведку для гигантов, отслеживали и подсвечивали цели, а при необходимости и самостоятельно уничтожали юниты противника, расстреливая их сверху из иглометов или забрасывая сотнями мелких бомбочек.

"Громовержцы" действительно производили впечатление, а вот вид следующих машин заставил командира поморщиться. Средние танки типа "Охотник" были обязаны своим рождением чисто умозрительной концепции использования захваченных пленных в качестве дешевой рабочей силы.

В результате машина обзавелась двумя восьмиметровыми манипуляторами, заканчивающимися жуткими на вид клешнями, и выступающим горбом в задней части корпуса с отсеком для содержания шестнадцати пленных. Предполагалось, что пленные будут предварительно усыплены, для чего немалую часть боезапаса "Охотника" составляли химические снаряды со снотворным газом, действующим не только через органы дыхания, но и через кожу.

Однако наличие отсека для пленных заставило значительно сократить боеукладку, снять каскадные пушки и отказаться от "облачной" защиты. Кроме того, "Охотники" имели массу недоработок, плохо слушались танков-лидеров, из-за чего вместо обычных шестерок их часто приходилось разбивать на тройки или четверки, постоянно ломались, а подбор усыпленных пленных с помощью манипуляторов-клешней занимал много времени и требовал ручной работы самых квалифицированных операторов.

Как ни странно, "Охотники" оказались востребованными, но не военными, а полицией: эти машины часто применяли для разгона массовых беспорядков. Пройдя долгий срок службы, они в конце концов устарели и были свезены на склады длительного

хранения, откуда их достали только перед Филлиной. Здесь и должно было выясниться, насколько они подходят для захвата пленных в реальном бою, и есть ли вообще толк от этой идеи.

Причем, как подозревал командир, выяснять таки придется. В расчете на использование пленных филитов иного источника рабочей силы в операции не предусматривалось.

Убедившись, что и с проклятыми "Охотниками" все в полном порядке, Пээл активировал браслет связи и обратился к командиру БЧ дистанционного управления.

— Супер-три, поднимайте разведчика.

Деревне давно пора было уже проснуться. Солнце поднималось все выше и выше, непоеные и недоенные кумаки беспокойно ревели в своем загоне, но двери хижин оставались закрытыми.

— Может, они действительно ушли? — высказал, наконец, свое мнение Билон.

— Кочевники? Без кумаков? Невозможно, — покачал головой Собеско.

— Понял! — закричал вдруг Даг. — Они все в храме! — Он поднялся на ноги. — Надо идти туда!

— Без приглашения, — мягко заметил Собеско, — это чревато. Здесь не любят незваных гостей.

Но Дага уже было не остановить.

— Идем. Или уходим обратно. Ждать больше нельзя.

— Он прав, — Торкас тоже встал со своего места. — Пошли. Уж не убьют же они нас, в конце концов.

Собеско молча пожал плечами. У него было свое мнение на этот счет, но ждать дальше было действительно бессмысленно.

Деревня больше всего была похожа на внезапно брошенный экипажем корабль. В некоторых шатрах еще горели светильники, на пороге одного из них стоял керамический таз с зерном и опрокинутая набок каменная ступка, посреди дороги лежал разбитый кувшин, из которого вытекла молочная лужа, на ее краю уже отпечаталась чья-то босая нога.

Из храма действительно доносилось нестройное пение, сливающееся вместе с противным ревом голодных кумаков в какую-то сумасшедшую какофонию. Даг, опередивший товарищей шагов на пять, первым бесстрашно сунулся в дверной проем и тут же резко отпрянул. Прямо на него медленно шли трое туземцев с копьями наперевес. Их лица не предвещали ничего хорошего. Даг медленно пятился, его лицо на глазах посерело.

— *Рхуш!* — с угрозой в голосе произнес один из туземцев. — *Эув пакы!*

— *Накве саа, бырысу,* — попытался ослабить напряжение Телшие, впервые за утро сбросивший свое оцепенение.

— *Тэглыдэрэ!* — наконечник копья туземца остановился в десяти сантиметрах от горла Дага.

Положение было отчаянным. Из храма вышли еще несколько воинов. Двое из них уже приготовили к броску метательные копья. Неожиданно к нестройному пению туземцев и реву кумаков прибавился посторонний звук. Из-за холмов внезапно вынырнула небольшая черная воздушная машина с серповидными крыльями, заканчивающимися характерными утолщениями, с жутким воем пронеслась на высоте каких-нибудь ста метров над головами, на секунду пропала за стенами ущелья, затем стремительно развернулась и, не снижая скорости, исчезла в том направлении, откуда явилась.

Кольцо копий, окружавшее горданцев, немедленно распалось, и к ним сразу же потеряли всякий интерес. Телшие успел перекинуться парой фраз с одним из туземцев, но, получив ответ, снова впал в оцепенение.

— Сматываемся! — крикнул Собеско, увлекая за собой остальных. — Пусть на этом представлении зрителям и обещали безопасность, находиться слишком близко от сцены не рекомендуется!

— Что ты им сказал? — на бегу поинтересовался Билон, обращаясь к Телшие.

Молодой зермандец медленно повернул голову. Было видно, что сейчас он думает о чем-то совсем другом.

— Я сказал, чтобы они тоже поднимались на скалы. А он ответил, что у них самое безопасное место, если мы только не накличем нечистую силу своим присутствием. Великий Отец защитит их.

Отец Чупас действительно не терял зря времени. Распластавшись на широкой и, как он надеялся, безопасной террасе над высоким обрывом, Майдер Билон смотрел, как туземцы под его руководством чертят на земле цепь священных символов – спиралей – от одной стены ущелья до другой. Сам священник стоял в центре самого большого символа, держа в руке тяжелый посох, заканчивающийся набалдашником в виде спирали. Рядом темнокожий мальчик в черном балахоне с усилием держал в руках пузатый сосуд с освященной водой.

— Вот они, — сказал вдруг Собеско, показывая на дальние холмы.

Но Билон уже сам заметил ряд серо-песочных коробочек, вынырнувших из-за гребня. Эти коробочки быстро приближались,

прямо на глазах превращаясь в огромные широкие танки со странными двойными стволами орудий и какими-то дырчатыми коробками на башнях.

— Двенадцать штук, — пробормотал лежащий рядом Даг. — Точно, двенадцать.

Внизу "дьявольское воинство" тоже заметили. Раздались крики, вопли, быстро перекрытые зычным голосом отца Чупаса, установившего какое-то подобие порядка. Толпа туземцев дружно опустилась на колени шагах в десяти-пятнадцати за спиной отца Чупаса, стоящего в полный рост с грозно поднятым посохом.

Танки, уже достигнувшие деревни, остановились, не дойдя до него примерно тридцати метров, и выстроились почти идеальной дугой.

Трудно сказать, о чем думал отец Чупас в эти минуты. Танки пришельцев, несмотря на свой явно нефиллинский вид, мало были похожи и на авангард сил ада. Так или иначе, он постарался исполнить свою роль до конца. Выкрикнув несколько фраз, отец Чупас грозно замахнулся на ближайший танк своим посохом. Короткая очередь из игломета разорвала его на куски.

Коленопреклоненные туземцы даже не пытались бежать. Только один из них, то ли самый смелый, то ли обладавший самой быстрой реакцией, успел метнуть свое копье. Оно бесполезно отскочило от лобовой брони одного из танков.

Затем внизу словно разорвали большой кусок материи. Это синхронно заработали двадцать четыре игломета, открывшие огонь длинными очередями. Живых после такого остаться не могло. Все закончилось менее чем в полминуты.

Майдер Билон с усилием оторвался от видоискателя камеры. К горлу подступил комок. Дага и Торкаса рвало. Даже Собеско было сильно не по себе.

В сорока километрах к северо-западу оператор скорчил недовольную гримасу, что все равно не было видно под шлемом, закрывающим все лицо. Все кончилось до обидного быстро.

Новое задание было тоже неприлично легким. Стрельба по неподвижным мишеням. Бросив несколько слов своему напарнику, он нарочито медленно дал команду на зарядку электромагнитных пушек фугасными снарядами.

Два залпа напрочь снесли жалкие хижины туземцев. Один из снарядов с ювелирной точностью смахнул с крыши храма символ спирали. Самому же храму достался удар из каскадных пушек. Несколько ярких пульсирующих плазменных шнуров ослепительно сверкнули невиданными горизонтальными

молниями, и стены храма начали оплывать, словно восковые, а затем с грохотом завалились, подняв тучу пыли.

Это послужило последней каплей. Обезумевшие кумаки, которых почти не задела вся канонада, смели ворота своего загона и бросились в разные стороны с твердым намерением разбежаться.

"Это дело!" – обрадовался оператор на корабле. — "Малоразмерные, неравномерно движущиеся цели. Ну что, покажем класс?!" И снова заработали иглометы.

Только сейчас Билон заметил, что с ними нет Телшие. Борясь с тошнотой, он глянул вниз и вдруг с ужасом заметил зермандца, на четвереньках подбирающегося к крайнему в ряду танку.

— Идиот, — пробормотал рядом Собеско. — Куда!..

Приблизившись к танку на расстояние меньше тридцати метров, Телшие скорчился за камнем и вдруг, выпрямившись во весь рост, с громким криком швырнул в танк небольшой темный предмет. И снова исчез за камнем.

Предмет стукнулся о броню танка и, не удержавшись, упал на землю. Несколько секунд ничего не происходило. Телшие осторожно высунул голову из-за камня.

И тут шнур догорел до конца. Три динамитных шашки взорвались под самой гусеницей танка. Во все стороны полетели каменные осколки. Ответная очередь из игломета расколола камень, за которым прятался Телшие, но, кажется, не задела его самого. Танк медленно повернулся. На нем не было заметно никаких повреждений.

Построившись в колонну по три, танки легли на обратный курс. В деревне к тому времени не осталось в живых никого – ни людей, ни животных. Линия начертанных на земле спиралей, призванная защитить поселение от дьявольских козней, осталась нетронутой. Танки до нее так и не дошли.

Телшие по-прежнему неподвижно лежал за камнем. Его или оглушило взрывом, или задело осколками. Собеско, смотревшему в бинокль, показалось, что со лба зермандца тянется струйка крови.

— Ему надо помочь! — вскинулся Даг.

— Лежи! — сдернул его обратно Собеско, на секунду оторвавшись от бинокля. — Еще не все.

Из-за холмов с надсадным воем вынырнули девять летательных аппаратов с короткими треугольными крыльями. Проносясь над расстрелянной деревней, каждый из них выпустил по две ракеты.

Казалось, само небо обрушилось им на головы. Над ущельем

поднялось облако песка и дыма. Вздрогнула земля – это одна из ракет угодила в скалу, к счастью, с другой стороны. Вжимаясь в камень, все лежали неподвижно, ослепленные и оглушенные.

Когда Билон, кашляя, поднял голову, оазиса уже не существовало. Не было ни ручья, вытекавшего из-под скалы, ни рощи, ни зеленых пятен полей, ни остатков деревушки, ничего. Только камни и черная, словно обожженная земля, будто перепаханная невиданным плугом.

Не было и Телшие. На этом месте зиял огромный кратер, окруженный валом.

Даг неуверенно поднял с земли винтовку Телшие.

— Он украл у нас динамит, — пустым голосом сказал он. — Зачем он это сделал? Он кричал что-то вроде *"чамуль"*, так, Майдер? Ты знаешь, что это?

Майдер Билон знал.

— Он кричал: *"Тша мульк"* — восстановление справедливости. Это значит, что он мстил за убитого вождя.

— За какого вождя? За Хольна?

— Да, за Хольна.

Майдер Билон отвернулся. Он чувствовал себя совершенно опустошенным. Даже не опустошенным, а просто неживым. Как Хольн. Или как отец Чупас. Или как Телшие. А война еще даже и не начиналась.

Глава 13. Все меняется

Старый Грим Скэб был очень удивлен, когда настойчивый звонок в дверь поднял его с постели в пять утра. Его удивление еще более возросло, когда он узнал в неожиданном посетителе своего сына, который должен был находиться где-то в шумной столице, а не в тихом пригороде провинциального Зейгалапа.

Отперев многочисленные замки и задвижки, старик наконец отворил дверь перед Сеймором Скэбом.

— Здравствуй, отец, — прямо с порога заявил Сеймор Скэб. — Извини, что я не вовремя, но из-за соображений секретности я попросил, чтобы меня высадили в это время и в этом месте. А сейчас мне нужно принять ванну, сменить одежду, поспать хотя бы пару часов, а потом пусть Торм отвезет меня в Реперайтер.

Грим Скэб окинул сына оценивающим взглядом. Одет Сеймор Скэб был немного не по сезону – в легкую темную куртку и черные, причем, довольно грязные штаны, мокрые почти до колен, словно ему пришлось долго идти по влажной высокой траве. С собой Сеймор Скэб принес большой чемодан – черный, металлический, немного непривычного вида.

Чемодан стоял неудачно – прямо перед дверью, и Грим Скэб оттащил его в сторону. Чемодан был тяжелым.

— Там что, миллион золотом? — поинтересовался отец.

— Да нет, — Сеймор Скэб сбросил на пол куртку. — Можно сказать, это некая усовершенствованная система связи. Так получилось, что из-за нее мне пришлось отправиться так далеко.

— О! — поднял брови Грим Скэб. — Так можно сказать, что твоя поездка была удачной?

Сеймор Скэб уже стаскивал серую изрядно пропотевшую рубашку.

— Да, — хищно улыбнулся он через плечо. — Мою поездку можно назвать исключительно удачной.

На подземном командном пункте было светло, тихо и прохладно, но молодой лейтенант, исполнявший в этот день обязанности дежурного офицера, имел все основания жаловаться на судьбу. Все его однокашники по военно-инженерному училищу войск ПВО служили на границе или прикрывали действительно важные объекты, а вот ему выпал несчастный жребий начинать карьеру в заброшенном зенитно-ракетном дивизионе почти у самой кромки Великой пустыни.

Конечно, лейтенант понимал, что им есть, что прикрывать – не зря же здесь развернули новейший ракетный комплекс. Рядом, в каких-нибудь сорока километрах, столица южной провинции Кеккерель город Крауларн, шестьдесят тысяч жителей, электростанция, бокситный карьер и угольные шахты, глиноземный завод… Но уж в эту глушь самолеты противника прорвутся в последнюю очередь. Если прорвутся, конечно. Вся шуанская армия развернута вдоль границ с коварным Картаем, который никогда не оставит своих злодейских замыслов снова подчинить себе свободолюбивый шуанский народ. И не утихомирится, пока шуанские танки не прокатятся по мостовым города Эрвайна, древней столицы Картагонарских императоров. Так говорит президент, а он знает, что говорит, ведь это он девятнадцать лет назад вырвал шуанский народ из многовекового рабства, когда ненавистная империя потерпела поражение.

Президенту лейтенант верил. Он родился уже во время той самой войны и о том, что было до провозглашения независимости, конечно, не помнил. А какая-либо точка зрения, отличная от точки зрения официальной пропаганды, в Шуане не поощрялась.

Громкий звонок полевого телефона прервал размышления лейтенанта.

— Вершина, — назвал он позывной дивизиона. — Дежурный офицер лейтенант…

— Это Комета, — прервал его нетерпеливый голос из штаба дивизии. — Объявляйте тревогу! РЛС засекли группу из около пятидесяти целей, движущуюся с юго-востока. Высота пять тысяч, скорость – более девятисот, расстояние до вас – сто восемьдесят! Это не учение! Выполняйте!

Лейтенант включил сигнал тревоги, и его закружила обычная суматоха объявленной готовности. Заработала техника, спрятанная в подземных капонирах. Все четыре пусковых установки оживились, выцеливая врага.

Старт четверки выпущенных ракет был засечен лидером передовой девятки "Молний" через полторы секунды. Еще через две секунды предупреждающие сигналы появились на экранах операторов-дистанционников, и одновременно, не дожидаясь команды, на перехват вышло несколько противоракет.

— Не отвлекайтесь, — передал коллегам оператор, ведущий замыкающую девятку. — Я с ними сам разберусь.

Осторожно, чтобы не попасть под осколки перехваченных и взорванных на дальних подступах зенитных ракет, он развернул свою девятку. На компьютерной карте на внутренней поверхности

шлема уже был отмечен район запуска ракет противника. Не спеша совместив прицел с кружком на экране, оператор запустил в него девять ракет. Затем, немного подумав, еще девять – для верности.

У солдата-новобранца, сидевшего за рулем тягача с запасной ракетой на прицепе, заглох двигатель, за что он заработал от сержанта по уху. Но его нерасторопность спасла расчет: когда ракеты, выпущенные "Молниями", накрыли дивизион, все они еще находились в подземном убежище, выдержавшем удар.

Других выживших в дивизионе не оказалось.

— …Сегодня в восемь часов утра группа неопознанных самолетов нанесла массированный ракетно-бомбовый удар по городу Крауларн в южном Шуане. Президент Шуана Кайер Дингвайраут в своем обращении к нации, переданном по радио и телевидению, сообщил о многочисленных жертвах среди гражданского населения и резко осудил варварский акт ничем не спровоцированной агрессии.

Официальные представители Шуана пока воздерживаются от определения национальной принадлежности самолетов, совершивших нападение. Но, как сообщает картайское информационное агентство КАРТЭК, шуанские войска на шуанско-картайской границе приведены в боевую готовность.

То же агентство КАРТЭК, ссылаясь на неназванные источники в министерстве обороны Картая, возлагает ответственность за бомбардировку города Крауларна на инопланетных пришельцев, хотя расстояние от места посадки их корабля в Великой пустыне до Крауларна превышает 700 километров…

Странная вещь – подсознание. Голос диктора с экрана маленького телевизора перед двумя рядами кресел для ожидающих был почти не слышен в шуме зала реперайтерского аэропорта. Но все же он заставил Майдера Билона, медленно пробиравшегося к выходу, резко остановиться.

Выпуск новостей кончился, его сменили веселые улыбки из рекламы зубной пасты, а Билон все стоял, глядя невидящими глазами на экран. Конечно, для него не было никаких сомнений. Расстрелянная деревушка и тела убитых снова стояли у него перед глазами. Пришельцы нанесли новый удар. В мир пришла война…

— Молодой человек, — вывел Билона из транса недовольный женский голос. — Вы не могли бы отойти куда-нибудь в сторонку? Вы мешаете проходу.

— Ах, да, — спохватился Билон, приходя в себя.

Кажется, никто кроме него не обратил внимания на сообщение диктора, да и сами телевизионщики, похоже, не придавали ему особого значения. Так, малозначащие восточные дела, которые Горданы не касаются и никогда не коснутся. Странно, он же отсылал домой предупреждение. И должны же были, в конце концов, понять, что это дело не только дальнего Заморья.

Однако надо было идти, и Билон покатил дальше тележку со своим багажом, увенчанную огромным саквояжем, купленным в последний день в зермандской столице. Саквояж был настоящим произведением искусства. Большой, кожаный, с блестящими медными застежками и уголками, с золотым тиснением по бокам – мастер, очевидно, работал над ним не один день.

На саквояж оглядывались, как оглядывались на самого Билона – загорелого, с обветренным и обожженным солнцем лицом и одетого в легкую рубашку с короткими рукавами. Конечно, Билон был бы не против накинуть что-нибудь еще – в зале было прохладно – тем более, что его куртка была предусмотрительно положена на самый верх в одной из сумок, но сделать что-либо не было уже ни сил, ни желания. Позади были четыре дня утомительной дороги, после которой хотелось только одного – лечь и забыть обо всех проблемах, оставшихся позади. Только эти проблемы догнали его и здесь…

Водитель такси, который вез Билона домой из аэропорта, хоть и косился на пассажира, но не произнес за дорогу ни единого слова, и Билон был ему за это почти благодарен. Все это время он, не отрываясь, глядел по сторонам, вновь ощущая себя дома после долгого отсутствия.

Столица Горданы, кажется, почти не изменилась за полтора года. Разве что на улицах появились новые рекламные плакаты, новый небоскреб корпорации "Оронт" наконец достроили до конца, и он сиял огнями и зеркальными стеклами, а фасад построенного еще при баргандцах городского театра скрылся за строительными лесами.

В маленькой однокомнатной квартире Билона все было так, как он оставил полтора года назад, думая тогда, что отлучается максимум на две-три недели. В отключенном холодильнике ссохся до каменной твердости забытый кусок колбасы. Плащ, брошенный впопыхах на спинку стула, покрылся, как и все в комнате, слоем пыли, а там, где его каждый день касался луч света, прорывавшийся через непрочно задернутые шторы, материя выцвела узкой полосой.

Наскоро поужинав в ближайшем кафе, Билон озабоченно почесал в затылке. За полтора года он несколько отвык от

горданских цен, и от приобретенной в Зерманде привычки покупать все приглянувшееся и платить не глядя надо было срочно избавляться.

Ночью Билон долго не мог заснуть – с непривычки мешали проезжающие под окнами машины, но встал он все же полностью отдохнувшим. В редакции его ждали только завтра, и день можно было потратить на устройство личных дел.

Сумма на банковском счете приятно удивила Билона. Оказывается, можно здорово разбогатеть, полтора года экономя на электричестве, отоплении, телефоне и страховке на машину. После этого можно было разориться и на новый автомобиль, и не тот старенький "Оронт", который он продал перед самой поездкой, а, например, на новый валезский вездеход типа того, что был у него в Зерманде.

Однако в фирме, торгующей автомобилями повышенной проходимости, нужной машины не оказалось.

— Сожалею, — развел руками хозяин, мощный мужчина лет пятидесяти. — Но в этом году мы полностью выбрали квоту.

— Квоту? — не понял Билон.

— Да, вы же знаете, существует квота на импорт автомобилей. А в этом году ее еще и урезали задним числом. Так что сейчас у нас все иномарки проданы. Теперь разве что весной. Или могу предложить вам нашу. Скажем, "Оронт-Норвейчер".

— Нет, спасибо, — такой вездеход был у одной из групп геологов в Зерманде и больше ломался, чем ездил. В конце концов, он сломался так основательно, что его пришлось бросить в пустыне. — А скажите, где-то в городе еще может быть фирма, не выбравшая квоту?

— Все вы, молодежь, хотите на иностранных тачках ездить, — проворчал хозяин, но в конце концов назвал адрес на другом конце города.

Уточнив дорогу, Майдер Билон решил сэкономить на такси и воспользоваться автобусом, но скоро пожалел о содеянном. В центре, не доезжая мэрии, автобус попал в непроходимую пробку.

После того, как автобус, преодолев двести метров за десять минут, завернул за угол, Билон увидел причину задержки. Перед мэрией имела место демонстрация, и шеренги полицейских в шлемах и с прозрачными пластиковыми щитами, а также полицейские автомобили почти полностью перегородили проезжую часть.

Делать было нечего, и Билон с интересом наблюдал за демонстрантами. Среди них были видны и женщины, и подростки. Везде были эмблемы Движения за демократию – солнце в сложенных чашей ладонях, ветер колыхал плакаты и

транспаранты.

Автобус понемногу подобрался совсем близко, и Билон мог легко читать надписи на транспарантах: "Нет увольнениям!", "Да здравствуют свободные профсоюзы!", "Требуем пособий по безработице!", "Медицинские страховки!" и наконец, самый маленький: "Мэра в отставку!"

Билон улыбнулся. Он, в принципе, разделял взгляды демонстрантов. Любой горданец мог быть в любой момент уволен с работы без каких-либо объяснений, а расходы на медицину были почти всеобщим предметом беспокойства. У Билона, например, страховку оплачивала редакция, но она касалась только профессиональных заболеваний. Случись, ему, например, сломать ногу, поскользнувшись на лестнице в собственном подъезде в выходной день, лечение надо было бы уже оплачивать самому, выложив при этом полторы месячных зарплаты. Или – вторая возможность – покупать полную страховку, которая обойдется в четверть зарплаты. Ну и конечно, всем в городе было известно, что мэр – вор и взяточник.

Неожиданно все пришло в движение. Откуда-то вынырнула большая группа молодых парней в коричневых, черных или темно-зеленых рубашках, вооруженных дубинками и велосипедными цепями. Широким фронтом они атаковали демонстрантов. Площадь огласили стоны и крики. Билон, отшатнувшись, поискал глазами коллег-телевизионщиков, но их не было. Полицейские, охватившие площадь полукольцом, не двинулись с места. Билон видел, как из толпы вырвался лысоватый человек с окровавленным лицом, преследуемый двумя в черном. Он добежал до шеренги щитов, пытаясь скрыться за ними, но один из полицейских сильно толкнул его обратно. Человек упал. Двое в черном начали с размаху пинать его ногами.

Однако паника в рядах демонстрантов длилась недолго. Женщин и детей спрятали в глубине толпы. Вперед выдвинулись молодые мужчины, вступившие с нападающими в рукопашную. В ход пошли палки от транспарантов, кто-то из нападавших упал. Атака захлебнулась.

И тут наконец вмешалась полиция. В демонстрантов полетели бомбы со слезоточивым газом. Шеренга щитов пришла в движение, вклиниваясь между дерущимися. Было видно, как парни в темных рубашках беспрепятственно убегают в сторону Центрального парка, а полицейские заламывают руки и избивают демонстрантов, посмевших дать отпор нападавшим.

Чем все закончилось, Билон так и не увидел. Автобус наконец-то вырвался из пробки. Салон заполнили возмущенные голоса.

— Какой ужас! — говорила средних лет женщина, стоявшая рядом с Билоном. — У меня же сын хотел пойти на эту демонстрацию. А я как знала, не пустила. И больше никуда не пущу! Куда только полиция смотрит?!

— А видно, куда она смотрит, — зло бросил пожилой мужчина, сидящий через проход. — Это же Союз "Возрождение", говорят, у них вся верхушка городской полиции в почетных членах. Нет, они совсем распоясались.

— А все-таки молодцы те, из Движения, — вставил юноша, сидящий рядом с пожилым. — Дали им жару! Классные ребята. Я на прошлых выборах за них голосовал.

— Ну, у вас это, наверно, можно было, — погрустнел пожилой. — А у нас захожу в участок, а там двое таких мордоворотов. Ну что, говорят, мол, пройдешь в кабину или здесь проголосуешь? Я и поставил крестик за Демпартию центра.

— А им что, их власть, их и сила, — вздохнул кто-то позади.

— Но все равно, такого еще никогда не было, — все никак не могла успокоиться женщина рядом с Билоном.

— Значит будет, — мрачно заявил пожилой. — Видать, совсем худые времена настают.

Желающих продолжать дискуссию не нашлось. Промолчал и Билон. Такого, действительно, он никогда не видел. Так что изменилось в его стране за время отсутствия? Полтора года назад Движение уже было достаточно известной организацией, но газеты и телевидение называли их только заурядной группой протестующих, на которых, во всяком случае, в "Курьере", считалось дурным тоном обращать внимание. Но это было еще до выборов…

Автомобильный салон "Первопроходец", куда в конце концов добрался Билон, тоже мало чем мог порадовать.

— Квота, — пожал плечами хозяин. — Разве что где-то в глубинке. Хотя, могу предложить, скажем, чинетскую "Мельдиесо-Алорру". Пробная партия. Два года гарантии и, причем, дешевле "Норвейчера". А что небольшой – так вы же не фермер, вам не картошку в нем возить, в конце концов.

— Я подумаю, — сказал напоследок Билон.

"Алорра" ему понравилась. Вездеход хорошо слушался руля, был достаточно мощным и в то же время очень экономичным для своего класса. Смущало только отсутствие у "Мельдиесо" в Гордане развитой дилерской сети: случись что, проблемы с запчастями будут на порядок серьезнее обычных. Правда, чинетская техника славилась своей надежностью…

Вернувшись в центр, Билон посвятил оставшееся время хождению по магазинам. Этот процесс всегда ему нравился, а

сейчас просто доставлял удовольствие. Это помогло немного восстановить душевное равновесие.

Уже темнело, когда Билон, сделав покупки, возвращался домой. Но по дороге к станции метро его внимание привлекла группа людей, собравшаяся в скверике перед библиотекой Реперайтерского университета.

"Святая Церковь Ган-Гло" – гласила надпись на черно-белой хоругви, колыхавшейся на ветру. Полтора года назад Билон, пожав плечами, прошел бы мимо, но сейчас он с ужасом и отвращением смотрел на группу людей в серых домотканых балахонах, подпоясанных веревками или кожаными ремешками, стоящих перед кучей книг, сваленных прямо на землю. Вглядевшись, Билон заметил среди них порнографический журнал, роман "Таинственный враг" популярного беллетриста Тора Собернера, школьный учебник биологии и справочник "Принципы линейного программирования".

— Пожертвуйте на нужды святой церкви Ган-Гло, — обратилась к Билону молодая девушка, которую уродовал бесформенный балахон и сильно не шедшая ей прическа узлом.

— Нет! — Билон буквально отшатнулся от девушки, причем с таким видом, что она испуганно отпрянула от него, скрестив пальцы. С опаской посмотрев на Билона, она повернулась затем к другому зрителю.

А действо тем временем продолжалось. Всем распоряжался невысокий человек со всклокоченной шевелюрой и посохом со спиральным набалдашником. По его сигналу откуда-то появился глиняный кувшин, жидкостью из которого оросили книги. Билон почувствовал сильный запах бензина.

Ярко взметнулось пламя, и главный распорядитель завопил, грозя своим посохом освещенным окнам библиотеки:

— Сжечь! Сжечь! Сжечь дьявольские искусы! Сжечь храм сатаны! Сжечь растлителей душ!

Его крики подхватили все ганглоанцы. Выглядело это все очень театрально, но одновременно и довольно жутко.

Заметив среди зевак полицейского, Билон решительно подошел к нему.

— Почему вы не вмешиваетесь? — спросил он как можно более нейтральным тоном. — Это же нарушение порядка.

— У нас свободная страна, — пожал плечами полицейский. — Все могут высказывать свое мнение. А штраф за нарушение общественного спокойствия они заплатили заранее.

"И взятку тоже", — подумал Билон, уходя прочь. Вслед ему неслось молитвенное пение, прерываемое время от времени призывами сжечь всех нечестивцев. На душе было противно.

От метро до дома, где жил Билон, было около пятнадцати минут ходьбы. Проходя темными, почти безлюдными улицами, Билон вдруг почувствовал почти позабытый страх. В Дурдукеу он ничего не боялся. Преступность в столице Зерманда была минимальной, тем более, что ему как иностранцу и королевскому гостю ничего не угрожало. Но дома вечером надо было всегда держать ухо востро. С беспокойством Билон осознал, что после всех покупок у него еще осталось более пятидесяти брасов. Хотя его район полтора года назад считался достаточно безопасным, мало ли…

Успокоился Билон только оказавшись, наконец, у себя дома. День прошел отвратительно – хуже не бывает. Даже захотелось опять вернуться в Зерманд, где человек, хотя и не имел доступа ко многим благам цивилизации, одновременно был свободен от большинства ее пороков.

Редакция газеты "Курьер" занимала несколько этажей в одном из небоскребов в деловой части города. Майдер Билон вошел в здание со смешанным чувством ожидания и робости – как обычно бывает, когда снова возвращаешься в коллектив, который покинул много месяцев назад.

Был обычный рабочий день. Из кабинетов доносился стук пишущих машинок, по коридорам ходили люди, но Билона так никто и не узнал, пока он, замирая, не открыл дверь своего отдела.

Большая комната с десятью столами почти не изменилась. Разве что добавилось несколько новых плакатов на стенах, да за столом Билона сидела незнакомая темноволосая девушка в очках и с короткой стрижкой.

Несколько секунд в комнате стояла тишина, а потом началось:

— Ба, да это же Билон!

— Привет, Майди! Вернулся таки, черт!

— О, вернулся, герой. Да проходи, Майдер, чего стоишь?

— Эй, Майди, расскажи, что там было!

— Да погодите вы! Дайте человеку придти в себя, тут столько изменилось, пока тебя не было.

— Да, Рэга мы зимой проводили на пенсию, а Тайсона и Куча уволили, так Тайсон куда-то пропал…

— А Куч перешел на телевидение и теперь все так же бегает по городу, только с камерой…

— А Лимфер теперь на радио. Ведет репортажи и получает вдвое, а Нимкин пошел на повышение…

— Да, его перевели в отдел политики.

— А он и там продолжает лизать задницу начальству, так что скоро его, наверно, опять повысят.

— Майди, твои вещи мы сложили вот в этот ящик…

— Да подожди ты! Майди, ты познакомься. Это Тайра, ее взяли прошлой осенью, когда стало ясно, что ты надолго…

— Тайра, смотри, это наш великий герой Майдер Билон.

— И (хи-хи) неженатый! Так что бросай своего бухгалтера и хватай, пока не поздно!

— Добрый день (это Тайра). Я много слышала о вас в последнее время.

— Так что она теперь сидит на твоем месте. Ты же все равно, наверно, к нам не вернешься.

— Ну да, теперь тебе заниматься городскими новостями как-то не с руки. Ты теперь, наверно, в начальство попадешь.

— Только не забывай нас, убогих. Кстати, ты нам выставить должен, за успех…

Дверь была уже раскрыта нараспашку. В комнате толпились и сотрудники из других отделов. Стоял такой галдеж, что Билону не давали вставить и слова.

— Тихо! — перекрыл все зычный голос появившегося завотдела новостей. — С возвращением, Майдер. Да, тебя ждет главный.

— Я знаю, — смущенно сказал Билон. — Я просто сначала хотел к вам зайти. И еще вот – это сувенир или, если меня действительно переведут в другой отдел, — на добрую память.

Все с удивлением смотрели на предмет, который Билон извлек из своего портфеля. Это была небольшая, высотой всего в двадцать сантиметров, статуэтка, изображавшая смешного толстячка, забавно танцующего над языками пламени. Статуэтка была темно-вишневого цвета и отполирована до блеска.

— Это хранитель очага, — объяснил Билон. — В Зерманде такие есть в каждом доме, их ставят на специальную полку над огнем. Считается, что хранитель своим весельем приносит дому радость и счастье. И еще хранителей очага принято дарить молодоженам. Или при рождении ребенка.

— Какая красивая, — выдохнул кто-то, кажется, Тайра.

— А что это за материал? — поинтересовался завотделом. — Похоже на дерево, но какое-то тяжелое.

— Это корень одного кустарника, который растет в пустыне, — сказал Билон. — Такие хранители ценятся выше всего. Обычно их делают из камня или бронзы. А дерево в Зерманде считается самым ценным материалом.

— Никогда бы не подумал, что черные могут делать такие вещи, — сказал кто-то. — Хотя это все равно только одно из их

суеверий.

— А мне нравится, — послышался другой голос. — Хорошая идея, пусть и в нашем доме будет весело и уютно…

Завязалась дискуссия, и Билон покинул свой отдел почти незаметно.

В приемной у кабинета главного редактора на следующем этаже дежурила секретарша.

— Подождите, — попросила она, с интересом глядя на Билона. — Главный пока занят.

Секретарша была, похоже, из новеньких, перед Билоном она робела, а самому начинать с ней разговор как-то не хотелось. И Билон подсел к небольшому столику, где лежали несколько последних номеров.

Его внимание сразу привлекли заголовки на первой полосе сегодняшнего номера. "Демонстрация переросла в массовые беспорядки", — гласил самый крупный из них. Билон быстро просмотрел статью, даже, скорее, заметку. Так, фото, общий план, все слишком мелко, даже не видно, кто кого метелит. Из текста это тоже не ясно, но – зато – муниципальный совет Реперайтера принял решение временно запретить все демонстрации и шествия. С целью сохранения общественного порядка. Так-так…

А это что?! В самом низу крохотная заметулечка. Перестрелки на шуано-картайской границе?! Смотри одиннадцатую полосу. Ничего не понятно! Снова неопознанные летательные аппараты, опять бомбежка, Шуан наносит ответный удар по картайской военной базе, на границе идут перестрелки, КАРТЭК сообщает о загадочной гибели шуанской танковой колонны, шуанцы отрицают, но как-то неуверенно. Да неужели они до сих пор не понимают?!

А почему наши все время только ссылаются на шуанцев или КАРТЭК? Я же отправлял статьи! Должно же было быть опубликовано! И о Хольне, и о гибели деревни, и обо всем!

Билон взял номер недельной давности. Ну!? Первая полоса – задержан подозреваемый в убийстве девочки в Кавенисе (пригород Реперайтера). Рядом фото – вот такое зверское лицо бородатого заморца – некто Хурши Пуцучаи, продавец мясного магазина "Блуш"… Торжественное собрание в мэрии, посвященное… Некий Райнен Фремер, депутат парламента, член Движения за демократию, предложил законопроект о бесплатной медицинской страховке для неимущих. Проект отклонен парламентским комитетом по социальной политике. Глава комитета депутат такой-то заявил, что его принятие привело бы только к перекачке средств налогоплательщиков в карманы

бездельников и неудачников… Некий безработный зарубил топором жену и выбросился из окна… В Валезе скоро выборы. Ожидается, что правящая партия Традиционалистов сохранит большинство… "Реперайтерские Корсары" разгромили в очередной встрече национального первенства "Тиртесских Странников" и в следующем туре принимают на своем поле лидера Северной конференции "Райвенских Драконов"…

Странно, ничего нет! И в предыдущем, и в следующем, и в еще следующем – тоже! Не получили или просто не поставили?!

Майдер Билон лихорадочно перелистывал страницы. Его репортажа нигде не было. В это время на столе секретарши зазвонил внутренний телефон.

— Господин Билон, — обратилась она к недоумевающему Майдеру. — Главный редактор готов принять вас.

"Курьер" – большая газета, и в кабинете главного Билону до этого приходилось бывать всего дважды: когда его принимали на работу и когда решался вопрос с его зермандской поездкой. Насколько помнил Билон, кабинет с тех пор не изменился. Те же темно-синие шторы, тот же пузатый аквариум с разноцветными рыбками, тот же стол с мраморной столешницей, те же черные кожаные кресла. Наконец, на столике в углу та же старая пишущая машинка, на которой, говорят, главный, писал свои первые материалы.

Не изменился и главный. Все то же брюшко, разве что чуть подросшее, очки, улыбка, вечно расстегнутый темно-синий пиджак – так, говорили в редакции, он выглядел всегда, когда хотел произвести впечатление демократичного газетчика. На самом деле, как слышал Билон, главный был скорее диктатором, чем демократом, и скорее администратором, чем журналистом.

После обычных приветствий и поздравлений стороны перешли к делу.

— Я бы хотел поинтересоваться судьбой своего последнего материала из Зерманда, — как бы между прочим сказал Билон. — Просто несколько дней я был в дороге и не видел последних номеров.

— Этот материал, к сожалению, не подошел, — небрежно махнул рукой главный. — Те люди, которые владеют газетой, да и я тоже, посчитали, что нет нужды привлекать излишнее внимание читателей к этой теме. К тому же, он получился слишком эмоциональным. Я не упрекаю вас, но это не наш стиль.

Билон промолчал. Больше этой темы он не касался. Беседа шла своим чередом.

— Давайте поговорим о вашем будущем, — наконец сказал

главный. — Я поговорил с юристами, и они подготовили для вас новый контракт – вот, взгляните. Время у нас есть, так что не торопитесь.

Билон осторожно взял протянутую бумагу. Это был контракт-чудо, контракт-мечта! Майдер Билон назначался обозревателем-комментатором, подчиненным лично главному редактору, его оклад возрастал втрое. Свободный выбор темы, свободное посещение редакции, возможность проведения журналистских расследований, покрытие дополнительных расходов, связанных с подготовкой материалов, на сумму до восьми тысяч в год – достаточно, чтобы совершить кругосветное путешествие, причем первым классом.

На какое-то время у Билона захватило дух. Это была вершина карьеры для пишущего журналиста, во всяком случае, в "Курьере". Он достиг этого, когда ему нет и тридцати!

Но затем наступило отрезвление. Билон знал несколько таких обозревателей. Это были журналисты-асы, они могли давать всего по одному материалу в неделю, даже меньше, но их материалы всегда были экстракласса. Они достигали своего положения годами, развивая контакты и нарабатывая связи в самых различных кругах вплоть до центрального аппарата полиции и президентской администрации. Они были знакомы с министрами и директорами крупных корпораций, их знали и в таких местах, где из рук в руки переходили миллионы "грязных" денег, а неосторожно сказанное слово могло стоить жизни.

И как смотрелся на их фоне Майдер Билон, молодой репортер, к тому же полтора года просидевший в какой-то дыре и оторванный от всех связей и событий? Наверно, так чувствовал бы себя лейтенант, которого за совершенный подвиг произвели сразу же в генералы.

Однако и период неуверенности в себе длился недолго. В конце концов, он молод, напорист, кажется, умеет писать и, похоже, везуч. Ему представилась возможность перескочить сразу через несколько ступенек, и он справится! Должен справиться, черт возьми!

— Я готов, — с улыбкой сказал Билон, глядя в глаза главному. — С вашего позволения я бы хотел отправиться тогда в Северное Заморье. Там сейчас назревают грозные и очень важные события.

— Нет-нет, туда я вас не отпущу, — засмеялся главный редактор. — Если там начинается война, я не хочу рисковать ни вами, ни кем-нибудь другим. Тем более, что наших читателей не слишком интересуют события, которые происходят где-то далеко и никак их не касаются.

— Но пришельцы… — попробовал настоять на своем Билон.

— А что пришельцы? Я уже говорил вам, что хозяева газеты не рекомендуют пока развивать эту тему. К тому же я считаю, что даже если это они, все ограничится Заморьем. Не смогут же они воевать со всем миром. Кстати, для начала я бы подсказал вам тему, которой стоит заняться. Попробуйте раскопать вопрос о том, как граждане самостоятельно борются против преступности. Преступность сейчас всех волнует.

Говоря так, главный редактор был вполне искренен. Он действительно не знал, что газетой через многих подставных лиц и подставные фирмы владеет не кто иной, как сам президент Горданы Лёрид Кирстен.

Глава 14. Проклятый выходной

Перекрестье камеры казалось перекрестьем прицела, и филлинский танк выглядел в нем настоящей боевой машиной. Широкий, приземистый, опасный, весь разрисованный серо-зелеными, бурыми и желто-коричневыми пятнами, он мощно катил вперед, подминая под себя невысокие кусты. На секунду он остановился, из ствола его пушки вырвалось пламя, и изображение на экране тут же вздрогнуло, заплясало из стороны в сторону. Несколько секунд не было видно ничего, кроме мелькающей ряби и цветных полос.

Однако лобовая броня "Громовержца" выдержала удар, экран очистился, и на нем появился тот же филлинский танк, рванувшийся в самоубийственную лобовую атаку. Он вырастал прямо на глазах, грозный ствол орудия был отведен в сторону. До столкновения оставалось всего несколько секунд, когда экран озарило вспышкой – это сработала плазменная пушка "Громовержца". Филлинский танк был вскрыт как консервная банка. Боезапас внутри него взорвался, и башня со стволом орудия была сорвана и отброшена в сторону. В лобовой броне зияло буквально раскроившая танк надвое широкая щель с оплавленными краями. Изнутри шел дым.

Командир Пээл с усилием оторвался от экрана. Тэон, отбиравший самые эффектные кадры, поработал на славу. Казалось, что зритель сидит в самом танке, испытывая все толчки и удары и заражаясь азартом боя.

"Сидеть в самом танке?" – засмеялся про себя командир. Что за абсурдная мысль. Экипаж в танке страдает от сотрясений, ему нужно место, ему нужны вода и пища, ему затруднены обзор и связь с другими экипажами, наконец, он может погибнуть в бою, тогда как танк "Громовержец" – хоть и ценная и дорогая, а всего лишь машина, потерять которую неприятно, но не смертельно.

К счастью, потери в эти первые дни войны были невелики. Почти вся техника благополучно перенесла многокилометровый марш по пустыне, а в том самом первом и пока единственном серьезном бою было потеряно всего два "Охотника". Один протаранил грузовик, очевидно, со снарядами, и подорвался на его грузе, а во втором после ряда попаданий вышло из строя несколько важных узлов, и ему пришлось дать команду самоликвидироваться.

Более опасным оказался воздушный налет, когда колонна остановилась для прохождения технического контроля и

авторемонта. Неожиданно появившиеся на низкой высоте самолеты противника успели, прежде чем были уничтожены огнем с земли, ударными беспилотниками и подоспевшей девяткой "Молний", сбросить бомбы, выведшие из строя два "Охотника", "Громовержец", и повредившие еще несколько машин.

Держать под контролем небо было первым правилом этой войны. Поэтому для Пээла неприятным сюрпризом стали неожиданно высокие потери в беспилотных аппаратах, сопровождавших танки. Филиты сбивали их даже из ручного оружия, а в предотвращении атак филлинских самолетов беспилотники оказались и вовсе практически бесполезными. В итоге в воздух было поднято несколько "Драконов", на которых установили мощные радиолокационные станции, а вблизи колонны танков постоянно барражировали две-три девятки "Молний", готовые выйти на перехват обнаруженных целей.

Это было похоже на обычные маневры, но в то же время совершенно по-другому. Воевать – воевать по-настоящему – было просто упоительно. Командир с улыбкой вспомнил, как он всего два дня назад возражал против решения штаба немедленно начать боевые действия. Конечно, тогда все выглядело логично. Филиты оказались такими глупыми – воздушный налет в одном месте, затем в другом, и они были уже готовы вцепиться друг другу в глотки. Но теперь он признавал, что в штабе были правы. Сейчас он был готов проводить в Главной рубке целые сутки напролет.

Командир снова повернулся к экрану. На этот раз его танки давили длинные одноэтажные здания – похоже, казармы какой-то филлинской воинской части. Изображение снова вздрогнуло – на экране этого не было видно, но командир знал, что это какой-то филит выстрелил в танк из чего-то, напоминающего гранатомет "Гзиукх". Но это был, к счастью, не "Гзиукх", иначе и "Громовержцу" пришлось бы плохо. Филиты воевали упорно, умело, не щадя себя, но они проигрывали. Неизбежно проигрывали.

Командир отключил запись и вызвал на экран карту с обстановкой. Два дня его танки неторопливо и методично "зачищали" небольшой район в юго-восточном Шуане, отрабатывая подготовку плацдарма или места под базу. Но пора было приступать к новым задачам.

Пээл взял электродный карандаш и открыл планшет. Может, не стоило уводить танки так далеко от корабля, но, немного поколебавшись, он прочертил прямую линию на северо-запад – прямо к побережью Срединного моря. В самом конце его рука чуть дрогнула, и карандаш, слегка отклонившись в сторону,

перечеркнул кружок, обозначающий небольшой город под местным названием Макьелин.

После выжженной солнцем пустыни это казалось раем. Кен Собеско сидел, удобно развалившись в мягком кресле, потягивал холодный сок и наслаждался видом из большого окна приемной. Отсюда, с восьмого этажа здания заводоуправления, Макьелин был как на ладони – небольшой аккуратный городок с типичной северо-заморской архитектурой – белоснежные трех-пятиэтажные здания в виде ступенчатых пирамид; окаймляющие этажи широкие террасы, засаженные зеленью; яркие лоскутки раздвижных крыш, защищающих террасы от дождя и зноя. Вдали, между домами, виднелась верхушка величественного здания храма с высокой четырехскатной крышей и храмовой башней, похожей на какой-то диковинный гриб с высокой ножкой и маленькой угловатой шляпкой.

За городом местность слегка повышалась. Из окна были видны зеленые поля вперемешку с рощицами и пересекающие их линии железной дороги и автострад. Еще дальше к югу угадывались очертания гор Гармо, отделяющих плодородную прибрежную часть Шуана от знойной степи, понемногу переходящей в пески Великой пустыни.

Пейзаж просто радовал глаз, и Собеско даже жалел, что Эргемар, сидящий напротив, вынужден довольствоваться видной из другого окна ничем не примечательной территорией завода – башнями доменных печей, серыми стенами корпусов, трубопроводами в блестящей фольге и… батареей зенитных орудий, размещенной прямо на крыше котельной.

Впрочем, Эргемару было не до окружающих красот. Отставив в сторону свой стакан и отложив потрепанную книжку в мягкой обложке, он с интересом прислушивался к разговору, отдельные фразы из которого доносились из-за неплотно прикрытой двери директорского кабинета.

— Как вы не понимаете… — было слышно, как кто-то говорит по-гордански крайне раздраженным тоном, — …лишать такого количества специалистов… это равносильно закрытию завода, что особенно сейчас… Да, я хочу говорить с господином Дивоем… Что значит, нельзя?… Да, мое дело – завод, а ваше – заботиться о престиже страны… Конечно, я пытался, но вы сами знаете, проклятый выходной…

Слышно было, как кто-то с лязгом бросил телефонную трубку на аппарат, затем послышалось звонкое горданское ругательство и, почти без паузы, пошел уже более спокойный разговор на шуанском языке, которого Эргемар не понимал.

Эргемар со вздохом откинулся на спинку кресла и взял со столика стакан. Ему было немного не по себе. Пришельцы опять были недалеко, а снова встречаться с ними ему очень не хотелось. Зермандских впечатлений было более чем достаточно.

Наконец дверь распахнулась, и из кабинета выкатился разъяренный колобок-директор. Его сопровождали двое – высокий шуанец в военной форме и светловолосый широкоплечий мужчина в штатском лет тридцати пяти. Его длинное лицо типичного баргандца-северянина с тонкими, можно сказать, аристократическими чертами лица можно было бы назвать привлекательным, но сейчас оно было искажено кривой усмешкой.

— О господи, — с чувством глубокого отвращения произнес директор, увидев Собеско и Эргемара. — Это вы пригнали сюда тот вертолет? Даксель, займитесь ими, я уже не могу больше! Почему я должен объяснять всем элементарные вещи?! Проклятые выходные!…

Не прекращая стенать, директор стремительно покатился дальше. Военный, стараясь не отставать, исчез вслед за ним. В приемной остался только светловолосый.

— Ну что, нас, выходит, уже списали? — произнес он, глядя куда-то в пространство между Собеско и Эргемаром.

— Что? — не понял Эргемар. Горданский язык светловолосого был сильно "баргандизированным", с употреблением непривычных для горданца оборота и грамматической конструкции.

— Списали, говорю, — разъяснил светловолосый. — Прислали, значит, персональную вертушку для эвакуации. Вместо ответа. Так?

— Простите, — Эргемар поднялся с кресла. — Боюсь, мы чего-то здесь не понимаем. Последнюю неделю мы занимались эвакуацией геологоразведочных групп, что работали в Великой пустыне. Потом вывезли в Кушуд имущество представительства "Ренгера" в Дурдукеу. В кушудской столице нас посадили в самолет. Думали, что едем домой, а нас вместо этого высадили в здешнем городе, который называется Тюйер. Там нас встретили местные сотрудники "Ренгера" и сразу повезли на какой-то другой аэродром, где нас уже ждал этот вертолет. Нам приказали срочно вылетать в Макьелин в распоряжение директора местного завода некоего Челнера Чакачона, как я понимаю… — Эргемар выразительно кивнул в сторону двери.

Так вы из Зерманда? — перебил его светловолосый. — Значит это вы – те двое, что были в пустыне, когда там началась эта заварушка? (Эргемар кивнул). Тогда извините, мы тут сейчас все

немного дерганые. Я – Дилер Даксель, заместитель директора. Так что, вы и пришельцев живьем видели?

— Точно, — подтвердил Эргемар, тщетно пытаясь вспомнить, где он слышал или читал о человеке с этой фамилией. — И пришельцев, и их машины. Только все-таки, что у вас здесь происходит?

— А, — махнул рукой Даксель. — У нас тут настоящий кавардак. Вчера вечером из посольства пришло распоряжение о срочной эвакуации из страны всех горданских граждан. Директор связался с "Ренгер-Шуан", там подтвердили. Причем, им надо до завтрашнего вечера всем быть в Тюйере, там их заберет судно. Семьи уже все отправили сегодня утром, ну, это ладно. Но завод-то строил "Ренгер", три четверти инженеров, начальники цехов – все горданцы. А в прошлом году установили уникальный прокатный стан – там вообще почти никого из местных нет. Вот и представляйте, что будет, если всем сразу уехать. А в Шуане объявлено военное положение, и завод наш им нужен, и обязательства наши должны хоть чего-то стоить. Директор вот весь день пытается добиться, чтобы эвакуацию отложили на пару суток, а тут еще этот проклятый выходной, ни до кого не достучаться… Ну а я, как вы понимаете, гражданин Шуана, хоть сам и баргандец, и я, выходит, здесь остаюсь. И все валится на мои плечи.

…Ладно, пошли. Я вас устрою на втором этаже, в комнате отдыха. У нас, конечно, есть гостевые квартиры в городе, но вам, думаю, лучше бы быть здесь. Все равно, все мы будем сегодня ночевать на заводе. Черт! Хорошо, если два часа дадут поспать!…

…Вот ваша комната. И вертолет ваш виден. Я распоряжусь, чтобы там выставили пост, а то мало ли что… Располагайтесь вот на этих диванах, постельное белье вам принесут. Вот эта дверь – санузел; если хотите, есть даже душ с горячей водой… Телевизор работает, но там только местные передачи, а вы по-шуански не понимаете, нет? Ну, тогда радио. Я вам сейчас найду "Новую волну" – это на баргандском, я всегда ее слушаю, как раз сейчас новости.

Даксель покрутил настройку большого приемника, и из треска помех извлек отчетливую речь на баргандском языке, впрочем, достаточно понятном и для Эргемара с Собеско.

— …незначительные повреждения. После этого пришельцы покинули пределы многострадальной провинции Кеккерель. По сообщениям наблюдателей, их колонна движется в направлении Тогьен-Шэнпо-Хеккета при поддержке с воздуха. О дальнейших изменениях обстановки мы будем сообщать дополнительно в экстренных выпусках…

— Тогьен, Шэнпо, Хеккета, — медленно повторил Даксель. — Кажется, это куда-то в нашу сторону. Но может, это и к лучшему. Тогда их можно, наверное, будет раздавить в горных проходах.

— Вы ждите пока здесь, — обратился он к Собеско и Эргемару. — Там, если хотите, журналы, они на горданском. Сожалею, но больше ничего нет. Если что, там, в конце коридора, у нас библиотечка. Напитки, продукты – в том холодильнике. Что еще? До завтра, я думаю, вас не побеспокоят, но на всякий случай, будьте наготове. Пришельцы сдвинулись с места, а это мне не нравится.

Даксель повернулся, собираясь уйти, но в дверях вдруг остановился.

— Послушайте, — сказал он. — Вы ведь видели пришельцев. Неужели у них такое страшное оружие, что ему нельзя противостоять?

— Кто его знает? — вздохнул Эргемар. — Мы видели только, как они расправились с беззащитной деревней. Оружие у них, конечно, мощное. Но как оно ведет себя в настоящем бою – я не знаю.

— И я не знаю, — проговорил Даксель. — Но все равно – они тут появились неизвестно откуда, их мало, можно же собрать силы и раздавить их. Не понимаю, их даже, кажется, и не бомбили всерьез.

— Я, конечно, тоже не знаю, — сказал Собеско. — Но, будь я на месте шуанского командования, я бы собрал все в один кулак и постарался бы уничтожить сам корабль. А без него все их танки и самолеты рано или поздно останутся без горючего и боеприпасов.

— А это мысль! — загорелся Даксель. — Даже странно, как до нее еще никто не додумался. Но эти военные, похоже, никак не могут решиться напасть на пришельцев. Надо понимать, они все там просто растерялись. Я так думаю!

Даксель действительно так думал, но он был не прав.

Глава 15. Ночные крылья

Ночь. Рыщет по пустыне песчаный волк. Ночью он – хозяин пустыни. Ночь – волково время.

Неосторожный суслик лакомится сладкой переспелой дынейцамой. Увлекся.

Рр-ав! Хрясь! И нет суслика.

Но что такое один суслик для большого, сильного волка? Особенно, когда дома, в глубокой норе, ждут щенки-волчата, основательно подросшие за лето? И скоро рассвет. Надо спешить.

Может, завернуть к Старой Базе? Там капает вода из бака, зеленеют кустики полыни и любят прибегать серые зайцы-ушаны.

Волк поворачивает и трусит дальше. Но что это?! Что, что, что?! Запахи! Люди, нагретое железо, и – аххх! Ффу-у! Бензин!

Волк разочаровано тявкает и бежит прочь. Надо спешить. Ночь.

Ночь. Вокруг широкой взлетной полосы – самолеты. Десятки самолетов. Кругом похожие на гиппопотамов бензовозы, люди тянут шланги, суета, резкий запах бензина. Здесь все при деле.

Дальше, за самолетами – палатки, палатки, целый город палаток. В одной из палаток, вроде бы, ничем не отличающейся от остальных, горит яркая электрическая лампочка.

В палатке двое. Оба – в летных комбинезонах, оба уже в летах. У одного на воротнике – четырехлучевая звезда картайского генерала, у другого – на узком погончике металлическая пластинка в виде буквы "Т". Он тоже генерал, только шуанский.

Между генералами – низкий столик, заваленный бумагами. Бланки, карты, схемы, но генералы уже не смотрят на них.

Все уже решено. Первая группа – 320 истребителей – на рассвете подходит к кораблю пришельцев с севера. Их задача – вызвать огонь на себя, сковать боем силы прикрытия.

В это время вторая группа – 110 штурмовиков, 180 пикирующих бомбардировщиков и 60 истребителей прикрытия нападет со стороны солнца, на предельно малой высоте. Их задача – прорваться. А там – у штурмовиков – реактивные снаряды, у бомбардировщиков – по две четвертьтонных бомбы. Пришельцам не поздоровится.

Тогда же вступает в бой третья группа, 210 тяжелых бомбардировщиков. Их задача – с высоты 5 километров высыпать на корабль тысячу с лишним тонн бомб. Вот тогда ему конец.

Но генералы качают головами. 200 самолетов, 500 самолетов, 800 самолетов – мало, мало… Пришельцы сильны. Их оружие смертоносно. Сил может не хватить. Но больше резервов нет. Слишком велики были потери в первые дни.

Рискованный план, опасный план, самоубийственный план. Но он должен удаться, слышите, должен! Альтернативы нет. Иначе – снова терять людей в обреченных на неудачу попытках прикрыть города от вражеских ракет, в отчаянных атаках на вражеские танки, которые, судя по всему, управляются откуда-то извне – ведь в их обожженных обломках пока так и не найдено никаких следов экипажей. И все равно переигрывать уже поздно.

Поэтому генералы молчат. Наконец заговаривает шуанец.

— Знаешь, — говорит он совсем не командным, слегка глуховатым голосом, — А словно и не было всех этих лет. И мы с тобой опять, как раньше, просто два командира полков, планирующие совместную операцию.

— Верно, — соглашается картаец. — И с тобой всегда было приятно работать. Кажется, наше командование – и твое, и мое – сделало правильный выбор.

— Ну, им вряд ли пришлось долго выбирать. Как ты помнишь, наше 26-е истребительное авиакрыло всегда считалось исключительно шуанским. Ты же там был, по-моему, единственным картайцем среди старших офицеров.

— Почему же? У тебя, помню, заместитель был картаец. Вайарана, так его, кажется, звали.

— Погиб. Его тогда же, когда и тебя…

— А-а, — сочувственно тянет картаец и вдруг, решившись: – В общем… сейчас я уже рад, что тогда, когда началось восстание, я все еще валялся в госпитале в Эрвайне.

— Взаимно, — шуанец благодарно кивает.

Оба они великолепно знают, что в Картае восстание называют мятежом. Всегда.

Снова молчание. Наконец картаец:

— Все-таки, хорошо, что наши политики договорились. Если честно, все эти годы мне было немного… неудобно, что ли, считать вас противниками.

— Не знаю, — пожимает плечами шуанец. — Но знаешь, я до конца так и не верил, что вы придете к нам на помощь.

— Ну почему же? Сейчас бомбы падают на Эррел, но если вы не выстоите, как долго нам ждать их в небе над Эрвайном? И не забывай, у нас был Пейсор. И две тысячи убитых. Вообще, мне кажется, нашим странам сейчас необходимо сотрудничать друг с другом. Главное, чтобы это поняли все.

— А ты посмотри на наших парней – и твоих, и моих. Ведь мы

с тобой когда-то воевали вместе. А их без малого двадцать лет старательно направляли друг против друга.

— Да. А сейчас – мы снова едины. И я уже не представляю… Нет, это невозможно, что вернется вражда.

— И я тоже. Знаешь, все эти проблемы – вы все еще мечтаете возродить империю, мы за девятнадцать лет привыкли к независимости – все они сейчас кажутся совершенно не важными. В конце концов, мы все люди с планеты Филлина. И мы должны научиться мирно ладить друг с другом.

— Точно. У нас слишком могущественный враг, чтобы позволять себе терять силы на ссоры между собой. Кстати, знаешь, я разработал докладную записку. Что-то вроде плана на будущее. Надо создавать межнациональные силы, корпус быстрого реагирования. И всемирную систему наблюдающих станций. Тогда нас уже не застанут врасплох. И знаешь, после пришельцев я уже не представляю себе войн на Филлине. И не только между нашими двумя нациями, а вообще. Ты когда-нибудь думал о таком? Мир без войн. И всегда в готовности отразить внезапный удар из космоса.

И снова молчание. Слышно, как убегают секунды. Оба попеременно смотрят на часы.

— Время, — наконец говорит картаец и поднимается с места.

Вот он, рядом, выход из палатки. Но еще не все сказано.

Шуанец:

— Знаешь, — говорит он. — Я рад, что мы снова встретились, через двадцать лет. Мы снова идем в бой в одном строю. Прощай.

— Прощай. В Вечном Полете у меня будет надежный напарник. И друг.

— (совсем тихо) И все-таки, хорошо бы вернуться.

В небо взлетает зеленая ракета. Летчики заводят моторы. Самолеты по одному поднимаются в воздух, выстраиваются журавлиным клином и улетают в ночь.

Но небо на востоке уже, кажется, начинает светлеть.

Ночь. Но корабль живет не по местному времени, а по стандартному, и до условного утра еще далеко.

После вечернего боя остановилась в лесном распадке в центре гор Гармо танковая колонна. Там суета: техники загружают в танки боеприпасы, меняют использованные топливные элементы на новые, проводят профилактику систем и мелкий ремонт. Словно огромный скат, лежит на земле гравитационная грузовая платформа, на которую втаскивают "Охотник" с вышедшим из строя механизмом заряжания. Тут же

несколько механиков, ругаясь про себя, стягивают с "Громовержца" гусеницу, почти разорванную напополам после чересчур близкого знакомства с противотанковой миной… Вокруг вьются беспилотники, непрерывно сканируя окружающие горные склоны. Где-то высоко, не видные с земли, наматывают круги дозорные девятки "Молний".

Но сам корабль отдыхает. Тихо в главной рубке. По-настоящему бодрствует только отсек дистанционного управления. Воздушная война должна продолжаться – без выходных и праздников, все двадцать четыре стандартных часа в сутки. Поэтому два "Дракона" с приданной им для прикрытия девяткой "Молний" день и ночь висят над северным Заморьем, посылая со своих радаров картинку на экраны воздушной обстановки в главной рубке. Две девятки курсируют над горами Гармо, обеспечивая прикрытие танковой колонне. Наконец, еще три девятки совершают налет на столицу Шуана город Эррел. Под городом идет воздушный бой. Оператор и дежурный офицер, перестроив изображение на центральном экране на более крупный масштаб, внимательно следят за обстановкой.

Вот видно, как с аэродрома к северу от города начинают взлетать шуанские самолеты. Оператор срочно определяет координаты и сообщает их в отсек дистанционного управления. На обратном пути над этим местом пройдет одна из девяток.

Тут оператор краем глаза замечает появление новых меток на соседнем экране. Ого, большая группа, но слишком далеко и – да, конечно, на территории другого филлинского государства, которое, кажется, называется Картай. Это пока не опасно и к налету на Эррел явно не имеет никакого отношения.

И оператор снова возвращается к своим делам. "Молниям" наконец удалось оторваться от противника. Видно, как недавно засеченная группа самолетов, так и не вступив в бой, возвращается на базу. "Молнии" атакуют город с трех сторон. Одна девятка, впрочем, движется заметно медленнее других, похоже, одна из машин в ней повреждена.

Только когда налет заканчивается и "Молнии" ложатся на обратный курс, оператор позволяет себе повернуться к обзорному экрану, показывающему обстановку на всем театре военных действий. Под Эррелом все нормально. Две "Молнии" сбиты, но даже с ними все потери с начала кампании составляют пока только семь машин из ста сорока четырех – вполне допустимо.

А вот в картайском небе явно что-то неладно. Радарные станции засекли уже три больших группы самолетов, направляющихся… направляющихся пока неизвестно куда. Оператор подзывает дежурного офицера, тот торопливо проводит

расчеты – все равно неясно, но если они вдруг собрались атаковать танковую колонну, их можно будет перехватить в любой момент. На всякий случай дежурный офицер сообщает в отсек дистанционного управления – там переходят на более высокую ступень готовности.

Идут минуты. Загадочные самолеты все больше отклоняются к югу. Компьютер вычерчивает три идеальных дуги курсов, сходящиеся где-то в центральном Шуане.

Тревога! Пора поднимать "Молнии" – перехватить их в пути, не дать разбомбить колонну, которую прикрывают пока всего две девятки. И будить командира, хотя он лег спать всего два часа назад, допоздна проверяя готовность техники к завтрашним боям.

Корабль оживает. По коридорам бегут механики и операторы, на пульте вспыхивают лампочки готовности. Но дежурный офицер пока не дает команды к старту "Молний". Пусть окончательное решение примет сам командир. Тем более, что время еще есть.

Дежурный офицер с облегчением смотрит на экран. Но что это? Идеальные дуги курсов сломаны. Самолеты противника летят уже прямо на юг. Куда?

В рубку вбегает командир. Короткий взгляд на экран, молниеносный набор команды, и боевой компьютер услужливо вычерчивает предполагаемый курс филлинских самолетов до их конечной цели.

Несколько секунд в рубке стоит тишина. Затем до дежурного офицера доходит.

— Звезда-охотница! — ахает он. — Да они идут на нас!

Командир оценивает обстановку. Дежурный недопустимо промедлил со стартом "Молний". За это его от дежурства надо впредь отстранить, но сейчас это не важно. В распоряжении десять девяток "Молний", точнее, девять девяток, из которых две неполного состава, и резервная шестерка, а также десять "Драконов". Три девятки из-под Эррела не успеют, значит, придется обойтись без них.

Решение принимается сразу. Против первой группы вражеских самолетов, судя по меткам на экране, небольших по размерам, но скоростных – шесть девяток "Молний". Получается соотношение примерно один к шести. Хватит.

Во второй группе самолетов больше, но их скорость ниже. Их встретят три полных девятки и все десять "Драконов". Последняя шестерка "Молний" останется у корабля в качестве резерва.

Наконец, третья группа. Самая малочисленная, большие самолеты, скорость невелика – с ними корабль разберется сам.

— Ракетные установки – к бою, — подается команда.

— Рискованно, — шепчет незаметно появившийся начальник штаба. — противовоздушных ракет у нас всего семьдесят две, а целей куда больше.

— Привести в готовность ядерные ракеты!

Начштаба молча качает головой. Это – еще больший риск. Применение ядерного оружия без приказа штаба соединения запрещено. К тому же, взрыв даже самой маломощной боеголовки, четвертьмегатонной, погубит и все находящиеся в радиусе пятнадцати километров "Молнии" и "Драконы". А штаб, где пока упорно не верят, что филиты способны причинить серьезные неприятности, вряд ли удастся убедить, что все это было сделано для спасения самого корабля.

Командир все это понимает. Но волнения нет. Чувствуется только азарт и какое-то острое, необычное, не испытываемое ранее ощущение. Это – когда или ты, или тебя.

Привычный гул моторов успокаивает, но нервы все равно – как натянутые струны. До корабля – меньше пятнадцати минут. И чистое небо. И пришельцы, наверное, готовы к встрече – как полагают в штабе ВВС, они видят все, что происходит в воздушном пространстве Северного Заморья.

Что это будет? Невидимая стена, о которую они разобьются как мошки о лобовое стекло? Или пожирающие самолеты огненные шары? Или поток мчащихся навстречу снарядов, от которых не уйти и не увернуться? Или – самая страшная мысль – их беспрепятственно пропустят к кораблю, и они будут, сжигая последние литры горючего, бесцельно кружиться вокруг, осыпая его пулями из пулеметов – как мамонта горохом из трубочки.

Поэтому серебристый рой, появившийся далеко впереди, воспринимается почти с облегчением. Ведь это значит всего лишь воздушный бой. То, что надо. Пришельцы клюнули!

Как всегда в такие минуты, старшему-один кажется, что это он там, в бездонном небе, вместе с шестью девятками его "Молний". Может быть, так оно и есть: виртуальная реальность ничем не отличается от настоящей.

Вот они – самолеты противника. Но как их много! Где-то в глубине, почти на пределе восприятия, что-то начинает дрожать мелкой противной дрожью.

Нет! Остановить вибрацию! Это всего лишь очередное сражение в том мире, где подлинную схватку не отличить от компьютерной имитации. И разве филиты с их примитивной техникой что-то могут сделать против пятидесяти двух "Молний"?

Их в шесть раз больше? Ерунда! Ракет хватит на всех.

Как раз сейчас. Пора – и по команде старшего-один все "Молнии" дают залп двумя ракетами. Тактика простая и выигрышная: теперь самолеты в панике рассыплются в стороны, тщетно пытаясь спастись, и "Молнии" в четком порядке легко пройдут сквозь них. Добавив для пущей верности еще парочку-другую залпов.

Только через четверть минуты старший-один понимает, что совершил ошибку. Сегодня перед ним стоит, мягко говоря, несколько иная задача. Не прорываться самому, а наоборот, не дать прорваться к кораблю самолетам противника.

Теперь их придется, очевидно, отлавливать по одному. Или… Что, во имя Черных Звезд, они делают?!

Итак, штаб снова угадал: пришельцы используют свою обычную тактику. Да и чего им ее менять? Все эффективно и просто до безобразия. Против лома нет приема, разве что если… Если, если… если только оправдается еще одна сумасшедшая идея – что снаряды пришельцев находят цель по теплу, излучаемому двигателями.

Поэтому под плоскостями истребителей смонтированы одноразовые установки для запуска ракет-имитаторов. И – залп против залпа. И сразу же – набор высоты на форсаже. А затем остается уповать только на удачу. Или точный расчет.

— Это же не по правилам! — хочется крикнуть старшему-один, но он только оцепенело смотрит, как его напичканные электроникой, безотказные ракеты эффектно, но совершенно бесполезно, подрывают вихляющиеся в небе дурацкие жестяные трубы, начиненные чуть ли не черным порохом. Итог: "Молнии" израсходовали четверть боезапаса, а у противника уничтожен всего один самолет, видимо, запоздавший с маневром.

Но все посторонние мысли тут же вылетают у него из головы. Вражеские самолеты рядом. Они атакуют!

"Молнии", при всех своих достоинствах, все-таки не были предназначены для воздушного боя, особенно, ближнего боя. Их хитроумные противоракетные устройства ничего не могли поделать против снарядов самолетных пушек, легко прошивавших чисто символическую броню. Разобравшиеся в конце концов, в чем дело, защитные системы, стремясь увести "Молнии" с линии огня, мотали синхронно управляемые девятки из стороны в сторону, не давая ни захватить цель для атаки, ни просто ответить ударом на удар.

От полного и мгновенного разгрома "Молнии" спасали только скорость и маневренность. Филлинские летчики никак не могли приспособиться к таким вертким и быстрым противникам. Но все же уже в первую минуту боя пришельцы потеряли девять машин – больше, чем за все предыдущие дни, вместе взятые.

Это походило на какой-то ад. Густой пунктир пулеметных трасс, перед глазами все трясется из стороны в сторону, мелькает то земля, то чистое небо, то вот впереди упрямо лезут вперед две пары вражеских истребителей, вокруг них вспыхивает яркий ореол – цели захвачены, большой палец на кнопке запуска – залп? Нет! Все снова уходит куда-то вбок и в сторону, цели потеряны, и почти физическая боль от того, что еще одна машина из твоей девятки взрывается в воздухе… И густая ругань в эфире, прерывающаяся на полуслове – это один из операторов в гневе сорвал шлем после того, как его лидер, аккуратно простроченный от носа до хвоста, потерял управление, завалился набок и, описав невероятную петлю, воткнулся в вершину скалы…

— Внимание, всем! — орет старший-один, забывая, что все не просто отлично слышат его по внутренней связи, но и сидят в одном отсеке. — Отключить синхронизацию пассивной защиты! Ориентируйте на них противоракеты, на максимальную дистанцию! Второй, четвертый, пятый! Разберите третью по тройкам и подчиняйте себе! И перестраивайтесь в шар, чтоб вам сгореть! В шар!

И все, момент для победы упущен. Вместо разрозненных, дезориентированных девяток – единый строй – шар, отстреливающийся скупыми плевками противоракет: они, хоть и небольшие, но для истребителя более чем достаточно.

Проявляя немалое хладнокровие, старший-один уводил клубок боя на север, подальше от корабля, выжидая момент, когда можно будет, не опасаясь вражеского прорыва, одним броском оторваться от противника, забросать его сверху ракетами, а расстреляв все запасы, атаковать! Снова бить противоракетами, заставить испугаться, уйти прочь, удрать… Он даже вывел самую пострадавшую девятку, превратившуюся в четверку, из боя, дав задание следить со стороны, чтобы никто из пилотов противника, пользуясь суматохой, не проскочил бы к кораблю.

Но, так или иначе, своей главной цели истребители достигли. Все "Молнии" были скованы боем и не могли отвлечься, чтобы помочь второй группе. Правда, этого пока и не требовалось.

Вторую группу вел в бой сам командир боевой части

дистанционного управления в звании суперофицера третьего ранга. Вовремя узнав о неудачной атаке, только что проведенной его заместителем, он буквально в последнюю секунду отменил залп, и три девятки "Молний" только проскочили перед носом филлинских самолетов и, заложив вираж, пошли на второй заход.

Но свое дело супер-три сделал. Строй самолетов распался, растекся в стороны и вверх. Филитов заставили потерять темп, а это было сейчас самым важным, поскольку вот-вот должны были появиться "Драконы", на которых техники в лихорадочной спешке устанавливали митральезы – шестиствольные ротор-пушки.

Конечно, суперу-три пока нечего было и думать задержать противника своими тремя девятками. Поэтому приходилось применять тактику волчьей стаи: молниеносная атака – удар – и поспешный рывок обратно, подальше от стрекочущих пулеметов. Это, по крайней мере, пока давало возможность избегать потерь.

Конечно, филлинские самолеты, ставшие мишенями, пытались спастись. Они уворачивались, делали виражи и петли, выпускали ракеты-имитаторы… Иногда это помогало – в среднем, в одном случае из четырех.

Но все же ничего еще не было решено. Основной удар принимали на себя истребители прикрытия. Им совместными усилиями удалось сбить всего одну "Молнию", но и ударная группа штурмовиков и бомбардировщиков потеряла не более десяти самолетов.

Еще несколько минут… Но этих минут уже не было. "Драконы" успели.

Огромные, нелепые, медленные, похожие на громадные утюги, они казались совсем не страшными. Но на каждом "Драконе" было установлено по четыре митральезы, управляемые совершенным боевым компьютером, и на приближающиеся филлинские самолеты обрушилась лавина убийственно меткого огня.

Это было почти поражение. Корабль был совсем близко, с большой высоты он даже был виден – серая блямба на ржаво-буром фоне. Но митральезы "Драконов" соткали в воздухе смертоносную сеть, через которую было не прорваться.

Самолеты падали, разламывались на куски, взрывались в воздухе, поворачивали обратно. Кто-то успевал дать ответную очередь, а кто-то даже и попадал, но "Драконы" защищала броня, подобная танковой. Пусть полегче и потоньше, но она была не под силу авиационным пулеметам и пушкам.

И тогда командир штурмовиков в последней отчаянной попытке бросил свое звено прямо на изрыгающее смерть чудовище.

Мощь, мощь, божественная мощь! Я – дракон, я – бог, я сею смерть! Компьютер высвечивает перед глазами цель за целью. Выстрел! Выстрел! Выстрел!… Кто еще посмеет бросить мне вызов?!

А, еще безумцы! Как смешно, они стараются уклониться от того, от чего уклониться нельзя. Ну же, ближе, мой "Дракон" возьмет их, как и всех остальных. Готово, цель захвачена! Р-раз! Крайний слева самолет с оторванным крылом, кувыркаясь, летит вниз. Два! правый исчезает в серо-буро-черном облачке взрыва. Тр-ри! Наспех смонтированная митральеза отказывает, и самолет заполняет собой весь визир камеры. Огонь, огонь по нему! Есть еще три митральезы! Но поздно! Штурмовик в упор выпускает свои эрэсы, и они бьют прямо в "ручку утюга" – это туда, где компьютер, сенсоры, сканеры…

И ничего, только серая пелена перед глазами. Потрясенный оператор стаскивает шлем. А его мощный, непобедимый "Дракон" сначала испускает из себя сноп искр, а затем со страшным грохотом взрывается в воздухе.

Сеть прорвана! Самолеты устремляются в прорыв. "Драконы" смещаются, затыкая дыру, но они не успевают. На выручку мчатся "Молнии", но их по дороге перехватывают уцелевшие истребители сопровождения. Короткий бой, сбито семнадцать самолетов и три "Молнии", но "Молнии" растрачивают оставшиеся ракеты, теряют время и тоже не успевают.

Вперед! Корабль рядом, вот только перевалить через эту гряду…

Но есть еще последний резерв. Шестерка "Молний" хладнокровно выходит на позицию атаки. Залп! Залп! Залп! Навстречу "Молниям" бросаются четыре последних истребителя. Их встречают ракетами.

Выпустить ракету-имитатор и в сторону! Есть!

Прямо перед носом еще одна. Как не повезло! Ну вот тебе, зараза! Я так просто не сдамся!

Взорвалась! Жив! Но весь фюзеляж в дырках, и так болит нога…

Но впереди серебристый стриж. Товарищей уж нет, значит – один за всех. Получай! Видно, как "Молния" вздрагивает от попаданий. Неужели впустую? Нет, взорвалась! Оторванное крыло крутится как пропеллер.

А вот еще одна, здоровая, сверху что-то крутится. Огонь!…

Но летчик не успел выстрелить по "Молнии"-лидеру. Две

ракеты, одновременно ударившие в фюзеляж, разломили истребитель пополам.

Пять "Молний" без труда добили прорвавшиеся самолеты. Только один штурмовик успел зайти в атаку на корабль. Уже чувствуя, как ракета ломает на куски его самолет, летчик нажал на гашетку, и эрэсы в клочья разнесли поврежденную "Молнию", несколько минут назад посаженную перед кораблем для ремонта.

Остальные уцелевшие самолеты к тому времени уже повернули назад. Их бой был проигран. Но в это время на корабль должна была выйти третья группа…

Командиру хотелось самому возглавить атаку, но он понимал, что это не его обязанность. Поэтому оставалось только наблюдать.

Короткий рапорт офицера наведения, односложная команда – и небо прочертили шесть огненных хвостов. В бомбардировщиках их, конечно, заметили, но здесь не могли помочь ни имитаторы, ни маневры. Ракеты ведут опытные операторы, им помогает сам боевой компьютер корабля. И все шесть ракет достигают цели. И еще шесть. И еще. И еще.

Командир уверенно улыбается. Ни одного промаха. Неотвратимость – вот что должны прочувствовать филиты. Но самолеты летят прежним курсом.

— Четыре! — командует Пээл.

Корабль снова вздрагивает. Каждые двадцать секунд – залп. Количество самолетов противника уменьшается еще на двадцать четыре. Но оставшиеся продолжают идти к цели. Им осталось всего несколько минут.

— Два! — голос командира по-прежнему тверд. Нельзя показывать беспокойство.

Радары не могут показать, что чувствуют экипажи бомбардировщиков, видя двенадцать приближающихся верных смертей. Но самолеты летят дальше. Пусть на корабль высыпется не тысяча тонн бомб, а пятьсот. Разве этого мало?

— Два! — в голосе не проявляется ни малейшей эмоции.

— А что теперь? — почти неслышно шепчет начальник штаба.

И в самом деле, что теперь? Ракеты кончились. Бросать в атаку "Молнии" с истраченным боезапасом? "Драконы"? Нет, они не успеют. Садануть по ним термоядерной? И тем самым, может, погубить получившую такое ускорение карьеру?…

Командир медлит. И вдруг…

— Они поворачивают! — кричит кто-то. — Они уходят!

Напряжение спадает. Все в рубке радостно вопят и

поздравляют друг друга. Только командир стоит молча, но в его глазах горит сумасшедший огонь.

Чтобы успокоиться, он подсчитывает потери. У него уничтожены тридцать четыре "Молнии", включая одну машину-лидера, и один "Дракон". Пусть штаб после этого только попробует заявить, что эти филиты ни на что не пригодны!

Это была первая и последняя попытка атаковать корабль.

Глава 16. Опоздавшие на эвакуацию

Эргемара и Собеско поднял с постели Дилер Даксель.

— Плохие новости, — сказал он вместо "доброго утра". — Ночью пришельцы бомбили Эррел. По радио передавали, большие жертвы. И самое гадостное – с городом невозможно связаться. Говорят, разрушен центральный телефонный узел.

— У вас там родственники? — спросил Собеско.

— Да, целая куча, — Даксель устало опустился в кресло. — Родители, брат, сестра, родители жены… И притом, сам Эррел. Ведь это для меня почти что родной город. Мы переселились туда еще в 54-том из Эрвайна, там отец работал в баргандском посольстве. А после войны он решил остаться, он у меня такой, знаете, монархист старой закалки. Сейчас работает советником в шуанском МИДе…

"Вспомнил!" – чуть не закричал вслух Эргемар. Конечно! Даррен Даксель – так звали посла Барганда в Картогонаре во время войны. Причем, в книге писали, что он играл важную роль в перевороте 5343 года и вообще был одним из приближенных баргандского императора Зинеса VI. Эргемар взглянул на Дилера Дакселя еще раз, уже с неподдельным интересом.

А Даксель, между тем, продолжал говорить.

Вы удивляетесь, почему я вам все это рассказываю? Просто, во-первых, вы здесь единственные люди, с кем я могу поговорить не о заводских делах. Это просто невозможно! Мне уже приходилось подменять директора, но сейчас я должен заменить всех главных специалистов и без подготовки! А еще нельзя подводить шуанцев – у нас и в мирное время пятьдесят процентов продукции шло на оборонку, а сейчас надо доводить до девяноста с лишним. Нет, если все это удастся пережить, возьму отпуск месяца на два. Если, конечно, не надоест отдыхать через две недели… Вот, а во-вторых, вы мне просто интересны. Давно не приходилось общаться с людьми, о которых месяц назад писали все газеты мира.

— Лучше бы не писали, — проворчал Эргемар. — А то теперь не знаю, как и дома показаться. Чувствуешь себя как экспонат какой-то. Или герой фильма ужасов.

— Смотрите на вещи проще, — посоветовал Даксель. — Все равно, скоро об этом забудут. Да и, в конце концов, кто думал, что пришельцы окажутся такими свиньями?!

Последние его слова почти перекрыл мощный гудок, донесшийся со стороны завода. Дилер Даксель пружинисто

вскочил на ноги.

— Ладно, мне пора. После завтрака приходите в приемную, а там посмотрим.

Приемная на восьмом этаже выглядела так, как ей и положено было выглядеть – сосредоточением жизни огромного завода. Дверь директорского кабинета была открыта нараспашку, туда постоянно заходили люди, оттуда доносились трели телефонных звонков, слышались разговоры на двух языках, прорывались сквозь шум обрывки какой-то радиопередачи на шуанском, которую то приглушали, то включали на полную громкость.

Секретарша, молодая красивая шуанка, на которую с большим интересом поглядывал Эргемар, не имела ни минуты покоя. Несколько раз из кабинета выбегал Даксель, стремительно проносился через приемную и исчезал, а через четверть часа так же стремительно заскакивал обратно.

В один из таких моментов его попробовал перехватить Эргемар, но Даксель только отмахнулся.

— Извините, пока не до вас. Ждите. — И все же сжалившись, добавил: – Директор сейчас добивается, чтобы эвакуацию специалистов отложили хотя бы на сутки, а лучше бы на двое. Нам эти сутки сейчас вот так нужны. Тем более, что о пришельцах пока ничего не слышно. Вчера вечером они прорвались в горы, и с тех пор их никто не видел. Дай бог, может сверзились в какую-нибудь пропасть.

На радиоприемнике в директорском кабинете снова добавили звук, и Даксель вполголоса выругался по-баргандски.

— Вот не к добру помянуты! Только что передали, пришельцы атаковали Дегерац. А это значит, они пересекли водораздел. И скоро будут по эту сторону гор.

После этого все как-то успокоилось. Дверь кабинета чуть ли не впервые за утро закрыли, и внутри уединились директор с Дакселем. Через полчаса к ним присоединился шуанский военный с металлическими веточками на погонах. Как шепотом объяснила Эргемару секретарша, майор, заместитель военного комиссара Макьелина.

Майор с деловым видом вошел в директорский кабинет, и менее чем через минуту оттуда раздался возмущенный крик. Секретарша, переменившись в лице, поспешно выхватила из ящика стола пузырек с какими-то таблетками и распахнула дверь кабинета. Следом за ней просунулся и любопытный Эргемар. Даже Собеско привстал с места, чтобы лучше видеть.

На директора было страшно смотреть. Красный, яростно

пыхтящий, с выступающим животом, он походил то ли на грозящий лопнуть воздушный шар, то ли на готовую взорваться бомбу.

— Да как вы не понимаете?! — орал директор прямо в лицо сидящему майору. — У нас и так хватает забот, а вы!… Это же непрерывное производство!… Какие три часа, на это нужны по меньшей мере сутки!… Завод работает, черт побери, на вас, на вас же! И вы начинаете мешать работать!…

Майор встал.

— Смотрите, — сказал он по-баргандски с сильным акцентом.

Одним движением сдвинув все бумаги на край стола, он вытащил из планшета сложенную в несколько раз карту и расстелил ее перед директором.

— Вот Хандочур, — сказал майор, ставя карандашом на карте жирную точку. — Отсюда пришельцы начали вчера свой марш. Они прошли по окраинам Тогьена (еще одна точка), затем сожгли Хеккету (еще одна), а вечером прошли через Рунайское ущелье (точка покрупнее, скорее, маленький овал). Утром они появились в районе Дегераца (майор поставил пятую точку).

Директор кивнул. Он понял. Но майор решил довести объяснение до конца. Несколькими штрихами он соединил точки жирными отрезками. Все точки лежали на одной прямой.

— Пришельцы продолжают идти тем же курсом, — добавил шуанец. — Сейчас они находятся в районе Саньера, как передали по радио.

Поставив еще одну точку, он использовал свой планшет в качестве линейки и продолжил линию до самого края карты.

— Вот Макьелин, — сказал он, поставив точку в нескольких миллиметрах от черты, судя по масштабу карты, разница составляла километров десять-пятнадцать. — А пришельцы имеют привычку бомбить те города, мимо которых проходят их танки. Поэтому Макьелин будут эвакуировать. Рабочих с завода тоже.

— Сколько у нас времени? — устало спросил директор.

— Часа четыре или пять, может больше, — пожал плечами майор. — Я имею в виду, до прихода танков.

— Мы попробуем успеть остановить производство так, чтобы его потом можно было бы сразу же возобновить, — немного оживился директор. Даксель, вы…

— С вашего позволения, я отлучусь в город, — сообщил Даксель. — Там у меня семья.

— Если хотите, я отвезу вас на своей машине, — предложил майор. — Туда и обратно. А? Только вам здесь все равно надо объявить тревогу. Мы через несколько минут подадим к

проходным транспорт.

— Делайте, что хотите, — директор, сгорбившись, отвернулся в сторону. — Вы должны понять меня. Я руковожу этим заводом восемь лет. Еще с тех пор, когда он только строился.

— А что делать нам? — встрял в паузу Эргемар.

— Вам? А, вертолет. Очень хорошо. Майор, подождите. Вы можете выделить пару солдат, пусть они придут сюда, в приемную. (Секретарше) Тилли, покажите им. Пусть заберут все бумаги из этих шкафов, мой сейф, затем, наверно, бухгалтерию, отдел кадров, коммерческий отдел – пусть все погрузят в вертолет. Потом – я распоряжусь – Кривен отвезет вас в город. А вы (Эргемару) — вы ждите. Вы доставите меня в Тюйер. А документацию, если все обойдется, привезете обратно.

Директор развернулся и поспешил прочь из кабинета. За ним последовали Даксель с майором. Последней выбежала секретарша Тили, напоследок кивнув Эргемару.

Воздух заполнили прерывистые жалобные гудки. Рабочие начали покидать цеха и заторопились к выходам, где их уже поджидали автобусы, фургоны и крытые армейские грузовики. Жизнь на заводе потихоньку замирала, оставшись, в конце концов, всего в нескольких цехах, где группы добровольцев под руководством директора и десятка инженеров пытались сделать все возможное, чтобы внезапная остановка принесла производству как можно меньший ущерб.

А для Эргемара и Собеско началось долгое томительное ожидание.

Сначала они наблюдали за тем, как четверо шуанских солдат загружают в вертолет бесконечную груду папок, скоросшивателей, компьютерных распечаток, увенчав все это небольшим сейфом. Затем пообедали в огромной и совершенно пустой столовой, где еду надо было накладывать самому из больших, еще горячих бачков. Потом проверили все системы вертолета – все оказалось в порядке, только поднимай машину и лети.

А потом… А потом делать было уже нечего, и оставалось только сидеть на каменном бордюре, огораживающем автостоянку, и смотреть, как мимо них проходит бесконечная колонна с эвакуируемыми.

Автобусы, грузовики, снова автобусы. Мужчины, женщины, любопытные лица детей, прилипших к стеклам – для них все еще в интерес и в новинку, старушки с узлами. И все спокойны, ни истерики, ни слез, полицейские машины с мигалками, джип с зенитным пулеметом. Порядок и спокойствие. Спокойствие и порядок. Порядок и…

— А все-таки что-то есть в этих авторитарных режимах, — сказал Эргемар. — Как здорово все организовано. И люди дисциплинированные. У нас, наверно, так четко не сработало бы.

Собеско промолчал. Он вообще в последнее время стал совсем неразговорчивым, и это даже беспокоило Эргемара.

Внезапно один из автобусов, замигав огнями, затормозил прямо перед заводоуправлением. Дверца распахнулась, и на асфальт выпрыгнул Дилер Даксель. Автобус тут же снова тронулся, стремясь побыстрее занять свое место в колонне, а Даксель смотрел ему вслед и махал рукой, пока автобус окончательно не скрыли другие машины. И только тогда он развернулся и перешел к Эргемару и Собеско.

— Отправил, — сказал Даксель. — Их эвакуируют в Легушт. Это в горах. Лес, свежий воздух и никаких пришельцев. Обещают, что максимум на двое-трое суток. Но знаете, что-то все равно неспокойно. Я уж попросил старшего, чтобы он присмотрел за мамой и сестрой. Ему скоро четырнадцать, он у меня к тому же уже такой самостоятельный и ответственный. Только вот все равно…

— У вас плохие предчувствия? — серьезно спросил Собеско.

— Да не в этом дело. Понимаете, мы с женой с самого детства вместе. Наши семьи даже плыли сюда на одном корабле. А потом жили вместе в Эрвайне – мы жили на первом этаже посольского дома, они на втором. Мы с ними все породнились. Брат мой женился на ее сестре, сестра вышла замуж за их кузена. А теперь… мне просто страшно. Даже во время войны так не было. Тогда мы были еще дети, не понимали. Да и к тому же были все вместе. А вы женаты? — вдруг спросил Даксель, глядя на Собеско.

— Был, — коротко ответил Собеско, чуть поморщившись.

Проклятый баргандец попал в самое больное место. И что поделать – когда уже крепко за тридцать и жизнь, считай, почти что перевалила за середину, волей-неволей все чаще задумываешься, кто ты и что ты есть в этом мире. И как жить дальше, когда во внутреннем кармане лежит аккуратно сложенным то самое письмо на министерском бланке с гербовой печатью и двумя подписями?

Сил нет, как хочется вернуться, ринуться головой вперед во внезапно открывшуюся лазейку. Но дома ничего не изменилось. В письме говорится о прощении за то, что он не считает виной. Живы и находятся у власти все те люди, что выбросили из армии его отца, лишив его смысла жизни, желания жизни, а в конце концов и самой жизни. Наверное, все так же блистает на светских приемах и раутах его мать – как же, аристократка, генеральша, а

может, уже и маршальша, возможно, напрочь забывшая, что когда-то была женой простого армейского полковника…

И, вероятно, по-прежнему процветает его драгоценная занудасестрица со своим подонком мужем, который когда-то – в первый и последний раз – пришел к нему домой, чтобы заявить, что им все известно, и что теперь у него есть только выбор между тюрьмой и эмиграцией. Он тогда выбрал изгнание, не зная еще, что выбирает вместо несвободы не-жизнь… И хотя девственная природа, пустыни, горы и джунгли для него по-прежнему милее шума городов, и порой кажется, что это и есть та самая жизнь, которую он всегда хотел, и другой не нужно, где-то в глубине души все чаще прорывается неясная тоска по простому человеческому счастью, которого ему, оказывается, так не хватало – и в детстве, и во время того неудачного брака, и вообще всегда.

Наверное, что-то из этого все же отразилось на лице Собеско, потому что Дилер Даксель отступил.

— Простите, — тихо сказал он.

Только "Простите", без этого идиотского "Я же не знал", и Собеско за это начал его всерьез уважать.

— Вот что еще, — сказал Собеско, как он надеялся, совершенно нормальным голосом. — Как увидите директора, передайте, что мы готовы. Можем вылетать хоть сейчас. И лучше бы сейчас, а то большая часть срока, который нам давал тот майор, уже, по-моему, позади.

— А вообще, — добавил Эргемар. — Если ему так надо вывезти все эти бумажки, взял бы лучше грузовик.

— Из грузовика, в случае чего, можно запросто выпрыгнуть и спрятаться в кустах, — пояснил Собеско. — А эту вертушку пришельцы смахнут с неба одним щелчком. Мы же видели, на чем они летают.

— Ладно, — пожал плечами Даксель. — Передам ваше мнение, как экспертов по пришельцам. Но особенно не надейтесь. Наш директор – человек крайне упорный и добросовестный. И пока не закончит то, что задумал, уйдет с завода разве что под бомбами.

— Ставлю три к одному, что так и будет, — проворчал Эргемар в спину удаляющемуся Дакселю. — Вот угораздило вляпаться!

И снова оставалось только сидеть на бордюре, подставляя спины осеннему солнцу, и ждать. Эргемар все время поглядывал на часы. Ему было крепко не по себе, особенно из-за того, что он не знал, как близко пришельцы, и идут ли они действительно сюда. Собеско, по крайней мере, внешне, был спокоен. Чисто для разнообразия он решил немного побыть фаталистом и теперь

терпеливо ждал, что все его проблемы как-нибудь разрешатся сами собой.

Казалось, этот день никогда не кончится, и Эргемар даже удивился, когда увидел, как из здания заводоуправления выходит толстяк-директор, сопровождаемый знакомым шуанским майором. Шагах в пятнадцати не доходя вертолета, они остановились, и слабый ветер доносил до Эргемара и Собеско обрывки их разговора.

— Вы сделали все, что могли, — кажется, сказал майор по-баргандски. — Не волнуйтесь, всех ваших людей мы посадим на транспорт. Поторопитесь.

— Да-да, — кивнул директор. — Но я совсем забыл, передайте Дакселю…

— Ну что он тянет, — простонал Эргемар. Он уже кожей, спинным мозгом чувствовал, что пришельцы близко и пора удирать. Но директор все никак не мог закончить свои последние наставления.

Поэтому низкий вой, прокатившийся над пустой автостоянкой, уже не произвел особого впечатления. Он просто воспринимался как нечто, само собой разумеющееся.

— Воздушная тревога, — прошептал Эргемар испуганным голосом, озираясь в поисках укрытия.

— Сюда! — проорал из-за бордюра Собеско, призывно махнув рукой.

И снова вжался в землю, про себя вовсю проклиная шуанцев, что они, планируя автостоянку, не потрудились окружить ее какой-нибудь грязной, узкой, глубокой и надежной канавой.

Первую минуту ничего не происходило. Лежать, уткнувшись лицом в землю по бок от пыхтящего директора было скучно, и Эргемар не смог совладать со своим неистребимым любопытством. Он приподнял голову, и тут же заметил их – два клина из серебристых короткокрылых машин, вдруг окутавшихся клубами белого дыма – это стартовали выпущенные ракеты.

"Молнии" стремительно пронеслись прямо над головой, затем раздалось несколько тяжелых ударов, словно кто-то громадный бил прямо в землю исполинским молотом. Вокруг что-то со звоном разлеталось, гулко разваливалось, из перебитого паропровода на заводе со страшным шипением устремилась вверх струя пара, над головой что-то пронеслось с воем – это вслед "Молниям" с запозданием ударили и снова замолчали зенитки.

Затем снова удары, уже не такие сильные – это пришельцы обстреляли город, и снова вой зениток, и приглушенная ругань Собеско, и еще один, на редкость мощный и близкий удар, и… затем все немного поутихло.

"Молнии" пропали, вместо них появились несколько черных машин с серповидными крыльями, знакомые Эргемару по Зерманду. Они пока ничего не делали, только кружили, едва видные, на большой высоте, однако они были зловещим сигналом, потому что предвещали скорый приход вражеских танков. Но Собеско уже смело встал, стряхивая с себя всякий мусор.

Картина была совершенно сюрреалистическая. Заводоуправление окривело – половина окон зияла черными дырами, и вся земля перед ним была усеяна битым стеклом. Забор из бетонных плит с той стороны, где только что была котельная с зенитной батареей на крыше, выгнулся наружу, вокруг были разбросаны куски камня и шлака, оттуда тянуло жаром. Где-то еще шумел паровой гейзер, отовсюду поднимались мощные столбы дыма. И… безмятежно пестрели цветы на клумбе посреди автостоянки, а сбоку стоял совершенно неповрежденный вертолет.

— Что? — задыхаясь, спросил директор. Он стоял на коленях и не отрываясь, смотрел на клубы дыма, поднимающиеся над стеной. Он был в полной прострации.

Откуда-то появился Даксель. Весь он был покрыт пылью и каменной крошкой.

— Это смешно, но горит только пожарное депо, — устало сказал он. — Обе доменные печи разрушены – прямые попадания. Мартены, коксовые батареи, аглофабрика, кажется, уцелели. Но слябинг, рельсобалочный, оба листопрокатных – сплошные руины.

— И второй листопрокатный? — переспросил директор. Он, кажется, еще не мог поверить.

— И он тоже, — подтвердил Даксель. — Их фактически больше нет. Там уже ничего не восстановишь. Надо строить заново. Хорошо только, в цехах уже никого не было.

— Да, — механически сказал директор. — Это хорошо.

— Увезите его, — обратился Даксель к Собеско. — Здесь вам нечего делать.

— Но пришельцы, — возразил Эргемар, с опаской поглядывая вверх.

— А что пришельцы? Нужна им ваша занюханная вертушка? Отправляйтесь, пока не появились танки.

— Я бы не стал проверять, нужна ли она им или нет, — мягко возразил Собеско. — Мы вылетим, как только для этого появится возможность. Не волнуйтесь. А вот вам надо действительно искать убежище.

— Тоже верно, — кивнул Даксель. — Но я должен убедиться в

том, что…

Но в чем должен был убедиться Даксель, было уже не важно. Фасад заводоуправления внезапно раскололся, брызнув во все стороны остатками стекол и облицовочной плиткой. А на дорогу, ведущую в город, проломив выходящий на нее забор, выехал огромный плоский танк пришельцев, весь покрытый пятнами серо-песочного, серо-зеленого, бурого и черного цветов неправильной формы.

Собеско, обладавший самой быстрой реакцией, успел рухнуть на землю и прикрыть руками голову до того, как на них обрушились обломки здания. Его осыпало камнями, кусок покрупнее здорово ударил в поясницу, еще одним садануло по пальцам, но он остался жив и в сознании, и не дыша, смотрел, как из пролома появляются один за одним еще пять танков и все они, построившись уступом, не спеша двигаются по направлению к городу.

Только когда последний танк скрылся за поворотом, Собеско позволил себе вдохнуть и закашлялся от попавшей в горло пыли. Скривившись, он поднялся на колени, осторожно согнул покрывшиеся коркой из крови и пыли пальцы – вроде бы, все целы – и только тогда огляделся.

Директор лежал на спине с неловко вывернутой головой и залитым кровью лицом. Уцелевший глаз незряче смотрел в небо. Рядом валялся измазанный кусок стены с остро торчащими обломками арматуры.

Дилер Даксель, кряхтя, пытался встать. Одной рукой он зажимал бок. Голова его была разбита, и струйки крови, перемешавшейся с грязью, стекали по щекам.

— Сейчас, — прохрипел Даксель. — Я помогу.

У Эргемара из ноги чуть выше колена торчал большой и толстый осколок стекла. Кровь уже пропитала штанину. Сам Эргемар лежал лицом вниз – видимо, потерял сознание.

Присев на корточки, Собеско осторожно выдернул стекло. Кровь сразу же так и хлынула, толчками выплескиваясь из раны. Тогда Собеско, сорвав с себя куртку, рывком оторвал рукав и туго перемотал ногу напарника. Кровь перестала течь.

— Их… уже нет, — глухо пробормотал Даксель. Он уже встал, и теперь непрочно стоял, скособочившись и наклонившись вперед. — Уже… нет. Надо лететь.

— Что? — Собеско осмотрелся. Небо было чистым, черные птицы исчезли. Со стороны города доносились взрывы и грохот, но это было далеко.

А вертолет… Вертолет был цел – Собеско не верил своим глазам. Его даже почти не задело обломками. Легко подхватив

так и не пришедшего в себя Эргемара, Собеско осторожно занес его в кабину и усадил в кресло второго пилота. Потом помог забраться внутрь Дакселю. И, немного поколебавшись, вернулся за телом директора, с усилием затащил его в вертолет и только тогда захлопнул дверцу. Директор упустил время и потому погиб, но оставить его здесь Собеско не мог.

Затем площадку окутали клубы пыли, вертолет оторвался от земли и – настолько низко, насколько это возможно – полетел над руинами завода на север – к городу Тюйеру.

На компьютерной карте на внутренней поверхности шлема вертолет казался яркой точкой, ползущей к краю. Оператор девятки "Молний" на секунду задумался – пустить ему вслед ракету, что ли, но затем решил ее приберечь для более важных целей. В конце концов, до завершения боевого вылета было еще достаточно далеко.

— *Тюйер-такейса, летье Тюйер-такейса,* — кричал Собеско в микрофон единственную известную ему шуанскую фразу.

Наконец, динамик ожил, выдав ему неразборчивую скороговорку.

— Они… не могут, — с усилием разъяснил Даксель. — У них был налет… Большие повреждения… Предлагают… другое место.

— Какое место? — крикнул Собеско. — Я же здесь ничего не знаю. Куда, Дилер?

Дилер Даксель поднял голову, наспех обмотанную куском рубашки.

— Извини… Совсем худо… Я сейчас отключусь… Сажай где-нибудь, вызови помощь… Я все.

Баргандец грузно осел на пол кабины. Собеско ругнулся. Садиться где-то в чистом поле, не зная языка, с двумя ранеными и трупом ему совсем не хотелось. Приняв решение, он изменил курс на северо-западный, и через четверть часа под вертолетом пронеслась золотая полоска берега. А потом внизу было только море.

— Акес-центральный, — начал вызывать Собеско на родном языке. — Вызываю Акес…

Он посадил вертолет на летном поле, зажатом между какими-то постройками и морем. Рядом уже ждал, как он и просил, санитарный автомобиль. И пятерка пограничников в до боли знакомой гранидской форме.

Не дожидаясь, пока винт окончательно остановится, Собеско спрыгнул на бетон.

— Кто вы? — обратился к нему офицер-пограничник. — Ваши

документы.

— Ах, документы, — Собеско полез во внутренний карман, достал и развернул лист бумаги с гербовой печатью. — Я Кен Собеско, капитан гранидских ВВС. И я, черт возьми, вернулся домой.

В рубке тишина. Только что прозвучал сигнал отбоя. Корабль готовится ко сну.

Но не его командир. Суперофицер Пээл сидит за своим пультом и задумчиво смотрит на карту с обстановкой. Его танки, даже капризные "Охотники", показали себя с лучшей стороны. Они сделали этот шестисоткилометровый марш, причем с непрерывными боями, потеряв меньше десяти процентов численного состава. Но что дальше? Штаб пока не высказывает недовольства, но он-то знает, что задание – выяснить силу сопротивления филитов – он еще не выполнил.

Эти твари поумнели. Они научились вовремя убираться с его пути и уже не лезут в бой очертя голову. Как заставить их сражаться, бросить в бой всю свою силу, все мастерство, все резервы? Атаковать их столицу? Город с варварским названием Эррел? Нет, бой в городе – это самая сложная задача для его танков. Там управление шестерками не годится. Возвращаться? Попробовать напасть на соседнее государство Картай, что организовало на него воздушный налет?

Заманчивая идея. Но от нее лучше отказаться. Путь долог, а танки и так израсходовали уже большую часть своего моторесурса. Нет, им осталось сил только на один марш. Но куда его совершить? Где найти такую позицию, которую филиты будут защищать, во что бы это не стало? Во что бы это не стало…

Глава 17. Эффектно и эффективно

— …Господин Собеско, подумайте. Вы уверены, что приняли правильное решение? Курсы по переквалификации…

— (устало) Прошу извинить меня, но вы сами понимаете, насколько это нереально. Я выбрал.

— (со вздохом) Ну хорошо, капитан. Значит, Тороканские Ворота?

— А куда еще пришельцы, по-вашему, могут сунуться?

Строчки медленно ползли по экрану, белые на бордовом.

"…Геологически, Срединное Море представляет собой рифтовое образование, возникшее около 15 миллионов лет назад на месте гигантского разлома, отделившего Приморье от Заморской континентальной плиты…. Хотя вулканическая активность в регионе к настоящему времени практически прекратилась, продолжающееся поднятие южного края Приморской плиты привело к тому, что весь северный берег Срединного Моря, за исключением полуострова Тороко, представляет собой практически непрерывный исполинский обрыв высотой до 400 метров…

… Полуостров Тороко. Расположен на юго-западе Приморья и закрывает Срединное Море с запада. От Заморья отделен Ламинским проливом шириной 18 километров (в самом узком месте). С материком соединяется десятикилометровой ширины перешейком, местное название – Тороканские Ворота… Юго-восточная оконечность полуострова, мыс Кайзерни-Нош, является крайней южной точкой Приморья…

Командир Пээл убрал с экрана текст и увеличил масштаб карты. Полуостров Тороко напоминал по форме бутылку с вогнутым донышком и коротким узким горлышком, вытянутую на юго-юго-запад. Длина полуострова составляла сто двадцать километров, ширина – около тридцати. К перешейку он сужался до десяти километров, но целый лабиринт бугров и оврагов с одной стороны и гряда остроконечных скал с другой сужали проход, оставляя дефиле шириной менее пяти километров, собственно Ворота.

За Воротами начиналась лесостепь, ровная как стол, с небольшими речушками – для танков местность почти идеальная. Командир задумчиво почесал нос. Восемнадцатикилометровый пролив танкам не под силу, значит, надо монтировать платформы на антигравах, прямо на месте организовать периметр

безопасности, провести регламентные работы, привезти туда техников, боеприпасы, запасные части – целое дело. Но лучше, пожалуй, ничего и не придумать.

Командир еще раз обратился к карте. Похоже, полуостров достаточно густо заселен. Но крупный город всего один – вот он, на донышке бутылки, у основания остроконечного юго-восточного мыса. Местное название – Акес или, в скобках, А-каи-иес. Ну и имечко! Командир слегка поморщился. Нет, лучше пусть будет Акесом, а то и не выговоришь.

Сирена воздушной тревоги в госпитале была на редкость противной. Она издавала не привычный вой, а, скорее, режущий пронзительный визг. Дилер Даксель зажал уши ладонями.

— А мне приходится слушать это по несколько раз в день, — пожаловался ему Драйден Эргемар. — Летают тут и летают, будто неба им мало.

Сирена наконец смолкла. Даксель философски пожал плечами и посмотрел вверх, на затянутое высокими серыми облаками небо. Ни он, ни Эргемар, и не собирались куда-то бежать или прятаться.

Эта тревога была сегодня не первой и, очевидно, не последней. Пришельцы, во время первого же налета перемешав с землей зенитную батарею, осмелившуюся их обстрелять, превратив три военных аэродрома в свежераскопанные картофельные поля и развалив двумя ракетами два самых высоких здания в городе – мэрию и храмовую башню, — потеряли затем к Акесу всякий интерес. Все шесть последующих дней и "Молнии", и сопровождаемые ими медлительные "Драконы" проплывали над городом не задерживаясь, на большой высоте, не ожидая, да пока и не получая никакого отпора.

Впрочем, местные жители не испытывали по этому поводу особого облегчения. Они были заложниками географии, а против нее сделать что-либо было невозможно.

За узкой полоской Ламинского пролива стояли пришельцы. Никто не знал, как танки собираются форсировать двадцатикилометровую водную преграду, и будут ли они это делать вообще, но пришельцев уже начали бояться, бояться всерьез. Пугало не оружие, пугала непостижимость, кажущаяся нелогичность их действий. Их колонна, словно бешеный червь, прогрызала себе путь через равнины, горы и города, без какой-либо видимой цели, если не считать целью безжалостное и бессмысленное разрушение всего созданного человеческими руками.

Тем временем Эргемар и Даксель продолжали разговор, прерванный сиреной воздушной тревоги.

— Я вспомнил, что как-то забыл поблагодарить вас за то, что вы меня вытащили, — говорил Даксель. — Хотя, надо сказать, я оказался при этом в чужой стране без документов и денег.

— ???

— Ага. Я оставил бумажник с документами в кармане плаща, который в последний момент передал сыну. Каре… моей жене показалось, что он слишком легко оделся.

— Вы так и не можете связаться со своими? — участливо спросил Эргемар.

— В том то и дело. Макьелин до сих пор в эвакуации, с Эррелом связи нет или она очень плохая. Все, что мне удалось, это передать одним знакомым, чтобы они передали моим, что я жив и скоро вернусь. Я бы попытался связаться с Легуштом, но без денег особенно не назвонишься. У меня есть несколько сотен курушей, но Шуан, черт возьми, не входит в Золотой Пул, и их никто не принимает и не обменивает. У меня есть золотой счет в Тогродском Морском Банке, но он именной, а не номерной, а карточка осталась там же, где и паспорт, так что со счета я могу снять самый мизер.

— А что вам говорят местные власти? Ко мне они отнеслись очень любезно и пообещали помочь добраться до дома, как только возобновится движение через пролив.

— Вы здесь легальный иностранец из дружественной страны, с паспортом и фирмой за спиной, — вздохнул Даксель. — Нет, у меня к ним нет особых претензий. Они подлатали меня в госпитале и даже предложили отправить меня за счет казны в Эррел. Надо было соглашаться, но тогда – мне ведь только через пролив, а там я почти дома – вот я и подумал, зачем делать такой крюк… А потом пришельцы перекрыли пролив, в Тороканских Воротах, видимо, обновляют старые укрепления, проезд через них тоже закрыт, вот я и застрял. Теперь жду, не знаю чего. Наверное, высылки. А пока выдали бумажку с печатью, талоны на еду, поселили даже в каком-то приюте. Хожу, правда, каждый день отмечаться в полицию, в общем, приходится бегать…

— Зато вы хоть город повидали, — заметил Эргемар. — А я все сижу здесь в четырех стенах. Говорят, красивый город. Какой он из себя?

— Какой? — медленно повторил Даксель. — Может, и красивый. Но, пожалуй, странный какой-то, двойственный.

Даксель надолго задумался. Город действительно производил странное впечатление. Двухтысячелетний Акес словно отторгал два последних десятилетия своей истории. Он не хотел быть

Акесом, столицей девятнадцатой провинции Граниды, и несмотря ни на что, стремился остаться картагонарским Акайесом, Стражем Пролива, клинком, приставленным к горлу Граниды. И среди прямоугольных зданий послевоенной постройки вдруг появлялись пятиэтажные ступенчатые пирамиды, окаймленные засаженными зеленью террасами. На тенистых площадях все еще сохранялись квадратные скверики в типичном заморском стиле. А старики в белых жилетах, сидящие за столиками многочисленных кафе, вынесенными прямо на улицу, медленно потягивали из длинных деревянных трубок дым тлеющих листьев кустарника кош – привычка, непопулярная в Приморье, но очень распространенная в Картае или Шуане…

С другой стороны, и гранидцы, получившие город и полуостров как военный трофей, стремились обосноваться там всерьез и надолго. Дома в центре города были заботливо стилизованы под гранидскую старину. Рядом с уцелевшими картагонарскими памятниками спешно воздвигались гранидские. Повсюду развевались флаги – зелено-бело-лиловые Граниды и бело-синие провинции Тороко, а господствующая над городом крепость Те-Анау – "Ключ-Крепость", — расположенная на скалистой оконечности мыса Кайзерни-Нош и некогда превращенная бомбежками в груду камней, была бережно восстановлена и превращена в военный мемориал.

Однако Дилеру Дакселю, стороннему наблюдателю и чужаку в этих краях, так и не удалось выразить словами свои ощущения. Отделавшись несколькими описательными фразами, он поспешил перевести разговор на другую тему.

— А как дела у вас? — спросил он Эргемара. — Я вижу, вы еще не полностью вошли в норму.

— Еще нет, — Эргемар поправил свой костыль из алюминиевых трубок. — Но врачи говорят, что все идет на поправку. У меня всего лишь порез, только очень глубокий. Тем стеклом мне перерезало какой-то крупный сосуд, и если бы не Кен, я бы за несколько минут истек кровью.

— Да, если бы не Кен, — повторил Даксель. — А что с ним? Я так и не видел его больше. И не смог найти…

— Я тоже его не видел, — сказал Эргемар. — Он только оставил мне коротенькое письмо, можно сказать, записку. Кен же сам гранидец, он просто несколько лет назад эмигрировал в Гордану. А сейчас ему разрешили вернуться. Из фирмы он уволился, а где он теперь, я и не знаю. Скорее всего, как я догадываюсь, в Тороканских Воротах, на позициях.

— Дай Единый ему тогда выжить, — вздохнул Даксель. — Ладно, тогда у меня осталось к вам еще одно дело. Вы хотите

покинуть гостеприимный город Акес?

— Вы шутите?! — вскинулся Эргемар. — Можно подумать, я мечтаю дождаться здесь прихода пришельцев. Но… вы ведь сами говорили, что для этого нужны либо большие деньги, либо большие связи.

— Я здесь совершенно случайно встретил одного знакомого, — сообщил Даксель. — Он хорошо знал моего отца, еще до войны. Он местный и как-то связан с гранидскими военными. И еще у него есть маленький катер. Он готов доставить нас в Лешек. Это большой порт, там есть и горданское, и шуанское консульства.

— Но пришельцы же топят все, что появляется в проливе! Или катер стоит в какой-то деревушке на побережье?

— Нет, он здесь, на другой стороне бухты. Но тот мой знакомый уже несколько раз ходил в Лешек и обратно. Катер маленький, к тому же прижимается к самому берегу, вот пришельцы его и не трогают. Если вы согласны, мы заедем за вами завтра рано утром.

— Еще бы я не согласен! Вы просто возвращаете меня к жизни! Вы не представляете, как я вам благодарен!

— Полноте, люди ведь должны помогать друг другу, верно?

Города Эргемар так и не увидел. За ним заехали еще затемно – Даксель и его спутник – широкоплечий пожилой человек в пятнистой куртке армейского образца, представившийся как Герэн Чолль и говорящий только на баргандском, причем, на каком-то диалекте, почти непонятном для горданца.

Джип с брезентовым верхом долго петлял по узким улочкам среди бесконечных заборов и невысоких зданий промышленно-складского вида, и Эргемар незаметно для себя сначала задремал, а потом и заснул. Проснулся он быстро, как от толчка. Уже светало. Джип, медленно пятясь задом, неуклюже заезжал на узкую асфальтированную площадку, где стояли несколько армейских грузовиков, заляпанных грязью, и серо-зеленый приземистый бронетранспортер.

— Приехали, — так, кажется, сказал их проводник. — Собирайтесь.

У Эргемара из вещей была только небольшая сумка, где сиротливо лежали зубная щетка и пара чистых носков, и старая поцарапанная старушечья клюка, за которую ему в госпитале пришлось заплатить как за красное дерево. С помощью этой клюки он выкарабкался из тесного джипа и огляделся. За спиной виднелся уходящий куда-то в бесконечность монументальный бетонный забор с мощными воротами и колючей проволкой.

Впереди – голые песчаные дюны, похожие на застывшие морские волны, изрытые странными ямами и следами танковых гусениц. Везде располагались штабеля разнокалиберных ящиков, фанерные щиты на полозьях, какие-то громоздкие металлически-непонятные предметы. Далеко справа и впереди угадывались очертания высокого обрывистого утеса, на вершине которого на фоне светлеющего неба четко выделялись зубцы стен.

— Это военный полигон, — шепнул Даксель. — А там – берег.

Но Эргемар уже догадался, где находится. Они были у самого западного края Акесского залива, утес справа был мысом Рашхафун, а стены – крепостью Те-Районе, "Морской крепостью", сестрой-близнецом крепости Те-Анау, что на замыкающем залив с востока мысе Кайзерни-Нош.

Поговорив несколько минут с немолодым военным в грязно-оливковом бушлате без знаков различия, их сопровождающий наконец махнул им рукой – "пошли". Идти было трудно, клюка вязла в песке, нога совсем разболелась, а тропинка петляла из стороны в сторону, огибая ямы и крутые склоны, и из-за этого никак нельзя было понять, сколько они уже прошли и сколько осталось. Эргемар отставал, сначала немного, а потом все больше и больше, и проводник наконец сжалился над ним и устроил передышку. Свернув с тропинки, они уселись на торчащих из песка шинах, в беспорядке разбросанных вокруг накренившегося остова старого бронеавтомобиля с распахнутыми настежь проржавевшими люками, без колес и со снятой башней.

Напротив виднелся длинный забор из проволочной сетки, окружавший ряд длинных навесов, под которыми были уложены в штабеля или разбросаны в беспорядке одинаковые серо-желтые деревянные ящики с броскими маркировками – ярко-красная надпись на гранидском и рисунок, изображающий бомбу с дымящимся фитилем.

— Что это? — поинтересовался Эргемар, показывая на ящики.

— Взрывчатка, — это слово звучало одинаково и по-горданьски, и по-баргандски. — Еще довоенная. Ее в крепости целые склады, вот и вынесли все на полигон, чтобы там не рвануло ненароком.

Эргемар торопливо поднялся на ноги. Он, конечно, никоим образом не отдохнул, но сидеть в непосредственной близости от груд взрывчатки с наверняка давно истекшим сроком хранения было страшновато.

— Пойдемте, — предложил он. — Я уже в норме.

А идти, как оказалось, было совсем недалеко. Тропинка обогнула особенно крутую и высокую дюну, скользнула в узкую щель между склонов, поросших жесткой травой и кустарником, и

они неожиданно оказались прямо на широком пляже. Серое небо нависало над серо-зеленым морем, небольшие волны плавно накатывались на берег, а у короткого причала слегка покачивался черно-серый катерок с низкой рубкой и скошенной назад трубой. Вид у него был самый допотопный.

Около причала стояла группа людей, в военной форме и в штатском. Было уже почти светло, и их увидели сразу. Группа стала рваться, несколько человек неторопливо пошли на причал, остальные еще оставались на месте. Эргемар постарался максимально ускорить шаг; катер не казался особо надежным, но хотелось побыстрее покинуть еще более ненадежный берег.

Вдруг где-то неподалеку послышался вой сирен. Крепость на высоком мысу озарилась вспышками ракет. За дюнами послышался шум заводимых моторов.

— Налет, что ли? — скучающим тоном протянул Даксель. — Слава Единому, безопаснее место и найти трудно. Даже если и бомбить будут, то точно не нас. Только подождать придется.

Но это был не налет. Люди на причале вдруг побежали обратно. Их пожилой проводник словно испарился. Эргемар, тяжело опирающийся на клюку, и Даксель все еще стояли неподвижно.

— Что это?! — вдруг крикнул Даксель, показывая рукой куда-то в сторону моря.

Он мог и не показывать. И справа, и слева, насколько хватал взгляд, из мглы над морем выплывали странные зализанные силуэты, похожие на оплывшие айсберги или стога сена. Они плыли, но не по волнам, а над волнами, приближаясь к берегу со скоростью цунами. И ни рева, ни шума моторов, только тихий шорох, сливающийся с прибоем. Картина была одновременно жуткая и очаровывающая.

— Ба-бахх!!! — крепость осветилась огнями орудийного залпа.

Воздух заполнил тяжелый многоголосый свист, а затем из моря начали вырастать гейзеры всплесков. Один из непонятных предметов получил прямое попадание и скрылся в облаке огня, дыма и пара. С другого, самого близкого, разрывом снесло покрывающую его ткань – теперь было видно, что это маскировочная ткань, — и взорам открылась низкая платформа, парящая над волнами. И на платформе – два пятнистых танка пришельцев.

Только теперь Эргемар понял, что они с Дакселем остались одни чуть ли не на всем пляже.

— Бежим, — выкрикнул он, и припадая на раненую ногу, бросился прочь, увлекая за собой Дакселя.

Командир Пээл в далеком корабле философски пожал плечами и снова устало потер и без того синие от недосыпания глаза. Было бы, конечно, эффектнее, если бы его танки вдруг появились на берегу к ужасу застигнутых врасплох филитов. Но… незачем привередничать, тем более, что он давно уже предпочитает эффектности эффективность. А с точки зрения эффективности, операция удалась на славу. Три с половиной дюжины антигравитационных платформ, взявших по два "Громовержца" или по три "Охотника", покрытых маскировочной тканью, невидимой в лучах радаров и обманывающей инфракрасные детекторы, неслышными призраками под утро отчалили от заморского берега и, пройдя через пролив, ударили не в самом его узком месте, а немного западнее, там, где их, похоже, никто не ждал. И обнаружили их, по-видимому, только визуально, когда времени на оборону уже не осталось. Высший класс, высшее мастерство!

Только, правда, одним Великим Звездам известно, во что ему это обошлось. Все эти дни он почти не сомкнул глаз. Штабу это знать не обязательно, но подготовка такого вторжения почти за тысячу километров от базы была страшной, рискованной авантюрой. И сколько труда, сколько нервов надо было положить, чтобы организовать переброску на эти километры десятков людей и десятков тонн грузов, зная, что корабль оставлен без защиты, и как ненадежен периметр безопасности на том берегу, намеченный только прерывистым пунктиром из трех дюжин танков на земле и шести девяток "Молний" в воздухе.

Слава Звездам, филиты так и не рискнули напасть. Это хорошо, они научились бояться. И не зря все эти дни он так старательно вытаптывает все, что может иметь отношение к их авиации, и в Шуане, и в Картае, и сейчас в Граниде. Та группировка в штабе, что выступает за примат воздушных сил перед наземными, получит мощный довод в свою пользу. И все же, и все же… Успокаиваться рано, надо ждать – ждать, пока платформы, выгрузив танки, не вернутся обратно, и еще ждать, пока его люди, оставшиеся только с легким оружием и под охраной только с воздуха, не завершат погрузку, и, наконец, пока караван транспортных катеров, сопровождаемый половиной его оставшихся "Молний", не совершит посадку под безопасной сенью корабля. Тогда только можно будет расслабиться и послать танкам полноценную поддержку с воздуха, именно тогда, когда они больше всего будут в ней нуждаться, когда они будут рвать наспех подготовленную, но наверняка мощную оборону филитов в Тороканских Воротах…

Но такой рискованной операции он больше никогда не станет делать. Никогда…

Все живые существа в момент страшной, смертельной опасности ведут себя одинаково. Они либо бегут, либо прячутся. Эргемар, при всем своем желании, бежать не мог. С помощью Дакселя, палки и последних резервов организма он чуть ли не на одной ноге доскакал до прохода, из которого они только что вышли, и постарался поглубже заползти в заросли невысоких кустиков рядом с тропинкой. Проход был узким, и можно было надеяться, что танки в него побоятся сунуться.

За спиной что-то гулко ухнуло. Приподняв голову, Эргемар увидел, как пламя быстро пожирает остов катера, виднеющийся среди черных обломанных досок, — всего, что осталось от причала.

— Накрылась наша посудинка, — пробормотал рядом Даксель.

Он говорил почти прямо в ухо Эргемару, но слышно его было едва-едва. Вокруг было шумно. Где-то еще завывала сирена, ревели во всю мощь танковые моторы, со стороны крепости доносился грохот взрывов – ее явно бомбили, хотя на фоне низких серых облаков ничего не было видно. А на пляж прямо напротив спрятавшихся Эргемара и Дакселя уже надвигалась широкая платформа, укрытая серым бесформенным саваном. Беззвучно – поскольку любой издаваемый ею звук полностью заглушался окружающим гвалтом – она опустилась на песок. Серое покрывало внезапно соскользнуло, словно сдернутое невидимой рукой, и исчезло, а два танка, стоящие на платформе, рывком соскочили вперед, подняв тучу песка. Затем платформа, освободившись от груза, осела назад и не поворачиваясь, плавно заскользила обратно. А танки остались. Их было уже шесть – слева и справа только что разгрузились две такие же платформы.

С десяток секунд танки стояли неподвижно, будто проводя безмолвную перекличку. Потом два из них двинулись направо, три – налево, а один, отбрасывая в стороны песчаные струи, неспешно двинулся вперед – прямо к проходу.

Пожалуй, никогда раньше Эргемару не приходилось испытывать такого страха. Ползком, на четвереньках, на карачках, пригнувшись, он пятясь, выбрался из кустов и, чуть не крича от боли, рванул вслед за Дакселем.

Возле старого бронеавтомобиля они едва не налетели на небольшую группу деловито-сосредоточенных гранидских солдат, занявших позицию прямо за импровизированным бруствером из шин. Один из них, опустившись на одно колено, выцеливал что-то

в небе, направляя вверх ствол ручного пулемета, трое сжимали в руках полутораметровые трубы с остроконечными насадками. Даже никогда не служивший в армии Эргемар безошибочно опознал в них противотанковые гранатометы. Еще несколько снаряженных гранатометов лежали в длинном деревянном ящике.

Солдаты не удивились и не испугались, увидев улепетывающих со всех ног двоих штатских. Один из них только показал им – "ложитесь, мол" и вскинул свое оружие.

Когда в проходе, подминая кусты, показался тускло-металлический широкий лоб танка, все трое выстрелили почти одновременно. На броне танка, чуть пониже ствола страхолюдной сдвоенной пушки, вспыхнули два ярких пятна. Вспыхнули и погасли, оставив после себя только кляксы копоти.

Танк, казалось, даже не заметил дерзких наглецов. Но откуда-то с неба на них спикировал черный силуэт. Навстречу ему понеслась длинная нескончаемая пулеметная очередь.

Остов бронеавтомобиля загудел от попаданий, вверх взметнулись фонтаны песка. Отважных стрелков словно разметало в воздухе. Оторванная рука, кружась, зарылась в песок почти у ног Эргемара. Но и черная птица, будто натолкнувшись на невидимое препятствие, рухнула вниз, обрушив несколько секций проволочного забора, окружавшего навесы.

Даксель совершенно побелел, но все же осторожно поднял голову.

— Проходит мимо, — прошептал он безумным шепотом.

Танк, не обращая внимания на двух жалких беглецов, не спеша двинулся к месту падения беспилотника. Повозившись, он старательно размазал его обломки гусеницами по песку, а потом вдруг, развернув в сторону башню с пушкой, протаранил ближайший навес, обрушив пирамиду ящиков. И, не торопясь, повторил то же самое со следующим.

Эта пауза вывела Эргемара и Дакселя из транса. Оба они одновременно посмотрели на валяющийся в каком-то десятке шагов ящик с гранатометами, лишь немного присыпанный песком. Не сговариваясь, они дружно рванули к нему. В страшной спешке вытащили из ящика трубу и… остановились.

— А ты знаешь, как стрелять?! — прошептал Эргемар. — А то я его в первый раз вижу!

— Нет! — в отчаянии простонал Даксель. — Я только курсы проходил, военных инженеров. Ладно…

Он осторожно высунулся из-за корпуса бронеавтомобля, навел ствол и нажал на то, что ему показалось курком. Затем еще раз, и еще. Оружие не стреляло.

— А если так? — сунулся Эргемар.

Он на что-то нажал, и вдруг граната, чуть не задев Дакселя, вылетела из ствола, с визгом пронеслась мимо и взрыла песок на каком-то дальнем склоне. Даксель, выронив гранатомет, упал, закрыв лицо руками. Ему казалось, что теперь все кончено. Но им повезло: беспилотник, сбитый пулеметчиком, оказался последним на этом конкретном участке, и на них не обрушился сверху карающий ливень и огня и металла. Не стрелял и танк, занятый ящиками.

— Дьявол! — с чувством выругался Эргемар. — Сейчас он дождется!

Даксель снова пришел в себя. С каким-то лихорадочным спокойствием он достал из ящика следующий гранатомет. И протянул его Эргемару.

— Стреляй, — приказал он. — Ты помнишь, на что нажимал?

— Да, вроде бы, — пробормотал Эргемар.

Ползком, шипя от боли в ноге, он выбрался наружу. Танк медленно двигался боком к нему, метрах в семидесяти. Эргемар глубоко вздохнул, прицелился, стараясь не обращать внимания на бешено колотящееся сердце, и выстрелил! Выстрелил не по танку, а по груде ящиков, которые он беспечно давил.

И как рассчитывал Эргемар, старая взрывчатка сдетонировала – к счастью, далеко не вся, иначе от него самого остались бы одни воспоминания. Тем не менее, взрыв оказался достаточно мощным. Танк подбросило вверх, из него повалил зеленоватый дым. Некоторое время его электронные потроха еще жили, ствол грозного орудия дергался из стороны в сторону, ролики в гусеницах бешено вращались, но в разные стороны, каскадная пушка превратила в стекло песок на ближайшем склоне. Но тут равнодушная и почти неуязвимая автоэкспертная система, обследовав повреждения, признала их несовместимыми с жизнью. И дала сигнал программе самоликвидации. Раздался еще один мощный взрыв. Танк словно распух изнутри, плоская башня подскочила вверх и грузно свалилась с изувеченного корпуса, словно перевернутая черепаха.

Эргемара оглушило взрывной волной и изрядно засыпало песком. Опираясь на бесполезную уже трубу гранатомета, он медленно встал, очумело озираясь по сторонам. Над полигоном поднимались столбы черного дыма. Крепость на утесе лишилась половины башен, там тоже что-то горело и взрывалось. Из-за дюн доносился отдаленный ров моторов.

— Драйден, Драйден!

Даксель, выглянув из-за корпуса бронеавтомобиля, махал ему, и Эргемар, в голове у которого тяжело и натужно ворочались мысли, наконец, осознал, что бой еще не закончен, и ему не стоит

стоять у всех на виду с трубой гранатомета в руках.

Отбросив в сторону использованное оружие, он поспешил в укрытие. Внезапно его здоровую ногу пронзила острая боль. Не видя ничего вокруг, Эргемар с размаху вступил внутрь присыпанной песком шины. Его резко повело в сторону, а неуклюже зацепившаяся за скат лодыжка осталась где-то далеко позади…

— Похоже, перелом, — подвел неутешительный итог Даскель, в конце концов затащивший Эргемара под автомобиль. — Лежи, я найду кого-нибудь!

Даксель вернулся только через полчаса, и у обоих наверняка это были самые долгие полчаса в жизни. Танки пришельцев, потеряв при форсировании пролива и высадке около дюжины машин, прошли дальше, к Тороканским Воротам, и оставшимся в живых было позволено позаботиться о тех, кто еще не умер.

Было относительно тихо, боль в лодыжке накатывалась и откатывалась волнами, небо понемногу прояснялось, в сплошном облачном слое показались разрывы. И Эргемар не сразу понял, что пришла помощь, не сразу услышал над головой голоса на чужом языке, только почувствовал, как его осторожно приподнимают с земли и укладывают на носилки.

— Мы сделали его, — сказал он по-гордански склонившемуся над ним гранидскому офицеру. — Мы сделали его, я из Горданы, а он – баргандец.

Это сейчас было для него самым важным.

— Хорошо, хорошо, — успокоил его офицер на неплохом баргандском. — Сейчас будет врач.

Взорванный танк сразу повысил интерес к Эргемару с Дакселем. Пока Эргемару фиксировали сломанную ногу, трофей успели осмотреть сразу несколько каких-то высоких чинов. Затем Даксель рассказывал, как это было, Эргемар согласно кивал, а офицер, приведший помощь, был переводчиком. Наконец все угомонилось. Эргемара на носилках понесли куда-то вглубь полигона и, наконец, погрузили в небольшой санитарный автомобиль. Даксель забрался вслед за ним.

— А мы все-таки молодцы, — сказал тогда Эргемар Дакселю. — Надо же, два пиджака грохнули целый танк!

Даксель долго молчал.

— А я вот думаю только о том, как мне было страшно, — сказал он. — И когда ждал твоего выстрела, и до того. Просто чувствуешь себя как оплеванный. Я в жизни так не боялся, а меня считают героем. Ужасно!

— А думаешь, я не боялся? — хмыкнул Эргемар. — Да я в

штаны только потому не наложил, что было нечем. А ногу потом как глупо сломал?! Но мы ведь действительно взорвали его, правда?!

— Правда, — сказал Даксель.

Глава 18. Символы перемен

Без сомнения, нужно что-то необычное, чтобы собрать в одном месте одного короля, семь президентов, двух вице-президентов, десять премьер-министров и целый легион их советников, переводчиков и прочего околовластного люда. И уж совсем экстраординарное, если учесть, что все это происходило в официальный выходной день около семи часов утра по местному времени.

Большой Обеденный Зал, занимающий треть первого этажа в Доме Мантериса, был переполнен. Разговоры на двадцати языках, черные фраки дипломатов, белые костюмы официантов, разносивших подносы с завтраками и напитками, разноцветное мельканий погон, эполет, нашивок и орденов на мундирах военных придавали собранию вид какого-то причудливого карнавала. Несмотря на усталость после трех дней заседаний, затягивающихся далеко за полночь, настроение у всех было приподнятое. Еще бы – через несколько минут должна была начаться торжественная церемония подписания двух соглашений, не имеющих аналогов в истории Филлины: о формировании многонациональных сил под единым командованием для борьбы с пришельцами и о создании постоянно действующего Межнационального Консультативного Комитета (сокращенно "Межком") с широкими полномочиями, предназначенного для разрешения глобальных проблем и межнациональных конфликтов.

Это был час триумфа, и Кир Калансис, наконец, позволил себе немного отдохнуть от изматывающей роли хозяина этого многолюдного сборища и председательствующего на многочасовых заседаниях. Пристроившись у стены и постаравшись, как ему казалось, сделаться максимально незаметным, он вел неторопливую беседу с премьер-министром Арахойна – государства, с которым Чинерта граничила на северо-западе.

Беседа шла без переводчика, на чинетском. Архойский премьер, в далеком прошлом армейский офицер, выучил язык за три года пребывания в чинетском плену во время войны и теперь с гордостью демонстрировал свои познания и превосходную память.

Сам факт такой беседы между первыми лицами Чинерты и Арахойна уже можно было рассматривать как некий символ перемен, пока не ясных, но отчетливо ощущаемых всеми

участниками конференции. Чинерта и Арахойн всегда были врагами. Ни одна, ни другая страна не забывала, что именно постоянные архойские набеги заставили объединиться разрозненные степные чинетские племена кочевых земледельцев, которые затем разгромили Арахойн, оттеснив архойцев на северо-запад – в болота, леса и тундру, а на отвоеванных землях создали свое королевство.

С тех пор прошло больше семисот лет. Архойцы понемногу прижились на новой родине. Как оказалось, под их болотами плескалось целое море нефти, а в заснеженных горах на севере в изобилии встречались и золотые жилы, и пригодные для разработки месторождения практически всех применяемых в промышленности металлов. Но древнюю обиду время от времени доставали из старых сундуков и пыльных манускриптов, стряхивали с нее пыль, и очередная армия шла воевать Чинерту. Чинеты эту армию благополучно отбивали, между соседями снова воцарялся непрочный мир, а через несколько лет или десятилетий все опять начиналось сначала.

Во время последней войны Арахойн сражался на стороне Барганда и Картагонара, но опять потерпел поражение. На этот раз старая вражда не утихла вместе с боевыми действиями, и даже после подписания мирного договора Арахойн демонстративно ограничил отношения с Чинертой необходимым минимумом.

И тут эта дружеская беседа… Словно и не было тех семи с лишним столетий, когда чинеты и архойцы точили клинки друг против друга…

— …Все-таки скажите, это вы написали преамбулу к Декларации? — хитро улыбаясь, спросил архоец, старательно выговаривая чинетские слова. — Я с удовольствием читал вашу газету, когда вы были ее главным редактором. Я узнаю ваш стиль. Так?

Кир Калансис слегка улыбнулся и молча отпил из чашки с лакином.

— Нет-нет, не поймите это превратно. Просто мне действительно очень понравилось. Особенно тот абзац, который начинается со слов: "Среди нас больше нет врагов, соперников или потенциальных противников…" К сожалению, это слегка теряется при переводе.

Калансис снова улыбнулся.

— Мне всегда хотелось, чтобы Декларация была написана как можно более четким и ярким языком. Она должна запоминаться. Ее должны публиковать, читать, изучать. Как можно больше, как можно чаще. Всякая новая идея нуждается в пропаганде,

особенно, такая новая, необычная и радикальная как наша.

— Насчет необычности вы правы. Признаться, еще год, да какой там год, еще месяц назад я и подумать бы не мог, что архойские войска может повести в бой чинетский маршал, а скажем, наш спор с Да-Джаннаем о полосе Арузу будет решаться в столице Солера. Вы чувствуете себя участником исторического события? Я чувствую. И думаю, пройдет совсем немного времени, и нашу Декларацию станут печатать в школьных учебниках, а историки именно с этого документа начнут отсчитывать начало эпохи чинетской гегемонии.

Кир Калансис еле слышно вздохнул.

— Нет, я решительно не понимаю, почему в последние двадцать лет все так упорно прочат нас на место баргандцев. Как официальное лицо, заявляю, Чинерта не собирается и не будет вмешиваться в дела стран Приморья. И она вовсе не претендует на роль какой-то глобальной силы, стоящей над миром. В конце концов, у нас столько территории, нуждающейся в освоении, что нашим потомкам хватит этого занятия еще на пару столетий.

— Нет, здесь вы не правы, — возразил архоец. — За последнее столетие Чинерта стала неотъемлемой частью Приморья. И причем, чертовски большой частью.

— Не стоит преувеличивать наши размеры. Больше половины наших земель приходится на непроходимые леса и тундру, где народу наберется едва столько же, сколько в одном отдельно взятом городе Самодонесе.

— Все равно. Поверьте мне, я занимаюсь политикой больше тридцати лет. А по образованию я историк. То, что мы называем цивилизацией Срединного моря, представляет собой соединение слишком большого числа слишком разнородных элементов. Двадцать государств, около полусотни народов, относящихся к четырем языковым группам, плюс вилкандцы и солерцы, которые вообще ни на кого не похожи. Плюс три из четырех мировых религий, каждая из которых делится еще на несколько течений, не всегда склонных с терпимостью относиться друг к другу. К тому же, с двух сторон мы ограничены океаном, с третьей – пустыней, а с востока нас, извините за выражение, как пробкой затыкает ваша Чинерта. Чтобы поддерживать мир в этом муравейнике, нужен кто-то достаточно сильный, чтобы в нужный момент треснуть кулаком по столу. Вспомните историю. Относительный порядок в Приморье существовал, пока сильны были баргандцы. А до них – Тогродская империя. А еще раньше – Да-Дзаннон. А в смутные времена междуцарствий весь регион погружался в анархию и кровавый хаос.

— Я думаю, не стоит сравнивать наше время с седой

древностью. Сейчас очень сильно общественное мнение, всегда настроенное против войны. К тому же, современное оружие слишком разрушительно, чтобы кто-то решился применить его.

— То же самое говорили и после изобретения пулемета. Но что бы то ни было, мне кажется, вы убедились, каким авторитетом пользуется сейчас Чинерта. И по моему мнению, вам нужно было настоять, чтобы штаб-квартирой Межкома стал Самодонес, а не Ян-Кайлен. И если вы не согласны, давайте пригласим на роль арбитра самое заинтересованное лицо. Ваше Величество, извините, можно вас на минутку?…

Его Величество король Солера, невысокий и светловолосый, как и большинство его подданных, вежливо раскланявшись со своими собеседниками, повернулся к премьер-министру Арахойна и Киру Калансису.

Солер – страна, где он правил, была государством, примечательным со многих точек зрения. Солер был совсем невелик – двадцать четыре тысячи квадратных километров хребтов и долин в центре Аронда́кских гор, отделяющих Вилканд от Граниды. Но это был настоящий оазис мира и спокойствия среди вечно бурлящего Приморья.

История государства Солер насчитывала свыше трех тысяч лет, но за это время никто особенно и не пытался его завоевывать. Тогродцы, баргандцы и все прочие завоеватели калибром поменьше предпочитали использовать свои армии с большей пользой, чем бросать их на штурм отлично укрепленных узких ущелий и труднопроходимых перевалов, где десять воинов легко могли задержать тысячу, ради малоплодородных гор и долин, где к тому же сроду не водилось ни золота, ни драгоценных или даже полудрагоценных камней.

Богатство Солера заключалось не в золоте. В окружающих горах были огромные залежи угля, были железо и никель, что позволило солерским кузнецам первыми в мире раскрыть секрет производства нержавеющей стали и прославить качество солерского оружия по всему континенту.

Вооруженные этим оружием, многие солерские юноши, которым было скучно в родных горах, нанимались к правителям соседнего Вилканда, где составляли полки панцирной пехоты, славящейся своей дисциплиной и стойкостью. Эта традиция не умерла до сих пор, и в последнюю войну солерская отдельная дивизия сражалась с Баргандом в составе вилкандской армии.

Однако сам Солер, хотя отдельные его граждане и могли участвовать в войнах, с похвальным постоянством придерживался нейтралитета во всех конфликтах, потрясающих Приморье.

Поэтому солерская столица Ян-Кайлен часто использовалась враждующими сторонами для мирных переговоров, а могущественные международные банки из "большой тридцатки" разместили там свои головные офисы.

В справочниках Солер значился конституционной монархией, хотя существовавшая в нем система правления не имела аналогов в Приморье. В отличие от своих коронованных "коллег", уже давно не оказывающих реального влияния на государственные дела, солерский монарх имел у себя дома полномочия, сравнимые с правами президента в парламентско-президентской республике. Избирался король парламентом, как правило, из числа отпрысков правящей фамилии, а затем его полномочия подтверждались (или не подтверждались) каждые пять лет.

К числу направлений, традиционно являющихся прерогативой Его Величества, относилась и внешняя политика, поэтому никого не удивляло, что именно король стал главой солерской делегации на конференции в Самодонесе…

— Я извиняюсь, — сказал король по-чинетски (подобно всем принцам правящей династии, он получил превосходное образование в области экономики, управления и юриспруденции и свободно говорил на шести языках). — Но вы говорили довольно громко, и я поневоле слышал ваш спор. И знаете, господин премьер-министр, президент Калансис проявил большую мудрость, предложив разместить Межком именно в Ян-Кайлене. Организация с такими широкими полномочиями должна подчеркивать свою беспристрастность, наднациональность и нейтральность. И я бы предложил, чтобы председатель Межкома всегда был представителем какой-нибудь малой страны. Национализм – страшная сила, господин премьер-министр. Нам необходимо преодолеть его, чтобы выжить, но кто знает, сколько десятилетий на это потребуется. И нельзя давать ему никакого шанса. К тому же, вашему парламенту, очевидно, трудно было бы ратифицировать договор, предусматривающий размещение Межкома в Самодонесе.

— Не забывайте и об энергии атомного распада, — добавил Кир Калансис. — Если ученые правы, на ее основе мы можем получить оружие, по своей силе многократно превосходящее все, что существовало до сих пор. Поэтому мне особенно хотелось поставить исследования в этой области под контроль Межкома. Межкома, а не Чинерты. И я очень рад, что в этом меня поддержал президент Вилканда. Уже завтра в исследовательский центр в Муизе отправится группа чинетских ученых.

— Здесь вы правы, — согласился архоец. — Такое страшное

оружие, действительно, никогда не должно применяться филитами против филитов. А имея его, мы могли бы разговаривать с пришельцами на более понятном для них языке.

— Я бы предложил поставить под контроль Межкома и космические исследования, — добавил Его Величество. — В частности, слить воедино все национальные программы ракетостроения, как это предлагается сделать для атомной энергии.

— Не все сразу, — развел руками Калансис. — Мне казалось наиболее важным создать Межком и договориться об энергии распада. А о ракетной технике можно будет поговорить и попозже.

— Согласен, — кивнул архоец. — К тому же, эти вопросы следует решать и при участии Горданы. Насколько я знаю, они очень активно занимаются ракетами.

— Я вчера получил послание от президента Кирстена, — сказал Калансис. — Он, в целом, поддерживает идею Межкома, но пока воздерживается от присоединения к Декларации. Он пишет, что в обществе и парламенте Горданы слишком сильны изоляционистские настроения. Кроме того, — несколько секунд Калансис колебался, не сказать ли об ультиматуме пришельцев, — …кроме того, я верю в такую вещь как международное научное братство. Я думаю, что горданские ученые не останутся в стороне от дела, которым занимаются их коллеги.

— Научное братство… — задумчиво повторил Его Величество. — И все же, я вернусь к вашему разговору с господином премьер-министром. В одном он, безусловно, прав. Хотите вы этого или нет, но наша конференция стала очень серьезной заявкой Чинерты на мировое лидерство. И эта заявка принята. Приморье, может быть, не так нуждается в авторитете силы, сколько в лидере, который возглавил бы борьбу против пришельцев и процесс мирового объединения. Созвав конференцию, предложив создать Межком и многонациональные силы и получив на это всеобщее одобрение, вы, господин президент, и стали таким лидером. И это бремя вы должны нести до конца.

— Я даже не думал о таком, — немного растерянно признался Кир Калансис. — Идея о созыве конференции пришла мне в голову, когда президент Шуана Дингвайраут повсюду разослал своих эмиссаров с просьбой о помощи. Я просто предложил собрать всех в одном месте, и самым подходящим из таких мест мне показался Самодонес, как столица, наиболее удаленная от театра военных действий. Да и многонациональные

силы – это, скорее, мысль Дингвайраута, чем моя. Я только довел ее до логического завершения. Если хотите, вы можете спросить его об этом сами.

Высокий архоец, приподнявшись на цыпочки, внимательно оглядел зал.

— Не стоит, — наконец сказал он. — Господин Дингвайраут занимается сейчас государственным делом, причем, чертовски важным делом.

— Нас ждут большие перемены, — мягко заметил импозантный седовласый Кайер Дингвайраут, президент Шуана, аккуратно закушивая бутерброд с рыбой.

— Большие, — согласился его собеседник, премьер-министр Картая, массивный и пухлощекий, с серебряным пушком вокруг лысины.

Придя, таким образом, к консенсусу, оба государственных деятеля синхронно отпили по три маленьких глотка лакина из своих чашек.

— Неразумно, что две страны, так эффективно возродившие боевое братство, не могут придти к соглашению по другим вопросам, — забросил удочку президент.

Он ненавидел себя за эти слова, но другого выхода не было: это его страна была разорена и нуждалась в помощи. Он знал цену картайской помощи. Разорванная надвое провинция Галинель, которую считали своей обе стороны и во многом из-за которой они до сих пор не имели дипломатических отношений. Владея всеми нефтяными полями Галинеля, Шуан из импортера нефти превращался в экспортера. Теряя Галинель, он терял все, если не считать нескольких незначительных или неразведанных месторождений в горах Гармо.

Картайский премьер сделал техническую паузу. Немедленно откусив от своего бутерброда, он механически жевал, глядя на человека, который девятнадцать лет назад без жалости и сожаления разрушил полуторатысячелетнюю империю. Разрушил, потому что после отпадения Шуана все стало возможным, и от Картая отделились все, кто мог или хотел.

Без галинельской нефти Шуан будет легко поставлен на колени. Навязать ему несколько нужных договоров, прикупить по дешевке десяток местных политиков, а потом, как умрет старый пират Дингвайраут, уже потом можно и…

Но что-то дрогнуло в душе старого прожженного политика. То ли память о двоюродном племяннике, летчике-истребителе, погибшем при атаке на корабль пришельцев, то ли сама атмосфера сегодняшнего дня – какое-то неуловимое, странное,

новое ощущение новой общности…

— Картай готов признать независимый Шуан в сегодняшних границах, — тихо сказал премьер-министр, не отводя взгляда.

Ценой этой короткой фразы была мечта. Мечта целого поколения возродить великолепную империю, сохранившую, вобравшую в себя и пропустившую через себя блеск и величие трех мировых цивилизаций.

— В сегодняшних границах, — повторил премьер, окончательно прощаясь с мечтой, и неожиданно для себя добавил. — А давайте на сегодня забудем наше высокое искусство дипломатической беседы и поговорим как простые люди. Просто как люди…

И все вдруг стало легко. Совсем легко.

— …Сначала пусть наши дипломаты подготовят договор, — говорил картайский премьер-министр. — Скажем, Договор о дружбе и границе, наподобие того, что мы имеем с Фидбаллором и Шапариром.

— А подпишем его в Ян-Кайлене, после открытия Межкома, — подхватил президент. — Это придаст церемонии должную торжественность.

— Правда, здесь есть одна проблема, — озабоченно заметил премьер-министр. — После того, как пропаганда с обеих сторон двадцать лет старательно разделяла наши народы…

— Ах, оставьте! У половины наших людей есть родственники по обе стороны границы, и те, у кого есть своя голова на плечах, будут только рады переменам. А остальные настолько привыкли лопать все, что им дают, что проглотят и это, даже не заметив разницы.

— Ну, для вас это легче. Говорят, вы являетесь, помимо всего прочего, единоличным главным редактором всех шуанских газет и распорядителем всех телеканалов.

— Вы немного преувеличиваете, — одними глазами улыбнулся президент. — Скажем так, я просто имею некоторое влияние.

— Хотел бы и я иметь такое влияние. Только, к сожалению, в нашей стране порой слишком буквально воспринимают демократические свободы, завоеванные нашим народом при провозглашении республики.

— Тогда, если вы хотите, сделаем все постепенно. Сначала, например, откроем границы, затем наладим культурный обмен. Насколько я слышал, слава Эрвайнского Императорского театра нисколько не померкла с закатом империи.

— Идет! А как мне известно, все трудности, испытываемые вашей страной, совершенно не сказались на мастерстве шуанских

фокусников и канатоходцев…

Осталось только добавить последний штрих, и многоопытный президент неуловимым движением снял с подноса пробегавшего мимо официанта два бокала с искрящимся альбенским.

— За сегодняшний день! День свершений, когда новое властно меняет мир, невозможное становится возможным, а вчерашние недруги превращаются в союзников!

— Последнее вы очень верно подметили. Взгляните, хотя бы, вон на ту пару…

Эту пару трудно было не заметить. Вице-президент Гранидской республики маршал Чимбу в расшитом золотом белоснежном парадном мундире и премьер-министр Барганда Челнер Маклент, даже в штатском костюме выделяющийся своей военной выправкой.

Со всеми предваряющими серьезный разговор любезностями было давно покончено, и собеседники перешли к обсуждению профессиональных вопросов.

— …Я полностью согласен с вами, маршал, времени у нас осталось мало, но мы быстро учимся. И учимся самому главному – единству. Например, я был даже слегка удивлен, что нам так быстро и легко удалось придти к согласию в выборе маршала Сертениса на должность командующего многонациональными силами.

— Вот это, по-моему, как раз не удивительно. Во-первых, надо было уважить наших гостеприимных хозяев-чинетов, а во-вторых, после вашего столь эмоционального выступления в его пользу…

— Ну, не мог же я упустить возможность в кои-то веки оказаться с ним на одной стороне, — засмеялся баргандец. — Тем более, что Итупирская операция мне до сих пор вспоминается… в ночных кошмарах!

— У маршала Сертениса очень нестандартное мышление, — согласился Чимбу. — Но по-моему, это именно то, что нам сейчас больше всего нужно. С пришельцами нельзя воевать по учебнику. Просто потому, что таких учебников не существует.

— Но согласитесь, в другое время каждый из нас десять раз бы подумал, прежде чем отдавать своих солдат под командование иностранцу. Да и кандидатов нашлось бы более, чем достаточно. Например, вы, думаю, еще могли бы тряхнуть стариной.

— Или вы.

— Ну, не будем сравнивать. В отличие от вас, я почти всю войну прокомандовал только танковой бригадой. А когда мне после Итупира дали корпус, исправных танков в нем было

меньше, чем в довоенном полку.

— Не прибедняйтесь. Еще не известно, как бы все повернулось, если бы вашими войсками командовали молодые генералы вроде вас, а не старые маразматики. Ту войну ведь выиграли сорокалетние. Маршалу Сертенису в год ее окончания едва исполнилось сорок два, вам – сорок три, мне – сорок пять, вилкандскому фельдмаршалу Ренио – сорок шесть, ну а маршал Станну был постарше всех нас – ему стукнуло аж сорок девять.

— Дело прошлое, — вздохнул Маклент. — Все равно я сейчас не влезу ни в один танк. Да и служба моя давно закончилась – в нашей стране, чтобы чего-нибудь добиться, надо было уйти в отставку. Как правило, народ не прощает армии проигранных войн.

— У нас было по-другому, — хмыкнул маршал. — У нас армия не простила правительству проигранного мира.

Пауза.

— А все-таки, ужасно трудно управлять этими штатскими, — со странной полуулыбкой вдруг сказал Маклент, и было непонятно, шутит он или нет. — Они все такие недисциплинированные, своекорыстные и своенравные.

Маршал Чимбу внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы поступили очень умно, вовремя сняв мундир, — признал он. — А мы – нет. Когда наш маршал Станну призвал нас, мы вышли из казарм, чтобы принести стране то, в чем она, видит Единый, так нуждалась – порядок. И как мы ошиблись. Наш порядок оказался не тем порядком, я понял это, когда мы начали расстреливать и сажать недовольных в тюрьмы, забыв, что десять лет тюрьмы – это не то же самое, что десять суток гауптвахты для нерадивого солдата. И нам давно пора уходить, но мы боимся, зная, что придется ответить и за то, что мы натворили, и за то, что мы так и не сделали… И только бы мы сумели выиграть войну против пришельцев. Тогда мы бы ушли достойно. О небо, как мне сейчас хочется уйти достойно…

Стремительно вывинтившийся из толпы секретарь удачно вклинился в паузу, протянув маршалу депешу, И баргандский премьер поразился, насколько быстро его собеседник посерьезнел и внутренне собрался.

— До конца церемонии не оглашать, — приказал он секретарю и, повернувшись к Макленту, пояснил. — Началось. Только что пришельцы высадились на полуострове Тороко.

— Можете твердо рассчитывать на нашу поддержку, — заявил премьер-министр. — Как только вам понадобится, мы готовы предоставить вам помощь людьми, танками и самолетами.

— И самолетами? — удивился маршал. — Вы что, втихую

нарушали лимеоланское соглашение?

— Нет-нет, — улыбнулся премьер-министр. — Количество машин у нас никогда не превышало оговоренного предела. Просто на наших авиазаводах рядом с линиями сборки всегда действовали и линии по разборке. Если надо, через неделю у нас будет флот из тысячи самолетов.

— Но все это – только через неделю. А сейчас, помоги небо нашим солдатам – там, в Тороканских Воротах…

Глава 19. Тороканские Ворота

— Мой грозный та-анк вперед лети-ит! — раздавалось на весь отсек, громко и невообразимо фальшиво.

Но какое это имеет значение, и как объяснить это вам – тем, кто без шлемов, какое это упоение видеть, ощущать, чувствовать, как шестерка танков – триста с лишним тонн брони, оружия и умной электроники – мчится на полной скорости, покорная и послушная малейшему движению руки на управляющем джойстике!

Вы смеетесь?! Да нет, вы просто не знаете, что такое танк, несущийся с фантастической, неправдоподобной скоростью в семьдесят пять километров в час! Какое это невероятное ощущение скорости или, вернее, силы, помноженной на скорость – в физике это называется импульс. И как отлетает назад и в стороны чужой инопланетный пейзаж – поля, перелески, дороги, деревушки и снова поля, и с каким пренебрежением бросается под гусеницы танка все, что имеет наглость стоять на пути – деревца, заборы, какие-то сараи…

Впереди, на самой дороге, длинная двухэтажная коробка, обнесенная забором. Электромагнитная пушка со свистом выплевывает снаряд, и коробка рушится, подняв тучи пыли, и уже под гусеницами хрустят обломки, и изображение скачет вверх-вниз, когда танк-лидер переваливаясь, преодолевает препятствие.

— Отставить стрельбу! Не тратьте зря боеприпасы! И куда вы гоните – все равно в Тороканских Воротах нас уже давно ждут!…

— Ну и пусть себе ждут! Нам что, тоже ждать, сцепив зубы? Доберемся до Ворот – посмотрим, а пока – да здравствует скорость! И сила! И то, и другое вместе!

— Мой грозный та-а-анк вперед лети-и-ит!…

Самое трудное было ждать. Ждать, сцепив зубы. Раньше ему казалось, что выражение "пытка ожиданием" – не больше, чем красочное преувеличение, литературный прием, так сказать…

Зря казалось. Это действительно была растянувшаяся на четверо суток непрерывная пытка – пытка неизвестностью, пытка неопределенностью, пытка осознанием того, что твою судьбу определяет кто-то чужой, чуждый и непонятный.

А в промежутках – приведение в пригодный для жизни вид довоенных картагонарских укреплений, невероятно запущенных за девятнадцать лет, и бессонные ночи в сырых бетонных бункерах. И бесконечные учебные стрельбы из ужасно неудобного

и допотопного оружия, провонявшего тухлой смазкой, если, конечно, металл может чем-то провонять.

Кен Собеско, протянув руку, погладил толстую лоснящуюся рельсу – почти ласково. Оружие… Массивная установка для запуска неуправляемых противотанковых ракет, старинная, неуклюжая громоздила, хлам довоенный и – их единственный шанс на победу и выживание.

Этим установкам было около тридцати лет. Разрабатывались они в жуткой спешке в качестве ответа на появившиеся на вооружении картагонарской армии сверхтяжелые танки, на которые картагонарцы, всерьез рассчитывающие прорвать мощные гранидские укрепления за Тороканскими Воротами, возлагали какие-то романтические надежды.

Слов нет, смотрелись тогдашние супертяжи весьма грозно. Восьмидесятитонные трехбашенные махины, закованные в непробиваемую броню, имеющие на вооружение мощную гаубицу, две скорострельные пушки малого калибра и четыре пулемета, с экипажем из восьми человек. Вот только создать для них соответствующей мощности двигатели картагонарцам так и не удалось, посему парадная скорость бронированных чудовищ не превышала восьми километров в час, а глубокая лужа или канава метровой глубины были для них непреодолимым препятствием.

Гранидская установка для запуска противотанковых реактивных снарядов выглядела не менее массивной и неуклюжей, чем танки, для борьбы с которыми она предназначалась. Ее конструкторы просто взяли 150-милиметровый фугасный снаряд, снабдили его оперением и мощным ракетным ускорителем и поставили на рельсу-направляющую. Дальность у этой системы составляла несколько километров, но стрелять имело смысл не более чем на стометровую дистанцию, иначе рассеивание становилось просто запредельным. Требовала она для стрельбы двух человек, с трудом перемещавших эту бандуру по полю боя, плюс еще двое подносчиков, на руках перекатывающих тележку с двумя шестидесятикилограммовыми ракетами. Впрочем, как вполне серьезно считал Собеско, сделать больше одного выстрела из этой установки было бы большой удачей.

Все эти недостатки, правда, искупались тем, что снаряд в случае попадания в цель запросто проламывал лобовую броню картагонарских супертяжей, а прочие танки разрывал буквально в клочья. И когда танки пришельцев, которые не брало почти что никакое оружие, привели штабы всех уровней в состояние тихой паники, кто-то вспомнил об этих так ни разу не применявшихся в бою установках, до сих пор где-то валявшихся в глухих углах

заброшенных складов.

Говорили, что одну такую установку возили в Шуан, дабы испытать на выгоревшем изнутри остове танка пришельцев. Так это было или не так – неизвестно, а результаты испытаний напрямую зависели от фантазии рассказчика. Но, судя по той скорости, с которой эти музейные экспонаты, прозванные кем-то мухобойками, каковое название немедленно прижилось, были извлечены с богом забытых складов, что-то в этом, бесспорно, было…

"Так или иначе, — мрачно подумал Собеско, — меньше чем через час все станет ясно. Если, конечно, пришельцы дадут испытать мухобойки на своих машинах, а не примитивно раздолбают все с воздуха".

Бывший военный летчик, Собеско чувствовал себя в роли пехотинца крайне неуютно. Не помогала даже мысль о том, что более надежного укрытия, чем их дот – броневой колпак под полутораметровым перекрытием фортификационного железобетона – пожалуй, и не найти.

Этот дот, снаружи выглядевший как обычный пригорок, поросший пыльным бурьяном и пышно звавшийся семнадцатым фортом второй линии, был частью довоенного картагонарского укрепрайона. Строить картагонарцы умели. Под землей здесь скрывался целый многоярусный город со своими складами, электростанциями, казармами и госпиталями. На земле – имел место грандиозный фортификационный ансамбль из нескольких линий мощнейших укреплений, способных устоять даже под массированными бомбардировками.

Прорывать эту полосу обороны никто и не пытался. Полуостров Тороко взяли десантники и морпехи, а картагонарский гарнизон, засевший под землей, благополучно просидел в окружении до самой капитуляции. После войны срывать укрепления не стали – хватало и иных забот – и за два десятилетия они пришли в совершенное запустение. Часть нижних этажей была затоплена, кое-где еще можно было нарваться на мину, а для местного населения укрепления поставляли сюжеты для многочисленных слухов и легенд – от бродячих призраков до скрывающихся в подземельях шапарирских фанатиков, считающих гранидскую армию нечестивым воинством бога тьмы Хыгураша и все еще ждущих прихода своих.

За четверо проведенных здесь суток Собеско не видел ни призраков, ни фанатиков-шапарирцев, ни иных необъяснимых явлений, но ход в нижние помещения был, тем не менее, закрыт тяжелой стальной дверью, заходить за которую очень не

рекомендовалось. К тому же, вместо положенного по штату семитысячного гарнизона укрепления в настоящий момент занимали всего несколько сотен добровольцев, уже прозванных каким-то идиотом из управления пропаганды Отдельным полком Стражей. Несколько сотен почти смертников, оказавшихся здесь самыми разными и причудливыми путями.

В доте, называемом семнадцатым фортом второй линии, находились шестеро Стражей или, как мрачно шутил Собеско, неожиданно оказавшийся старшим в этой группе, шесть придатков к трем мухобойкам.

Совсем рядом с Собеско, прислонившись к стене, сидя дремал его напарник или, говоря по-армейски, первый номер, лейтенант в отставке Эстин Млиско, высокий черноволосый худощавый человек лет тридцати пяти – сорока с таким же, как у Собеско, въевшимся в кожу тропическим загаром и узким, немного впалым, но в целом, ничем не примечательным лицом.

Примечательной у Млиско была биография. Будучи на несколько лет старше Собеско, он шестнадцатилетним парнишкой сбежал на фронт. Цепь невероятных случайностей привела его в отряд коммандос, где он успешно провоевал всю войну, вышел живым из десятка опаснейших передряг, заслужил почетное прозвище Счастливчик Стин и, в конце концов, стал, наверное, одним из самых молодых офицеров в гранидской армии.

Демобилизованный после войны девятнадцатилетний лейтенант, подобно многим другим фронтовикам, не смог найти себе подходящего места на гражданке. Пробовал поступить в полицию, но не ужился там с начальством и многочисленными инструкциями и предписаниями. Затем чуть было не примкнул к ганглоанцам-террористам, но религиозные фанатики вызвали у него не меньшее отвращение, и дело закончилось нешуточным побоищем.

Поставленный перед необходимостью срочно покинуть страну, Млиско повернул свои стопы на юго-восток, к Круглому океану, где всякий, не боящийся риска и умеющий обращаться с оружием, мог легко найти себе занятие по душе в многочисленных королевствах, княжествах и вольных городах. Нашел себе там место и Млиско, после многочисленных приключений осевший в каком-то средневековом микрогосударстве в ранге капитана дворцовой охраны. Там его каким-то образом и нашло письмо от сестры, которой он с оказиями изредка отправлял весточки о себе.

Известие о тяжелой болезни матери огорчило Млиско, но не до такой степени, чтобы бросить все и возвращаться в Граниду.

Но тут, в силу некоторых обстоятельств, ему пришлось спешно расстаться как со своим постом, так и с приютившей его страной, и снова осваивать ремесло солдата удачи. Немного поразмыслив, благо бежал он не с пустыми руками, Млиско решил сделать паузу и на время отправиться домой, тем более, что все сроки давности уже истекли.

Мать за это время назло врачам раздумала умирать, прочее семейство встретило непутевого героя с восторгом, и Млиско решил никуда больше не уезжать. Осмотревшись, он вошел со своим капиталом в крупную охранную фирму, начала наклевываться женитьба, но… Но тут появились пришельцы, мимо которых Млиско, по своей живости характера, пройти никак не мог.

Более надежного напарника трудно было себе представить, хотя Собеско, по-настоящему никогда не нюхавший пороха, да еще и летчик, чувствовал себя весьма неудобно, оказавшись командиром над Млиско с его громадным боевым опытом. И уж конечно, завидовал Собеско стальным нервам напарника, спокойно дремлющего или делающего вид, что дремлет, прямо перед боем.

Встретившись взглядом с сидящим напротив Мзупси, первым номером второго расчета, Собеско улыбнулся, кивнув в сторону Млиско, но не дождался никакой ответной реакции.

Еще неделю назад интендант-майор Мзупси имел все основания быть полностью довольным жизнью – любящий сын, счастливый муж и отец, начальник продовольственного склада на крупной авиационной базе в полусотне километров к югу от гранидской столицы города Шилги. Всего этого он лишился в один час – когда бомбы и ракеты пришельцев стерли базу с лица земли, оставив в живых самого интендант-майора, но не пощадив ни склада, ни офицерского городка.

Сейчас это был сломленный человек с мертвым взглядом, живущий только ради надежды на мщение. Эта страсть овладела им полностью, не оставив места ни для чего иного, но она же словно соединила Мзупси с его оружием, заставив майора научиться перезаряжать неповоротливую и неуклюжую мухобойку так быстро, словно это был легкий пехотный гранатомет, и попадать из нее в цель как из снайперской винтовки.

И сейчас интендант-майор нежно баюкал на руках тяжелый снаряд, не обращая внимания ни на что вокруг, включая и своего второго номера рядового Лакни.

У Лакни, плечистого рослого парня лет двадцати, были большие, привычные к работе руки и широкое крестьянское лицо. Да и сам он был крестьянином – младшим сыном в большой

семье, подавшимся на заработки в город.

В городе Лакни по какой-то несчастливой случайности оказался в банде, совершившей несколько дерзких ограблений и с десяток убийств. Всех их взяли прошлой осенью. Большая часть бандитов была казнена, а Лакни, исполнявший роль мелкой шестерки, отделался десятью годами тюрьмы. Заключение он переносил очень тяжело, дважды пытался покончить с собой, и когда появились пришельцы, пожалевший его надзиратель посоветовал ему написать прошение об искуплении вины кровью. Прошение удовлетворили, и Лакни появился среди Стражей – старательный, услужливый, немного заторможенный, и никак не в состоянии поверить, что после боя его отпустят домой.

Пришельцев Лакни не боялся, поскольку ничего о них не знал и не пытался узнать. В данный момент он наслаждался жизнью, аппетитно поглощая кусок дорогой копченой колбасы с белым хлебом – кормили Стражей как на убой в полном смысле этого слова.

Глядя на третью пару, Собеско никак не мог преодолеть чувства досады и сожаления. Пири Шанви и Клюм Эванг – неразлучные друзья с одного двора, одной школьной скамьи – девятнадцатилетние солдатики-призывники; Эванг – добродушный увалень с фигурой штангиста, ростом под два метра и силой не уступающий Собеско, и Шанви – маленький живчик с неистощимой фантазией, способный пролезть куда угодно и достать все что угодно и в любом месте.

Естественно, Шанви был ведущим в этой паре и, конечно, именно ему пришла в голову блестящая идея о занимательном военном приключении. Четыре дня назад, увидев рядом с собой этих пацанов, Собеско не поленился сбегать к начальнику сектора и затем со страшными матюгами погнал Шанви и Эванга обратно в их тихую пехотную часть, где им оставалось дослуживать еще по году. Однако проныру Шанви так легко было не остановить, и уже на следующий день эта парочка вернулась в семнадцатый форт вместе с грозным окриком самого командующего Стражами "не препятствовать двум юным воинам в исполнении патриотического долга". Собеско тогда переглянулся с Млиско, много повидавший Млиско пожал плечами, и Шанви с Эвангом благополучно водворились на прежнее место.

Шанви при этом оказался очень полезным кадром – он, например, притащил в отведенный им для ночлега бункер целую дюжину довольно удобных и, главное, сухих матрасов, доставал где-то деликатесы, не входящие даже в усиленный паек Стражей, и, как подозревал Собеско, уже побывал в запретных нижних уровнях – иначе откуда бы мог появиться у Шанви

картагонарский офицерский бинокль в слегка заплесневелом кожаном футляре.

Сейчас все внимание ребят занимал именно этот бинокль, хотя, как с одобрением заметил Собеско, их мухобойка, уже готовая к стрельбе, была аккуратно прислонена к ближайшей амбразуре.

Сидящий рядом Млиско открыл глаза и громко сглотнул слюну, глядя на жующего Лакни. Протянув руку, он молча оторвал от краюхи хлеба солидный шмат и отрезал своим отточенным до невероятной остроты ножом кусок от батона колбасы, услужливо протянутого ему Лакни. Пример оказался заразительным, и через минуту все, кроме сидящего в прострации Мзупси, увлеченно жевали, почти не чувствуя вкуса. За этим занятием их и застал негромкий вой далекой сирены.

— Вот они, — со вздохом сказал Собеско, не спеша вставая на ноги.

Сердце вдруг заколотилось часто-часто, но взглянув на Шанви, явно ожидающего от него чего-то торжественного, Собеско облегченно улыбнулся.

— К бою, парень. Встретим, значит, врага грудью.

Насчет последнего Собеско преувеличивал. Картагонарцы, возводя укрепления, рассчитывали, что враг появится со стороны Ворот, а не из их собственного тыла, так что встречать врага грудью Стражам было затруднительно. Зато они могли поражать его во фланг и тыл.

В тесном отсеке дистанционного управления не нужны ни сирены, ни звонки, ни колокола громкого боя. В наушниках шлемов шелестит короткая команда – и танки сбавляют скорость, перестраиваясь из походной колонны в боевой веер, давя заборы, сады и домики некстати подвернувшегося поселка. Из одного такого домика, чуть ли не из-под гусениц танка, выскакивает женщина в платке и опрометью кидается к какому-то погребу. Тьма с ней, не до нее сейчас: спасется – ее счастье.

Двумя палубами выше отсека дистанционного управления, в боевой рубке, командир задумчиво смотрит на услужливо нарисованную компьютером карту. Вот оно, его поле боя. Точнее, не совсем поле. А еще точнее – совсем не поле, а весьма пересеченная местность. Бугры, похожие на курганы и прямоугольные насыпи, оплывшие и напоминающие пригорки. Ряды зигзагообразных траншей, глубоких как овраги, и овраги, узкие и отвесные как траншеи. Желто-ржавый суглинок, покрытый, как щетиной, цепким кустарником, корявые деревца с разбросанными в стороны кривыми ветками и корнями, похожие

на карте на миниатюрных паучков, и изжелта-зеленые неровные кольца осоки вокруг мутных луж во впадинах. И узкий шрам выемки с лежащими рядом автострадой и ниткой железнодорожного пути.

Вся местность ощутимо понижалась слева направо – от лабиринта изломанных скал, серых с прожилками черно-белого кварца и зеленоватым налетом лишайника и камнеломки, до пунктирной линии кромки тридцатиметрового обрыва, нависшего над узкой полосой глинистого пляжа. Понижалась она и к северу, где бугры и впадины внезапно сглаживались, а обрыв сначала подходил все ближе и ближе к скалам, а затем круто поворачивал почти под прямым углом и, прямой как по линейке, исчезал где-то за краем карты. Еще дальше к северу, за Тороканскими Воротами, суглинок пропадал под слоем почвы, скалы превращались в крутые холмы, одетые лесом, а равнину перечеркивали несколько широких дуг траншей и насыпей, преграждавших дорогу в привольную лесостепь.

Слов нет, филиты хорошо подготовились к встрече. Вон там, в скалах, видны артиллерийские позиции, замаскированные, конечно, но замаскированные по местным стандартам. Вон те траншеи, за Воротами, буквально забиты металлом, а в той роще прячется, вернее, это им кажется, что прячется, большая группа танков – так и светят в инфракрасном диапазоне. И еще детекторы показывают обширные подземные пустоты и следы металла перед Воротами, прямо под теми насыпями и буграми. Вообще-то, ни спутники, ни беспилотники-наблюдатели не отмечали там никаких признаков деятельности, но обострившаяся интуиция упорно указывает и указывает на это кажущееся безжизненным суглинистое неудобье.

Целую минуту командир напряженно размышляет. Может, задержать танки, дождаться "Молний", пока еще сопровождающих транспортную колонну к кораблю, и предварительно обработать подозрительную местность бомбами и ракетами? Но нет, зачем терять время? И что на этой планете в состоянии остановить бронированный кулак из тридцати восьми "Громовержцев" и пятидесяти пяти "Охотников"? Нет такой силы. И вряд ли будет. А на крайний случай, хватит оставшихся в наличии беспилотников и двух девяток "Молний", благо авиации противника не видно пока и не слышно что-то…

И танки идут вперед, не маскируясь и даже не скрываясь. А зачем им скрываться? Силе не надо прятаться. Все равно, исход известен.

Командующего обороной Ворот маршала Моностиу

охватывает чувство, похожее на дежа-вю. Ведь это уже было, было когда-то давно, больше двадцати лет назад, когда на Ворота так же надвигались ряды вражеских танков, а за ними, одна за другой, ползли редкие цепи картагонарской пехоты.

И его командный пункт – все тот же подземный, вернее, подскальный бункер. Телефоны, штабные офицеры, планшеты из плексигласа… и ряды перископов, из-за чего зал напоминает командный отсек подводной лодки. Адъютант прибегает с очередным донесением, но маршал, молча отстранив его, приникает к массивному наглазнику. Карты сданы, все остальное уже не имеет значения. Этот бой будет скоротечен, опыт трехлетнего противостояния в Воротах в нем почти бесполезен, импровизации неизбежны, да и видеть приближающегося противника, согласитесь, совершенно необходимо. И заставляет работать не только память, но и мысль.

Он до самого конца не верил, что пришельцы пойдут через Ворота. Ловушка была слишком очевидна; чтобы это понять, не надо было быть великим стратегом, хватило бы и одного взгляда на карту. Но они решились. Решились, зная, что для них подготовлена западня, и зная, что если их не удастся остановить здесь и сейчас, при самых благоприятных условиях, какие они могли предоставить защитникам, их уже не удастся остановить никогда и нигде…

Во время войны маршал прославился как мастер оборонительных сражений. Под его командованием были отбиты четыре штурма Ворот, он отстоял окруженный с трех сторон город Аррас, он защитил Гитшианский плацдарм, его войска, наконец, остановили последнее в той войне наступление картагонарцев на блокированный Тюйер. Маршал всегда понимал своего противника – это было одним из секретов его побед. Понимал и сейчас. Пришельцы представлялись ему в виде тупого бездумного тарана, упрямо и непреклонно пробивающего себе дорогу куда-то в бесконечность, не замечающего препятствий, не жалеющего себя и не опасающегося противника.

Тупого. Вот самое подходящее слово. Что-то мешает считать их фантастические, обходящиеся без экипажа боевые машины полностью автономными и автоматическими, но пришельцы в бою действуют шаблонно, без выдумки, тупо полагаясь на свою сверхсилу и применяя одни и те же приемы. В Шуане им противостояли разрозненные учебные дивизии внутренних округов – резервисты и новобранцы, не имеющие ни тяжелого вооружения, ни боевого опыта, ни времени на подготовку. Такому противнику можно было позволить наносить первый удар, не опасаясь за последствия. Позволят ли они это сейчас? Ведь вся

стратегия обороны основывается на одном-единственном предположении: *пришельцы никогда не открывают огонь первыми*.

— Разберите цели, командует старший-один. — Первый, седьмой, одиннадцатый, как только выйдем на гребень, ослепите их парочкой залпов. Остальным быть наготове. И пусть только какая-нибудь шавка попробует на нас тявкнуть…

Операторы смеются. Это уж точно, мало не покажется.

— Подходят, подходят, — шелестит в тиши командного пункта.

Еще несколько минут, и танки противника поднимутся на невысокий гребень, обрывающийся пологим спуском на сухую глинистую землю перешейка. Маршал обводит взглядом связистов и штабных и слегка кивает. Лишние команды здесь не нужны. Все и так знают свою задачу. Рации оживают, и эфир забивается морзянкой.

Позиция – малюсенький пятачок в скалах. Услышав сигнал, старший лейтенант Альдо Моностиу бросает вниз рубильник, замыкая цепь, и его реактивная установка со страшным воем начинает выплевывать снаряд за снарядом. Проворно спускаясь по металлическим скобам вслед за солдатами расчета в узкую щель-укрытие, он успевает подумать, что отец, очевидно, знает, что он здесь, и теперь он, наверное, перестанет постоянно напоминать ему, что, мол, в его годы был уже подполковником. Если, конечно, оба они останутся живы…

Воздух наполняется грохотом, свистом и воем. С позиций в скалах ведут огонь по пришельцам несколько батарей реактивных минометов. Из-за Ворот ухают крупнокалиберные гаубицы. Чуть с опозданием вступают в бой линкоры "Шилги" и "Акес" и шесть крейсеров, засыпающие указанный на картах квадрат снарядами главного калибра. Немного поодаль – дряхлая, еще довоенной постройки авиаматка "Морской Орел", оснащенная катапультами для запуска трех десятков легких самолетов: когда-то – гидропланов-торпедоносцев, потом – беспилотных мишеней, а сейчас – снова боевых истребителей, ведомых опытными пилотами и вооруженных установками для запуска реактивных снарядов.

Еще должно быть воздушное прикрытие, но его не будет. Три аэродрома, на которых тайно сосредоточено свыше двухсот истребителей, разбомблены пришельцами на рассвете. Это не слишком понижает шансы на успех, меланхолично думает маршал Моностиу, но может негативно сказаться на шансах на

выживание. И без того не слишком высоких.

Конечно, командир понимал, что филиты постараются остановить его танки всеми возможными средствами. В конце концов, выявить эти средства и было его основной задачей. Не ожидал он только того, что они окажутся такими мощными.

Особенно поразили его корабли. Впоследствии, еще раз внимательно просмотрев запись боя, он с ужасом будут смотреть, как снаряды главного калибра линкоров разносят его хваленые танки в мелкие дребезги, и тихо порадуется, что их огонь окажется не слишком продолжительным.

Возможно, маршал Моностиу правильно подозревал суперофицера-один Пээла в недостатке воображения, но мгновенно принимать правильные решения в боевой обстановке командир умел. Не сплоховали и операторы, поспешным отступлением выведя танки из-под огня кораблей и бросившие беспилотники на штурмовку гаубичных батарей. Одновременно на танках заработали зенитные установки, готовые встретить самолеты, запущенные с "Морского Орла".

В это же время одна девятка "Молний" проносится над скалами, обрабатывая ракетами все подозрительные места. Вторая – обрушивается на корабли. На самолеты противника "Молнии" на этот раз не отвлекаются – для этого их слишком мало. Но для других целей – вполне достаточно.

— Какому идиоту пришло в голову белить потолок на КП? — маршал безуспешно пытается стряхнуть известку сначала со своего мундира, а затем с фуражки.

Одно дело – предвидеть ответный удар и совсем другое – попасть под него. Даже под краешек. В перископы ничего не разглядеть – всю скальную гряду заволокло дымом. Не дымом – пылью. Облака пыли, тучи пыли, завеса пыли. И щебень осыпей.

И сердце вдруг начинает частить, сбиваясь с ритма. А в голове стучит, словно сошедший с ума метроном, — Аль-до, Аль-до, Аль-до…

И может быть, уже поздно сожалеть, что он слишком жестоко относился к сыну, отказывая ему в собственной судьбе и видя в нем только копию самого себя, притом, улучшенную копию…

Нет, командир не имеет права быть отцом. Пыль еще висит в воздухе, она будет висеть еще несколько часов, но самые крупные частицы уже осели, и в визире уже можно что-то различить.

Реактивные установки молчат. Неподвижные, требующие нескольких минут на перезарядку, они и были рассчитаны всего на один залп, и хорошо, что пришельцы этого не поняли. Но

может быть, укрытие…

Стоп. Батареи тоже молчат, а это намного хуже. Правда, почти все вражеские ударные беспилотники тоже лежат на изрытой взрывами земле рядом с искореженными орудиями с мертвыми расчетами, но маршал этого не видит. Не видит он и самолетов. Половина их недвижными грудами металла тлеет на земле – тлеет, поскольку самолеты в целях максимального облегчения имели запас горючего всего на несколько минут и, выпустив снаряды по танкам, должны были немедленно садиться прямо на воду по другую сторону перешейка. Что более удачливая половина и сделала.

За гребнем все заволокло дымом. Судя по продолжающимся разрывам снарядов, флот еще продолжает борьбу. Две девятки "Молний" роем разъяренных ос вьются над кораблями, окутанными вспышками зениток. Линкор "Акес", весь в огне и дыму, кренясь на правый борт, медленно погружается кормой. У линкора "Шилги" ракетами разворочена вся надстройка, но и носовые, и кормовые башни продолжают выплевывать снаряд за снарядом. Из шести крейсеров один тонет, склонившись набок, и головы людей прыгают на волнах как резиновые мячики. Второй, пораженный несколькими ракетами, горит по всей длине; еще один, тоже раненый и лишившийся хода, все садит и садит по танкам из своих орудий, пока не исчезает окончательно в огненном вихре взорвавшихся погребов.

Три крейсера, не имеющие серьезных повреждений, уходят на юг тридцатиузловым ходом, пытаясь увлечь за собой "Молнии", но их огонь по танкам скорее, беспокоит, чем приносит реальный ущерб, и "Молнии", экономя боеприпасы, не поддаются на уловку.

Авиаматка "Морской Орел", которую почему-то посчитали самым серьезным противником, получила чуть ли не дюжину попаданий и напоминает кратер вулкана, но каким-то чудом держится на воде и даже пятиузловым ходом тащится куда-то по направлению к берегу. Ее единственная пушечка на носу пытается стрелять по танкам, но это уже не серьезно, и "Молнии" тоже не реагируют.

И все же пришельцы отступили. Впервые. Маршал недовольно хмурится. Противник отступивший есть противник, наученный горьким опытом, противник опомнившийся, противник, получивший время на размышление. Противник, в конечном счете более опасный.

Хотя, если он правильно понимает пришельцев, вторую атаку они начнут сейчас же. Не подумав.

Командир отвлекается на несколько минут, принимая рапорт

от дежурного офицера о благополучном прибытии транспортного каравана, и снова хмуро смотрит на экран, на котором его потрепанное войско приводит себя в порядок и перегруппировывается. Потеряна треть машин, и хуже всего даже не это, а то, что теперь любая сволочь в штабе может назвать его тактический отход отступлением. Или – коварней и изощреннее – потерей темпа наступления.

Не то, что бы он жаловался на засилье недоброжелателей, но волею судьбы и начальства оказавшись на столь заметном месте, стоит ждать от любимых коллег и не таких пакостей. И хотя велик соблазн приостановиться, подождать, пока только что посланные на подмогу четыре девятки "Молний" перемешают с землей проклятый перешеек – на полной скорости они прибудут на место всего через стандартный час, — имперская военная доктрина признает только молниеносные наступления и стремительные прорывы.

И танки снова идут вперед. На малой скорости. Это максимальный компромисс, на который он может пойти в конфликте между необходимостью и интуицией, подсказывающей ему, что филиты в этом бою еще преподнесут ему немало неприятных сюрпризов.

Кажется, супер-один Пээл тоже начинает понемногу понимать противника.

Старший лейтенант Альдо Моностиу не верит своим глазам. Реактивная установка, конечно, наполовину засыпана щебнем, исцарапана, покрыта пылью и каменной крошкой, но цела. Цела и боеготова! Не теряя зря времени, старший лейтенант бросается сначала руками, по-собачьи, отбрасывать камни. Затем вспоминает, что можно и каской. Ему помогает сержант-наводчик. Остальные солдаты расчета уже скрылись из виду.

Конечно, хорошо, что начальство позаботилось о резервном боезапасе и для "одноразовых" реактивных установок. Но честное слово, оно могло выбрать и более доступное место, чем пещерка чуть ли не у самой воды, в которую надо спускаться по крутой и узкой тропинке. А потом и подниматься. С немалым и взрывоопасным грузом.

— Противник возобновил движение, — докладывает штабной офицер.

Но маршал уже и сам видит, как из дымной тьмы за гребнем начинают один за другим появляться танки. Их много. Меньше, чем было, но все-таки много.

— Шестьдесят два, — бормочет адъютант.

Маршал кивает. Он знает способности своего подчиненного. Значит, шестьдесят два… А сколько…

— Около девяноста, — продолжает адъютант, как всегда, не дожидаясь вопроса. И виновато добавляет, — Я не успел точно подсчитать…

Впрочем, это уже не столь важно. Пришельцы потеряли треть или около этого. Признаться, он рассчитывал на половину. Но сейчас и это не важно. Просто на долю остальных придется больше.

Танки спускаются по гребню медленно и почти торжественно. Зрелище шести десятков могучих боевых машин, наступающих на двухкилометровом фронте, завораживает… до тех пор, пока один из "Охотников" не взлетает на воздух в оглушительном взрыве.

— Всем стоп! — орет командир боевой части дистанционного управления, как всегда, забывая, что его подчиненные находятся на расстоянии вытянутой руки. Но тяжелые машины, разогнавшиеся на спуске, мгновенно не остановить, и прежде, чем кто-то успевает понять, в чем дело, новый взрыв подбрасывает еще один "Охотник".

— Что это? — изумленно-испуганно шепчет один из операторов, и его голос прокатывается по внезапно замолчавшей Главной Рубке, вызывая нервный смешок у начальника штаба.

— Мины! — первым понимает зам по вооружению. — Но какие-то примитивные!

Его можно понять. В Империи минами называются самонаводящиеся устройства, снабженные целеанализаторами и системами опознавания "свой-чужой". Но против таких мин танки худо-бедно защищены. Против мощных фугасов, просто закопанных филитами в землю – нет.

Командир лихорадочно вспоминает нужную главу из книги о старинном оружии. Мины раньше срабатывали… срабатывали… срабатывали, когда на них наступали!

— Супер-три, — приказывает он командиру БЧ дистанционного управления, — Поднимите передовую шестерку на антигравы и пройдитесь змейкой.

Немного ошеломленный супер-три повторяет команду. Вспомогательные антигравитационные двигатели предназначены, согласно инструкциям и уставам, для преодоления препятствий типа рек, пропастей…

— …и минных полей, — облегченно добавляет зам по вооружению, наблюдая, как передовая шестерка, пардон, тройка, безнаказанно утюжит подозрительную местность.

Напряжение в Главной Рубке и в отсеке дистанционного

управления заметно спадает. Внутри танков с гудящим шумом раскручиваются роторы антигравов, и машины одна за одной приподымаются в воздух. Всего на метр-полтора, но для форсирования минного поля этого, согласитесь, достаточно.

И шестьдесят танков, сомкнув ряды, снова движутся вперед. На средней скорости. На этот раз интуиция командира не возражает. Просто движение на антигравах требует слишком больших затрат энергии, которую, как и все в этом походе, нужно экономить.

В это время маршал Моностиу и окружающие его офицеры начинают понемногу приходить в себя. Эх, не поверили, не поверили штабы всех уровней немногочисленным очевидцам, на полном серьёзе утверждавшим, что видели чудо невиданное – летающие танки. Не поверили. И совершенно зря не поверили. Пришельцы, они тоже способны на всяческие сюрпризы.

— Стражам – готовность один, — спокойно командует маршал, с усилием отрываясь от перископа. И группа связистов в отведенном для них закутке принимается за работу.

— Второй-одиннадцатый, второй-двенадцатый, сидите и не высовывайтесь. Второй-тринадцатый – один танк слева. Второй-четырнадцатый – один танк справа, один слева. Второй-пятнадцатый – один танк справа, два слева. Второй шестнадцатый – два танка справа, два слева. Второй-семнадцатый – два танка справа, два слева. Второй-восемнадцатый…

Дальше Кен Собеско уже не обращал внимания. Взвалив на плечо тяжеленную рельсу "мухобойки" и привычно сморщившись, когда острый выступ больно придавил ключицу, он, поворачиваясь всем телом, начал помогать Млиско просунуть установку в узкую центральную амбразуру и повернуть ее вправо. Шлемофон, зацепившись обо что-то, сполз с головы, и Собеско удивился, поняв вдруг, что не слышит ожидаемого рева моторов. Звуки, которые издавали, несомненно, приближающиеся танки пришельцев, никак не ассоциировались с механизмами. Скорее, их могли издавать исполинские звери, настигающую добычу, утробно ворча и подвывая и толкая друг друга боками, покрытыми чешуей.

И тут совсем рядом захлопали взрывы. Это пришельцы вышли-таки на первую линию обороны Стражей.

Первая линия только сейчас называлось первой. Для построивших ее некогда картагонарцев она-то была последней, причем не тем последним рубежом, на котором полагается вставать насмерть, а так… вспомогательными точками,

предназначенными для подкрепления огнем наиболее опасных направлений… если, конечно, до этого дойдет… во что картагонарские фортификаторы, похоже, не очень верили.

Поэтому дотов в этой линии было мало. Поэтому открыть огонь по танкам пришельцев вообще удалось всего нескольким расчетам. Поэтому стрелять им приходилось с неудобных углов, с неудобного расстояния (и неудобным оружием). Поэтому из всех ракет цели достигла только одна. И, наконец, поэтому несколько долгих, решающе долгих секунд никто на корабле не понял, что же в действительности произошло.

Понимание пришло к командиру внезапно как удар молнии. Подземные укрытия можно было проигнорировать. Засевших в них филитов можно было проигнорировать. Даже неожиданную потерю одного-единственного "Громовержца", поморщившись, тоже можно было проигнорировать. Но боевой компьютер не умел игнорировать мелочи. "Выпущено снарядов: одиннадцать. Достигнуто попаданий: один. Поражено целей: один." Несколько секунд командир молча пялился на экран, не веря своему прозрению. Это было неслыханно. Это было чрезвычайно опасно. Это было…

У филитов появилось ручное оружие, способное уничтожать танки.

Решение пришло сразу же. Но танки уже успели дойти до второй линии укреплений.

Странный рокочущий звук нарастает, нарастает… и наконец перекрывается оглушительным грохотом выстрела из мухобойки. Точнее, трех выстрелов, прозвучавших почти одновременно. Бункер сразу же наполняется рвущим легкие дымом. Но натягивать респиратор нет времени. Проклятую остановку с плеча – вниз и самому туда же, съежиться, скорчиться на пыльном бетонном полу, потому что, потому что… Потому что пришельцы всегда отвечают ударом на удар. И что-то взрывает землю перед амбразурами, с визгом проносится над головами, звонко выбивает кусочки бетона из стен. Но теперь уже можно осторожно привстать. И выглянуть наружу. Нет нужды говорить, что первым это успевает сделать Шанви.

— Есть один! — в упоении кричит он, но в ушах звенит, и голос доносится как бы издалека. И с разочарованием: – Справа…

У Шанви и Эванга – левая амбразура.

Теперь поднимается на ноги и Кен Собеско. Верно, с правой стороны, в каких-нибудь пятидесяти метрах попыхивает зеленым дымком танк с огромной выжженной дырищей в корме. Еще два танка видны подальше, метрах в ста. Они – о, ужас! — парят в

метре над землей, и трава под ними даже не прогибается.

Эти танки и не думают убегать. Они медленно, с достоинством разворачиваются навстречу укреплениям второй линии.

Кен Собеско даже удивился тому, как быстро им удалось перезарядить мухобойки.

Командир мрачен и суров. Еще семнадцать его машин уничтожены или получили тяжелые повреждения, требующие капитального ремонта. Приказы приказами, но он больше не подставит свои танки под первый удар. Иначе такие потери могут посчитать чрезмерными.

И что бы не говорили в штабе о потере темпа наступления, он не намерен оставлять в тылу такого противника.

Оставлять безнаказанным.

— Выжгите эти гнезда, — говорит он в микрофон. Он рад тому, что в голосе его нет ни малейших эмоций.

Танк медленно надвигается прямо на них, грозно опустив сдвоенную пушку. Верхний ствол тонкий и длинный, нижний потолще, с раструбом, похожий на шланг огнемета. Собеско вспоминает, как расплывались подобно горячему воску каменные стены церквушки в далекой зермандской деревне чуть больше двух недель… столетия назад. И его передергивает.

— Скорее, — хрипит он, взваливая на плечо мухобойку и помогая Млиско втиснуть ее в амбразуру.

И сразу же выстрел. Но капризный снаряд уходит в сторону и пропадает из поля зрения. Танк не реагирует.

Снова выстрел. Это Шанви. Снаряд высекает сноп искр на массивном наклонном лбу танка чуть ниже орудия и, не разорвавшись, рикошетирует. Броня дымится, но танк продолжает медленно продвигаться вперед. До него уже метров сорок.

Тяжелая стальная дверь бункера приоткрыта. Десяток крутых ступенек ведут вниз, в соединяющий бункеры второй линии узкий подземный ход.

— Всем вниз! — кричит Собеско. — Майор, стреляй! Он сожжет тебя! Вниз!

Интендант-майор Мзупси не реагировал. Он не слышал ни крика Собеско, ни хриплого дыхания белого от страха Лакни, склонившегося под тяжестью направляющей. Он не видел ничего, кроме медленно приближающегося танка, воплотившего в себе всю горечь, все отчаяние и все нечеловеческое напряжение последних дней.

До самого конца он был уверен, что успеет выстрелить первым.

Старший лейтенант Моностиу стоит на вершине скалы и, шевеля губами, напряженно корябает в планшете. Азимут… Дальность… Упреждение… Внизу солдаты возятся с реактивной установкой.

Проклятый механизм! Как много нужно знать, чтобы не промахнуться из него по совсем крохотным отсюда коробочкам вражеских танков.

Вспышки, далекие взрывы… Вдруг танки останавливаются… и поворачивают обратно. Снова что-то сверкает, и не поймешь что за дальностью расстояния.

Покрытое пылью лицо старшего лейтенанта расплывается в хищной улыбке. Остановка – это именно то, что ему нужно. Солдаты расчета, выполнив все необходимое, скрываются в укрытии. Внизу рядом с остановкой остается только сержант. Его рука на рычаге. Осталось только не пропустить момент, когда пришельцы возобновят движение.

Есть! Альдо Моностиу поднимает и резко опускает руку. Прямо у него над головой с воем и ревом проносятся снаряды. Пора скрываться и ему, он стоит на самой вершине – открытая всем ветрам мишень. Но старший лейтенант медлит и успевает увидеть, как сначала один, а потом и второй танк скрывается во вспышке попадания.

Старшему лейтенанту Альдо Моностиу будет суждено пережить этот бой. Контуженного и оглушенного, его откопают из-под груды камня, и солдат, нашедших его, поразит радостная улыбка на лице потерявшего сознание офицера. Но это будет только через несколько часов.

Командир в бешенстве вскакивает с места.

— Старший-один! — приказывает он ведущему "Молний". — Выметите начисто этот перешеек! Я хочу, чтобы больше никто, никто не посмел выстрелить по нашим танкам!

И поле перед Тороканскими Воротами превращается в ад.

Адъютант помогает маршалу Моностиу подняться. На подземном командном пункте тускло горят немногие уцелевшие аварийные лампы, отбрасывая фантасмагорические тени. Командирский перископ заклинило, в визире – темнота. Свод прямо над головой пересекает широкая трещина, из которой сыплется песок. Вместо правого крыла – завал, похоронивший под собой связистов.

— Тока нет, связи нет, — докладывает генерал-квартирмейстер. Он без фуражки, из раны над левой бровью сочится кровь. — Аккумуляторный отсек, похоже, тоже поврежден.

И верно. Аварийные лампы начинают медленно гаснуть.

Оставшиеся в живых медленно спускаются вслед за маршалом по узкой винтовой лестнице. И оказываются в большом ангаре. Там рядами стоят танки. Новехонькие на вид танки с длинными стволами мощных орудий, пахнущие свежей краской и дизельным топливом. И с гранидскими скрещенными алебардами на башнях.

Знаменитый Последний Резерв. Гигантская рукотворная пещера глубоко под скалами, построенная незадолго до еще той войны под самым носом у картагонарцев и предназначенная для размещения целого танкового полка, задачей которого было нанесение удара во фланг и тыл прорвавшимся в Ворота вражеским войскам.

Тогда Последний Резерв не понадобился. А все же, оказалось, не зря строили! И время как бы снова отматывает назад двадцать лет. И танки те же – тяжелые "Зверобои", прославленные в войну "охотники на крупного зверя", до сих пор не снятые с вооружения. И люди те же – среди танкистов заметны пожилые, прошедшие огонь и воду ветераны. И командир все тот же – тогда полковник, а ныне корпусной генерал Винру, старый товарищ. Вот он и он сам. В комбинезоне, в шлемофоне, руки уже, как всегда, вымазаны смазкой…

Генерал Винру встретил маршала у крайнего в первом ряду танка. Отдал честь, отрапортовал – повреждений нет, люди к бою готовы, техника тоже. Маршал кивнул ему, произнес все необходимые слова, но думал он совсем о другом.

Он действительно постарел. В этом бою он только жертвовал. Пожертвовал артиллеристами, пожертвовал моряками и летчиками, пожертвовал Стражами, очень может быть, пожертвовал своим сыном… И готов теперь пожертвовать и этими танкистами.

Маршал поднял голову.

— Кто командир танка?

Отозвался рослый сержант лет двадцати пяти. Перед высоким начальством он робел и безропотно отдал шлемофон. Он даже не проронил ни слова, оторопело смотря, как маршал Моностиу тяжело взбирается на танк.

— Водитель, прогревай мотор, — весело скомандовал маршал в микрофон внутренней связи.

Ему важно было что-то сказать. И ему казалось, что он сделал

все правильно. Теперь, когда все нити управления боем были потеряны, ему оставалось только пожертвовать самим собой.

Сорок танков идут по перешейку. Ровно треть колонны, отправившейся в поход четырнадцать филлинских суток назад. Две пятых от того отряда, что этим утром начал переправу через Ламинский пролив. Меньше половины той маленькой армии, что всего час назад азартно неслась навстречу схватке…

Но согласитесь, разве цифры так важны? Важен итог. По перешейку идут победители. Антигравы отключены – как справедливо полагают на корабле, в еще дымящейся, разрытой и перекопанной земле уже не может скрываться никаких мин. По танкам никто не стреляет. В воронках белеют острые выщербленные осколки бетонных колпаков дотов. Скалы слева напоминают каменоломни, за ними вьется в небо сизый дымок – это догорает авиаматка "Морской Орел", таки благополучно приткнувшаяся на мель. Стволы мощных орудий в траншеях за Воротами напоминают сломанные спички. Еще дальше пылает роща, где филиты спрятали свои танки – ветер прижимает к земле тяжелый черный дым. Правда, надо сказать, в той роще нет и не было никаких танков, а только две сотни старых автомобилей с включенными двигателями внутри фанерных макетов, покрытых фольгой. И с полсотни бочек бензина для пущего правдоподобия.

Командир молча смотрит, как танки перестраиваются из веера в походный клин. По его мнению – если бы штаб заинтересовало его мнение – вторжение надо начинать немедленно, не мешкая ни дня. Филиты, тьма их побери, умеют воевать. И слишком быстро учатся. И у них уже есть оружие, смертельное для имперских танков…

А сейчас, если опять не станет возражать штаб, он просто спалит дотла ближайшую деревню и снова вернется на полуостров. Через те же Тороканские Ворота. Это покажет филитам всю тщетность и бессмысленность их сопротивления. А затем, наконец, отработает так давно заказываемый штабом бой в городе – сотрет с лица планеты этот паршивый городок под названием Акес или А-каи-иес, который пришлось сегодня утром оставить нетронутым на правом фланге. И хорошенько почистит весь полуостров – это все, что он еще может сделать, ведь теперь его танковой колонне уже не до новых наступлений: слишком мало осталось танков, да и моторесурс почти полностью выработан – он даже не ожидал, что они пройдут так далеко почти без поломок.

Тем временем горы и обрыв на карте подходят все ближе и

ближе друг к другу. В самом узком месте почти весь перешеек перечеркивает глубокий овраг – уже не разберешь, естественный он или рукотворный. Там тоже поработали "Молнии", и валы по краям оврага похожи на детский песчаный замок после того, как по нему прошлись волны. Или на разрушенный город из кубиков. Один из мостов каким-то чудом уцелел, но опытный командир БЧ дистанционного управления уводит танки прочь – зачем рисковать, мост может быть заминирован. И еще, незачем снова тратить энергию антигравов на форсирование рва – недалеко от скал овраг сглаживается, становится похожим на мелкую и пологую канаву, которую танки преодолеют без всякого труда.

Изображение на экране прыгает вверх-вниз. Танки тяжело переваливаются через невысокий вал. Они прошли через Тороканские Ворота. Прошли, несмотря на то, что их ждали. Прошли, несмотря на сопротивление. Прошли, не считаясь с потерями. Они прошли… Но почему, спрашивает себя командир, почему он не чувствует ничего – ни радости, ни триумфа, ни даже облегчения, ничего, кроме странной опустошенности?

Операторы ведут танки параллельно скалам длинной колонной. Там дорога полегче и позволяет держать строй. Слева тянется прямой как стрела и совершенно отвесный склон, серый в зеленой завесе мха и камнеломки. И внезапно весь он приходит в движение. И интуиция на этот раз изменяет и операторам, и их командирам. Долгие секунды они просто смотрят, не предпринимая ничего, пока не становится ясно, что весь этот склон был бутафорией, искусной маскировкой, и пока из клубов поднятой пыли не выныривают стволы орудий и серо-зеленые покатые лбы гранидских танков.

Гранидцам просто повезло. Успей имперцы отреагировать хотя бы на несколько секунд раньше, они бы, наверное, успели перестроиться, оторваться, расстрелять приближающихся танкистов из своих скорострельных электромагнитных орудий. Но эти секунды были потеряны в бездействии в самом начале, и гранидцы нанесли удар первыми. Танковые пушки бьют в упор, и здесь бессильна помочь облачная защита и не выдерживает броня.

Ответный огонь успевают открыть всего лишь полторы дюжины машин, и с каждой секундой их становится все меньше и меньше. Несколько ударных беспилотников, чудом уцелевших в огне сражения, бросаются на выручку, но их оружие недостаточно мощно. Все, что им остается, это таранить вражеские танки, пытаясь остановить их ценой своей гибели. Но беспилотников слишком мало, и они ничего не могут сделать…

В главной рубке всеобщая растерянность. Командир нервно сжимает кулаки. Нет, он не виноват, никто не виноват, он не мог

предусмотреть такой ловушки, такого укрытия. Но откуда они тогда там взялись? Ни спутники, ни наблюдатели не засекли ведь там никакой активности. И что скажут в штабе? Кто-то докладывает о подходе четырех свежих девяток "Молний", но им уже некого спасать. Сколько танков осталось в строю? Четыре? Три?…

Командир смотрит на экран боевого компьютера. Нет, этот бой ему не выиграть. Его можно только свести вничью. Такую ничью, когда все фигуры смахиваются с доски.

И суперофицер-один Пээл дает приказ командиру "Молний".

— Живые, отзовитесь, — тихо позвал Собеско в непроглядную тьму. Лампы погасли первыми, еще до того, как на них обрушились удары, сотрясающие землю.

Живые отозвались. Все трое. Спокойно, даже чуть насмешливо, Млиско, испуганно Эванг, запинаясь Шанви.

— Есть у кого-то предложение, что делать дальше? — спросил Собеско, стараясь говорить уверенно.

— У меня был фонарик, — сообщил Шанви. — Но я не помню, оставил я его в кармане или переложил в вещмешок…

— Так поищи, — предложил Млиско тем же слегка насмешливым тоном.

Возня в темноте, и вдруг откуда-то вырвался узкий луч света, пробежался по шершавым бетонным стенам и… уперся в непроходимый завал в десяти шагах от стоящего крайним Собеско. Бетонные перекрытия сложились как карточный домик, последняя уцелевшая плита косо свисала с потолка, и с нее время от времени сыпались мелкие камешки. Именно за этим завалом и был ход в параллельный коридор, ведущий в жилые помещения и наверх.

Кен Собеско молча встал и поднялся по короткой лестнице ко входу в их дот. Тяжелая железная дверь все еще дышала жаром, но хотя бы уже не светилась багровым светом раскаленного металла. Упершись руками в стены, Собеско изо всех сил ударил в дверь обеими ногами. Как в бетонную стену. Дверь даже не шелохнулась. Она спасла им жизнь, захлопнувшись за долю секунды до того, как в дот ворвался раскаленный поток, но теперь она намертво заклинилась, если даже не сплавилась с косяком.

Впрочем, Собеско совершенно не хотелось возвращаться в сожженный дот, где остались Мзупси и Лакни. Он вернулся обратно в коридорчик.

— Попробуем через восемнадцатый, — неуверенно предложил Шанви.

Но и пробиваться в соседний дот, проходивший под номером

восемнадцать, было бессмысленно. Дверь была распахнута, и даже при тусклом свете фонарика были видны рухнувшие железобетонные перекрытия, торчащая из завала скрученная арматура и заткнувшая вход тяжелая расколотая пополам плита.

Собеско вспомнил шестерых ребят из восемнадцатого. Вечная им память…

Еще через два десятка шагов коридор кончался тупиком с круглой площадкой. Там была дверь, ведущая в нижние уровни. Силач Эванг навалился на нее всем телом, и дверь, заскрипев, начала открываться. За ней была узкая крутая лестница, ведущая вниз.

Собеско посмотрел на Шанви.

— Я так понимаю, вы там уже были. Что там внизу?

Шанви немного помялся.

— Да ничего особенного, господин капитан. Этажом ниже такой же коридор, мы там ходить не стали, еще ниже какие-то комнаты, ящики разломанные, кучи гильз, тряпье всякое, хлам. Я там еще бинокль нашел. А дальше вода. И в воде что-то хлюпает.

— Хлюпает, говоришь, — проворчал Собеско. — Ну, пошли вниз. Не сидеть же здесь невесть сколько без воды и пищи.

Уровнем ниже действительно оказался такой же коридор, только вел он в другую сторону: не к скалам и к центральной части укреплений, а наоборот, на периферию, куда-то по направлению к обрыву. Метров через сто по обе стороны начали попадаться двери, но уже не железные, а из разбухшей от сырости фанеры. Вначале все их по очереди открывали, а одну, запертую, Эванг даже выбил мощным ударом ноги, но везде было одно и то же. Пустые помещения, кое-где с обломками нар или какой-то другой немудреной мебели. Все страшно пыльное, мертвое, запустевшее. И никакой лестницы наверх. Потом на двери перестали обращать внимание. И даже не заметили, что они кончились, пока проход не перегородила ржавая металлическая решетка, запертая на большой висячий замок.

— Вот незадача, — огорчился Собеско. — Похоже, придется поворачивать назад.

Он даже хорошенько подергал решетку и замок, но они держались крепко.

— Погоди, командир, — сказал Млиско, доставая из ножен своего чудо-ножа небольшую пилку. — А ну, посвети-ка сюда, парень.

Вот и все, — с удовольствием и немного рисуясь проговорил Млиско через несколько минут, отбрасывая в строну замок и пинком раскрывая решетчатую дверь. — По мне, так всегда лучше идти вперед, чем назад.

— Опять бомбят, — вдруг заметил Шанви. — Только где-то далеко.

Собеско приложил руку к влажной бетонной стене. Стена слабо содрогалась. И впрямь бомбят, но действительно далеко и для них не страшно.

Узкий коридор сделал несколько крутых поворотов, и вскоре они вышли в большой высокий зал, похожий на пещеру. Луч фонарика, оббежав стены и нырнув в провалы двух лифтовых шахт, наконец, высветил две расположенные рядом двери. К счастью, открытые.

— Меня уже тошнит от этих дверей, — сообщил Млиско, поднимаясь по крутой лестнице. — Чувствую, что рано или поздно мы упремся в такое, что не сможем открыть.

Млиско оказался прав, причем раньше, чем, наверное, ожидал. Многообещающая лестница наверх завершилась очередной массивной железной дверью, на этот раз запертой снаружи. Пришлось возвращаться.

За второй дверью из зала с лифтовыми шахтами обнаружился очередной коридор, еще более узкий и низкий, идущий вверх под небольшим уклоном. Собеско и Млиско тревожно переглянулись. Они провели в подземелье уже больше часа, и никто не знал, на сколько еще хватит их единственного фонарика без запасных батареек. И все же, поколебавшись, Собеско уверенно шагнул вперед. Так, как ему казалось, у них было больше шансов найти выход.

Подземный ход казался бесконечным. Бетонная облицовка стен пропала уже через первую сотню метров, и он превратился в узкую кротовую нору, проложенную куда-то в толще породы. Идти они могли только гуськом: Шанви с фонариком первым, Млиско замыкающим. Так шагали они около часа, пока Собеско, идущий вторым, не наткнулся на внезапно остановившегося Шанви.

— Все, — беспомощно сказал Шанви. — Тупик.

Кажется, до него только начало доходить, что увлекательное приключение с походом по коридорам подземной крепости может плохо кончиться.

Отодвинув с дороги Шанви, Собеско протиснулся вперед. Впереди действительно был тупик, вернее, завал из больших, глинистых, влажно поблескивающих в тусклом свете фонарика глыб. В спину тяжело дышал Шанви, мешая сосредоточиться, и Собеско не сразу понял, что здесь неправильно. Глыбы были мокрые, не просто слегка влажные, как стены в подземном ходе, а именно мокрые. Не успевшие просохнуть.

— А ну, погаси-ка фонарь, — обратился Собеско к Шанви.

И тогда все увидели, что завал не сплошной, и через щели между глыбами в подземелье пробиваются тонкие лучики света. Эванг пролез вперед, и они с Собеско, стоя плечом к плечу и еле помещаясь вдвоем в узком проходе, с удвоенной энергией набросились на глыбы, толкали их, упираясь ногами в неровный пол, отбрасывали назад куски поменьше, и наконец, поддавшись их усилиям, завал дрогнул и в нем образовался узкий проход. И только выбравшись и наполовину спустившись, наполовину скатившись с крутого склона, они позволили себе оглядеться по сторонам.

Они прошли весь перешеек насквозь и оказались на морском берегу. Над ними нависал почти отвесный глинистый обрыв с вертикальными промоинами, кустиками зелени и прямо у них над головой – узкой щелью подземного хода, похожей на нору какого-то зверя. Далеко в стороны уходила полоска мокрого песка, кое-где совершенно скрывавшаяся под волнами прибоя. Впереди было море с несколькими силуэтами кораблей на горизонте. И прямо у берега лицом вверх покачивалась на волнах неподвижная человеческая фигура в летном шлеме и ярко-оранжевом спасательном жилете.

Быстро скинув с себя одежду, все четверо, не раздумывая, бросились в воду и, преодолев вплавь последний десяток метров, выволокли на берег тяжелое тело летчика. Он был жив, только без сознания, и, освобожденный от жилета, после небольшой процедуры стал приходить в себя.

— Кен? Кен Собеско? — прошептал летчик, открыв глаза. — Откуда ты здесь взялся? И почему в пехотной форме? Я же не сплю, черт возьми!

— Дэсс Урган!? — Кен Собеско был удивлен не менее сильно. — Надо же, где удалось встретиться! Живой, чертяка!

Когда-то очень давно, в незапамятные курсантские времена койки Дэсса Ургана и Кена Собеско стояли рядом в просторной казарме летного училища. Они не были большими друзьями, но всегда хорошо понимали друг друга и имели много общих воспоминаний, приятных и не очень. После второго года учебы их пути разошлись. Кен Собеско перешел на освоение новой техники – боевых вертолетов, а Урган сохранил верность крылатым машинам, и теперь на груди его мешковатого летного комбинезона был слегка криво пришит крылатый меч – знак различия полковника ВВС.

Как один из лучших летчиков-истребителей страны, Дэсс Урган был включен в штурмовую группу, в самом начале боя запущенную на легких самолетах с авиаматки "Морской Орел". Отстрелявшись по танкам пришельцев и получив попадание, к

счастью, не смертельное, Урган сумел дотянуть до моря и посадить поврежденную машину на воду, правда, далековато от катеров, подбирающих летчиков. До берега зато было относительно недалеко, и хотя в спасательном жилете плыть было весьма неудобно, за полчаса Урган почти добрался до цели. Однако одна из ракет пришельцев, сбившаяся с прицела, угодила в море, вызвав настоящее мини-цунами, которое ощутимо шваркнуло полковника прямо о прибрежный обрыв и смыло обратно. Впрочем, сильно Урган не пострадал, все кости остались целы, и уже через полчаса он вместе со всеми карабкался вверх по заросшему бурьяном оврагу, стремясь выбраться обратно на перешеек.

Окружающий пейзаж поразил Собеско. Он помнил расстрелянную деревню в Зерманде, но тогда разрушения захватили сравнительно небольшую территорию, а теперь все вокруг выглядело как после извержения вулкана. Весь перешеек был изрыт громадными кратерами, земля дымилась, как сломанные зубы выглядывали закопченные обломки бетона. Скалы впереди изменили свои привычные очертания. А за Тороканскими Воротами небо заволокло пеленой черного густого дыма. И никого вокруг. Казалось, им одним удалось выжить в этом коротком и страшном бою. Казалось, они остались одни на всей планете. Во всей вселенной…

— Вертолет! — вдруг закричал, замахал руками Шанви, прогоняя наваждение.

Кен Собеско поднял голову. Из дымной пелены вынырнула темно-зеленая туша вертолета, как он машинально определил, транспортного "Вепря". "Вепрь" прошел прямо у них над головами на высоте каких-нибудь ста метров и вдруг развернулся и начал садиться.

— За нами, — удовлетворенно заметил Млиско. — Пошли, что ли.

Маршал Моностиу со внезапно бьющимся сердцем следил, как они заскакивают в вертолет. Все пятеро. Летчик в промокшем насквозь комбинезоне, двое офицеров-Стражей в измятой и перемазанной глиной форме, и двое молодых солдат – маленький и высокий, оба с бледными сосредоточенными лицами. Пережившие этот бой. Выжившие по странному капризу судьбы, как выжил он сам, когда с неба перестали сыпаться бомбы и когда он понял, что из сотни танков, бросившихся в атаку на пришельцев, остались не поврежденными менее десяти, а из пяти сотен танкистов уцелели всего семьдесят пять. Живое напоминание о… Как назвать то, что они совершили? Они не

проиграли этот бой. Но можно ли назвать его победой, если некому осталось ее отпраздновать?..

И маршал слушал рапорты сначала полковника-летчика, потом капитана Стражей, но мысленно он был далеко. Он еще не знал, что большая часть офицеров его штаба живы и выбираются наверх после того, как от взрывов ракет обвалилась пещера, где скрывались в засаде танки. Он не знал, что остались живы больше половины участвовавших в бою моряков и летчиков, что спаслись под землей более полусотни Стражей, что пережили бой несколько расчетов реактивных установок, наконец, что через несколько часов спасательные команды обнаружат живым его сына… Но сейчас эти пятеро молодых ребят казались ему последними оставшимися. Пережившими ад…

— Так как все закончилось? — вдруг совсем не по уставу спросил лейтенант. — Мы победили?

Вертолет уже снова поднялся в воздух. Двигатель ревел вовсю, но маршал услышал.

— Да, мы победили, — сказал он, с усилием вырываясь из мира грез. — Но какой ценой…

А на корабле имперского военного космофлота "Победоносный" суперофицер первого ранга Пээл раз за разом перечитывал личное послание начальника штаба соединения флаг-маршала Таорза, не понимая смысла.

Послание было коротким.

"Вы хорошо справились с задачей, генерал. Впредь до особого распоряжения приказываю приостановить наступательные операции, ограничившись наблюдениями и поддержанием тридцатикилометровой зоны безопасности. В шестичасовой срок перевести корабль на режим предстартовой готовности. Ждите дальнейших приказов. Благодарю за службу".

Четкие строчки текста прыгали и расплывались перед глазами. Командир никак не мог сосредоточиться. Он был все еще там, на том проклятом перешейке, где смешались с пыльной землей обломки брони и электронные потроха его танков. Он не колебался, отдавая "Молниям" приказ открыть огонь и по своим, и по противнику, и был уверен, что принял верное решение. И все равно душа была не на месте.

"Это же только машины, — уговаривал он сам себя. — Сложные, умелые, но всего лишь машины. Не более, чем машины…"

И все же… "Вы хорошо справились с задачей, генерал…" Что, во имя Черных Звезд, это означает?!

Глава 20. Охрана порядка

Майдер Билон выполнял задание. На рабочем столе были аккуратно разложены блокнот с записями, магнитофон, три бобины к нему в одинаковых картонных коробках и пачка чистых листов писчей бумаги.

Один из листов был уже вставлен в пишущую машинку, и Майдер Билон, быстро работая обеими руками, отпечатал первые две строчки.

Заголовок: СОП – значит охрана порядка

Подзаголовок: Добровольные объединения граждан против уличной преступности.

Он всегда начинал писать статьи с заголовка. Это позволяло лучше сосредоточиться на теме, а также производило впечатление, что некая немаловажная часть работы уже выполнена.

Прокрутив бумагу немного вперед, Майдер Билон еще раз взглянул на заголовок. Заголовок ему нравился и Билон, удобно откинувшись на спинку стула, снова начал печатать.

"На первый взгляд, Гамбрук ничем не отличается от прочих пригородов столицы…"

На первый взгляд, Гамбрук ничем не отличался от прочих пригородов столицы. Тесные ряды многоэтажных жилых домов постройки начала века, прямые скучные улицы, освещенные редким пунктиром фонарей, темные опасные переулки с переполненными мусорными баками, тусклые огни витрин супермаркетов и вывесок многочисленных дешевых баров, наконец, грязно-серые корпуса заводов и чадящие дымовые трубы за облупившимися заборами из низкокачественного железобетона.

И все же главный, давая задание Билону десять дней назад, указал именно такие три привязки: СОП, район Гамбрук и заместитель начальника 10-го районного отделения полиции старший капитан Прейн.

Интервью со старшим капитаном Прейном и стало первой записью на одной из бобин, лежащей сейчас рядом с магнитофоном.

— Что такое СОП? Ну, во-первых, это сокращение. Служба. Охраны. Порядка. Понимаете? А во-вторых, это такая организация и надо сказать, весьма любопытная организация.

Значит, вы о ней ничего не знаете? И даже не слышали? Ах, вот оно как? Ну, тогда…

Началось все это летом. Да, этим, конечно. До этого в смысле криминала у нас был самый обычный рабочий район. Кражи, ограбления, незаконная проституция – полный набор. Травку продавали на всех углах. А по вечерам – драки с поножовщиной. Приходилось дневать и ночевать на службе. А затем появилась та группа ребят, я говорю, ребят, хотя всем им или под тридцать или за тридцать, около десяти человек. Несколько приезжих, остальные местные. И они организовали что-то вроде патрулирования.

Тогда у нас главной проблемой были молодежные банды или, как они себя называли, ганги. Прямо житья от них не было. Драки, ограбления, мелкий рэкет, конечно, хулиганство… Нет, вы не подумайте, что мы в полиции все такие уж недоумки. Мы хорошо знали, кто это и что это, вели некоторую… э-э-э… профилактическую работу, однако… Вы только не ссылайтесь на меня, но я вам скажу, посадить у нас хулигана, особенно, несовершеннолетнего, ничуть не проще, чем убийцу. Это судебное дело, улики, свидетели, всяческая волокита и все такое. Ну и… жалко было. Это же все молодые ребята, еще детство в одном месте играет, а посадишь – так через три года вернется уже законченный уголовник. Вот. А СОП эта справилась с ними за три недели. Не знаю, что там было, к нам, во всяком случае, никто не обращался, но ганги у нас с тех пор все повывелись. А кое-кого из тех ребят теперь можно найти и в СОПовских пятерках…

Что такое пятерки? Ну, это группы ихние, так они их называют. Они обычно действительно ходят впятером, реже по трое. Следят за порядком. После этой истории с гангами о СОП узнали, так что теперь большей частью там добровольцы. Просто обычные граждане, в свободное время посвятившие себя борьбе с уличной преступностью.

Как мы к ним относимся? Ну, такого закона нет, чтобы запрещать гражданам собираться в группы по пять человек и гулять по улицам. Мы, в конце концов, свободная страна. Но, скажу я вам, нам легче работать стало. И вызовов меньше стало, особенно по вечерам. И происшествий всяких. Бывает, конечно, что находят крепко побитых, но они, что характерно, как правило, ни на кого не жалуются. Вот. Да и вообще, эти СОПовцы даже торговцев травкой разогнали, а это, знаете, дорогого стоит. И район от всяких бомжей очистили. Да что бомжи, в прошлом месяце у нас произошло несколько квартирных краж. Работали нагло, среди бела дня, так одна бдительная старушка засекла что-то неладное, а потом и рассказала соседу-СОПовцу. А те – нам. По их наводке мы всех и повязали.

Как на них выйти? Ну, я вижу, вам уже интересно. Нет, я,

конечно, могу вам дать там имена, адреса, телефоны, но вы лучше просто прогуляйтесь вечерком по улицам. Для чистоты ощущений.

Редкие фонари только подчеркивали кромешную темноту на дне узкой улицы-ущелья между двумя рядами многоэтажных домов с желтыми прямоугольниками освещенных окон. Майдер Билон уже начал жалеть, что углубился поздним вечером в этот мрачный район. На душе было неспокойно. Этот старший капитан, конечно, не сказал ему всей правды. О чем-то он умолчал, к чему-то, наоборот, постарался привлечь внимание, но не это было главным. Настораживала подчеркнутая любезность, даже подобострастность этого полицейского в немалых чинах. Неестественная любезность…

Поэтому Билон сначала не поверил своим глазам, увидев неспешно идущую навстречу группу из пятерых мужчин. Одеты они были по-разному – двое в штормовках, один – в короткой кожаной куртке, один – в вязаном шерстяном свитере, пятый, вообще, в военном кителе без погон и нашивок. Но на обоих рукавах каждого из пятерых выделялись большие заметные повязки – черные буквы на белом фоне – СОП.

Они прошли мимо остановившегося Билона, только скользнув по нему взглядом пяти пар внимательных глаз и, как ни в чем не бывало, зашагали дальше в том же неспешном, прогулочном темпе. И тогда Билон развернулся, поспешно бросился догонять их, и когда они все развернулись навстречу ему, достал из кармана журналистское удостоверение.

— Я Майдер Билон, обозреватель газеты "Курьер". Вы могли бы ответить мне на несколько вопросов?

Сариф Круэль, двадцать восемь лет, функционер СОП.

— Я в СОП уже почти четыре месяца, считай, ветеран. Как я туда попал? Ну, это долгая история. Вначале я пошел по армейской линии. Прослужил по контракту почти пять лет, получил уже капральские нашивки, думал этой осенью поступить в старшинскую школу – старшина в армии, знаете, это очень важный человек, не меньше полковника. И рекомендации все у меня уже имелись, да вот только поцапался как-то с одним капитаном. Ну, я поддатый был, он, правда, тоже, но у офицеров завсегда погоны уже да глотка шире – вот и пришлось уйти. Вернулся я сюда, к родителям, значит, весной. Работу нашел, конечно, — пехотный капрал, он нигде не пропадет – устроился, значит, охранником на автостоянке. А тут услышал, что есть ребята, набирают смелых парней, чтобы очистить район от

всякого хулиганья. Вот и пошел к ним. Теперь, вроде бы, я тут в старом звании – капрал, то есть. Или, по-нашему, старший лидер.

Нет, вы не подумайте, у нас тут серьезно. Свои звания есть. Лидер – это тот, кто в пятерки постоянно ходит, профессионально, значит. Обычно таких в пятерке двое, чтобы, случись какая заварушка, первыми ввязаться. А остальные поддержат. Это дружинники – те, у кого своя работа есть помимо СОПа, они иногда только в патруль выходят. По желанию. Да, ну, надо мной квартальный есть – он уже не патрулирует, только распределяет задания между пятерками или, например, руководит командой – это такие пятерки из одних лидеров, их собирают, когда что-то серьезное происходит. Например, когда мы на прошлой неделе с одними крутыми разбирались, они хотели дань с магазина на Пятой Северной скачать. Вот, а выше квартальных – координаторы, они уже за порядком во всем районе наблюдают… Нет, какого-то главного координатора у нас нет. Руководит совет координаторов, а если кому надо, он на этот совет приходит и его выслушают, даже если это дружинник, что всего один раз в пятерке ходил.

Да, ну а я, как говорится, старший лидер. То есть, значит, у меня своя пятерка, свой район патрулирования. Я должен знать, кто из дружинников со мной в этот вечер идет – мы обычно до полуночи ходим, иногда позже, так что они за вечер иногда меняются; или кто из вторых лидеров сегодня будет – Чик или Крот. Нет, выходные у меня, конечно, есть, как без этого? Но, знаете, СОПовец – он всегда на службе, родители уже привыкли, а раньше не нравилось им, что постоянно дверь нараспашку, и что придти ко мне могут в любое время или вызвать там… Ну, работа у меня такая. Я должен знать все, что в моем участке происходит, мне за это деньги платят.

Ну да, конечно. Доброволец, он, знаете, такой, с него взятки гладки, а если людям деньги за работу платить, это уже совсем другое. Ну, получаю я, конечно, неплохо, лучше полицейского, но у меня и работа посерьезнее. Полицейских, их, знаете, иногда поостерегутся тронуть, а мы-то – только на себя надежда. А тут иногда такие амбалы попадаются… Но ничего, пехотный капрал, он нигде не пропадет.

Откуда деньги? Нет, как раз это я знаю, все знают. СОП живет на добровольные взносы. Люди сами понимают, что мы для их же блага стараемся, ну и помогают, кто сколько может. Кто один брас в месяц, кто пять, кто семь. Я же сам эти взносы и собираю. Каждый месяц. Сейчас уже легче, меня тут хорошо знают и СОП наш знают, а раньше, месяца три назад, до скандала доходило… Ну, потом сами несли, извинялись…

Да нет, что вы!? Да разве я ради денег тут по улицам хожу?! Это наоборот, мобилизует. Раз люди нам свои деньги отдают, значит, мы их защитники и охранять их покой должны, жизни не жалея. Да нам тут торговцы травкой тысячи предлагали, чтобы мы отступились. А у квартального нашего жену снасиловать хотели, хорошо, тут наша пятерка мимо проходила. Нет, это мой район, я тут родился, я хочу, чтобы здесь люди спокойно жили.

Как мы спокойствие обеспечиваем? Да по-разному. Кому слов достаточно, к кому надо домой зайти, потолковать за жизнь, а кого-то учить надо, чтобы впредь за ножичек не хватался или травку не нюхал. По-разному, в общем. У нас тут врач есть свой, так он редко когда без работы остается.

Какие отношения с полицией? Да нормальные, в общем. Полицейские тоже разные бывают. Есть такие, что процент с торговли травкой имели или, скажем, с рэкета. С такими надо, конечно, поосторожней, они на нас злы, что мы им бизнес перекрыли. А есть и такие, как скажем, старший капитан Прейн с районного отделения. Он нас всегда поддерживает. Вот один педик, мы ему морду начистили, чтобы к мальцам не приставал, хотел на меня заявление подать, так Прейн помог все это дело прикрыть.

Хотите еще с кем поговорить? Ну, например, Чик, он сегодня второй лидер. Эй, Чик, хочешь, чтобы о тебе в газете написали?

(Чик мнется, говорит что-то вроде "Не-е… Ну… Э-э-э…" и окончательно замолкает.)

Ну, вы про это не пишите, но Чик у нас раньше травкой торговал, а теперь на нашу сторону перешел. Ну что, тогда ты, Леб? Ты у нас умеешь красиво сказать…

Лебер Эльзин, тридцать два года, сварщик.

— Вы спрашиваете, почему я в СОП? А у вас самих дети есть? Вот, а у меня двое, мальчик и девочка. И я хочу, чтобы они нормально жили, и чтобы моя жена каждый день с работы не отлучалась, чтобы их из школы забрать-проводить. Да пока мы не появились, тут каждый день, считай, кого-то на улице грабили. А сейчас – нет, поди попробуй.

Да, и я, конечно, деньги получаю. По пятерке за вечер, а если в выходной, то и все семь пятьдесят. А это знаете, какое подспорье. Я всего двести шестьдесят в месяц чистыми имею, да жена сто десять, а тут за одну только клетушку нашу двухкомнатную девяносто надо выкладывать. Но не в деньгах тут, конечно, дело. У меня, можно сказать, цель в жизни появилась. Вот раньше придешь домой после смены, и сидишь весь вечер перед телевизором или на стадион идешь, или в бар – мы обычно

в "Мешок гвоздей" ходили, это на Седьмой Восточной, напротив метизного завода, рядом со станцией метро "Площадь Доктора Драйфера". Там я, кстати, с Сарифом и познакомился, сейчас это что-то типа нашей штаб-квартиры. Ну это так, к слову. Вот, а теперь я выхожу в мой день в патруль и знаю, что теперь я за все в ответе. Понимаете, я сам могу что-то сделать. И от меня что-то зависит. И товарищи рядом, что не подведут и не сбегут.

Вот, правильный вопрос вы задали. Кто поможет в случае чего? Да СОП и поможет. Мы тут все одна команда. Вот в прошлом месяце в соседнем дворе надрался один алкаш и начал за людьми с ножом гоняться. И один наш парень, тоже дружинник, его скрутил. Но тот алкаш его порезал. Так парня положили в лучшую больницу в районе, все СОП оплатил, на работе его договорились, чтобы он место свое не потерял, а как вышел, закатили целый пир в "Мешке гвоздей". И премию выдали – триста брасов и велосипед для сына, специально у жены его узнавали, что нужно. Но опять, не в этом дело. Командир правильно говорит – мы все тут защитники. Вот в прошлый раз двое каких-то подонков прямо в подъезде на девчонку напали. Мы им и выдали по первое число, теперь не скоро на девок полезут, если вообще, конечно, смогут когда-нибудь…

Вы говорите, жестоко? Может быть. А представьте, если это вашу жену они в том подъезде хотели… Или сестру. Нет, тут пощады быть не может. Или мы их, или нам всю жизнь в дерьме болтыхаться. Ничего, мы тут порядок наведем! И не только со всякими бандитами расправимся! Дайте нам только срок, и власть наша…

Что? Ах, да, хорошо, Сариф. Извините, господин журналист, дело требует. Последний вопрос? Хорошо. Как к нам люди относятся? Наверно, в основном хорошо. А вы их сами спросите.

Териа Уренгар, сорок один год, учительница младших классов.

Вы из газеты? Очень хорошо! Так и напишите, как хорошо, что появился этот СОП! Вы знаете, что творится сейчас в школах? Вот почему вы об этом не пишете? Это ведь совершеннейший непорядок! Ученики старших классов измываются над младшими, отбирают у них деньги. Дети проносят в школу эти ужасные ножи, кастеты, наркотики! Это ужас какой-то! У нас две девочки, по пятнадцать лет, в этом году забеременели! Об этом надо писать! Об этом надо кричать на всю страну!

Ах, да, СОП. Это просто как какое-то спасение. Да уже за то, что они разогнали торговцев этими ужасными наркотиками, им памятник надо поставить. И какой пример появился у детей!

Раньше у них были популярны такие, криминальные личности. А сейчас многие старшеклассники сами ходят в их, как они их называют, пятерки. И наш учитель физкультуры в СОПе, а его дети уважают, это так хорошо для примера. Даже мои малыши хвастаются друг перед другом, что у них папы в СОП. Но все равно, этого мало. Я даже сама ходила к их координатору, просила установить в школе постоянный пост. Он такой приятный человек, принял, поговорили так хорошо, он пообещал, когда у них прибавится людей.

Нет, что вы! Вы так и напишите, все женщины, все полностью за этот СОП. Какая разница, что они не полиция? Да если бы полиция нас так защищала, как они!…

Лимфер Мокк, двадцать шесть лет, конторский служащий.

— Как я отношусь к СОП? Да никак, в общем-то. Мне от них ни жарко, ни холодно. Ну ходят они по улицам, ну и что? На каждом перекрестке ведь патруль не поставишь. На меня еще, слава Единому, никто не нападал. Надо только знать, где и когда можно ходить, а когда – не очень. А травкой только придурки балуются.

Нет, почему же? Я им сдавать не отказываюсь, три браса в месяц – не деньги. Тем более, что в нашем доме и так часто собирают – то на решетку в подвале, чтобы туда бомжи всякие не лазили или наркоманы, то на новую сигнализацию. Или вот недавно на детскую площадку. Я тоже дал, хотя у меня детей нет. Но будут же когда-нибудь. Так и с СОПом – если из-за них меня хотя бы один раз не ограбят, это уже окупится, верно? Как страховка. Ты за нее платишь и платишь, а в один прекрасный момент она – хоп! — и понадобилась.

Да, что еще я о них слышал. Им хозяева всяких мелких магазинчиков и кафешек отстегивают. Интересно, тоже как за страховку или они им действительно делают что-то полезное?…

Тайсон Мимсу, пятьдесят три года, владелец кафе "Старый фонарь".

— Плачу ли я СОП? Да, плачу! А вы знаете, кому и сколько я должен платить? Налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, налог с заработной платы моих работников, городской налог, налог на рекламу – за вывеску, плату за патент, плату за лицензию на торговлю, плату за лицензию на приготовление пищи, плату за лицензию на продажу спиртных напитков, плату за отдельную лицензию на пиво, плату за воду, за тепло, за электричество, дорожный сбор, акциз на спиртное, акциз на импортные копчености, акциз на конфеты с ликером, акциз на

каждую чашку скайры, акциз на одноразовые пластиковые стаканчики, наконец! И это еще не все! А еще ко мне ходят разные проверяющие. Пожарный инспектор, санитарный инспектор, инспектор по охране труда, инспектор по охране прав потребителей – и все хотят, чтобы я им платил! И это не считая всяких бандитов, которым надо платить, чтобы они просто не подожгли мое кафе. И вы понимаете, что это такое, когда благодаря СОПовцам я избавился от части этих платежей?!

Как?! Как, вы спрашиваете?! Ну вот, ко мне ходил пожарный инспектор. И каждый месяц я платил ему по двадцать пять брасов, чтобы он не закрыл кафе из-за моей задней двери. Что?! Да, вы не ослышались. По ихней инструкции, задняя дверь должна открываться не внутрь, как у меня, а обязательно наружу! Почему я не перевесил дверь? Молодой человек! А вы когда-нибудь видели инструкцию по пожарной безопасности? Это вот такая тетрадка, и в ней ровно двести восемнадцать пунктов. И все надо выполнять! А инспектора ужасно не любят тех, кто, так сказать, выделывается. А когда он зашел ко мне два месяца назад, это был совсем другой человек! Может быть, я когда-нибудь смогу его пожалеть. Он был такой тихий. И так затравленно озирался. И отказался от денег наотрез! И так все! А бандиты? Ну, я надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы вспоминать о полиции?! А СОПовцы пришли и сказали, что я могу им больше не платить. И не бояться. И я не боюсь. Тот парень, что собирал у меня дань, как-то пришел ко мне извиняться. Он теперь покончил со своим преступным прошлым и ходит в СОПовских пятерках младшим лидером. А их главного, говорят, выловили из мусорного коллектора на подшипниковом заводе, и теперь его возят в уборную в креслице на колесиках!

А драки? В прошлом году у меня было пять драк, я имею в виду, таких драк, когда столы разлетаются в щепки, а кружками разбивают витрины. А с тех пор, как появились СОПовцы, ни одной. Да нет, полиция приезжала, но она всегда опаздывает! А теперь у меня есть эта рация, и если что-то неладно, я могу вызвать помощь. Здесь оживленный район, напротив торговый центр, рядом станция метро, стадион, какая-нибудь из СОПовских пятерок всегда поблизости…

Да, я даю СОПовцам деньги. Или, когда ко мне заходит погреться пятерка, бесплатно ставлю им пиво или скайру, или чего-то перекусить. Но я делаю это добровольно, понимаете, добровольно. Потому что знаю, что они меня защитят. И то, что я плачу, не идет ни в какое сравнение с теми поборами, что я платил раньше. Если все будет хорошо, через пару месяцев я скоплю на новый холодильник. Большой, вместительный

холодильник с хорошей морозильной камерой. А весной я намерен нанять еще одного повара, чтобы клиентам не приходилось так долго ждать выполнения заказов. Теперь у меня на все это есть деньги. И все это благодаря СОП. Да, они не святые, конечно, но всем честным предпринимателям они приносят только пользу!

Видел ли я кого-нибудь, кто жаловался бы на СОП? Знаете (очень ехидно), видел. И сейчас вижу. Вон тот старик с чашкой лакина за тем столиком. Попробуйте поговорить с ним. Если времени не жалко…

Хьялвин Зен-Касард, шестьдесят семь лет, таможенный чиновник в отставке.

— Говорите, вы из газеты? А какой? Покажите удостоверение. Куда вы его мне суете, дайте я надену очки, здесь совершенно отвратительное освещение. Да, теперь я вижу. Что вам от меня надо? Какие еще вопросы и почему обязательно ко мне?

Ах, СОП! Вы хотите узнать мое мнение о СОП? Для статьи в газете? А там будет мое имя? Нет, нет, не хочу, мне это совершенно не надо! Так я вам скажу! СОП – это бандиты! Грязная шайка вымогателей! Они потребовали у меня деньги! У меня пенсия всего лишь сто пятьдесят в месяц и с какой стати я должен выкладывать им два или три браса? Ну и что, что защищать? Кто они такие, на это есть полиция, если этих дармоедов содержат на те налоги, что я плачу, это они обязаны меня защищать, а не какие-то там бандиты из СОП!

Да, я отказался. Вначале. А потом на меня, в моем подъезде нападают какие-то хулиганы! Они разбили мне очки! Вы верите в совпадения? Я – нет. Эти бандиты все подстроили. Я обратился в полицию, но этих хулиганов так и не нашли. Я писал в разные инстанции вплоть до министра внутренних дел, и все время мне отвечает какой-то начальник районного отделения. Что значит – дело расследуется? Они ничего не делают. И мне пришлось идти к какому-то СОПовскому квартальному! А я еще помню, когда квартальными называли полицейских. И эти СОПовцы вернули мне мои часы. Как это возможно, если они не сами же их у меня отобрали?! Теперь мне приходится давать им деньги. Но я это так не оставлю! Если мое государство не охраняет меня, я больше не стану платить деньги государству. Я теперь беру пиво не в магазине, я покупаю его у вдовы Рюжо, потому что она его сама варит. И я перешел со скайры на лакин, потому что со скайры государство берет акцизный сбор, а с лакина нет. К тому же, как говорит доктор, в моем возрасте лакин полезнее, он укрепляет сосуды.

А мне плевать, что думают остальные! СОП – это бандиты и больше ничего! Я знаю, вы про это все равно не напишете, все газеты врут. Честные люди есть только в Движении. Хотите встретиться с людьми из Движения? Вот они вам все расскажут, как есть. Я могу дать вам адрес…

Стоу Вигес, тридцать восемь лет, адвокат, руководитель ячейки Движения за Демократию в районе Гамбрук.

— Вы из "Курьера"? И пришли говорить со мной о СОП? Как странно… Просто "Курьер" всегда относился к Движению с неприкрытой враждебностью… Ах, тот смешной старик? Конечно, я его помню. В прошлом году я выиграл дело по его иску, доказал, что он может претендовать на более высокую пенсию…

Хорошо, вернемся к СОП. Какое у меня к нему отношение? Сложное, знаете ли. С одной стороны, я им немного завидую. Они без всяких лозунгов, шума, политической ангажированности делают для района большое и нужное дело. Иногда я думаю, а может, так и надо, и наша стратегия медленных изменений и тяжелой, иногда почти безнадежной борьбы в рамках закона бесперспективна? И нужно ли нам сосредотачивать все силы на том, чтобы добиваться отставки районного префекта, который за счет районного бюджета построил себе виллу за городом? Или требовать постройки очистных сооружений на заводе пластмасс. Или бороться за то, чтобы центр реабилитации для наркоманов перестали, наконец, считать коммерческой организацией и взимать с него все возможные виды налогов… Когда есть возможность сделать что-то видимое и реальное… Так что на уровне борьбы с уличной преступностью мы их полностью поддерживаем. Многие ребята из нашего отряда самообороны ходят дружинниками в СОПовских пятерках.

Что такое отряды самообороны? А вы слышали о бойне у мэрии на прошлой неделе? Даже видели? Тогда вы меня понимаете. Между прочим, около двадцати наших товарищей тогда арестовали. И хотят осудить по закону о бунтовщиках трехсотлетней давности. По которому, между прочим, вплоть до смертной казни… Хотя извините, в область вашего интереса это не входит…

И снова о СОП. Меня заставил призадуматься один случай. Женщину уволили с работы, оформив увольнение задним числом и не выплатив ей зарплату за полмесяца. А она одинокая мать с двумя детьми, и для нее эти несчастные семьдесят пять брасов – деньги очень большие. Я взялся вести ее дело. Все шло очень тяжело – сначала в суде не хотели принимать заявление, потом у нас были трудности с поиском свидетелей – на этой проклятой

фирме рядом с ней работали сорок человек, и никто не осмеливался просто подтвердить, что она выходила в эти несчастные две недели. Затем представители дирекции не являлись на судебные заседания – с этими мелкими предприятиями иметь дело сложнее, чем с крупными корпорациями, те хоть редко заедаются из-за мелочей… И в конце концов эта несчастная женщина обратилась в СОП. И ей через несколько дней выплатили все деньги. С процентами… Нет, в том-то и дело, я не говорю, что это плохо. Иногда самому хочется вместо этих кодексов и параграфов чего-то вроде революционного правосознания. Но… Я не знаю…

Или недавно они объявили охоту на всякую мелкую рыбешку – уличных торговцев наркотиками, всяких инспекторов, клерков, письмоводителей. С одной стороны, до самых крупных воров им не добраться. Но их явно поддерживает кто-то на достаточно высоком уровне. Им позволяют очень многое. И меня тревожит, что СОП с его дисциплиной, полувоенной организацией, поддержкой в народе – это идеальный механизм для захвата власти. Уже сейчас они во многом стараются подменить собой власть…

Нет, я не шучу. Какой бы ни была нынешняя власть, но это законная власть, получившая мандат народным волеизъявлением. И пусть результаты выборов постоянно подтасовываются, голоса покупаются и продаются, но это единственный механизм, посредством которого мы все-таки можем избрать честные, компетентные и ответственные перед народом органы власти. И я порой спрашиваю себя, а не станет ли СОП в конце концов инструментом беззакония и произвола?

И они не зря называют себя дружинниками. Они действительно ведут себя в районе как какая-то баронская дружина времен средневековья. Они следят за порядком в вотчине, защищают подданных от разбойников, собирают полюдье. А кто тот барон, кому они служат? Знаете, моя профессия делает людей циничными, как и ваша, впрочем, и я как-то не верю в эту сказочку про бескорыстных бойцов. Чисто для удовлетворения собственного любопытства, господин Билон, ищите барона. Хотя в вашей статье это, конечно, не появится…

Уже стемнело, накрапывал мелкий дождик. Майдер Билон шел по улицам уже хорошо знакомого ему района Гамбрук и размышлял. Адвокат из Движения ему не понравился. Он слишком много говорил о себе и относился к Билону с плохо скрываемой неприязнью. Майдер Билон тоже не любил адвокатов. А еще он не любил политиков и политики и знал, что среди

журналистов, пишущих о политике или делающих о ней телепередачи, честных почти нет. Не верил он и во всякие заговоры, подпольные организации и тайные общества. Вот СОПовцы с их открытым вызовом ему нравились.

Материал для статьи был уже почти полностью собран. Не хватало только одного, и Майдер Билон с усилием потянул на себя тяжелую деревянную дверь бара "Мешок гвоздей" на Седьмой Восточной улице.

Сарифа Круэля он заметил сразу же. Круэль сидел лицом ко входу рядом с светловолосым, атлетически сложенным мужчиной лет тридцати пяти. Заметив Билона, он приветственно махнул ему рукой.

— Добрый вечер, господин журналист. Рад вас видеть. А это – познакомьтесь – Ренсер. Он тоже хотел бы с вами переговорить…

Ренсер Элаво, тридцать три года, координатор СОП.

— Как все начиналось? Это было… Да, это было всего лишь чуть больше четырех месяцев назад! Это был поганый дождливый день. И особенно поганый, потому что в тот день хоронили одного парня с моего дома. Он учился в университете, а его убили вечером прямо на улице, убили полупьяные подростки из-за пяти брасов, которых у него не нашлось… И этот дождь, такой сильный и промозглый… И все смотрят на тебя, словно ты во всем виноват, потому что все знают, что ты когда-то был полицейским… Да, я служил в полиции, был лейтенантом, и в прошлом году меня уволили из-за одного дурацкого дела с серийными изнасилованиями – кто ж знал, что этот ублюдок окажется близким дружком сына одного полицейского генерала. Потом, через пару месяцев, очередная жертва в какой-то подворотне всадила в него портновские ножницы…

…В общем, это был гнусный день. И мы все сидели здесь, в "Мешке гвоздей" и хотели надраться, но не помогало. И не получалось… Этого парня убивали долго, он кричал, звал на помощь, но никто не пришел. И я не помню, кто из нас первым сказал, что этого не должно больше быть. Нельзя, чтобы и дальше некому было придти на помощь… Вот название СОП, я помню, предложил Харт, Хартен Ринше, он настоял на этом, а еще он настоял на том, чтобы сразу поставить дело по профессиональному. И затем он нашел Дона, его зовут Майдер Донацилла, то есть, ваш тезка. Он владелец одного загородного клуба, там часто бывают всякие шишки – крутые, бизнесмены, политики. Дон очень много помог нам в первые месяцы – деньгами, снаряжением, своими контактами…

Тяжелее всего было в эти первые два месяца. Нас было мало,

нас не знали, нам не очень-то хотели верить… Мы тогда просто ночевали на улице, хотели быть во всех местах одновременно, ходили по домам, разговаривали с людьми, уговаривали их помогать нам, искали единомышленников. Сейчас в это трудно поверить, как мы справились. Но мы справились. Наверно, все переломила пара случаев, когда мы успели придти на помощь. И еще то, что мы нашли банду, что убила того парня. Мы расправились с ней, и с другими такими же бандами – оказалось достаточно только убрать верхушку, многие из рядовых потом присоединились к нам…

Что мы собой представляем сегодня? У нас больше ста постоянных членов – лидеров и квартальных. Дружинниками ходят почти с тысячу человек. Многие – по два-три раза в неделю. Начальник? Да пожалуй, какого-то ярко выраженного главного у нас нет. Каждый из координаторов занимается своим делом. Я, например, организую работу пятерок и команд, это мне близко и знакомо, в этом мне помогают еще трое. Кроме того, на мне контакты с полицией. Вы уже встречались со старшим капитаном Прейном? Да, это мой бывший начальник, тогда он так и не смог меня отстоять. А сейчас мы стараемся помогать друг другу. Да и многие меня еще помнят по старым временам…

Кейн Громер ведет работу со всякими мелкими фирмами, кафе, магазинчиками. У него была когда-то прачечная, но его задавили налогами, так что он хорошо знает, чем им можно помочь. Рик Джаурани – это наши внешние сношения. Особенно со всякими крутыми. Да, а что вы хотите? Мы пока не настолько сильны, чтобы ввязываться в серьезную войну. Всю мелочь в районе мы вывели, а от крупных контор приходится банально откупаться. Что поделать? Часть тех денег, что жертвуют нам люди, идет на то, чтобы держать подальше от нашего Гамбрука всяких сутенеров, торговцев травкой, серьезный рэкет. Да, мы понимаем, это бесполезно, но не все еще от нас зависит, и не все мы можем контролировать. Но пока они оставили район в покое, а затем… Дайте нам только срок… Мы развиваемся. Один из координаторов занимается работой с молодежью, а сейчас мы ищем человека, которые смог бы взять на себя заботы по всяким гражданским делам, если районные власти ничего не хотят делать. Что еще? Донацилла ведет у нас все денежные расчеты, а Харт – это наша служба информации, мы иногда в шутку называем его главным шпионом. Да, все в принципе равны. Два или три раза в неделю мы собираемся здесь или в клубе у Донациллы обсудить наши дела и обменяться новостями. Когда председательствую я, когда Донацилла или Кейн – это не принципиально.

Вот, пожалуй, и все. Да, а не хотели бы вы поехать взглянуть на нашу тренировку? Ну, так мы это называем… Вам Сариф, наверно, рассказал про того парня, которого ранил пьяный буян? После этого мы решили, что так дело не пойдет. Мы и раньше обучали своих людей различным приемам, а теперь распространили это и на дружинников. Да, курс самозащиты без оружия, специальная борьба, кое-какие приемы из арсенала спецвойск – это Харт нашел одного такого парня. Все добровольно, но тот, кто пройдет курс, получает прибавку за патрулирование…

Хотите? Так я и думал. Это в клубе у Донациллы, я сам отвезу вас, встретимся здесь на улице в полседьмого. Только… Понимаете, я не знаю, как на это посмотрит сам Донацилла, так что я представлю вас как моего кузена. Из… Хорошо, из Тиринака. Скажу, что вы заинтересовались нашей СОП, а мы пару недель назад решили, что надо помогать тем, кто захочет пойти по нашему примеру. Идет?…

Загородный клуб находился у самой городской черты, на окраине Вейнстока – самого фешенебельного пригорода столицы. И сам он выглядел невообразимо фешенебельным – аккуратно подстриженные кусты и деревья, все в осеннем золоте и багрянце, свежая зелень идеальных газонов площадок для игры в винс и продо, темно-оранжевое покрытие кортов, широкий плавательный бассейн с разноцветными шезлонгами и столиками по периметру, целый спортивный городок со снарядами и тренажерами и, наконец, здания – одно-двухэтажные деревянные коттеджи с высокими коньками крыш, широкими верандами и огромными окнами. Кегельбан, большой, но очень уютный бар с яркими пробковыми мишенями для метания дротиков, комнаты отдыха, обеденные залы, танцевальные залы, спортивные залы, деловой зал с телефонными аппаратами и рядом биржевых телетайпов…

Под стать клубу был и его хозяин – высокий, атлетически сложенный улыбчивый блондин, способный украсить обложку любого журнала. Вместе с ним Билона и Ренсера Элаво встречали двое – бритоголовый крепыш в черной майке и мешковатых пятнистых штанах, заправленных в армейские ботинки, представившийся как Зинес Коу, бывший десантник, а ныне ответственный за боеподготовку и снаряжение, и глава службы информации СОП Хартен Ринше – темноволосый, невысокий, обманчиво хрупкий, с внимательным и цепким взглядом неожиданно светлых глаз. Как подумалось Билону, он полностью соответствовал своему прозвищу главного шпиона.

Встреча была очень теплой и дружеской, и Билон ощутил

мгновенную неловкость, когда Элаво представил его как своего кузена Майдера из Тиринака, менеджера по снабжению. Разоблачения Билон не боялся. В Тиринаке он родился и вырос, а полтора года прожив бок о бок с Сентером, хорошо изучил все тонкости его профессии.

Вначале говорить больше пришлось Билону. Он уверенно рассказал свою легенду, ответил на несколько вопросов, которые задал ему Коу, и в восторженном тоне (причем, вовсе не преувеличивая) передал свои впечатления от знакомства с СОП. Так прошло несколько минут. Билон говорил, Элаво кивал в нужных местах, Донацилла предлагал Билону финансовую помощь, если он попробует организовать нечто подобное в своем Тиринаке, Коу шутил, а Ринше молчал, время от времени постреливая в Билона острым взглядом своих прозрачных глаз. Внезапно Коу, выглянув в окно, прервал очередной анекдот на половине фразы.

— Все, ребята. Пора за дело. Извините, Майдер, нам с Ренсером надо проводить занятия, так что оставляю вас на Дона и Харта. Желаю приятно провести время.

Затем засобирался Донацилла.

— Знаете, — пояснил он. — Из-за тренировок мне приходится на день закрывать клуб для посетителей. Так что я использую его для приведения территории в порядок и мелкого ремонта. Я на сегодня как раз вызвал мастеров, подлатать и покрасить крышу в одном из домиков. Так что надо взглянуть. Не волнуйтесь, Харт вам все здесь покажет. Он так часто тут бывает, что наверно, знает все лучше меня. Верно?

— Верно, — Хартен Ринше впервые улыбнулся. Улыбка у него получилась открытая и добрая. — Идемте, Майдер. Я вам тут все покажу.

Майдер Билон удивился, глядя, как преобразился клуб, казалось бы, такой тихий и пустынный. На большой огороженной автостоянке стояли с десяток автомобилей и два немного облупленных автобуса. И повсюду были люди в разномастных спортивных костюмах. Их было много: если не две сотни, то по крайней мере, полторы наверняка. Разбившись на группы по пятнадцать-двадцать человек, они сосредоточенно выполняли различные упражнения.

— У вас так много людей, — Майдер Билон не скрывал своего удивления.

— Это только первая группа, — снова улыбнулся Ринше. — После обеда приедет еще столько же. Просто здесь тренируются не только наши дружинники. Мы начинаем набирать группы поддержки и в других районах. Готовим людей, чтобы они смогли

стать квартальными и лидерами новых пятерок. Вот с этой группой, как вы видите, занимается Зинес Коу. Своего рода общефизическая подготовка. Все новички всегда вначале проходят через нее. Конечно, все эти занятия по выходным мало что дают, но с нашими лидерами, особенно с теми, кто задействован в командах, он занимается постоянно, а время от времени проводит настоящие сборы по четыре-пять дней. У нас в Гамбруке есть один большой и заросший парк…

А здесь, смотрите, курс, который проводит Ренсер. Мы называем это общеполицейской подготовкой. Задержание на улице, в автомобиле, в помещении, немного специальных приемов из арсенала полиции. А там, немножко дальше, видите, это один его коллега отрабатывает с группой силовое проникновение в помещение. Знаете, прелюбопытное зрелище. У нас есть команда, так эти ребята способны захватить любое здание за несколько секунд. Через двери, окна, сверху, нейтрализация охраны, освобождение заложников. Ну да, верно, прямо как в кино. Так кино тоже ведь с чего-то делают. Вы спрашиваете, зачем нам такая разносторонняя подготовка? Да вот вы сами и сказали, разносторонняя. Придет время, может и это понадобится.

Вот, обратите внимание. Наше основное оружие. Электрошоковая дубинка. Совсем небольшая, заметьте. Можно легко спрятать под одеждой. И оружием она официально не считается. Но если надо, тряхнет здорово. Любой громила вырубается, по меньшей мере, на несколько секунд, а больше обычно и не надо. Нет, у нас им оснащены пока только команды. Во-первых, эти дубинки дороги, и у нас их немного, а во-вторых, даже не все лидеры умеют с ними правильно обращаться.

А эта группа, да-да, осторожно, это, можно сказать, наша элита. Специальная борьба. Нет, самым употребимым приемам мы учим всех, это, так сказать, основа, без нее никак нельзя. Но здесь занятия ведет один… ну, скажем, инструктор. Во всех наших тренировках самое главное, чтобы люди были готовы в жизни применить то, чему их учат. То, чему учат здесь, применять без крайней нужды нельзя ни в коем случае. Самые безобидные приемы здесь направлены на то, чтобы лишить противника сознания. А иные… Сами понимаете. Нет, никому из нас пока не приходилось использовать их на практике. Но мы на всякий случай обучаем самых надежных, тех, кто не подведет в случае чего.

А это мы называем теоретическими занятиями. Их тоже ведет один из наших координаторов. Нет, я сам не веду никаких курсов. Я только нахожу тех, кто может это делать. Как? Ну, это моя

специальность, в конце концов. Так вот, здесь проходят занятия с будущими квартальными. Патрулирование, основы организации пятерок, взаимоотношения с населением, агитация, особенно. Да, сейчас мы очень много занимаемся агитацией в различных пригородах Реперайтера, пытаемся выйти и в другие города, но это сложнее. Пока все идет, в основном, через наших дружинников – через их сослуживцев, родственников, друзей. Так что вы, я думаю, нам здорово поможете.

Да, я знаю, кто вы. Вы Майдер Билон, репортер "Курьера". Ну, не беспокойтесь. Во-первых, ваши фотографии были в газетах, а у меня профессиональная память. Какой профессии? Знаете, как меня здесь называют? Главным шпионом. Это не совсем то, но… близко. Вы меня понимаете? А во-вторых, это отчасти я организовал вашу поездку сюда. После того, как я узнал о журналисте, который берет интервью у дружинников, все остальное было делом техники. Нет, в курсе только я и Ренсер. Вы, надеюсь, понимаете, что все, что вы сегодня увидели, пока не для печати. У нас есть поддержка, причем на достаточно высоком уровне. Но мы и наши покровители еще не готовы выйти на авансцену. Преступность – это не та сила, с которой можно справиться легко. Или нашими все еще ограниченными силами. Так пусть мы пока будем выглядеть как чисто гражданское, самодеятельное, добровольческое движение. А потом… Когда-нибудь придет и наше время.

Да, все это для того, чтобы вы знали, кто мы такие и чего хотим. И… еще один момент. Моя профессия предполагает незаметность и анонимность. Те люди, которые движут дело, движут его по-настоящему, почти никогда не появляются на публике. Но я, увы, далек от идеала. Я не хочу всю жизнь быть кукловодом, который тянет за ниточки, но не выходит на сцену. Я хочу, чтобы вы знали, с кого начался СОП. И может быть, когда придет время, мне разрешат стать героем.

Майдер Билон выполнял задание. Он знал, о чем будет писать, и знал, как. Пишущая машинка щелкала как пулемет, строчки сами ложились на бумагу. Статья получалась, он сам понимал это. Люди узнают о том, что такое СОП. Они прочитают о бывшем солдате Круэле и о рабочем-сварщике Эльзине, об учительнице, приглашающей в школу пост СОП, и о владельце кафе, который теперь может не бояться рэкетиров. О том, как страшно погибал на темной улице юноша-студент, и о том, как люди вышли на эти улицы, чтобы подобное больше не повторилось. Они пока еще не узнают о тренировках и изучении боевых искусств в загородном клубе, но Билон верил, что придет

время, и они смогут узнать и об этом.

А еще была сегодняшняя газета, где в нижнем углу первой полосы притулилась неприметная заметка. "Танковая колонна пришельцев уничтожена в Тороканских воротах", — гласил набранный жирным шрифтом заголовок. Это была победа. Это была новая жизнь, в которой можно было уже не бояться. Майдер Билон был счастлив.

Но почему счастье всегда длится так недолго?

Глава 21. Единственный приемлемый вариант

Центр – Стрелку.

В связи с особой важностью филлинских событий просим вас сосредоточить все усилия на установлении контакта с жителями планеты и, насколько это возможно, оказании им помощи. В ближайшее время ожидайте прибытия на Филлину нашего эмиссара со специальными полномочиями…

— Когда же вы отдыхаете, Реэрн? — сочувственно спросил генерал Эамлин.

Реэрн устало помассировал виски. Последние три часа он, не разгибая спины, трудился над калибровкой танковых прицелов.

— Ничего, — сказал он наконец. — Это уже последний залп. Часа через три все уже будет готово.

— Не загоняйте себя так, — посоветовал генерал. — В конце концов, назначая вас зампотехом, я хотел только немного подразгрузить супера-три Зуагла, а не нагружать сверх меры вас. К тому же, вовсе нет необходимости так спешить. Вторжение начнется не завтра, как вы, наверно, думаете, а послезавтра.

— Вот как? — удивился Реэрн. — А я считал, что не в наших правилах давать противнику так много времени на празднование своего триумфа.

— В некотором смысле, вы правы. Но… А, признайтесь, Реэрн, ведь вам все это время немного портило настроение то, что вы так и не узнали, чем закончилась история со спецаппаратурой, которую вы наладили.

— Ну, кое о чем можно было догадаться. Если учесть, что все наши цели расположены на Восточном континенте, а выделенный нам участок так невелик, — при таких условиях даже трех флотов не хватит, чтобы осуществить вторжение на оба континента одновременно.

— Браво! — засмеялся генерал. — Из вас вышел бы отличный разведчик. Ваши бы способности, да в мирных целях! Впрочем, перейдем к делу. Вы снова правы. Властитель Горданы откликнулся на переданное нами предложение и прислал на корабль Пээла своего представителя. Министра или что-то в этом роде. С ним были проведены переговоры, достигнуты некоторые предварительные договоренности, а сегодня наша делегация вылетает, вернее, уже только что вылетела на встречу с

горданским президентом.

— Как интересно! — восхитился Реэрн. — Великая Империя снисходит до того, чтобы о чем-то договариваться с примитивными обитателями отсталой планеты.

— Мне кажется, ваша ирония здесь не совсем уместна, — сухо заметил генерал. — Филиты заслужили уважение к себе. Они уже неоднократно удивляли нас и, как мне кажется, еще преподнесут немало сюрпризов. Таких союзников стоит ценить.

— А захотят ли они стать нашими союзниками? — серьезно спросил Реэрн. — Особенно после разгрома танковой колонны Пээла?

— Вы умеете задавать неприятные вопросы, — нехотя признал генерал. — Поэтому-то вторжение и отложили на сутки. Нам необходимо их добровольное сотрудничество, у нас нет времени ломать их или устраивать им наглядные уроки. Пока мы будем заняты на Восточном континенте, у нас не будет возможности разместить мало-мальски значительные силы на Западном. И пока мы не закончим, с Горданой надо будет обращаться как с треснутым яйцом – бережно и аккуратно.

— Боюсь, я опять задам неприятный вопрос, — сказал Реэрн. — Как вы считаете, сможет ли наша делегация добиться этой цели?

— Я никак не считаю, — проворчал генерал. — Вокруг этого дела слишком много интриг. Немало народу в штабе будет только радо, если вся миссия завершится полным провалом. Сейчас мы готовимся к вторжению по тому плану, который предусматривает помощь или, как минимум, дружественный нейтралитет со стороны Горданы. Но есть и другая группа разработчиков со своим альтернативным планом, который может быть незамедлительно введен в действие. На базах Тэкэрэо сосредоточены запасы, которые можно будет перебросить на Филлину в течение трех декад. Правда, при этом сама планета Тэкэрэо останется на голодном пайке. Многие в штабе считают, что любые переговоры – это признак слабости. Кроме того, сама идея сотрудничества с жителями Филлины исходит от Оонка и Службы Безопасности – еще одна причина для того, чтобы быть против.

— Однако при этом все делают вид, что горячо одобряют этот план, — вставил Реэрн. — Получается, что очень много зависит от того, кто будет в составе делегации.

— Возглавляет ее некий Буонн, департаментский советник из министерства колоний. Я мало знаком со штатскими, слышал только, что он довольно молод, нашего возраста или даже немного младше, что уже само по себе является неплохой

характеристикой. У него репутация либерала, правда, он несколько лет служил на Кронтэе и наверняка набрался там специфического опыта в общении с инопланетниками, который плохо подходит здесь. Но с другой стороны, где вы найдете в минколоний достаточно высокопоставленного чиновника без кронтэйского опыта? Говорят, служба на Кронтэе у них вроде практики перед назначением на руководящие посты в министерстве… Что еще? Слышал, что этому Буонну обещан пост то ли управителя, то ли заместителя управителя Филлины, так что у него есть все резоны стараться.

— А кто от космофлота?

— Вы удивитесь, Реэрн. Я сам удивился. Маршал Гдэаск. Согласитесь, звучит дико. Маршал в подчинении у департаментского советника, который в табели о рангах соответствует всего лишь генералу второй величины. Я даже не знаю, как это понимать. То ли Таорз придает миссии такое большое значение, то ли маршал ведет какую-то свою игру, то ли… Маршал Гдэаск – не штабник, он чисто строевой командир, к каким-либо группировкам никогда тесно не присоединялся. По слухам, в разработке планов вторжения никакого участия не принимал, но чуть ли не сам вызвался участвовать в переговорах. Не знаю…

— Третий, как я понимаю, надсмотрщик из Канцелярии?

— Снова в точку. Старший инструктор из Канцелярии Совета Пятнадцати. Глаза и уши Оонка. Что вообще превращает миссию в совершеннейшую фантасмагорию. Три человека из трех ведомств, фактически не подчиняющиеся друг другу и возможно, с разным представлением о цели. Так что я не берусь давать какие бы то ни было прогнозы. На этих переговорах может случиться все, что угодно. Абсолютно все, что угодно. Даже успех.

— Это точно, — пробормотал Реэрн, берясь за следующий прицел.

— Да не расстраивайтесь! На то мы и военные, чтобы быть готовы к любым неожиданностям. Или у вас что-то стряслось?

— Да как сказать? — Реэрн поколебался. — Недавно вот получил послание от кузена…

— Какие-то неприятности? — поинтересовался генерал.

— Пока нет. Вы же сами знаете, в посланиях, проходящих через обязательную цензуру, никто не будет сообщать о чем-то действительно важном. Но мой кузен пишет мне довольно редко, так что уже сам факт послания означает, что меня собираются нагрузить какой-то новой проблемой…

Раннее утро.

Хмурое осеннее утро, когда небо затянуто сплошной пеленой серых облаков, а по крыше стучит мелкий противный дождь. Но медленный рассвет все же вступает в свои права, по одиночке выхватывая из серой пелены зеленые лужайки в желтых, кирпично-красных и бурых пятнах опавших листьев, высокий бетонный забор с колючей проволокой, скрытый за зарослями зеленого декоративного можжевельника, и несколько изящных двухэтажных домиков с бревенчатыми фасадами и острыми крышами, крытыми цветной черепицей. Ладо-Ваталин, самая северная из загородных резиденций президента Горданы, маленький форпост цивилизации среди бескрайних широколиственных лесов, чистых озер и серебристых ручьев, в которых живут крупные, быстрые и азартно хватающие наживку радужные форели.

Лерид Кирстен любил Ладо-Ваталин. Для него, горожанина, прогулка в настоящем лесу до сих пор была редким и захватывающим событием. Но в этот раз Ладо-Ваталин был избран из-за своей уединенности, делающей его идеальным местом для переговоров с – подумать только – пришельцами.

Ситуация раздражала своей неоднозначностью и неопределенностью, и Лерид Кирстен был сильно не в духе. Сидя за завтраком, он изливал свое плохое настроение на Сеймора Скэба – пожалуй, единственного человека, перед которым ему можно было не притворяться и не скрывать своих мыслей и эмоций.

— Я уже жалею, что связался с пришельцами, — сердито сказал Кирстен, дождавшись, пока официантка закроет за собой дверь. — Одно дело – стать союзником могучей силы и совсем другое – склониться перед побитым врагом.

Сеймор Скэб невозмутимо помешивал в чашке свою скайру – горячий густой сладко-пряный напиток насыщенного темно-оранжевого цвета.

— На этот счет можешь не волноваться. Пришельцы сильны, очень сильны. Я сам был у них, там, в космосе, и видел их корабли, много больших кораблей. И огромные ангары, битком набитые танками и самолетами. И сотни солдат.

— Вот это меня и беспокоит. Они были очень щедрыми и, как ты говорил, на все соглашались, но после того, как ты встретился с ними, у нас больше нет свободы маневра. Или отказ от переговоров и война, то есть, катастрофа для страны, или мир, за который нам придется заплатить столько, сколько пришельцы потребуют.

— Любой мир лучше, чем безнадежная война, — спокойно напомнил Скэб.

— Я знаю. Но я, получается, все поставил на то, что и мы сможем использовать пришельцев для своих целей, как они нас для своих. Если ставка – величие Горданы, стоит рискнуть. Но если нет… Бомбы, которые так и не упадут на наши города, — это слишком абстрактно для простого обывателя. Зато у каждого найдется какая-нибудь двоюродная тетушка в Тогроде или Шилги, каждый заметит отсутствие картайских вин, дахранской скайры, чинетского лакина, олова из рудников Матиклаунна. У многих компаний есть собственность на Восточном континенте, а я не думаю, что пришельцы выплатят за нее хоть какую-то компенсацию. Такие штуки здорово рождают чувство уязвленной национальной гордости. Потом, я еще не знаю, чего потребуют эти синерожие – в общем, я слишком хороший козел отпущения, на которого можно свалить ответственность за все неприятности.

— Ты опасаешься импичмента? — поинтересовался Скэб.

— Нет, только не его. Чтобы официально снять меня с поста, нужно обвинение в каком-то конкретном преступлении. И две трети голосов в парламенте. Это будет просто много неприятных мелочей – постараются вскрыть все мои старые дела, попробуют покопать нашу спецслужбу, начнут выбивать моих людей в правительстве, да мало ли что. Тем более, что вроде бы, был уже прецедент, когда президент подал в отставку по своей воле.

— Был. Около ста восьмидесяти лет назад. Против президента Дэгуана не было выдвинуто никаких обвинений, но он ушел после того как, ввязавшись по его инициативе в войну Барганда с Дахраном, мы потеряли весь наш флот в Крулленском сражении. После этого поражения Гордана больше не пыталась вести активную политику на Восточном континенте.

— Да, теперь и я вспомнил. А значит, вспомнят и другие. Обвинения в предательстве целой планеты – это слишком сильная дубинка. Если все объединятся против меня, то эту пропагандистскую войну нам не выиграть. Так что на переговорах мне необходим успех. Да что там успех, триумф, чтобы все и думать забыли о Восточном континенте, а только аплодировали и восхваляли мою мудрость. Но в любом случае, Сеймор, нам надо ускорить выполнение нашего плана.

— Опасно. Все может вылезти наружу.

— Плевать. И так слишком много народу знает или догадывается, что за этим стоим мы. Но если дело не ускорят пришельцы, меня будут валить по всем правилам, а это займет довольно много времени. Сколько у нас полигонов по внедрению СОП?

— Восемнадцать. Самый лучший, в Гамбруке, работает уже больше четырех месяцев. Между прочим, на днях я планирую

засветить его.

— Шунт или Хабвер?

— Нет, ни тот и ни другой. Эти двое слишком давно заангажированы, и всем известно, кем. В том же "Курьере" есть один славный паренек по имени Майдер Билон…

— Это тот самый, кто нашел пришельцев?

— Да. Я читал все его статьи. И те, что пошли в печать, и те, что нет. У него здорово получается. И он пишет искренне, а это сейчас намного важнее любой пропаганды. В этом деле нам необходима поддержка населения.

— Ладно, Сеймор, делай как знаешь. В этом я полностью полагаюсь на тебя.

Сеймор Скэб допил наконец свою скайру и озабоченно посмотрел на часы.

— Ну что, Лерид, мне пора. До базы Коро как раз полчаса езды, а я люблю приезжать на все мероприятия за полчаса до начала. Мы встретим их как полагается.

— Удачи, Сеймор. И пожелай удачи мне. Она мне сегодня здорово понадобится. Надеюсь только, что после поражения в Тороканских Воротах пришельцы будут более сговорчивыми…

База Коро, принадлежащая воздушно-десантным войскам, представляла собой группу низких серых зданий, разбросанных прямо в лесу в стороне от огромного летного поля, перекрещенного паутиной широких взлетно-посадочных полос. Сейчас на базе царила легкая суматоха, связанная с прибытием высоких гостей – главы аппарата сотрудников президента Сеймора Скэба, командующего воздушно-десантными войсками генерала Турина Могли и заместителя министра иностранных дел Ленни Чоллона – и ожиданием гостей еще более высоких – в буквальном смысле слова – делегации космических пришельцев.

Все как круги по воде расходилось от небольшого предмета, стоящего на краю широкой забетонированной площадки под охраной вооруженных солдат с напряженно-сосредоточенными лицами. Издали этот предмет был похож на морского ежа – черное полушарие, все мокрое от дождя, высотой примерно в двадцать сантиметров и диаметром в полметра, утыканное короткими штырями, закатанными в черный пористый пластик. На верхушке полушария тускло светила маленькая оранжевая лампочка. Казалось невероятным, что эта смешная штучка представляла собой мощный маяк, сигнал которого можно было засечь за сотни и тысячи километров.

— Сеймор, вы не возражаете, если я потом реквизирую его у вас и передам своим ребятам? — полушутя спросил генерал

Могли. — Чертовски хочется узнать, что у него внутри.

— Возражаю, — Сеймор Скэб не был настроен шутить. — Во-первых, их у меня всего два. Во-вторых, я сомневаюсь, чтобы ваши эксперты смогли в нем что-то понять. А в-третьих, в этом нет смысла – пришельцы все равно пообещали поставить нам немного своей техники.

— Вот как? — генерал Могли перелистывал Меморандум, подготовленный Скэбом на основании предварительных переговоров с пришельцами. — Что-то я здесь ничего такого не вижу. К тому же, было бы намного лучше, если бы они поделились с нами не техникой, а технологией.

— Вы просто невнимательно смотрели, генерал, — разъяснил полный, рыхловатый и пухлощекий Ленни Чоллон. — Но как это ни унизительно для нас, в отношениях с пришельцами мы еще долго будем оставаться слаборазвитой страной, поставляя сырье и продовольствие в обмен на машины. К сожалению, чтобы освоить их технологию, нам надо будет пройти несколько промежуточных ступеней.

Чоллон говорил своим обычным менторским, слегка снисходительным тоном. Многих собеседников это раздражало, но генерал Могли слишком хорошо знал Чоллона, чтобы обращать внимание на его манеры.

Все трое, даже четверо, включая президента Кирстена, познакомились и сблизились четыре года назад, во время так называемого Эрефтийского кризиса. Дело было в Телларне – стране, расположенной к югу от Горданы и заселенной преимущественно выходцами из Картагонара. Четыре года назад группа сепаратистов, требующих отделения от страны небольшой области, где большинство населения составляли потомки эмигрантов из Шапарира – бывшей провинции Картагонара, а ныне независимого государства, — организовала путч и захватила форт на острове Эрефти. Форт был вооружен мощными орудиями и полностью закрывал вход и выход из реки, в устье которой находился крупнейший порт Телларны, обеспечивающий три четверти ее внешней торговли. Для Телларны, зависящей от импортной нефти, перекрытие этой артерии означало медленное удушение.

Ленни Чоллон, бывший в то время горданским послом в Телларне, незамедлительно и не успев даже толком проконсультироваться с родным МИДом, предложил телларнцам военную помощь. Правительство Телларны после провала двух попыток штурма острова и гибели своего единственного крейсера, потопленного орудиями форта, было готово на все. Но в

самой Гордане инициатива посла вызвала скандал. Наиболее последовательно и рьяно защищал Чоллона парламентарий Лерид Кирстен, развернувший настоящую пропагандистскую кампанию в пользу военной помощи. Этой кампанией незаметно, но очень действенно дирижировал помощник Кирстена Сеймор Скэб…

Через несколько дней горданское правительство поняло, что не может оставаться в стороне, и в Телларну без особой огласки отправилась единственная в горданской армии воздушно-десантная бригада генерала Могли. Десантники, обрушившись на голову путчистам, все еще ждавшим атаки с моря, взяли форт за полчаса и без особых потерь.

После окончания кризиса воздушно-десантную бригаду было решено расширить до корпуса, и генерал Могли вдруг стал вровень с ведущими военачальниками страны. Лерид Кирстен приобрел известность и популярность, а Сеймор Скэб – опыт в организации пропагандистской работы. Только Ленни Чоллона, как бы подальше от мстительных сепаратистов, перевели за океан, назначив послом в Дахране.

Дахран был одним из крупнейших государств Заморья, с девяностомиллионным населением, огромными ресурсами и большим желанием развиваться после освобождения от обременительной баргандской опеки. Но горданский посол в Дахране был не исполненным достоинства представителем "старшего брата", а лоббистом, вынужденным заниматься проталкиванием на местный рынок продукции горданских корпораций. Работа эта была тяжкой и неблагодарной – качество горданских товаров и оборудования уступало продукции, произведенной в Приморье, а сентиментальные воспоминания об участии Горданы в баргандо-дахранской войне стовосьмидесятилетней давности, с треском проигранной дахранцами, мало помогали заключению контрактов. Там Ленни Чоллон, и раньше бывший ярым сторонником "сильной" Горданы, приобрел острое чувство неприязни как к заморцам, так и к жителям Приморья и еще больше сблизился с Леридом Кирстеном, с удовольствием перейдя на работу в правительство. Он же, вместе со Скэбом, и помогал Кирстену подготовиться к переговорам с пришельцами.

Генерал Могли продолжал листать Меморандум.

— Господа дипломаты, — наконец сказал он. — Вам не кажется, что вы слишком увлеклись перечислением того, что *мы* хотим от пришельцев и не уделили нужное внимание *их* требованиям? Что значит – запрет на производство боевых

летательных аппаратов со скоростью выше скорости звука в атмосфере? У нас нет сверхзвуковых самолетов, да и в других странах они все еще только в стадии испытаний. Или это относится и к нашим зенитным ракетам? А что значит – количественные и качественные ограничения по наземным самоходным боевым системам? Это как понимать?

— Дорогой генерал, — промурлыкал Чоллон. — На данном этапе все это – малозначащие мелочи. Главное сейчас – это решить в принципе, пойдем ли мы на отказ от некоторых видов вооружений. Или, скажем, как именно и в какой форме наш президент объявит о признании верховной власти их императора. Или каковы границы полномочий их наблюдателей в нашем будущем всемирном правительстве. Или каким термином обозначить те поставки сырья и продовольствия, которые мы обязуемся им производить. Договориться о главном. Понимаете? А все частные вопросы можно будет передать на рассмотрение какой-нибудь постоянной согласовательной комиссии. Конечно, это ненормально, обычно все происходит наоборот, но обстоятельства таковы, что нам надо ставить телегу впереди быка.

— Достичь какого-то соглашения с пришельцами нам нужно немедленно, сейчас, — объяснил Скэб. — Переговоры с ними нельзя будет держать в тайне больше двух, максимум, трех суток. Иначе пойдут такие утечки, что нас сметут за считанные часы. Об этом мы должны объявить сами, и обязательно представить все как нашу победу. Политическое положение таково…

— Опять политика, — проворчал генерал. — Я солдат и предпочитаю четко поставленные задачи. И если в вашей писульке сказано – предельный уровень численности вооруженных сил, мы обязаны дать задание генштабу и четко определить, какой уровень является для нас достаточным. И с учетом того, как мы понимаем это владычество над половиной мира, которым нас постоянно манят эти пришельцы. Или это будет прямая аннексия, или что-то вроде баргандской системы опеки, или ассоциация независимых держав с нами во главе…

— Прошу прощения, генерал, — перебил его Чоллон. — Мы все знаем, что в военных вопросах вы у нас – главный эксперт. Но этим опять можно будет заняться позже. А пока взгляните на пятый раздел, в первом варианте Меморандума его не было. Чтобы вы были готовы, когда этот вопрос встанет в ходе обсуждения.

Генерал внимательно перелистал несколько страниц.

— Здравая идея, — признал он. — Если пришельцам так нужен Восточный континент, но не нужно его население, мы

можем принять часть. Причем, очевидно, это будет самая активная часть, которую можно будет использовать и для освоения наших земель на западе и севере, и для пополнения армии. Да, нам нужно будет настоять на этих безопасных коридорах для эвакуации. И как минимум, на месяц.

— Добавлю еще, — сказал Чоллон, — что все эти коридоры будут предназначены только для населения Приморья и Северного Заморья. Благодаря этому мы поправим наш демографический баланс и поставим на место всех этих наглых черных. Всего мы рассчитываем на десять-пятнадцать миллионов человек. Если подключить к этому Валез и транспортные системы стран Востока, мы справимся. Вот *эти* расчеты мы, хотя и вчерне, уже провели.

— Я бы советовал распространить приоритетный режим не только на Барганд, но и на Граниду, — предложил генерал Могли. — Ассимиляция при этом будет проходить, конечно, сложнее, но она окупится.

— Привязанность к родине предков? — рассмеялся Чоллон. Улыбаясь, он становился похож на сытого и довольного кота.

— Причем тут это? Да, мой дед родился в Граниде, ну и что с того? У меня нет особых чувств к этой стране. Просто когда я был помощником военного атташе в Граниде во время войны, я не вылезал с передовой и знаю, что гранидцы – лучшие в мире солдаты. Я бы расширил ваши коридоры и до Чинерты, но она, к сожалению, слишком далеко.

Подбежавший офицер-десантник передал генералу короткое сообщение.

— Господа, — сказал Могли. — Кажется, наши радары засекли летательный аппарат пришельцев, направляющийся к нам. Советую на всякий случай спуститься в бункер.

— Я думаю, все будет в порядке, — заявил Скэб, спускаясь по крутым ступенькам. — Я уже встречался с их руководителем делегации. Он славный парень, почти без их обычного высокомерия.

— Высокомерия? — неприязненно переспросил генерал.

— Да. Они считают себя высшей расой, призванной господствовать над космосом. Хотя этот парень, Буонн, говорил мне, что им еще не приходилось встречать цивилизацию, равную нашей. Поэтому, как он сказал, они умом понимают, что нас надо уважать, но им нужно время, чтобы осознать это.

— Ладно, — пробормотал генерал. — Черт с ними. А скажите, Ленни, что вы думаете по этому поводу? И не обидится ли ваш начальник-министр, что это вы принимаете участие в этой "исторической" встрече?

— Не обидится. Во-первых, если все удастся, он все равно заберет все лавры себе. Если, нет, он просто свалит все на меня. А во-вторых, он все-таки не дурак и понимает, что серьезными делами должны заниматься профессионалы, а не партийные боссы.

— Серьезными делами должны заниматься профессионалы, — сердито думал департаментский советник Буонн, ерзая в неудобном кресле посадочного шаттла.

Внезапная перегрузка с размаху вдавила его в ложе, заставив департаментского советника сдавленно охнуть.

"Тьма забери этих военных! Что за идиотская привычка садиться с отключенными гравикомпенсаторами!?" – Буонн с неприязнью покосился на сухое костистое лицо маршала Гдэаска, невозмутимо сидящего в соседнем кресле. Ему-то перегрузки, казалось, были нипочем.

Департаментский советник чувствовал, как в нем нарастает глухое раздражение. На этом месте должен был сидеть генерал третьей величины Бзэанг. Нет, нельзя сказать, чтобы советник сильно скорбел о его отсутствии. Между нами говоря, его превосходительство не отличался ни умом, ни сообразительностью – обычный долдон со звездами на нашивках, но он, по крайней мере, был ясным и предсказуемым. И признавал его авторитет. И вообще, что здесь делает командующий десантными силами накануне вторжения?!

Буонн вздохнул про себя. Он представлял, что может делать на переговорах командующий десантными силами. Кончено, никто не рискнет напрямую нарушить рекомендации самого Оонка, особенно, в присутствии старшего инструктора из Канцелярии. Но это так легко – показать там, где надо, пренебрежение к представителям отсталой расы, там, где надо, ввернуть несколько слов, а там где надо, проявить принципиальность и непреклонность… И что делать в этом случае – Буонн с ужасом осознал, что так для себя и не решил, что он будет делать: молчать, подчиняясь чину маршала, или опровергать его, опираясь на свой статус руководителя делегации. И то, и другое – не самый лучший путь к единственному приемлемому для него варианту – быстрому успеху переговоров.

Конечно, все было бы немного легче, не будь его личное будущее так тесно связано с судьбой планеты. В случае удачного завершения миссии ему твердо обещано место старшего наблюдателя в туземной администрации. А в перспективе – пост управителя или заместителя управителя всей планеты и чин

министерского советника.

Но если нет… Честное слово, лучше бы филиты вообще не дали никакого ответа. Не зря у флаг-маршала Таорза в тот день было такое мрачное настроение. Тогда филлинскую экспедицию можно было бы смело считать затянувшимся отпуском, а не гадать, шуткой или нет был тот намек о вакантной должности начальника Экваториальной провинции на Киилинарэ…

При воспоминании о Киилинарэ департаментского советника передернуло, что удачно совпало с очередной перегрузкой. Он уже успел прослужить два года на том самом Экваториальном континенте Киилинарэ в должности районного начальника и сохранил об этом месте самые жуткие воспоминания.

Проклятая зловонная дыра с отвратительным климатом! Жара, бесконечные дожди, проклятые насекомые, а райцентр представлял собой два десятка сараев на сваях посреди болота, на единственной в радиусе двухсот километров возвышенности высотой аж в два метра, которую два-три раза в год все равно затопляло после особо сильных и продолжительных ливней.

Уж лучше бы этот континент так и оставался местом ссылки для преступников! Да вот беда – в болотах в изобилии водились гигантские лягушки куилки, обладающие необычайно нежным и вкусным мясом, из некоторых местных кустарников добывали ароматические масла, а вытяжка из болотных водорослей представляла собой надежное и без каких-либо побочных эффектов лекарство от похмелья…

Впрочем, хватит воспоминаний. Его карьера, конечно, важна, но дело не только в ней. И не в неуемных амбициях вечных мальчишек, не наигравшихся в детстве в войнушки. Ставки в этой игре велики. Кронтэю завоевали военные, и гражданская администрация сменила их только восемьдесят лет спустя. После этого планету пришлось ставить на двенадцатилетний карантин – настолько она была разграблена и загажена, а управление космофлота отгрохало себе тогда шикарный небоскреб в бывшей столице…

Интересно, думал ли Таорз или кто-нибудь в его штабе, во сколько обойдется эта переброска ресурсов с Тэкэрэо? А это одиннадцать стандартных световых лет, между прочим. И во что это обойдется самой планете Тэкэрэо? Спорить трудно, в этом есть и личный момент – он сам провел там шесть лет, сначала на посту районного, затем – окружного начальника. И знает, на что способна эта планета, если ей хотя бы чуть-чуть помочь. Не говоря уже о том, насколько большое значение она приобретает после завоевания Филлины.

Советник, в общем-то, не верил ни в бога, ни в черта, ни в

Великие Звезды, но сейчас он молился о том, чтобы филиты оказались достаточно мудры, чтобы согласиться с требованиями Империи, или достаточно глупы, чтобы не разобраться, что им предлагают. В любом случае, понял советник, он не уступит. Он будет идти навстречу филитам во всех второстепенных вопросах, не оговоренных его инструкциями. Он будет им льстить или угрожать. Если надо, он дезавуирует маршала Гдэаска и своей волей отстранит его от ведения переговоров. Он уговорит их за два дня подписать соглашение. Он должен победить!

Очередная перегрузка снова вдавила советника в кресло, заставив его с шумом выпустить весь воздух из легких. И почему только проклятые военные не пользуются гравикомпенсаторами?!…

Командующий десантными силами соединения маршал Гдэаск смотрел на страдания советника со смешанным чувством сожаления и легкого сочувствия. Откуда высокопоставленному бюрократу понять прелесть свободного полета? Свободного, без костылей гравикомпенсаторов, когда ты буквально каждой клеточкой тела чувствуешь, как посадочный шаттл, покорный твоей воле, прокладывает себе путь сквозь атмосферу чужой планеты.

Впрочем, чиновникам и положено сидеть в кабинетах. Гораздо хуже, что вкус к свободному полету утратило и большинство его коллег – генералов и маршалов космофлота. Но что гравикомпенсаторы, это только один симптом, причем не самый заметный и не самый главный. Империя больна, опасно больна. Она обленилась и обюрократилась, потеряла свой прежний дух первопроходца и покорителя, а верхушка больше занимается интрижками, гешефтами и межведомственными склоками, чем управлением государством.

Трагично, когда вместо подвигов и свершений на первое место выходит умение "крутиться". Империя потеряла веру в себя, и не зря ее военная мысль уже полтораста лет идет по пути создания все новых и новых монстров, напичканных электроникой и не требующих экипажа.

Одно время он пытался бороться с этим. И даже смог пробить штат и финансирование для одного инженера, конструирующего пилотируемые боевые летательные аппараты. Но его идеи были отвергнуты. "Вы представляете, сколько тогда понадобится пилотов? — сказали ему. — И во что обойдется их подготовка, при том, что нынешний военный бюджет Империи не отвечает всем потребностям космофлота? На те же деньги можно набрать сотню мальчишек-кадетов, посадить их перед компьютерами, а

затем надеть им на головы шлемы. И кроме того, зачем бросать граждан Империи в горнило воздушных боев? Это может привести к неоправданным потерям…"

Маршал ни с кем не делился своими мыслями и переживаниями. Он привык к вечному одиночеству, и среди военной элиты Империи, к которой он принадлежал по праву рождения, у него не было ни друзей, ни единомышленников.

Даже Таорз, самый толковый из них, понимает филлинское завоевание как изящный оперативный этюд, как возможность прославиться и обогатиться, как способ набрать еще десяток очков в вечной борьбе космофлота с гражданской бюрократией и Службой Безопасности.

Для него же Филлина – это шанс. Возможно, последний и единственный в своем роде. Долгими ночами он часами просиживал в своем тесном кабинете, в пятый и десятый раз просматривая кадры хроники той безрассудно храброй атаки филитов на корабль Пээла. В этом мире не разучились сражаться и умирать. Здесь он найдет сотни и тысячи смелых воинов – мысленным взором он уже видел армады легких одноместных воздушно-космических истребителей, бросаемых в атаку впереди основных сил космического десанта. Он видел сотни филитов в имперской форме внутри грозных боевых машин, даже космические корабли-разведчики с филитскими экипажами…

Ради этой мечты с филитами стоило познакомиться поближе. Ради нее он настоял на своем участии в переговорах. Он не боялся оставить своих десантников накануне вторжения – его заместители, когда придет время, сделают все что нужно. Главное дело для маршала было здесь, внизу, где филитов любой ценой надо было превратить в союзников.

Только как посмотрит на это надсмотрщик из Канцелярии Совета Пятнадцати? Не посчитает ли он его стремление к союзу с филитами опасной слабостью? Или, как они выражаются, подрывом престижа Империи? Не воспрепятствует ли он его дальнейшему участию в переговорах? Трудно сказать. На его лице ничего нельзя прочитать, а за последние два часа он вообще не проронил ни единого слова…

Старший инструктор замечал те опасливые и осторожные взгляды, что время от времени бросал на него маршал, но не обращал на них особого внимания. За двадцать с лишним лет службы в Канцелярии Совета Пятнадцати он давно привык к тому, что даже большие и сильные люди – генералы, губернаторы, управители – относятся к нему с опаской и немного заискивающе. Он был ближе к власти, чем они, и это все

объясняло. А еще – им всегда было, что скрывать и чего опасаться. Было и в этот раз, и старший инструктор знал или ему казалось, что знает, что именно.

Не секрет, что фельдмаршал Гдоод и флаг-маршал Таорз мечтают о том, чтобы завоевание Филлины было проведено силами одного космофлота. Нет, никто из здешних военных не посмеет открыто саботировать инструкции Совета Пятнадцати, но в таком тонком деле, как переговоры с филитами, и простое небрежение может стать причиной провала миссии. Он, конечно, будет сигнализировать, отразит это в своем рапорте, но… исправить положение уже будет нельзя.

Конечно, Гдоод тоже член Совета Пятнадцати и вообще второй человек в Империи, но его воля пока еще не есть воля всего Совета Пятнадцати. Канцелярия же Совета служит не отдельным лицам, а государству, и долг ее состоит не в том, чтобы только регистрировать ошибки и случаи неповиновения, а чтобы предотвращать их.

Старший инструктор принял решение. Его инструкции не запрещают ему принять активное участие в переговорах, и он примет в них участие. В конце концов, он не без оснований считал себя лучшим дипломатом, чем бесхитростный солдат Гдэаск или способный колониальный администратор Буонн. Он сам, конечно, никакой не оратор, но для того, чтобы оказать влияние на ход переговоров, не надо будет много говорить. Когда слов много, они только мешают друг другу и затрудняют понимание. Когда же человек, наделенный полномочиями и властью, молчит, каждое его слово будет услышано и понято.

Шаттл уже шел на посадку. В иллюминатор было видно, как желто-зеленая щетина леса все приближается, постепенно заполняя собой все поле зрения. И старший инструктор, повернувшись к советнику и маршалу, коротко бросил, как бы обращаясь к самому себе:

— Я думаю, мы договоримся с этими филитами.

В небольшом отсеке где-то глубоко в недрах флагманского корабля стоит тишина. И это не простая глупая тишина пустой комнаты. Нет, это тишина особая – рабочая, деловая, можно сказать, уверенная в своем достоинстве. Такую тишину производят только сосредоточенные, ответственные люди, занятые важным государственным делом.

Иными словами, цензоры.

Согласно закону, все частные послания подлежат обязательной цензуре. А с борта военного космического корабля… Притом, участвующего в боевой операции… О! О! О!

Какая ответственность! И честь! И спрос с этой работы – совсем другой.

Главный цензор, уже пожилой, с нашивками старшего офицера первого ранга, учил жить молоденького практиканта.

— Ну куда ты торопишься, парень? У нас какая норма?

— Выявить двадцать четыре подозрительных послания за дюжину дней, господин старший офицер первого ранга!

— Причем, не на одного тебя, а на весь отдел. А ты сколько уже откопал?

— Де-евять.

— И это за первый день!

— А разве плохо перевыполнять норму? — вдруг наивно спросил практикант.

Главный аж поперхнулся.

— Ну, парень, чему тебя только учили?! Норму перевыполнять нужно, но делать это надо умеючи. Если приказано нам выявить двадцать четыре, так мы должны представить ровно двадцать пять, и ни одной штукой больше. Понял? А то найдем мы, скажем, тридцать, а с нас и в следующую декаду потребуют тридцать. А подозрительные письма – это, знаешь ли, штука редкая. Их еще найти надо. А ну-ка, покажи, что ты тут нарыл?

Снова немного тишины.

— Так, это ерунда, это тоже. Это, так и быть, отправим в резерв, это – снова туфта… О, а это ты молодец, верно заметил.

— Это подозрительный? — жадно спросил практикант.

— Это дурак. "Как поедешь к родителям, сходи сама знаешь, к кому, чтобы забрать у него сама знаешь, что. А если заартачится, напомни ему сама знаешь, о чем". Ну кто так пишет?

— А как пишут настоящие подозрительные? — поинтересовался практикант.

— Настоящие подозрительные вообще ничего не пишут. На то они и подозрительные. А есть еще такие, что пишут, а к ним ни разу и не придерешься. Наверняка что-то скрывают, хитрые сволочи!

— Выходит, настоящие подозрительные, получается, выглядят совсем не как подозрительные? — растерялся практикант.

— Точно! А самые хитрые среди них – это те, у кого все в меру! И пишут они не слишком много, но и не так, чтобы мало. И подозрительные письма у них случаются, но опять не много, а как у всех.

Примерно с полминуты практикант обдумывал новую информацию.

— А скажите, господин старший офицер первого ранга, — наконец спросил он. — А какие из всех этих подозрительных самые… ну, самые-рассамые подозрительные?

Главный цензор ухмыльнулся.

— А это уже не наше дело. Это уж пусть начальство решает. Наше дело – маленькое: в случае чего подтвердить, что мы тоже не лопухнулись и сигнализировали.

Немного помолчав, он, вздохнув, грустно добавил.

— Знаешь, парень, ты об этом никому не говори, но мне кажется, сколько бы мы этих подозрительных не выявляли, а самые хитрые все равно как-то выкручиваются…

Главный цензор был прав. Одно из писем, прошедшее через его отдел и совершенно невинное на первый, второй и последующие взгляды, на самом деле содержало в себе следующее послание:

Стрелок – Центру.

Жители одной из крупнейших стран Филлины достигли соглашения с имперскими силами, разделив с ними сферы влияния. Вторжение затронет только половину планеты. До окончания его первой фазы установление контакта с филитами проблематично. Меры по осуществлению этого контакта, равно как и оказанию филитам посильной помощи, находятся в стадии разработки. Подробный отчет о событиях на Филлине будет отправлен позднее…

Глава 22. За два часа до рассвета

Облака внизу были похожи на странное замерзшее море, освещенное призрачным светом двух лун. Три с половиной часа самолет догонял зарю, да так и не догнал, и словно смирившись с поражением, изменил курс с западного на северо-северо-западный. До места назначения – столицы Вилканда города Тарануэс – оставалось немногим более часа.

Это был обычный рейс. Самый обычный рейс авиакомпании "Элиэньети Виалакана" – "Воздушные линии Вилканда" из Ньидерферазы – столицы государства Зеннелайр в северо-восточном Заморье. Самый обычный, если не считать того, что для Либсли Ворро это был первый рейс в должности командира экипажа.

Либсли Ворро было тридцать лет. От отца-вилкандца он унаследовал невысокий рост, крепкое телосложение и почти круглое широкое лицо с тяжеловатой нижней челюстью. От матери-чинетки – русые волосы, темные глаза и совершенно непроизносимое с точки зрения любого вилкандца имя Либсли (в вилкандском языке в середине слова после согласной должна обязательно следовать гласная, так что друзья называли его Ли или уменьшительно Лиу). Любовь к небу, решительность и независимый характер он развил в себе сам.

Выполнив маневр и снова включив автопилот, Ворро покосился на сидящего в кресле второго пилота Лагана Коэна – одного из самых опытных летчиков "Воздушных линий Вилканда", игравшего в этом рейсе для Ворро роль целой экзаменационной комиссии. На лице Коэна, как обычно, не отразилось никаких эмоций, и Ворро оценил свои действия как абсолютно и единственно верные. Штурман экипажа Кисо Неллью, высокий (для вилкандца) и немного нескладный блондин с честным открытым лицом положительного киногероя, земляк и ближайший друг Ворро, за спиной Коэна одобрительно поднял большой палец.

И тогда Ворро решил, что имеет полное право отлучиться на несколько минут в туалет.

Едва покинув кабину, он вдруг оказался на импровизированной выставке зеннелайрских сувениров. Выставку устроила Маре, молоденькая стюардесса, впервые побывавшая в Ньидерферазе и истратившая там за сутки чуть ли не половину месячной зарплаты.

— Сто двадцать лаков, — мимоходом оценил Ворро

очередной экспонат – красивое ожерелье из шлифованных камешков. — Ну, может быть, сто тридцать.

— Пятьдесят! — гордо заявила Маре, лучась от счастья.

— Не может быть! — Ворро даже остановился. — Это что, получается, на наши деньги меньше восьмидесяти тысяч?… А ну, покажи-ка… Странно, ничего не понимаю. Это не подделка, настоящий драконий глаз, и работа неплохая. Но почему так дешево? Ты что, торговалась?

— Да нет, — пожала плечиками симпатичная пухленькая светловолосая Маре. — Я же помню, в Зеннелайре торговаться не принято. Я купила это в одной маленькой лавочке в каком-то тупичке за железнодорожным вокзалом.

— Смело, — прокомментировал Ворро. — Или глупо. Скорее, второе.

— Но почему? — захлопала ресницами Маре, беспомощно глядя на Ворро. — Это же такое живописное место. Старинные домики, узкие улочки, там еще такие миленькие крытые водостоки…

— Самое бандитское гнездо, — безапелляционно заявил Ворро. — Туда даже полицейские по одиночке не ходят. И ожерелье твое наверняка краденое. Ты чем слушала?! Сказано же было, в трущобы за вокзалом не соваться! В следующий раз чтобы и не думала куда-то в одиночку лезть!

— Мареу, дорогая, тебе просто повезло, — наставительно заметила старшая бортпроводница. — А то накинули бы на голову мешок, затянули в подворотню, и все. И очнулась бы ты на каком-нибудь невольничьем рынке. Или, в лучшем случае, в борделе.

— Ой, — тихо потухла Маре. — Но ведь рабство в Зеннелайре еще до войны отменили. Я чита-ала…

— Это в Зеннелайре отменили, — авторитетно разъяснил Ворро. — А если на Круглом океане взять, но там не особенно-то и отменяли. Тем более, что там все женщины темные, так что от блондинок все местные прямо шалеют.

— Командир не шутит, — добавила старшая бортпроводница. — Вот в прошлом году, помню, похитили там дочку баргандского посла. Так всю страну тогда перетряхнули и все-таки нашли ее в каком-то городке почти в пустыне. Едва успели караван работорговцев перехватить.

Инцидент был исчерпан. Маре спешно запаковывала обратно свои покупки. Старшая бортпроводница с чувством выполненного долга понесла пассажиру из первого класса чашечку скайры. Но Ворро, повинуясь какому-то неясному предчувствию, поспешил вернуться в кабину.

И был встречен там встревоженной фразой Коэна.

— Первый, посмотрите внимательно, что там впереди. Или нам со штурманом это только мерещится?

Ворро пригляделся.

— Если вы имеете в виду небольшой черный круглый или немного овальный предмет впереди и немного ниже нас, то, наверно, не мерещится, — проворчал он. — Если это, конечно, не размазавшаяся по стеклу букашка…

— Эта штука вынырнула из облаков прямо под нами с минуту назад, — сообщил Неллью. — Тогда она выглядела гораздо крупнее. Несколько мгновений словно висела на одном месте, а затем так резко ускорилась, что шутя обогнала нас и за пару секунд почти исчезла из виду. Потом также резко сбросила скорость, и мы, похоже, начали ее потихоньку догонять.

— Что интересно, — добавил Коэн. — с земли ее не видят. Из Лимеолана сообщили, что мы у них на экране радара как на ладони и ничего вокруг больше не наблюдается.

— Не может быть! — вскинулся Ворро. Он сам был уроженцем Лимеолана и после переезда в столицу сделался несколько преувеличенным патриотом родного города. — Не ослепли же они там! Может быть, эта штука просто слишком маленькая?

— Маленькая? — с сомнением протянул Неллью. — Ой!

Темный предмет впереди вдруг стал стремительно увеличиваться в размерах. Не самолет настигал его, а сам он двигался навстречу. Огромный чечевицеобразный корпус промелькнул снизу вверх в стеклах кабины и исчез из поля зрения. Тут же самолет резко бросило в сторону. Несколько секунд длилась яростная болтанка. Из пассажирского салона доносились крики и вопли.

— Что это было? — испуганно спросил Неллью.

— Инверсионный след, — невнятно ответил Ворро. Он прокусил губу, и теперь слизывал языком кровь. — Мы вляпались в инверсионный след этой штуки. Второй, успокойте, пожалуйста, пассажиров. Скажите, мы попали в зону турбулентности, и больше это не повторится…

Снова ровный гул моторов. Наконец Ворро не выдерживает.

— Похоже, все понимают, в чем дело, но боятся признаться! Так я первый скажу. Это были пришельцы, разве нет?!

— Ваши предложения? — невозмутимо спрашивает Коэн.

— Какие тут предложения?! Немедленно доложить об этом! И продолжать полет.

— Итак, вы утверждаете, что этот предмет был большой и

круглый? — переспросил полковник Ринан Ауто.

— Круглый или слегка овальный, — терпеливо объяснил Ворро. — А если смотреть сбоку, так он был больше всего похож на диск. Только не плоский, а такой выпуклый и словно с обрезанным краем.

— В форме двояковыпуклой линзы, — уточнил Коэн.

— Верно. Именно линзы. А насчет размеров, повторяю: мы видели вблизи эту штуку всего несколько секунд, но у нас всех возникло впечатление, что она очень большая. Величиной с наш самолет, как минимум. Или даже еще больше.

— А когда этот предмет был вблизи, вы не заметили на нем каких-либо огней, отверстий или иллюминаторов? — поинтересовался полковник.

— Нет, ничего такого, — покачал головой Ворро. — Но учтите, был поздний вечер, солнце уже давно зашло, а при лунном свете таких подробностей и не разглядишь.

— И вы решили, что это пришельцы?

— Да, решили! — Ворро уже начал терять терпение. — Эта штука так резко изменила скорость и направление движения… Ну, это надо было видеть. И еще, их действия были вполне логичными: сначала вынырнули из облаков, рванули вперед, затем заметили нас, остановились, разглядели, кто мы такие, и снова чухнули куда-то по своим делам.

— Большое спасибо, господин Ворро, — вежливо сказал полковник. — Мы примем во внимание вашу версию. Наравне со всеми остальными. Пока у меня к вам больше вопросов нет.

— Зато у меня есть! — сердито произнес Ворро. — Я рассказываю вам все это уже шестой раз. И вы все время пытаетесь поймать нас на противоречиях, и по одиночке, и всех вместе, как сейчас. Вы же не слушаете нас, а только стараетесь уличить во лжи! Почему вы нам не верите?!

— Постойте, Ворро, не будьте так категоричны, — Немедленно встрял Тако Эон, бесцветный господин средних лет и непримечательной наружности, занимавший некий руководящий пост в "Воздушных Линиях Вилканда". — Я тоже выслушиваю вас уже не в первый раз, но вы меня, признаться, не убедили. Почему именно пришельцы? С тех пор, как их разбили, прошло четыре дня, и все это время они никак не давали о себе знать. А если бы они проявили активность, то, в первую очередь, в Шуане, Картае или Граниде. И об этом сообщили бы все выпуски новостей по телевидению. А ничего этого нет. Вы согласны со мной?

— Разбили, да не добили, — проворчал Ворро. — А если не пришельцы, то тогда кто? Или вы, господин полковник, думаете, что мы все это высосали из пальца?

— Нет-нет, — поспешно возразил полковник. — В ваших словах никто не сомневается. Дело в том, что пришельцы сейчас у всех на слуху, а поэтому любые странные или непонятные явления люди склонны приписывать им. Я лично только за последние четыре-пять дней знаю около двадцати случаев, когда различные люди утверждали, будто они якобы видели корабли пришельцев…

— Так вот же оно! — воскликнул Ворро. — Разве вам не пришло в голову, что тут явно что-то не так?! Врать могут два, пять, десять человек из двадцати, но не все же двадцать!

— Не перебивайте! — снова вынырнул Эон. — Что за манеры! Не в вашей компетенции давать оценку деятельности службы господина полковника!

— Я еще не договорил, — укоризненно сказал полковник Ауто. — Когда я был на фронте, то неоднократно сталкивался с тем, что в напряженной обстановке люди принимали за реальную опасность неодушевленные предметы или даже атмосферные явления. Не поймите меня превратно, такие ошибки допускали не только э-э-э… зеленые новички, но и опытные офицеры, бывало, принимали, например, за танки противника, скажем, э-э-э… стога сена. Что касается же вашего НЛО…

— Простите, пожалуйста, а что такое НЛО? — снова перебил Ворро.

— Ах, НЛО? Это наш рабочий жаргон. НЛО – значит неопознанный летающий объект, никогда не приходилось слышать? Так вот, чаще всего в качестве таких объектов выступают метеорологические воздушные шары-зонды. В верхних слоях атмосферы они значительно увеличиваются в размерах и иногда принимают весьма м-м-м… необычную форму.

— Господин полковник, — спокойно произнес Коэн. — Вы, как я понимаю, на фронте были пехотинцем или танкистом…

— Артиллеристом.

— Да. Я, признаюсь, на фронте не бывал, всю войну пролетал на транспортнике. Но у меня, с вашего позволения, двадцать семь лет летного опыта. И за эти двадцать семь лет я повидал всякого. В том числе, и ваши метеозонды, причем неоднократно. Я готов признать, что такой шар мог принять даже форму двояковыпуклой линзы. Но что интересно, все эти шары летают по ветру и со скоростью ветра. И никак иначе. А я ни разу за свою жизнь так и не слышал о ветре, обгоняющем самолет, и притом за полсекунды меняющем направление на прямо противоположное. Равно как и о шарах, оставляющих за собой инверсионный след. А то, что мы попали в такой след, это вы уж мне поверьте.

Паузу прервал Тако Эон.

— Господа, господа, — засуетился он. — Успокойтесь. Я вижу, вы слегка переволновались. Очевидно, вам нужен небольшой отдых. Скажем, десять дней, назовем это, дополнительного отпуска. Естественно, с сохранением содержания. Хорошо?

— Я опять повторяю, я не ставлю под сомнение истинность ваших слов, — устало добавил полковник. — Просто я занимаюсь этими делами уже несколько лет. Еще задолго до появления пришельцев. Люди видят много того, что кажется им странным и необычным. В девяноста восьми случаях из ста это объясняется самыми обыкновенными психологическими феноменами, атмосферными явлениями, незнакомыми предметами наподобие тех же метеозондов. В двух случаях из ста мы действительно не можем объяснить эти явления с точки зрения современной науки. Это может быть все, что угодно. Все, что угодно, считая пришельцев. Но в данном конкретном случае есть, как минимум, один фактор, который не дает мне возможности разделить вашу убежденность. Подумайте, господа, где вы видели летательный аппарат размером с пассажирский самолет или даже больше, который не оставляет никакого следа на экране радара? Я, во всяком случае, о таких не слышал.

— Он не слышал, он не слышал, — передразнил Ворро, уже за дверью. — А пришельцы, что, тоже не слышали? Два идиота! Ослы напыщенные! Этот полковник нас и слушать не желал! Такое впечатление, он только хотел нас уверить, что мы ничего не видели! Можно подумать, ему кто-то заранее сказал, что все проблемы с пришельцами уже позади. А этот наш идиот из правления!? Ох, чует мое сердце, не утвердят меня…

— Не тужи, первый, — невесело улыбнулся Коэн. — Прорвемся. Ты погоди, еще одно дело есть. Оно, конечно, не годится так, такие вещи в другой обстановке делаются, да так уж вышло…

Коэн достал из нагрудного кармана две наклейки в виде золотых крылышек, осторожно снял их с подложки и аккуратно прилепил к петлицам Ворро.

— Носи, командир, они теперь твои. Заслужил. После двадцать пятой посадки поменяешь на металлические. А теперь, стань прямо… Я, капитан-наставник Лаган Коэн, в присутствии свидетеля штурмана Кисо Неллью сим произвожу пилота Ли Ворро в капитаны флота воздушного. И да пребудут с тобой Богини Лун, да Бог Солнца, да Бог Попутного Ветра. Счастливого полета, командир! С тебя ужин.

— В "Отио"! — немедленно назвал самое дешевое заведение Неллью, намекая на всем известную прижимистость

новоиспеченного командира.

И все трое невесело засмеялись.

Аэропорты, как и вокзалы, никогда не спят. И даже глубокой ночью, такой глубокой, что еще немного, и это будет ранее утро, там всегда найдется местечко, где можно выпить чашечку скайры, закусить пирожным или бутербродом или посмотреть по телевизору ночной канал.

Либсли Ворро сидел спиной к телевизору.

— Я это так не оставлю, — наверное, в десятый раз сердито сказал он, перемешивая ложечкой уже давно остывшую скайру. — Как есть, не оставлю. Иначе съедят нас с тобой, съедят и выплюнут.

Сгоряча Ворро решил не ехать домой на ночь глядя, а остаться до утра в аэропорту, дожидаться прихода на работу начальника авиаотряда. Вместе с ним остался и Неллью, хотя у него просто не было особого выбора: квартиру на окраине Тарануэса они снимали вместе, машина у них тоже была одна на двоих, а водил ее Ворро.

— Не помешаю? — неожиданно спросил полковник Ринан Ауто, незаметно подсевший за их столик со своей чашкой скайры. — Прошу прощения за то, что невольно оказался причиной ваших служебных неприятностей.

— Невольно? — фыркнул Ворро. — Я бы сказал, вы очень целеустремленно доказывали, что мы или злостные брехуны, или страдаем галлюцинациями.

— Я бы хотел, чтобы так оно и было, — без тени улыбки заметил полковник. — Но – увы…

— Так вы, получается, поверили нам? — вдруг понял Неллью.

— А вам будет легче, если я скажу "да"? Да, поверил. Каждому слову. К сожалению. Поскольку ваши наблюдения окончательно подтвердили наличие весьма неприятной и опасной для нас вещи.

— А какой именно? — жадно спросил Ворро.

— Не уверен, что вам стоит это знать. Наши предки вовсе не шутили, говоря, что от многия знания и многия печали. В нашем мире существует немало вещей, относительно которых лучше оставаться в неведении. Хотя бы для того, чтобы спокойно спать.

— Но вы же знаете, — не сдавался Ворро.

— Знаю. И поэтому не сплю, а сижу тут с вами.

— И все же, — настаивал Ворро. — Имеем мы право узнать, что же такое мы увидели? Если это, конечно, не военная тайна.

— То, что вы увидели, полностью убедило меня в том, что у пришельцев есть корабли, невидимые для наших радаров. Те

самые "черные линзы". Как вы понимаете, это было крайне важно подтвердить или опровергнуть. Поэтому и опрашивал вас я сам, а не кто-то из моих подчиненных.

— Так что, получается, те двадцать человек, о которых вы говорили, тоже видели корабли пришельцев? — вспомнил Неллью.

— Я немного приуменьшил. Ваш случай – тридцать четвертый достоверный за последние четыре дня, не считая сотни ложных тревог. И это только на территории Вилканда. После потери своих танков в Граниде пришельцы резко усилили активность, я бы сказал, почти на порядок. И при этом даже не особенно стараются скрываться.

— Это с одного-единственного корабля? — не понял Неллью.

— А кто вам сказал, что у пришельцев один-единственный корабль? За последний месяц в околофиллинском космическом пространстве достоверно обнаружено свыше пятидесяти объектов определенно искусственного происхождения.

— Вот так-так, — растерянно сказал Ворро. — Теперь я понимаю, почему лучше не знать. От такого знания и в самом деле можно сон потерять.

— Слишком поздно. Теперь уж слушайте все до конца. Все наши аналитики уверены, что такая активность пришельцев может означать только одно: они готовят новую атаку.

— И… когда? — спросил Ворро.

— Могу вас немного успокоить. В качестве самого вероятного срока называли прошлые сутки. Но мы все равно ждем высадки со дня на день. Во всех странах Приморья войска приведены в боевую готовность. Завтра в городах начнутся учения по гражданской обороне. Мне кажется, это надо было сделать раньше, но министр считает, что у нас есть еще в запасе один или два дня…

"Один или два дня" было слишком оптимистичной оценкой. На самом деле вторжение началось через час.

Первыми в плотные слои атмосферы вошли разведывательные корабли. Невидимые для радаров, неслышными призраками скользили они в темном предрассветном небе и по единой команде выставили массированные помехи, разом ослепив все филлинские радиолокационные станции на площади в несколько миллионов квадратных километров.

Затем пришел черед гигантских десантных кораблей, барражировавших на сорокакилометровой высоте, не доступной никакому филлинскому оружию. На борту каждого десантного

корабля находилось по шестьдесят девяток "Молний", и все они одновременно устремились к планете, громя филлинскую систему противовоздушной обороны и поражая прочие цели первого удара: военные городки, аэродромы, железнодорожные станции, транспортные развязки, мосты, узлы связи…

Вышколенные экипажи действовали четко и слаженно, и за стандартный час "Молнии" успели совершить по два-три боевых вылета. На исходе этого часа десантные корабли начали снижение. На высоте шести-семи километров открылись ворота нижних ангаров, и в пылающее небо тяжело стартовали массивные "Драконы" (по шесть дюжин с каждого корабля).

"Драконы" неуклюже спланировали вниз, словно отяжелевшие от падали грифы. Из брюха "Драконов" сыпались и сыпались бомбы; разрываясь, они превращались в гигантские всепожирающие огненные шары. И в это пламя и дым пожаров, на выжженную землю внутри "периметров безопасности", спускались с небес корабли – десантные, транспортные, вспомогательные, крейсеры первого и второго классов, корабли класса "Лидер" с командующими эскадрами и класса "Флагман" с командующими флотами. В среднем, через три четверти стандартного часа каждый из этих кораблей отправил в бой машины второй волны – новые сотни и тысячи "Молний", "Драконов", танков. В заранее определенных районах немедленно начались предварительные работы по подготовке площадок под строительство военно-космических баз, и операторы средних танков "Охотник" впервые с начала кампании получили приказ захватить и доставить на объекты пленных из местного населения…

Рассвет, лениво прокатившийся по планете с востока на запад, не принес ни облегчения, не передышки. На огромном пространстве – от Западного океана до чинетских степей и от заснеженных гор Арахойна до песков Великой пустыни – шла война, взрывались бомбы и ракеты, горели города и леса, рушились мосты и заводские трубы, гибли тысячи и десятки тысяч людей. И высоко над этим хаосом, невидимые и неслышимые, проплывали в небе черные линзы разведывательных кораблей – наблюдая, контролируя, подсказывая и выявляя последние очаги организованного сопротивления.

Глава 23. В глубоком тылу противника

Когда Кен Собеско проснулся, солнце стояло уже высоко. Не открывая глаз, он протянул руку, но нащупал только скомканную простыню – ну и ладно, все равно, он даже не помнил, как звали ту, с кем он провел ночь. Осторожно приподнявшись на локте, Собеско прислушался к своим ощущениям. Голова не болела, хотя и должна была бы – вчерашняя вечеринка затянулась далеко за полночь, а у Эстина Млиско были очень гостеприимные родители и масса молоденьких родственниц и их подружек, весьма благосклонно принимавших знаки внимания со стороны героев Тороканских Ворот.

Увы, торжества были уже позади. Вечером его ждал поезд, а на следующее утро – столица и курсы переподготовки. На пятые сутки после победы над пришельцами жизнь начинала входить в какую-то новую, пока неизвестную колею. Какой будет его новая жизнь? Такой же, как та, прошлая, самая первая? Обычная жизнь офицера провинциального гарнизона – учебные полеты, изучение материальной части, посиделки в клубе?… Сейчас это казалось каким-то ненастоящим, ненатуральным, прошедшим навсегда. Годы, проведенные вдали от родины, тревожные дни и ночи в пустыне рядом с чужим и враждебным кораблем, наполненные страхом и смертью часы на поле перед Тороканскими Воротами – все это изменило его. Собеско чувствовал, что что-то в нем безвозвратно сгорело и уже не вернется. Перемены еще не завершились, перед ним лежало несколько дорог, и он еще не знал, какая из них – его.

Приведя себя в порядок, он спустился вниз и сразу же наткнулся на всю компанию, завтракавшую в большой кухне.

— Ну, вот и все в сборе, — радостно заметил Млиско, плотоядно ухмыльнувшись. — А мы уже, грешным делом, собирались тебя будить…

— Опять увильнул! — недовольно хлопнул ладонью по столу Дэсс Урган. В клетчатой рубашке свободного покроя с распахнутым воротом он походил на фермера, принарядившегося для поездки в город. — Я, признаться, ожидал, что вы отнесетесь к этому предложению с большей ответственностью. Стране сейчас особенно нужны опытные офицеры. Тем более, что это элитное подразделение, очевидно, будет мало походить на обычную воинскую часть.

— Нет, нет, нет, — помотал головой Млиско. — И не надо меня агитировать. Я из запаса пришел и в запас вернусь. Если вдруг опять пришельцы появятся, тогда возьмусь за оружие, а так – у меня свои дела есть. Я человек мирный, штатский…

— И почти семейный, — добавила Лика Ранси, привлекательная молодая женщина, сидящая рядом с Млиско.

В своем голубом открытом платье и с распущенными темно-каштановыми волнистыми волосами Лика выглядела очень женственной и даже хрупкой. Непосвященному, наверно, нелегко было бы поверить, что эта изящная молодая девушка имеет звание лейтенанта полиции (Дорожный Патруль) и в этом году завоевала третье место на чемпионате Граниды среди женщин по пулевой стрельбе.

— И семейный, — согласился Млиско, обнимая невесту за плечи. — Так что пусть ребята воюют, они молодые, им еще приключений хочется.

Ребята согласно кивнули. Оба они – и Пири Шанви, и Клюм Эванг – были одеты в парадные кители с сержантскими нашивками и с одинаковыми орденами "Честь и Слава" в виде восьмиконечной серебряной звезды с лучами на трехцветной зелено-бело-лиловой ленточке.

"Честь и Слава" – самый массовый из гранидских орденов, но от этого не менее почетный. Согласно Статуту, им награждались целые подразделения – от отделений до батальонов, проявившие стойкость и героизм в бою со значительно превосходящими силами противника. Такими орденами были награждены все участники боя в Тороканских Воротах.

Шанви, оттянув рукав мундира, стрельнул глазами на свои новенькие часы. Лика Ранси весело рассмеялась.

— Да не волнуйтесь вы так, мальчики! Сколько еще до вашего поезда, полтора часа? Мы отвезем вас на вокзал, все в лучшем виде.

— Ждут нас дома, — пробасил Эванг. — Ох, как ждут. Весь двор, наверно…

— Тогда не будем терять времени, — распорядилась Лика Ранси. — Стин, наливай.

Млиско достал из кухонного шкафчика большую четырехгранную бутылку, покрытую пылью, — лучшее вино из местных виноградников урожая позапрошлого года – и разлил всем по бокалам. Дэсс Урган тяжело встал из-за стола.

— Сдвинем чары, — глухо сказал он. — Помянем тех, кого нет, и воздравим тех, кто есть. Мы друг другу чужие, в бою повстречались, в бою побратались. Сейчас разойдемся, придет время, вернемся. И дай нам всем Единый еще раз встретиться, да

по хорошему поводу.

— Так чего же проще, — улыбнулась Лика Ранси. — У нас со Стином через две недели свадьба. Вот и встретимся. Вам, полковник, вообще грех не придти – в одном ведь городе живем. И вам, ребята, до нас меньше трех часов езды, да и вам, Кен – всего ночь на поезде. Так что, вырывайтесь к нам, хотя бы на денечек. Тем более, приглашены все те же гостьи, что и вчера.

Никогда и ничего не смущающийся Шанви вдруг густо покраснел, начиная с ушей.

— Я-то приду, — сказал Урган. — Если только…

Ну, не мог полковник Урган настроить себя на праздничный лад. Слишком тяжело давалось ему вынужденное безделье. Авиабаза в десяти километрах от города, где размещалось его авиакрыло, была разбомблена пришельцами неделю назад и окончательно добита в ночь перед наступлением в Тороканских Воротах. Восстановительные работы там только начались. Часть, в которой осталось всего два самолета, да и те учебные, существовала только на бумаге. Командование обещало дополнить авиакрыло людьми и машинами до полноценной боевой единицы, но прибытие пополнения все откладывалось и откладывалось со дня на день.

По своему положению знал полковник Урган и об усиливающейся активности пришельцев, и о том, что это означает. Но стоит ли знать об этом людям, готовящимся к празднику?

Он решил, что не стоит.

И промолчал.

Еще вчера город Нейсе поразил Собеско своим необычным, прямо-таки патриархальным спокойствием. Глядя на его сонные улочки без светофоров, одноэтажные дома в тени садов, столики многочисленных кафешек, по-летнему выставленные прямо на тротуар, было трудно поверить, что в городе живет свыше ста тысяч человек, а на его окраине находится огромный тракторный завод, выпускающий также бронетранспортеры, танки и прочую не столь мирную продукцию.

Сейчас от этого спокойствия не осталось и следа. Улицы заполнили возбужденные, спешащие люди, бегущие куда-то по одиночке и группами. Многие столбами стояли на месте и смотрели на небо, хотя на небе не было видно ничего, кроме серых туч, лениво плывущих откуда-то с северо-запада. Перед почтой колыхалась странно тихая толпа человек в двести, внимательно слушающая какого-то оратора, говорящего прямо из открытого окна. Еще большая и намного менее спокойная толпа

собралась перед закрытыми дверями "Гранидского торгово-промышленного банка". Машин навстречу попадалось мало, а из тех, что попадались, половина до крыши была забита детьми, чемоданами и картонными ящиками из-под фруктов.

В микроавтобусе, который вела Лика Ранси, убито молчали. Все видели и чувствовали беду, но никто не решался назвать ее вслух. Дэсс Урган хмурился все сильнее. То, что его никто даже не удосужился разыскать, чтобы известить о происшедших событиях, говорило о каком-то совершенно беспрецедетном уровне бардака и неразберихи.

Широкая привокзальная площадь и раньше была одним из наиболее оживленных мест в городе, но сейчас там было настоящее столпотворение. Казалось, по меньшей мере, половина населения города вознамерилась покинуть его, причем, со всем движимым имуществом, а вторая половина пришла ее провожать. В это волнующееся людское море первым нырнул Пири Шанви и тут же вынырнул обратно, азартный и возбужденный.

— Война! — на одном дыхании доложил он. — Опять пришельцы! Они высадились у нас!

— И это все? — иронично спросил Млиско. — Парень, в разведке одного установления факта мало. Нужна дополнительная информация.

И дополнительная информация не замедлила последовать. Всего за две минуты и буквально не сходя с места, они без труда узнали,

что не ходют больше поезда, совсем, значитца, не ходют, видать, где дорогу разбомбили (информация верная, но неполная);

что от вокзала через нерегулярные промежутки времени отправляют пассажирские составы по пригородной ветке, на каковые нужно сесть ну просто обязательно, поскольку пришельцы, как известно, города бомбят, а на деревни внимания не обращают (информация пока точная, но стремительно устаревающая);

что пришельцы высадились ночью в… (называлось около десятка мест, из них половина верно);

что бомбили… (называлось еще с десяток мест, все верно, но на самом деле таких мест было намного больше);

что пришельцев много (в принципе, верно);

очень много! (легкое преувеличение);

что столица разрушена до основания (сильное преувеличение);

что пришельцы привезли с собой каких-то монстров, похожих на древних ящеров, и что не берет их никакое оружие (чистой

воды фантазия);

что у пришельцев везде свои шпионы (да, если считать таковыми разведывательные корабли, о которых в тот момент никто не думал);

что Гордана и Чинерта отбили нападение пришельцев и обещают помощь (желаемое, выдаваемое за действительное);

нет, что они, наоборот, сговорились с пришельцами (намного ближе к истине, по крайней мере, наполовину);

что есть маршруты, по которым можно безопасно эвакуироваться за океан (чистая правда, в которую никто не верил);

и, наконец, что в мэрии создан штаб обороны города (информация, скорее всего, верная, так как поступила из трех независимых источников).

Услышав о штабе, мрачный как грозовая туча полковник Урган слегка оживился.

— Едем в мэрию!

Обстановку докладывал щеголеватый майор с безупречным пробором и идеально подогнанным по фигуре мундиром – за версту видать, порученец.

— По достоверным данным, сегодня около пяти часов утра в Южной Граниде совершили посадку, по меньшей мере, два корабля пришельцев – вот здесь и… здесь. Непосредственно после высадки из обоих районов выдвинулись танковые колонны противника, наступающие по следующим направлениям…

На карте все выглядело очень грозно. Толстые синие стрелы, походя перечеркивая административный центр провинции город Тамо, хищно смыкались на гранидской столице Шилги. Вот только сегодня, в первый день войны, автор этой картины мог быть либо провидцем, либо фантазером…

— …Конечно, данное развитие событий является, главным образом, нашим допущением, — поправился майор. — Уже несколько часов мы не имеем связи ни с Шилги, ни с Тамо, ни даже с соседними районами. Поэтому данные мы получаем, в основном, из обрывков радиопередач. Тем не менее, нет никаких сомнений, что город Нейсе оказался или скоро окажется в глубоком тылу противника…

— Другими словами, помощи ждать неоткуда, — внушительно добавил военный комиссар района Нейсе дивизионный генерал Вейн. — Обстановка неясная и тревожная, и я считаю своим долгом объявить в районе Нейсе чрезвычайное положение и принять на себя верховное командование всеми дислоцированными в районе воинскими частями.

— Вы не имеете права этого делать, — негромко, но твердо возразил командир 21-й стрелковой дивизии полковник Гирго. — Я подчиняюсь командованию военного округа, а вы, господин генерал, по-старому, префект, гражданская власть.

— Господин полковник! — вспылил генерал Вейн. — Напоминаю вам, Гранида уже восемь лет управляется не "по-старому", а согласно законам о военном правлении. И вы плохо знаете эти законы. А в них сказано, что при объявлении чрезвычайного положения в любой административно-территориальной единице страны военный комиссар этой единицы имеет право подчинять себе военные формирования.

Полковник Гирго пошевелился, но генерал не дал ему и рта раскрыть.

— Я знаю, полковник, что вы скажете. Да, приказа об объявлении чрезвычайного положения не поступало. Но и не может поступить, раз у нас нет связи. Вы даете гарантию, что она в ближайшее время восстановится? Я – нет. А разве отсутствие связи может стать оправданием пассивности? Мне вручена власть над районом, и мой долг – организовать его оборону. Любыми средствами! Ясно? Я принимаю это решение под свою личную ответственность, и если Шилги или Тамо обвинят меня в превышении власти, разрешаю вам лично арестовать меня и судить. А сейчас извольте подчиняться! То же самое я требую от господ авиаторов, хотя, к сожалению, они вряд ли могут помочь чем-то существенным обороне города.

Оба летчика – и Урган, и его командир бригадный генерал Шоллу – согласно кивнули.

— Боюсь, и мы вряд ли сможем помочь чем-то существенным, — сказал полковник Гирго. — Согласно приказу командующего Южным военным округом, сегодня утром я отправил на соединение со второй танковой дивизией все свои мобильные части – танковый батальон, батальон самоходных артустановок, роту реактивных минометов и дивизион зенитной артиллерии. Так что все, чем я на данный момент располагаю, это два стрелковых полка, укомплектованных по штатам мирного времени, без единого танка и почти без артиллерийской поддержки.

— Позвольте, танки должны быть на заводе, — заметил генерал.

Директор тракторного завода снял и протер очки.

— Совершенно верно. У нас на площадке находится шестнадцать танков, которые мы так и не успели отгрузить…

— Сколько вы можете дать в день? — перебил его генерал.

— Господин военный комиссар, — наставительно сказал

директор завода. — Хочу напомнить вам, что наше производство не танкостроительное, а танкоремонтное. Мы сами производим только танковые дизели. Все остальное мы получаем извне. Поэтому больше шести танков мы не сможем дать ни при каких обстоятельствах. Конечно, если не возобновятся поставки.

— Когда вы дадите эти шесть танков? — разочарованно спросил генерал.

— К завтрашнему утру. Понятно, они будут без боезапаса и экипажей…

— С боеприпасами проблем никаких, — буркнул Гирго. — Но вот с экипажами…

— Наберете из резервистов, — оборвал его генерал. — Я объявляю в районе всеобщую мобилизацию. При этом ваши два полка можно будет смело развернуть в дивизию. Нет, в две дивизии! Решено! К завтрашнему утру подготовьте план обороны города, исходя из этого расчета!

— Мобилизовать можно и три дивизии, — вмешался в разговор худощавый немолодой интендант-полковник, начальник тыла 21-й стрелковой. — А вот чем их вооружать? С противотанковыми средствами у нас сложно, все со складов вывезли в Тороканские Ворота. Не лопатами же?

— Можно и лопатами! — рявкнул генерал. — Пусть тогда копают окопы, строят блиндажи или что там! А насчет противотанковых средств… Если я правильно понял полковника Ургана, среди нас присутствует так называемый эксперт, имеющий опыт встреч с пришельцами еще с Заморья. Мы вас слушаем, капитан авиации.

Кен Собеско встал, чувствуя, что все взгляды обращены к нему.

— По опыту обороны Тороканских Ворот, в которой я участвовал в составе полка Стражей, и боев в Шуане, о которых нам подробно рассказывали, танки пришельцев практически неуязвимы для большинства наших противотанковых средств. С ними справляются реактивные минометы и артиллерия крупных калибров, а также танки "Зверобой". Хотя, по моему мнению, наилучшим оружием против пришельцев являются неуправляемые противотанковые снаряды, у нас их звали "мухобойками", забыл, какое официальное название…

— Постойте! — подскочил директор тракторного завода. — Я понял, о чем вы. У нас есть такие установки, шесть штук. И тридцать ракет к ним. Их прислали в качестве опытных образцов. Чтобы мы наладили производство.

— Так это и надо делать в первую очередь! — воскликнул Собеско. — Нужно организовывать мобильные группы

истребителей танков из четырех-пяти человек, и это будет наилучшим выходом.

— А танки? — заинтересованно спросил полковник Гирго.

— Может быть. Если использовать их из засад или укрытий. Танки пришельцев можно поражать в борт или в корму с близкого расстояния, их лобовую броню не берет практически никакое оружие. Но в любом случае, все, что применяется против пришельцев, можно применить только один раз. Они обычно дают возможность стрелять первыми, но их ответный огонь всегда точен. И если у двух человек с мухобойкой есть шанс уцелеть, то у танка – никакого. Впрочем, как мне кажется, задачи, которые мы сейчас обсуждаем, имеют только второстепенное значение. Есть вещи более важные, чем борьба с танками и строительство оборонительных рубежей.

— Вот как? — заметил генерал. В его голосе появились опасные нотки. — Господин эксперт считает, что мы здесь зря тратим время. И чем, позволите узнать, мы должны заниматься?

— Во всяком случае, не противотанковой обороной, — резко сказал Собеско. Он понимал, что говорит лишнее, но властный, самоуверенный, не терпящий возражений генерал вызывал у него неприязнь. Такие люди, как он, узурпировали власть в стране, выбросили из армии, а фактически, из жизни его отца, а его самого заставили покинуть родину. — Главная опасность, которая нам угрожает, — это бомбежки. Необходимо срочно выводить людей из города. Нужно рассредоточить все запасы – боеприпасов, топлива, продовольствия, лекарств. После первого же налета мы наверняка останемся без завода и электростанции, нам надо быть готовыми и к этому и заранее принять меры. Может быть, нам нужно подумать о том, как помочь окрестным хозяйствам собрать урожай и спрятать его в хранилищах. Мы должны зарываться в землю, и как можно глубже. Пока не поздно, перенести под землю склады, цеха, госпитали, электростанции. Я не знаю, сколько у нас еще времени, может быть, его уже нет. Но именно на это мы должны сейчас бросить всех людей и всю технику! А не на окопы и укрепления, от которых все равно не будет никакого толку!

— Выходит, по-вашему, оборона – вопрос второстепенный? — вкрадчиво спросил генерал.

Вопрос был явно провокационный, но Собеско не смог, да и не захотел удержаться.

— От кого вы хотите обороняться?! Эта война будет проходить без линии фронта. Пока что мы видели только танковые колонны пришельцев, которые приходили, разрушали все на своем пути и шли дальше. В Шуане на пути пришельцев

эвакуировали население, чтобы избежать ненужных потерь, и правильно делали. Есть ли хоть одно свидетельство, что в этот раз все будет идти по-другому? Видел ли кто-то у пришельцев хоть что-то, напоминающее пехоту? Нет! То, что происходит сейчас, это не оккупация, а разрушение. Я не знаю, что последует за этим, но это будет нечто иное. Но нам лучше сохранить наши танки и орудия именно для этого иного, а не бросать их в безнадежный встречный бой с танками пришельцев, которые все равно пройдут мимо!

— Вы предлагаете вообще не оказывать им сопротивление? — так же вкрадчиво осведомился генерал.

— Безусловно, оказывать! Всю колонну нам, конечно, не задержать, но я уверен, благодаря мухобойкам мы сможем прихлопнуть несколько штук. Это даст даже больший эффект, чем танковый бой. Но я повторяю, это – не главное. Давайте думать о том, что будет после танков! О том, что скоро зима…

— Достаточно! — оборвал его генерал. — Хватит! То, что вы предлагаете, называется трусость! Когда вся страна изнемогает в неравной борьбе, вы советуете прятаться под землю вместо того, чтобы тратить все силы на оборону от неприятеля! В то время как наш священный долг – вступить в открытый бой с врагом! Пусть мы погибнем, но таким образом мы свяжем и ослабим силы противника и поможем нашим бойцам на других участках фронта. В других обстоятельствах я, возможно, приказал бы вас расстрелять. Но я даю вам шанс, слышите, капитан авиации! Вы предложили создать мобильные группы истребителей танков? Так и возглавьте одну из них. А после боя я решу, что с вами делать. Идите!

Керосиновая лампа, горящая на столе, отбрасывала на стены длинные колеблющиеся тени.

— Хорошо вы устроились, — оценил Дэсс Урган, со вздохом облегчения сбрасывая с плеч тяжелую, пропитанную водой плащ-палатку.

— Неплохо, — согласился Кен Собеско. — Все рядом, на связь пока не жалуемся.

— Тогда я заночую у вас, — решил Урган. — На улице дождь, темень, еще сверзимся куда-то в канаву. А в городе наверняка затемнение, только ни черта оно не поможет. У нас на базе светомаскировка тоже была – не придерешься, а разнесли нас пришельцы в один момент. Причем точно так – у нас ничего подобного даже на показательных бомбардировках не было…

— Есть новости? — спросил Млиско.

— Какие тут новости? — Урган, не отрывая глаз, смотрел на

подрагивающий за стеклом лампы язычок пламени. — Впрочем, новостей хватает. Помните слушок про эвакуацию? Оказалось, правда. У пришельцев и в самом деле были какие-то переговоры с горданцами, и они пообещали не трогать Западный континент. И не мешать тем, кто захочет перебраться за океан или в Валез, его тоже, вроде бы, бомбить не будут. По радио говорили, что вдоль всего нашего океанского побережья пришельцы пообещали оставить десятикилометровую зону безопасности, а какие-то дороги объявили безопасными коридорами для эвакуации. Только от нас до ближайшего такого коридора далековато – километров сто двадцать.

— А надолго – эти… зоны и коридоры? — спросил Собеско.

— На тридцать шесть дней. Какой-то странный срок – я вначале подумал, месяц и один день, так в этом месяце тридцать четыре дня, не тридцать пять…

— Ах, какие благородные эти пришельцы, — скривил губы в недоброй усмешке Млиско. — Прямо благодетели со своими коридорами. А что творится за их пределами?

— Бомбежки, — мрачно сказал Урган. — Сплошные бомбежки. С Тамо связи до сих пор нет, но удалось связаться с Шилги. Там, честно говоря, растеряны: война идет как-то не так, как ожидалось. Только на территории Граниды сели, по меньшей мере, три вражеских корабля, а всего их, наверное, многие десятки. Они атакуют по всему Приморью и Северному Заморью. Твоими танками, Кен, никто сейчас и не интересуется. Нас просто уничтожают с воздуха. Эти самолеты пришельцев раньше просто прокладывали путь танкам, а теперь они везде! В первую же ночь разбомбили половину аэродромов, сейчас добивают остальные. Пришел приказ от штаба ВВС – всех живых летчиков отправлять на побережье, в Лешек, там что-то сейчас формируется… или не формируется. В общем, собирайся. Я сегодня отправил своих, завтра сам еду.

— Да какой я сейчас летчик?! — хмыкнул Собеско. — И самолеты самолетами, а танки тоже нельзя недооценивать. С воздуха территорию не захватишь и не удержишь: пришельцы будут обязательно использовать наземные силы. К тому же, я командир, у меня люди, которых надо, прежде всего, обучить. Командовать-то найдется кому, а кто их научит?! И вообще, я штабу ВВС сейчас не подчиняюсь!

— Капитан Собеско!… - Урган громко втянул в себя воздух.

— Что капитан? — устало перебил его Собеско. — Мы едва справились с силами, которые выставил только один корабль. А что теперь? Ни авиации, ни противовоздушной обороны у нас, считай, уже нет. И я не верю, что эти новые части в Лешеке

смогут что-то изменить. Я не буду никуда дергаться, просто хочу сражаться там, где застала судьба, и тем, что есть в руках. В воздухе мы уже проиграли, Дэсс! Все, что нам остается, — это попробовать взять реванш на земле!

— Может быть, — скрипнул зубами Урган. — Мы проигрываем, проигрываем, мы знали, что готовится новый удар, но не были готовы к такому… Но упаси тебя Единый повторить это при нашем генерале.

— Расстреляет? — иронично спросил Млиско.

— Может. Он на такие дела мастер. Сегодня в городе двоих уже расстреляли. Одного за кражу, второго – в общем, тоже за кражу. Цистерну солярки хотел утаить.

— Лихо, — одобрил Млиско. — Вот так и надо воспитывать в народе бескорыстие и любовь к ближнему. Помню, служил я в Шинтаре в городской страже…

Собеско интересовало совсем другое.

— Выходит, в городе начались реквизиции?

— Оно самое. Штаб обороны взял под свой контроль все запасы горючего и лекарств. А также реквизировал весь грузовой транспорт и строительную технику. Я так думаю, надо вводить и рационирование продовольствия, но полковник Гирго пока отговорил генерала. Просто, если понадобится, реквизиции у крестьян проводить именно ему, а он сам местный, да еще из фермерской семьи, вот он и не хочет портить отношения с людьми.

— А для чего строительную технику? — лениво поинтересовался Млиско. — Он, что, всерьез хочет окружить весь город окопами и рвами?

— Нет, — впервые за весь вечер улыбнулся Урган. — Знаешь, Кен, после того, как тебя выперли с заседания штаба, до всех как-то дошло, что ты советовал вполне разумные вещи. Конечно, генерал что-то еще порывался говорить про окопы и танкоопасные направления, но к мнению двух полковников и одного бригадного генерала ему пришлось прислушаться. Сейчас в городе все запасы стараются распределить по как можно большему числу точек. Недалеко от водокачки начали рыть роскошную пещеру, туда хотят перевезти станки и материалы с завода. А на нашей базе бросили латать полосы, все равно, уже ни к чему, и принялись расширять подземный командный пункт и ангары. Если повезет, через два дня перевезем туда продовольствие с военных складов. И, конечно, ускорили эвакуацию, этим Дорожный Патруль занимается.

— Ну что же, — сказал Собеско. — Пусть будет так. Я не настолько честолюбив. А как там дела с мухобойками? А то у нас

не истребительная группа, а смех один. Установка только одна – у нас со Стином, ракет к ней всего четыре, а тут еще пригнали взвод солдат с лейтенантом, и все вооружение у них – два гранатомета и противотанковые гранаты времен войны. И откуда пришельцев ждать – неведомо.

— На заводе сейчас не до того, — хмыкнул Урган. — Там аврал – собирают эти самые шесть танков. Если соберут, значит, будет их у нас двадцать два. Экипажей, правда, пока нашли только на девять. Мухобойками главный инженер обещал заняться, может, что-то и придумают. Если попаду завтра на завод, напомню. Только вряд ли я попаду, я ведь для вас все тут стараюсь, организую вам наблюдательные пункты. А это дело срочное, говорят, танки пришельцев видели недалеко от Сарне, а это отсюда всего километров сорок.

— Срочное, значит срочное, — философски заметил Млиско. — Давайте лучше ужинать.

Ужин состоял из свежевыпеченного хлеба, овощей, холодного мяса и бутылки домашнего вина.

— Все отсюда, из села, — похвастался Млиско. — Нет, кто выживет, так это крестьяне. Бомбить их вряд ли станут, чтобы каждую деревню разрушать, так это никаких бомб не хватит. Танки может придут, а может, и нет, так что многие хозяйства вряд ли пострадают. У Лики родственники в деревне, так я ей сказал, как только закончит с эвакуацией, пусть немедленно переселяется к ним. И ребятам, Шанви с Эвангом, я то же самое посоветовал: мол, как вернутся к себе домой в Тамо, так пусть хватают родню в охапку, и вон из города. Так надежнее. Крестьянин, он все переживет.

— Что переживет? — хмуро спросил Урган. — Войну? Зиму? А как ты думаешь, Кен? Как эксперт по пришельцам?

— Когда делать особенно нечего, только думать и остается, — проворчал Собеско. — И вот что у меня в последнее время из головы не выходит. Чего хотят добиться пришельцы? Я все время вспоминаю того, в пустыне, который сказал, что им нужна наша земля, но совсем не нужны мы. Сейчас они только разрушают. Наша цивилизация, вообще, если подумать, очень хрупкая штука. Достаточно разбомбить дороги, электростанции, заводы – и она погибнет. Каждый город, каждая деревня после всех этих бомбежек превратится в изолированный остров. А затем придет зима. И если мы не начнем готовиться к ней уже сейчас, мы сначала проедим все запасы, а затем начнем умирать от голода или одичаем. И вот тогда пришельцы начнут настоящее завоевание. Они придут и добьют нас – тех, кто уцелел под бомбежками и пережил голодную зиму. И заберут нашу землю

себе. И станут на ней жить.

— Нет! — резко возразил Урган. — Это моя земля! Я зароюсь под землю, я спрячусь в пещерах или лесах, но я не сдамся! Пусть пришельцы приходят! Им наша земля обойдется недешево!

— Пусть приходят, пусть! — поддержал Ургана Млиско. — Они нашу землю и задорого не возьмут!

Затянувшуюся паузу прервал Урган.

— Да, не забыть бы, надо в штаб позвонить. Узнаю заодно и новости. Ох, раздражает меня эта тишина, не к добру это. Вокруг все горит, а у нас тихо. Почему?…

Ответ на этот вопрос был крайне простым. Ни одна война не идет по заранее намеченному плану, даже при таком техническом преимуществе, что сопротивлением противника можно пренебречь. Сейчас в этом предстояло убедиться и имперским стратегам.

Первые сутки вторжения стали для командования одним непрерывным кошмаром. С момента высадки на штабы всех уровней обрушился настоящий поток рапортов, донесений, реляций, запросов, просьб и требований. Косяком шли и множились различные проблемы, которые не всегда успевали даже регистрировать.

Сразу же выяснилось, что, несмотря на длительную и тщательную подготовку, участки, выделенные кораблям, перекрывали друг друга. Операторы "Молний" не всегда умели ориентироваться на местности, не помогало даже спутниковое наведение, из-за чего многие цели были обстреляны по несколько раз, а другие вообще остались нетронутыми.

Почти треть кораблей отклонилась от заданных мест посадки, причем один настолько сильно, что его приняли за вражеский объект и обстреляли, хорошо еще, защитные системы сработали на совесть.

Дополнительную путаницу внесли "безопасные" коридоры и зоны, появившиеся в самый последний день перед вторжением. О них никто ничего не знал достоверно, из-за чего часть командиров предпочла вообще не забивать себе голову подобными вещами, а другая выполнила этот приказ с излишним усердием, отказавшись от обстрела даже тех объектов, что значились в списке целей первого удара.

Аварийность военной техники превзошла все запланированные нормы и мыслимые пределы. Сопротивление противника во всех местах без исключения было довольно слабым, но потери уже в первые сутки превысили десять процентов. Одновременно начальники различных уровней

представили акты на списание различного имущества как уничтоженного противником на совершенно невероятные суммы. Проверить, что именно было в действительности уничтожено, а что еще до начала кампании ушло на черный рынок, было уже невозможно.

Иногда из мутного информационного потока выныривали и отдельные факты.

В Барганде за первоочередную цель приняли гигантскую автомобильную свалку, истратив на нее весь боезапас сразу пяти девяток "Молний".

В Вилканде некий мост через небольшую речушку как заколдованный выдерживал атаку за атакой. В донесениях он числился уничтоженным семь раз, но, по данным спутниковой разведки, до сих пор пребывал в целости и сохранности.

В Чинерте у одного из кораблей забарахлил боевой компьютер, отказавшись воспринимать данные от атакующих войск, что привело все операции в районе в состояние полного хаоса.

В маленьком государстве Да-Руазим между Баргандом и Чинертой четыре дюжины исправных, с полным боезапасом танков "Громовержец" утонули в болоте, так как энергия в накопителях антигравов кончилась раньше, чем трясины…

К концу вторых стандартных суток командование прекратило всякие попытки управлять этим хаосом и дало полную свободу командирам кораблей, предоставим им право самостоятельно выбирать себе цели. Примерно в это же время один из офицеров штаба, пытавшийся систематизировать данные спутниковых съемок, обратил внимание на город под названием Нейсе, лежащий всего в тридцати километрах от границы зоны безопасности флагманского корабля и менее, чем в шестидесяти километрах от предполагаемого расположения Центральной базы. Авиабаза рядом с городом числилась уничтоженной еще суперофицером Пээлом, но сам Нейсе все это время, похоже, благополучно избегал внимания имперских сил. Еще раз просмотрев снимки, офицер отметил наличие в городе крупного промышленного комплекса и, как сообщил ему компьютер, 80 %-ную вероятность обнаружения танков противника.

После небольших и всем понятных проволочек на рассвете третьего дня после начала вторжения против Нейсе была отправлена группа из трех "Драконов" и двух шестерок танков "Охотник" из отряда обороны периметра безопасности. Операторам "Охотников" строго-настрого приказали не возвращаться без пленных: до последнего времени распоряжения командования насчет их захвата с незавидным постоянством не

выполнялись, а планируемое сооружение Центральной базы уже сейчас требовало немалого количества рабочей силы.

Оба оператора-танкиста были очень молоды. Оба – младшие офицеры самого низшего, третьего ранга. И у них был выделенный канал. Наверное, поэтому они и не старались соблюдать предписанного уставом делового молчания.

— Скучно, — пожаловался один из них.

— Все тебе скучно, Второй, — ворчливо отреагировал его напарник. — А что, патрулирование лучше?

— Хуже! Перепахиваешь свой сектор, как заведенный, и слова не по уставу и сказать не моги! Что бы старший-три не говорил, мол, ответственность там, охрана флагманского корабля, а все равно скучно.

— Так радуйся тому, что есть.

— А что есть? Согласись, Первый, это миссия первого, максимум, второго уровня. Прикатили, раздолбали, укатили.

— А пленные?

— Ну и что, что пленные? Ты их найди для начала. Они тут тоже все умные, прятаться научились.

— Значит, поищем. На обратном пути. Надо. Старший-три это же не сам выдумал, на него тоже давят.

— Все равно тоска. Хоть бы очки за это давали. Там за солдата – одно очко, за стрелялку или какой другой юнит – пять, за пленного – десять… У тебя какой личный рекорд в Миссиях?

— Двести одиннадцать и семь. На "Двух озерах".

— У! А у меня двести тридцать.

— Тоже "Два озера"?

— Нет. "Мост Кхуини".

— С сэйвами?

— Конечно.

— Это ты зря, — заключил Первый. — Опасная это штука, сэйвы. Начинаешь привыкать, что всегда можно вернуться обратно и переиграть. Поэтому ты дуэли и проигрываешь. Рискуешь слишком.

— Это ты рано обрадовался! На обратном пути я у тебя реванш возьму!

— А скажи, — вдруг заинтересовался Первый. — Как тебе удалось на "Мосту Кхуини" столько набрать? Ты что, через ущелье пошел?

— Ага. Ты как его преодолевал, последовательно? А там есть одно место, сразу же за вторым поворотом, где можно перестроиться в веер один-пять. Конечно, первый танк у тебя выносят, но и ты успеваешь выбить все стрелялки.

— Все равно, не люблю я эти миссии, — признался Первый. — Как пройдешь дюжину-другую раз, так все уже известно заранее. Не интересно.

— А чё заранее?

— А то. У каждой миссии – по четыре базовых варианта. Все остальное – так, прибамбасики. Нет, я люблю больше вводные. Или дуэли. И реалку. Потому мне сейчас и не скучно.

— Не скажи, — не согласился Второй. — Хорошая миссия, она тоже дорогого стоит. Вот на восьмом уровне миссии – это да! Я одну даже попробовал – "Долина ветра" называется. Только там меня сразу вынесли.

— Восьмой – это уже командный уровень, — вздохнул Первый. — Нам пока туда рановато. Мы еще только фендрики.

— А говорят, нам после окончания операции второй ранг присвоят!

— Это кто говорит?!

— А старший-три и говорит! Есть такой закон, что во время боевых действий месяц идет за три. А у нас за начало боевых – не высадка, а прибытие корабля в систему.

— Это круто!… Так, а знаешь, Второй, мы уже пришли. Видишь, город уже полностью достаем.

— А может, еще немного проедем? Вдруг танки попадутся?!

— Так они тебе и попадутся. Слышал, что старший-три сказал? Мы должны попытаться их выманить, а займутся ими "Драконы". К тому же видишь, вон, впереди, речка с обрывистым берегом?

— (с сожалением) Ага. Жаль. Будь у нас "Громовержцы", а то эти "Охотники" на антигравах маневрируют по вертикали как беременные крокхи.

— Беременные кто?! Ой, не могу! А ты хоть видел когда-нибудь крокхов?

— Чё ржешь?! Конечно, видел. Как и ты, по телеку. Здоровущие такие жирные птицы, летают плохо.

— Так это грукхи! А крокхи – это на Киилинарэ такие ящерицы летающие. Точнее, не ящерицы, а земноводные.

— Та ладно! Я чё, оринтолог? Главное, ты понял. А вон, смотри, какой-то поселок. Может, через него и спустимся? Там еще мостик… Может, и пленными разживемся.

— Мостик раздолбаем. А что, поселок довольно крупный, может, действительно, кого возьмем. Ладно, двинули.

— Есть, Первый! Разрешите начать движение, Первый?

— (важно) Разрешаю, Второй! Перестраивайтесь в боевой ордер.

Наблюдатель, устроившийся прямо на развилке ветвей большого дерева, выросшего на краю речного обрыва, видел, как танки пришельцев, перемешивая с землей стерню, повернули к селу. И взялся за рацию.

Кен Собеско в последний раз проинструктировал свой расчет.

— Вы нам пока не понадобитесь, — сказал он четырем солдатам, поставившим на землю тяжелый ящик с ракетами к мухобойке. — Спрячьтесь пока в том погребе. Если надо, мы сами вас вызовем по рации. А вы, ребята, держитесь где-нибудь поблизости от нас. Если после выстрела останемся целы, вы, двое, отвечаете за запасную ракету, а вы помогаете нам нести установку. Ясно?

Они выбрали позицию у пролома в каменном заборе, ограждавшем сельскую школу. Пролом выходил на главную улицу, полого спускающуюся к реке, и через него было видно людей, бегущих куда-то вниз. Наблюдательные посты вовремя подняли тревогу, но куда повернут пришельцы, не было ясно до последнего момента.

Собеско помянул недобрым словом инженеров с завода, так и не наладивших производство мухобоек. Из-за этого их задача сильно смахивала на лотерею – пройдут ли танки пришельцев по главной улице или не пройдут. Собеско надеялся, что хотя бы один пройдет.

Но пока его надежды не сбывались. Немного не дойдя до села, пришельцы остановились и открыли огонь. Это было даже не страшно. Негромкие далекие хлопки, заунывный и печальный вой где-то вверху и отдаленное глухое эхо взрывов. Множества взрывов.

— Они стоят прямо посреди поля, метрах в четырехстах от крайних домов, — сообщил наблюдатель. — И садят, гады, прямо по городу.

Собеско зло выругался. Они не могли сделать ничего, совершенно ничего. Преодолеть четыреста метров по открытому пространству, чтобы приблизиться к пришельцам на расстояние выстрела, было абсолютно невозможно. Оставалось только ждать и считать залпы. После сорок второго обстрел города прекратился.

— Ну же, — шептал Собеско. — Ну, идите, идите сюда. Чего вы копаетесь?

Но танки стояли на месте.

— Первый, первый, у меня третий номер погас!

— Как погас? Совсем?

— Совсем! Он даже не захватывается! И не двигается!

— Второй, подожди, не суетись! Попробуй запустить на всей шестерке автоконтроль.

— О, пошел. Проклятье! Тьма и пламя! Глюкнулся третий! Неисправимая системная ошибка! Вот зараза! На миссиях такого не бывает.

— Бывает, бывает, ты просто сэйвиться привык и потом переигрывать. Сбрось и попробуй дать третьему внешний контроль. Должна запуститься программа авторемонта.

— Не сбрасывается! Совсем завис! Что теперь делать?!

— Что делать, что делать… Инструкцию вспомни. Гасить или обрезать и вызывать платформу или ремонтников. Подожди, сейчас я свяжусь со старшим-три… Знаешь, он советует гасить. Говорит, место больно неподходящее, слишком близко противник. Ты только остальных подальше отведи…

— Да знаю, знаю! От, зараза! Теперь скрипу не оберешься.

— Ничё. Старший-три говорит, не огорчайся. Эти "Охотники" – они по жизни такие недоделанные. Такие глюки у них – сплошь и рядом.

— Есть, холера! Ликвиднулся. А теперь что? Попробуем пленных?

— Да. Я тут с краю прочешу немножко, а ты стой и смотри. Если кого увидишь, сразу глуши, потом подберем… Давай, я повел своих. А ты подкинь пока немножко огоньку…

— Один вдруг взорвался! — испуганно-радостно доложил наблюдатель. — Сам! А теперь пять штук остались на месте, а шесть двинулись как бы в обход. Точно! Они точно собираются зайти в село справа! Не по главной улице!

— Куда…

Договорить Собеско не успел. Танки открыли огонь по селу. Один из снарядов угодил прямо в здание школы, и взрыв накрыл их, разбросал, оглушил…

Эстин Млиско с усилием поднял голову и брезгливо стер грязь с губ. В ушах звенели и стучали молотки, перед глазами разрывались огненные шарики.

Кен Собеско лежал на спине с окровавленным лицом, наполовину заваленный рухнувшей стеной. Но он был жив, Млиско видел, как поднимается и опускается его грудь. Из четырех солдат-носильщиков один был мертв, другой стонал, держась за разбитое колено. Двое остальных, кажется, целые и невредимые, медленно поднимались с земли. Мухобойка была отброшена в сторону, но, похоже, не пострадала. Держась за голову, Млиско поднял с земли попискивающую рацию.

— Отзовитесь, отзовитесь, — кричал наблюдатель. — Шесть танков вошли в село со стороны ремонтной станции. Они едут к центру по параллельным улицам!

— Ниже или выше нас? — с усилием спросил Млиско. Наблюдателю пришлось повторить свое донесение дважды, прежде чем он понял.

— Ниже, ниже! Крайний за две улицы от вас!

И Млиско решился.

— Оставайся с раненым! — приказал он солдату с разбитым коленом. — Остальные, за мной! Поможете мне с установкой! Побежали!

Через пролом они попали на главную улицу. Пригибаясь под тяжестью мухобойки, пробежали по ней квартал, завернули за угол и вдруг оказались посреди толпы, в панике разбегающейся от горящего храма.

— Прочь, прочь! — кричал Млиско. — Убирайтесь отсюда! Прячьтесь!

С тяжеленной и массивной заряженной мухобойкой они никак не могли протолкаться. Люди разбегались в стороны слишком медленно, и Млиско с нарастающим отчаянием ждал, что в эту людскую массу вот-вот посыплются снаряды.

И дождался. Снаряды разорвались прямо в толпе, но не взорвались, а раскололись с глухим "Пок!" Оттуда повалили клубы белого дыма. Млиско еще увидел, как люди, попавшие в этот дым, спотыкаются, хватаются за грудь, падают на землю… А через секунду дым накрыл и его. И мир вокруг сразу стал черно-белым, завертелся вокруг и начал гаснуть. И еще в нем совсем пропал воздух…

Дальнейшие события проходили уже без участия Эстина Млиско. Он не видел, как танки пришельцев, выехав на площадь перед храмом, начали длинными манипуляторами, похожими на клешни, собирать усыпленных людей и деловито запаковывать их в белые полупрозрачные коконы, похожие на муравьиные яйца. Это вообще мало кто видел – снотворный газ держался довольно долго и действовал даже в самой малой концентрации.

Выполнив задачу, танки развернулись и двинулись в обратном направлении, а из туч вынырнули три "Дракона" и высыпали на несчастный город свой бомбовый груз.

Джип Дэсса Ургана стоял между двумя горящими домами напротив того места, где раньше была мэрия. Мэрия не горела – там просто нечему было гореть.

Докладывал ему все тот же щеголеватый майор-порученец.

Только теперь он не выглядел щеголеватым – в порванном и обгоревшем кителе, с опаленными волосами и измазанным сажей безбровым лицом с ожогом на щеке. К тому же он заикался.

— В-в-в-все п-погибли, — говорил майор. — И г-г-генерал В-в-вейн, и б-б-бригадный генерал, и п-полковник Гирг-го. И м-м-м…

— Мэр, — понял Урган.

— Д-да. И м-мэр. Т-т-теперь вы к-ком-мандующий. Т-только т-танков у нас б-б-больше нет, ни од-дного. И з-з-завода нет. И цент-т-трального склада ГСМ…

— Хорошо, майор, — прервал его Урган. — Я понял. Давайте сосредоточимся на том, что у нас еще есть…

Ургану было плохо. Ему было очень плохо. Он знал о результатах попытки остановить танки пришельцев. Он знал, что Кен Собеско ранен и контужен, и что Эстина Млиско нет ни среди живых, ни среди мертвых.

Полковник Дэсс Урган уже знал, что такое терять товарищей в бою. Но он не знал и не мог придумать, что скажет он Лике Ранси…

Глава 24. Каждый выживает в одиночку

Где я?

Глупый вопрос, но в данном случае, вполне уместный. Итак…

Койка. Довольно жесткая и узкая, с загнутыми вверх краями, что делает ее по форме немного похожей на корыто. Вверху прямо над головой – точно такая же койка. Внизу, совсем близко, только руку протяни – узкая полоска пола из шершавого черного пластика. По другую сторону прохода видны те же койки в три яруса.

Позади, в ногах, — стена, вернее, широкие металлические двухстворчатые двери. За черным стеклом в дверях ничего не разглядеть, лишь отражается тусклый свет плафона над потолком.

Запах. Едкий запах лекарств, грязных бинтов, дезинфекции и еще чего-то сугубо больничного.

Звуки. Хриплое дыхание откуда-то сверху, приглушенный кашель, чье-то неясное бормотание сквозь сон. Извне доносится чей-то голос, но кто говорит, о чем – различить невозможно.

Больница? Госпиталь? Подземное убежище?

Вдруг негромко взревывает мотор, и все трогается с места и медленно тащится куда-то по тряской дороге. Отчего вопрос о местонахождении становится еще более актуальным.

— Так где же я?

Кажется, Кен Собеско произнес это вслух, потому что сосед с койки напротив открыл глаза и приподнялся на локте.

Мальчик. Нет, подросток, почти юноша, лет пятнадцать-шестнадцать. Темные глаза, темные волосы, нос, пожалуй, чуть великоват, но все равно, приятное лицо.

— Где-то между Нейсе и Кодирне, — сказал он громким шепотом, слегка прокашлявшись. — Возможно, ближе к Кодирне, но я в этом не уверен.

— Кодирне? — переспросил Собеско. — Но почему Кодирне?

— Чтобы ехать в Лешек, разумеется.

— В Лешек? Из Нейсе через Кодирне?

— Из Акеса, — недогадливость Собеско, похоже, забавляла парня.

— Не понимаю…

Собеско и в самом деле ничего не понимал. От Акеса до Лешека по прямой около двухсот пятидесяти километров, по

шоссе через Тороканские Ворота и Тамо – меньше четырехсот. Но вместо Тамо поворачивать в противоположную сторону, на Нейсе, а затем на север, к Кодирне…

— А зачем делать такой большой крюк?

— Нельзя напрямую, — серьезно объяснил парень. — Где-то возле Тамо сел корабль пришельцев, там не проедешь. А в Кодирне, говорили по радио, начинается безопасная дорога прямо к побережью. Вот мы и едем. Только что-то никак не можем доехать. Пришельцы мосты разбомбили, вот и приходится все время искать дорогу. У моего отца джип, вот он и ездит на разведку. Потом возвращается и ведет всех остальных.

— Постой, — сказал Собеско. — Значит, вы на побережье? А потом? В Гордану?

— В Гордану, — равнодушно подтвердил парень. — Или в Телларну. Отец говорит, это как получится.

— Вот как, — растерянно произнес Собеско.

Какая-то мысль мелькала в голове, но все время ускользала. Он попытался потереть пальцами виски, но наткнулся на повязку.

Паренек с соседней койки понял этот жест по-своему.

— Это вас в бою с пришельцами ранили?

— …Не знаю, — признался Собеско. Ему было не по себе. В голове царил полный хаос, мелькающие обрывки воспоминаний никак не хотели становиться по местам. — А почему ты так решил, может, это меня при бомбежке. Как тебя, наверное.

— Не-а, — покачал головой парень. — Не как меня. Я не раненый, я больной. Правда, глупо? А чего я спросил, так вы, пока без сознания были, все время говорили. Что-то вроде "Стреляй, скорее, он тебя сожжет" или Стину какому-то кричали, чтобы быстрее перезаряжал мухобойку. Вот я и подумал… Кстати, а что такое мухобойка?

— Стой! — с облегчением перебил его Собеско.

Он вспомнил. Да, они с Млиско ждали атаки пришельцев. А затем… Затем был снаряд! А потом кто-то – наверное, Урган – решил отправить его в Лешек как летчика. Или как раненого летчика?

Все вставало на свои места. Оставалось только проверить.

— Как я очутился у вас? И когда? — Он почему-то очень боялся, что пролежал в забытьи уже несколько суток.

— Да вчера днем вы появились. Точно, мы как раз мимо Нейсе проезжали. Принесли, помню, вас на носилках солдаты, а с ними были врач и полковник авиации…

Урган?

— Точно авиации? — спросил Собеско. — Ты не ошибся?

— Да что я, маленький? — возмутился парень. — У него на

погонах был крылатый меч – значит, полковник авиации. Я же знаю. У пехотного полковника – скрещенные алебарды, а интенданта – бычья голова, а у танкиста – хвостатая звезда. Он еще попросил, чтобы с вами поосторожнее, у вас два ребра треснули. И контузия.

— Это я догадался, — усмехнулся Собеско. — Еще бы не догадаться, если грудь стягивает тугая повязка, а каждый вздох вызывает боль в правом боку. — А с полковником больше никого не было? Такого чернявого мужчины примерно моего возраста и очень загорелого?

— Не-а, — помотал головой парень. — Не было. А полковник сказал, вы были в Тороканских Воротах, и у вас даже орден есть. Правда? А то тут рядом со мной двое – так у них медали. Один горданец, у него нога сломана, вот ему все время и дают снотворное. А второй – баргандец, он сказал, что вас знает. Вас ведь зовут Кен Собеско, верно? А меня Чирр Чолль. Только не Чоллу и не Чолло, а именно Чолль. Это тороканская фамилия…

Кен Собеско рассеяно кивнул. Человек, лежащий над головой Чирра Чолля, повернулся лицом к проходу и открыл глаза. На этот раз капризная память не подвела.

— Дилер Даксель!

— Точно! Он самый. Вот ведь, как жизнь повернулась. А ведь я еще вчера вашему напарнику, Драйдену, жаловался, что уже, видать, не судьба встретиться и поблагодарить за то, что не бросили тогда в Макьелине…

— Как, и Драйден тут?! — удивился Собеско. — Вот уж, действительно…

— Ну, это долгая история, — сказал Даксель. — Хотите?

— Хочу. Только не слишком ли вас это напрягает, ночь ведь уже…

— Не уже, еще, — улыбнулся Даксель. — Ну и что? Вы спать хотите? И я – нет, днем выспался. Да и знаете, мне тут больше не с кем особенно и разговаривать. У Драйдена сломана лодыжка, он очень мучается на этих проселочных дорогах, вот его и держат все время на снотворном. Гранидского я не понимаю, а мой единственный переводчик – вот этот молодой человек – к сожалению, владеет баргандским только на уровне школьной программы… В общем, ладно. Итак, все началось с того, что я вашими трудами – спасибо – оказался в чужой стране без документов и практически без денег…

Рассказ был долгим и с подробностями.

— …Ну, и после всей этой эскапады, — закончил Даксель, — Мы снова оказались там же, откуда стартовали. То бишь, в акесской городской больнице.

— Говорят, вам медаль дали, — рассеяно сказал Собеско.

— А как же, дали, — Даксель вытащил из-под подушки Бронзовую Звезду – простую солдатскую медаль за отвагу на поле боя, выполненную в виде слегка выпуклой восьмилучевой звезды с круглым щитом и скрещенными алебардами в центре. — Хотя, конечно, заслужил ее, в основном, Драйден, это он танк подорвал. Я больше так, за компанию. Но мне эта медаль дорого обошлась, можно сказать, я из-за нее здесь и оказался.

У Собеско вдруг начала болеть голова, вернее, даже не болеть, а медленно кружиться. Он попытался остановить ее. Его молчание можно было при желании принять за вопрос, и Даксель продолжил.

— Я же после того, как все кончилось, точнее, это тогда казалось, что кончилось, наконец своих нашел. Оказалось, все живы, здоровы, даже дом наш в Макьелине цел остался. Мне бы домой сразу и рвануть, так нет, медаль хотелось получить, чтобы потом приехать, покрасоваться… Вот и получил. А на следующий день все началось по новой. Акес в первую же ночь бомбили, и очень жестоко, особенно, порт. В общем, вышло, что мне домой ехать опять как бы не на чем. А тут отец этого молодого человека (Даксель кивнул в сторону Чирра Чолля), который так и не довез нас тогда в Лешек, предложил добираться сухопутным путем. А из Лешека – в Гордану.

Даксель вздохнул и очень посерьезнел.

— Сейчас я молю всех богов, и своих, и чужих, чтобы моя Кара догадалась сделать то же самое. Нет, она должна, должна догадаться! Мы же обсуждали этот вариант – перебираться им всем в Гордану, если здесь снова начнется война! Я, в конце концов, сотрудник горданской компании, а через Макьелин проходит один из этих безопасных коридоров. Она поймет, не может не понять!…

Даксель замолчал. Его лицо вдруг показалось Собеско очень далеким, а потом оказалось совсем рядом – нос к носу. Проклятый плафон, отражающийся в черном стекле двери, слепил глаза. Койку качало, и было непонятно, что тому причиной – головная боль, взявшаяся за него всерьез, или тряская дорога.

Внезапно взвизгнули тормоза, и автобус рывком остановился.

— Вот так и передвигаемся, — грустно заметил Даксель. — Час едем, три стоим.

Собеско не ответил. Головная боль наконец отпустила его, милосердно позволив провалиться в глубокий сон без сновидений.

Авария случилась рано утром, когда темнота ночи за окнами уже уступила место серенькому рассвету. Справа и снизу что-то громко хлопнуло, автобус повело в сторону, слегка занесло, и этого хватило, чтобы он не удержался на узкой проселочной дороге и въехал одним колесом в глубокую канаву. Раздался треск, шум падения, что-то со звоном прокатилось по проходу, кто-то завопил от неожиданности и боли – и Кен Собеско очнулся от забытья.

Пробуждение, вопреки всему, не оказалось таким уж неприятным. Голова, во всяком случае, не болела. Собеско заворочался, пытаясь принять позу поудобнее на накренившейся койке, но внезапно распахнувшиеся широкие двери в конце автобуса, прямо у его ног, заставили его зажмуриться – после полутемного салона даже свет обычного пасмурного осеннего утра показался ему слишком ярким.

— Вы в порядке? — склонилась над ним молоденькая девушка в белом халатике медсестры. — Как вы себя чувствуете?

— Кажется, нормально, — осторожно сказал Собеско, открывая глаза. Все было действительно нормально, даже лучше, чем он предполагал.

— Очень хорошо, — улыбнулась девушка. — Вы можете встать? Кажется, сейчас всем придется покинуть автобус. Или вас вынести? Эти койки можно использовать и как носилки.

— Нет, я сам, — Собеско свесил ноги вниз и нашарил услужливо предложенные стоптанные шлепанцы.

Придерживаясь за койки, он осторожно выбрался наружу. Это оказалось не так уж и трудно, надо было только не торопиться и следить за дыханием.

Оказавшись на свежем воздухе, Собеско с интересом огляделся по сторонам. Дорога пересекала неглубокую узкую ложбину, на дне которой шумел под весьма хлипким на вид мостиком сильно заросший камышом ручей. Впереди, метрах в тридцати, прямо на мостике, стоял небольшой грузовичок наподобие тех, которыми пользуются мелкие торговцы для развозки товара. Дальше, уже на подъеме, всю дорогу заслонил широкий зад пассажирского автобуса.

Позади машин было побольше. Два армейских грузовика с покрытыми брезентом кузовами, похожие из-за этого на крупных серо-зеленых жуков, парочка мини-вэнов, пяток легковушек, наконец, одиноко стоящий прямо на пригорке позади колонны роскошный черный лимузин с затененными стеклами.

— Вы присядьте где-нибудь, — посоветовал незаметно подошедший Чирр Чолль. — Это надолго. Говорят, мы крепко засели.

Чирра Чолля пошатывало, но он крепился. Да и сесть было пока некуда, разве что прямо на мокрую траву.

Тем временем из накренившегося автобуса появлялись все новые и новые люди. Дилер Даксель помог вынести на носилках Эргемара. Бывший напарник выглядел неважно: бледный, осунувшийся, его длинные светлые волосы слиплись и падали на лицо грязными сосульками. Эргемар был в сознании, он приветственно улыбнулся Собеско и помахал ему рукой.

Все носилки относили куда-то за грузовики.

Последней из автобуса вынесли хрупкую старушку. Ее никуда не понесли, а просто осторожно положили носилки прямо на землю у обочины. Девушка-медсестра склонилась над ней, а затем опустилась на колени и аккуратно закрыла лицо старушки простыней. Мужчина в черной кожаной куртке, помогавший вытаскивать носилки, медленно снял с головы кепку и начал ее мять в руках.

— Бабушка Теллко, — растерянно всхлипнул рядом Чирр Чолль. — Она жила за два дома от нас… Она не хотела никуда ехать… Она так боялась, что будет обузой…

— Держись, сынок, — широкоплечий пожилой мужчина в пятнистой военной куртке без погон и нашивок положил руку на плечо Чирру Чоллю. — Может быть, так лучше. Она не хотела умереть на чужбине…

Кен Собеско отвернулся. Он не любил сентиментальных сцен. Широкоплечий осторожно тронул его за руку.

— Простите, вы – Кен Собеско, капитан авиации? Я – Герэн Чолль, в данный момент, — проводник этого каравана. Я могу пригласить вас на небольшую прогулку?

Идти оказалось недалеко – до стоящего во главе колонны старенького джипа с брезентовым верхом. На месте водителя в нем сидела изящная темноволосая женщина в такой же, как у Герэна Чолля, пятнистой куртке военного образца.

— Руна, дорогая, — обратился к ней Герэн Чолль. — Тебя не затруднит выйти и немного размяться, пока мы с капитаном съездим в одно место?

— Нисколько, дорогой, — женщина грациозно выскользнула из машины и с удовольствием потянулась. — А эта задержка, что, надолго? Что-то случилось, да?

— Случилось, — хмуро подтвердил Чолль. — Похоже, у автобуса полетела передняя подвеска. Если это так, его придется бросить. И еще… Умерла старая Теллко. Теперь ее надо будет похоронить по-человечески.

— Как плохо, — с болью произнесла Руна. — Господи, как все тяжело. Ее надо было уговорить принять лекарство!

— Ты же сама знаешь, что это все равно было бесполезно, — недовольно сказал Чолль. — Она просто не хотела жить… Скажи лучше, не помнишь, где вещи господина капитана?

— Поищи под своим сиденьем, — рассеяно ответила Руна. — Я пойду тогда, хорошо?

Герэн Чолль что-то одобрительно буркнул. Забравшись в джип, он шумно возился там, ворочаясь как медведь. Машину изрядно качало.

— Вот, — с удовлетворением сказал он, выбравшись со свертком в руках. — Ловите.

Кен Собеско развернул сверток. Внутри оказался его мундир, тот самый, что он носил в Нейсе.

— Одевайтесь, — поторопил его Чолль. — И обязательно орден, он там, в нагрудном кармане… Садитесь, давайте я помогу вам обуться…

— А в чем дело? — осторожно спросил Собеско. — Что это еще за афера?

— Афера и есть, — согласился Чолль. — Сейчас мы с вами съездим в ближайшую деревню. Называется она Тепорне, в ней, если карта за десять лет не слишком устарела, проживает от двухсот до пятисот жителей, и до нее отсюда около трех километров. Там вы с вашей военной формой постараетесь реквизировать у местных жителей хотя бы сотню литров бензина. Естественно, я заплачу за все и даже вдвое или втрое против довоенной цены.

— Если заплатите, это еще не реквизиция, — недовольно проворчал Собеско. — Реквизиция – это когда отнимают бесплатно.

— А какая разница? Кому здесь и сейчас нужны бумажки, пусть даже и золотые сертификаты? Народ уже сориентировался: все самое нужное не купишь ни за какие деньги. Лекарства, например, или тот же бензин. Садитесь же, у нас не так много времени.

Задние сиденья в джипе были сняты, вместо них высилась горка аккуратно запакованных тючков. Еще дальше, у заднего борта, деликатно погромыхивала на ухабах бочка из-под бензина.

— Слышите? — спросил Чолль. — Она пустая. У нас был тройной резерв горючего, но кто же знал, что придется делать такой крюк?! А эти проклятые грузовики пьют бензин как буйволы, целыми ведрами!

Собеско угрюмо молчал.

— Я вижу, вам не нравится моя идея? Вам не хочется хитростью отнимать бензин у бедных крестьян? А я не хочу идти сто или двести километров пешком вместе с женой и больным

сыном! Или, может, вы любите дальние походы?! До Кодирне осталось чуть больше двадцати километров, и я точно знаю, что оттуда и до самого Лешека я не получу ни от кого ни литра! Вообще, последний и единственный, кто поделился с нами, был ваш приятель полковник. Он разрешил залить в баки около трехсот литров.

— Вы общались только с полковником? — спросил Собеско. — А с ним не было такого черноволосого и очень загорелого мужчины лет тридцати пяти? Зовут Стин или Эстин.

— Не видел, — покачал головой Чолль. — Но в сам город мы не заезжали, там были очень сильные разрушения после бомбежки. Ну так как? Вы со мной? Или я поворачиваю обратно. Без вас мне не справиться: военных эти куркули боятся и уважают, а если я захочу купить у них бензин, они просто рассмеются мне в лицо.

— Я с вами, — сказал Собеско. — Вы правы. В такое время нужно держаться друг за друга.

— Вот и хорошо, — кивнул Чолль. — О, вот и развилка. Направо – к Кодирне, а нам – налево. Надо понимать, деревня за теми посадками. Если карта точна, конечно…

Дорога пересекла узкий язык лесопосадки, поднялась на пригорок, и потрясенный Герэн Чолль рывком остановил машину. Деревни больше не было. Нет, карта не врала, она вообще была здесь не при чем. Деревня Тепорне с населением от двухсот до пятисот человек – несколько десятков домов, разбросанных в живописном беспорядке среди садов и виноградников, — никуда не переместилась и не исчезла с лица земли. Просто сейчас это было одно большое пожарище, на фоне которого кое-где торчали остовы домов, закопченные печные трубы и черные скелеты деревьев с торчащими черными сучьями. Ветер прижимал к земле и рвал на части редкие струйки серого с желтизной дыма.

— Это скорее танки, чем самолеты, — определил Собеско. — После бомб все выглядит немного иначе.

— Я знаю, как выглядит после бомб, — буркнул Чолль. — Вот это меня и беспокоит.

Он снял ногу с тормоза, и машина медленно покатилась под уклон.

— Вы еще надеетесь найти здесь бензин? — удивился Собеско.

— Что поделать, это мой последний шанс, — Чолль снова включил зажигание. — Заметьте, разрушения не сплошные. Вон те сараи, например, остались целы. Так почему бы где-нибудь не уцелеть и гаражу? Или вы еще опасаетесь, что пришельцы еще там?

— Да нет, пожалуй, — пожал плечами Собеско. — Здесь им уже нечего делать.

Первое, что они увидели, въехав в деревню, были ноги. Просто ноги без каких-либо следов туловища и прочих частей тела, уткнувшиеся в лопухи на обочине. Затем Чоллю пришлось резко повернуть, чтобы не наехать на безголовый труп, лежащий, раскинув руки, поперек дороги в большой загустевшей луже красно-бурого цвета.

Больше мертвых тел не попадалось. То ли большинство жителей успело уйти, то ли они были застигнуты врасплох и погибли в своих домах. Зато в изобилии попадались битые кирпичи, обломанные ветви и прочие препятствия, а метров через сто дорогу окончательно преградили обломки дома, разметанного снарядом буквально по кирпичику.

Герэн Чолль заглушил мотор.

— Вы, наверно, оставайтесь здесь, в машине, а я тут пошурую, — предложил он Собеско. — Вас как, не сильно растрясло?

— Да нет, вроде бы.

Собеско действительно чувствовал себя вполне прилично. Голова не болела, и даже треснувшие ребра почти не напоминали о себе.

Шуровал Герэн Чолль довольно долго – почти час. Но когда он появился откуда-то из-за угла, в каждой руке у него было по канистре.

— Полные! — радостно крикнул он еще издали. — Сейчас я опять туда схожу. Там в гараже автомобиль завалило, попробую еще и из бака бензин слить…

Внезапно – Собеско даже не успел заметить, как это произошло, — из развалин наперерез Чоллю вышел еще один человек. Одет он был, несмотря на промозглую осеннюю погоду, в невероятно грязную нательную рубаху и такие же грязные штаны. Лицо его было испачкано землей и сажей, в волосах застряли мелкие щепки и прочий мусор, но в руках он держал охотничью двустволку крупного калибра, направленную прямо в живот Герэну Чоллю.

— А ну, положь на место, — процедил он сквозь зубы. — А то я щас тебя тут положу. Живо!

Надо было срочно вмешиваться. Собеско действовал, почти не раздумывая.

— Сержант, что там у вас?! — прикрикнул он начальственным тоном. — Это что, местный житель? Ведите его сюда! Да, вы! Подойдите ко мне! Доложите, что тут у вас произошло!

Подействовало. Собеско с облегчением перевел дух. Герэн Чолль, кажется, тоже. Местный житель опустил ружье и медленно, как сомнамбула, двинулся к джипу. Из его доклада, невнятного и сбивчивого, в конце концов стало понятно следующее.

Пришельцы напали на деревню ночью, точнее он сказать не может, поскольку не смотрел на часы. Откуда пришли пришельцы, сколько их были, не знает. Он выскочил из дома в чем был, успел только натянуть брюки. Помнит, как жена подхватила дочку, вначале она была рядом с ним, потом он ее потерял. Да, рядом с ними бежали и другие люди, где они теперь, что с ними, он не знает. Вокруг была стрельба, дома горели, ему удалось добежать до посадки и там в темноте, не разбирая дороги, он свалился в какую-то яму, где и просидел до рассвета. Куда ушли потом пришельцы, он не видел. Утром он вернулся в деревню, два часа искал живых, никого не нашел, тогда…

— Ясно! — прервал его Собеско. — Хорошо. Хотя, какое тут, к черту, хорошо, ничего хорошего! Все равно, спасибо вам за нужную информацию. Сержант, выпишите ему квитанцию об оприходовании сорока литров бензина для нужд действующей армии. И заплатите ему, по двойной довоенной цене, пожалуй.

Больше всего Собеско опасался, что у Чолля не найдется ничего такого, что может сойти за квитанцию. Но Герэн Чолль, по-хозяйски загрузив канистры в джип, невозмутимо вынул из портмоне какую-то бумажку и несколько банкнот и вручил все это местному жителю, впавшему в состояние ступора. Когда Собеско в последний раз, уже с пригорка за деревней, оглянулся назад, он все еще неподвижно стоял посреди улицы с деньгами в одной руке и смотрящим в землю ружьем в другой.

— Ловко вы его, — одобрительно сказал Герэн Чолль, когда машина уже проезжала лесополосу. — А как вы угадали, я ведь действительно был когда-то сержантом. Еще в старой, картагонарской армии.

Собеско только развел руками.

— Вы удовлетворены? — спросил он.

— Ну, за неимением лучшего. Все же сорок литров есть сорок литров. Вместе с тем, что есть в баке, может и хватить до Лешека. Меня гораздо больше волнуют танки. Как вы думаете, они все еще где-то поблизости?

Собеско пожал плечами.

— Кто его знает? Хотя сколько я с ними не сталкивался, они вечно куда-то спешили, попутно сжигая все по сторонам, до чего могли дотянуться. Надеюсь, с ночи они успели уйти достаточно далеко.

— Я тоже. Обидно было бы нарваться на пришельцев, когда до Кодирне осталось всего двадцать километров. И знаете, когда вернемся, лучше молчать о танках. Скорость нашего каравана от этого все равно не изменится, а народ будет спокойнее. Ладно?

"А надо было сказать, — не раз и не два думал потом Собеско. — Тогда, возможно, все поворачивались бы хоть чуточку быстрее".

Но говорить было уже поздно и как-то не к месту, и Собеско молчал. Помалкивал и Герэн Чолль, хотя он тоже заметно нервничал.

Было уже за полдень, когда колонна снова двинулась в путь. Позади остались могила бабушки Теллко, отмеченная вместо надгробной пирамидки стоймя вкопанными в землю носилками, и брошенный на обочине автобус, "раздетый" почти что до голого металла.

Большую часть больных и раненых, включая Эргемара, разместили в одном из военных грузовиков. Собеско, Даксель и Чирр Чолль оказались во втором, причем едва смогли найти себе там свободное место. Большой кузов, крытый брезентом, был почти доверху забит различным хламом: от шести бочек с бензином, выстроившихся вдоль борта, до положенного набок старинного комода со встроенными часами. Пассажиров там было только трое – широченная бабища в богатой шубе внакидку, носящая на себе целый склад дорогих, но на редкость безвкусных ювелирных изделий; прыщавый худосочный юнец и жилистый мужичок лет пятидесяти в полном снаряжении богатого туриста – навороченные горные ботинки с шипами, непромокаемая ветровка на пуху, мягкая меховая шапка с наушниками и в ногах – ярко-оранжевый рюкзак со множеством ремешков и кармашков. Еще трое сидели в широкой кабине: представительный полный пожилой мужчина с неожиданно жестким и суровым лицом подвижника или аскета, мускулистый широкоплечий парень в кожаной куртке и румяная крепко сбитая деваха с тяжелой копной темно-рыжих волос, перехваченных узкой ленточкой.

Кен Собеско сидел на свернутом в рулон ковре и, придерживаясь за доски заднего борта, смотрел назад. Грузовик, рыча мотором, преодолел невысокий подъем, скрылись из виду одинокая могила и бессильно завалившийся в канаву автобус, промелькнул и исчез знакомый указатель – правильно, нам направо – а затем пошел по сторонам обычный сельский пейзаж – лесопосадки, сжатое поле, лесопосадки, виноградник, снова сжатое поле…

— Дорога какая-то странно пустынная, — вдруг понял

Собеско. — Будто вымерло все.

— А так и должно быть, — важно объяснил Чирр Чолль. — Кодирне рядом: те, кто хотел, уже уехал, а остальным – куда им разъезжать и зачем? А может, это мы на какой-то глухой проселок заехали. Так на дорогах людей хватает, особенно много пеших.

Собеско знал, что до Кодирне было не более двадцати километров, но этот отрезок дороги, петлявшей среди полей и ветрозащитных лесополос, показался ему бесконечным. Он вздохнул с облегчением, когда грузовик, наконец, свернул с проселка на широкое шоссе, обсаженное с обеих сторон раскидистыми деревьями.

— Ну вот, почти приехали, — удовлетворенно заметил мужичок в ветровке. — Я эту дорогу знаю, тут до города километров пять или шесть, не больше…

А дальше… А дальше время словно замедлилось или, наоборот, ускорило свой бег, сжавшись в тугую пружину.

Далеко позади из-за деревьев прямо на дорогу выскакивает человек в военном камуфляже, размахивая руками. Он что-то кричит, но за дальностью расстояния и шумом мотора никто не может разобрать его слова.

Грузовик сбрасывает скорость, перебираясь через широкую выбоину. Еще одна выбоина, трещина, воронка от снаряда, на краю множество металлических обломков. Сгоревший автомобиль, и еще один, и еще, и груда смятого металла, в которой едва угадывается лежащий на боку грузовой трейлер. Кто-то в кузове вскрикивает, но разбитые машины уже остались позади, а по бокам дороги появляются одноэтажные домики… Нет, только пустые каменные коробки без крыш, и языки копоти тянутся вверх от темных провалов окон. А от следующего остался только фасад, словно обгрызенный с краю, и большой обеденный стол, выглядывающий из кучи битого кирпича…

Внезапно большой черный автомобиль метрах в тридцати позади словно расплющивает исполинским молотом. Грохот, пламя, визг и скрежет металла, грузовик резко набирает скорость, его немилосердно трясет на ухабах и бросает из стороны в сторону. Собеско чуть не вылетает из кузова, но успевает ухватиться за борт.

— Что ты делаешь?! — визгливо вопит толстая женщина, прижимая к широкой груди объемистую звякающую корзину. — Побьется же все, дурень!…

Взрыв, еще один взрыв, горящая легковушка на обочине и тут же – лежащий на боку джип Чолля с еще вращающимися колесами. Тело Руны безвольно свисает вниз, зацепившись за распахнутую дверцу.

— Мама! — пронзительно кричит Чирр Чолль. — Остановитесь! Остановитесь! Там мама!

Он остервенело колотит в перегородку, но грузовик только наращивает скорость.

Лежащий на боку джип все отдаляется и отдаляется и вдруг исчезает в яркой вспышке желто-оранжевого дымного пламени.

"Сорок литров", — отстраненно вспоминает Собеско. Чирр Чолль закрывает лицо руками и без звука валится ничком на корзины и баулы.

Снова резкий поворот. Военный грузовик с ранеными, врезавшийся в дерево на обочине. Кто-то пытается выбраться из кузова. Из кабины неловко выпрыгивает человек и, припадая на ногу, нелепыми скачками бежит прочь от дороги. Вспышка! Грузовик на обочине окутывается быстро расширяющимися клубами белого дыма. Дым нагоняет бегущего, тот хватается за горло и падает как подкошенный.

Еще одна выбоина, в кузове что-то падает, вещи и люди колотятся друг о друга, и все вдруг заканчивается. Мимо проносится указатель вдоль шоссе: "Добро пожаловать в Кодирне", стрельба прекращается. Последнее, что еще успевает увидеть Собеско, это уткнувшийся в дерево грузовик и два приземистых танка пришельцев, тянущиеся к нему чем-то, похожим на длинные клешни. Одна из клешней срывает с кузова брезентовый верх…

А потом, без всякого перехода – город, почти не затронутый войной. Обычные городские улицы, неповрежденные дома, целые оконные стекла и магазинные витрины, много машин и прохожих, даже работающие светофоры на перекрестках…

Грузовик внезапно сворачивает куда-то в сторону.

— Куда ты, отец? — доносится из кабины удивленный голос парня в кожаной куртке.

И объяснение.

— Это они не знают дороги. Мы сейчас свернем прямо на лешекскую трассу, а они зачем-то поперлись в центр.

— Но нельзя же прямо так их бросить! Ведь у нас все запасы бензина!

Пауза.

— Зато теперь мы точно доедем до Лешека.

Снова пауза.

— Да и вообще, какое тебе дело до остальных?! Такое уж время настало, сынок: каждый выживает в одиночку.

Глава 25. Капли в потоке

Когда-то, в давние времена, когда дорог было еще мало, каждая из них имела свое имя. Так, трансгранидский тракт Дееле – Шилги – Тамо назывался "Великий поход", горная дорога на столицу Солера Ян-Кайлен – "Пьяные качели", а стодвадцатикилометровый отрезок между Уэлесом и Моли – "Ревнивый мельник" в честь одноименного персонажа, по легенде, пробежавшего эту дистанцию за день, ни разу даже не остановившись.

Дорога Кодирне – Лешек имела название "Тропа паломника", но то, что происходило на ней в тот день, выглядело злой пародией на паломничество.

Шоссе тянулось на запад по плоской как стол безлесной равнине, накрытой, словно крышкой, темно-свинцовыми тучами, медленно-медленно ползущими навстречу. Эту небесную твердь подпирали, будто колонны, столбы и целые полотнища дыма, застилавшие горизонт. Было не холодно, но как-то душно, а тепловатый ветер пахнул гарью. Время от времени начинал капать дождь, но и он не приносил облегчения, а только оставлял грязные потеки на лобовых стеклах машин и на лицах людей.

Километров через сто после Кодирне движение на шоссе превратилось в непрерывный поток, заполнивший дорогу от края до края. В этом потоке попадались самые разнообразные транспортные средства – грузовики, легковушки, автобусы, педальные самокаты, крестьянские телеги и даже антикварные паровички конца прошлого века.

Но больше всего было людей, в угрюмом молчании бредущих по обочинам. Никто из них не оборачивался назад. Одни шли налегке, только с небольшими сумками или рюкзаками, другие, наоборот, были навьючены вещами, катили или тащили за собой детские коляски или тележки из супермаркетов. Но так идти было трудно, и придорожные кусты были усеяны брошенными чемоданами и узлами. Чем дальше, тем больше попадалось и брошенных автомобилей.

В толпе было много детей – и маленьких, которых несли, привязав за спиной, и постарше, устало бредущих рядом с родителями и похожих на маленьких старичков. Вместе с людьми было много и домашних любимцев – собаки различных пород; коротколапые риссы высовывали любопытные мордочки из-за пазух, из сумок и портфелей; несли и птиц в клетках, а один старик с беспомощно растрепанными седыми волосами и в

длинном коричневом пальто тянул за собой небольшую застекленную этажерку, на полках которой стояли заботливо упакованные цветочные горшочки с кактусами. Этого старика почему-то было жальче всего.

В этом бесконечном горестном шествии одинокий грузовик с девятью людьми был не более, чем каплей, песчинкой, отдельным атомом. Внутри него царило спокойствие. Мужичок в ветровке дремал, прыщавый юнец читал какой-то детектив в бумажной глянцевой обложке, толстая баба перелистывала женский журнал, время от время подозрительно зыркая по сторонам. При этом она все время жевала, что ужасно раздражало Собеско, ничего не евшего со вчерашнего утра. Сам Собеско и Дилер Даксель сидели рядышком у заднего борта и смотрели на дорогу. Говорить никому из них не хотелось. Чирр Чолль скорчился в уголке под бочками с бензином, не реагируя на окружающее, и никто не пытался его отвлечь.

Под вечер, когда уже стемнело, грузовик, одолев больше половины пути, сделал остановку в Айхе-по-над-Лесом – небольшом городе, как и Кодирне, оказавшемся внутри безопасного коридора.

Город был переполнен беженцами, устраивающимися на ночлег прямо на улицах и в палисадниках, откуда их никто не гнал. Очень много было военных. Они просто стояли небольшими группами на перекрестках рядом с неподвижно застывшими бронетранспортерами или молча прохаживались по улицам, почти не смотря по сторонам, но и этого было достаточно для поддержания даже странных при таких обстоятельствах дисциплины и порядка.

На площадях в ярком свете прожекторов стояли армейские походные кухни, к которым тянулись длинные и удивительно тихие очереди. Еще более длинная очередь медленно продвигалась к короткому ряду деревянных будочек посреди чахлого скверика. Прямо над будочками слегка покачивались на ветру двое повешенных. У одного на груди висела табличка с надписью "Грабитель", у другого – "Спекулянт". В переулках, на грани тьмы и света, похоже, велась оживленная торговля. Ходили с мешками и бидонами мощные дядьки однозначно сельского вида и сновали неприметные юркие личности, исчезавшие при виде военного патруля и снова выныривающие откуда-то из темных подворотен.

Кен Собеско, отстояв очередь, получил большую жестяную миску с солдатской кашей из концентратов, кружку с неведомым, но приятно согревающим варевом, и здоровый шмат хлеба. Едва удержавшись, чтобы не запихнуть это в себя немедленно, не

отходя от раздатчика, он нашел себе свободное место среди увлеченно чавкающих людей и, сидя на каменном бордюре, ограждавшем скверик, с удовольствием поужинал в компании Дакселя и Чирра Чолля. Чирр Чолль, кажется, уже начал отходить. Он по-прежнему молчал, но в его глазах уже не было той странной, пугающей отстраненности, не оставлявшей его в последние часы.

Вернувшись, Собеско помог залить бензин в бак грузовика, а затем стал свидетелем каких-то переговоров между толстяком-водителем, мужичком в ветровке и невзрачным типом с бегающими глазками. По окончании переговоров грузовик загнали куда-то на темную улочку, из его кузова быстро и явно торопясь сгрузили пять бочек бензина из шести, толстяк с удовлетворением спрятал в карман пачку бумаг с золотым обрезом (золотые сертификаты, дающие право получить в любом банке – члене "золотого пула" эквивалент определенной суммы в любой валюте), а затем грузовик рванул из гостеприимной Айхи так, будто за ним гнались.

Вечер переходил в ночь. Поблизости от дороги горели десятки костров, и казалось, что они проезжают по странному огненному коридору. Где-то слева на горизонте полыхало угрюмое зарево. Грузовик медленно тащился по шоссе, толстая баба вполголоса пилила мужичка в ветровке – то ли за то, что продали весь бензин и до Лешека теперь самим может не хватить, то ли за то, что продали слишком дешево. Дилер Даксель, сидя, занимался какими-то гимнастическими упражнениями, Чирр Чолль устало прикорнул в уголке, а потом и Кен Собеско погрузился в тревожный, наполненный неясными видениями сон.

Следующую остановку грузовик сделал в местечке со странным названием "Пестрая Лужайка" в тридцати двух километрах от Лешека.

Когда-то в этом месте часто останавливались люди – чтобы заправить машину бензином, подкачать колесо, перекусить в придорожном кафе, купить бутылку лимонада или пакетик леденцов – и ехать дальше, беззаботно наматывая на спидометр километр за километром. Сейчас все это было далеким и безвозвратным прошлым, и какая разница, что этому прошлому было всего четыре с небольшим дня – оно принадлежало прежней, ушедшей мирной жизни, тому исчезнувшему миру, которому, казалось, уже никогда не возродиться вновь.

Все было пусто, брошено и разорено, и вывеска кафе из потухших неоновых трубок *"Лане"* — "Надежда" – казалась злой насмешкой, а кривая надпись "Нет и не будет", закрывавшая щит с

ценами у въезда на бензоколонку – глумливым девизом нового времени. Людей вокруг было много, даже, наверное, больше, чем раньше в самые часы пик. Они или понуро брели мимо, или стояли молчаливой толпой перед закрытыми дверями кафе "Надежда", надеясь неизвестно на что.

Единственным, что оживляло это унылое место, был родничок, весело журчащий в декоративной нише из цветного камня. Вода в нем была не просто холодная, а ледяная, от нее ломило зубы и сводило судорогой побелевшие пальцы, но она давала хоть какую-то иллюзию если не сытости, то, по крайней мере, наполненности, так же как и легкий китель, почти не защищавший от пронизывающе холодного ветра, давал хоть какую-то иллюзию тепла.

Здесь Кена Собеско и отыскала рыжеволосая девушка, которая всю дорогу сидела в кабине вместе с толстяком водителем и парнем в кожаной куртке.

— Что, уже едем? — спросил Собеско. — Хорошо, иду.

— Нет, пока не едем, — тихо ответила девушка, глядя в землю. — Просто мой отец хочет с вами поговорить…

Трое стояли против четверых на маленьком пятачке перед грузовиком.

— Значится, так, — толстяк с лицом аскета по-хозяйски оперся на радиатор. — Мы вас довезли почти до места, а теперь пора нам с вами расставаться. Извиняйте, но дальше мы без вас едем.

— Они собираются оставить нас здесь, — по-баргандски повторил Собеско для Дакселя. Он не был пока ни удивлен, ни особенно разозлен. Так, знал, с кем связался.

— Я понял, — хмыкнул Даксель. — Трудно было не догадаться, когда они набрали пассажиров целую толпу. И всех, небось, за большие деньги. Странно, что они раньше до этого не додумались.

И презрительно сплюнул.

— Вы, господин капитан, на нас зла не держите, — заискивающим тоном проблеял мужичок в ветровке. — Вы люди молодые, ноги у вас хорошие, что вам эти тридцать километров? Вы же, прошу покорно, нас поймите – чтобы уехать, это деньги ой-ой какие большие нужны, откуда у нас столько? Вот и зарабатываем, как можем, благо грузовичок наш…

— Да хватит! — прервал его Собеско. — Езжайте, черт с вами! Мальчика только возьмите…

Чирра Чолля словно ураганом подхватило с места.

— Да чтобы я?! С этими мерзавцами?! Вы их не слушайте,

господин капитан, они же гады все! Это что, ваш грузовик?! Да вы его у моего отца арендовали! А вы его бросили! И маму бросили! А теперь нас бросаете! И бензин! Он же общий был, на всех, а вы все себе забрали! Думаете, я не видел, как вы его продавали?! И кому!? Да я расскажу, кому надо, и вас всех за это повесят! Господин капитан, что же это вы так просто отступаете?!

— Спокойно.

Собеско придержал за плечо рвущегося вперед Чирра Чолля.

— Ну, если не по-доброму… — процедил толстяк.

В руках парня в кожаной куртке появилась монтировка. Прыщавый юнец нагло ухмыльнулся.

— Чё вы там гоношитесь? Да скажите спасибо, что мы вас хоть досюда довезли. Будто мы обязаны были, что ли, возить тут всяких?… Особенно каких-то вонючих баргандцев…

Глаза Дилера Дакселя опасно блеснули. Гранидского языка он не знал, но насчет вонючих баргандцев понял более чем хорошо.

— Спокойно, — повторил Собеско.

Здоровый, он бы без труда расправился со всеми четырьмя. А даже и с трещинами в ребрах… Парень в кожанке вцепился в свою монтировку как утопающий в канат и держит ее, чудак, перед собой обеими руками. Киношек насмотрелся, тоже мне боец. Вырубить его первым ударом, а остальные и при таком раскладе не противники… Но что дальше? Тогда надо идти до конца, захватывать грузовик, вытряхивать оттуда девчонку и ту толстую бабу… Будто пираты какие, право слово…

И Кен Собеско отступил.

— Убирайтесь, — сказал он. — Езжайте себе, езжайте, мы вас не тронем.

Как ни странно, они поняли моментально. Прыщавый шкет и мужичок в ветровке, не говоря ни слова, резво рванули в кузов. Остальные двое, тоже поспешая, но сохраняя остатки достоинства, забрались в кабину. Грузовик рявкнул мотором, рывком тронулся с места, попятился, разворачиваясь, и вдруг замер. Из кабины выскочила рыжеволосая девушка с большим свертком наперевес.

— Господин капитан, подождите! — крикнула она. — Вот… Возьмите… Это вам…

Она протянула Собеско большой ворох тряпья.

— Вот… Вы не смотрите, что они не очень новые… И чистые… Зато теплые. А дождевик, он тебе, Чирр, а то твой пиджак, он, как пойдет дождь, тут же промокнет…

Чирр Чолль отвернулся, но Кен Собеско, улыбнувшись, принял от девушки вещи – грязноватый, подранный, но теплый

бушлат, старый темно-коричневый шерстяной свитер грубой вязки и дождевой плащ для Чолля. И еще буханку слегка подсохшего хлеба и большую пластиковую бутыль с водой.

— Вы простите, — сказала она. — Если можете… Отец, дядя, они не злодеи… Просто…

— Да нет, я понимаю, — грустно улыбнулся Собеско. — Езжайте. Спасибо.

Раз-два, левой-правой! Три-четыре, очень просто! И так еще тридцать два километра.

Вначале они шли молча.

— Господин капитан, — первым не выдержал Чирр Чолль.

— Что? — обернулся Собеско. — Знаешь, давай попроще. Зови меня просто Кен или, если хочешь, дядя Кен.

— Хорошо. А знаете, у меня, действительно, был дядя, только не Кен, а Кхан. Его на войне убили. Скажите, я вел себя по-детски?

— Да, — Собеско не стал отрицать.

— Я понял. Только это в последний раз. Я уже взрослый. Я теперь старше всех в семье… Скажите, ведь мне не надо было им угрожать, верно?

— Верно. Никогда не опускайся до угроз, Чирр. Угрозы – это признак слабости, они никогда не исполняются. Если можешь ударить, бей. Или… не бей. Или, если хочешь чего-то добиться без драки, можешь честно предупредить противника о последствиях.

— Я понял, — серьезно кивнул Чирр Чолль. — А почему вы отпустили их? Вы бы справились с ними, да?

Кен Собеско нахмурился.

— Знаешь, давай будем говорить по-баргандски, хорошо? А то Дилер не понимает по-нашему.

— Ничего, ничего, — включился в разговор Дилер Даксель. — В последнее время я уже что-то начал разбирать. Но Кен прав. У нас впереди Гордана, и тебе надо практиковаться. Вот…

— Да что уж там, договаривайте, — хмыкнул Чирр Чолль. — Вы хотели сказать, вот мой отец знай… знал иностранные языки, да? Я выдержу, я буду сильный. Я буду отомстить пришельцам. Только Кен, вы все равно скажите, почему вы не стали бить этих ублюдков? Вы же могли, да?

— Мог, — нехотя признал Собеско. — Даже в таком виде я бы справился с ними. Но что потом? Отбирать у них грузовик, что ли?

— Да, что потом? — подхватил Даксель. — Это представляю себе картину: драчка кончилась, вокруг тела валяются, Кен наш

кулак зашибленный массирует. А потом берет за шкирку этого, толстого. "Ну что, шеф, едем дальше, да?" – Дилер Даксель хихикнул. — Нелепо, конечно. Но дело не в этом. Ладно, просто не смог ты, Кен, через себя переступить, через закон, через дисциплину свою военную. Грузовик этот какая-никакая, а их собственность, значит, они имеют как бы право нас с него попросить. А пойдешь против, да еще с кулаками, так ты как бы уже право-нарушитель.

— Да причем тут это? — проворчал Собеско. — Нарушитель, не нарушитель… Есть законы писаные, а есть людские. Ведь смотри, никто вокруг никого из автомобилей силой не вытаскивает, хлеб ни у кого изо рта пока не вырывает. Нет еще такого, чтобы за свое удобство чужой кровью платить.

— А если придется? — настаивал Чирр Чолль. — А что если не тридцать километров надо было идти, а сто? Или если бы у кого-то нога была ранена?

Собеско размышлял секунд двадцать.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Вот окажемся в такой ситуации, тогда видно будет. А сейчас… Не знаю.

— А вот они бы не колебались, — заметил Чирр Чолль.

— Так то они, — пришел на помощь Собеско Дилер Даксель. — А мы – люди. И людьми остаться должны. Иногда, бывает, даже лучше умереть, чтобы остаться человеком, чем жить нелюдью.

— Ага, обычно так и получается, — кивнул Чирр Чолль. — Как беда какая, негодяям всегда легче выживать, их совесть не мучает, а чужая беда не трогает. Отец… Отец рассказывал, как во время войны честные люди шли на фронт и погибали, а всякие подонки всеми неправдами прятались в тылу и оставались в живых. Вот у моего дяди Кхана была… как это по-баргандски… броня, а он все равно пошел добровольцем. И его убили. И так всегда.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Собеско. — Вообще, повернись дело так, либо мы, либо эти типы, я бы не колебался. Таких – не жалко.

— А та девушка, что дала нам хлеб и теплые вещи? — немедленно спросил Даксель. — Ее тоже?

— Да ну тебя! — рассердился Собеско, и на этом разговор заглох сам собой.

Он знал, что последние километры будут самыми тяжелыми, и даже представлял, насколько тяжелыми, но от этого было ничуть не легче. Каждый вздох отдавался болью в боку, перед глазами пульсировали цветные круги, ноги гудели от усталости,

но все равно будто сами собой упрямо делали шаг за шагом.

Немного поддерживало и сознание того, что Чирру Чоллю было еще хуже. Он совершенно выбился из сил и теперь просто механически переставлял ноги, держась только на злости и силе воли. Один Дилер Даксель был еще в форме и уверенно шагал вперед, напевая себе под нос что-то ритмичное. Это немного помогало.

Солнце уже давно зашло, вокруг стемнело, время от времени их обгоняли более удачливые пешеходы, мимо проезжали, подсвечивая фарами, автомобили. Шел дождь, вернее, мелкая морось, пропитавшая, казалось, все вокруг водяной пылью. И это было хуже всего, так как лишало их возможности сойти с дороги и наконец отдохнуть у костра. Оставалось только идти вперед.

Далеко впереди и в стороне появилось пятно света, и это был нормальный свет электрических ламп, а не зарево очередного пожарища, на которые они уже перестали обращать внимание. Они не сразу увидели его за пеленой дождя, но дорога сама начала вести их к этому свету, словно бабочек к фонарю. Казалось, они бредут в темноте уже целые часы, но упасть сейчас, когда свет уже был так близко, было никак нельзя, и они преодолели последний длинный подъем, пологий, но показавшийся им вышиной с гору Вурузим, и вышли, наконец, на широкую площадку, освещенную желтым светом фонарей.

Когда-то, пять суток назад, это был обычный пост Дорожного Патруля при въезде в город. Сейчас это был блокпост: дорогу перегородили легкие металлические навесы, и между ними проходили по одиночке и группами люди и проезжали машины. Вокруг расхаживали вооруженные солдаты, а где-то за рядом деревьев на грани света и тьмы угадывался мощный силуэт танка с развернутой в сторону дороги пушкой.

Еще через четверть часа, отстояв недлинную очередь, все трое оказались в узком проходе между двумя крытыми прилавками, похоже, перенесенными на блокпост с ближайшего рынка. За прилавком сидел усталый молодой офицер с лейтенантскими стрелками на погонах и еще более молодой солдат-писарь.

— Кто вы? — безразлично спросил лейтенант. — Имена? Родственников, знакомых в Лешеке имеете? Продукты с собой есть? Есть ли среди вас кораблестроители? Электрики? Специалисты по водоснабжению? По радиолокации? По вычислительной технике?…

Список был длинным, но в нем не было ни летчиков, ни металлургов, ни даже переводчиков. Не заинтересовало лейтенанта и шуанское гражданство Дакселя.

— Хорошо, — выслушав последнее "нет", лейтенант передал

Собеско большой лист бумаги. — Здесь на одной стороне схематичная карта города. На другой – список адресов приютов для беженцев. Обратитесь в любое, там вам дадут крышу над головой, паек, медицинскую помощь либо направят туда, где еще есть свободные места. Записаться в списки на эвакуацию – туристическое агентство "Восход" на улице Алленройц, 15. Если ищете кого-либо из родственников или знакомых – центральное бюро информации, улица Камши, 22. Шуанское консульство – Приморский проспект, 97. Проходите.

— Постойте, — Собеско тронул лейтенанта за рукав. — Я все-таки военный, капитан авиации. Я прибыл в Лешек согласно приказу командования ВВС!

Собеско вынул и протянул лейтенанту свое офицерское удостоверение, командировочный лист и какую-то медицинскую справку, которую кто-то выписал ему в Нейсе.

— Да, был такой приказ, — уже более заинтересованно протянул лейтенант. — Постойте, так вы были в Тороканских Воротах?! А затем ранены в бою с пришельцами? Тогда, знаете, сделаем, наверно, так. Подождите здесь, а мы через полчаса сменимся и отвезем вас к себе в казарму, там вы и переночуете. А утром пойдете в штаб, это на улице Нидда, 5. Идет?

— Идет, — благодарно сказал Собеско. — Только я не один, нас трое.

— Все нормально, — уверил его лейтенант. — У нас места на всех хватит. И еды тоже. Не объедите.

К утру дождь перестал. Тучи, висевшие над городом, начали расползаться в стороны, и между ними все чаще проглядывали клочки легкомысленно-голубого неба.

Они вышли в город все втроем. Собеско направлялся в штаб, Даксель собирался заглянуть в шуанское консульство, а Чирр Чолль… Чирр Чолль просто не мог оставаться один.

— Я с вами, — настаивал он. — Я почти здоров. И город хорошо знаю, был здесь раз десять…

Чирр Чолль, действительно, выглядел лучше после того, как выпил лекарство, которое ему дал вчера военный врач, плотно поужинал и выспался в тепле и почти в комфорте. Он уже уверенно держался на ногах, а на щеках даже выступил легкий румянец. Город он и в самом деле знал хорошо и теперь шел впереди, старательно исполняя роль проводника.

Лешек широко раскинулся на холмах, окружающих бухту. Он был красив, как бывают красивы богатые приморские города, хотя, как казалось Собеско, в нем могло бы быть и поменьше всяких подъемов и спусков. Они шли по городу пешком, как и

тысячи людей вокруг, спешащих куда-то по своим делам или потерянно блуждающих по улицам, не зная, куда себя деть. На лицах многих прохожих застыло тягостное выражение тоскливого недоумения. Иные безучастно сидели со скорбными лицами на крылечках подъездов и казались ушедшими в себя. Транспорта не было почти никакого. Автомобили застыли рядами вдоль обочин, и только изредка по мостовой неспешно погромыхивали крестьянские телеги, проезжали педальные самокаты и велорикши, проносились мимо немногочисленные велосипедисты.

Повсюду были расклеены листовки, и Собеско вначале часто останавливался, чтобы прочитать их, а затем пересказать Дакселю. Но тексты словно сливались в какой-то сбивчивый монолог, из которого удавалось вычленить только отдельные фразы.

…Продовольственные карточки на всех членов семьи выдаются в районной управе по месту жительства…

…В актовом зале биологического корпуса университета состоится лекция на тему: "Съедобные растения, где их найти и как выращивать"…

…Объявляется осадное положение… за воровство – расстрел, за грабеж – расстрел, за спекуляцию – расстрел…

…Граждане, наше выживание – во взаимопомощи!… Помоги соседу, а он поможет тебе!…

…Вода и электроэнергия в район Шелха подаются с 14 до 16 часов…

…Распоряжение главного санитарного врача… Следите за личной гигиеной… не употребляйте сырую воду… В ближайшее время питьевая вода в достаточном количестве будет выдаваться в составе продовольственного пайка…

И очереди, очереди, очереди. Шумные, нервные, скандальные – перед дверями немногих открытых магазинов, перед районной управой, даже перед трамвайной остановкой, куда только что подъехал странный вагончик, запряженный парой быков…

Свист, крики

— Сто-о-ой! Держи вора! Люди, держите его!

По улице, ловко увертываясь от прохожих, несется молодой парень, потрясая черно-фиолетовой сумкой через плечо, схваченной за ремень. За ним тяжело топает башмаками грузный мужчина лет сорока пяти в очках с толстыми стеклами.

— Сто-ой, ворюга! На помощь!

Кто-то бросается наперерез парню, но тот снова уворачивается, заскакивает за угол и… оказывается прямо в объятиях подоспевшего военного патруля.

— Оп-па! — крякает немолодой сержант, принимая беглеца на грудь. — Это куда ты так торопишься?

Парень вырывается, пытается броситься в сторону, но, увидев направленные на него стволы автоматов с примкнутыми штыками, обмякает.

Мужчина-преследователь уже рядом. Он тяжело дышит, стараясь придти в себя.

— Вор, — наконец показывает он на парня. — Сумку украл… Там продукты… Паек на всю семью… И карточки!… Карточки! На всех!

— Сейчас разберемся, — спокойно говорит сержант. — Эта сумка? Что в ней?

Мужчина начинает припоминать.

— Продукты там… Только что получил… Хлеб, значит, буханка и еще четвертушка, пакет молока, рыбины две, таблетка масла… Да, три яйца еще, в отдельном кулечке, и пять конфет. И пакет крупы.

— Есть, — кивает сержант.

— А еще бумажник, бумажник мой там! Семнадцать… Нет, восемнадцать лаков с мелочью. Паспорт мой, паспорт на имя Дорина Стиму. Две фотографии – наша семья. И карточки! Карточки! На пятерых! Дорин Стиму, Дела Стиму и три детские: Альдо Стиму, Тэль Стиму и Рани Стиму. Ну… и книжка еще, "Лабиринт" называется.

— Есть такая книжка, — удовлетворенно подтверждает сержант. — Ну что же, господин Стиму, получайте ваши вещи назад. Только будьте впредь повнимательнее, прошу вас. А то кто ж это карточки в сумке носит?

Мужчина путано благодарит, но сержант уже поворачивается к парню.

— Та-ак, а что с тобой делать?… Э-э-э, приятель, да я тебя знаю! Что, опять? Ну, ты закон знаешь. Первый раз – прощение, второй – предупреждение, а третий…

У парня подламываются ноги, и он бухается на колени перед сержантом.

— Не надо… — шепчет он. — Не надо… Я больше не буду… Никогда…

— Э, нет, — сержант брезгливо отпихивает его в сторону. — Сам воровал, сам сумел и ответ держать. Увести его. А вы проходите, — обращается он к Собеско, Дакселю и Чирру Чоллю, наблюдающими за сценой. — Нечего здесь смотреть, не в театре.

И они идут дальше вдоль притихшей очереди.

— Ну вот, мы почти пришли, — оживляется Чирр Чолль, возвращаясь к роли экскурсовода. — Сейчас повернем за угол, и

будет Приморский проспект. Это одна из центральных улиц… Ой!

Без сомнения, Приморский проспект был не только одной из центральных, но и одной из красивейших улиц города. Универмаги, красочные витрины бутиков, рестораны и кафе, административные здания и море реклам… Но сейчас проспект уродовала полоса наполовину расчищенных развалин, протянувшаяся на два квартала.

— Что же это?! — растерянно произнес Чирр Чолль.

Похоже, это прозвучало слишком громко, потому что проходящая мимо пожилая женщина сочувственно посмотрела на него.

— Пришельцы, будь они прокляты! Кто ж еще?!

— А как же… — Чирр Чолль совсем потух. — По радио говорили, безопасная зона…

— Может, она и безопасная, — вздохнула женщина. — Только в первую ночь нас все равно бомбили. Здесь, в центре, еще ничего, а вот на окраинах, особенно, в заводских районах… Племянник у меня там погиб…

Шуанское консульство – трехэтажный дом с забитыми фанерой окнами, располагался почти сразу за развалинами. Его окружала густая толпа.

— Ничего не понимаю, — Дилер Даксель недоуменно пожал плечами. — Откуда в Лешеке столько шуанцев? Подождите здесь, я попробую разузнать…

Даксель вернулся минут через пять.

— Плохо дело, — сказал он. — В городе всего четыре консульства. Ну, горданское и валезское понятно, чем занимаются. Вилкандское работает только со своими, здесь вилкандцев много живет. Вот на шуанское и повесили всех остальных иностранцев. Сегодня нам уже здесь ничего не светит, надо будет очередь еще с ночи занять. Или в горданское пойдем, что ли? Все равно, в общую очередь на эвакуацию записываться бессмысленно. Говорят, в ней значится уже полмиллиона человек, а в день из нее отправляют менее десяти тысяч… Что, Кен, теперь пойдем в твой штаб?

Штаб на улице Нидда, 5 располагался в здании провинциального управления финансов, о чем свидетельствовала табличка у входа. Как и все прочие административные здания в городе, он был полон народа, увлеченно решающего какие-то свои дела или неотложные проблемы глобального масштаба. Только в нем, увы, никому не было дела до контуженного капитана авиации, прибывшего в город согласно уже никому не нужному приказу.

Спустя очень суматошный час Собеско подпирал стену у

одного из кабинетов, хозяин которого, как ему сказали, занимался обустройством летчиков. Чувствовал себя Собеско отвратительно – он устал, голова раскалывалась от шума и духоты, а единственный стул занимал одноногий старик с колодкой орденов на офицерском кителе старого образца.

Внезапно шум в коридоре слегка поутих. Офицеры вытягивались в струнку, приветствуя седовласого маршала, шествующего в окружении свиты. Собеско с большим трудом отклеился от стены и отдал честь, на секунду встретившись с маршалом взглядом. От резкого движения в глазах его потемнело, ноги подкосились, и Собеско, к собственному стыду и изумлению, рухнул без чувств на пол. Последней его мыслью было осознание того, что он уже встречался с этим маршалом, причем совсем недавно.

— Поддерживайте, поддерживайте голову… Вот так…

Кто-то влил в рот Собеско солидную порцию какой-то дряни, чуть бы даже не неразбавленного спирта. Собеско поперхнулся, закашлялся и открыл глаза, понемногу приходя в себя. И прямо над собой увидел маршала, с интересом смотрящего на него.

— Кажется, я знаю вас, капитан авиации?

— Так точно, господин маршал. Тороканские Ворота. Я был в составе полка Стражей. Вы подобрали нас на вертолете после боя. А затем вручали мне орден.

— Верно, — маршал Моностиу с облегчением кивнул. — Именно так. Вы можете встать, капитан? У меня есть сейчас немного свободного времени, и я могу выслушать вас.

— …Вот так, господин маршал, я и оказался здесь, в Лешеке, — закончил Собеско свой доклад. — Готов к дальнейшему прохождению службы.

Маршал Моностиу молчал, размышляя о чем-то.

— Боюсь, капитан, мы вряд ли сможем использовать вас по специальности, — наконец сказал он. — Пилотов у нас сейчас хватает, нет самолетов. А что касается вашего опыта обращения с мухобойкой… Ответьте, капитан, вы думаете, что пришельцы станут атаковать Лешек танками?

— Никак нет, господин маршал! Они просто прилетят и разбомбят все с воздуха!

— Скорее всего, вы правы, капитан. Так оно, очевидно, и будет после того, как истечет тот тридцатишестидневный срок, что нам милостиво отвели пришельцы с горданцами. Но и до конца этого срока тоже надо дожить, что отнюдь не просто. Здесь миллионный город, куда к тому же ежедневно прибывает свыше

пятидесяти тысяч беженцев, а будет еще больше. Пока мы справляемся с этим потоком, но день-два, и нас захлестнет. Уже завтра новоприбывших придется размещать под открытым небом, а это чревато эпидемиями или голодными бунтами. Энергии не хватает, главную насосную станцию водопровода разбомбили, и хотя работы идут круглые сутки, мы не успеваем. Все суда в гавани оборудуются под перевозку пассажиров, но даже с помощью горданцев нам не вывезти и четверти всех желающих. Хорошо хоть, что до войны Лешек был главным центром хлеботорговли, и в элеваторах скопилось около четырехсот тысяч тонн зерна… Но все равно, поверьте, капитан, через несколько дней город станет крайне малосимпатичным местом. Уже были зарегистрированы случаи мародерства… Поэтому все задачи в городе связаны с поддержанием порядка. Вы не здоровы, контужены, и в этом также вряд ли сможете пригодиться.

Кен Собеско молчал, ожидая продолжения.

— Капитан, я отправляю вас в Гордану. Они, конечно, порядочные негодяи, но в нынешней обстановке выбирать не из чего. Вы образованы, инициативны, вы жили там, знаете язык и сможете оказать реальную помощь нашим несчастным соотечественникам. Я не даю вам никакого приказа, поскольку сам не знаю, что там происходит, и не могу сказать, как повернется дело в будущем. Но помните: вы и за океаном остаетесь на службе отечеству. Считайте себя, скажем, в бессрочном отпуске, из которого вас могут в любой момент отозвать.

— Так точно, — откликнулся Собеско. — Присягу дают только раз. Но навсегда.

— Верно, капитан, — одобрительно кивнул маршал Моностиу.

Он нажал кнопку на селекторе, вызывая к себе адъютанта.

— Старший лейтенант, какое судно у нас сегодня отходит? "Капитан Заман"? Организуйте там место для капитана авиации Кена Собеско.

— Нас трое, — вставил Собеско.

— Трое? Хорошо. Три места. Кен Собеско… Да, Дилер Даксель и Чирр Чолль. Капитан, где ваши вещи? Что, вообще никаких? Тогда подберите для них там что-нибудь… Гражданскую одежду, смену белья, что еще?… Ну что же, капитан, я не говорю "прощайте" и не слишком верю в "до свидания". Поэтому – удачи вам.

— Спасибо, господин маршал. И вам тоже.

— Знаю. И всей нашей несчастной стране. Идите!

Закатное солнце, сваливаясь в море, прощально ласкало своими лучами гавань и белые дома набережной, понемногу уплывающие все дальше и дальше.

Кен Собеско, Дилер Даксель и Чирр Чолль стояли в толпе на верхней палубе небольшого грузопассажирского теплохода "Капитан Заман" и, не отрываясь, смотрели на удаляющийся берег.

Чирр Чолль негромко всхлипнул и тут же сердито отвернулся и склонил голову, пряча лицо.

— Не надо, — мягко сказал ему Собеско. — Не стесняйся. И не прячь слез. Я знаю, насколько это тяжело, когда навсегда покидаешь родину в первый раз.

Глава 26. Чужие

Штурман Боорк, пожалуй, и не помнил, когда в последний раз оказывался в столь чудесном месте. Изумрудную траву усеивали множество белых цветочков, похоже, забывших, что уже давно наступила осень, и благоухавших, как в разгар лета. Вокруг ровными рядами высились восхитительно корявые невысокие деревца со стволами, будто скрученными из толстенных лохматых стальных тросов. Их листья были окрашены во все возможные оттенки красного – от нежно-розового до густого победного багрянца. Повсюду словно фонарики блестели желто-зеленые глянцевые плоды величиной и формой в два сросшихся кулака.

Боорк был не новичком в космосе, за свою жизнь он понавидал разных планет: от пыльных, высушенных морозом степей околополярных областей Таангураи – до тропического буйства зелени на экваториальном континенте Кэтэркоро. Но этот заботливо ухоженный сад на Филлине восхитил его просто идеальным сочетанием дикой прелести природы и человеческого рационализма. В это место можно было бы легко влюбиться, если бы не…

Протянув руку, Боорк сорвал один из плодов пожелтее и, впившись в него ногтями, разорвал его напополам. Взору открылась нежная розово-оранжевая мякоть и темная сердцевина, наполненная множеством мелких светло-коричневых шариков-зерен. Поколебавшись, Боорк осторожно откусил маленький кусочек. Мякоть была еще слегка твердоватой и немного терпкой на вкус, но все равно это было намного лучше, чем приторно-сладкие фруктовые консервы, входящие в его офицерский рацион.

Через дюжину-другую дней плоды окончательно созреют, но в этом году некому будет собрать урожай. Да и сад этот – чудом уцелевший клочок зелени посреди черного пожарища, которое оставили после себя бомбы "Драконов", шесть дней назад готовивших "безопасный периметр" для посадки корабля.

И Боорк, и старший штурман Маард могли гордиться этой посадкой. В отличие от многих своих коллег, они посадили корабль, не отклонившись и на сотню метров от расчетной точки, причем, не имея даже примитивного полевого маяка. О, если бы вся его служба в Военном Космофлоте состояла только из технически безупречных взлетов и посадок или свободных полетов в открытом космосе! Тогда бы… Но к чему пустые сожаления? Жизнь редко оказывается милосердной к кому бы то

ни было. И даже в шелесте осенней листвы слышится настойчивый рефрен: "Чужак, кто ты? С чем ты пришел сюда? Что ты сделал с нашей землей?…"

Позавчера, во время первой прогулки по окрестностям, вначале было даже интересно смотреть, как выглядит по настоящему то, что он знал только как символы на компьютерной карте. Вот это зеленое пятнышко, утыканное скучными рядами схематично нарисованных деревьев, на самом деле оказалось роскошным садом, совершенно очаровавшим Боорка. Вон та ровная площадка, уже размеченная под космодром и прочие службы будущей базы, — широким полем, где словно язвы чернели выжженные проплешины, а землеройные машины, по крышу перемазанные ароматным липким соком, подминали под себя ряды стройных полутораметровых растений, увенчанных тяжелыми кистями иссиня-черных продолговатых ягод. А та россыпь кубиков с краю карты раньше была деревней – обычной деревней, каких наверняка было много в этой стране под названием Венселанд, на южном берегу Срединного моря, в благодатной полосе субтропиков, достаточно далеко от иссушающего дыхания Великой Пустыни…

Там Боорк впервые увидел воочию, как выглядит разрушенное человеческое жилье. Причем не рассыпавшееся от старости, брошенное или пришедшее в упадок – такое он неоднократно видел и на своей родной планете. Нет, эти дома были убиты, убиты ночной смертью, пришедшей с неба. Некоторые еще стояли как смертельно раненые часовые, с целыми фасадами, выкрашенными в веселый голубой или спокойный песочный цвет, с гостеприимно распахнутыми узорчатыми ставнями, с торчащими балками крыш, словно пытавшимися удержать остатки настила. Другие, словно выбившиеся из сил старики, завалились набок, подальше от зияющих кратеров, откуда еще тянуло дымом. Третьи… От третьих не осталось уже ничего, и только обнажившиеся фундаменты или остывшие от жара разбросанные кирпичи свидетельствовали, что на этом месте стояли дома, а в них жили люди… Накануне в деревне успела поработать команда обеззараживателей с портативными огнеметами, и от развалин тянуло странным сладковатым душком сгоревшей плоти.

Вот тогда Боорку и стало по-настоящему плохо. Просто плохо ему стало гораздо раньше, когда после конфуза с дежурством на посту наружного контроля ему поручили анализ данных воздушной разведки. Это были снимки, сотни, тысячи снимков, фиксирующих последствия атак сил вторжения на филлинские города. Снимков, на которых камеры бесстрастно запечатлевали

разрушенные городские кварталы, рухнувшие мосты, взорванные заводы.

Эти снимки уже начали сниться Боорку в ночных кошмарах. Это был его личный вклад в разрушение целой планеты, куда он, именно он, пришел незваным гостем и жестоким захватчиком. Боорку было больно и страшно, он ощущал себя крохотным винтиком огромной безжалостной машины, но ни остановить, ни замедлить, ни даже вывинтиться из нее он был не в состоянии. Несколько раз в своих сводках он преувеличивал степень разрушения городов, показывая все 12/12, когда надо было показать 6/12, и 9/12 или 6/12, когда объект был только слегка затронут. Он надеялся, что город, уже числящийся успешно обстрелянным, не будут бомбить повторно. После каждого раза он со страхом ждал разоблачения и одновременно стыдился своего страха и страдал, что делает слишком мало. Случись поблизости психоаналитик, он бы безошибочно решил, что Боорк находится на грани сумасшествия или, в лучшем случае, нервного срыва.

Посмотрев на часы, Боорк с огорчением понял, что ему пора возвращаться. С начала вторжения они перешли со стандартного времени на местное, что создавало дополнительные неудобства. Филлинские сутки почти точно равнялись двадцати восьми стандартным часам, из-за чего рабочий день казался бесконечным, а на отдых все равно не хватало времени. Хорошо хоть, сегодня ему повезло: со своей прогулкой он попал на пересменку, и в саду никого не было, кроме него. Впрочем, многим членам экипажа, чаще бывавшим на свежем воздухе, сад уже наскучил. Поговаривали, что самые отчаянные головы даже отваживались лазить за сувенирами в брошенные дома или отправляться на морское побережье, самую границу тридцатикилометровой зоны безопасности, где несмотря на постоянно идущие работы по строительству охранного периметра и регулярное прочесывание местности еще попадались местные жители.

Выйдя из сада, Боорк уверенно зашагал через полусожженный луг по узкой тропинке, которая вскоре должна была привести его к кораблю. Он намеренно выбрал длинную дорогу, с которой не было видно ни разрушенной деревни, ни гигантской строительной площадки, ни даже громады транспортного корабля, доставившего на планету военную технику взамен утерянной в походе, продовольствие и разнообразные материалы и оборудование для будущей базы "Восток" – одной из трех баз, которые планировалось построить на Восточном континенте Филлины.

Транспортник разгружали уже шестые сутки, но никак не могли разгрузить, несмотря на грозные приказы командира Пээла и многократные напоминания о том, во сколько обходится народному хозяйству Империи даже один лишний день простоя. Поговаривали, что для быстрой разгрузки по-прежнему не хватает рабочих рук, хотя на транспорте, как и на строительстве, уже работало несколько дюжин пленных филитов. Для Боорка это было еще одной причиной, чтобы держаться подальше и от того, и от другого. Вид разрушенных домов в деревне и так вызвал у него приступ тяжелой меланхолии. Вида пленного филита, жертвы вторжения, он бы, наверное, не перенес.

Сбоку от тропинки, за деревьями небольшой рощицы появилось почти неповрежденное длинное трехэтажное здание, выглядевшее как серый параллелепипед, истыканный прямоугольниками окон. От этого здания, на компьютерной карте значащегося как "Корпус Н", тоже стоило держаться подальше. Сразу же после посадки его выбрала для своих надобностей прибывшая на транспорте группа сотрудников Службы Безопасности, причем не просто Службы, а Отдела специальных исследований. Об этом отделе никто ничего толком не знал, но репутация у него была самая жуткая и зловещая. С тропинки, проходившей на расстоянии примерно полукилометра от таинственного здания, было видно, что рабочие подлатали на нем крышу, снова застеклили окна и дополнили ранее существовавший забор из проволочной сетки сигнализацией и вторым рядом ограждения.

И надо же было, что как раз напротив этого зловещего здания Боорка притормозили.

— Боорк, это вы? Добрый день! — радостно прокричали из-за кустов. — Слушайте, вы нам не поможете?

Раздвинув кусты, Боорк обнаружил на небольшой полянке два поломанных молодых деревца, подмявший их под себя малый грузовой гравикатер и трех ужасно запарившихся и недовольных космолетчиков – двух рядовых из боцманской команды и младшего офицера первого ранга по имени Нэам.

— Полкилометра не дотянули, — весело сообщил Нэам. — Как ни старались, а все равно плюхнулись, да так, что люк грузового отсека заклинило напрочь. Уже с полчаса пытаемся открыть. Так, как, не найдется у вас чуток времени? Нам чуть-чуть силы не хватает, а знаете, шесть рук хорошо, а восемь лучше.

Боорк глянул на часы.

— Отчего же, немного времени есть. Помогу.

— Вот и ладно, — обрадовался Нэам. — А то пришлось бы точно звать кого-то из механиков на помощь. А это…

Нэам не договорил, но Боорк прекрасно его понимал. Все механики были заняты выше головы, а чтобы отвлечь кого-то от работы, требовалось содействие, как минимум, стармеха – человека нудного, прижимистого и в общении крайне тяжелого.

— Беритесь вот за этот рычаг, — скомандовал Нэам. — И… Вместе! Р-раз! Два! Взяли!!!

Вчетвером им, наконец, удалось сделать то, что никак не получалось у троих. Рычаг поддался, раздался протяжный скрип, и бронеплиты, за которыми скрывался грузовой отсек, отодвинулись в стороны.

— Ну, вот и все, дальше они сами справятся, — небрежно сказал Нэам, поворачиваясь к катеру спиной.

Боорк не без интереса оглядел катер.

— Староватая модель. Я, когда попал в Военный Космофлот, думал, здесь все только самое новое. А оказывается…

— Барахло, — презрительно махнул рукой Нэам. — Вы просто не представляете, сколько сюда понатаскали всякой дряни. Все старье, что по полвека валялось на складах, вытащили, обтерли пыль и сюда. Этот катер еще ничего, ему не больше трех с половиной, максимум, четырех дюжин лет, а вот дистанционников мне просто жалко. Их оснастили самыми примитивными, самыми дешевыми ракетами, каких еще в позапрошлом веке штамповали дюжинами тысяч. Эффективная дальность поражения – пять-десять километров, это же просто смешно! И это когда у нас на вооружении есть ракеты с радиусом действия в несколько сотен километров! Это представляете, задал курс, чуть поднялся над кораблем, отстрелялся и можно ни о чем не беспокоиться и садиться за следующей порцией…

Боорк слегка скривился. Он понимал увлеченность молодых офицеров новейшей военной техникой, но ни в коем случае не разделял. Нет, только не здесь, не на Филлине… И вообще, ему пора.

— Подождите, — остановил его Нэам. — У вас есть еще время на пару вопросов?

— Смотря каких.

— Ну… — неуверенно начал Нэам. — Просто переквалифицироваться хочу. После окончания кампании подать документы в летную школу. Вот… И не могли бы вы мне дать парочку советов?…

— В летную школу? — удивился Боорк. — Но я думал… Вы здесь на хорошем счету. И должность у вас старшего-три, насколько мне известно. А там снова начинать с нуля.

— Достало меня все, — доверительно сообщил Нэам. — Я же на координатке сижу, а эта поганая капризная штучка, ежели

нормально работает, это будто так и надо, никто тебе и слова доброго не скажет. А если что-то не так, сразу шум, гам, вой до небес, от командира вечно влетает ни за что, ни про что. Злые они, уйду я оттуда. Тем более, что пилотов, говорят, постоянно не хватает.

— Если так… — и Боорк пустился в объяснения.

Незаметно для себя он увлекся, обрушивая на собеседника массу подробностей. В конце концов, учеба в летной школе была для него чуть ли не лучшим временем в жизни, и воспоминания о ней здорово повысили ему настроение.

— Господин младший офицер первого ранга, — вклинился в паузу один из солдат. — Извините, что прервал. Там некондиционка. Девять из трех дюжин. И уже очухиваться начинают. Что делать?

— Вот скоты, — огорчился Нэам. — Опять подсунули. Ну что делать, кончайте здесь, потом оформим актом. Вот же жуки сидят там на Центральной базе, — пожаловался он Боорку. — На секунду отвернулся, и уже брак подсунули.

— …Э-э-э… господин младший офицер, — снова влез тот же солдат, заговорщицки ухмыляясь. — Разрешите потренироваться, а? Душа просит.

— Ну, если просит, то ладно, — разрешил Нэам. — Сколько там, девять? Берите по четыре, а одного мне оставьте. И чтобы без всяких там излишеств, ясно?!

— Так точно, господин младший офицер первого ранга! Все сделаем в лучшем виде!

Размякший Боорк пропустил этот короткий диалог мимо ушей. Не обратил он внимания и на те предметы, которые солдаты доставали из грузового отсека катера. Больше всего они напоминали коконы гигантских муравьев – белые, вытянуто-овальные, из полупрозрачного мягкого пластика, вот только внутри были не муравьиные личинки…

Посматривая на беседующих офицеров, солдаты по одному извлекали из коконов усыпленных филитов и складывали их прямо на траву. Закончив с работой, он оттащили в сторону девятерых и прислонили их к стволам деревьев.

Драйден Эргемар приходил в себя. Для него жизнь остановилась в тот момент, когда грузовик, везший его и еще два десятка людей, вдруг рыскнул в сторону, завизжав тормозами, и врезался в дерево. А затем кузов наполнили клубы белого дыма, погрузившие его в беспамятство…

Сперва он снова обрел способность видеть. Он стоял, прислоненный к стволу дерева. Со страхом вспомнив о

сломанной ноге, Эргемар попытался переместить весь свой вес на здоровую, но тело не повиновалось ему. В ужасе он попробовал пошевелить рукой, повернуть голову, открыть рот – он оставался неподвижным истуканом, в котором жили только глаза.

Ужас настолько захлестнул Эргемара, что он не сразу заметил пришельцев. Их было четверо. Двое стояли спиной к нему шагах в тридцати, а еще двое, метров на пять ближе, целились в него из оружия, как две капли воды походившего на тот странный пистолет, из которого в пустыне убили беднягу Хольна. Пришельцы негромко переговаривались друг с другом, и Эргемар, хоть и не зная их языка, почти понимал их. Пришельцы обсуждали его скорую смерть.

— Гляди, этот очнулся.

— Точняк, вон глазами лупает. Эти коротышки такие потешные, когда очухиваются. Если доза приличная, они тело минут пять не чувствуют, думают, видать, что их совсем парализовало.

— Ага. Ну что, ты какого – правого или левого?

— Мне все равно. Да подожди ты, не стреляй, пусть и второй глаза откроет.

— Это еще на фига?

— Вуагд говорит, даже коротышки заслуживают, чтобы увидеть свою смерть. А спящих… Не по-людски это как-то… К тому же, говорят, выбраковка производит громадное впечатление на всю партию.

Через минуту.

— Слушай, а может, тот, второй, уже дохлый? Ты погляди, старый какой. Я стрельну, а?

— Ладно, тьма с тобой. Пали. И в темпе следующих.

Драйдену Эргемару казалось, что его мозг превратился в сверхмощный компьютер, одновременно усваивающий и анализирующий целые массивы информации. Сначала он обратил внимание на деревья – подобные он видел недавно в Шуане. И удивился из-за того, что пришельцы увезли его так далеко только чтобы расстрелять. Он даже огорчился из-за такой их бесхозяйственности. Затем, скосив, насколько возможно, глаза, он увидел своего товарища по несчастью – изможденного старика с обширной лысиной. Этого старика Эргемар помнил, он ехал с ним из Акеса, сначала в автобусе, где везли больных и раненых, а затем в кузове грузовика. У старика была сильная простуда, он все время кашлял и стеснялся своего кашля, пряча голову в подушку, из-за чего казалось, что он хрипит или задыхается.

Глаза старика были закрыты, лицо спокойно, и Эргемар подумал, что он мертв или без сознания, и позавидовал ему. Затем, с другой стороны, он увидел два десятка тел, лежащих в траве, и почти принял их за мертвецов, но заметил, как кто-то смотрит на него расширенными от страха глазами.

А затем… Затем не осталось ничего, кроме безысходной смертной тоски, когда безумно хочется жить, и когда сознание своей смертности, конечности своего существования становится невыносимым. Когда хочется только – чтобы скорее…

Один из пришельцев вскинул свое оружие, и голова старика взорвалась, словно переспелый арбуз, брызнув в стороны цветными ошметками. При этом тело, как ни в чем не бывало, осталось стоять и только спустя несколько секунд завалилось набок, словно срубленное дерево. И тогда Эргемар, поняв, что голосовые связки снова повинуются ему, и что пришел и его черед, завопил во всю мощь своих легких.

Он кричал и кричал, зажмурив глаза, но смерть-избавительница все никак не приходила, только что-то хлопнуло у него над головой, и на лицо посыпались щепки. И когда в легких кончился весь воздух, он все-таки открыл глаза и увидел, как один из пришельцев (один из тех двоих, что разговаривали спиной к нему) намертво зажал руки другого с оружием, а еще двое суетятся вокруг, не зная, что делать. И все четверо что-то кричат, бесспорно, уступая Эргемару по силе звука, зато многократно превосходя в разнообразии фонем.

— Что вы делаете?! — Боорк вцепился в руку солдата с иглометом. — Это же варварство! Немедленно прекратите это чудовищное истязание!

— Ну что вы… Не надо… Я же не попал… — растерянно оправдывался солдат, оглушенный напором Боорка.

— Господин младший!… Этот приказ, такой приказ… Отпустите! — суетился его напарник.

Нэам в это время не нашел ничего лучше, чем пуститься в объяснения.

— Боорк, Боорк, подождите же вы! Приказ есть такой, о выбраковке пленных, не пригодных к работам. Это же я за пленными летал, на Центральную базу, мне там три дюжины отгрузили, из новеньких. И из них девять негодных – увечные там или старые… Таких у нас устраняют, понимаете, Боорк, такой приказ, разве вы не знали? Думаете, мне приятно приканчивать этих бедняг?! Только не так же, олухи! Анестезирующей иглой надо, в основание черепа! А вы, идиоты, боевыми шарахаете!… Боорк, отпустите же его, Боорк!…

— Что здесь происходит?! — перекрыл звуковую какофонию весьма недовольный начальственный бас.

Клубок из четырех людей медленно распался. Боорк отпустил руку солдата, подняв глаза на своего командира – суперофицера… впрочем, нет, уже пять дней, как генерала второй величины Коо ли-Пээла (одновременно с присвоением звания командир получил седьмой в табели о рангах титул "ли" вместо девятого "не"). После перебазирования на новое место дел у командира существенно прибавилось, а неожиданное повышение в чине сразу на две ступеньки сделало его только еще более придирчивым и раздражительным.

Первым очнулся Нэам.

— Ваше превосходительство, господин генерал второй величины, — поднял он раскрытую ладонь со сжатыми пальцами над правым плечом, отдавая честь. — Докладывает младший офицер первого ранга Нэам. Данное недоразумение произошло по причине того, что младший офицер первого ранга Боорк воспротивился слишком буквальному исполнению приказа командующего соединением о выбраковке пленных, неспособных к общим работам. Данных пленных в количестве тридцати шести штук я получил сегодня на Центральной базе согласно распоряжению суперофицера третьего ранга Мтаубза. На подлете к базе катер вышел из строя, поэтому пришлось идти на вынужденную. Обнаружив в составе партии некондиционку, принял решение произвести выбраковку своими силами.

Нэам замолчал и видя, что начальство не реагирует, несмело добавил:

— Ну, не тащить же нам их на руках до самого корабля, ваше превосходительство…

Командир повернулся к Боорку.

— А вы что скажете, младший-один? Или вы никогда не слышали о таком приказе? Или слышали, но ваша филитолюбивая натура протестует против его выполнения?

Боорку уже море было по колено.

— Нет, ваше превосходительство, я не слышал о таком приказе. А если бы даже и слышал, все равно протестовал. Я считаю, ваше превосходительство, что любое разумное существо имеет право на жизнь, а если кому-то кажется, что нет, то, по крайней мере, на достойную смерть, а не…

Повернувшись, Боорк изящным взмахом руки указал на безголовый труп старика, изо всех сил стараясь удержать рвущийся наружу завтрак.

Некоторое время командир рассматривал Боорка, словно редкостное насекомое.

— Мне прискорбно говорить об этом, но вы второй раз нарушаете приказы и во второй раз попадаете в точку. Господин младший-один, вы этого не могли знать, но приказ о выбраковке отменен сегодня утром. Оставайтесь на месте, вам пришлют транспорт и вы отвезете всех некондиционных в корпус "Н" и там передадите с рук на руки дежурному офицеру. Остальных гоните в бараки обычным порядком. А вас, Боорк, попрошу со мной…

Тело снова слушалось, и Эргемар с облегчением опустился на землю, по-прежнему опираясь спиной на ствол дерева. Он плохо понял, что произошло у него на глазах, осознав только главное: он пока останется жив благодаря одному из пришельцев, да-да, именно тому, кто помешал выстрелу. Эргемар был уверен, что этого пришельца он узнает всегда… Одного из миллиона… Даже через десять лет… Даже через тысячу…

А еще со способностью двигаться вернулась и боль. Она была настолько необъятна и всепоглощающа, что снова лишила его сознания.

Командир сам вел маленький шестиколесный вездеход, похожий на толстую гусеницу.

— Младший-один, — произнес он добродушным тоном. — Я кажется, нашел способ правильно использовать ваши склонности. Эсбисты из корпуса "Н" все время слезно просят меня откомандировать к ним хотя бы одного офицера. Я не совсем понимаю, чем ему придется там заняться, но точно решил, что это будете вы. Там публика тихая, одни ученые, вас они не обидят

У Боорка перехватило дыхание.

— Ваше превосходительство! — запротестовал он. — Я… не могу!… И у меня своя работа… Она занимает много времени… И достаточно важна…

— А, анализ снимков? Ну, если вас это беспокоит, обрадую. Штаб наконец подсуетился, и с сегодняшнего дня все данные будут обрабатываться централизованно. На Центральной базе. Так что, вы остались без работы. И учтите, это уже не просьба. Это приказ.

— Ваше превосходительство! — Боорк чувствовал, что внутри него поднимается странная жаркая волна. — Я не могу… Я отказываюсь… Отказываюсь работать с этими… учеными… из специальных исследований! Они же будут проводить опыты… Над живыми людьми… Я знаю!

— Ну и что? — командир уже начал сердиться. — Мне тоже в последнее время пришлось переступить через многие вещи. Или вы что, думаете, раз доброволец, так вам все дозволено?! Или что

вы, пилоты, соль земли?! На вас военная форма, Боорк! Вам, временно или нет, присвоено звание младшего офицера первого ранга! Вы знаете, что такое воинская дисциплина?! И чем грозит вам невыполнение приказа?!

— Знаю! — почти выкрикнул Боорк. — Вначале вы арестуете меня за неподчинение на десять суток. Затем передадите на меня дело в суд чести как на недостойного звания офицера, и со мной разорвут контракт. И тогда я, наконец, смогу убраться с этой проклятой планеты и из этой банды хладнокровных убийц, называющей себя Имперским Военным Космофлотом!

— Вы это серьезно, Боорк? — у командира вдруг куда-то пропала так старательно взращиваемая им невозмутимость. — Да вы представляете, что вас ожидает?!

— Как раз представляю. Но у меня нет другого выхода. Раз вы, ваше превосходительство, идете на принцип, так почему бы этого не сделать мне? Тем более, что и у меня есть кое-какие принципы, и ради верности им я готов согласиться на некоторые неудобства.

Командир остановил вездеход.

— Ну, знаете ли, — только и выговорил он. — Ладно. Я могу понять причины вашего демарша, но как командир корабля Имперского Военного Космофлота не могу пройти мимо столь возмутительного нарушения дисциплины. И все же я дам вам шанс, Боорк. По графику у вас на завтра назначена проверка навигационного оборудования, поэтому я даю вам время на размышление до послезавтра. Идите!

И когда Боорк неловко откинул колпак, чтобы вылезти, негромко пробормотал, как бы про себя.

— Некоторые неудобства… Да вы, оказывается, шутник, младший офицер первого ранга…

У дверей своей каюты Боорк встретил соседа – младшего офицера первого ранга Куоти.

— Что, опаздываете? — весело крикнул Куоти. — А я вот уже отстрелялся. Теперь еду на Центральную базу, за запчастями.

Куоти был специалистом по электрооборудованию и целые дни проводил на стройке, размечая участки и прокладывая кабели. Боорк считал его своим близким приятелем. Самым близким среди всего экипажа. Настолько близким, что, общаясь с ним, даже не скрывал своего негативного отношения и к верховной власти, и к Военному Космофлоту, и особенно, к филлинской операции. Почему-то Боорк, которого жизнь почти научила осторожности, доверял Куоти. Наверное, потому, что чувствовал в нем родственную душу.

— Кажется, я скоро распрощаюсь с этой лавочкой, — сообщил Боорк. Его просто распирало от возбуждения. — Командир только что решил отправить меня к эсбистам, в корпус "Н", а я отказался. И если он не отступит, все закончится тем, что со мной разорвут контракт!

— Вам предложили службу в корпусе "Н"? — посерьезнел Куоти. — Там где эти, из Отдела специальных исследований?

— Да, да! А я отказался! Ну, не могу я там, совсем! Они же все там нелюди, палачи, изверги! Разве с такими можно? А теперь меня должны посадить на десять суток за неповиновение, а потом – фьюить!

— Что, уже сейчас посадить?

— Нет, командир дал мне срок до послезавтра. Но я все равно…

— Что же, смотрите, — Куоти выглядел крайне заинтересованным, но поспешил поменять тему. — Вам с Центральной базы чего-то привезти? Говорят, там вчера курьерский сел…

— Да нет, пожалуй, — пожал плечами Боорк. — Мне так ничего не нужно… Да, извините, мне и в самом деле пора…

Вскоре на Центральную базу, расположенную в окрестностях гранидского города Тамо, отправился небольшой одноместный гравикатер. Вел его Куоти. Еще через некоторое время в том же направлении вылетел и командир корабля "Победоносный" генерал второй величины Пээл. Его катер был помощнее и прибыл на место назначение одновременно с катером Куоти.

На базе пути генерала и младшего офицера разделились. Пээл, эскортируемый вестовым из штаба, направился в роскошный зал собраний флагманского корабля, где должно было состояться совещание высшего командного состава соединения. Куоти же, перекинувшись парой слов с рабочими, пошел в сторону ничем не примечательного длинного здания одного из складов, три дня назад слепленного на скорую руку бригадой строителей. То, что его ожидало, тоже можно было назвать совещанием…

Над Драйденом Эргемаром склонился черноволосый мужчина лет тридцати пяти – сорока с обветренным лицом, покрытым въевшимся в кожу тропическим загаром. Таким же, как и у Эргемара.

— ??? — спросил он на непонятном языке и обилием звуков "ш" и мяукающими длинными гласными в конце слов.

Язык походил на зермандский, на котором Эргемар худо-

бедно мог объясняться.

— Не понимаю, — сказал он. — Вы говорите по-зермандски?

— *Т" зермаа?* — неуверенно переспросил черноволосый и, кажется, пробормотал себе под нос по-гранидски: "Близко, но не то". — А по-баргандски ты говоришь? Откуда ты?

— Говорю, — с облегчением кивнул Эргемар. — Я из Горданы.

— Из Горданы? Так как же ты здесь оказался? Говорят, вы с пришельцами первые кореша.

Баргандская речь черноволосого была пересыпана жаргонными словечками, но Эргемар понял.

— Может быть, — согласился он. — Вот только беда, меня об этом не спросили. Я в Граниде был, когда все это началось, вот меня и загребли вместе со всеми. К тому же…

Эргемар вытащил из кармана свою медаль, которая, к его удивлению, никуда не пропала во время всех его приключений. Почему-то он сразу понял, что черноволосому можно доверять.

— Это у меня за Акес. Мы с приятелем там танк подорвали.

— Лихо, — отметил черноволосый. — У меня таких было в свое время четыре. И "Честь и слава" за Тороканские Ворота. Ну что же, будем знакомиться? Эстин Млиско, Гранида. Давай пять!

— Держи! Драйден Эргемар, Гордана.

— А скажи, Эстин, где это мы оказались? — спросил Эргемар. Этот вопрос интересовал его сейчас больше всего. — Ты давно здесь?

— Со вчерашнего дня. По моему впечатлению, что-то вроде госпиталя или комфортабельной тюрьмы. Я тут уже все облазил. Вместе с нами здесь наберется человек тридцать, половина раненых, вроде тебя, а остальные – старики и подростки.

— А ты к какой категории относишься? — поинтересовался Эргемар. — Тоже раненый?

— Да нет. Я – за побег. В первый раз в жизни так сглупил, и боюсь, что в последний. Надо было осмотреться, прикинуть, что к чему, а я увидел, что вокруг кавардак, до нас никого дела нет, вот и рванул при первой же возможности. И места знакомые были, километров пятьдесят всего от дома. А там, видать, какая-то сигнализация, причем такая, что даже я не углядел, а я, поверь, по этим штучкам спец. И еще они будто в темноте видят. Как я не прятался, все равно нашли и поймали. Ну, думаю, теперь в расход, у них это быстро, да вот, видишь, пока обошлось.

— Так что это за место такое?! — всерьез обеспокоился Эргемар. — И где мы? В какой стране?

— Кажись, где-то в северо-восточном Заморье. То ли Фидбаллор, то ли уже Венселанд. А место – да уж наверняка вряд

ли что-то доброе. На всех окнах сетки, внизу эти синерожие что-то мастерят. Не знаю, что это было раньше, только сейчас этот домишко начинает здорово напоминать больницу. Я видел, там на первом этаже в комнатах такие боксы устанавливают, вроде как стеклянные, в три слоя. И аппаратов каких-то странных до хрена.

Эргемар почувствовал, как у него по спине пробежала холодная струйка.

— Кажется, я понял, — хрипло сказал он. — Над нами какие-то опыты будут проводить. Вот уж попали, так попали. Это теперь точно крышка.

— Может, и опыты, — равнодушно согласился Млиско. — Только знаешь, Драйден, у меня принцип такой: пока ты жив, еще ничего не потеряно.

Глава 27. Большая семья

— Прошу, ваше превосходительство.

Вестовой в парадном синем мундире и белых перчатках с видимым усилием отодвинул в сторону тяжелую клинкетную дверь и, почтительно поклонившись, пропустил генерала второй величины Пээла в небольшой отсек, своего рода фойе перед залом собраний флагманского корабля "Император Хэоргэтоэ". До начала совещания оставалось еще несколько минут, но отсек был уже заполнен людьми. Пришли уже почти все приглашенные, ждали только высшее начальство – командующего соединением фельдмаршала Скроэга и его штаб.

Едва переступив порог, Пээл невольно слегка втянул голову в плечи. Ему показалось, что все разговоры в отсеке вдруг на мгновение смолкли, а сам он словно оказался под просвечивающими лучами множества мощных прожекторов.

Естественно, а чего еще он мог ожидать? Полученный на следующий день после начала второй фазы операции Императорский указ о производстве его сразу в чин генерала второй величины и присвоении титула "ли", которого удостаивались даже не все маршалы, обрушился на него как гром с ясного неба. Знакомый адъютант из штаба в подробностях рассказал ему и об указе с отложенной датой, изданном задолго до начала операции, и о том, как кривился и морщился флаг-маршал Таорз, но все же отправил указ на подтверждение фельдмаршалу, и, самое главное, о том, что инициатором указа, как, впрочем, и выбора именно суперофицера-один Пээла для первого этапа филлинской операции был не кто иной, как сам глава Совета Пятнадцати Оонк.

Взятые по отдельности, все эти события не отклонялись за рамки обыденного. Случалось, что кандидатура офицера для выполнения какого-либо ответственного задания утверждалась на уровне самого Совета Пятнадцати. Заранее изданные "отложенные" указы о награждениях, подлежащие подтверждению со стороны командующих, были вообще обычной практикой. Иного не следовало и ожидать, исходя из того, что связь между звездными системами Империи поддерживалась курьерскими кораблями, быстрейшие из которых тратили больше дюжины дней на дорогу в один конец (а в отношении Филлины эту цифру можно было смело удваивать). Наконец, не было чем-то необычным и повышение через чин, хотя, конечно, есть существенная разница между присвоением совершившему какой-

либо подвиг младшему офицеру сразу звания старшего-два и производством в генералы второй величины никому не известного суперофицера, только-только вылетавшего ценз в должности командира корабля.

Да, по отдельности это не привлекло бы особого внимания. Но все сразу… Особенно с подачи Оонка… Когда вражда между космофлотом и Службой Безопасности достигла апогея, а борьба в верхах всерьез угрожает единству державы…

Пээл был всегда далек от придворных сплетен, но и он мог бы сейчас дать исчерпывающую консультацию на тему грозящей государству смуты. По освященному веками порядку, верховная власть в Империи принадлежала Совету Пятнадцати. Совет не был никому подотчетен, мог выносить окончательные и не подлежащие обжалованию решения по любому вопросу, самостоятельно кооптировал в свои ряды новых членов и сам обновлял свой состав. Он всегда выступал единым целым, по крайней мере, для публики, а все разногласия, если они были, никогда не выходили из кулуаров.

Исполнительными органами считались пятнадцать министерств, но на самом деле реальные рычаги находились в руках Канцелярии Совета Пятнадцати, имевшей крайне неопределенные, но почти неограниченные полномочия. С помощью Канцелярии Совет Пятнадцати осуществлял контроль над тремя опорами Империи – гражданскими бюрократами, Вооруженными Силами и Службой Безопасности. Эти три структуры, в свою очередь, находились в непрерывном соперничестве, подгоняя и постегивая друг друга и стремясь показать себя в наиболее выгодном свете перед верховным арбитром – Советом Пятнадцати, раздающим наказания и привилегии.

Еще одним, правда, довольно декоративным элементом управленческой структуры был так называемый Большой Совет, состоящий из нескольких сотен человек (их число не было постоянным). Члены Большого Совета обычно назначались Советом Пятнадцати в силу каких-либо заслуг, а единственной их обязанностью было принимать подготовленные Канцелярией законопроекты, не требующие издания Императорских Указов (также выходящих из недр Канцелярии).

Полтора года назад, после неожиданной смерти прежнего Председателя Совета Пятнадцати Коога, скоропостижно скончавшегося от сердечного приступа, этой сложной, но привычной системе пришел конец. После непродолжительного периода безвластия Совет Пятнадцати обновился почти полностью, и власть в нем захватил руководитель Службы

Безопасности Оонк при поддержке командующего Военным Космофлотом фельдмаршала Гдоода. Однако этот союз просуществовал недолго, и теперь деятельность высшего органа власти в Империи была практически парализована враждой между двумя могущественными ведомствами, впервые за многие годы не имевшими над собой верховного арбитра в лице нейтрального Совета Пятнадцати.

Понятно, что популярность власти от этого не росла. Многие с тоской вспоминали спокойное правление Коога, который всегда и во всем полагался на естественный ход развития событий (или, иными словами, не делал абсолютно ничего). К сожалению, к концу его срока "естественный ход событий" привел Империю к полному упадку в экономике, кризису в управлении, обнищанию огромных масс населения и невиданному подъему антигосударственного движения, бороться с которым Коог либо толком не умел, либо ленился.

Конечно, в такой накаленной обстановке неожиданно высокая награда (Пээл с неудовольствием вспомнил, мягко говоря, несколько смазанный конец его похода) для офицера-космолетчика, протежируемого экс-главой Службы Безопасности, должна была выглядеть, по меньшей мере, подозрительно. Конечно, следовало ожидать и зависти к "везунчику Пээлу", оказавшемуся в нужное время в нужном месте. Естественно, придется столкнуться с недовольством обойденных, ревностью старших коллег, по дюжине лет выслуживавших каждую звездочку, неприязнью начальников, не имеющих перед именем этой дурацкой, ничего не решающей, но почему-то престижной приставки "ли"… Но с этим придется смириться, такова жизнь. В конце концов, и он, и все они принадлежат к одной большой семье – космофлоту, а все внутрисемейные раздоры когда-нибудь, да подходят к концу.

Очень скоро генерал Пээл понял, насколько он ошибается. Идя через весь отсек к своему командиру эскадры, он все время ощущал на себе неприязненные взгляды, а старик Друдаи, известный своей прямотой и резкостью и, наверное, поэтому только генерал второй величины, негромко, но отчетливо сказал, обращаясь к соседу: "Интересно, во все времена молодому холую для быстрой карьеры нужно было иметь всего две вещи – гибкую спину и хорошо подвешенный язык. Но сейчас я вижу и третью – надо понравиться Службе Безопасности".

Пээл вспыхнул от возмущения, но прошел дальше, сделав вид, что ничего не слышал. Ну, не может же он, в конце концов, объяснить каждому, что он не перебежчик и всегда был верен

космофлоту. И тут же похолодел, поняв, в какой ловушке оказался: все для себя уже всё решили, никто его и слушать не будет!

Стараясь оставаться спокойным, Пээл сдержанно приветствовал своего командира. Уж он-то должен знать, что суперофицер Пээл, которого он сам когда-то отметил и возвысил до командира корабля первого класса, никогда не имел какой-либо поддержки от СБ. Но и престарелый генерал второй величины, командующий эскадрой "Тэкэрэо", скучающе выслушал приветствие Пээла, сухо поздоровался в ответ, повернулся и продолжил ничего не значащий разговор со своим соседом.

Генерал Пээл, униженный и растерянный, беспомощно забился в угол. Многие годы он был своим среди своих в среде военных космолетчиков, но две новенькие генеральские звезды словно превратили его в чужака. Вслед за растерянностью пришла злость – злость на Оонка, этим неуместным возвышением, похоже, сломавшим ему карьеру и обрекшим его на участь пешки в чужой, пока непонятной игре.

Чтобы немного успокоиться, Пээл постарался вспомнить все, что он знает об Оонке. Немногое. Выходец из низов, что в нынешние времена большая редкость. Сделал головокружительную карьеру, семнадцать лет назад стал руководителем Службы Безопасности, не разменяв даже пятой дюжины лет. Невероятно работоспособен, компетентен, умен, удачлив, жесток. По слухам, требовал самых жестких мер по отношению к подпольщикам, но сдерживался Коогом. Пережил несколько покушений, во время одного из них, несколько лет тому назад, потерял жену. После того, как стал Председателем Совета Пятнадцати, все сначала с ужасом ждали затягивания гаек, затем с надеждой – реформ, но не дождались пока ни того, ни другого.

Маловато будет, но кто может сказать больше? Оонк всегда был таинственной фигурой, предпочитавшей оставаться в тени. Даже сейчас его появления перед публикой можно пересчитать по пальцам. И еще, не забыть бы главное: говорят, он всегда добивается успеха, а все его действия просчитаны на много ходов вперед…

Тем временем отсек стремительно заполнялся. Зашел подтянутый, молодцеватый суперофицер первого ранга Этиа, однокашник Пээла по военному училищу. Он дружелюбно улыбнулся Пээлу и сделал рукой какой-то неясный знак.

Стараясь казаться меньше ростом, прошмыгнул обычно холеный и высокомерный генерал третьей величины Ргуэн, сын

фельдмаршала и зять одного из членов Совета Пятнадцати. Этот Ргуэн был законченной столичной штучкой, и говорили, что он поменял уютный кабинет в министерстве на боевую рубку корабля исключительно для того, чтобы побыстрее получить вторую звезду на рукав. Для такого высокопоставленного лица специально подобрали хороший корабль с умелым экипажем, умным и тактичным начальником штаба, так что до самого вторжения все было в порядке.

Увы, в конце концов Ргуэн уверовал в свои полководческие таланты и после посадки на Филлину решил покомандовать самостоятельно. После того, как на его корабле вышел из строя центральный компьютер (шутили: не выдержал постоянных издевательств), генерал лично загнал свою танковую колонну в какой-то город, где его танки, потерявшиеся в лабиринте узких улиц, начали банально жечь. Запаниковав, Ргуэн приказал разбомбить город, забыв, что не вывел оттуда танки, и в итоге потерял восемьдесят семь машин из ста двадцати.

В довершении всего, позавчера его корабль был обстрелян из дальнобойных орудий. Дежурная девятка "Молний" подавила вражескую батарею уже после второго залпа, попаданий корабль не получил, но зато при обстреле было убито трое членов экипажа и ранен еще один. Это нарушало торжественное обязательство фельдмаршала Скроэга провести завоевание Филлины без людских потерь, но никто не сомневался, что Ргуэну сойдет с рук даже это.

— Господа офицеры! — скомандовал кто-то, и все в отсеке повернулись ко входу, приветствуя командующего.

Фельдмаршал Скроэг был невысок, плотен, сед и стар. Ему уже было далеко за восемьдесят, и поговаривали, что сразу же после окончания филлинской кампании он уйдет в отставку. На людях фельдмаршал старательно изображал старого маразматика – ходил пришаркивая, постоянно демонстрировал рассеянность и забывчивость, а доклады читал, словно совершенно не вдумываясь в смысл. Но Пээл от надежного источника (тот самый знакомый адъютант при штабе) слышал, что старик просто по-своему развлекается, разыгрывая анекдоты, которые раньше рассказывали про Коога, а до него – про его предшественника Рууба, скончавшегося на посту в нежном возрасте ста семи лет. Может быть, это было и так. Все, кому ранее приходилось служить вместе со Скроэгом, отмечали его несколько извращенное чувство юмора.

На Филлине старый фельдмаршал служил прикрытием для своего начальника штаба – молодого и энергичного флаг-маршала Таорза, родственника и любимца Гдоода. Ходили слухи,

что операцией изначально должен был командовать Таорз, и только противодействие и интриги Оонка заставили командующего космофлотом совершить такой обходный маневр.

Следом за фельдмаршалом шли двое, резко выделявшиеся среди космолетчиков. Трудно было найти более несхожих людей, тем не менее, они всегда держались вместе и даже заслужили прозвище "странная парочка".

Первый из странной парочки был неинтересен почти со всех точек зрения. Генеральный комиссар Службы Безопасности Улгеу (чин, равный маршалу). Высокий, болезненно худой, задумчивое лицо хорошо провяленной рыбы, темно-серый форменный мундир СБ… По слухам, прямой, ясный и гибкий как столб… реликт эпохи сдержек и противовесов… Находясь в освященной веками должности помощника командующего по безопасности, генеральный комиссар пытался выполнять привычную работу по старым правилам, не замечая, что все окружающие перестали по ним играть. Пээл слышал, что получается у эсбиста плохо: Таорз действовал напролом, не обращая внимания на Службу Безопасности, будучи уверенным, что Гдоод его поддержит, а победителей не судят.

Зато второй… В мешковатом маскировочном комбинезоне, широкий, почти квадратный, на две головы ниже рослого генерального комиссара… Гроссмастер Звездной Гвардии Груус, представляющий на Филлине этот род войск и осуществляющий общее руководство над двумя батальонами гвардейцев.

Звездная Гвардия считалась элитой вооруженных сил Империи. Гвардейцев было сравнительно немного – четырнадцать бригад, немногим более ста тысяч человек, но это были профессионалы высочайшего класса. Они владели всеми видами оружия, умели водить любые летательные аппараты и наземные машины, могли действовать в джунглях, ледяных пустынях, даже в космосе, были героями бесчисленных фильмов и комиксов.

Задачей Звездной Гвардии была защита жизни граждан Империи на планетах-колониях, и она образцово выполняла эту задачу, не отвлекаясь на политику и будучи в стороне от постоянного соперничества имперских властных структур. Гвардейцев сплачивала еще более сильная, чем у космолетчиков, кастовая солидарность. У них были свои школы, свои учебные и тренировочные центры, своя система воинских званий – от кандидата до генерал-гроссмастера, даже своя спецслужба, куда не было хода ни СБ, ни спецотделу космофлота.

Всем было известно, что гвардейцы пользуются намного большей свободой, чем все прочие граждане Империи, и хотя

Гвардия традиционно была далека от политики, отставные гвардейцы в последнее время частенько оказывались в рядах недовольных. Пока что Звездная Гвардия считалась абсолютно надежной опорой режима, но в верхних эшелонах власти все чаще о ней задумчиво говорили, почесывая в затылке: "А кто их, этих гвардейцев, поймет? Вроде, растили мы их, растили, защитников, самых верных, а вот кого вырастили? И в самом деле, кого?…"

Совещание несколько разочаровало генерала Пээла. Он, признаться, надеялся, что речь пойдет о действительно насущных проблемах – снабжении, координации действий, аварийности, безопасных коридорах, еще раз о снабжении…

Вместо этого фельдмаршал Скроэг начал читать доклад, и Пээл в очередной раз восхитился изворотливостью флаг-маршала Таорза. Речь в докладе шла ни много, ни мало, а об изменении самой концепции военных действий на Филлине. За такую радикальную коррекцию тщательно разработанных планов можно и по шапке получить, а Скроэг – с него взятки гладки. Дедушка старый, ему все равно…

Минут через пять Пээл понял, что немного поторопился с выводами. Штабисты, по всему, поработали на совесть, подготовив планы на все случаи жизни, и теперь Скроэг (вернее, Таорз) просто заменял один такой план другим.

Согласно первоначальному плану, силы вторжения должны были действовать по тактике "Прополка". Танки продвигались максимально растянутым фронтом, не более чем по две-три машины на километр, выявляли очаги сопротивления и наводили на них воздушные силы. По необходимости, "пропалывающие" танки стягивались в пункт сбора для дозаправки, пополнения боеприпасами и ремонта. Целью операции было уничтожение вооруженных сил противника и подрыв его экономической базы, срок операции ограничивался четырьмя декадами.

План, излагаемый Скроэгом – Таорзом, брал на вооружение тактику "Сеть".

— Каждая эскадра, — разносился по залу скрипучий голос фельдмаршала, — Создает свою сеть. Сеть. Из наземной техники, приданной. Кораблям. Ячейки сети, взаимодействуя друг с другом и производя тщательную зачистку местности, стягивают живую силу противника. В определенные районы, где она будет… Где она будет в дальнейшем уничтожаться с воздуха с применением самого мощного оружия. Вплоть до ядерного…

Пээл горестно вздохнул про себя. Таорз планирует войну на полное истребление. Но сколько же можно повторять старые ошибки?! Уже ведь было, было! "Кронтэа без кронтов",

уничтожили под это множество народа, а сейчас колонии Империи держатся на труде миллионов кронтэйских рабочих, занятых на шахтах, заводах и плантациях. Разве можно одновременно договариваться с филитами на одном континенте и готовить поголовное уничтожение на другом?! Что же это будет в итоге?! Как там сказал тот парнишка, Боорк, нам больше пригодились бы союзники, чем рабы, мечтающие о мести…

Единственное, на что еще можно надеяться, так это на неэффективность как тактики "Прополка", так и тактики "Сеть". Повоевав с филитами, поневоле убедишься, что они способны постоять за себя и не дадут так просто согнать себя в кучу и уничтожить мощным оружием вплоть до ядерного… Тем более, что Таорз, впервые в жизни командуя в реальном сражении армадой в несколько тысяч танков и летательных аппаратов, плохо представляет себе масштабы и сложность задачи. На его участке на каждую шестерку танков приходится по две с половиной тысячи квадратных километров, а ведь есть участки и пообширнее… А "взаимодействие между ячейками сети"… Да с этого можно только посмеяться…

Зато Таорз может смело рассчитывать на затяжку операции, присылку подкреплений, ну и конечно, что вся слава от покорения Филлины достанется космофлоту и никому больше.

С последним, кажется, был не согласен генеральный комиссар Улгеу. Дождавшись, когда фельдмаршал Скроэг закончит свой доклад, он взгромоздился на трибуну и с восхитительной прямотой заявил примерно следующее. Во-первых, в филлинской операции на космофлот возложена строго определенная и ограниченная задача. Во-вторых, как он будет выполнять эту задачу, Службе Безопасности дела нет. В-третьих, полного искоренения местного населения с завоевываемых территорий от космофлота не требуется, а все, если понадобится, сделает Служба и никто больше. В-четвертых, СБ не позволит космофлоту соваться в чужие дела и, в-пятых, лучше бы ему в эти дела и не соваться.

Высказавшись, словно гвозди вбив, генеральный комиссар поклонился собранию, и преисполненный достоинства, важно уселся на свое место. Тут же поднялся начальник штаба. Таорз снисходительно улыбался и прямо излучал хорошее настроение. Он-то хорошо знал, что за эффектными словами эсбиста реальной силы не стояло, а весь его демарш – не более чем сотрясение воздуха.

— Мы благодарны вам, господин генеральный комиссар, за вашу *справку*. Разрешите в вашем лице поблагодарить Службу Безопасности за проявленное желание помочь нам в *нашем* деле.

Мы ценим это благородное стремление, хотя справимся со всеми нашими задачами и своими силами и, со своей стороны, приложим максимум усилий для снабжения вашей службы первоклассным материалом для проведения специальных исследований…

Таорз продолжал пинать поверженного противника, но Пээл уже его не слушал. При упоминании специальных исследований он снова вздохнул про себя. Как ни крути, а филлитам не спастись. Ученые, тьма их… Эти, если возьмутся, так уж искоренят, под самый корень искоренят… Зря он все-таки решил отдать им в помощь пилота, Боорка. Парень, конечно, — законченный разгильдяй, штафирка, но не стоило проявлять по отношению к нему столь утонченной жестокости. Увы, сделанного не воротишь, придется дожимать до конца…

Задумавшись, Пээл и не заметил, что совещание завершилось, просто все вокруг задвигались, поднимаясь с места. Заторопился к выходу и он. Ощущал себя Пээл, словно в вакууме без скафандра. На собрании никто не подсел к нему ближе, чем за три кресла, даже места спереди и сзади его – и те пустовали. Одинокий и встревоженный, он шел к своему гравикатеру, как вдруг его окликнул суперофицер-один Этиа.

— Слушай, Пээл, окажи услугу. Подбрось меня до моего корабля, а то что-то мой катер забарахлил.

— С удовольствием, — ответил Пээл.

Корабль Этиа был ему не совсем по дороге, но это не имело никакого значения. Для старого приятеля, единственного, кто не отступился от него, он был готов выполнить любую просьбу. Усевшись на место пилота, Пээл начал прокладывать на компьютерной карте новый курс. Обычно он любил вести катер самостоятельно, но в этот раз у него просто не было сил.

Закончив, он был уже готов включить двигатели, но остановился, с удивлением смотря, как Этиа, держа в руке небольшую черную коробочку с антенной, сосредоточено водит ей из стороны в сторону.

— Боишься, что прослушивают? — удивился Пээл. — Брось, да разве сможет СБ здесь, на Филлине, что-то засунуть в мой катер?

— Служба – вряд ли, а вот наш родной спецотдел – вполне мог, — заявил Этиа. — Ну вот, проверили, все чисто. Да ты стартуй, стартуй.

Пээл помрачнел.

— Только этого еще не хватало. Впрочем, одной неприятностью больше, одной меньше. Ты же видел, как от меня все стали нос воротить.

— Не удивительно. Наши аристократы не могут тебе простить, что ты вдруг ни с того, ни с сего с ними сравнялся. А мы, простые смертные, у кого нет ни отца маршала, ни тестя советника, посчитали, что ты слишком уж занесся. Ты же знаешь наш закон: тому, кто высунулся, отрывают голову.

— Это я бы еще пережил. Но все почему-то решили, что я обязан всему этому сотрудничеством с СБ. А я же – ни сном, ни духом! Ты мне веришь?

— Отчего же, верю. Но и против этого есть средство.

— Да ну? — недоверчиво хмыкнул Пээл. — Что-то не вижу. Подскажи.

— Все очень просто, поверь. Если тебя считают человеком Оонка, стань им. Вот и все.

— Вот как, — настороженно произнес Пээл.

— Да, чтобы не было недоразумений…

Этиа медленно достал из кармана кусочек пластика с причудливо изрезанным краем. Пээл, промедлив несколько секунд и глядя Этиа прямо в глаза, сам засунул руку в карман. Там у него лежала похожая пластинка.

Это была традиция. Офицеры, впервые назначенные на должность командира корабля первого класса, должны быть представлены Императору. Пээл вместе с четырьмя другими офицерами, в неописуемо роскошной форме для представлений ко двору, стоял навытяжку в зале для малых приемов и во все глаза глядел на Императора – пожилого, сильно располневшего мужчину с обрюзгшим лицом и мешками под глазами, одетого в мундир фельдмаршала Военного Космофлота.

Внезапно одна из дверей отворилась, и в зале появился Оонк, только месяц назад ставший Председателем Совета Пятнадцати. В отличие от расфуфыренных придворных, он был одет в строгий черный костюм с одной-единственной золотой ленточкой канцлера Империи на лацкане. Обходя офицеров вслед за Императором, он вручил каждому по маленькому кусочку пластика – части своей визитной карточки.

"Мозаика" – так назывался этот вид поощрения, означающий: "О вас помнят в самых верхах". Часто отличившимся вместо или вместе с наградой вручался новый кусочек мозаики. Сложившие полную карточку получали право носить ее при парадной форме в специальном прозрачном кармашке. По своему социальному статусу полная мозаика приравнивалась к высокому ордену и весьма ценилась, особенно, в колониях.

Пээл взял из руки Этиа пластинку и приложил ее к своей.

Новый кусочек мозаики встал на свое место, и белый пластик на несколько секунд засветился мягким голубым светом.

Положив карточку в карман (на ней уже не было видно никаких следов соединения), Пээл снова взглянул в глаза Этиа.

— Итак, — медленно произнес он. — Ты вербуешь меня на службу в СБ? Так это надо понимать?

— Во-первых, не я, а сам Оонк, — со спокойной улыбкой ответил Этиа. — Во-вторых, не на службу, а для сотрудничества. А в-третьих, у тебя все равно нет другого выхода.

— Да, хорошо подстроено, — оценил Пээл. — Вот уж не думал, что ты работаешь… нет, сотрудничаешь с СБ.

— Не с СБ, друг мой. С самим Оонком. Поверь, в этом есть принципиальная разница. И знаешь, для чего я это делаю? Для того, Пээл, чтобы обеспечить свое будущее и будущее своих детей! Ты думаешь, такой крутой, две звездочки заимел, и тебе уже дальше расти некуда? А что с тобой дальше будет, знаешь? Знаешь, конечно, знаешь, потому и молчишь. С корабля тебя снимут, не дело генералу второй величины всего лишь кораблем командовать. А больше тебе что-то дадут? Да ни в жисть не дадут! И мне не дадут. Только я бы своим кораблем еще долго командовал, а тебя, приятель, отправят или сидеть на дальней базе, куда корабли раз в год приходят, или председательствовать в комиссии по разработке новой формы застежек на парадном мундире. Будто мало дыр, куда можно генерала второй величины засунуть? И будешь ты сидеть в такой дыре затычкой еще до-олго-долго. Завоешь, от безделья-то…

— Хорошо, — сказал Пээл. — А что мне дает служба на Оонка? Что он мне по блату подыщет дыру поуютнее? Не будет же он через голову Гдоода специально заниматься моим устройством?

— Ты плохо знаешь Оонка. Скоро твое непосредственное начальство сделает тебе одно предложение. Ты его примешь. А дальше начнется самое интересное. Я думаю, Оонк готовит какую-то грандиозную комбинацию, чтобы сковырнуть всю нашу космофлотовскую верхушку. И знаешь, мне видится, ему это удастся! А кто будет тогда командовать, как ты считаешь? Мы будем, его люди. Ведь не всем же он предлагает работать на себя, не всем. Нас с тобой талантами Великие Звезды не обидели, ведь, признайся, думал, чем я, мол, хуже всяких долдонов, что уже давно в генералах ходят? Да ладно, ладно, конечно, думал! И я думал! А если мы Оонку подмогнем наших маршалов сколупнуть, так сами на их места и сядем. Так что смотри, ставки в этой игре крупные.

— В чем будут заключаться мои обязанности? — ровным

голосом спросил Пээл, стараясь не выдать охватившей его радости.

Его покупают, покупают! Значит, он того стоит! Оонк – человек серьезный. Сколько лет вверх лез, залез и еще выше лезет! Да, великая удача – сесть на такой экспресс!

— Подробные инструкции ты получишь позже. И не от меня. Просто к тебе подойдет кто-то со следующим кусочком мозаики. Пока для тебя есть одно поручение. Помоги доставить в метрополию отчет генерального комиссара Улгеу. Сам знаешь, он весь в осаде, надежных каналов связи у него нет, а Оонку надо знать, как здесь шалят всякие маршалки.

Покопавшись во внутреннем кармане, Этиа достал тонкий бумажный конверт – вещь в компьютерном веке необычную и редкую.

— Отчет в этом конверте. Получится у тебя отправить – хорошо. Нет – нет, ты не единственный, кому дано такое поручение. Могу посоветовать один из путей – попробуй передать это с каким-нибудь из своих офицеров, если кого-то из них вдруг отзовут в Метрополию. Текст там самый нейтральный, контроль привык распознавать микропленку и кристаллы записи, на бумажный конверт они внимания не обращают, уже проверено. Его нужно будет передать одному человечку в министерстве, зовут его старший-один Крагзаан, он зам начальника отдела топливного снабжения космофлота. Достаточно просто сказать, что с Филлины, он поймет. Повторить?

— Не надо, у меня хорошая память. Министерство, отдел топливного снабжения, старший-один Крагзаан. Единственное… Ты совсем не опасаешься, что я сообщу о нашей беседе в спецотдел или еще кому?

Этиа улыбнулся.

— Нет, не опасаюсь. Во-первых, это тебе почти ничего не дает, веры тебе все равно не будет. Во-вторых, меня не так уж просто ухватить, а каких-то планов Оонка ты все равно не выдашь и не нарушишь. Ну а в-последних… Знаешь, Пээл, Оонк не любит двойной игры. И не просто не любит, а очень не любит.

— Великолепно. Не обижайся, это я только, чтобы убедиться в серьезности ваших намерений. Я готов играть за вас. Давай свое письмо. Постараюсь все сделать.

Высадив Этиа, Пээл с радостью отключил автопилот и рванул свой катер в небо на максимальной скорости. Его настроение резко поднялось. "Все-таки интересно, — подумал он. — Всю жизнь я полагал, что живу в одной большой семье и считал за честь ей служить. А теперь всего один разговор – и я уже служу другой семье. Неужели я предатель, перебежчик? Нет, космофлот

сам отверг меня. И правильно говорят: меняются обстоятельства, меняются и убеждения."

Глава 28. Офицеры революции

Длинное одноэтажное здание склада было смонтировано из стандартных пенобетонных блоков. Такие сооружения можно было встретить на любой планете с умеренным климатом и пригодной для дыхания атмосферой. Строились они быстро, надежно, а при необходимости легко разбирались.

Почти весь торец склада занимали огромные запертые ворота, рядом с которыми сливалась с темно-серой стеной небольшая дверца. В стеклянной будочке перед дверцей скучал караульный с узким шнуром рядового второго разряда на рукаве.

— Мне нужны диски для автомата наводки, — сказал Куоти, показывая охраннику пачку накладных.

— У нас всего много, — заговорщицки улыбнулся солдат.

Подмигнув Куоти, он нажал кнопку у себя на пульте, и дверь с легким скрипом отъехала в сторону. Ступив за порог, Куоти оказался в небольшом помещении, отгороженном от остальной части склада рядами высоких стеллажей. За стойкой с компьютерным терминалом скучал кладовщик в полурасстегнутом мундире.

— Мне нужны диски для автомата наводки, — повторил Куоти.

— У нас всего много, — был ответ.

— А если хорошо поискать? — Куоти протянул кладовщику накладные.

— Ну разве что, если хорошо.

— Где они? — спросил Куоти, облокотившись на стойку. — Как мне их отыскать?

Кладовщик зевнул, и Куоти подумал, что он немного переигрывает.

— Зайди сюда, за этот стеллаж. Пройдешь до конца, будет проход. Там их и найдешь. А все остальное – кладовщик помахал накладными, — через полчаса.

Куоти обогнул стойку, прошел по узкому проходу между полками и наружной стеной, повернул, протиснулся мимо контейнера с разобранным генератором и очутился в крохотном закутке, освещенном тусклыми лампами, висящими над самым потолком.

В закутке сидело четверо. Старший офицер космофлота, долговязый парень в рабочем комбинезоне с двумя треугольниками младшего-два на рукаве, коротко стриженый гвардеец в звании младшего мастера и невысокий и весь

настороженный крепыш с тяжелым взглядом. Крепыш был младше всех и по возрасту, и по званию – он был всего лишь унтер-офицером третьего разряда, но держался в компании офицеров как равный.

Большую часть закутка занимал колченогий столик, заставленный пластиковыми колбами с пивом. Там же наличествовали несколько пачек соленых галет, большой пакет с орехами и разорванная упаковка рыбных палочек.

— Привет всем, — сказал Куоти. — Извините, я немного задержался. Что обмываем?

— Наш кладовщик расстарался и достал для меня универсальный дефектоскоп ТКК-28, - с улыбкой ответил старший офицер. — За это не то, что ящик – бочку пива выставить не жалко.

— Двадцать восьмую модель? — профессионально заинтересовался Куоти. — Много слышал, но ни разу не видел. Говорят, с ней любую поломку можно выявить за считанные минуты.

— Говорят, говорят, — кивнул старший офицер. — Но вы садитесь, Шутник. Наливайте себе пивка и начнем, пожалуй. Итак, друзья, личная встреча – это, конечно, риск, но у меня просто не было времени связываться с каждым через сеть. Речь идет о задании Объединенного Комитета…

— Ради такого пива можно и рискнуть, — ухмыльнулся младший-два. — …Извините, Стрелок, вырвалось просто…

— Задание это, скажу вам, нелегкое. А с нашими ограниченными возможностями и вовсе трудновыполнимое. Нам с вами надо установить контакт с жителями Филлины. И насколько это возможно, оказать им помощь. Центр придает этой задаче очень большое значение. Можно предположить, он рассчитывает на дальнюю перспективу, но именно нам предстоит сделать первый шаг. Да, трудности велики. Нас мало, мы не можем свободно передвигаться по планете и почти лишены возможности влиять на события. А жители планеты, в свою очередь, будут склонны видеть в нас только врагов. И если удастся наладить контакт, это, скорее всего, будет контакт только с одной маленькой группой. И все же, трудности – это не основание для бездействия. Поэтому давайте подумаем, что можно сделать. Какие у кого будут соображения?… Кто начнет? Вы, Танцор?

— Ваш Центр, похоже, считает, что мы здесь всемогущие и всеведущие, — проворчал гвардеец. — Ладно… Для начала, чтобы о чем-то договариваться с филитами, нужно, как минимум, понимать друг друга. Значит, автоматические переводчики.

Думаю, мои ребята смогут достать один.

— А я – скачать с него базу данных, — обрадовался младший-два. — Только вот… Собрать такую штучку непросто. Может, запросить Центр?

— Да, это лучше всего, спасибо, Шустрый, — одобрил старший офицер. — Так и сделаем. Отправим образец в Метрополию, а там размножат и перешлют нам по одному из каналов. А как насчет контакта, Танцор? Вас ведь задействуют во внешнем кольце охранения?

— Только однажды. Сейчас там уже установлена автоматика. Нет, пока не закончатся боевые действия, на контакт вообще рассчитывать не стоит. Поле боя плохое место для ведения переговоров.

— Пусть так. Будем надеяться на случай. И еще раз, прошу вас, будьте поосторожнее. Конспирация – это не прихоть и не привычка. И всему личному составу Звездной Гвардии вовсе не обязательно знать, что вы сотрудничаете с подпольем. То, что гвардейцев еще ни разу не арестовывали, ничего не значит. Все когда-нибудь происходит в первый раз.

— Не беспокойтесь, Стрелок, — махнул рукой гвардеец. — Подкидышей у нас нет, а в своих ребятах я уверен. И у вас конспирация, а у нас – не принято использовать друзей втемную. В Гвардии, знаете, своя специфика.

— Будем надеяться, что вы все еще правы, — вздохнул Стрелок. — Пойдем дальше. Что у вас, Шустрый?

— У нас все уже и так идет, — гордо заявил младший-два. — Моя идея. Представляете, едет себе танк, едет, и в один прекрасный момент вдруг зависает. Безнадежно. Есть у него внутри такая ма-аленькая вставочка.

— Рискованная самодеятельность, — неодобрительно заметил Стрелок. — На вставочку могут обратить внимание.

— Никогда! Пока оно работает – оно ж работает, кто будет внутрь лазить?!… А если танк завис… Кто на поле будет копаться в железе? Самоликвидация и все концы в воду. Никаких улик.

— Все равно, не увлекайтесь. Кто-нибудь может обратить внимание на повышенную аварийность. Особенно, если на одном корабле танки начнут зависать в несколько раз чаще, чем на остальных. Не стоит ставить себя под удар из-за эффектных мелочей. Лучше проявить разумную осторожность…

— Опять эта разумная осторожность! — зло бросил унтер-офицер. — Надо действовать, действовать! Сколько можно же ждать?! И этот ваш – сбор информации! А что он дает – этот сбор информации?!

— Благодаря той информации, что дали лично вы, Беглец,

был снят с должности и разжалован небезызвестный вам супертри Мруакх, — невозмутимо ответил Стрелок.

— И только? Ну, сняли одного мерзавца, так появился другой! Какой толк с этого? Бороться надо оружием!… Вот скажите, а что вы еще сделали – реально – кроме этого супертри?

— Не время и не место! — резко оборвал Стрелок.

— Вот так?! — ощерился Беглец. — Как прижало, так сразу вспомнили, кто здесь унтер, а кто офицер, белая кость! Вот чего стоят все ваши разговоры о равенстве…

— А вы, что, воспринимаете равенство как вседозволенность?! Или что все должны немедленно стать начальниками?! Настоящее равенство – это равенство возможностей и ответственности, а не равенство прав и не состязание крикунов! Я знаю, Беглец, вы человек действия, но для этого сейчас не время и не место! Не место, поскольку мы находимся на чужой планете без устойчивой связи с Центром, и не время – потому что любое восстание на одном отдельно взятом корабле будет с легкостью и немедленно подавлено. Вы бунтарь, герой-одиночка, но вы – часть подполья, Беглец, и вы обязаны соблюдать строжайшую дисциплину! И давайте все-таки вернемся к нашему заданию!

— Хорошо, — с отвращением сказал Беглец. — Я подчиняюсь дисциплине. Возможностей контакта у нас нет никаких. Помощи – только те мелкие диверсии, что вы так не любите. А насчет способов борьбы… Я молчу, но остаюсь при своем мнении.

Беглец был и на самом деле беглец. Его родиной была 29-я провинция – большой остров в субтропической зоне Северного полушария, а домом – маленький городок, утопающий в зелени садов.

Сад его родителей считался лучшим в городе, и в один несчастливый день на него положил глаз заезжий офицер космофлота. Будь старший-один другом или родственником кого-то из местных шишек, глава семьи действовал бы поосторожнее. Но незваный гость был стопроцентно пришлый, а чужаков старый садовод не боялся – в округе он был человек уважаемый и известный и к тому же регулярно поставлял плоды и саженцы всему районному начальству. Старший офицер не отступал, держался предельно нагло, и короткая беседа завершилась серьезным рукоприкладством.

Это оказалось фатальной ошибкой. Старший офицер оказался родным племянником губернатора 41-й провинции, а его жена имела местные корни. И хотя здесь он находился не на своей

территории, местное руководство с готовностью поспешило оказать ему услугу. Все было кончено меньше, чем за дюжину дней. Глава семьи был арестован по нелепому обвинению и спешно переведен в тюрьму административного центра провинции, где на следующий день наложил на себя руки посредством множественных переломов костей и разрывов внутренних органов. Старшие братья разбились на своем колесном транспортере, доставшемся от деда и сроду не развивавшем скорость выше сорока километров в час. Сестра просто пропала без вести, мать умерла от горя, а сам Беглец только благодаря виртуозному владению садовым резаком отбился от двух странных грабителей, не интересовавшихся содержимым его карманов.

Оставив на поле боя два трупа, он запалил опустевший дом с четырех концов и подался в бега. Сначала примкнул было к террористам, участвовал в убийстве высокопоставленного чиновника из провинциальной администрации, но СБ уже крепко села боевикам на хвост, и ему снова пришлось скрываться. Одно время он вел жизнь мстителя-одиночки, потом опять вышел на подполье и по фальшивым документам завербовался в космофлот, надеясь разыскать старшего офицера, след которого уводил куда-то в колонии. Сейчас он был почти уверен в том, что человек, приказавший уничтожить его семью, находится здесь, на Филлине.

В космофлоте Беглец, будучи парнем неглупым и расторопным, выявил и немалые склонности к лидерству, за короткое время выслужив витой шнур унтер-офицера. Не менее стремительно продвигалась его карьера и в иерархии подполья. Однако никто вокруг не подозревал, что под маской исполнительного солдата и дисциплинированного подпольщика таится целая бездна ненависти к жестокому и несправедливому миру. Только изредка эта ненависть вырывалась наружу в ослепительных вспышках ярости.

Поэтому странная выходка Беглеца была воспринята с удивлением, а затем и вовсе забыта.

Говорил Куоти.

— Не знаю, насколько большую опасность представляет это для жителей планеты, но на нашей базе "Восток" появилась группа сотрудников Отдела специальных исследований Службы Безопасности. Они забрали для своих нужд одно из восстановленных зданий местной постройки и теперь монтируют там какое-то оборудование.

— Боюсь, это серьезно, — сказал Стрелок. — Никто не знает в

точности, чем занимается Отдел специальных исследований, но до меня доходили слухи, что кто-то в СБ носится с идеей биологической войны. Правда, тут есть и одна хорошая новость. Один из этих эсбистов сотрудничает с нами. Его кодовое имя – Перевозчик.

— А кто именно?

— Не знаю. А тех, кто знает, здесь нет. Перевозчик оставил только короткое сообщение в почтовом ящике о том, что находится на Филлине, и больше на связь не выходил. Возможно, он сам сейчас ищет контакт, так что на всякий случай я сообщу вам личный пароль Перевозчика. Этот пароль – ресторан "Золотой кувшин" на базе Киилинарэ-2. Услышав любое упоминание этого заведения в чьем-либо разговоре, спросите: "Так чем он знаменит, этот ресторан?" Отзыв Перевозчика: "Там умеют великолепно готовить запеченных куилков." Кстати, это действительно так – ресторан мало кто знает, но кухня там изумительная. Теперь дальше. После отзыва вы должны в любом контексте упомянуть слово "Стрелок", Перевозчик ответит тем же. И запомните, если в его фразе будет какое-либо отрицание, это значит, что он под колпаком. Но это – вряд ли.

— Пароль надежный? — настороженно спросил Шустрый.

— Более чем. Но будьте осторожны сами. И еще, эта информация – только для вас четверых, больше ни для кого. Танцор, Беглец, вы поняли? Больше ни для кого.

Гвардеец кивнул.

— Не волнуйтесь, — хрипло сказал Беглец. — Дальше меня никогда ничего не пойдет. У нас болтать не принято. Мы же не эти, из Союза Молодых Офицеров – только запахло жареным, так все наперегонки помчались в спецотдел закладывать друг друга…

— Союз Молодых Офицеров был от начала и до конца провокацией спецотдела, — резко сказал Стрелок. — Если будет время и желание, напомните, я расскажу вам о нем поподробнее. Если же кратко – все началось с одного суперофицера с Мааримпоа-5, который решил изобрести заговор, чтобы добиться повышения или перевода в Метрополию. Заговор получился, суперофицер добился и того, и другого, но у него был начальник – некий генерал третьей величины. Он смотрел на вещи шире и воспользовался идеей для выявления и сосредоточения в удобном для контроля месте радикально настроенной молодежи. Под негласным патронажем спецотдела организация успешно развивалась, но у генерала третьей величины тоже было начальство, которому был нужен как раз заговор. СБ тогда раскрыла боевую организацию "Воинов Справедливости", и надо было срочно чем-то ответить. После первых же арестов дело

получило громкую огласку, и процесс вышел из-под контроля. Союз повсеместно использовался для сведения счетов, расправы с неугодными и так далее, так что всего было осуждено двести восемнадцать человек, из которых половина не имела к Союзу никакого отношения. Сто сорок пять приговорили к разным срокам заключения, остальные были сосланы на поселение в дальние колонии. Еще около четырехсот было уволено из рядов космофлота.

— Четыреста двадцать шесть, — уточнил Шустрый.

— Благодарю. На сим историческом экскурсе и завершим нашу встречу. К тому же, за то время, пока мы с вами заседали, дефектоскоп можно было не только обмыть, но и утопить в пиве…

Первым ушли Танцор и Шустрый – им надо было торопиться на службу. Затем склад покинул Беглец, навьючивший на себя огромный ящик со жгутами оптико-волоконного кабеля. В закутке за пивом остались только Стрелок и Куоти.

— Что-то еще? — спросил Стрелок, открывая новую колбу.

— Да. И все о тех же эсбистах из Отдела Специальных Исследований. У меня есть сосед, штурман-доброволец младший-один Боорк. Сегодня наш командир собрался откомандировать его в их распоряжение.

— Из каких соображений?

— Я сам слышал в столовой, как один эсбист жаловался другому, что им обрезали штаты, и они, цитирую, должны отвлекать кого-то на выполнение нудной неквалифицированной канцелярской работы, с которой справится любая девчонка. На что второй ответил, что подходящих девчонок поблизости нет, зато вокруг шатается целая толпа космофлотовских придурков.

— И ваш командир откликнулся на их просьбу.

— Да. Но Боорк отказался! Отказался выполнить приказ! Он говорил, ему дано время до послезавтра, но он настроен решительно. Вплоть до ареста за неповиновение и разрыва контракта.

— Причины?

— Боорк крайне отрицательно, я бы сказал, болезненно, относится ко вторжению на Филлину. К тому же, в разговорах со мной он не скрывал своего резко критического отношения к Военному Космофлоту и властям вообще.

— Еще более интересно. Откуда же он такой взялся? И это со всеми он так откровенен?

— Если не считать случая с невыполнением приказа, его скорее можно считать осторожным молчуном. Раскрывается он только со мной, очевидно, доверяет мне. Как-то он мне рассказывал, что раньше работал в гражданском космофлоте, но

вылетел оттуда после забастовки около трех лет тому назад.

— Было такое. Шестой транспортный флот, служащие выступили против урезания отпусков и премиальных и потребовали смены проворовавшегося начальства. Все их требования были строго законными, и они имели немалые шансы на успех. Но руководителей стачки занесло, они ударились в политику, и дело закончилось массовыми увольнениями.

— Сходится. Боорк говорил о Шестом транспортном. После увольнения он некоторое время перебивался случайными заработками, а когда в прошлом году объявили дополнительный набор пилотов в Военный Космофлот, подал документы, даже не рассчитывая на успех. Рассказывал, что был очень удивлен, когда его взяли.

— Тоже может быть. При нашем дефиците штурманского состава взяли бы и демона с рогами, не только уволенного забастовщика. Но меня, признаться, даже при такой бурной биографии беспокоит его избирательная откровенность.

— Я считаю, этому могут быть только два объяснения: или Боорк действительно доверяет мне, или это высококлассная внедренка, рассчитанная именно на меня.

— Опасные выводы. И к какому вы пришли?

— Знаете, — Куоти задумался. — Мне кажется, Боорк не внедренка… Ну, вы со мной давно знакомы… У меня есть это… чутье, что ли… Я чувствую, Боорк именно тот, за кого он себя выдает. Он… свой. И, наверное, ощущает во мне своего. Разрешите контакт. Я попробую уговорить его не отказываться от командировки к эсбистам. Если вы говорите, что это серьезно, нам будет полезен любой информатор.

— Хорошо. Но с одной коррективой. На контакт пойду я.

— Вы?!

— Да. Завтра меня командируют на вашу базу, на три дня. Как технического консультанта. Я выйду на Боорка.

— А риск? Вам-то никак нельзя рисковать.

— Риска почти не будет. У меня, в отличие от вас, есть надежные технические средства…

На этом они распрощались. Куоти пошел получать у кладовщика свои детали по накладной, а Стрелок, посмотрев на часы, связался с кем-то по браслету личной связи и снова прислонился к контейнеру, потягивая мелкими глотками нагревшееся пиво.

Ждал он недолго. Снаружи послышались шаги, пыхтение, и в закуток с трудом протиснулся толстяк в космофлотовском мундире с зелеными нашивками добровольца и двойной цепью медицинской службы в петлице.

— Заходи, — встретил его Стрелок. — Садись, выбирай себе бутылочку пива, они все холодные.

Толстяк споткнулся о ящик, коротко ругнулся, присел, осторожно вытянув ноги, и немедленно влил в себя целую колбу пива.

— Узнаю твои штучки, Реэрн. Вечно ты выбираешь для встреч всякие неудобные каморки.

— Без имен, — поморщился старший-один Реэрн, он же Стрелок. — Или от радости? А, друг Тертый?

— В чем дело? — насторожился Тертый. — Тут что, нечисто? Да, нет, не может быть, ты же сам, наверно, проверял? Или нет?

— Чисто, чисто, "клопов" нет, — успокоил его Реэрн. — Но все равно. Ты же не новичок.

— Ладно. Ты, как всегда, невозможный педант.

— Зато живой и здоровый.

— И работаешь под своим именем. С твоим-то стажем. Согласись, роскошь.

— Так надо не попадаться, — улыбнулся Реэрн. — И быть поосторожнее.

— А еще лучше – держаться в резерве. Да ладно, ладно, Стрелок, не обижайся. Я же знаю, чей это был приказ. Только все равно ты у нас везучий, черт!

— Да и ты тоже, — погрустнел Реэрн. — А сколько еще осталось таких везучих? Ты, да я, да Первый, да еще двое-трое…

— А какие были времена, — вздохнул Тертый. — Эх, молодость… Тридцать лет уже прошло… Тридцать лет…

— Не переигрывай, Тертый. Ты никогда не страдал излишней сентиментальностью. Давай вернемся лучше к сегодняшним делам.

— Ладно, — согласился Тертый. — К делу, так к делу. Итак, твое окончательное решение.

— Оно все то же, Тертый, все то же. И незачем было настаивать на новой встрече.

— Значит, ты против исключения группы Скитальца. Что же, ты опять в меньшинстве. Не больно ли часто?…

— Быть в меньшинстве – самое обычное дело для любого мыслящего человека, — возразил Реэрн. — Кстати, к слову сказать, ты и сам неоднократно был в меньшинстве. Притом и по такому важному вопросу, как создание Объединенного Комитета.

— Не проводи таких параллелей. Да, я был в меньшинстве, но я подчинился решению Центра и больше не имею с ним разногласий на этот счет. А ты противопоставляешь себя Центру, ты всегда оказываешься в меньшинстве.

— Заметь, в Объединенном Комитете уже не в таком и

меньшинстве. Чаще всего бывает наоборот.

— Не передергивай. Речь идет не о нем, а о нашем Центре. Да, я считал и считаю, что либеральные профессора и всякие отмороженные террористы для нас не более чем временные попутчики. Но я подчинился решению Центра, я согласился, понял, что для нас сейчас важнее всего консолидация сил. А после победы, в чем со мной, кстати, согласно большинство, мы должны будем с ними решительно размежеваться и повести беспощадную идеологическую борьбу.

— Вот-вот. Борьбу. Идеологическую. А те самые, как ты выразился, либеральные профессора, которые, может быть, ничего не понимают ни в конспирации, ни в организационной работе, разбираются в экономике получше всех нас, кроме, наверное, Первого. В то время как наша программа, боюсь, смахивает на утопию. И насчет победы… Знаешь, Тертый, мы с тобой старые друзья, и я тебе признаюсь. Иногда я со страхом думаю, что будет, если мы действительно победим и придем к власти. Мы привыкли делить мир на черное и белое и не признаем полутонов. Всю жизнь мы боремся, боремся с сильным и опасным врагом, и когда его вдруг не станет, мы, боюсь, не сможем остановиться. И разрушив мир насилия и несправедливости, как бы нам не построить новый, по его образу и подобию. Ведь это так просто – вести беспощадную идеологическую борьбу, исключать из Союза, судить партийным судом… И совсем просто будет, думаю, научиться ссылать, заключать в тюрьмы, расстреливать… Мы ведь все ужасно нетерпимы, не выносим разногласий и уж особенно не любим, когда кто-либо осмеливается отстаивать свое мнение. Меньшинство всегда обязано подчиняться большинству, низовые организации – Центру, который все решает, всем распоряжается и не подконтролен рядовым подпольщикам.

— А что ты еще хочешь, Стрелок?! Ты же тридцать лет работаешь с подпольем! И ты должен понимать, что при курсе на вооруженное восстание нам нужен сплоченный боевой Союз, а не дискуссионный клуб. Мы пропадем, если не будем едины! И нам сейчас не до споров и выяснений, кто прав, а кто нет. Неужели ты не понимаешь, что все эти дискуссии, платформы, фракции ослабляют нас, отнимают у нас энергию, нужную для борьбы?! Как решил Центр, так и будет, а не согласен – подчинись, так надо, или уходи, не разлагай нас своими колебаниями и не нарушай нашего единства!

— Раскол тоже ослабляет, — вставил Реэрн.

— Да. Но лучше вырезать, пусть и с кровью, чужеродное тело, чем оставлять его. Иногда споры и раздоры – это гибель. Ты сам

военный и знаешь – приказы не обсуждают! Да и согласись: ведь Скиталец и его группа не правы! Не правы! Этого ты не будешь отрицать?!

— Нет. Я тоже не разделяю их точки зрения. Но нельзя лишать людей права на свое мнение, пусть и не совпадающее с мнением большинства. В конце концов, что бы они ни думали, они тоже работают на революцию. Вместе с нами. Наш главный враг – власть, а не наши же товарищи, которых нельзя лишать права на инакомыслие! Да, нам нужны централизм, сильное руководство, дисциплина, но нельзя же превращать их в диктатуру Центра!

— Ты так не любишь этого слова, Стрелок! Но что бы ты не говорил, а нам не обойтись без диктатуры, особенно, после победы. Ты назвал нашу программу утопией, а я считаю таковой воззрения твоих любимых демократов. Демократия?! Да мы жили без всякой демократии семь веков! Тысячу лет! Тысячу! Ты все время летаешь по космосу и просто не видишь, сколько горючего материала накопилось в обществе! С одной стороны, нас это не может не радовать: стоит нам выступить, и рванет так, что все разрушит до основания. Но затем?! Что затем?! Ты думаешь, все эти люди немедленно переродятся в свободных творческих личностей и с радостью начнут строить демократическое общество?! Демократия – это красивая сказка, легенда о прекрасном прошлом, а в реальной жизни всем легендам и сказкам – грош цена! Ты помнишь эксперимент в 26-й провинции? Да нет, откуда тебе, ты же там был всего дважды и все восторгался переменами! А ты знаешь – да нас всех это тогда просто убило – сколько там всплыло наверх всякого дерьма?! А ведь в 26-й только чуть-чуть – чуть-чуть – приотпустили вожжи! А что будет, если их совсем убрать?! Да с твоей демократией во власть полезут всякие подонки, мерзавцы и безответственные крикуны. Нет, Стрелок, нам не обойтись без диктатуры! Нам надо будет по капле приучать народ к свободе! Воспитывать их! Направлять! Железной рукой! И на это дело уйдут годы, дюжины лет, может быть, целые поколения!

— Ага! Воспитывать железной рукой! Закаляя в потоках крови! А кто тебе будет воспитывать воспитателей?! Кто решит – готов народ к свободе или еще нет?! Да для этого лучше всего подошел бы какой-нибудь Председатель Совета Пятнадцати, все бы его слушались и менять ничего не надо было бы!

— Опять передергиваешь! Причем тут Совет Пятнадцати? Это будет наша диктатура, диктатура миллионов, миллиардов ограбленных, угнетенных, обездоленных над теми, кто угнетал их, обкрадывал, жил за их счет! Это будет диктатура

большинства, диктатура народа!

— Любая диктатура есть диктатура меньшинства! И не обязательно это новое меньшинство будет разделять твои благородные идеи постепенного перевоспитания масс. Да, я знаю, что Первый будет идеальным правителем, но ведь и он не вечен! А случись что с ним, как защититься от прихода к власти какого-нибудь честолюбивого подонка? Он может быть одним из нас, говорить те же слова, что и мы, только громче всех, проявлять необходимую твердость в перевоспитании и принципиальность в дискуссиях… Он будет для всех нас преданным борцом и способным организатором, другом и товарищем… до тех пор, пока не получит из наших же рук власть – абсолютную, несменяемую, не подверженную никакой критике! И все, мы пропали! Ведь изменить уже ничего будет нельзя, наша же дисциплина свяжет нас по рукам и ногам. И все закрутится по новой – ссылки, тюрьмы, казни, расправы с инакомыслящими, с теми, кто не поддается перевоспитанию… Да, что с ними еще делать? В расход!… И знаешь, я как инакомыслящий вовсе не желаю из-за своего инакомыслия оказаться расстрелянным своим же бывшим товарищем. Как-то неинтересно.

С минуту оба молчали. Затем Реэрн заговорил снова.

— Ладно. Обменялись мнениями. Расскажи лучше, как там наш бюллетень. А то собираешь для него информацию, а конечного результата обычно и не видишь.

— А, Хроника текущих событий? — с гордостью улыбнулся Тертый. — Все путем. Обыватели в восторге, начальники трепещут. Только вот что… В последнее время я чувствую: что-то неладно. С одной стороны, нам, вроде бы, не мешают. Иногда, мне даже кажется, кто-то умело подталкивает нас, подсовывает темы. А с другой… При Кооге нас преследовали, гоняли, но зато – чувствовалось, что нас читают. Порой, ну, ты сам знаешь, прямо гордился – тут одного по нашей наводке сняли, там другого посадили. А сейчас… Никакой видимой реакции. А как ты? Не чувствуешь изменений?

— Нет, — пожал плечами Реэрн. — У нас все то же. Работаем. Собираем информацию. Ждем дня "Д".

— Ну, ждите. Побереги себя, Стрелок. Я говорю тебе это и как друг другу, и как член Центра и Объединенного Комитета члену Центра и Объединенного Комитета. Мне будет очень не хватать тебя, если с тобой что-то случится.

— Мне тоже. Но у меня пока спокойно. Провалов не было. И шевеления… ну, такого…вокруг не чувствую.

— А помнишь, как мы провалились в первый раз? Еще тогда, с листовками? Ну, когда мы еще только создали наш кружок?

— Конечно. Мы на диво легко отделались.

— Да. Только беседой с местным шефом СБ. Он, помнится, обозвал нас сопляками и прогнал домой…

— Чтобы мы не портили ему отчетности…

— А тот случай помнишь, когда к нам пришли прямо на собрание, и мы передали все материалы тебе. А ты, как курсант, был вне подозрения, тебя даже обыскивать не стали. Ты еще сказал тогда, что пришел вместе с Лией к ее друзьям…

Тертый осекся.

— Прости, Стрелок. Прости, пожалуйста. Как же я мог забыть, осел толстокожий!?

— Поэтому я и не люблю воспоминаний, — с грустью сказал Реэрн. — У меня слишком хорошая память. Вот уже пять лет прошло, а я все помню… Как прощались тогда… Что она сказала… Во что была одета… Наверное, мы все же слишком любили друг друга. И заплатили за это сполна. Такая нелепая, подлая смерть… А я… Это моя беда, я все помню и до сих пор не могу примириться с ее гибелью… Никогда… Время не лечит раны, оно только немного затягивает их… Ладно… Прости, Тертый. Это все переутомление. Слишком много приходилось работать в последние дни. Слишком много этой подлой работы… Что-то разговорились мы сегодня. Мне пора, да и тебе тоже.

— Хорошо, — поднялся с места Тертый. — Прощай. Доживем – увидимся.

— Увидимся – доспорим, — отозвался Реэрн.

Их ладони на секунду соприкоснулись. Затем Реэрн аккуратно собрал в ящик пустые колбы и вышел из закутка. Тертый, прождав полминуты, тоже протиснулся вслед за ним. Он не торопился. Ему, фельдшеру с курьерского корабля, еще надо было получить на складе новую ультрафиолетовую лампу взамен перегоревшей…

Глава 29. Чем вы лучше их?!

— Все, — счастливо выдохнул старший штурман Маард, финальным нажатием клавиши отправляя громоздкий отчет о проверке навигационного оборудования по назначению. — Реэрн, вы наш спаситель.

— Пустяки, шкип, — отозвался Реэрн, помогая Боорку поставить на место кожух. — В конце концов, я не люблю долго сидеть без дела.

— Нет, — с чувством произнес Маард. — Я как-то обязан вас отблагодарить. Боорк, вы не обидитесь, если я от вашего имени предложу Реэрну приют и ночлег? К сожалению, моя каюта уже занята.

— Нисколько, шкип, — улыбнулся Боорк. — Вы просто опередили меня. Я с радостью предлагаю вам место в своей каюте. Вы избавили нас с Маардом от целого дня утомительной работы, и мы просто не имеем права отослать вас в гостевой кубрик, где не в порядке вентиляция и смердит, как в душном подвале.

— Я вам очень благодарен, — наклонил голову Реэрн. — Признаться, я уже давно беспокоился о том, как и где проведу ночь. С удовольствием принимаю ваше приглашение.

— Вот и отлично! — воскликнул Маард. — Вы сейчас пойдете вместе с Боорком?

— Не знаю, — пожал плечами Реэрн. — Возможно. А может быть, прогуляюсь по окрестностям. У вас чудесные места.

— Воистину, чудесные, — вздохнул Маард. — Если держаться подальше от этой проклятой стройки. К сожалению, не могу составить вам компанию. Проклятые отчеты, кто их только понавыдумывал!

— Пожалуй, нам все равно надо будет сначала зайти ко мне в каюту, — озабоченно сказал Боорк, проводив взглядом старшего штурмана. — Не будете же вы везде ходить с вашими инструментами.

Реэрн согласно кивнул и, подхватив чемоданчик с аппаратурой, зашагал вслед за Боорком.

В коридорах жилой палубы было тихо. Только шумел где-то за углом автомат-уборщик, да где-то в отдалении слышался недовольный голос старшего механика.

— Вы нам сегодня здорово помогли, — сказал Боорк, останавливаясь у дверей своей каюты. — Раз, два и готово.

— Это моя работа. Так же как ваша – пользоваться этим

оборудованием, а не проверять его.

— Да, но по инструкции мы обязаны заниматься и тем, и другим. Нет, я, конечно, понимаю, что это необходимо делать, но эти идиотские инструкции больше мешают нам, нежели помогают. Я думал, здесь, в военном космофлоте порядка больше, чем в гражданском, а оказалось чуть ли не наоборот.

— Вы правы. Но иногда нет худа без добра. Как сейчас, например. Вы отчитались о завершении подготовительных работ, по графику за этим следует установка оборудования, вот меня и отправили к вам в качестве технического эксперта. На самом же деле, работы еще до конца не выполнены, приборы, с отладкой которых я должен помочь, еще не установлены – так мне и удалось оказать вам небольшую услугу.

— Скромность украшает человека, — улыбнулся Боорк, открывая дверь. — Заходите.

— Минутку…

Реэрн достал из кармана небольшую черную коробочку, из которой высунулась антенна. Стоя на пороге, Реэрн сосредоточено водил ей из стороны в сторону, затем нажал на кнопку сбоку коробочки, пропустил в каюту Боорка, зашел сам и закрыл за собой дверь.

— Вот и все, — весело сказал он, засовывая коробочку обратно. — Теперь порядок.

— Порядок в чем? — заинтересовался Боорк.

— Я заблокировал следящее устройство. Ваша каюта, как, впрочем, и все остальные, под наблюдением. Разве вы этого не знали?

— Нет, не знал. А что теперь показывает это устройство?

— Что в каюте по-прежнему никого нет. Теперь нам можно спокойно поговорить. А я бы хотел поговорить с вами. Сразу скажу, я не представляю ни СБ, ни конкурирующую фирму. Скорее, нечто противоположное. Понимаете?

— Понимаю. И кроме того, понимаю, что у вас ко мне какое-то дело. Я вас слушаю, хотя заранее предупреждаю, что это безнадежно. Кстати, а вы не боитесь, что я после этой беседы донесу на вас в спецотдел?

— Я знаю, что вы – честный человек, — покачал головой Реэрн. — И знаю, что вы – не сторонник существующего порядка. Я верю в вас.

— Даже так? — усмехнулся Боорк. — Интересно, а на чем основана ваша вера? Я бы на вашем месте поостерегся. Посудите сами, мало ли чего можно ожидать от трусливого предателя, подлого дезертира с фронта борьбы за освобождение трудового народа, грязного пособника кровавых подонков из Военного

Космофлота? Что вы на это скажете, коллега кровавый подонок?

— Вы – честный человек, — повторил Реэрн. — Я вас не осуждаю и ни в чем не обвиняю. Очень сожалею, что с вами так обошлись. Прошу вас, выслушайте меня. Мы полностью доверяем вам и нам нужна ваша помощь.

— Кажется, я должен сейчас со счастливыми слезами на глазах благодарить за возвращенное доверие, — язвительно сказал Боорк. — Извините, я не хотел вас обидеть. Но должен сказать вам, я уважаю вас как хорошего человека и хорошего специалиста, но как подпольщику вынужден отказать. Не надо думать, что я полностью перековался. Стать образцовым офицером Военного Космофлота и образцовым подданным Его Императорского Величества мне, увы, оказалось не под силу. Но от вашего движения я отошел. Решительно и окончательно.

— Вы не верите мне, — с огорчением заключил Реэрн. — Понимаю вас. К сожалению, мне нечем доказать, что я не провокатор.

— Почему, я верю вам. Зачем спецотделу или Службе устраивать со мной такую комедию? Но поверьте и вы мне. Я действительно вышел из ваших рядов. Вышел, потому что потерял самое главное. Я потерял веру в победу и веру в справедливость дела, за которое боролся. И не думайте, что я оправдываюсь, подвожу, так сказать, идеологическую базу под свое отступничество. Я вообще никогда не оправдываюсь, это не в моих правилах. Просто… знаете, иногда хочется поговорить с человеком, который бы тебя понял…

— Я постараюсь понять вас.

— Хорошо. Тогда слушайте. Я много размышлял. У меня, знаете, для этого было достаточно свободного времени. И я понял, что вы не сможете победить. Ваш противник слишком силен. На его стороне все – сила, власть, деньги, оружие, информация, многовековой страх, уже вошедший в гены, въевшийся в плоть и кровь. Это слишком простая машина, чтобы ее можно было сломать и слишком громоздкая, чтобы свалить.

— Она только выглядит страшной. На самом деле эта машина давным-давно проржавела насквозь. Экономика полностью развалена, повальная коррупция, постоянный дефицит, нехватка самого необходимого, удушающее господство бюрократии – все это уже стало нетерпимым, завлекает в ряды недовольных миллионы и дюжины миллионов. Даже тех, чьи деды-прадеды как огня боялись всякой политики! Часть из них поддержит нас, когда мы выступим, а остальные и пальцем не пошевелят, чтобы защитить старые порядки. Вы же сами должны видеть: власть растеряна, она сама боится нас, а люди, наоборот, перестают

бояться! Нам по силам свалить эту старую машину!

— Наверное, то же самое говорили и триста лет назад, перед Великим Восстанием. А закончилось все атомным ударом по Столице. Тогда погибло пятьдесят миллионов, а сколько погибнет теперь?! Вы так легко призываете народ к восстанию! Я знаю ваши прогнозы, потери должны составить от пяти до десяти миллионов человек. Вы готовы смириться с этим! Что для вас один-два миллиона погибших?! Ради благой цели…

— Если вы не верите в восстание, есть еще и демократы. Недавно мы с ними объединились.

— Эта так называемая легальная оппозиция? Они никогда и ничего не добьются. С системой, проповедующей насилие и опирающейся только на насилие, бороться можно только насилием. Я не верю, что можно что-то изменить с помощью обращений и петиций. Эта система давно отвергла здравый смысл, и апеллировать к нему бесполезно. Но главное даже не это. Чем вы лучше их?! Вы же плоть от плоти все той же системы, у вас культ единомыслия, ваш бог – дисциплина! Вы так же легко бросаетесь чужими жизнями! Что изменится, если у власти окажутся не они, а вы?! Хотя нет, нет, изменится, и еще как! У вас ведь есть идеалы! Вы мечтаете перевоспитать массы, превратить озлобленных, вороватых, трусливых, эгоистичных, невежественных людей в граждан свободного общества будущего, где правят альтруизм, закон и экономическая целесообразность! Какие благие намерения!… И куда они вас заведут?!… Да у вас не хватит ни терпения, ни снисходительности, а слово "гуманизм" наводит на вас скуку! Вы начнете силой подгонять людей под свой идеал, и тогда прольется столько крови, что любой из тиранов древности, даже Тинкоу, на чьей совести Великое Восстание, покажется рядом с вами невинным проказником!

— Но послушайте, подобных радикалов среди нас не так уж и много. Не спорю, это заметное, яростное, крикливое, но тем не менее, меньшинство. Не слушайте этих крикунов, они только порочат наше движение!

— О, нет, меня волнуют как раз не крикуны. А сдержанные, здравомыслящие люди дела… вроде вас. Это они придумали и ввели в практику принцип, что нравственно все, что идет на пользу революции. Чем хуже, тем лучше – так, кажется, звучит ваш девиз? Вы, наверное, слышали о нашей забастовке три года тому назад? Шестой транспортный флот. Мы поднялись, потому что у нас не было больше сил терпеть. И смотреть, как обогащается за наш счет потерявшее всякую меру начальство. Я не был ни одним из руководителей, не был и членом подполья, а только, как вы говорите, сочувствующим. Но это я предложил

обратиться к вам за помощью. Нам тогда была необходима огласка, иначе нас просто задушили бы втихую… Ваши товарищи высмеяли наше мещанское желание выторговать себе более пристойные условия жизни. Постыдно думать о собственном благополучии, когда весь народ задыхается в цепях рабства… Они были так бескомпромиссны. Они настояли, чтобы мы включили в наши требования то, ради чего стоило бороться. Ответственное перед народом правительство, роспуск Совета Пятнадцати, передачу управления флотом в руки рабочих комитетов… Большего подарка нашему начальству трудно было и представить… После увольнения я некоторое время продолжал сотрудничать с вами. Выполнял кое-какие поручения. Со временем я прозрел, увидел: для вас люди – не более, чем средство, дешевый расходный материал… Вы называете грабежи эксами, а убийства – акциями возмездия, но от этого они не перестают быть грабежами и убийствами… Извините, Реэрн… Поэтому я отошел. У меня нет никакой позитивной программы, полная безнадежность. Я не с ними, но и не с вами. И я держу свой личный нейтралитет.

— Жаль, — со странной интонацией произнес Реэрн. — А ведь знаете, мы с вами в некотором роде единомышленники. Мы опасаемся одних и тех же вещей, правда, я, как подпольщик, имею возможность бороться со всем этим злом изнутри. И все же, послушайте меня. Помощь, о которой я вас прошу, нужна не нам. Речь идет о жителях Филлины.

Боорк молчал, поэтому Реэрн после непродолжительной паузы продолжил.

— Прошу вас, не отказывайтесь от работы в корпусе "Н". Мы должны знать, что там происходит, какую судьбу готовят филитам в Службе Безопасности. Может быть, зная эти планы, мы сумеем расстроить их.

— Простите, — глухо сказал Боорк. — Я не способен на такую работу. Я не могу. Я сказал это своему командиру, а теперь говорю и вам. Я, наверно, слишком брезглив, но я не смогу как ни в чем не бывало работать в компании этих… ученых, слушать, как они обсуждают свои планы, может быть, даже самому принимать в них участие… Я не могу… Вам нужны борцы, а я, к сожалению, не борец. Да и какая может быть помощь от предателя и пособника кровавых подонков?

— Да оставьте это, — скривился Реэрн. — Стоит ли постоянно вспоминать какого-то крикуна? Поверьте, я вместе с вами осуждаю этого дурака.

— Я? Осуждаю? — переспросил Боорк. — Да никогда в жизни! Он ведь прав. Я действительно и предатель, и пособник, и

подонок. То, что мы делаем на этой планете, — преступление, но у меня нет сил протестовать, да и мой протест ни к чему. Я сам себя осудил и признал виновным. За что – сложно выразить. Но если дело дойдет до того, что меня выкинут и отсюда, я все равно не отступлюсь. Меня согнули, но я выпрямляюсь. И не мешайте мне выпрямиться!

— Хорошо, — вздохнул Реэрн. — Я уважаю ваш выбор и не буду оспаривать ваше решение. Тогда наш разговор окончен, хотя мне и очень жаль, что вы отклонили наше предложение. Теперь давайте выйдем на минуту.

— А это зачем?

— Я же заблокировал следящее устройство. Его нужно снова разблокировать. А чтобы никто не заметил подвоха, надо, чтобы каюта была пустой.

— А не засекут? Ведь все это время мы, получается, совсем выпали из их поля зрения.

— Нет, не засекут. На подобные мелочи обращают внимание, только если вы "под колпаком", то есть, за вами установлена слежка. А это все – так, профилактическое наблюдение. Спецотдел на том всегда и прокалывается, что пытается следить абсолютно за всеми. Поэтому для серьезной работы у него не хватает ни людей, ни времени. Служба намного квалифицированнее и опаснее, но ее, слава Звездам, здесь нет.

— Вы меня убедили, — с подчеркнутой серьезностью сказал Боорк, поднимаясь с места. — Я готов.

— И еще одно, — нехотя сообщил Реэрн. — Я вам, бесспорно, доверяю, но вы можете попасть в переделку. Небольшая мера предосторожности с моей стороны. Я вынужден стереть из вашей памяти наш разговор. Это совершенно безопасно и затронет только вашу короткую или, можно сказать, оперативную память. Все прочие ваши воспоминания останутся в неприкосновенности.

— Да? А я, признаться, был бы не против избавиться от некоторых из них. Я не возражаю. Сам понимаю, что в ближайшее время могу угодить в оборот. Жаль, что я забуду, что, наконец, выложил начистоту все, что наболело, — мне давно это хотелось сделать. Ну да ладно…

Они вышли из комнаты. Реэрн огляделся по сторонам. Коридор был пуст.

— Одну минуточку, — пробормотал он, доставая из кармана знакомую коробочку с антенной.

Боорк недоуменно потряс головой. Он стоял на пороге своей каюты, а у него за спиной немного натянуто улыбался Реэрн, офицер, командированный с Центральной базы. Несколько секунд

Боорку казалось, что он забыл что-то важное, что-то мелькало у него в голове, но все время ускользало, однако это ощущение скоро прошло. Он приветливо улыбнулся Реэрну.

— Заходите, прошу вас. Особого комфорта не обещаю, но все будет в наилучшем виде.

Следующее утро началось с того, что Боорка вызвал к себе командир.

— Утро – прекраснейшее время суток, — философствовал Реэрн, глядя, как Боорк поспешно приводит себя в надлежащий вид. — Утром человек должен быть бодр и весел, особенно, когда его вызывает начальство, а может, и несмотря на это. К тому же, скажу по своему опыту, утро – самое лучшее время для принятия ответственного решения. В это время суток человеку свойственно рассуждать наиболее здраво. Удачи вам. Надеюсь, что все обойдется.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарил Боорк.

Он напряженно думал, что все-таки скажет командиру. Возбуждение последних дней прошло и Боорк, рассуждая действительно здраво, пришел к выводу, что генерал Пээл вряд ли станет доводить дело до крайних мер. Такое ЧП, как арест офицера, пусть даже и добровольца, за невыполнение приказа, могло бросить тень, в первую очередь, на него самого. Поэтому Боорк решил, что сможет добиться какого-то компромисса и избежать откомандирования к эсбистам. В конце концов, размышлял он, неприязнь к Службе Безопасности считалась хорошим тоном среди офицеров космофлота. А чтобы генерала не слишком раздражало его безделье, можно попроситься, скажем, в помощники к Реэрну. Он сам говорил, что один за оставшиеся у него два дня не справится…

С этими мыслями Боорк нажал кнопку вызова на двери командирской каюты. Над дверью мигнул оранжевый огонек разрешающего сигнала.

Командир сидел за своим рабочим столом, заваленным компьютерными распечатками.

— Заходите, Боорк, — сказал он, с видимым отвращением отодвигая на край стола стопку бумаг. — К сожалению, вынужден сообщить вам, что мы с вами скоро расстанемся.

Пээл сделал паузу, наблюдая, какой эффект произвели его слова, но Боорк спокойно стоял по стойке смирно, и лицо его не выражало никаких эмоций. Поэтому генералу пришлось продолжить.

— Вам надлежит вернуться в Метрополию и получить новое назначение в управлении кадров Космофлота. Вашу личную

карточку, Боорк… Отлично… Вот… Ваше направление. Проездные документы и командировочные получите в канцелярии.

Дождавшись, когда принтер выплюнет лист с предписанием, командир стремительно поставил на нем свою подпись, протянул лист Боорку и удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Официальная часть закончилась. Начиналась неофициальная.

— Вы – везучий человек, Боорк, — ворчливо произнес командир. — Вы позволяете себе игнорировать и даже нарушать приказы вышестоящего командования. Более того, вы допускаете прямое неповиновение, и я просто удивляюсь, как вам все это сходит с рук. Я допускаю, что некоторые из ваших нарушений объективно послужили интересам дела, но – командир значительно поднял палец – но мы служим в Военном Космофлоте, и вопросы дисциплины и беспрекословного, подчеркиваю, беспрекословного подчинения приказам командиров и начальников здесь более важны, чем даже так называемая целесообразность. Если каждый офицер вместо безоговорочного исполнения приказов станет оценивать их с точки зрения своих моральных категорий или целесообразности, это будет уже не Военный Космофлот, а неизвестно что! Запомните, Боорк, это закон, и не вам или мне его изменять. И вам не избежать серьезных неприятностей, если ваш следующий командир окажется менее либеральным.

— Я понял, ваше превосходительство, — вставил в паузу Боорк.

— Вы показали себя неплохим специалистом, — продолжал командир. — И вы получите благоприятную характеристику. Но еще раз повторяю, чтобы оказаться достойным этой характеристики, от вас требуется, в первую очередь, повиновение. Надеюсь, на новом месте вы не позволите себе никаких нарушений. Вы меня поняли?

— Да, ваше превосходительство, — сказал Боорк, стараясь придать голосу максимальную серьезность.

Командир сделал еще одну паузу и уже совсем неофициальным тоном добавил.

— Послушайте, Боорк, вы отправляетесь в Столицу. Не могли бы вы оказать мне одну небольшую услугу? Когда будете в управлении, разыщите там заместителя начальника отдела топливного снабжения старшего-один Крагзаана. Не забудете? Передайте ему вот это письмо – порывшись в бумагах, командир протянул Боорку небольшой белый почти квадратный бумажный конверт. — Понимаете, один мой знакомый пишет там о сугубо личных вещах и не хочет пропускать их через цензуру. Положите

просто в карман. Он, видите сами, совсем тонкий, никто не обратит внимания, а анализаторы при проверке его не заметят. Надеюсь, вы не откажетесь, Боорк?

— Ни в коем случае, ваше превосходительство, — с должной почтительностью ответил Боорк. — Буду рад оказать вам эту услугу.

— Вот и славно, — благодушно заметил командир. — В общем, скажете этому Кратзаану, что вы с Филлины, и имеете с собой весточку от его родственника. Он знает, от какого. Вы меня поняли? Отлично. Можете идти. Счастливого вам пути…

— Боорк, вы сияете, как новенький отражатель! Все обошлось?… Даже так?… Поздравляю, это действительно удачный выход… Когда вы летите? Завтра?… Я извиняюсь, Боорк, вы не могли бы оказать мне одну небольшую услугу?… Я понимаю, это, конечно, нарушение, но это будет совсем маленький пакетик, причем внутри – бумага, только бумага. На нее никогда не обратит внимания ни один анализатор. Хорошо?… Вот спасибо вам, вы меня просто выручили. Сами понимаете, есть вещи, которые не хочется давать через цензуру… Значит, как будете в Столице, разыщите на улице Сияющих Высот книжный магазинчик под названием "Академия". Это номер третий, по-моему. Там есть такой лысоватый продавец, он всегда в зале, его зовут Саэнк, Аари ре-Саэнк. Только прошу вас, передайте лично ему, никому другому. Скажете, что вы с Филлины, и что у вас большая почта от Стрелка. Да-да, именно так. Большая почта от Стрелка. Стрелок – это я. Так меня когда-то прозвали, еще в юности. Саэнк знает. Договорились?… Тогда я передам вам пакет сегодня вечером. И удачи вам, Боорк!

Реэрн еще что-то говорил, но Боорк уже и не слышал. Его переполняла радость. Филлина, пленные, мучительное чувство вины и бессилия – все это оставалось позади. Дальнейшее будет происходить уже без его участия.

Боорк понимал, что эта радость – не надолго, что голос растревоженной совести так просто не заглушить, но сейчас он был счастлив. Перевод в другое место был во всех отношениях наилучшим вариантом.

Глава 30. Стальные крысы

— Послушайте, а какое сегодня число? — вдруг спросил Леттер Ярки.

Гредер Арнинг медленно распрямился, отбросив в сторону большой кусок бетона с торчащей арматурой.

— Двадцать второе, кажется. Или, может быть, двадцать первое.

— Оставьте эти пустяки, молодые люди, — сурово потребовал инженер Диль Адарис, невысокий изможденный человек неопределенного возраста. — Сегодня день восьмой пришествия ада на землю, и иные календари нам более уже не нужны.

— Всего восьмой… — словно не веря, произнес Ярки. — Тогда точно двадцать второе. Представляете, ребята, у меня сегодня день рождения. Двадцать три года.

— А я с самого утра жду, когда ты вспомнишь, — усмехнулся бригадир спасателей Дарин Кедерис. — С днем рождения тебя, Лет! Поздравляем! Давай, доктор, неси!

Доктор Тайдемар Станис, свояк Арнинга, женатый на Кэрт Калансис, старшей дочери президента, спустился к автокрану и вернулся с большим пакетом от универмага "Саркис и Мэнсер". Вокруг Ярки уже собралась вся бригада, включая крановщика Нейла Вифиниса.

— Это тебе от всех нас, — гордо сказал Кедерис, протягивая пакет. — Давай, не трать время, разворачивай.

Первой из пакета появилась серебристая плоская зажигалка.

— Вечная, — с удовлетворением заключил Нейл Вифинис. — Фирмы "Чеспо". Ее никакой ветер не задует, а работает на любой горючей жидкости – от керосина до… гм… спирта.

Кроме зажигалки, в пакете была одежда – клетчатая фланелевая рубашка в магазинной упаковке, толстые шерстяные носки, защитного цвета утепленная ветровка, и обувь – крепкие зимние ботинки на рубчатой подошве.

— Ребята… — бормотал счастливый Ярки. — Да вы что… Это же все сейчас на вес золота… Спасибо вам всем…

— Прямо все как в мирное время, — вздохнул Диль Адарис, поспешно отворачиваясь. — День рождения… в аду…

— Не подавайтесь, — шепнул ему Гредер Арнинг. — Уныние – тоже смертный грех. Люди должны черпать силы друг в друге.

Арнинг понимал глухое отчаяние Адариса. Инженер не мог простить себе, что уехал в Галану по служебным делам буквально накануне войны, оставив семью во Фраувенге, откуда уже давно

не поступало никаких известий. Однако Адарис искал утешение в религии и, возможно, находил его. Арнинг же – не мог…

Тем временем, бригада, собравшись вокруг Ярки увлеченно распевала.

— С днем рожденья те-бя, поздравляем те-бя! С днем рождения, Леттер, с днем рожденья тебя!

Внезапно в хор поздравлений вплелся посторонний звук. Розыскная собака Тример, тоже полноправный член бригады спасателей, громко повизгивая, крутилась на одном месте шагах в двадцати и пыталась лапами разгрести куски искореженных перекрытий.

— Неужто кто-то живой? — сразу подобрался Кедерис. — А ну, ребята, давайте все сюда, поднажмем!

Для Гредера Арнинга эта работа уже успела стать привычной. Руки сами знали, что им делать, обходясь без участия головы. Обычно за работой он пытался вспомнить давно прочитанные книги или некогда увиденные кинофильмы, но сейчас в голову упорно лезло и стучало, как метроном: "День восьмой, день восьмой, день восьмой…"

День первый. Воздушная тревога перед рассветом. Крики, детский плач, суматоха, полуодетые люди, мечущиеся по улицам, глухие разрывы бомб на городских окраинах. Запоздавшее сообщение о вторжении пришельцев. Еще кажется, что все не так плохо: восточные и северные земли почти не затронуты, армия приведена в боевую готовность и дает отпор. В Галане еще горит в домах свет, из кранов льется вода, по единственному работающему телеканалу показывают сюжет с разрушенным до основания центральным вокзалом. Обращение президента по радио. "Коварный удар… Враг силен, но мы защищаем свою землю… Предательство Горданы… Соблюдайте спокойствие и порядок… Эвакуация из крупных городов…". В магазинах столпотворение. С прилавков и полок сметается все – продукты, одежда, лекарства, хозяйственные товары… К вечеру выходит постановление муниципального совета о введении карточек на продовольствие.

День второй. Снова бомбежки. Главный удар направлен, как и вчера, против промышленности, но достается и жилым кварталам. По улицам струятся потоки воды из разрушенных труб. Уже нет ни воды, ни света, не подается газ. Осень стоит холодная, но отопление тоже отключено. Магазины закрыты, везде стоят очереди. За продовольственными карточками, за горячим супом, на эвакуацию… Появились мародеры, по очередям ходят слухи, что пойманных с поличным расстреливают на месте. Радиоприемники на батарейках пока работают, но

хороших новостей все меньше и меньше. Чинетская авиация героически погибла, и лавине бомб и ракет с неба уже нечего противопоставить…

Вечер. Арнинг спешит домой. Завтра рано утром они покидают город, и нужно собраться. Но вместо дома – развалины. Бригада спасателей пытается разобрать завал. Арнинг бросается им на помощь. Рядом с ним – инженер из Фраувенга Диль Адарис, чья двоюродная сестра живет в том же доме. Здесь же и свояк, доктор Станис. Он врач бригады.

Ночь. Где-то – то ближе, то дальше – продолжают падать бомбы, но спасателям все равно, и работы продолжаются при свете керосиновых фонарей. Бригада наконец докапывается до бомбоубежища, и из-под развалин начинают выносить живых. Но все больше – трупы, трупы, трупы… К полуночи извлекают тело двоюродной сестры Адариса, почти сразу же – Рэл, обнимающую малыша. Все мертвы. Дарин Кедерис многоопытным взглядом обводит расчищенный завал и командует: "Все, ребята. Мы сделали все, что могли. Переходим на следующий объект". Вместе со спасателями уходят Арнинг и Адарис. Им больше некуда и незачем идти.

Дни третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой… Непрерывная работа, изредка перемежаемая короткими периодами отдыха в каких-то квартирах или подвалах. Арнинг старается выкладываться до предела, чтобы сон приходил как избавление, благо беспамятства, отдохновение. Но ему все время снятся то Рэл, то малыш, то родители в Самодонесе, то все вместе, и он часто стонет во сне или с криком просыпается, будя товарищей. Ему не говорят ни слова: сны у всех одинаковы.

Тяжелая работа отупляет, и в конце концов, в мозгу отключаются какие-то предохранители. Изредка только всплывают отдельные эпизоды. Леттер Ярки, извиваясь как змея, выбирается из-под завала с маленькой белокурой девочкой с испачканным, заплаканным, но ангельски прекрасным личиком. Доктор Станис делает кому-то искусственное дыхание, злобно приговаривая, почти крича: "Ты должен жить, парень! Должен жить! Должен!…". Вся бригада стоит, понурившись, вокруг поваленного набок автокрана, разбитого и заваленного обломками, затем Кедерис и Нейл Вифинис куда-то уходят и возвращаются на новом автокране. Диль Адарис читает заупокойную молитву над свежей братской могилой: "… Покойтесь с миром, братья и сестры. Пусть Единый, который оставил нас, будет милосердным к вам…".

— Внимание! — кричит Кедерис. — Все в стороны! Нейл,

вира!

Автокран медленно поднимает в воздух тяжелую бетонную плиту. Не дожидаясь, пока ее оттащат в сторону, в щель лезет маленький и юркий как рисса Леттер Ярки.

— Есть! — докладывает он. — Люди! Двое дышат!

Через несколько минут из развалин осторожно выносят светловолосую женщину с разбитой головой и девочку лет двенадцати. Над ними немедленно склоняется доктор Станис.

— Жить будут! — громогласно заявляет он. — У обеих шок, у матери, кажется, легкое сотрясение мозга, но серьезных травм нет.

Тем временем все остальные собираются в кружок над тремя трупами. Мужчина лет сорока привязан к обломкам стула. Двое других помоложе. Один, с раздавленной грудной клеткой, еще сжимает в руке небольшой дамский пистолетик.

— Тьфу! — брезгливо сплевывает Ярки. — Грабители.

— Поделом мрази, — вторит ему Дарин Кедерис. — Вот дерьмо, как беда какая, так вечно этой дряни повсюду… Помнишь, Лин, как там, в Нероне?

— А что было в Нероне? — любопытствует Ярки.

— Тогда тебя еще с нами не было. Мы там три года назад работали после землетрясения. Какие-то двое шастали по аварийным домам, да сами попались. Мы же их потом и вытаскивали. Тьфу! Один, помню, все за свою сумку цеплялся. Так сумка эта разорвалась, а там – ложки серебряные, кольца всякие, цепочки, деньги, даже коронки золотые!

— Вот сволочи! А что потом?

— Потом судили их. Я был свидетелем на суде. У одного синдром сдавливания был, ему ногу отняли, так ему дали семь лет. А второму десять.

— Ну, по развалинам лазить, это еще можно, — рассудительно сказал Нейл Вифинис. — Особенно сейчас. Так многие делают. Не пропадать же добру, если одежда какая или продукты… Хотя видел вчера одного чудика, катил за собой тележку, а там – честное слово – штук пять телевизоров! Что он с ними будет делать – ума не приложу! Но людей грабить – да эти типы хуже пришельцев!

— Хуже, — кивнул Кедерис. — И опаснее. Все, ребята. Возвращаемся к работе. Попробуем добраться до подвала, хотя, чует мое сердце, никого в живых там уже нет…

Часа через полтора, когда стало почти ясно, что Дарин Кедерис не ошибся и на этот раз, Арнинга окликнул доктор Станис.

— Гредер, оторвись на минутку. К нам гости.

Вернее, гостья. Вирта Эрилис, троюродная сестра Гредера Арнинга. Студентка-медичка, двадцать один год, стройная фигурка, светлые волосы, серые глаза, слегка вздернутый носик, милые ямочки на щеках – красивая, славная, очень жизнерадостная девушка. Для Гредера Арнинга сейчас – самый родной человек.

— Как ты, Вирта? — Арнинг обрадовано обнял сестру. — Где ты сейчас?

— Работаю медсестрой в госпитале, в бомбоубежище университета. Под началом доктора Кэрт. Она передает вам, Тайдемар, большой привет. У нее все в порядке.

— Слава богу, — вздохнул Станис. — Я уже и волноваться начал. У вас безопасно?

— Безопасней, чем вы на улице. У нас достаточно глубоко. Если бомбят где-то поблизости, только трясет. А завтра нас вообще эвакуируют куда-то на север. Говорят, под Флонтану. Доктор Кэрт меня специально к вам послала, рассказать. Уф, еле вас нашла. Теперь побегу обратно.

— Одна, пешком, через весь город? — забеспокоился Арнинг. — Это опасно! Давай, я отпрошусь, провожу тебя.

— Не надо, — тряхнула головкой Вирта. — Я осторожно. Я через самые разрушенные места шла, их больше не бомбят.

Арнинг прислушался к далеким взрывам. За последние дни они стали почти постоянным звуковым фоном.

— Где-то на севере, за рекой, — наконец определил он. — Как бы и вас не зацепило.

— Не зацепит, нас уже бомбили, в первый же день… Ой, что творится, Гредер, что творится! Я через центр шла, там ничего нет! От Королевского дворца даже стен не осталось, и собор святой Кэрт разбомбили, и Музей, и Круглый Дом…

Вирта всхлипнула, и Гредер Арнинг легко погладил ее по волосам.

— Не надо, Вирта. Знаешь поговорку: снявши голову, по волосам не плачут? Что там любимый город, если погибает весь наш мир… Держись. И давай, я все-таки тебя провожу. В городе банды.

— Я знаю, — спокойно ответила Вирта. — Но у меня есть оружие. Вот, видите, пистолет, самый настоящий, заряженный. Позавчера на одну мою подругу, Линн Валькантис, напал грабитель, так она его застрелила. И я смогу. Я сильная.

— Что за мир, — пробормотал Станис. — Что за мир… Дикий Юг… Будь осторожней, Вирта. И передай Кэрт, что я вернусь к ней, обязательно вернусь. Что я люблю ее.

— Она знает, — серьезно кивнула Вирта. — И еще она

сказала, что везде будет оставлять сообщения для вас. Говорят, под Флонтаной много лагерей для беженцев, но вы ее обязательно разыщете.

— Береги себя, Вирта, — добавил Гредер Арнинг. — Ты для меня как солнечный лучик. Но может быть, ты все же позволишь мне проводить тебя?

— Не надо! — снова засмеялась Вирта. — Я сама! Я дойду. Удачи вам всем! До встречи!

И она побежала назад – веселый, ясный, живой солнечный лучик. Гредер Арнинг смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

Ближе к вечеру спасателей навестил еще один гость. Первым его заметил Гредер Арнинг.

— Дарин, — позвал он Кедериса. — Это к вам.

Арнинг не знал, как его зовут, хотя видел неоднократно. Какой-то начальник из штаба гражданской обороны, где-то достававший продукты для бригады, лекарства для Станиса, бензин для автокрана. В этот раз он пришел с пустыми руками.

— Ребята, шабаш! — крикнул Кедерис, выслушав гостя. — Идите все сюда.

— У меня есть новости, — сказал сотрудник штаба гражданской обороны. — Одна очень хорошая. Сегодня радировали – ваши семьи благополучно добрались до Флонтаны. Потерь нет. Там они в относительной безопасности. Вторая новость… В общем, штаб гражданской обороны города принял решение о прекращении спасательных работ и эвакуации вашей группы.

— Не рано ли? — нахмурился Кедерис. — В Нероне мы откапывали живых и на десятые сутки. И в заваленных бомбоубежищах наверняка остались живые люди.

— Я знаю! — почти выкрикнул штабист. — Но что мы можем для них сделать?! Для этого нужны сотни, тысячи таких бригад, как ваша! Город очень сильно разрушен и почти пуст: за неделю его покинула большая часть населения. И через несколько дней вам все равно некого станет спасать. Вы – квалифицированные спасатели, ваша профессия – бороться с нештатными ситуациями. И вы принесете большую пользу на севере. Туда эвакуированы миллионы людей, но их привозят на голое место. Скоро начнется зима. Вы нужны там!

— Хорошо, — медленно сказал Кедерис. — Мы сделали все, что могли. Когда мы едем?

— Собирайтесь завтра к семи на площади Барениса. Там будет микроавтобус. Тесновато, конечно, но вы поместитесь. Мы попробуем выехать из города по самодонесской трассе, там еще

можно проехать. Потом повернем на север – к Флонтане. Только пожалуйста, не опаздывайте. Долго ждать мы не сможем.

— Я не поеду, — сразу сообщил Адарис. — У меня свой путь.

— И я не поеду, — поразмыслив, сказал Нейл Вифинис. — Все мои здесь, и уезжать я никуда не собираюсь.

— Дело ваше, — пожал плечами Кедерис. — Принуждать никого не буду. Но, если не встретимся более – знайте, ребята, вы были классными спасателями. С вами было хорошо работать. Дай вам Бог.

— И вас да благословит Единый, — откликнулся Адарис. — Да не оставят вас сила и мужество в час испытаний.

Бригада начала расходиться. Гредер Арнинг задумался. В прошлый раз они ночевали на каком-то полуразрушенном складе; спали, не раздеваясь, на тощих матрасах, брошенных прямо на цементный пол. Может быть, разыскать университетское бомбоубежище? Госпиталь? Вирту?…

— Далековато, на ночь глядя, — пробормотал доктор Станис. Он, кажется, думал о том же самом.

Арнинг понемногу начал склоняться к тому, что идти стоит, но его размышления прервал Нейл Вифинис. Рядом с ним стояли Леттер Ярки и Диль Адарис.

— Ребята, хотите у меня переночевать? Тут недалеко и от площади Барениса близко.

Добирались они, тем не менее, почти час. Вначале Вифинис загнал автокран в какой-то узкий дворик между глухими стенами полуразрушенных зданий, а затем они долго шли в сгущающихся сумерках по бесконечным кривым переулочкам Старого Города.

Район, в котором жил Вифинис, был не из тех, что принято показывать туристам. Где-то рядом проходили широкие магистрали, некогда застроенные красивыми многоэтажными домами, творениями знаменитых архитекторов, а здесь, в лабиринте переулков, переулочков и тупиков, преобладали неказистые двухэтажные домики или почти крестьянского вида хаты за высокими заборами. Тут тоже прошла война. Район выгорел почти полностью, под ногами хрустели осколки стекла, а из выжженных дотла пустых коробок зданий доносился запах гари и еле заметно тянуло сладковатым запахом тления. Казалось, этими двумя запахами пропиталась сейчас вся Галана.

Наконец, домишки и заборы расступились, и впереди появились два пятиэтажных здания-близнеца из белого кирпича. Им тоже изрядно досталось. Бомба или ракета взорвалась во дворе прямо между домами, оставив после себя широкий кратер, окруженный валом. Один из домов наполовину завалился в

сторону кратера, второй, покрепче, потерял только фасад, выставив на обозрение обнаженные лестничные клетки и обстановку квартир.

Именно к этому дому и направился Нейл Вифинис. Осторожно обогнув воронку, он привел остальных к длинной одноэтажной пристройке и открыл скрипучую деревянную дверь, за которой темнел черный провал.

— Здесь крутая лестница, — предупредил он. — Держитесь за перила.

Три длинных лестничных марша привели их на небольшую площадку перед еще одной дверью, на ощупь, металлической. Темнота стояла кромешная, но Вифинис ориентировался в ней без труда. Нашарив штурвал, он повернул его по часовой стрелке и отворил лязгнувшую дверь. Стал виден полутемный тамбур, заканчивающийся приоткрытой дверью, из которой пробивался тусклый колеблющийся свет.

— Ланта! — весело крикнул Вифинис. — Это я, с ребятами! Встречай гостей!

Большая комната с нарами вдоль стен и массивным столом посредине освещалась керосиновой лампой. Больше всего она походила на какой-то склад. Одну стену целиком занимал стеллаж, заставленный жестяными и стеклянными банками, пакетами, коробками. Углы занимали кучи мешков. На нарах рядами стояли мясорубки, прессы для выдавливания сока, ручная мельница, два примуса и даже плита на две конфорки, соединенная шлангом с большим газовым баллоном.

Хозяйничала в комнате-складе полная круглолицая молодая женщина. Двое сидели за столом: десятилетняя девочка с тоненькими рыжеватыми косичками и высокий парень в короткой серой куртке из плащевой ткани.

— Кто не знает, знакомьтесь, — сказал Вифинис. — Это Ланта, моя жена, эту непоседу зовут Рита, а это – Леф, самый хитрый управдом во всей Галане.

— Лефандур Герцен, — представился парень в серой куртке. — До войны действительно был управляющим над этими двумя пятиэтажками. Хотя мне лично больше нравится иностранное слово – хаузмайстер.

После взаимных представлений все сели ужинать. Ланта Вифинис поставила на стол казанчик с кашей, сняла с полки большую стеклянную банку с домашним салатом и, пошушукавшись с мужем, добавила литровую бутыль в соломенной оплетке.

— Извините, что мало горячего, — смущенно развела она руками. — Я не ждала, что будет столько гостей. Да еще примус

опять забарахлил, Леф его починил.

— Так, возьми, наконец, другой, — предложил Нейл Вифинис. — А этот я разберу на запчасти.

Ланта еще больше смутилась.

— Жалко, те два совсем новые…

После того, как выпили за именинника Леттера Ярки, следующий тост предложил Лефандур Герцен.

— За президента Гиркантиса, пусть земля ему будет пухом! Он был, конечно, законченный параноик, но убежищ понастроил знатных. Даже от пришельцев можно отсидеться.

— Все, конец нашей работе, — объявил Нейл Вифинис, опрокинув в себя стопку. — Завтра у ребят эвакуация на север. Теперь можно будет и хозяйством заняться.

— А вы как? — поинтересовался Герцен. — Уезжаете или остаетесь?

— Я не останусь, — сказал Адарис. — Но и на севере мне делать нечего. У меня семья во Фраувенге. Буду пробиваться на юг.

— Но это же так далеко! — всплеснула руками Ланта Вифинис.

— Да, больше тысячи километров. Но я дойду. Я верю, Единый даст мне силы преодолеть это испытание. Он наказал меня за то, что я слишком мало думал о жене и детях и слишком много о работе. Я уехал в Галану, хотя знал, что приближается война. Но фирма из Галаны закупила у нас большую партию оборудования, и я посчитал, что интересы клиента важнее, чем опасения моих родных.

— А мы поедем на север, — сообщил Станис. — У меня завтра туда отправляют жену, у него – сестру.

— И я с ребятами, — добавил Леттер Ярки. — Из бригады. Родители у меня слишком далеко живут, за Элертой, на востоке. Зато там пришельцев нет.

— А, может, не стоит ехать? — спросил вдруг Герцен. — Заберете завтра своих и оставайтесь здесь, в Галане!

— Здесь и жизнь будет полегче, — поддержал его Вифинис. — Я во Флонтане был. Хороший городок, но ведь лагеря беженцев устраивают не в самом городе, а севернее. А это сплошная тайга, съедобного там ничего нет, кроме лесной дичи, орехов, грибов и ягод. Даже хлеб там плохо родит. А их везут туда, посчитай, под открытое небо, накануне зимы. Там уже, небось, морозы начались, а через месяц будет под тридцать и за тридцать. И еще не факт, что пришельцы их там в покое оставят.

— А Галану бомбить скоро перестанут, — комфортно вытянул ноги под стол Герцен. — Чего бомбить, если город совсем

разрушен? Места здесь всем хватит, убежище большое. Тут не холодно, есть вода, даже качать не надо, сама идет. Освещение – так свечей целые ящики, керосина на год хватит, а если совсем пошиковать охота, так в соседней комнате велостанок стоит. Крутишь педали – работает генератор.

— И с голода не помрем, — снова включился Вифинис. — Видите, припасов сколько. Это мы с Лантой каждый год – соления, варенья всякие, на них одних можно до весны дожить. А если по окрестностям поискать – так чего только не найдешь! Видите эти мешки? Их Ланта с Ритой на овощебазе откопали, за два квартала отсюда. Там стены хлипкие, одна видимость, ничего вот не раздавило и не помяло. А самое главное – там холодильник цел остался. Он, конечно, отключенный, но лед пока не тает. А там чего только нет! Опять же, коптильню мы построили. Работы вокруг полно, рук не хватает!

— И это еще не все! Расскажи им про делянку.

— Да, и это тоже. Нам же не только зиму пережить, вперед глядеть надо. Мы в одном месте хлеб посеяли, а весной огороды везде разведем. Тут земля хорошая, пепел ее удобрил, хватит на всех. Семена есть, я сам с села, Ланта – с села. Да и вы быстро к земле привыкнете. Проживем.

— А если бандиты? — несмело спросил Ярки.

— А что бандиты? Нейл, смотри, сегодня откопал под развалинами охотничьего магазина. Как тебе двустволочка? Совсем целехонькая. Двенадцатый калибр. А если там хорошо покопаться, роту вооружить можно! К тому же я эти места как свои пять пальцев знаю, я здесь родился, вырос. Тут столько закоулков, что любой чужак в момент заблудится. А если пришельцы начнут, с воздуха, мы под землю спрячемся. При Гиркантисе, перед войной, целый город под землей вырыли, даром, что Галана уже не столица. И это не считая канализации, старого водопровода, каменоломен, метро! Один наш знакомый, считай, полжизни под землей провел, знает все там от и до.

— Оставайтесь, — снова предложил Вифинис. — Ты, Лет, — классный спасатель, во всех переделках побывал. Вы, Тайдемар, вообще, врач, человек просто бесценный.

— Один я ни на что не гожусь, — мрачно усмехнулся Арнинг.

— Почему?! Вы университет закончили, образованный человек, иностранные языки выучили. Да вы знаете, как нам нужны?! Мы же не хотим, чтобы наши дети выросли дикарями…

— Нам? — переспросил доктор Станис. — А кому это – нам?

— Нашим, — значительно пояснил Герцен. — Стальным крысам. Это мы себя так называем. Здесь нас с два десятка семей, тех, кто решил остаться в городе. Вы сами видите, пришельцы

пришли и уже не уйдут, чтобы это понять, образования особого и не надо. Значит, нам придется научиться жить под ними, скрываться, прятаться в щели, но сохранить себя, своих детей, свои знания! Чтобы выжить, нам придется стать крысами – слабыми, но хитрыми, умными, живучими! Стальными крысами, которые умеют жить в бетонных джунглях!

— Серьезно, — подтвердил Вифинис. — Ну как, станете крысами? Из тебя, Лет, получится хороший такой крысюк! А хочешь, подыщем тебе какую-нибудь славную стальную крыску, вон у Рона две дочки на выданье. Или вам, Гредер. Я понимаю, ваших уже не вернуть, но жизнь продолжается, а? Заживем тут спокойной жизнью, без всяких начальников, или вы, Тайдемар, у нас начальником станете. Вы ведь сможете, да?

Внезапно Герцен забеспокоился.

— Мне надо идти, — вдруг поднялся он из-за стола. — Что-то неладно. Приведу-ка я всех своих сюда, здесь безопаснее.

— Может, подождешь до завтра? — неуверенно спросила Ланта. — Темно уже. У тебя мама плохо видит.

— Нет, нет!

Лефандур Герцен стремительно выбежал из комнаты. Глухо стукнула железная дверь, и снова стало тихо. Изредка снаружи доносилось еле слышное буханье, стены чуть-чуть подрагивали – где-то шла бомбежка. На нее уже никто не обращал внимания.

— Ну, как вам Леф? — осведомился Вифинис. — Вот у кого чутье. Всегда знает, когда пора сматываться. Настоящая стальная крыса!

Три кандидата в стальные крысы молчали. Диль Адарис, рассеянно глядя в противоположную стену, прихлебывал самогон словно остывший лакин.

— Мама, мама, — нарушила тишину девочка. — А дядя Леф еще вернется?

— Да, доченька, — Ланта Вифинис начала собирать со стола. — Он скоро придет. Вместе с бабушкой Галлой и тетей Нис. И…

Ланту прервал оглушительный грохот. Убежище тряхнуло, на полках что-то звякнуло. Пламя в керосиновой лампе заколебалось.

— Ох ты! — выдохнул Вифинис. — Совсем близко! Как бы не…

Снова несколько толчков, один за другим. Страшное сотрясение. Керосиновая лампа гаснет, где-то рядом с треском что-то ломается, звон, звук чего-то разбившегося, Арнинга сбрасывает с лавки, и он падает на что-то мягкое. Новая серия разрывов, уже более отдаленных и, наконец, тишина.

— Ничего себе! — доносится из темноты голос Вифиниса. — Спички у кого-то есть?

— У меня зажигалка, — отвечает Ярки, и дрожащий огонек несмело раздвигает тьму.

Снова горит керосиновая лампа. Нейл Вифинис подсчитывает убытки.

— А здорово я все укрепил, — с гордостью говорит он. — Разбилась только бутылка, которую мы все равно почти выпили, и примус, который все равно пора было выбрасывать. Видишь, Ланта, придется тебе все-таки новый брать.

Ланта не отвечает. У нее рассечен лоб и разбита губа, и доктор Станис оказывает ей первую помощь. Все остальные, вроде бы, целы.

— А как дядя Леф? — вдруг вспоминает девочка.

— Ох ты! — чешет лоб Нейл Вифинис. — И верно. Как бы их не накрыло. Надо посмотреть.

Он выходит, но тут же возвращается и жестом подзывает к себе Арнинга и Ярки.

— Завалило лестницу, — озвучивает Арнинг то, что прекрасно видно всем троим.

Железная дверь слегка приоткрыта, и в щели до самого потолка видна гора земли вперемешку с обломками бетона. Время от времени в тамбур скатываются камешки.

— Ничего, — оптимистично заявляет Вифинис. — Тут еще два выхода. А если разобрать водосток в душевых, можно выбраться в туннели канализации. Пошли, тут недалеко.

Но далеко пройти им и не удается. Через два коридора дорогу преграждает новый завал. Леттер Ярки поднимает с пола кусок бетона.

— Дерьмовая работа, — заключает он. — Я такое уже видел. Больше песка, чем цемента.

— Тьфу, зараза! — плюется Вифинис. — Вот тебе и президент Гиркантис! Ну что теперь делать?

Вскоре выясняется, что дела не так уж и плохи.

— С голоду мы не помрем, — завершает инвентаризацию припасов Вифинис. — Воды у нас хоть залейся, воздух хороший – есть тут эти, химические поглотители. А если что – запустим генератор, от него работают электрические фильтры.

— Цель ясна, — подводит итог Арнинг. — Будем пробираться наружу. Там где лестница. Инструмент есть?

— Обижаешь, — гудит Вифинис. — Лопаты есть, кирки есть, лом даже один есть. Прокопаем.

— А теперь спать! — командует доктор Станис. — Как врач

говорю, сон – лучшее средство для укрепления сил и снятия стрессов.

— Тем более, что бутылка разби-илась, — с сожалением добавляет Ярки, и это звучит так забавно, что убежище оглашается дружным смехом в семь голосов.

Глава 31. По эту сторону жизни

Либсли Ворро лежал прямо на столе в небольшом бюро, превращенном в спальню, и мрачно смотрел в потолок, покручивая верньер небольшого транзисторного радиоприемника.

— Входите, — проворчал он в ответ на несмелое поскребывание по двери. — Здесь не заперто.

На пороге появился обеспокоенный Кисо Неллью.

— Ли! Сколько можно тебя ждать? Мы уже опаздываем!

— Без нас не улетят, — спокойно возразил Ворро, продолжая терзать приемник. — И вообще, остынь. Сегодня, в конце концов, выходной день. К тому же, мы еще в отпуске.

— Каком таком отпуске? — не понял Неллью.

— Забыл? Эон, тот тип из правления, помнится, отправил нас в отпуск на десять дней. Сегодня как раз десятый, так что на работу нам только завтра.

— Но наш рейс! — Неллью был не в том настроении, чтобы понимать шутки. — Все уже пошли! И пассажиров, наверное, через несколько минут начнут запускать.

— Слушай, посиди минутку тихо, а? Я послушаю последние известия, а потом пойдем.

Неллью послушно присел на стул у входа. Ворро тем временем, кряхтя, принял сидячее положение и повернул регулятор громкости до упора. Из приемника послышалась бодрая веселая мелодия – позывные вилкандского радио, вот уже неделю, как перебазировавшегося в Гессенар – столицу Валеза.

— Добрый день! Говорит радио "Таните Виалакана" – "Голос Вилканда" – из Гессенара. Прослушайте выпуск последних известий…

Слышимость была неважной, усталые батарейки почти сели, так что до Неллью доносились только обрывки фраз.

— …Главной новостью дня продолжает оставаться столкновение парома "Остров Комо" с балкером "Регата III". Суда и самолеты береговой охраны Валеза продолжают поиски экипажа и пассажиров парома, затонувшего сегодня ночью в двадцати километрах от мыса Хелшар, хотя спасательные работы затрудняет сильное волнение…

— …Несмотря на ухудшение погоды, эвакуация с континента на территорию Валеза продолжает наращивать обороты. По данным иммиграционной службы Валеза, за истекшие сутки в страну прибыло двести тридцать пять тысяч граждан Вилканда, из них одиннадцать тысяч – по воздушному мосту Тарануэс –

Гессенар…

— О, это про нас! — обрадовался Неллью.

— Да тихо ты! — сердито шикнул на него Ворро. — И так ничего не слышно.

— …Наш корреспондент с позывными ВК4КТЕ сообщает, что вчера вечером при налете на Декуар самолеты пришельцев впервые начали охотиться за отдельными автомобилями и даже за небольшими группами людей…

— …Корреспондент ВК0РРО сообщает, что видел около тридцати танков пришельцев на шоссе Б-48 между Сьени и Ваталином и предупреждает всех, находящихся в этом районе…

— …Корреспондент ВК4АРЕ сообщает, что группа военнослужащих под командованием майора Тино Ласота вступила в бой с шестеркой танков противника в районе города Эделан, округ Кьеве. По меньшей мере, два танка уничтожено…

Такого рода новостей было много, и Ворро слушал их с неослабевающим вниманием. Услышав заключительную фразу "Из юго-восточных округов за истекшие часы сведений не поступало", он выругался и в бешенстве отбросил от себя приемник.

— Чтоб им всем повылазило! Неужто во всем городе не найдется одного идиота с коротковолновой рацией!? За последние часы сведений не поступало… Да уже восьмой день, как сведений не поступало! Чтоб их всех!…

Неллью грустно вздохнул. "Юго-восточные округа" означали Лимеолан и только Лимеолан, их родной город в устье реки Таране, что пробила себе дорогу в Срединное море через полукольцо гор, с трех сторон окружающих Вилканд.

— Да не кипятись ты так, — попробовал успокоить он друга. — Может быть, все еще в первые дни покинули город. Оттуда же до ближайшего коридора не близко, вот они и решили поскорее…

— А вчера ты наплел, что пришельцы нарушают радиосвязь, и поэтому из Лимеолана невозможно связаться с Гессенаром… Тебе легко, черт тебя дери! У тебя дома один отчим остался, да и тот – редкостный ублюдок, а у меня – родители, дяди, тетки и целая орда прочих родичей! У матери больное сердце! И последние сведения – восемь дней назад, ровно восемь! Что Лимеолан подвергся сильной бомбежке! И после этого – тишина! Что я, по-твоему, должен чувствовать?! А ты лезешь со своими объяснениями.

Неллью печально пожал плечами и, словно невзначай, оттянул рукав кителя, бросив взгляд на свои новенькие часы.

— Да вижу я, вижу, — проворчал Ворро. — Иду уже, не хнычь.

Только сначала заглянем на биржу.

Не слишком и торопясь, Ворро слез со своего спального стола, сунул ноги в туфли, привел в порядок слегка помятый китель, набросил на плечи плащ и взял из-под стола дорогой кожаный портфель с личными вещами. И портфель, и вещи в нем были совсем новыми и происходили из магазинов беспошлинной торговли, расположенных в зоне вылета.

Других вещей у Ворро и Неллью, впрочем, и не было. До своей квартиры на окраине Тарануэса им так и не удалось добраться. Вначале аэропорт был убежищем – маленьким островком безопасности посреди наполненного смертью хаоса первых суток вторжения. Затем было просто не до того – в конце тех же первых суток заработал на полную мощность воздушный мост по предоставленной пришельцами безопасной трассе Тарануэс – Гессенар. А после… после аэропорт превратился из островка в крепость, окруженную тройным кордоном охраны. По одну сторону вполне зримых стен из бетона, стекла и стали были жизнь и дорога в спасительный Валез, по другую – смерть, немедленная или отложенная – от бомб и ракет пришельцев, от голода и холода, от ножа и пули грабителя. Это были два разных мира, и никому из первого мира – мира жизни – не хотелось добровольно навещать второй.

Примерно на третий-четвертый день, когда стало окончательно ясно, что война с пришельцами проиграна, а старый мир безвозвратно погиб, в прошлое начали отходить и старые моральные запреты. Охранники, служащие аэропорта и летчики сначала потихоньку, а затем и с официального разрешения начальства стали забирать для своих нужд товары из навсегда опустевших магазинов. Ворро набил разнообразным барахлом два огромных чемодана, которые он с трудом отрывал от пола. Туфли у него были фирмы "Негери" за три миллиона лимий, рубашки – от "Тино" или "Арамине", темно-синий плащ в тон форменному кителю – от дома моделей "Дегучио". Неллью оказался одним из немногих, кого "пиратская лихорадка" почти не затронула. Единственное только, к чему он оказался неравнодушным, это к хорошим часам, да еще положил себе в сумку небольшой флакончик "Южной ночи" – любимых духов его покойной матери.

Проходя по галерее, соединяющей два корпуса аэропорта, Неллью всегда старался не смотреть по сторонам, но это у него, как правило, не получалось. Сквозь темно-оранжевые зеркальные стекла, дымчатые изнутри, серое небо принимало особо зловещий свинцовый оттенок, а столбы дыма над горящим уже десятые

сутки Тарануэсом окрашивались мертвенной желтизной, словно сернистые испарения из кратера вулкана. Широкая площадь перед аэропортом превратилась в беспокойный табор. Тысячи людей роились там в страшной тесноте среди замерших автомобилей и автобусов, костров, каких-то фантастических будок и навесов из всякой всячины. Это людское скопище словно ножом обрезалось на дальнем конце площади, где разрушенное бомбой здание гостиницы красноречиво отмечало границу безопасного пятачка.

Пройдя по галерее, Ворро и Неллью спустились на первый этаж в небольшой зал, перегороженный барьерами. По одну сторону барьера застыли редкой цепочкой вооруженные охранники из службы безопасности аэропорта, по другую – тихо волновалась толпа из полутора сотен человек.

Ни Ворро, ни Неллью не знали и не интересовались, по какому принципу люди из табора снаружи попадают внутрь кольца охраны и превращаются в пассажиров. Самолеты многочисленных рейсов на Гессенар просто под завязку забивались десятками усталых, но лихорадочно возбужденных людей с пустыми или странно беспокойными глазами. Достаточно было того, что каждый летчик имел право подсадить на свой рейс двух человек и чаще всего реализовывал его, побывав в небольшом зале на первом этаже, цинично и метко прозванном биржей.

Увидев двух летчиков, толпа за барьером еще больше заволновалась. Правда, волновалась она тихо и как-то вежливо: молчаливые охранники ревностно следили за порядком, и любой нарушитель сразу же подвергался высшей мере – изгнанию из здания аэропорта. Поэтому все происходило культурно и даже, можно сказать, интеллигентно: мужчины молча потрясали пачками банкнот или призывно позванивали драгоценностями, женщины помоложе торопливо поправляли прически, ярко подкрашивали глаза и губы на бледных, осунувшихся лицах.

Ворро обозревал всю эту суету со спокойной и даже слегка насмешливой улыбкой.

— Решился, наконец? — шепнул он Неллью. — Давай скорее, я уже выбрал. Видишь того старика с плакатом?

Неллью кивнул. Представительный седовласый старик в грязном и помятом пиджаке стоял несколько в отдалении от толпы, молча держа над головой большой лист бумаги с лаконичной надписью: "Десять унций золота за двоих".

— Это так романтично, — пояснил Ворро. — Все уже давным-давно меряют золото граммами, а этот старый чудак… Такой себе аристократ из галантных двадцатых… Решено. Пять унций, сто

пятьдесят пять граммов с человека – это не бог весть сколько, но он меня растрогал. Беру. А ты давай, не тяни. Сам говоришь, нас уже ждут.

Неллью еще раз обвел взглядом ряд безумных лиц. Симпатии не чувствовалось ни к кому. Внезапно в дальнем углу он увидел единственного человека, не принимавшего участия в торговле. Наверно, молодая, но страшно худая и изможденная женщина безучастно сидела прямо на полу, прислонившись к стене, и баюкала на коленях закутанного в тряпки ребенка лет пяти.

— Пропустите, пожалуйста, вон ту женщину с ребенком, — попросил Неллью старшего охранника. — Пусть ее разбудят.

— И еще старика с плакатом о десяти унциях и того, кто с ним, — ворчливо добавил Ворро. — Что у тебя за вкус, Кисо? Она же худая и страшная, как смертный грех! И охота тебе заниматься этой перепихаловкой в туалете?!

— Да пошел ты! — вспылил Неллью – Не равняй всех по себе!

Ворро довольно ухмыльнулся, словно услышав комплимент. Он равнодушно смотрел, как охранники раздвигают барьеры, пропуская нервно кусающую губы женщину с ребенком, светловолосой девочкой с неправдоподобно огромными глазами на тоненьком личике, и седого старика со спутницей – пожилой леди в какой-то невообразимой рваной кацавейке и соломенной шляпке с обломанными полями, но, тем не менее, элегантной словно королева на дипломатическом приеме.

— Вам помочь? — обратился Неллью к женщине. — Вы можете идти?

Женщина затравленно оглянулась. Девочка жалась к ней, испуганно глядя на Неллью.

— Вы, наверное, ошиблись, — голос ее звучал еле слышно. — У меня нет денег. Я отдала все, что у меня было, только чтобы оказаться в тепле и под крышей… Или вы хотите…

— Нет, нет! — попробовал успокоить ее Неллью. — Не бойтесь. Я ничего не потребую от вас. Ничего, честное слово! Ну… настроение у меня сегодня такое, вот! Вы… можете идти?

— Да, — прошептала женщина. — Вы… вы – очень хороший человек…

— Да полно вам, — неуверенно улыбнулся Неллью. — Это я сегодня такой, ну… настроение. Пойдемте же…

Ворро тем временем разбирался со своими протеже.

— Держите, — седой старик осторожно вынул из-под одежды небольшой сверток. — Здесь ровно десять. Проверьте.

— Хорошо, — пробормотал Ворро, завороженно смотря на тяжелые тускло-желтые монеты – старые золотые лимии чеканки конца прошлого века. — Признаться, ни разу не приходилось

держать их в руках…

— Дорогой, опять какая-то задержка? — вдруг недовольно спросила старая леди. — Ты не ошибся, когда сказал, что объявили посадку на наш рейс? Это просто ужасно, заставлять пассажиров столько ждать!

— Что вы сказали? — Ворро с интересом повернулся к леди, но та уже сменила гнев на милость.

— Вы авиаторы, молодые люди? Очень достойная, очень мужественная профессия. Мой троюродный племянник по материнской линии Невин Барриори тоже авиатор. Вы с ним не знакомы? Дорогой, напомни, когда мы с ним в последний раз встречались. Да, на свадьбе леди Далане, когда она выходила замуж за молодого Туко… Дорогой, ты можешь представить мне этих достойных молодых людей.

— С удовольствием, дорогая, — старый джентльмен отвесил церемонный поклон. — Это…

— Либсли Ворро, к вашим услугам. Или, если вам сложно произнести это иностранное имя, просто Ли. Командир летного экипажа.

— Кисо Неллью, штурман.

— Очень, очень приятно, молодые люди. Я – Тоди Негери, урожденная Леневан, из декуарских Леневанов! — кацавейка на груди пожилой леди вдруг зашевелилась, и оттуда высунулась собачья мордочка, украшенная розовым бантом. — А это – Коко!

— Собаку нельзя, — хмуро сообщил Неллью, глядя в сторону.

— Да что вы! — пожилая леди всерьез обиделась. — Немедленно извинитесь, молодой человек! Коко – полноправный член семьи. Она все прекрасно понимает, только не говорит… Она слишком взволнована, ей раньше не приходилось летать на самолетах. И еще ее, наверно, сильно напугали эти невоспитанные грубые люди!

Старый джентльмен тихо отвел Ворро в сторону.

— Пожалуйста, оставьте ей Коко, — попросил он. — Понимаете, наша любимая внучка погибла у нее на глазах, и с тех пор моя жена… немного не в себе. Иногда ей кажется, что собачка – это она… Будьте милосердным… Я не могу вам заплатить, у меня больше нет денег, но я готов вам дать расписку на любую сумму. Я – Аделано Негери, у вас на ногах туфли, изготовленные на моей фабрике. Мы богаты, у нас есть собственность в Валезе – недвижимость, земля, акции… Оставьте собачку…

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Ворро. — Не надо расписки. Пусть остается. На это уже никто не будет обращать внимания. Советую только заранее подготовиться к встрече с валезской иммиграционной службой…

Пожилая леди в это время беседовала с женщиной, которую провел Неллью.

— …Вы неважно выглядите, милочка. Может быть, сейчас модно быть худенькой, но нельзя же доводить себя до такого состояния! Вы, конечно, посчитаете меня старой брюзгой и будете правы, но во времена моей молодости, чтобы считаться красивой, женщине вовсе не надо было просвечивать насквозь…

При выходе на летное поле на них наткнулась группа встревоженных охранников.

— Как, вы здесь? А мы думали, вы в самолете, вместе со всеми…

— Ну, опоздали мы, — ворчливо сообщил Ворро. — Что, великое преступление? Или рейс от этого отменили?

— Да нет, нет! — замахал руками старший охранник. — У вас на борту террорист! Он захватил экипаж и пассажиров в заложники!

— Ну и ну, — только и сказал Ворро. — Боюсь, господин Негери, ваш рейс действительно откладывается. Правда, надеюсь, вам не составит труда договориться с кем-нибудь из моих коллег.

С видимой неохотой Ворро вернул старому джентльмену сверток с монетами. Худая женщина с полными страха и надежды глазами смотрела на Неллью.

— Я не могу ее оставить… У нее нет денег, я должен посадить ее на какой-то рейс…

— Не беспокойтесь, — старший охранник по-отечески положил Неллью руку на плечо. — Идите спокойно, господин авиатор. Мы позаботимся о ней. И вы не бойтесь, мадам. Вы уже по эту сторону, вам здесь ничего не угрожает. Мы сейчас отведем вас в медпункт, там вас доктор посмотрит, потом накормим, а к вечеру подсадим на самолет.

Охранник присел на корточки и сделал девочке "козу". Девочка прижалась к матери, но лицо все же не отвернула.

— Не бойся, маленькая, — ласково сказал охранник. — У меня тоже дочка, такая же как ты… была… Пойдемте, мадам. Вам помочь?

И они ушли. Неллью смотрел им вслед, пока Ворро не дернул его за рукав.

— Чего ждешь? Нам теперь к начальнику надо, наверно.

Кабинет начальника аэропорта с огромным окном во всю стену находился на верхнем этаже.

— Угощайтесь, — встретил начальник Ворро и Неллью. — Я уже видеть это не могу. Подумать только, а ведь когда-то, как это ни глупо, я очень любил по праздникам выпить бутылку лучшего

десертного вина и закусить шоколадом "Лидо"…

На столе у начальника стояли две большие коробки конфет, несколько бутылок вина и картонный пакет с соком. Ворро и Неллью не заставили себя уговаривать. С продуктами в аэропорту было плохо. Уже неделю все питались только запасами магазинов беспошлинной торговли, а это были, в основном, сласти и алкогольные напитки. На что живут люди снаружи, даже думать не хотелось.

— А теперь о вашем деле, — озабоченно сказал начальник, когда легкий поздний завтрак подошел к концу. — На редкость идиотская история. Какой-то придурок утверждает, что обвязался динамитом и подымет всех на воздух, если в самолет немедленно не посадят шестнадцать человек его родственников. К сожалению, никто не может сказать, есть ли у него на самом деле взрывчатка или нет. Эти проклятые болваны, я имею в виду эту пресловутую службу безопасности, даже не проверили его толком.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Ворро.

— Ничего. Совершенно ничего. Я приказал передать ему, что и пальцем не пошевельну. Пусть сдается или взрывает самолет – мне все равно. Я не собираюсь создавать прецеденты.

— А что делать нам? — поинтересовался Ворро.

— Тоже ничего. Можете подождать в комнате отдыха. Вам сообщат, когда дело так или иначе решится. Секунду…

Большой радиоприемник на краю стола тихо квакнул, и начальник немедленно подскочил к нему.

— Опять они, — разочарованно сказал он. — Эти бедняги забили всю аварийную волну.

— Кто это? — спросил Ворро. — Кто-то зовет на помощь?

— Можете послушать, — пожав плечами, начальник увеличил громкость.

— …Говорит аэродром Нэтави, Нэтави. Нас двести человек, много женщин и детей. Мы отрезаны на острове посреди болот, дороги разбомбили пришельцы. У нас нет ни воды, ни пищи. Помогите, кто может. Отзовитесь…

Усталый голос затих, но через десяток секунд снова появился, повторяя свой зов о помощи.

— Крепко попались, бедняги, — сочувственно заметил начальник. — Похоже, они уже ни на что не надеются. Я знаю этот Нэтави. Небольшой аэродром противопожарной авиации в краю болот к югу от нефтепромыслов Ривитани. И единственная дорога к ним идет по дамбе через самые топи.

— Так это совсем близко, — Ворро подошел к большой карте Вилканда, висевшей на стене. — Где это?

— Вот здесь. Видите значок? Верно, недалеко. От нас –

километров двести шестьдесят, может быть, двести семьдесят.

— И километрах в пятидесяти от нашего воздушного коридора…

С полминуты Ворро смотрел на карту.

— Послушайте, — вдруг сказал он. — А разрешите, мы возьмем транспортник, сто тридцатый, и попробуем вывезти этих бедолаг. Пойдем по коридору, затем снизимся, свернем… Кисо, ты можешь вывести меня прямо на аэродром?

— Ли, ты серьезно? — Неллью удивленно поднялся из-за стола. — Ты сам хочешь помочь им? Ты думаешь, они смогут заплатить?

— Да, серьезно! — рявкнул Ворро. — И причем тут деньги?! Ты что, думаешь, один тут такой – блаженненький?! Я, может, тоже хочу – искренне и бескорыстно!… Если их там человек двести, за раз не управимся, сделаем два рейса. Часа через четыре вернемся. Это все равно лучше, чем сидеть и ждать, чем все кончится!

— Хорошо, — удовлетворенно сказал начальник. — Я дам вам сто тридцатый. Сейчас прикажу, чтобы его начали готовить. И заодно, чтобы связались с этими, из Нэтави. А то нечего забивать им аварийную волну… Однако вы рискуете, господа.

— Каких-то пятьдесят километров от коридора… — с сомнением протянул Ворро. — Бывало, что и больше отклонялись, верно? Помните, три дня назад, чтобы забрать тех, на острове Комо? А мы, если Кисо не подведет, будем за пределами коридора минут пятнадцать, даже меньше.

— Я не подведу, — серьезно сказал Неллью. — Так мы можем идти? Вы распорядитесь?

Следующим посетителем в кабинете начальника оказался руководитель службы безопасности аэропорта.

— Прошу вас, смягчите наказание, — попросил он прямо с порога. — Да, эти ослы прохлопали террориста, но выбрасывать их на улицу – это слишком жестоко. Их же там убьют!

— А что вы предлагаете? — лениво спросил начальник. — По-моему, выговор и даже понижение в должности в последнее время немного потеряли свое воспитательное значение.

— Штраф. Или двадцать нарядов вне очереди. А если вы хотите воспитательных мер, то даже угроза увольнения – очень действенная мера, уверяю вас.

Несколько секунд начальник раздумывал.

— Ладно. Пусть будет штраф. И двадцать нарядов. Но только попозже, хорошо? Пусть они всласть потомятся и подумают о своем упущении. Но вообще-то, я вызвал вас не для того, чтобы

решать судьбу нескольких олухов.

— Я весь внимание.

— Отрадно слышать. Так вот, дорогой мой Иньюко. Все дело в том, что наш воздушный мост доживает последние дни.

— Но господин начальник! Я вам докладывал, один инженер говорит, что может переделать наши дизель-электростанции на дровяные газогенераторы. Он утверждает, энергии хватит на аппаратуру и разметку полос.

— Увы, дело не в электричестве. И не в продуктах, которые тоже на исходе. Через три дня нам будет нечем заправлять самолеты.

— Валез нам не поможет? Я так и знал, что эти ублюдки не преминут нам сделать какую-то пакость!

— Валез и рад бы помочь, но… Вы, кстати, знаете, у кого они покупают нефть?

— У нас?

— Верно. Большую часть – у нас. Немного – у Барганда и еще немножко в Картае. И заменить ее нечем. Есть, конечно, Гордана, но, что обидно, ни у нее, ни у Валеза нет океанского танкерного флота.

— Выходит, у них самих ничего нет?

— Совершенно верно, Иньюко, совершенно верно. Сегодня двадцать четвертое. Двадцать седьмого воздушный мост будет закрыт.

— Может, это и к лучшему. Все, кто мог заплатить за билет, уже в Валезе, а сейчас, извините, прет сплошняком такая уголовщина, что даже моих ребят коробит, на что уж они не ангелы…

— Поэтому мы в ближайшие дни максимально увеличиваем число бесплатных пассажиров. Пусть сидят друг у друга на головах, потерпят. Двадцать седьмого мы объявим, что Гессенар временно не принимает из-за плохих погодных условий, и приостановим рейсы. В это время на летном поле будут подготовлены четыре самолета. Мы все погрузимся в них и скажем "Прощай" нашему многострадальному отечеству.

— Хм, такую операцию надо будет хорошо продумать и, может быть, даже прорепетировать. И… еще одна сложность. Будет крайне трудно снять внешнее кольцо охраны. Так, чтобы никто не заподозрил.

— А зачем нам вообще снимать внешнее кольцо? Пусть остаются. Вы помните, сами мне говорили, что там собралась самая отборная гнусь. Я думаю, мы сделаем доброе дело для наших друзей в Гессенаре, если не возьмем с собой полторы сотни обнаглевших головорезов.

— Тогда… Тогда мы точно сможем организовать отход. Надо прикинуть…

— Прикидывайте. И помните – все это строго между нами. Ни слова кому бы то ни было.

— Обижаете, господин начальник. Будто я сам не вижу, по какому краю мы все тут ходим…

Беседу, впрочем, уже подошедшую к концу, прервал молодой посыльный.

— Сдался террорист! Его… ну, сами пассажиры скрутили! Говорят, нет у него ничего, никакого динамита!

— Отрадно слышать, — недобро улыбнулся начальник. — Иньюко, выбросите его за ворота, можно по частям. Даже лучше по частям. И немедленно отправляйте рейс. Как там те двое – Ворро и Неллью? Уже вылетели? Ладно, подберите тогда пилота и штурмана из резерва. И за работу, господа, за работу! Воздушный мост не должен прерываться ни на минуту!

Сто тридцатый был на самом деле военно-транспортным самолетом "РоРо-130" – относительно тихоходным, не слишком вместительным и совсем не комфортабельным, но зато способным сесть практически где угодно. И это сейчас было важнее всего, так как аэродром Нэтави располагал всего лишь одной полосой и притом, весьма короткой.

Пожалуй, редко какие самолеты встречались когда и где бы то ни было с большей радостью. Либсли Ворро, спустившись на землю из кабины по узкой лесенке, сразу же оказался в центре восторженной толпы счастливых людей, вдруг дождавшихся отмены смертного приговора.

— Тише, тише! — Ворро поднял обе руки вверх. — Довольно! Мы не совершили ничего особо выдающегося! Сохраняйте спокойствие! Кто здесь главный?

Приветственные крики слегка поутихли, и в первый ряд протиснулся широкий и очень широкоплечий человек лет сорока.

— Наверное, я главный. Кори Боино, бывший старший техник отряда противопожарной авиации, считайте, хозяин здешний.

— Ли Ворро, командир летного экипажа. Вы можете организовать людей? Мой штурман сейчас опустит помост, и мы начнем посадку. Но если вас и в самом деле двести человек, мы не заберем всех за один раз. Сейчас мы возьмем сколько сможем, а часа через два вернемся за остальными. Вы можете объяснить это людям, чтобы ни у вас, ни у нас не возникло никаких проблем?

— Все будет путем, — прогудел Боино. — Люди, вы слышали, что он сказал? Никого из вас не бросят, кто не улетит в первый

раз, улетит во второй. Давайте в первую очередь семьи с детьми, затем одинокие. Чино, Пако, Карен, последите за порядком!…

— Простите, — Ворро отодвинул с дороги массивного Боино. — Вы тут распоряжайтесь, а я, кажется, нашел знакомого. Эй, Лльечи, откуда ты здесь взялся?

— Ворро, — вяло произнес невысокий светловолосый парень с мягким продолговатым лицом и блеклыми глазами. — Узнал, наконец. Спустился со своих небес на землю, хи-хи. Зря ты это сделал, зря…

— Хватит каркать, Лльечи, — рассердился Ворро. — Ты откуда? Прямо из Лимеолана? (Лльечи вяло кивнул и снова скрипуче прихихикнул.) Давно? Что там? Что с моими, ты знаешь? Чего молчишь?!

— Твои все мертвы, — механически спокойно сказал Лльечи. — А города больше нет. Его пришельцы сожгли.

Он замолчал, и Ворро в нетерпении дернул его за рукав.

— Почему мертвы?! Ты что, видел, как они погибли?! Как?!

— Твоя мать умерла за день до войны, — сонно и безучастно произнес Лльечи. — Так шла себе по улице, бах – и нету. Инфаркт. Тебе телеграмму отправили, с нашей почты.

— Никакой телеграммы я не получал! — перебил его Ворро. — Дальше!

— А что дальше? В первый день город почти не бомбили, не, только порт. Ты никак не откликался, поезда уже не ходили, твой отец и не стал откладывать похороны. Назначил их на семнадцатое. Все твои родственники у него собрались. Много-много. На нашу парковку залезли, хи-хи. А шестнадцатого вечером – налет! Страшный! Я в подвале спрятался. А когда вылез, дома нет, ничего нет, а вместо твоего дома – воронка! Большая-большая. И машины все разбило, одна ваша осталась. Я на нее сел и поехал. Ехал-ехал, а до безопасного коридора так и не доехал, хи-хи. Все мосты через Таране разбомбили, ну прямо все! А потом услышал, на Нэтави есть бензин. Вот и приехал. А тут налет! И я сижу здесь, хи-хи, а ты все по небу летаешь. Даже сюда прилетел, хи-хи.

Лльечи снова замолчал. Ворро пристально посмотрел на него.

— Ты ведь врешь все, Лльечи. Правда, врешь?! У тебя всегда была слишком бедная фантазия, чтобы складно врать! Зачем ты это делаешь, Лльечи?!

— А зачем ты так хочешь знать правду?! — неожиданно обозлился Лльечи. — Твой отец, твоя мать, твои родственники мертвы, и какое тебе дело, как это случилось? Ты летаешь в небе, ты так легко можешь улететь отсюда. Ты такой чистенький, нарядный! Зачем ты так хочешь испачкаться в грязи, хи-хи? Они

все умерли, этого достаточно.

— Нет! — Ворро схватил Лльечи за грудки и яростно встряхнул. — Мне недостаточно! Я хочу знать, знать до конца, что с ними случилось! Даю тебе два часа, и если когда я вернусь, ты не расскажешь мне все правдиво и честно, я вытрясу из тебя дух! Ты знаешь, я это сделаю!

Ворро отшвырнул в сторону Лльечи и, не оборачиваясь, поднялся в кабину. Посадка уже заканчивалась. Люди внутри самолета стояли, прижавшись друг к другу, как в переполненном трамвае, но для нескольких десятков человек места уже не было.

Мрачный и молчаливый, Ворро поднял помост и запустил двигатели. Остающиеся махали ему вслед. Вскоре аэродром Нэтави – узкий язык летного поля посреди заросших камышом болот, длинный ангар и несколько деревянных построек – совсем скрылся за пеленой низких серых облаков.

Ворро продолжал задумчиво молчать и на обратном пути.

— Ты не веришь, что твои родители погибли? — наконец спросил его Неллью.

— Не знаю! Этот Лльечи – самый скользкий мелкий ублюдок из всех, кого я знаю. Он еще в школе обожал доводить всех окружающих до белого каления. Уж сколько ему доставалось, а все равно ничего не помогало. Он просто не может сказать что-то, чтоб не соврать!

— Но кое-что из его слов похоже на правду. Например, если город был разрушен шестнадцатого, это объясняет, почему оттуда уже восемь дней нет никаких вестей.

— В том-то и дело, — сердито сказал Ворро. — Он мешает ложь с правдой, и я не могу отличить одно от другого! Конечно, это не самое худшее, что могло случиться, если моя мама умерла, так и не узнав о войне, и если мой отец и прочие родственники погибли мгновенно и без мучений. Но так ли это? Черт! Теперь я так и не узнаю, что было на самом деле! Что бы ни сказал этот поганец, я не смогу поверить ему! Гаденыш! Похоже, он с лихвой отплатил мне за все колотушки, что получил от меня в детстве!… Кстати, нам не пора поворачивать?

Неллью поспешно бросил взгляд на приборы.

— Еще нет. Но через минуту будет пора. Так что ты можешь уже начинать снижение.

Самолет заскользил вниз, по ходу поворачивая в сторону мрачно-черного купола на севере – дымов от горящих нефтепромыслов. Вскоре он вынырнул из облаков на высоте меньше километра. До Нэтави оставалось всего несколько минут.

— Вижу впереди дым, — обеспокоенно доложил Неллью. —

Неужели пришельцы?

Ворро выругался. Аэродром лежал под ним как на ладони. Длинный ангар пылал, просев в середине, выбрасывая в небо тучи искр. Маленькие постройки на краю летного поля просто исчезли, вовсю полыхала подожженная цистерна с горючим. На летном поле дымились пять широких кратеров, один из них точно пополам делил взлетно-посадочную полосу.

— Не успели! — в отчаянии простонал Ворро. — Мотаем отсюда!

Маневр запоздал. Две ракеты "воздух – воздух" синхронно взорвались чуть выше и чуть ниже самолета. В девяноста пяти случаях из ста это привело бы к немедленной гибели, но сто тридцатый оказался необычайно живуч. Он только вздрогнул, принимая на себя дождь осколков, и неторопливо и с достоинством начал заваливаться на раненое крыло.

— Мы падаем! — кричал в микрофон Неллью. — Борт один-три-ноль, обстреляны пришельцами в районе аэродрома Нэтави, округ Савино! Идем на вынужденную!

У Ворро не было времени заниматься подобными пустяками. Он изо всех сил сражался с непокорным штурвалом, стараясь удержать самолет от сваливания. Самолет горел. Три мотора не работали, четвертый кашлял и захлебывался, и было ясно, что он тоже находится при последнем издыхании. Внизу проносились озерца ржавой воды, заросли камышей, невысокие корявые деревца с почти облетевшей листвой, а впереди понемногу вырастала стена леса.

— Молись! — орал Ворро. — Мне молись, чтоб посадил!

Самолет плюхнулся в болото прямо на брюхо, заскользил, подняв тучу брызг, снес крылом несколько хилых деревцев и, наконец, уткнулся в грязь метрах в ста от берега. Ворро и Неллью каким-то чудом отделались синяками и ссадинами, и едва придя в себя после жесткой посадки, выбрались из кабины через вырванную с корнем дверцу. Спрыгивая вниз, Неллью подвернул ногу, и Ворро, ругаясь, тащил его по болоту прочь от пылающего самолета. С грохотом рванули топливные баки, ярко взметнулось пламя, но они были уже на безопасном расстоянии, и наконец, Ворро сумел вытянуть Неллью на пологий берег и сам тут же рухнул прямо на жесткую мокрую траву.

— Все! — выдохнул Ворро. — Считай, приехали!

Глава 32. Упавшие с небес

Большое болото понемногу приходило в себя. Невдалеке с шумом плюхнулась в воду лягушка. Осторожная водяная крыса покинула свое убежище в камышах и начала приводить в порядок пострадавшую во время поспешного бегства шубку. Даже стая робких куличков, в панике упорхнувших прочь, когда с неба прямо на них ринулась пылающая железная птица, вернулась на прежнее место. Важно вышагивая по широкой кромке грязи вдоль берега, кулички, тем не менее, время от времени настороженно поглядывали на двух человек, неподвижно лежащих ничком на узкой полоске травы между лесной опушкой и болотом, шагах в полутораста от догорающего самолета.

Прошло не менее десяти минут, пока один из них не перекатился на спину, медленно принял сидячее положение и издал горестный стон, полный муки. Испуганные кулички врассыпную бросились наутек.

— Все пропало, — стонал Либсли Ворро, обхватив голову руками. — Господи, все пропало! И все из-за тебя!

— Почему это из-за меня? — обиделся Кисо Неллью. — По-моему, ты сам вызвался.

— Все равно, из-за тебя, — упрямо заявил Ворро. — Это все ты, ты смотрел на меня как на последнюю сволочь! Это ты меня вынудил на этот идиотский бескорыстный геройский поступок!

— Скажи еще, что больше не будешь, — иронично посоветовал Неллью, тоже принимая сидячее положение.

— Ты не понял. Ты не прочувствовал! Все, все пропало! Если бы ты не был таким неуклюжим, когда выпрыгивал, я бы, может быть, вспомнил про свой чемоданчик!

— Чемоданчик? — недоуменно переспросил Неллью.

— Да, да! Там одних сертификатов было на тысячу двести сорок граммов! И кольца! Все, все сгорело! Господи!

— Лучше бы я сам сгорел, — добавил Неллью.

— Нет! — Ворро враз перестал стонать и хвататься за голову. — Не лучше! Но и то, что есть, ненамного приятнее. Ты представляешь, как мы влипли?! Мы теперь никто, быдло, как те, что сидят за воротами! Мы упали на эту чертову землю! Кстати, где мы находимся?

— Что? — не понял Неллью.

— Где мы? — раздраженно повторил Ворро. — В конце концов, кто из нас штурман?

Неллью призадумался.

— В округе Савино.

— Вилканд, Филлина, Вселенная… А точнее? Округ Савино большой.

— Тогда… Скорее всего, мы в заповеднике Дола Соно. Боюсь, точнее не получится.

Ворро почесал нос.

— А он большой, этот заповедник?

— В общем, да. Две или три тысячи квадратных километров. Кстати, что нам теперь делать?

— Это ты о чем?

— А кто из нас командир, в конце концов? Между прочим, часика через два с половиной начнет темнеть.

— Так скоро? — Ворро обозрел затянутое облаками небо. — Да, может быть. Тогда слушай мое командирское решение! Ты можешь идти?

Неллью осторожно согнул и снова разогнул ногу.

— Могу. Кажется.

— Все равно, ничего другого тебе не остается. Я таскать тебя на своем горбу больше не собираюсь. В общем, мы сейчас встаем и идем.

— Куда?

— Не перебивай командира. Заповедник заповедником, а какие-то дороги тут должны быть. А как найдем дорогу, по ней мы рано или поздно доберемся до какого-нибудь жилья. Там действуем по обстановке. Задачу уяснил?

— Уяснил. Только слушай, Ли, а ты по лесу ходить умеешь? Я, например, как горожанин, в лесу ориентируюсь плохо. Начинаю кружить. А солнца не видно.

— А что там сложного? — хмыкнул Ворро. — Солнца нет, будем по мху ориентироваться. Он всегда больше с северной стороны растет. Или с южной. В общем, с одной стороны. И давай, поднимайся. Пошли. Сам говоришь, скоро темнеть начнет. А ночь в лесу у костра как-то не отвечает моим представлениям о комфорте.

Спустя полтора часа.

— Смотри, опять болото! Кажется, мы на каком-то чертовом острове!

Неллью огляделся по сторонам.

— Смотри, Ли! Дым!

— Ну, дым – это сильно сказано. Так, дымок. Но ты прав. Где дым, там и люди.

— Погоди, Ли. Дым идет прямо из болота. Тебе это ничего не напоминает?

Ворро присмотрелся.

— Проклятие! Это же наш самолет!

Неллью выразительно посмотрел на Ворро.

— Ну, чего уставился? Здесь все деревья какие-то… неправильные! Черт его поймет, с какой стороны больше мха, а с какой меньше. Они тут все одинаково обросшие… и притом, круглые!

— Так какие теперь будут распоряжения?

— Распоряжения? Изволь. Раз ты у нас штурман, ты и должен найти дорогу.

Неллью ненадолго задумался.

— Обратно в лес меня как-то не тянет. Предлагаю идти вдоль берега. Только вот в какую сторону?

— Конечно, туда! Терпеть не могу возвращаться!

Спустя еще час.

— Черт, черт, черт! Чертовы кусты! Я опять плащ порвал! Ненавижу этот чертов лес! Кстати, тебе не кажется, что уже начало темнеть?

— Пока не кажется. Но скоро начнет.

— Вот вляпались! Черт, у меня ноги мокрые до колен! Я их почти не чувствую! Я точно простужусь и заработаю ревматизм, бронхит и воспаление легких!

— Ты что-то говорил насчет ночи у костра?

— А спички у тебя есть?

— Нету.

— И у меня нет. Предложения? Учти, с помощью двух палочек огонь я добывать не буду.

— Может, вернемся к самолету? Вдруг он еще не совсем догорел?

— Топать обратно? Еще чего! Лучше погляди, это тебе не напоминает дорогу?

— Нет, не напоминает. В лучшем случае, колею. И притом, изрядно заросшую.

— Все равно, другого выхода у нас нет! Пошли! И давай, черт возьми, поторопимся!

Уже стемнело, когда деревья, наконец, расступились, и впереди появился большой бревенчатый дом с многочисленными хозяйственными пристройками. Из окон пробивался тусклый свет, который казался ярче и желанней праздничной иллюминации. Широкое крыльцо выходило на небольшую квадратную площадку, выложенную плиткой.

В шагах тридцати от дома, там, где колея выныривала из кустов, Ворро внезапно остановился. Неллью едва не налетел на

него.

— Тихо ты! — прошипел Ворро. — У тебя деньги есть?

— Что? — не понял Неллью. — Да, есть. Сертификаты на семьдесят четыре, кажется, грамма и полтора миллиона лимий с мелочью.

— Лимии можешь засунуть сам знаешь куда. Ладно, пошли. Главное, молчи. Говорить буду я.

Поднявшись на крыльцо, Ворро решительно постучал в дверь.

— Кто там? — прозвучал из-за двери сочный бас.

— Откройте, пожалуйста, — попросил Ворро. — Мы заблудились в лесу. Нас всего двое и у нас нет оружия.

— А мне браконьеров здесь и не надо, — пробурчал бас. — Заходите. Здесь не заперто.

Пройдя через сени, заставленные садовым инвентарем и еще какими-то неразличимыми в темноте предметами, Ворро и Неллью оказались в большой комнате, освещенной яркой масляной лампой. Комната походила то ли на музей, то ли на лабораторию. Шкафы вдоль стен были полны книг, за стеклом блестели многочисленные пузырьки и бутыли, штативы с пробирками, банки с заспиртованными препаратами. В углу на столике стоял большой медицинский автоклав, а прямо над ним примостились на полке два микроскопа. Повсюду висели большие фотографии лесных пейзажей, различных животных и птиц, снопы высушенных растений, гербарии, какие-то таинственные мешочки. У дальней стены успокаивающе гудела большая печь, от которой расходились волны приятного тепла и вкусных запахов.

Разглядывая комнату, Неллью не сразу заметил человека, сидящего за широченным крепко сбитым столом. На вид хозяину было никак не меньше семидесяти, он носил строгие очки в железной оправе и темно-синий шерстяной свитер.

— Заходите, гости дорогие, — слегка насмешливо пробасил старик, поднимаясь из-за стола, и Неллью изумился, увидев, что он невысок, ниже Ворро, но очень крепкий, широкоплечий и большерукий. — Это ваш самолет упал сегодня в болото?

Пауза затянулась и Неллью не выдержал.

— Наш, — признался он. — Нас сбили пришельцы. — Я – штурман Кисо Неллью, а это – командир экипажа Ли Ворро.

— Либсли Ворро, — сердито уточнил Ворро. — А вы кто будете?

— Можете называть меня Тимо. Или, с поправкой на ваш возраст, дед Тимо. Главный смотритель заповедника Дола Соно. И я совершенно не в восторге из-за того, что вы добавили в мое хозяйство целую кучу мусора.

— В следующий раз мы постараемся плюхнуться куда-нибудь

подальше от вашего драгоценного болота, — язвительно сказал Ворро.

— И правильно. Болото, как и вся живая природа, весьма хрупко и уязвимо. А вы мало того, что устроили там пожар, так еще и оставили после себя огромное пятно грязи. Керосин, масло, гидрожидкость – понадобятся годы, чтобы залечить эту рану.

— Вам не кажется, что ваши упреки немного не по адресу? — сердито спросил Ворро. — Или у вас так принято обращаться со всеми гостями? Может, это слишком нагло с моей стороны, но мы хотели попросить вас о приюте и ночлеге. К сожалению, все наше имущество сгорело вместе с самолетом, и мы вряд ли сможем заплатить вам.

— Здесь не гостиница, — проворчал старик. — Хотите ночевать – ночуйте, а нет – в лесу места много.

— А если так, разрешите подсесть поближе к печке, — попросил Неллью. — После похода по лесу мы насквозь промокли и к тому же промочили ноги.

— Этого недостаточно, — буркнул старик. — Раздевайтесь, скидывайте с себя все мокрое и скорее в вон ту дверь. Банька уже давно протоплена, только вас ждет. Я за это время постараюсь подыскать вам смену одежды. И не рассиживайтесь там особенно, ужин почти готов.

Вскоре они, согревшиеся, чистые, вымытые, в сухой одежде (удивительно, но даже для долговязого Неллью нашелся шерстяной спортивный костюм, пришедшийся почти впору) сидели за массивным столом, поглощая обильный ужин, сдабриваемый изрядными порциями горячего вина с пряностями – "профилактики ради". Говорил за столом один только Ворро. Закончив повествование, он подхватил с деревянного блюда последнюю рассыпчатую, но очень вкусную серую лепешку, намазал ее сиропом и отправил в рот, вопросительно глянув на хозяина.

— Анархия, беззаконие, — неодобрительно прогудел дед Тимо. — Эх, люди, люди, люди… А вы сами что собираетесь теперь делать?

— У нас дорога одна – обратно в Тарануэс, — сообщил Ворро, запивая лепешку глотком вина.

— Путь долгий и опасный. А чем вас не устраивает так называемый безопасный коридор, до которого, как минимум, вдвое ближе?

— Это не наш путь, — покачал головой Ворро. — Нам надо возвращаться. В Тарануэсе у нас остались товарищи, работа, если хотите, долг.

— Скажи лучше, что хочешь возместить те деньги, что

сгорели у тебя в самолете, — театральным шепотом посоветовал Неллью.

— И это тоже, — Ворро трудно было смутить. — Я, безусловно, беспокоюсь и о твоем, Кисо, и о своем будущем. И если есть возможность его обеспечить, не премину ей воспользоваться. Я не хочу оказаться в Валезе бесправным и безденежным беженцем, одним из многих. Нищим, вообще, быть плохо, особенно на чужбине.

— Но так или иначе, вы все равно хотите покинуть страну? — уточнил дед Тимо.

— Вы можете предложить что-то взамен? Или вы считаете, что от пришельцев можно отсидеться в лесу? Мне кажется, это наивно. Рано или поздно, но они доберутся и сюда.

— Не считайте пришельцев сильнее и опаснее, чем они есть, — строго заметил старик. — То, что они так легко разбили и сломили нас – не их сила, а наша слабость.

— То, что мы оказались совершенно беззащитными с воздуха?

— Нет. То, что мы оказались слишком уязвимыми на земле. Нас погубили не пришельцы, а мы сами. Наш страх перед неизвестным, эгоизм, агрессивность, глупость и подозрительность, а в первую очередь – наша знаменитая философия: "Умри ты сегодня, а я – завтра".

— Выходит, бомбы даже не при чем? — фыркнул Ворро.

— Во время войны тоже были бомбежки, но тогда никто не срывался с места, чтобы бежать в нейтральный Солер.

— Нашли, с чем сравнивать! Да видели бы вы, что осталось от Тарануэса! Нам нечем сопротивляться вторжению пришельцев, и единственный способ спастись – это бежать туда, где их пока нет! Можете считать меня кем хотите, но я не намерен подыхать здесь, на родной земле, если есть возможность оставаться живым за границей!

— Не понимаю, почему вы называете нападение пришельцев вторжением? — недовольно пожал плечами старик. — Вот когда Барганд напал на нас с трехмиллионной армией, это – да, было вторжением. Еще никто ничего никогда не захватывал одними бомбовозами и танками, которых, насколько я понял, у пришельцев не так уж и много! Это можно назвать террором, разрушением, акцией устрашения, но никак не вторжением! А эти фарсовые договоры с горданцами, пресловутые коридоры и зоны безопасности – да кто так вторгается?! Все это рано или поздно кончится просто потому, что изначально не может продолжаться до бесконечности!

— Это все было вступление? — поинтересовался из своего

угла Неллью. — Вы хотите убедить нас остаться?

— Хочу! — старик широко улыбнулся. — Двое моих помощников неделю назад уехали в город, но так и не вернулись. Я уже пожилой человек, мне трудно одному вести хозяйство и одновременно проводить научные исследования и наблюдения за птицами и животными в заповеднике.

— Какие наблюдения?! Какие исследования?! — засмеялся Ворро. — Да кому теперь это нужно?! Впрочем, нет, я понял! Это нужно вам! Чтобы вы, сидя здесь лесным отшельником, могли сказать себе, что не просто прячетесь от пришельцев, а продолжаете свою работу. Верно?

— Верно, — не стал спорить старик. — Но не главное. Я веду научную работу в заповеднике вот уже тридцать лет, и не вижу причин, чтобы прерывать ее из-за каких-то пришельцев!

— Здорово! — восхитился Ворро. — Вы сумасшедший, честное слово, но вы классный сумасшедший! Это мне нравится! А вы не боитесь умереть с голоду, сидючи в лесу и считая птичек?

— С голоду? Да никогда в жизни! Наши пращуры тысячелетиями жили в лесах и прекрасно себя чувствовали. Лес дает человеку все, что ему нужно. Воду и пищу, топливо для очага и освещения, одежду и обувь, даже бумагу и чернила! Мука для лепешек, которые вы сегодня ели на ужин, — из корневищ камыша с добавкой толченых рагузовых орешков. Сироп – из сока террье, клубни – дикая салина, салат – из заячьей капусты. Грибов сейчас можно запасти на всю зиму, после первых заморозков пойдет болотная ягода, зимой можно будет делать отвар из веточек лалы…

— Все это, конечно, хорошо, — скептически сказал Ворро. — Только вот тушенка, которую вы для нас сегодня открыли, на деревьях не растет.

— Не растет, — согласился хозяин. — Но в бобах жировицы содержатся почти те же протеины, что и в мясе. А в озерах и протоках полно рыбы. И если не слишком увлекаться, надеюсь, мы не нарушим природное равновесие.

— Нет, — решительно сказал Ворро. — Я не останусь здесь. Я, признаюсь, слишком испорчен цивилизацией и не представляю себе жизни без электричества, чашки скайры на завтрак и теплого клозета с туалетной бумагой. И я не люблю лес, где из-за деревьев не видно неба. Я летчик и хочу заниматься своим делом, да и подолгу сидеть на одном месте не в моих правилах. Извините, если что…

— Нет, так нет, — пробасил старик. — Я не в обиде. Но вы, все же, подумайте до утра. Не зря говорят, утро вечера мудренее…

— Не передумали? — неодобрительно спросил дед Тимо, строго блеснув стеклами очков. — Уходите?

— Нет, не передумали, — Ворро встал из-за стола, где они только что покончили с обильным и плотным завтраком. — Уходим.

Либсли Ворро было очень сильно не по себе. К утру пришло окончательное осознание масштаба катастрофы, которая их постигла. Его до паники пугал новый, незнакомый, страшный мир, в который они готовились вступить. Мир, где не осталось ни телефонов, ни супермаркетов, ни гостиничных номеров с горячей ванной, ни прочих милых сердцу мелочей. Мир, где с неба приходит смерть, где люди превращаются в зверей и рвут друг другу глотки, чтобы умереть не сегодня, а завтра. Мир, где расстояние в двести пятьдесят километров становится почти непреодолимым препятствием…

Ворро было страшно, но он не любил менять уже принятых решений.

— Надо уходить, — сказал он, обращаясь больше к самому себе. — Надо.

— Раз надо, значит надо, — не стал возражать старик. — Тогда я вам приготовил кое-какие вещи.

Откуда-то из-под стола он вытащил два больших туго набитых брезентовых рюкзака.

— Здесь немного одежды, пара-тройка смен белья, по бутылочке для сугреву, по коробке непромокаемых спичек, котелок, продуктов на пару дней – тушенка и те самые лепешки, что вам так понравились вчера. Они не черствеют долго, так что можете их хоть неделю хранить. В отдельном свертке – плитки из смеси сушеных ягод, меда, мяса и жира – двух плиток вполне хватает на сутки. К сожалению, спальный мешок у меня один, поэтому я положил вам по полотнищу. Они пластиковые, непромокаемые, неплохо держат тепло; если в них завернуться, можно провести ночь под открытым небом, даже когда идет дождь. И еще – вот вам по охотничьему ножу. Их лучше держать при себе, на поясе. Таким ножом и рогульки для костра вырезать можно, и банку консервную открыть, да мало чего… А это вам – вместо карты. "Атлас автомобильных дорог Вилканда". Он, конечно, не слишком новый, но, думаю, за десять лет еще не успел сильно устареть. Чтобы не искать, мы на 47-й странице, я там этот дом отметил и, на всякий случай, пару дорог.

Ворро и Неллью ошеломленно смотрели на кучу подарков.

— Спасибо, — наконец сказал Неллью. — Огромное вам спасибо.

— Не стоит, — сухо поблагодарил старик. — Как выйдете, обогнете дом, увидите дорогу. Километров через пятнадцать она вас выведет из леса, а дальше… Удачи вам. Возвращайтесь к себе в небо. Храни вас Единый и все ваши боги. Счастливо.

— Счастливо и вам, — откликнулся Ворро.

Эта фраза показалась ему намного более подходящей к случаю, чем "Прощайте" или же "До свидания".

На выходе из леса Ворро предложил немного передохнуть. Устроившись на широких лопатообразных корнях исполинского дерева кьярра, стоявшего на лесной опушке, они сначала без особого аппетита пожевали еще теплые серые лепешки, запивая их вкусной ключевой водой из жестяных фляжек, обшитых брезентом, потом просто посидели, глядя в близкое серое с голубыми просветами небо, а затем Ворро, слегка покряхтывая, наклонился к своему рюкзаку за подаренным дедом Тимо "Атласом автомобильных дорог…" и открыл его на заветной 47-й странице.

Тонкая синяя линия, начинаясь с жирной точки посреди леса, ныряла в паутину проселочных дорог и уже у самого края карты вливалась в шоссе Б-58 Кьеве-Тарануэс.

— Однако не близко, — уважительно протянул Ворро, ознакомившись с маршрутом. — Хорошо бы нам сегодня дойти до Чонори, тогда завтра мы бы заночевали где-то между Сьевераном и Толлье, а уже послезавтра добрались бы до шоссе.

— А далеко до Чонори? — лениво поинтересовался Неллью, поочередно сгибая и снова вытягивая ноги.

Ворро снова взглянул на карту.

— Сначала нам до Ледины надо дойти, это километров восемь будет, а от Ледины до Чонори еще пятнадцать. Всего двадцать три получается. Мелочь.

— Мелочь, — согласился Неллью. — За пять минут бы долетели. А вот ножками землю мерить – ох, не легкое это дело. Это сколько мы только что отмахали?

— Дед говорил, пятнадцать километров, — подумав, сообщил Ворро.

— И длинные же здесь километры, — вздохнул Неллью. — У меня ноги так и гудят. А еще и полудня нет.

— Дальше будет легче, — без особой уверенности заявил Ворро. — Втянемся.

Они посидели еще немного. И еще немного. Потом Ворро начал было вытаскивать из рюкзака полотнище, но передумал.

— Пора уже, — вяло заметил он. — Сколько уже? Десять есть?

— Без трех минут, — так же вяло ответил Неллью. — Верно, пора.

Оба они при этом продолжали сидеть.

— Ладно, — наконец решил Неллью. — Надо идти. Так мы и за месяц до Тарануэса не доберемся. Ну что, встаем?

— Встаем! Давай по команде. Раз! Два! Встали!

— Ли, давай я тебе рюкзак поправлю. Сколько до этой Ледины? Восемь километров? Да по хорошей дороге? Смешная цифра. Пошли!

— Знаешь, Ли, что меня поражает, — сказал Неллью примерно через час с небольшим (до этого они шли молча). — Сколько уже идем, а ни одного человека поблизости. Словно в пустыне.

Ворро, не сбиваясь с темпа, обозрел окружающий пейзаж – стену леса в двух-трех километрах, заболоченный луг, справа – чахлая пустошь, те же лужицы, заросли кустов, снова островки леса.

— А здесь людей и так немного, — авторитетно разъяснил он. — Место глухое, земля, видишь, неудобная, сплошные болота и прочие там кустики-елочки. Народ здесь если и живет, то обособленно, на фермах. Или в таких вот мелких городишках типа Ледины или Чонори, где едва с тысячу человек наберется. Да и знаешь, меня только радует, что людей вокруг нет. Когда мы в Тарануэсе были, ты к тому, что делается снаружи, особенно не присматривался, а я вот… да, повидал! Людей нам надо сейчас больше бояться, чем пришельцев, хотя ты, на всякий случай, на небо тоже поглядывай. Или по сторонам.

Вскоре начали появляться признаки цивилизации. На обочине дороги понуро ржавел брошенный пикап с помятым капотом и распахнутыми настежь дверцами. Чуть дальше были видны следы чьего-то привала – старое кострище и куча разнообразного мусора. С правой стороны показалась железнодорожная насыпь, а за ней – сжатое поле и еле заметные за деревьями домики и хозяйственные постройки фермы.

— Ну вот, почти пришли, — удовлетворенно заметил Ворро. — Только ты, если что, молчи. Говорить буду я.

Впереди уже различались очертания строений. Вдруг Ворро резко остановился.

— Слушай, Кисо, — обеспокоенно сказал он. — Тебе не кажется…

— Нет, не кажется, — жестко ответил Неллью. — Я точно вижу. Разбомбили город. Там, впереди, сплошные развалины.

Чем ближе они подходили, тем отчетливее становились

видны разрушения. Ближайшие дома превратились в бесформенные груды камня, завалив дорогу до середины. Рухнувшая труба, кусок забора с сохранившимися и даже запертыми воротами – все, что осталось от мастерской или небольшой фабрички. Железнодорожные пути начинали разветвляться перед подходом к станции, но вдруг упирались в огромную яму, из которой торчали изогнутые и скрученные чудовищной силой концы рельсов.

И нигде по-прежнему ни души. Только ярко светило наконец выглянувшее из туч солнце, да на обочине дороги сверкал свежей краской темно-зеленый с белым указатель с названием города Ледина, выполненный стандартным алфавитом и вилкандской слоговой азбукой.

Первые признаки жизни Ворро и Неллью обнаружили метрах в пятидесяти от первых домов, вернее, того, что от них осталось. Прямо посреди дороги лежала мертвая собака. Выглядела она, мягко говоря, непрезентабельно, а уж воняло – до небес.

— Совсем дело дрянь! — брезгливо прошипел Ворро. — Неужели никого не осталось, чтобы убрать эту падаль!? Значит, некому убирать-то!

— Ли, давай обойдем этот город стороной, — взмолился Неллью. — Зачем нам туда идти?

Ворро с сомнением огляделся. Слева – тот же луг, за которым блестит гладь неширокой речки, заросли камышей, кустарник, а чуть подальше – неровная стена леса, справа – железная дорога, за ней – недавно вспаханное поле. Затем Ворро с сожалением глянул на свои дорогие туфли, слегка потерявшие товарный вид после вчерашних прогулок по болоту и лесу, но еще вполне презентабельные. Туфли было жалко.

— Да ну его, столько времени терять, обходить еще, — проворчал Ворро. — Пошли напрямик.

Как и все люди его поколения, пережившие войну, Неллью видел и помнил, как выглядят города после бомбежки. Но разгромленная Ледина потрясла его. Потрясла даже не самими разрушениями, хотя один вид тридцатиметровых кратеров, окруженных валом, вызывал страх и невольное преклонение перед ужасной мощью пришельцев.

Нет, Ледина поражала окончательностью и бессмысленностью своей гибели. Крохотный провинциальный городок не имел никакого стратегического или даже тактического значения, не располагал заслуживающей упоминания промышленностью, не играл никакой роли ни как транспортный узел, ни как административный центр. Его просто прихлопнули

как комара на стене, походя, мимоходом, двумя залпами одной-единственной девятки "Молний".

Возможно дед Тимо был прав.

Глядя на этот несчастный город, очень легко можно было поверить, что он был прав.

Пришельцы и не собирались завоевывать Филлину. Они хотели только разрушать и убивать во имя…? Ради…? Для…? Да были ли у них вообще хоть какие-нибудь цели кроме убийств и разрушений?!

И это было страшнее всего.

И хорошо, что город был совсем маленький, и чтобы пройти его насквозь, хватило и получаса. А на окраине Ворро и Неллью увидели первого живого человека.

Мальчишка лет тринадцати-четырнадцати в запыленной темно-серой куртке увлеченно копался в развалинах небольшого дома. Этот дом, в отличие от всех остальных, вообще, был прилично расчищен, и из-под рухнувших перекрытий отчетливо просматривалось обширное помещение на первом этаже.

Скрип лопаты по камню можно было услышать издалека. Ворчание и громкие проклятия Ворро, в очередной раз порвавшего о торчащую арматуру свой многострадальный плащ, — тоже. Поэтому стороны заранее подготовились к контакту.

Из-за обломка стены появилась взъерошенная мальчишечья голова. Появилась, и тут же спряталась. Потом опять появилась. Затем появился и сам парнишка целиком. Он опирался на лопату и недовольно хмурился.

— Кто вы такие? — без всяких предисловий спросил он. — Что вам тут надо?

Либсли Ворро смерил мальчишку оценивающим взглядом и решил, что он не опасен.

— А ты-то сам кто такой? И вообще, что тебе за дело? Не видишь, идем себе по своим делам.

— А куда идете? — мальчишка явно не испытывал к взрослым никакого почтения.

— Куда надо, туда и идем, — отрезал Ворро. — Далеко. В Тарануэс.

— Ку-да?! — присвистнул мальчишка. — Лихо! А не врете?

— Оч-чень надо мне тебе врать, — обиделся Ворро. — Нужен ты мне. Мы летчики, нас пришельцы сбили. Вот и возвращаемся обратно в Тарануэс, там у нас работа. Про воздушный мост слыхал?

— Ага, — на лице мальчишки недоверие боролось с восхищением. — А вы точно летчики?

— Господи! Что за недоверчивые дети пошли, — Ворро расстегнул плащ. — Видишь, летная форма. С крылышками. Кисо, покажи ты тоже.

— Вижу, — немного разочарованно протянул мальчишка. — Вы, значит, гражданские летчики, не военные. А я то думаю, откуда вы здесь взялись. С неба упали, что ли. А вы по пришельцам не стреляли?

— Нет, — с сожалением сказал Неллью. — Не стреляли. В нас стреляли. Мы хотели вывезти людей с одного аэродрома недалеко отсюда, но пришельцы нас обнаружили. Вот и пришлось садиться…

— Падать, — поправил Ворро.

— …садиться прямо в болото. Потом мы нашли домик в лесу, переночевали у одного там, дедом Тимо звать, а теперь вот идем. Сначала сюда, потом в Чонори, а потом и в Тарануэс.

— Так вы у доктора Ньено ночевали? — вдруг оживился мальчишка. — Значит, он жив?!

— Кто жив? — не понял Ворро.

— Доктор Ньено, директор заповедника! Это он в лесу живет! Старый такой, невысокий, руки у него очень большие…

— О, господи! — Неллью вдруг схватился за голову. — Конечно! Тимо… Тимори… Тимори Ньено! Я же его книги читал! И фильмы видел! Как же это я не догадался!?

— Какие фильмы? — недоуменно спросил Ворро. — О чем ты?

— Да вспомни! Месяца два назад показывали! "Живой лес" называется. Целый сериал. Вспомнил?

— Так это что, его? — наконец догадался Ворро. — Силен дед…

— А что там с господином Ньено? — перебил его мальчишка. — У него все в порядке? Он часто к нам в школу приходил, про разных зверей рассказывал. Так интересно!

— Все в порядке, — проворчал Ворро. — Жив и здоров. Только тяжеловато там ему одному. Помощники его уехали, да так и не вернулись. Нас вот даже просил остаться…

— Ух ты! — возбужденно подскочил мальчишка. — Может, он нас в помощники возьмет?! Нас теперь только… трое… Осталось…

— Вы в городе жили? — сочувственно спросил Неллью.

— Нет, на ферме. На нас пришельцы бомбу сбросили. Бабушку убили, дядю с тетей убили, младенчика их убили, мою сестру ранили, она позавчера умерла… Дом, хлева, сарай, все сгорело… А хлеб отец еще до войны на элеватор в город свез… Вот и копаю – тут магазин раньше был, что-то можно отыскать.

Так как вы думаете, господин Ньено нас примет?

— Примет, примет, — успокоил его Неллью. — Он сам говорил, что одному ему с хозяйством не справиться. Знаешь, где его искать?

— Знаю! — обрадовано заявил мальчишка. — Тогда я побегу, ладно? А вам – счастливого пути. Жаль только, что вы не военные, а то пришельцам отомстили бы…

— Погоди, — остановил его Ворро. — Последний вопрос. Эта дорога на Чонори?

— Эта, эта! Идите прямо, так и придете! Только это плохой город, там одни жлобы живут. Отец ходил туда, просил помощи. Ничего не дали, сволочи!…

И снова дорога, дорога… Сколько их еще будет…

Вдоль берега тихой речки… Среди лесов и полей… Подальше от разрушенной Ледины…

Это случилось километров через пять, когда дорога наконец набралась храбрости пересечь реку. Или наоборот, это речка, сделав поворот, поднырнула под мост. Просто из зарослей кустарника, шагах в двадцати перед Ворро и Неллью, появился высокий худой парень с автоматом наизготовку.

— Стой! — выкрикнул он, направив ствол в их сторону.

— Вот вляпались! — в сердцах сказал Ворро, и когда из кустов за спиной автоматчика на дорогу вышли еще трое, Неллью понял, что на этот раз его друг-пессимист не ошибся.

Чем ближе подходили налетчики, тем больше удивления вызывал их внешний вид. Все четверо очень молодые, вряд ли старше двадцати. Двое в поношенной, выцветшей солдатской полевой форме без знаков различия, один в грязном, обтерханном и в нескольких местах прожженном насквозь ватнике, четвертый вообще невесть в чем. Все грязные, оборванные, у всех худые изможденные лица с глубоко запавшими глазами. И нехороший блеск в этих глазах.

— Рюкзаки долой! — скомандовал главарь с автоматом. — Руки за голову! Ро, обыщи их, нет ли оружия!

Самый низкорослый из грабителей, тот самый, в лохмотьях, торопливо охлопал Ворро и Неллью по бокам, вытащил ножи из ножен на поясах и швырнул их к ногам главаря.

— Больше ничего! — крикнул он. — Чисто!

— Это хорошо, — недобро прищурился главарь, не опуская автомата. — А ну, тащи сюда их хурду! А вы – (это Ворро и Неллью) стоять смирно!

Трое молодчиков начали увлеченно потрошить рюкзаки. На

дорогу посыпались заботливо уложенные вещи, брякнулся на асфальт котелок, покатились по сторонам консервные банки.

— Странно, — шепнул Ворро краем рта. — Сразу за вещами полезли, а деньгами даже не поинтересовались.

Главарь тоже был всецело поглощен процессом обыска, хотя время от времени позыркивал на пленников, и Неллью рискнул спросить.

— А у тебя что, есть деньги?

— Есть, — прошептал Ворро. — Грамм пятьсот золота в сертификатах. В кителе. Если будут лезть, я не выдержу, честное слово.

— Да что деньги? — пожал плечами Неллью. — Мусор. А еда – это жизнь.

— Вот как? — нахмурился Ворро. — Выходит…

— Братва! — один из налетчиков издал счастливый вопль. — Да тут жратвы полно! И бухало! Ох, пировать будем!

И тут один из свертков, небрежно запакованный Ворро, раскрылся и из него прямо на землю вывалились лепешки. Все трое набросились на них как хищники на добычу.

— Прекратить! — заорал главарь. — Вы!… Да прекратите же!

Те не реагировали, и тогда он сам кинулся наводить порядок, пиная и отбрасывая в сторону своих дружков, которые, не обращая на него внимания, ползали на коленях по земле, собирая и поспешно заталкивая в рот куски. Главарь ничего не мог с ними поделать.

— Прекратить! — в бешенстве орал он.

Схватив автомат за ствол как дубину, он был уже готов с размаху опустить его на голову ближайшего соратника, но тот вслепую отмахнулся и попал главарю по рукам. Автомат вылетел из главаря из рук и, перекувыркнувшись в воздухе, упал прямо между возящейся на земле кучей малой и Ворро с Неллью, все еще стоящими с поднятыми руками. В ту же секунду Ворро решился.

— Бьем их! — крикнул он Неллью, и оба рванулись вперед.

Главарь рванулся к автомату, но его опередил Неллью, с размаху ударивший его ногой прямо в лицо. Одного из любителей лепешек Ворро сразу же отправил в кусты мощным пинком под зад, второго, едва успевшего подняться, сбил с ног прямым в челюсть. Третий извернулся, вскочил, уже доставая из кармана кастет, но получил от Неллью по затылку прикладом и тоже рухнул на землю.

За считанные секунды ситуация изменилась на прямо противоположную. Главарь со стоном корчился, зажимая лицо ладонями, из-под которых обильно текла кровь. Парень в ватнике,

которого ударил прикладом Неллью, лежал ничком и слабо постанывал, щупая пальцами голову. Еще один глядел на земле, опасливо глядя на Ворро, и продолжал осторожно подбирать с земли крошки.

В лицо четвертого налетчика, выползшего из придорожной канавы, уставился ствол автомата.

— Всем лечь! Лицом вниз! — скомандовал Неллью и тут же расхохотался. — Ли, они нас на испуг взяли! Автомат учебный, патронов нет, одна видимость!

Тем не менее, все четверо выполнили приказ. Сейчас они уже не казались опасными, скорее, нашкодившими мальчишками, грязными, жалкими, слабыми… и голодными. Только сейчас Неллью понял, почему они с такой жадностью набросились на лепешки, забыв сразу обо всем.

Но Ворро не был настроен их жалеть. Подняв с земли ножи и забрав у Неллью автомат, отправив друга собирать и заново упаковывать разбросанные вещи, он по-хозяйски прохаживался перед лежащими на земле незадачливыми налетчиками, в подробностях рассказывая, что он сделает с каждым из них.

— Готово! — наконец крикнул Неллью. — Все цело, кроме твоих лепешек, конечно.

— У, чертово семя! — выругался Ворро. Было видно, что он не знает, что теперь делать. — Ладно, мразь, пока я добрый, по одиночке вставайте и валите отсюда, чтобы я вас тут не видел! Ты первый, пшел!

Несильно, но метко пнув в копчик главаря, все еще держащегося за разбитое лицо, Ворро отошел в сторону, засунув, наконец, нож в ножны на поясе. Кастет, отобранный у парня в ватнике, он положил себе в карман. Затем, подняв рюкзак, он вместе с Неллью заторопился прочь. Хотя они и победили, но противник все равно оставался в численном большинстве, и от него хотелось побыстрее удалиться на достаточное расстояние.

На середине моста Неллью взял у Ворро автомат и, не говоря ни слова, швырнул его в воду.

— Ты чего?! — вскинулся Ворро. — Ты чего наделал, кретин?!

— А на кой черт он нужен, — кратко ответил Неллью. — Это же не оружие.

— Ну и что? Все равно пригодился бы! Пугнуть бы кого-нибудь, например.

— Ли, — прочувственно сказал Ворро. — А ты знаешь, какая разница между человеком с оружием и человеком без оружия? В смысле, как к ним относятся окружающие.

Ворро задумался.

— На этот раз ты, кажется, прав, — нехотя признал он. — Когда у незнакомого человека в руках автомат, люди начинают нервничать. А какой-нибудь особо нервный может и стрельнуть на всякий случай. По нынешним временам это запросто. Признаю свою ошибку. Так что гордись, герой.

— Чем гордиться? — невесело хмыкнул Неллью. — Я вот только что парню все лицо разбил. И нос, наверно, сломал. Я с детства не дрался… А сейчас был готов его убить. Голодного пацана… Как нашло что-то…

— Голодного пацана с автоматом, — жестко поправил Ворро. — И наше счастье, что с ненастоящим автоматом. Пойми, Кисо, мы сейчас живем в совершенно другом мире. И если в этом мире мне придется убивать, чтобы выжить самому, я убью! Честное слово… И вообще, не отставай. Я уже, черт возьми, устал как не знаю кто, а до этого чертового Чонори еще километров с десять будет! Это же топать и топать!

Окрестности Чонори уже не производили впечатления безлюдной пустыни. По бокам дороги появились обработанные поля, на огороженных лугах паслись коровы и мохнатые белые овцы, на фермах вился дымок из высоких кирпичных труб. Однажды на дорогу метрах в трехстах перед ними выехал крестьянин на телеге, запряженной парой быков. Неллью приветственно помахал ему, надеясь, что фермер остановится и подождет их, но тот не ответил, хотя и оглядывался, и продолжал ехать, постепенно удаляясь.

Солнце медленно клонилось к закату, время от времени скрываясь за ползущими по небу клочьями облаков, а они все шли и шли и наконец пришли в Чонори.

— С ума сойти! — Ворро даже остановился. — Я и не думал, что так еще бывает. И странно как! Один город разрушен до основания, а второй, такой же, совсем рядом, целехонек!

— Лотерея, — пожал плечами Неллью, пораженный не меньше.

Другого объяснения у него не нашлось, да и было ли оно, это объяснение? Городок лежал перед ними – маленький, тихий, спокойный и какой-то совершенно безмятежный, словно и не было войны, и не гибли вокруг люди от пришедшей с неба крылатой смерти.

Идя по улицам, Ворро не переставал удивляться.

— Кисо, я сплю, честное слово! Смотри – вот магазин "У тети Эми", рядом обувной "Террери", тут же парикмахерская, "Лаки и краски", "Огородный инвентарь" – и все открыто, все работает, никаких очередей, никакого ажиотажа, полки ломятся от товара – где это мы, черт возьми?!

Единственное, что отличало город от мирного времени, — это отсутствие на улицах автомобилей. Зато было много велосипедистов – в основном, детей со школьными ранцами за плечами, а одна старушка поразила Неллью до глубины души, проехав мимо него на антикварном педальном самокате.

К этому времени первоначальная эйфория Ворро уже успела куда-то испариться.

— Слушай, Кисо, — прошептал он на ухо Неллью. — Мне это не нравится. Чего это все они на нас так пялятся?

— Я бы на их месте тоже пялился, — беспечно заметил Неллью. — Я так думаю, к ним уже давно никто чужой не забредал.

По правую сторону появилась небольшая площадь со старинной церковью, несколькими домиками казенного вида и ресторанчиком с большой и заметной вывеской "Кабачок".

— Пошли в этот "Кабачок", что ли, — предложил Ворро. — Попробуем договориться там об ужине и ночлеге.

Но перед ресторанчиком им преградила дорогу небольшая толпа местных жителей, человек в тридцать. Они ничего не говорили, просто молча стояли у них на пути, и это все сильнее и сильнее нервировало Ворро. Он даже обрадовался, когда в первом ряду появился рослый пожилой полицейский с рядом нашивок за многолетнюю беспорочную службу на широкой груди.

— Старший вахмистр Гьедо Рекин, — представился полицейский. — Попрошу ваши документы.

Толпа вокруг отозвалась легким одобрительным гулом. За спиной старшего вахмистра показались двое его подчиненных, и Ворро с беспокойством отметил, что они держат руки на рукоятках коротких резиновых дубинок, а у их начальника расстегнута кобура, из которой выглядывает рукоятка пистолета.

— Пожалуйста, — стараясь не нервничать, Ворро протянул полицейскому их международные летные удостоверения.

Старший вахмистр изучал документы долго. Даже очень долго. Ворро уже решил было вслух предположить, что тот не знает всеобщего алфавита и теперь ищет знакомые буквы, но поглядел на двух мощных полицейских, на застывшую в напряженном ожидании толпу – и передумал.

— Хорошо, — полицейский наконец оторвался от захватывающего процесса изучения удостоверений. — Господин Ворро и господин… да, Неллью. Я могу вам задать несколько вопросов?

— Можете, — мрачно сказал Ворро.

Толпа вокруг насчитывала уже человек пятьдесят и продолжала увеличиваться. Судя по всему, жители славного

города Чонори явно страдали от недостатка развлечений. Ах, да, понял Неллью. У них же теперь нет ни телевидения, ни радио…

Говорил, как всегда, Ворро. Он изо всех сил старался держаться спокойно и не обращать внимания на зрителей. В особые подробности Ворро решил не вдаваться, поэтому речь его заняла не более пяти минут.

— Да, ваша история выглядит довольно забавно, — громогласно отметил старший вахмистр Гьедо Рекин. — Летчики из Тарануэса, сбитые пришельцами. И возвращаетесь пешком обратно в Тарануэс. Весьма забавно.

Несколько смешков из толпы подтвердили: да, забавно. И именно, весьма.

— А за кого вы нас принимаете? — не выдержал Ворро. — За шпионов?

— Может быть, и за шпионов, — невозмутимо сказал старший вахмистр. — Были, знаете ли, такие указания.

В толпе снова послышались смешки.

— А вы проверьте, может, это те, что вчера старого Ги обчистили, — громогласно предложил какой-то непрошеный советчик.

— Послали, послали уже за Ги, — ответили ему разу несколько голосов, полных драматизма. — Младший сын Дубо уже побежал.

Напряженная пауза длилась несколько минут, затем толпа снова оживилась.

— Идут, идут, — послышались возбужденные голоса. — Пропустите его.

В первый ряд не спеша протолкался жилистый дядька крестьянского вида.

— Господин Гиро Ченуси, — обратился к нему старший вахмистр. — Вы узнаете в этих людях преступников, кои вчера учинили злодейское нападение на ваш дом?

Толпа затаила дыхание. Ворро и Неллью тоже.

— Не, эт" не они, — важно заявил господин Гиро Ченуси. — Те помоложе были, да погрязнее. И их четверо было, не двое. Не, эт" не они.

— Вы уверены? — старший вахмистр не скрывал разочарования. Зрители тоже. — Приглядитесь получше.

— Да чё тут глядеть? Не они это, и все! Тех я хорошо разглядел. Эт" солидные люди, а те – шпана и все тут. И автоматом в лицо так и тычут, так и тычут.

— Так вы нас за налетчиков приняли? — нервно хихикнул Ворро.

— Вы их видели? — немедленно накинулся на него

полицейский. — Четырех злодеев с автоматом?

— Уже без автомата, — с облегчением засмеялся Ворро. — Выкинули мы их автомат в речку.

И Ворро поведал старшему вахмистру – и еще сотне зрителей – об их нечаянной встрече с грабителями.

— Надеюсь, — закончил он. — Вы не станете задерживать нас за нанесение легких телесных повреждений.

Старший вахмистр хитро сощурился.

— Если эти граждане не подадут на вас заявление в полицию, думаю, нет.

В толпе послышался смех. Настроение собравшихся сразу переменилось.

— Летчики, летчики из Тарануэса, — прошелестело подобно порыву ветра.

— Если вы из столицы, так скажите, когда, наконец, закончится этот бардак?! — вдруг громко потребовала пожилая беловолосая женщина, стоящая прямо напротив Ворро.

— Какой еще бардак? — не понял Ворро. — Вы говорите о войне?

— Я хочу знать, когда, наконец, у нас снова включат электричество! — заявила женщина. — Из-за этого я уже пропустила девять серий!

Несколько голосов вразнобой заметили, что можно было пропустить и двадцать и все равно ничего при этом не потерять.

— Нет, это важно, — голос беловолосой женщины легко перекрыл толпу. — Я должна знать, вышла ли Лара за этого лоботряса или нет!

Кто-то в глубине толпы кратко и емко высказался по поводу всех телесериалов, вместе взятых.

— Где проходит линия фронта? — весело выкрикнул бодрый дедок с деревянной ногой и медалью на лацкане пиджака.

— Почему моему мужу не выплачивают зарплату? — допытывалась молодая женщина с выпяченным животом. — Он учитель, ему всегда выплачивали по 25-м числам, почему сегодня не дали?…

— Будет ли восстановлено снабжение?…

— Тише, тише! — пытался успокоить толпу полицейский. — Не все сразу. Пусть скажет господин мэр!

Это подействовало. Толпа понемногу утихла, и в первый ряд выдвинулся пожилой лысоватый мужчина в черном костюме.

— Я Лиман Караи, мэр, — важно представился он. — Я правильно понял, что вы только вчера из столицы?

Ворро кратко подтвердил.

— Что происходит в стране? — драматическим голосом

спросил мэр. — Мы здесь как на острове – телефонной связи нет, почта не работает, поезда не ходят! До Сьеверана, центра нашего уезда, невозможно добраться – взорван мост через реку Раоре…

Толпа взволнованным гулом подтвердила драматизм ситуации.

— Взорван мост? — обеспокоенно переспросил Ворро.

— На машине не добраться, — уточнил мэр. — Там речка такая, что вброд перейти можно. Но до Сьеверана тридцать километров…

— Младший Димо третьего дня ходил, — уточнил кто-то.

— Ну и что он там выяснил? — раздраженно повысил голос мэр. — Ничего! Одни слухи! А ведь идет война! Видно, нас принимают за такое захолустье, что даже не считают нужным что-нибудь разъяснить!

— Верно! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Некому уже, наверное, разъяснять, — мрачно заявил Ворро. — Все правительство уже давно перебралось в Валез. И война давно проиграна.

— Что вы говорите?! — мэр встревоженно переглянулся с полицейским. — Это же будет просто катастрофа!

— Катастрофа уже произошла, — сказал Ворро. — Только вы этого еще не успели заметить. Но скоро она придет и сюда.

Толпа превратилась в слух.

— И что же это будет? — спросил мэр. — Нам ожидать оккупации? Может, мне надо распорядиться, чтобы сожгли почту, мастерские и элеватор? Чтобы не досталось врагу?…

В глубине толпы кто-то подал возмущенный голос. Но его быстро успокоили.

— Не торопитесь сжигать, — посоветовал Неллью – Пришельцы это сделают сами. Оккупации, наверно, не будет. Будут бомбежки.

— Какие бомбежки? — недоуменно спросил кто-то. — Наш город-то зачем?

— А Ледину зачем? — в тон ему ответил Ворро. — Разве вы не знаете, что пришельцы разбомбили Ледину?

Несколько голосов из толпы тут же выдали ему исчерпывающую информацию. Конечно, знаем. Ну и что с того? В Ледине всегда жили голодранцы и теперь ходют тут всякие, выпрашивают. Сами, небось, во всем виноваты.

Толпа начала быстро терять интерес к неожиданным гостям. Люди стали расходиться.

— Это серьезно, — вполголоса сказал Неллью мэру и полицейскому. — Может, и пронесет, но на всякий случай, будьте готовы к тому, что ваш город разбомбят, как и Ледину. Нужно на

время эвакуировать население, создать запасы продуктов. Или вообще, уходить к ближайшему безопасному коридору.

— Да-да, — рассеянно пробормотал мэр. — Спасибо, вы смогли немного прояснить нам ситуацию. Значит, рассчитывать придется только на себя…

— Погодите! — воззвал Ворро. — Где здесь можно переночевать?

— В гостинице, — вразнобой ответили ему сразу несколько голосов. — У нас приличный город, своя гостиница есть.

Хозяйкой гостиницы оказалась та самая беловолосая женщина, любительница телесериалов.

— Оплата наличными и вперед, — сразу же заявила она. — За одноместный номер – двести тысяч за ночь, а если возьмете один двухместный на двоих, это вам обойдется в триста тридцать тысяч.

— Лимий? — не мог поверить Ворро.

— Конечно, лимий! Мы иностранные деньги не принимаем.

— Тогда, наверное, номер на двоих, — решил Ворро. — А поужинать у вас можно?

— У меня только завтраки, — отрезала хозяйка. — Сходите лучше в "Кабачок", там неплохая кухня, только вино, между нами, дрянь, так что больше бутылки не заказывайте…

На улице Ворро расхохотался.

— Ну и городок! Знаешь, Кисо, мне их даже немножко жалко – они еще не понимают, что их ждет!

— Скоро поймут, — грустно сказал Неллью. — И… мне стыдно признаться, но мне сейчас хочется только одного: чтобы это произошло не в ближайшую ночь.

Ворро и Неллью стояли на балкончике небольшого номера и смотрели на усеянное звездами небо.

— Я тебе признаюсь, Кисо. Сегодня утром, перед тем, как мы начали свой поход, мне было очень страшно, — сказал Ворро.

— Мне тоже. Я не верил, что дойдем. А сейчас верю.

— И я верю. Конечно, мы дойдем.

За этот день они прошли около сорока километров. До Тарануэса осталось еще двести десять.

Глава 33. Комиссар

Если считать армию вторжения одним исполинским сверхорганизмом, то разведывательный отдел наверняка играет в нем роль какого-нибудь важного органа. Например, глаза. Или, точнее, глазного нерва.

Заглянем туда.

Большой отсек… Нет, несколько смежных отсеков, полных разнообразной аппаратуры. На длинных столах рядами стоят компьютеры, в углу перемигиваются своими крохотными глазками-огоньками два сервера – основной и дублирующий, рядом – большой блок информационного хранилища с рядами черных плоских временных накопителей, вставленных в специальные гнезда. На многочисленных полках стоят впритык папки и отдельные стопки распечатанных снимков, ячейки с накопителями и еще какое-то таинственное барахло, тоже, очевидно, имеющее отношение к разведке.

И люди. Конечно, люди. Сидящие перед мониторами компьютеров, прохаживающиеся с пачками распечаток в руках, вполголоса переговаривающиеся между собой. Поэтому в отделе разведки стоит непрерывный тихий гул, сплетающийся из негромких голосов, вкрадчивого шелеста принтеров, еле слышного гудения вентиляторов и еще чего-то почти неуловимого. Наверное, это звук работы пяти дюжин мозгов, причем, прямо скажем, далеко не худших мозгов в Имперском Военном Космофлоте.

Все это немного напоминает муравейник, только без присущей муравейнику веселой беспорядочной метушни.

Говорят, ученые могут отличить одного муравья от миллионов его собратьев. Да что муравьи, если они научились метить даже атомы. Но мы с вами не ученые, и поэтому давайте оставим в покое микромир и займемся наблюдением за человеком. Да-да, именно вот за этим.

Вот он. Совсем молодой, но уже старший аналитик с нашивками старшего офицера третьего ранга. Он сидит в расслабленной позе за крайним в среднем ряду компьютером и просматривает спутниковые фотоснимки.

Электронный карандаш легко касается планшета. Нажатие на выступ под большим пальцем – и на экране появляется новый снимок. Короткий пристальный взгляд, касание – и следующий. Это похоже на конвейер.

Внезапно конвейер останавливается. Молодой человек,

привлеченный чем-то, внимательно смотрит на экран, делает увеличение, затем переключает диапазон… Электронный карандаш непринужденно, широкими, размашистыми движениями бегает по планшету. Сервер в углу мигает и на мгновение чуть-чуть изменяет тон своего басовитого тихого гудения. Это умная машина производит поиск в архиве.

Не проходит и пяти секунд, как перед старшим-три возникает желаемое. Он еще раз просматривает снимки, сравнивает их, и дает команду на печать. Протянув руку к стоящему рядом принтеру, он берет распечатки, встает и идет на другой конец стола к своему начальнику. Тот внимательно изучает снимки, пожимает плечами, а затем делает рукой недвусмысленный жест.

Это означает: пусть разбирается главный.

Начальник разведывательного отдела разговаривает с кем-то по видеофону, и молодой старший аналитик, чтобы занять себя, смотрит на большой снимок за спиной руководителя.

Снимок этот одновременно ужасает и восхищает. Это город. Вернее, место, которое раньше было городом. Сейчас его скорее можно признать за пейзаж какой-то луны, причем, попавшей под метеоритный поток.

Старший-три знает, что это за город. По-местному он назывался Тамо, и ему не повезло оказаться ближайшим крупным городом к месту посадки флагманского корабля.

Да, не каждому городу выпадает несчастливая участь стать полигоном для демонстрации силы и мощи воздушных сил Имперского Военного Космофлота. Кажется даже невероятным, что всего этого можно было добиться без ядерного оружия, однако это так. Вот эта серия наползающих друг на друга кратеров – явно результат залпа простыми примитивными ракетами "воздух – земля", которыми вооружены "Молнии". Участок местности, напоминающий кипящее стеклянное море, — безошибочный свидетель работы суперзажигалок. А это – словно по городу прошелся исполинский великан, давя здания тяжелыми башмаками, — похоже, следы кассетных бомб объемного взрыва, сброшенных "Драконами" еще в самую первую ночь…

Снимок был красив. Бывший город был снят не сверху, а немного сбоку, панорамой. Под лучами низкого утреннего солнца развалины отбрасывали фантастические тени, выглядя то как стены старинного замка, то как причудливые инопланетные скалы; неровные провалы пустых окон казались входами в таинственные пещеры… Но молодой старший-три все равно чувствовал дискомфорт. За последнюю декаду он видел снимки сотен и тысяч подобных городов и городков, в конце концов, это

была его работа, но ему никогда не приходило в голову увеличить самый эффектный снимок до размера один метр на два и повесить на стенку…

Чтобы немного отвлечься, он прислушался к разговору, который все еще вел начальник разведки.

— …Нет, господин генерал, — вкрадчиво говорил начальник, по званию только суперофицер второго ранга. — Компьютер – это еще не показатель… Да, вы сами знаете, иногда они показывают не то, что есть на самом деле, а то, что им кажется… Вот, у меня прямо перед глазами последние данные со спутника… Трубу там только повалило, трубу и все, а остальное стоит целехонькое. Если хотите, я вам сейчас перешлю этот снимок по почте… Нет?… Я понимаю, господин генерал, это обидно, но что поделаешь: все мы выполняем свою работу…

Начальник разведки прервал связь и жестом пригласил старшего аналитика пересесть поближе к его столу.

— Что у вас, Даэрм? Опять, небось, что-то отрапортовали, а на деле – пшик? Слышали? Только вот что имел разговор с неким… большим начальником. По вашей же сводке, между прочим.

— Боюсь, что опять, — улыбнулся старший-три. — Правда, честно, говоря, я в некотором затруднении. И старший офицер первого ранга Минсуо – тоже. Разрешите? Это город 6-2-11, местное название – Нейсе. Он был обстрелян в день Д + 3, степень разрушения – 9/12, что соответствует данным воздушной разведки. Но вот сегодняшний снимок в инфракрасном диапазоне. Видите, как светит – здесь… и здесь. Со вероятностью в десять двенадцатых это должна быть энергоустановка промышленного типа. А это – снимок семидневной давности из архива. Несколько единиц строительной техники, какие-то довольно масштабные работы, причем в том же самом районе. И еще вот здесь – на самой окраине города. Я понимаю, господин суперофицер второго ранга, что все это, в общем, мелочи. Но меня смущает расстояние – меньше тридцати километров от периметра безопасности флагманского корабля. Поэтому я предлагаю включить город 6-2-11 в список повторных целей.

— Хорошо, — кивнул начальник разведки, просмотрев снимки. — Согласен. Это действительно слишком близко от нас, чтобы этот городок можно было проигнорировать как мелочь. Включайте в вашу сводку, отдельным пунктом. Я подпишу.

Поздним вечером того же дня командующий первой группой воздушных сил флагманского корабля давал задание на завтра заместителю командира боевой части дистанционного

управления.

— Супер-два, вам говорит что-то название: "Нейсе"? — спросил командующий группой.

— Никак нет, — признался дистанционщик. — Я предпочитаю не запоминать туземных названий. Лишняя трата времени.

— Не скажите, не скажите, — мечтательно покачал головой командующий группой. — В этом определенно что-то есть. Вот я читаю сейчас отчет о кронтэйской операции, а там на каждом шагу – "воздушные силы нанесли удар по войскам противника у озера Бурдубузима…", "Танки с боями форсировали реку Таба-Схека…", "город Тюрьяндака был приведен к покорности героическим рейдом отряда звездной гвардии…"

— Очень романтично, — уважительно заметил дистанционщик. — Господин генерал третьей величины, а вы не думаете сами написать книгу о филлинской операции?

— Не знаю, не знаю… Ладно, не буду мучить вас, супер-два. Нейсе – это по нашему списку 6-2-11.

— Все равно не помню, господин генерал третьей величины! Мы же уже пять суток, как трехиндексными не занимаемся. Забот столько…

— Ну будет, будет, — смилостивился генерал. — Сейчас мы его по компьютеру проверим… Ага, теперь ясно, почему вы его не помните. Это охрана периметра им занималась, не мы. Вот сейчас мы их и обрадуем…

Командующий группой деловито защелкал кнопками на своем браслете связи.

— Румс, ты? Это тебя Нигсад беспокоит. Как ты там, уже дрыхнешь? А мы вот – нет, делом занимаемся. Слушай, оторви-ка ты для меня свой зад от кресла и проверь городок под номером 6-2-11… Я сам знаю, что твои орлы им занимались. Тут разведотдел выяснил, чего-то вы там не добили… Да, сейчас отошлю… Нет, ты уж извини, но боеприпасы у меня строго лимитированы, самому не хватает… Знаешь, Румс? У тебя кто тогда этим городком занимался? Два фендрика с танковой? Так пошли их снова, дай им "Крошку", а если что обнаружат, я пригоню "Дракон", он там и сделает зачистку местности… Ну хорошо, Румс, пока. Тебе тоже… Ты мне только скажи, за мной не заржавеет…

Командующий группой защелкнул браслет и с довольной улыбкой глянул на дистанционщика.

— Ну вот и ладненько. Всегда хорошо, когда есть, на кого свалить хлопотное дельце…

Дэсс Урган проснулся почти в полной темноте, которую едва рассеивал крошечный огонек "летучей мыши". Протянув руку к изголовью постели, он нащупал часы и поднес их к глазам. Пятнадцать минут шестого. Он просил разбудить себя в половине, но лежать оставшиеся до подъема десять минут уже не хотелось, и Урган встал, прошлепал босиком по неприятно холодному цементному полу и, на ощупь отыскав спички, зажег свечу.

Сразу стало светлее. Вместо колышущейся тьмы, сомкнувшейся вокруг крошечного язычка пламени, появились очертания небольшого подвала, наполовину заставленного огромными бочками.

Урган сам выбрал под штаб погреба винзавода на окраине Нейсе. Вино в бочках было, правда, неважное – невкусное и слишком крепкое, а вот подвалы были хорошие. К тому же, сам винзавод лежал в развалинах и не привлекал к себе особого внимания.

Единственное, чем плохи были подвалы, — там всегда было сыро, душно и темно. Урган не прожил под землей и двух недель, но ему уже страшно не хватало света. И даже не света яркого солнечного полудня, а хотя бы нормальных привычных электрических ламп вместо свечей и тускло коптящих керосинок. И еще ему не хватало неба. Острого чувства свободы в беспредельном небе, которое может дать только пилотирование скоростного, маневренного и мощного истребителя. Однако и о небе нужно было забыть. Забыть надолго, а может быть, страшно сказать, и навсегда. Небо стало чужим, оно больше не принадлежало людям Филлины. Небом завладели пришельцы…

Одевшись и умывшись под жестяным умывальником, прибитым к стене, Урган прошел по коридору в другой подвал, побольше, игравший роль штабной столовой. Там было почти светло, горели сразу четыре лампы, а большинство обитателей были уже на месте и готовились к завтраку.

Ординарец Ургана – немолодой старшина с авиационными перышками на погонах – варил скайру на крохотной спиртовке. Еще одна мирная привычка, на глазах уходящая в безвозвратное прошлое: скайра – товар импортный, и как не экономь, через пару месяцев ее запасы все равно подойдут к концу. На старшину рассеянно поглядывал молодой связист, тоже раньше служивший на авиабазе. Связист, знал Урган, был большим любителем скайры и не мог представить себе утра без чашечки.

Майор Гечи Раро, бывший порученец покойного генерала Вейна, понемногу превращающийся из холуя в толкового администратора, задумчиво разглядывал себя в осколок зеркала, поглаживая обритую голову. Выглядел майор уже лучше – ожоги

на щеке понемногу заживали, а на месте сгоревших бровей и ресниц уже начали расти новые.

И наконец, Лика… Лика Ранси. Она сидела перед одной из ламп и сосредоточенно смазывала свою снайперскую винтовку, полученную в качестве приза на каких-то соревнованиях по стрельбе. Глядя на нее, Урган всегда чувствовал себя немного виновато. Лика ему нравилась, очень нравилась, и он не выдержал искушения оставить ее возле себя в должности начальника курьерской службы. В этом он, кстати, не прогадал. Будучи офицером Дорожного Патруля, Лика знала округу как свои пять пальцев. Оказалась она и хорошим командиром: два десятка сорвиголов, пересевших с мотоциклов на велосипеды, слушались ее с полуслова и без устали мотались целыми днями по району, обеспечивая связь с отдаленными городами и деревнями.

Ухаживать за Ликой Ранси Урган и не пытался. По его мнению, флиртовать с женщиной, всего несколько дней назад потерявшей жениха, было бы, по меньшей мере, неприличным. К тому же, оказавшись самым главным начальником в районе, по сути дела, диктатором, он крайне щепетильно относился к тому, чтобы не использовать свое положение, как говорится, в личных целях.

— Доброе утро, — сказал Урган, глядя на Лику Ранси.

Взгляды – это максимум, что он себе позволял.

— Доброе утро, господин полковник, — майору Гечи Раро, как всегда, удалось опередить остальных.

— Есть что-то новое? — спросил Урган связиста.

Спрашивал он исключительно для порядка. Случись что-то по-настоящему серьезное, его бы разбудили ночью.

— Никак нет, господин полковник, — поспешно отрапортовал связист. — Только под утро с северного сектора передали – немного бомбили Трину.

— Что значит, немного? — нахмурился Урган.

В последние три дня бомбежек почти не было. Пришельцы, за предыдущую неделю разрушив все мало-мальски крупные города в округе и около половины сел и деревень, казалось, потеряли интерес к району Нейсе. Урган даже начал надеяться, что самое худшее уже позади.

— Немного и есть, господин полковник. Пять или шесть бомб. Никакого сравнения… О подробностях наблюдатель не сообщал. Согласно вашему приказу…

— Я уже отправила туда связного, — спокойно добавила Лика Ранси, со щелчком вставив на место затвор. — Часам к двум вернется.

— Хорошо, — коротко кивнул Урган.

Он сам требовал от связистов максимальной лаконичности. Запасы батареек для раций тоже надо было экономить: пополнить их было негде.

— Господин полковник! — вдруг вспомнил майор Гечи Раро. — Прошу прощения, забыл. Вас главный врач городской больницы дожидается. Говорил, правда, ничего особо срочного…

— Сейчас узнаем, — Урган поднялся из-за стола. — Старшина, завтрак тогда занесете ко мне в кабинет, чуть позже.

Главный врач выглядел усталым и каким-то поникшим.

— Я хотел бы посоветоваться с вами, господин полковник, — неуверенно начал он.

— О чем же?

Урган был удивлен. За последние дни он неплохо узнал этого немногословного пожилого человека, классного хирурга и хорошего администратора, имевшего еще с той войны звание подполковника медицинской службы. До этого момента, ему, казалось, были чужды какие-либо сомнения или нерешительность.

— Вчера мне доставили одного больного, — продолжил врач. — Он в плохом состоянии и нуждается в срочной операции. Но для нее нужно на два-три часа задействовать аппаратуру, работающую от электросети…

— У вас проблемы? — озабоченно спросил Урган. — Что-то не в порядке с вашим генератором?

— Он в порядке. Но я не знаю, могу ли я позволить потратить три часа его работы на этого пациента.

— То есть? — Урган все еще не понимал, куда он клонит.

— Этот пациент – старый, больной человек. Он нуждается в постоянном уходе и лекарствах. К тому же он из Сарне, не нашего района…

— Какая разница? — вздохнул Урган. — Все они теперь наши…

Он и сам не знал, как далеко (в пространственном смысле) простирается его власть военного комиссара района Нейсе. Что-то вроде неправильного пятна радиусом тридцать-сорок километров и с запада ограниченного зоной смерти вокруг корабля пришельцев. Маленькая территория, где полиция, несмотря на бомбежки, худо-бедно продолжала следить за порядком, раненые и больные получали какую-то медицинскую помощь, для многочисленных бездомных кое-где устраивались временные жилища и даже рылись землянки, а потерявшие средства к существованию горожане получали скудный паек из военных

запасов и складов госрезерва. Иногда Ургану казалось, что он здесь совершенно не при чем, даже как символ, просто люди сами цеплялись за последние остатки мирной жизни вокруг них.

— Господин полковник, не делайте вид, что ничего не понимаете, — строго сказал главный врач. — Я говорю именно о том, чтобы отменить операцию и обречь этого больного на смерть, сохранив высвободившиеся ресурсы для кого-то другого.

После этих слов на короткое время наступила тишина. Главный врач и Урган смотрели прямо в глаза друг другу.

— Что у него? — наконец спросил Урган.

— Думаю, вам это ничего не скажет. Длинное название, целиком состоящее из специальных терминов. И дело вовсе не в этом.

— Я знаю. Неужели положение уже настолько плохо?

— Оно стремительно ухудшается, и я ничего не могу с этим поделать. У нашего генератора остался запас горючего на семьдесят четыре часа. Мы стараемся включать электричество как можно реже, но все равно в среднем набирается около часа в сутки. Через два месяца он остановится навсегда.

— Для вас горючее всегда найдется, — сказал Урган.

— Но и у вас запасы скоро подойдут к концу. Увы, но на нашей территории нет никаких источников нефти.

— Один из инженеров пообещал переделать дизельные электростанции на паровые генераторы, работающие на угле или дровах.

— Вы сами знаете, как мало у нас и того, и другого. Но энергия – это не главное. Мы умеем работать и при свечах. Хуже с лекарствами. Проклятые бомбежки сократили наши запасы более чем наполовину, и того, что есть, не хватит и до середины зимы. Я, конечно, рад, что вы мобилизовали всех бабушек-травниц в округе, но никакие травы не заменят пенициллина или противостолбнячной сыворотки. Понятно, что я могу привести еще десятка три наименований.

— Один ваш коллега пару дней назад потребовал отправить транспорт в Тамо на аптечные склады, — веско сказал Урган. — И даже передал мне выписанное по всем правилам требование на полтонны различных медикаментов.

— Я понимаю вас. Но поймите и вы меня. На фронте мне неоднократно приходилось выбирать, кто из моих пациентов будет жить, а кто – нет. И мне чертовски это не нравилось. Когда мне предложили пост главного врача здесь, я решил для себя, что больше никогда не встану перед таким выбором.

Урган согласно кивнул. Трудами именно главврача городская больница в Нейсе имела такой набор оборудования, которому

позавидовал бы любой столичный госпиталь. Сейчас четырехэтажное здание больницы походило на развалину – без крыши, с выбитыми окнами и следами пожара, но операционные, расположенные на первом этаже, не пострадали, и больница продолжала прием пациентов.

— Вы больше не можете делать такой выбор? — тихо спросил Урган.

— Нет. Что-то во мне изменилось за эти мирные тихие годы. Это глупо. Я знаю, что предпочел бы сохранить горючее или лекарства ради спасения жизни роженицы… или молодого парня, у которого впереди… А впрочем, черт его знает, что у него впереди! Но я, черт возьми, помню, как мне приходилось оперировать под обстрелом и почти в темноте, не имея в достатке даже бинтов! Тогда у меня умирало трое раненых из десяти, хотя двух из них я мог бы спасти! Да, я хочу оттянуть это время, как только могу! Проклятье! Через месяц я не смогу давать больным даже наркоз! И я, черт возьми, прихожу к вам, вам, человеку младше меня на двадцать лет, и требую, чтобы он сделал этот поганый выбор за меня!

— Подождите, — перебил его Урган. — Не корите себя. Я не обещаю невозможного, но я постараюсь помочь. Хотя бы с наркозом.

— Да нет, — врач устало потер виски ладонями. — Это я постарел. Укатали сивку крутые горки… Нет, я не собираюсь уходить в отставку. Простите, полковник. Это был момент слабости. Это пройдет.

— Постойте, — сказал Урган. — Раз вы уж пришли ко мне, давайте придем к какому-то решению. Я думаю, вы должны оперировать вашего больного. Хотя бы потому, что у него есть кто-то – родственники или друзья, которые везли его за тридцать километров, из самого Сарне. Давайте не выбирать, доктор. И пока есть возможность, делать все возможное. А потом и невозможное. Иначе, наверное, нельзя.

— Нельзя, — согласился врач. — А насчет невозможного… На фронте и не такое приходилось делать. Справимся. Только бы бомбы на голову больше не падали, мешают уж очень… Спасибо вам, полковник.

— Спасибо вам, — откликнулся Урган. — Вы хоть отдыхаете иногда?

— Как и вы, изредка. Но сейчас легче, намного легче. Вот десять дней назад, сразу после бомбежки, тогда было тяжело, да! А сейчас… Лишь бы только это похолодание поскорей закончилось. Иначе – жди целой эпидемии простуд и лихорадок.

— И верно, — спохватился Урган. — Знаете, вы мне

напомнили. Надо ехать на завод, узнать, как у них идут дела с производством печек…

Выйдя наружу, Урган поежился от пронизывающе холодного ветра. Промозгло, сыро, а ведь до конца осени еще больше месяца. Чего же тогда ждать зимой? Вдруг пойдет снег? А он может принести кучу неприятностей – сильно затруднит курьерскую связь, а то и вовсе выдаст пришельцам все их убежища. Пусть здесь, в южной Граниде, на сорок первом градусе широты, снег выпадает обычно не больше двух-трех раз за зиму и тут же тает, но кто поручится, что как раз эта зима по закону подлости не окажется чрезвычайно холодной?

Впрочем, эта проблема – не сегодняшнего дня, да и повлиять на события здесь никак не возможно. И Урган прекратил беспокоиться о погоде и пошел к своему экипажу, который уже выкатили из гаража.

Кто сказал, что автомобиль не роскошь? Роскошь, де еще какая! Из-за нехватки бензина Урган ездил на старинном педальном самокате, позаимствованном у местного антиквара. Выглядел же этот самокат… Темно-вишневый лакированный кузов с массой позолоченных финтифлюшек, никелированные бамперы в виде клыков, вместо фар и габаритных огней – восьмигранные керосиновые фонари из цветного стекла. За рулем сам антиквар – огромный дядька в наглухо застегнутом кожаном пальто, очках-консервах и белой фуражке с наушниками. Позади, на педалях, — два дюжих парня с аэродромной обслуги авиабазы в синей парадной форме наземных частей ВВС. Совместными усилиями на хорошей дороге они разгоняли это чудо техники до скорости в сорок километров в час. В полуоткрытом салоне на широком диване с немного потертой красной плюшевой обивкой – сам Урган и майор Гечи Раро, а рядом с водителем – связист в обнимку с рацией. Впереди и сзади – охранники тире наблюдатели за воздушной обстановкой на велорикшах с ручными пулеметами. По бокам – два курьера из подразделения Лики Ранси на велосипедах, с короткими десантными автоматами, заброшенными за спину.

В кинокомедиях такое бы снимать, вот!…

Неделю назад, впервые сев в этот экипаж, Урган всерьез опасался, что пришельцы могут обратить внимание на его пышную свиту. Потом осмелел и перестал их бояться, хотя и требовал от шофера вбирать дороги, не проходящие через слишком уж открытые места.

Вот и сейчас, хотя от штаба до "завода", вернее, небольшой мастерской, где с полсотни рабочих трудились на вынесенных из

развалин тракторного завода станках, по прямой было меньше двух километров, он предпочел дорогу более длинную, но зато почти целиком проходящую через небольшой парк.

Парк с его раскидистыми старыми деревьями, смыкающими свои кроны где-то в вышине, представлял собой хорошее укрытие. Там находился один из складов драгоценного горючего, а окраину парка использовал для занятий спецотряд истребителей танков.

Приказав остановить экипаж, Урган вышел и некоторое время смотрел, как истребители с громоздкими мухобойками скрытно выбирают позиции для стрельбы, имитируют выстрел, прячутся в укрытие, перезаряжают "мухобойки", занимают новую позицию…

Его заметили. Инструктор, проводящий занятия, прокричал команду, и весь отряд выстроился под деревьями у обочины дороги.

Инструктором был Пири Шанви. Он вместе со своим другом Клюмом Эвангом снова появился в Нейсе несколько дней назад. Ни Шанви, ни Эванг ничего не говорили ни о том, сумели ли они добраться до своего родного города Тамо, ни о том, что видели, ни о судьбе своих семей. Но Эванг, и раньше не слишком разговорчивый, теперь совершенно замолчал и замкнулся в себе, а у Шанви куда-то пропали его полудетское любопытство, щенячья веселость и неуемность. Инструктором он зато стал отличным: наблюдательным, придирчивым и неутомимым.

— Господин полковник, отряд истребителей танков проводит учебные занятия, — четко отрапортовал он. — Старший инструктор – сержант Шанви.

— Вольно, — негромко скомандовал Урган.

Он медленно прошел вдоль короткого строя. Двадцать расчетов стрелков, включая Шанви с Эвангом – всего сорок человек, и еще столько же подносчиков снарядов. Он знал почти всех из них.

Вот на правом фланге – не сумевшие вовремя эвакуироваться в Лешек лейтенанты авиации Наксе и Дешу, молодые пилоты истребителей, летчики, как говорится, от бога. В иных обстоятельствах бросать их под танки было бы преступлением. Вот показывает старую военную выправку дядя Донар, самый старший в отряде, отец пропавшего без вести Эстина Млиско. Рядом поблескивает стеклами очков его первый номер Тюрам Барко, бывший студент-юрист, потерявший под бомбами мать и невесту. Следующий расчет – Леннер, армейский сержант, потерял всех своих родственников, и Диго, фермер, жена и дети погибли при обстреле…

И все они такие здесь, в этом отряде. И есть еще больше

сотни заявлений от других добровольцев, но для них пока нет оружия, хотя их мини-заводик наладил неделю назад производство мухобоек и клепает их вручную по две штуки в день.

— Продолжайте занятия, сержант, — повернулся Урган к Шанви. — Благодарю за службу!

И еще несколько минут стоял, наблюдая, как Шанви муштрует истребителей.

Дверь откатили в сторону, и Урган даже зажмурился от непривычно яркого электрического света. Раньше, вспомнил он, это был гараж. Большой, вместительный гараж, врезанный предусмотрительным хозяином прямо в толщу холма из мягкого известняка.

В этом бывшем гараже и размещался их завод. Вернее, два десятка разнообразных станков, площадки для сборки и две гудящие дизель-электростанции в соседнем помещении. По стенкам змеились кабели, пахло смазкой и горячим металлом, а в дальнем углу время от времени сыпались искры и ярко вспыхивал огонь электросварки.

— Роскошно живете, — заметил Урган, входя в небольшой кабинетик главного инженера. — Вся округа уже вторую неделю всякими коптилками пробавляется, в больнице электричество на час в сутки включают, а у вас тут – целая иллюминация.

— Так все ж для дела, — пожал плечами инженер, человек еще молодой, моложе Ургана, но надежный и очень основательный. — Вот, извольте полюбоваться…

— Не впечатляет, — признался Урган, осмотрев новенькую мухобойку. — Грубоватая работа.

— Что поделать, все приходится изготовлять вручную. Но думаю, с завтрашнего дня доведем производство до трех штук в день. И по пять-шесть ракет.

— Мало, мало!

— А как иначе, господин полковник? Имея только то, что у нас есть, о массовом производстве нужно забыть. А ваши мухобойки и, особенно, ракеты к ним – не только весьма сложные изделия, но и совершенно новые для нас.

— Я знаю, что вы и так сделали трудовой подвиг, — серьезно сказал Урган. — Но бог с ними, этими мухобойками. Штук двадцать у нас есть, от дюжины танков отобьемся. Сейчас нам нужна более мирная продукция, но обязательно в больших количествах. Компактные и надежные источники питания для раций. Лопаты, кирки и всякий столярный инструмент. И главное, печки. Как можно больше переносных печек. После всех бомбежек

двадцати тысячам человек в районе приходится жить в развалинах или под открытым небом и готовить себе пищу на кострах.

— Я понимаю, — инженер наклонил голову. — Но при всем желании мы не в состоянии дать больше того, что мы можем дать.

— А если подключить дополнительные мощности? Повторить ваши раскопки на заводе? Вы сами говорили мне, что он пострадал меньше, чем кажется на первый взгляд.

— О, да! Теоретически, мы могли бы даже восстановить наш литейный цех и выплавлять сталь из металлолома. Но электропечь, которая у нас там стоит, пожирает уйму энергии.

— Проклятье! — Урган ударил ладонью по столу. — Все упирается в эту энергию! И уголь или дрова, насколько я понимаю, вряд ли спасут положение?

— Вряд ли. Наша покойная электростанция работала на мазуте, равно как и почти все котельные в городе, так что угля у нас мало. А вот электростанция на дровах… Я, признаться, об этом думал, но расход топлива будет колоссальным. А лесов поблизости нет…

— Интересно, как выходили из положения наши предки? — поинтересовался Урган. — У них-то не было ни угля, ни нефти.

— У них не было и промышленности. А вокруг городов сажали плантации деревьев тешу, они за десять лет вырастали до двадцати метров в высоту и метра в обхвате.

— Жаль, что у нас нет этих деревьев. Может, разве что в зелентресте…

— А есть ли у нас десять лет, господин полковник? И дадут ли пришельцы нам заняться строительством электростанций и посадкой лесов?

Урган устало вздохнул.

— До последнего времени у меня не было ни времени, ни желания задумываться о будущем. Пережил день, и ладно. Но серьезных бомбежек нет уже три дня. Я надеюсь, их уже и не будет. Просто незачем. Что будет дальше? Не знаю. Дадут ли пришельцы нам восстановить разрушенное? Я думаю, нет. Но можем ли мы сделать что-нибудь реальное? Я думаю, да. Нам надо только немного перевести дух. Оторваться от всех сиюминутных, насущных проблем, которые нам приходится срочно решать, и которые занимают у нас все двадцать часов в сутки. Нам нужно перестроиться, признаться самим себе, что катастрофа уже произошла и как-то надо жить дальше.

— Это верно, — согласился инженер. — Признаться, я до сих пор подсознательно жду, что вот-вот придет помощь из центра и можно будет начать восстановительные работы.

— Аналогично. Но помощи не будет. И нам нужно надеяться только на себя. Мы словно превратились в какой-то мелкий баронат после распада Тогродской Империи. Но все равно, нам нужно думать о перспективе. Даже если через неделю или две начнется настоящее вторжение пришельцев. Пока есть шансы, сдаваться нельзя! И я думаю вот о чем. Пока все замыкается на меня как на военного комиссара района. Но раз район стал маленьким отдельным государством, нам нужно свое маленькое правительство. Не тот дискуссионный кружок, что у нас есть сегодня, а некая иерархическая система управления, которая могла бы обеспечить порядок. Я один абсолютно со всем справиться не в состоянии.

— И насколько велико наше… государство? — поинтересовался инженер.

— Район Нейсе. Может, еще немного. Какой-то точной границы нет. Все определяет связь с окраинами по радио или курьерами. Так вы согласитесь войти в наше правительство в качестве… скажем, министра промышленности? Непосредственно заниматься производством на нашем заводе, думаю, сможет и кто-то другой.

— Согласен, — инженер раздумывал не больше двадцати секунд. — И еще. Я, кажется, придумал, как можно немного улучшить положение с печками. У нас на складах было много листовой стали. Думаю, ее не сложно будет откопать. Нам понадобится помещение. Желательно, под землей и с хорошей вентиляцией и тягой. Мы поставим там кузнечный горн и начнем нагревать и гнуть листы. Печки тогда получатся, скорее, как коробки, но, думаю, сойдет.

— Конечно, сойдет! Только расскажите все это поподробнее майору Гечи Раро, он вам все организует. Вот только чем же тогда станет наш завод? Деревенской кузницей?

— Господин полковник, не смотрите на кузнецов свысока. В свое время они на многое были способны. Просто сейчас об этом мало кто знает.

Выйдя из кабинета инженера, Урган сразу же перестал думать о заводе. Были у него и другие проблемы, поважнее.

И самая главная среди них – бездомные. Более двадцати тысяч человек, оставшиеся в живых после бомбежек, но потерявшие все – дома, имущество, средства к существованию, часто – родных и близких… Чем можно помочь этим людям? Как их накормить? Где разместить? Чем занять? И как, наконец, вновь не подставить их под новые удары пришельцев?

У Дэсса Ургана защемило сердце. Восемь дней прошло – и

каких дней – но воспоминания по-прежнему так же больно отравляют душу…

Фатальная, трагическая ошибка. Они тогда еще полагали, что пришельцы бомбят только города, и разместили эвакуированных из Нейсе на разрушенной авиабазе. Ряды палаток прямо на летном поле с наспех забросанными щебнем воронками… Тут же походные кухни… Полевой госпиталь… Играющие дети, белье сушится на распорках…

Какой-то пришелец сбросил на лагерь всего лишь три, но какие-то особенно дьявольские бомбы. Немногие оставшиеся в живых рассказывали потом, что лагерь на несколько секунд словно окутал густой молочно-белый туман, вдруг превратившийся в ревущую стену пламени. В эпицентрах взрывов не осталось тогда никого – ни живых, ни мертвых. Только тускло блестящие линзы расплавленного бетона…

И после этого возникает страх. Вечная боязнь смерти с неба, боязнь снова накликать беду. И уже пугаешься больших скоплений людей, а во множестве мелких поселений тяжело и наладить снабжение, и поддерживать порядок, и обеспечить медицинскую помощь. Может, действительно, как предлагают несколько человек в его штабе, стоит вернуть людей обратно в города, попытаться наладить жизнь в развалинах? Но врачи предупреждают: под развалинами остались сотни и тысячи непогребенных трупов, из-за которых в любой момент может вспыхнуть эпидемия…

Или вот еще одна проблема. В районе пока не ощущается недостатка в продовольствии. Склады 21-й дивизии, склады госрезерва, оптовые базы в городах – все они, в большинстве своем, уцелели и полны припасов. Но как доставить все это к ждущим помощи людям? Вчера он предложил не трястись над неприкосновенным запасом бензина как нищий над последней монетой, а организовать караван грузовиков с солдатскими пайками, теплой одеждой, палатками, переносными печками, шанцевым инструментом и отправить его по наиболее пострадавшим местам.

И теперь его меньше, чем через час ждет совещание. Надо будет определить маршрут, организовать погрузку, продумать меры безопасности и тысячи других вещей. И слушать споры, и остро ощущать неполноту информации, недостаток знаний и отсутствие опыта в решении подобных вопросов, но все равно, принимать, принимать, принимать решения, потому что кому-то их все равно надо принимать, и потому что даже неверное решение лучше, чем отсутствие решения вообще…

— Господин полковник, — прервал размышления Ургана

майор Гечи Раро. — Тут к вам небольшая делегация. Крестьяне местные.

— Ко мне? — удивился Урган. — Как же это они меня здесь вычислили?

— Они на заводе были, о чем-то договаривались. Теперь хотят с вами поговорить. Примете?

Урган поглядел на часы. Немного времени в запасе у него еще было.

— Приму, — сказал он и присел на длинную гладкую корягу, лежащую у ворот бывшего гаража и, очевидно, игравшую здесь роль скамейки.

Крестьянская делегация состояла из трех человек. Седой богатырь в телогрейке; хитрого вида мужичок лет пятидесяти, одетый по-городскому, в темно-серый костюм и при шляпе, и сухонький старичок в военной фуражке без кокарды. По каким-то незаметным признакам Урган почему-то сразу определил, что именно старичок у них главный.

— Присаживайтесь, отцы, — Урган показал на другой конец коряги. — Удачно ли дело свое решили?

— Удачно, удачно, — степенно кивнул седой, встав напротив сидящего Ургана.

Из всех троих присел только маленький старичок. Остальные двое остались стоять.

— Мы тут прослышали, что на заводе могут трактор так переделать, чтоб он, как печка, на дровах работал, — пояснил мужичок в городском костюме и шляпе. — Вот мы и пришли узнать, нельзя ли нам такой, хотя бы один на всю деревню. Это ж знаете, трактор – он в хозяйстве вещь необходимая. Вспахать там, скажем, или отвезти чего.

— И как, договорились? — спросил Урган, неожиданно для себя заинтересовавшись.

— А как же. Только обобрали они нас… Тонну зерна потребовали, да корову дойную, да кабанчика, да бочонок вина домашнего, да фрукты пять ящиков. Э-э-эх!

— Так на что жалуетесь, мужики? Тонна зерна до войны сто пятьдесят лаков стоила, корова – не знаю, сколько, но вряд ли больше пары тысяч. А трактор – тыщ десять стоил, ежели не больше.

— То ж до войны, — хитро прищурился мужичок. — Вот вы, господин полковник, лучше скажите. Тут среди людей слухи ходят, будто скоро начнут у нас, у крестьян, стало быть, особливо тех, кто хозяйство свое сохранил, эти… реквизиции устраивать. Зерно забирать, скот, еще что. Так верить нам тому или нет?

Урган вздохнул про себя. О реквизиции продовольствия у

крестьян думал еще покойный генерал Вейн, земля ему пухом. Подумывал и он сам. Вот только додумать до конца текущие заботы не позволяли.

— Вот что, мужики, — наконец сказал Урган. — Вы все люди пожившие, опытные и уважаемые, и правду я от вас скрывать не буду. Реквизировать у вас, конечно, никто ничего не собирается, но поделиться придется. Сами видите, время какое.

— Так будто мы не делимся?! — громогласно всплеснул руками седой. — Вон, у брательника моего полный дом – две семьи у себя поселил. Да и у меня племяш из города с женой и детишками…

— Не у всех есть родственники в непострадавших деревнях, — возразил Урган. — И не все умеют оснащать трактора дровяными газогенераторами. Вокруг живут в палатках и под открытым небом тысячи человек. Да, на военных складах хватает провизии, но нельзя же на всю зиму посадить людей на одни армейские сухари и консервированную перловку. К тому же, подвезти все это не так просто. Бензина нет, а на телегах много не навозишь. Да и где их взять, эти телеги?

— Выходит, господин полковник, силком забирать ничего не будут? — ехидно спросил мужичок в костюме и шляпе. — Стало быть, дело добровольное? Придут, стало быть, солдатики и смирненько так попросют. Что ж, знаем.

— Нет, все не так, — покачал головой Урган. — Вы вот, когда сладкий корень на сахарный завод везете, порой не деньги получаете, а вексель, верно? А завод, когда сахар сварит да его продаст, потом с вами рассчитывается.

— Ну, это дело понятное, — сказал седой. — А вот вы чем рассчитываться будете? И когда?

— А когда весна придет, вы как сеять думаете? Одного трактора на деревню мало. Вот вам горожане и помогут. И товаров подбросим. Соли или керосина для освещения. Кирпичей, досок, штукатурки, инструмента опять же всякого. Дом починить-построить. Свои же люди, сочтемся.

— Толку-то с этих городских, — проворчал седой себе под нос.

— Толку не толку, а будто я не знаю, сколько народу сейчас на полях и фермах за харчи работает. Да и ненадолго это. Придет весна, все крестьянами станем. Земли свободной, правда, мало, но мы уж что-нибудь придумаем.

("Если пришельцы не помешают," – подумал про себя Урган, но вслух говорить не стал.)

— Что ж, будь по-вашему, господин полковник, — наконец вступил в разговор старичок. — Мы ж и верно, все люди, с голоду

никому помереть не дадим. Только у нас тоже одна просьбочка имеется. Фрукта в этом году уродилась. И винная ягода тож. Раньше мы что у себя потребляли, что на базаре в городе продавали, а что и на консервный завод везли. Тока нет его боле, того завода-то. А фрукту сохранять надо, а то погниет. Вот вы нам, господин полковник, сахару-то и подбросьте. Мы уж сами все сварим, закатаем, да этим же с вами и разочтемся. А еще лучше, если вы сахарный заводик нам запустить подсобите.

— Сахарный завод? — недоуменно переспросил Урган. Ему показалось, что он ослышался.

— Ну да, — включился мужичок в костюме. — Завод, значится, в соседнем селе. Сахарный корень поспел, а девать некуда, хоть плачь. Эти, городские, похлебку из него какую варют, так это ж один перевод продукта получается!

— И завод этот стоит совсем целехонек, — добавил седой. — Только электричество надо дать, и все. У них даже топливо для котлов имеется. Вы бы распорядились, господин полковник, а? И вам хорошо будет, и нам. Сахар – вещь полезная, для всего пригодится.

— Интересно, — пробормотал Урган. — Можно и попробовать. Только мне сначала с инженерами это надо обсудить, что можно сделать и как. Посмотрим… Что такое?!

От экипажа к нему бежал связист, по-спринтерски работая руками.

— Пришельцы, господин полковник! — выдохнул он. — Передали с западного сектора!… Одиннадцать танков!… Идут прямо на Нейсе!…

Урган пружинисто вскочил на ноги.

— Все, мужики! Живы будем – приходите ко мне, продолжим. А пока – он повернулся к связисту – в штаб!

Глава 34. Цена победы

Командующий силами обороны района Нейсе подполковник Магги докладывал обстановку не спеша и словно с ленцой.

— Группа танков противника в количестве одиннадцати машин была замечена в 8.31 передовым наблюдательным постом западного сектора. В 8.37 эта информация была подтверждена наблюдательным постом? 6 возле хутора Арши-Дауле. В 8.45 о появлении танков сообщили из деревни Хирше, что позволило нам точнее определить направление их движения.

— Нейсе? — хрипло спросил Урган, стараясь не выдать охватившего его волнения.

— Нейсе или рядом с Нейсе, — подтвердил Магги. — Движутся они, как вы, возможно, видите, по прямой. Сообщений об обстреле населенных пунктов на их пути не поступало. Ориентировочно, они должны появиться в черте города в 9.20-9.25. Поэтому я принял ряд мер. Отряд истребителей танков сосредотачивается в седьмом полицейском участке на улице Горг. Напомню, что он соединен со штабом линией полевой телефонной связи. Кроме того, в Нейсе и ближайшие населенные пункты и лагеря беженцев отправлены курьеры с целью объявления тревоги.

— Всего я отправила шесть человек, — добавила Лика Ранси. — Четыре человека в Нейсе и по одному в северный и южный сектора. У всех мегафоны и сирены с баллонами сжатого воздуха.

— Благодарю вас, — Магги сухо кивнул. — Какие будут дальнейшие распоряжения, господин полковник?

— О чем вы, подполковник? — поднял бровь Урган. — Как мне кажется, вы неплохо распоряжались и до моего прибытия. Какие указания вам еще требуются для выполнения вашей боевой задачи?

— Сущая мелочь, господин полковник, — недобро улыбнулся Магги. — Должны ли мы атаковать пришельцев или пропустить их танки без боя? На этот вопрос обязаны ответить вы. Как старший воинский начальник в районе. Смею заметить, что у вас на принятие решения есть еще около трех минут. Иначе истребители танков могут не успеть занять позиции.

— Я поставлю вам боевую задачу, господин подполковник, — холодно сказал Урган.

Плохо, когда даже появление противника не может прекратить раздоры в своих рядах. Урган знал, что Магги его

терпеть не может, причем только и исключительно потому, что считает себя самого более подходящей кандидатурой на должность военного комиссара района. Поскольку, хотя и младше по званию, но не летчик, а офицер сухопутных войск, командир полка, да еще с каким никаким, но боевым опытом – закончил лейтенантское училище в последний год войны и успел повоевать пару месяцев.

Зачем Магги так рвется к власти, Урган не понимал. Для него власть означала только огромную ответственность, чудовищное напряжение и очень много отрицательных эмоций. А раз не понимал, значит, не доверял и старался держать подполковника подальше от принятия наиболее важных решений.

Но хватит! Пришельцы – вот сейчас главная проблема! Эх, поднять бы сейчас пару эскадрилий штурмовиков с противотанковыми эрэсами… Отставить. Вернемся к главному вопросу. Ударить по пришельцам – значит, неизбежно спровоцировать их на сокрушительный ответный удар, причем, скорее всего, с воздуха. Опять же, одиннадцать танков – противник серьезный. Стоят ли они того, чтобы из-за них рисковать немногочисленным и пока неважно обученным отрядом отборных бойцов и всеми запасами самого эффективного оружия? С другой стороны, в Нейсе еще живет не меньше десяти тысяч человек, вокруг города много деревень, лагеря беженцев, склады, завод, наконец. Все это никак нельзя оставлять на сомнительную милость пришельцев. Да и желание уклониться от боя может быть легко воспринято как трусость. Тем же Магги, например…

В любом случае, в чистом поле с пришельцами не справиться. Поэтому…

— Если танки пришельцев войдут в Нейсе, атаковать силами отряда истребителей и уничтожить. Действовать только из засад. Отряд расположить (Урган сверился с картой) по линии улица Шихара – Ярмарочная площадь – улица Гаржин – Аленская дорога. Выделить не менее чем по два расчета для охраны подступов к заводу, штабу и городской больнице. Ракетную установку подготовить к стрельбе, но открывать огонь, только если пришельцы окажутся на открытой местности между (снова взгляд на карту) Грилленёдом и Патри. Если пришельцы снова, как и в прошлый раз, обстреляют город из-за реки, ответного огня не открывать, ограничиться наблюдением, истребителей вывести из города. Вас устраивает это, господин подполковник?

Магги ничего не ответил. Это означало, что у него нет возражений, иначе он не преминул бы указать Ургану на его некомпетентность в сухопутной войне.

Урган встретился взглядом с Ликой Ранси, и она задорно улыбнулась ему. Урган улыбнулся в ответ. Его волнение куда-то исчезло. Магги, стоя спиной к ним, крутил ручку полевого телефона, и Урган позволил себе еще раз широко, победно улыбнуться Лике. "Ну что же, — подумал он. — Мы ждем вас, господа пришельцы. Соблаговолите принять вызов!"

— Слушай, Первый, чего мы так медленно тащимся?

— А ты что, куда-то торопишься? Или по патрулированию соскучился? Не спеши. Зачем гнать Крошку на полной скорости? Он и так против ветра выгребает.

Крошкой назывался малый воздушный разведчик – небольшой летательный аппарат, похожий на мини-дирижабль, приданный в поддержку танкам. Впрочем, поддерживать танки Крошка мог, лишь снабжая их видом на окружающую местность с высоты птичьего полета. Имел он только видеокамеру, приемо-передающее устройство и слабосильный электромоторчик с запасом энергии километров на двести пятьдесят без учета ветра.

Ни оружия, ни собственного электронного мозга Крошке не полагалось, но совершенно беззащитным он, тем не менее, не был. Обеспечивающий подъемную силу баллон походил, скорее, на клочок пены, вдруг заброшенной в небеса, и состоял из множества микроскопических пузырьков, заполненных гелием. Эта пена пропускала насквозь без малейшего сопротивления любой снаряд и тут же затягивала разрыв. Полимерная субстанция, образовывающая мембраны пузырьков, благодаря своим оптическим свойствам сливалась с небом для наблюдателя с земли и обманывала лазерные прицелы и дальномеры. Наконец, скорость Крошки не превышала сорока километров в час и он почти не содержал металлических деталей, благодаря чему оставался невидимым для радаров.

Сейчас Крошка летел примерно на полкилометра впереди ведущего танка на высоте около ста метров.

— Первый, подними Крошку чуток. Смотри, как они в том поселке забегали! Как муравьи! Стрельнуть, может?

— Второй, тебе что, не терпится? У тебя снарядов сколько?

— По три на машину. Фугаска и два объемных взрыва.

— И у меня столько же. Так что остынь. Они нам, может, в городе пригодятся.

— Слушай, Первый! Знаешь, о чем я думаю? Зачем нам вообще в город лезть? Еще нарвемся там… У нас же эти… подозрительные районы – за городом и на окраинах. Давай разделимся – и в обход. Каждый проверит по одному району, а потом соединимся. А на разведку в город Крошку пошлем.

— (неуверенно) Н-не знаю. Да нет, Второй, нам приказали – пройти через город, значит, пройдем через город. Чтобы эта… выманить противника из укрытий. А что побить могут… Помнишь, что старший-три говорил?

— Что эти "Охотники" и так по жизни недоделанные?

— Не. Хотя, конечно, и это тоже. Не, ну что ни одного из этих "Охотников" мы с собой обратно не возьмем. Все здесь останутся.

— Их чё, всех подрывать будут?

— Ты чё, Второй?! Ты слушай иногда, а? Не подрывать, а эта… оставить на консервацию. Разве не знаешь, на базе "Восток" танкоремонтный завод будут разворачивать. Чтобы их всех там собрать, и на этот, капремонт, вот.

— Ремонт, не ремонт… Все равно они недоделанные. Нам бы тут "Титанов" парочку, это да! Прошли бы через этот городишко и не заметили бы!

— (со вздохом) Да-а. "Титан" – серьезная машина. Старший-три говорит, их для настоящего дела берегут, а здесь их использовать – только ресурс гробить. Потому и не взяли. Хотя, даже б и взяли – все равно, нас бы к ним и близко не подпустили.

— Ну, не знаю. Я, например, могу и с "Титанами" работать. Даже свидетельство есть.

— Да ты что! Когда это ты успел?

— А пока ты уставы изучал, да Императорские речи конспектировал! Надо было самому в библиотеке покопаться, а не только то, что по программе. Я сначала самостоятельно начал, а потом со мной старший-один Згуорн занимался. Я даже экзамен сдавал!

— Ну, Второй, у меня слов нет! Уел ты меня! Ладно. Давай лучше к работе готовиться. Переходи на три-дэ.

— Давным-давно перешел. Интересно, они о нас знают?

— Да я думаю! Попробуй внешний микрофон подключить. Слышишь, как завывает? Это они нас увидели! Так что я так думаю, повоюем наконец-то по-настоящему!

В длинном, слабо освещенном больничном коридоре отдаленные звуки сирены были почти не слышны.

— Нет, операцию отменять не будем, — главный врач сердито поправил круглую голубую шапочку. — Больной уже под наркозом, аппаратура подготовлена. Нет, не будем! Свет отключить везде, кроме операционной, ходячих больных отправить в убежище – с этим вы и сами справитесь. А меня больше не отвлекать!

И потянул на себя дверь ярко освещенной операционной.

Курьер – бывший курсант школы полиции – закрутил вентиль баллона со сжатым воздухом, и сирена, напоследок взвыв, умолкла. Он закинул ее в рюкзак и снова взялся за велосипед, осторожно ведя его через заваленный камнями и битым стеклом перекресток. Еще один марш-бросок к сохранившемуся на северной окраине жилому кварталу – и задание будет выполнено.

Развалины, наконец, кончились, и курьер с удовольствием вскочил в седло. Он решил забрать сильно влево, ближе к западной границе города, чтобы объехать стороной зону самых больших разрушений в центре.

Пробираясь через небольшой парк с поваленными и разбросанными в стороны деревьями, он не обратил внимания на проплывавший высоко у него над головой странный предмет, похожий на клочок тумана. Он, наконец, вырвался на оперативный простор и понесся по широкой улице, почти не заваленной обломками домов. Один перекресток, второй… Третий вывел его прямо под огонь танка пришельцев, который и расстрелял его как в тире. Длинная очередь из крупнокалиберного игломета выбила курьера из седла и бросила вместе с разбитым велосипедом на выщербленную асфальтовую мостовую…

— Есть! Снял одного!

— С почином, Второй!

— Каким еще почином? У меня их дюжины три, наверно. Не считая прошлого рейда.

— В этом бою первый, значит, с почином. Не спеши, Второй. Выровняй строй.

— Хорошо, хорошо, Первый. Выравниваю. Наваляли мы тут… Попробуй проедь.

— Ничего, проберемся. В крайнем случае, перейдем на антигравы. Погоди, придержи своих. Я Крошку вперед отправлю.

— Есть, Первый. Останавливаюсь. Все-таки, маловато здесь для нас одного Крошки. Хорошо бы два или три.

— Что есть, Второй, что есть… Опаньки! Вот они.

Короткий рейд Крошки сразу же высветил на компьютерной карте города россыпь темно-зеленых движущихся огоньков. Каждый огонек означал одного противника, интенсивность цвета – вероятность идентификации цели.

— Смотри, Второй! Таки один наш подозрительный район не зря подозрительный! Вон их там сколько. И все разбегаются.

— Цивилы, наверное.

— Кто?

— Да цивилы, помнишь, из миссий. Невооруженные юниты

противника, мирное население. Интересно, что теперь с ними делать: игнорировать, выделять среди них боевые и выбивать их, не трогая цивилов, или рубить всех подряд?

— М-м-м… Знаешь, наверно, первое. А то начнем всех выносить, еще получим за перерасход боеприпасов.

— Так что, пусть смываются?

— Пусть. Наше дело – не за цивилами гоняться, а подозрительные места выявлять. Включи лучше биоискатели.

— Давно включил. У меня тут мерцает между вторым и третьим номерами…

— Ну и что? У меня тоже мерцает, прямо перед пятым. Плюнь. Старший-три говорит, ни одна зачистка не бывает полной. Это этот… остаточный элемент. Сами подохнут. Сейчас давай я проведу Крошку поближе…

— Гляди, что это?

— Где?

— Да прямо у нас над головой! Видишь?

— Ч-черт! Наверняка, какая-то пакость пришельцев!

— Проклятие! Надо смываться! А то как стрельнет!

— Не, не стрельнет. Если могло, уже бы стрельнуло. Видишь, уходит. Это, наверное, что-то вроде шпиона.

— Так что, выходит, нас засекли?

— Скорее всего.

— Меняем позицию?

— Да, конечно! Двигаемся навстречу пришельцам. Может, и удастся сделать им хороший сюрприз.

— Что это, Первый? Оно?

— Похоже. Компьютер говорит, вероятность 10/12. Не зря нас сюда послали, ох, не зря!

— А знаешь, мне даже нравится. Надоело уже цивилов щелкать на патрулировании. А тут будет настоящая драка! Вперед?

— Да погоди ты! Стой на месте! Я еще раз Крошку проведу. Уж наверняка эта парочка с ракетой здесь не одна…

Два человека с громоздкой мухобойкой полусидели, скорчившись, за обломком стены и, не отрывая глаз, смотрели на застывший в ста метрах прямо перед ними танк пришельцев. Лейтенантам авиации Наксе и Дешу ни разу не приходилось встречаться с пришельцами – ни на земле, ни в воздухе. Плохо зная город, они заблудились в развалинах и, сами того не зная, заняли позицию намного ближе к западной окраине, чем должны

были.

Наксе, первый номер расчета, невысокий плотный крепыш, стоя на одном колене в обнимку с мухобойкой, словно окаменел и только лихорадочно блестевшие глаза выдавали его возбуждение. Его напарник, светловолосый, вихрастый и очень юно выглядевший, нервно сжимал и разжимал кулаки.

— Ну идите, — шептал он. — Идите же. Почему вы встали? Идите.

Лейтенант Дешу очень боялся предстоящей схватки, но еще больше боялся, что пришельцы вдруг повернут назад.

Несколько оранжевых огоньков неровной изорванной дугой протянулись через всю карту.

— Девять штук, вроде бы. Посмотрим, что скажет компьютер…

В промежутках между оранжевыми огоньками появились несколько мигающих желтых.

— Компьютер оценивает их количество в двенадцать – пятнадцать юнитов.

— Ерунда! Первый, смотри, они расположились цепочкой. Давай выстроим танки последовательно, прорвемся с краю и прочешем наши подозрительные районы. А потом отловим их по одиночке.

— Нет, Второй. В уставе говорится, нельзя оставлять в тылу опасного противника. К тому же, они здесь дома, а мы – нет. Но в чем-то ты прав. Двигаем к левому краю цепи, уничтожаем боевые юниты, а затем проходим в первый подозрительный район. Ясно?… Начали!

Танк дернулся, перемалывая гусеницами асфальт и куски бетона, и двинулся вперед, не обращая внимания на засевший в засаде расчет. Лейтенант Дешу пропустил, как учили, танк мимо себя и, подавляя волнение и страх, пустил ему вслед снаряд. Бой за Нейсе начался.

— Тьма и пламя! В меня попали! Эти ублюдки, оказывается, ближе, чем я думал!

— Что у тебя, Первый? Серьезно?

— Номер пятый, повреждение – тридцать шесть процентов. Ничего, щас я их выжгу!… Мертвые звезды!…….! (нецензурное ругательство) Плазменная пушка на пятом не действует!

— Так снарядом их!

— (успокаиваясь) Не-ет! Снаряды я еще поберегу. Сейчас подгоню к ним шестой номер, враз уделаем. Никуда они не

денутся, я их взял пятым на отслеживание.

Лейтенант Дешу лежал ничком за ненадежным укрытием, вжавшись щекой в пыльную щебенку. "Я же попал, — с горечью шептал он. — Я же попал!" Он остро чувствовал свою полную беззащитность. Танк был рядом, он знал это. Сразу же после выстрела они пытались отползти, но длинная очередь, хлестнувшая по камням, загнала их обратно.

Где-то за его спиной послышался характерный рокот танкового двигателя, и лейтенант понял, что им уже не спастись. Отчаяние его нарастало и готово было захватить его целиком.

Дони, молодой крестьянский парень, один из подносчиков снарядов для расчета Дешу-Наксе, понял, что дела пошли плохо, когда лейтенанты не вернулись к ним, чтобы перезарядить свою мухобойку. Оставив напарника в их укрытии – темном подъезде полуразрушенного дома, он осторожно прокрался вперед и сразу же увидел Наксе и Дешу, лежащих в неудобных позах под защитой обломка стены. Оба были целы и невредимы, и Наксе, увидев его, сделал ему предостерегающий знак.

Дони догадывался, что танк пришельцев где-то поблизости, но под защитой стены дома чувствовал себя достаточно уверенно. Он уже наметил маршрут – за угол, короткий рывок через открытое место, а затем ползком до ребят. Он поправил за спиной лоток с тяжеленной ракетой и тихо и осторожно скользнул вперед. В удаче своего предприятия он был уверен. В конце концов, по открытому пространству ему надо было преодолеть менее пяти метров, и он считал, что потратит на это не больше двух секунд.

Пробираясь по груде обломков, Дони не видел висящего над ним Крошку, услужливо передающего на корабль пришельцев все его передвижения. Добравшись до места, Дони несколько раз глубоко вздохнул, словно перед нырянием, и мощным прыжком рванулся вперед.

И умер в полете. Короткая очередь игломета швырнула его обратно на землю. Ракета выпала из лотка и, бесполезно грюкнув по камням, откатилась в сторону.

— Стреляют, совсем рядом, — возбужденно сказал Даго.

Сержант Леннер коротко выругался. После того, как воздушный соглядатай обнаружил их, они несколько раз меняли позицию, пока совсем не заблудились в лабиринте двориков между полностью и частично разрушенными двух- и трехэтажными домами. Запах тления был повсюду и становился

почти невыносимым.

Леннер в отчаянии оглядел свой маленький отряд.

— Ритчи, — позвал он одного из подносчиков снарядов. — Оставь пока свой груз и сбегай на разведку. А то проплутаем тут до ночи…

Ритчи вернулся меньше, чем через две минуты.

— Здесь они! — задыхаясь доложил он. — Я в тот дом заскочил, в подъезд, а там проход на улицу. И прямо напротив – танк. В него на моих глазах снаряд засадили, теперь у него задница вся дымится! Но сам танк, похоже, цел. Рычит весь и пушкой ворочает!

— Отлично! — Леннер воспрянул духом. — За мной!

Запоздало вспомнив о воздушном шпионе, он с тревогой глянул на небо. Небо было чистым, и это немного его успокоило.

Забежав в полутемную парадную, слабо освещенную колоннами света, пробивавшегося сверху черед разбитые окна, Леннер сразу же увидел приоткрытую дверь на улицу, а за ней – широкий борт вражеского танка. Цель была – лучше не придумаешь. Шепотом прогнав подносчиков снарядов обратно во двор, он поспешно опустился на одно колено, давая возможность своему напарнику Даго нацелить снаряд прямо в дверь. Он старался не думать о том, что будет, если Даго промахнется.

Очевидно, биоискатель на номере пятом тоже барахлил, так как танку так и не удалось засечь появление расчета Даго-Леннер. Снаряд, пущенный с расстояния в тридцать метров, пробил трехслойную бортовую броню и нанес танку смертельную рану. Земля вздрогнула, и "Охотник", выпустив клубы черного и зеленого дыма, затих навеки.

— Победа! — Леннер с радостным криком выскочил на улицу и приветственно поднял руку, увидев, как ему навстречу бегут два человека в военной форме. Первый из них, юный белобрысый лейтенант авиации, заключил Леннера в объятия.

— Вы спасли нас! Мы его подбили, но не могли потом даже головы поднять!

— Спасибо, — добавил второй лейтенант, коротко стриженный крепко сбитый парень. — Предлагаю действовать вместе и дальше. Только скорее ходу отсюда – один танк вы грохнули, но где-то рядом и другие.

— Верно! — Леннер замахал руками выбежавшим из подъезда подносчикам, сигнализируя им, что надо уходить обратно.

Беззвучно-яркая вспышка пламени вдруг ударила его по глазам. Это подоспевший шестой номер все же не пожалел снаряда и уложил на месте оба расчета, отправив Леннера в

темноту.

— Тьма и пламя! Ты был прав, по одиночке здесь нельзя! Перестраиваемся в уступ пятерками. Я – левей и спереди, ты – правей и сзади. Крошка – впередсмотрящий. Пора задать им жару!

— Это точно, Первый! Так зададим, что мало не будет!

Подпиравшие хлипкий навесик декоративные колонны, выкрашенные веселенькой голубой краской, на самом деле были вкопанными в землю стальными балками. Не лишняя предосторожность для магазина, расположенного в торце тягуче-длинной улицы, вливавшейся в широкий проспект. Как бывший полицейский, Хелан помнил, как минимум, два случая, когда подвыпившие юнцы, разогнавшиеся вечером по пустой улице, не успевали затормозить и, не будь на их пути стальных колонн, въехали бы прямо в витрину.

Под этими колоннами, среди куч битого кирпича и прочего мусора, они и выбрали место для засады. Позиция казалась удачной: длинная улица, почти не заваленная обломками зданий, словно приглашала по ней проследовать, а поворачивая на проспект, танк неизбежно подставлял один из бортов.

Появившаяся в конце улицы пятнистая серо-зелено-бурая коробка была воспринята как должное. Хелан встал на одно колено, готовясь к стрельбе. Он уже представлял, как быстро, но плавно поворачивает мухобойку влево или вправо и нажимает на спуск.

Длинная очередь метров с трехсот заставила его поспешно пригнуться. Стальные колонны загудели от попаданий, а каменная урна, все еще стоявшая на краю тротуара, разлетелась вдребезги.

За первой очередью последовала вторая, а затем третья и четвертая. Пришелец словно особенно и не старался попасть в них, но головы поднять не давал.

— Он нас засек, — коротко бросил Хелан. — Отходим.

И помог напарнику снять с плеча тяжелую рельсу.

Путь отхода был продуман заранее до мелочей. Под прикрытием кучи кирпича они поспешно отползли назад на несколько метров, наполовину спрыгнули, наполовину свалились с трехметровой высоты на большую кучу тряпья и картонных коробок в подвале, быстро пробежали через этаж и по аварийной лестнице снова поднялись наверх, к заднему двору. Оттуда они рассчитывали скрыться в лабиринте узких проходных двориков, чтобы потом вернуться и найти место для новой засады.

Но во дворе их ждали. Короткая очередь в упор оторвала Хелану руку вместе с плечом. Уже умирая, он успел почувствовать удивление и обиду.

Как же так, ведь пришельцы только что были с совсем другой стороны…

— Класс! Чистая работа! Какой это уже? Четвертый?

— Если считать, что в первый раз я грохнул сразу два юнита, то пятый. Знаешь, Второй, я думаю, мы можем разделиться. Я сам поснимаю этих, с ракетами, а ты прошвырнись в наш подозрительный район, ладно?

— Слушаюсь, Первый. Решил поохотиться в одиночку, да?

— Да не кривись, Второй. Что-то в этом районе наверняка есть. Не зря же они выставили там два своих юнита. А я пока пошлю Крошку вперед, пусть и второй подозрительный район посмотрит.

Большое здание городской больницы казалось брошенным и покинутым. Темные провалы окон, следы пожара, пустота и разорение.

Но в подвале упорно стучал дизель-генератор, а этажом выше, в полутемном коридоре, тускло горело табло: "Тихо, идет операция".

В операционной и так тихо. Горят яркие лампы, еле слышно гудят аппараты вдоль стен, вполголоса переговариваются врачи. На экранчике осциллографа скачет зеленая искра.

— Зажим, — и главный врач снова склоняется над распластанным на столе пациентом.

Медсестра осторожно промокает ему губкой потный лоб. Здесь никому нет дела до того, что происходит снаружи. Операция продолжается.

— Опять эти мальчишки!

Ланио поспешно обернулся. Точно. Двое – темноволосый и белобрысый, обоим лет по двенадцать-тринадцать, не больше. Оба в грязных, испачканных пылью и сажей, но все равно узнаваемых темно-синих школьных пиджаках.

— Вам что, жить надоело?! А ну, убирайтесь отсюда! Здесь, может быть, сейчас бой начнется! Родители, наверное, с ума сходят!

— Нет у нас родителей, — угрюмо пробурчал темноволосый. — Их при бомбежке убило. Мы тоже хотим сражаться с пришельцами.

— Ну не так же! Бегите скорее отсюда во двор! Там у

трансформаторной будки найдете наших подносчиков. Ждите нас там. Потом, если хотите помочь, будете у нас разведчиками. Согласны? (радостные кивки: да, конечно, согласны) А теперь – бегите… Эх, знать бы, с какой стороны подойдут пришельцы…

— Мы их видели, видели! Вон с той! Целых пять танков!

— Целых пять? Тогда тем более уходите отсюда! А то сейчас здесь такая заварушка начнется…

Ланио помог напарнику перетащить мухобойку к другому окну. Это угловое здание – бывшее налоговое управление района – было для них настоящей находкой.

— Слушай, ты им веришь? Ведь если будет сразу пять танков, нам туго придется…

Ланио не успел ответить. У него за спиной громыхнуло, резко ударил раскаленный воздух. И земля ушла у него из-под ног.

Второй оператор, в отличие от своего напарника, не собирался экономить снаряды. Особенно, если компьютер указывает не одно, а сразу два близко расположенных места с половинной вероятностью…

Тюрам Барко вздрогнул. Здание налогового управления в трех кварталах от них вдруг завалилось, подняв тучу пыли, а затем из нее вынырнули сразу два вражеских танка.

Еще три танка, не спеша, выехали на площадь из параллельных улиц, и Тюрам Барко понял, что это смерть. Они находились прямо посреди вражеского фронта, и если бы им даже удалось подбить один танк, другие легко втоптали бы их в землю.

С удивлением Барко понял, что такая перспектива не вызывает у него протеста. Страха перед смертью он не испытывал. Просто пришел и его черед узнать, что там, по другую сторону… Может быть, он встретит там маму и Шилу… Если же нет – что же, чем это хуже того, что есть у него сейчас?

— Отходим! — Доран Млиско дернул его за руку. — Попробуем зайти им во фланг!

— Зачем? — вяло запротестовал Тюрам Барко. — Это место ничуть не хуже прочих…

Но Доран Млиско уже тащил его прочь.

— Слышь, парень! Не торопись умирать, понял! Наша задача – любой ценой отвлечь пришельцев от больницы, что у нас за спиной, понял? И мы лучше выполним ее, если останемся живы!

В операционной – ни следа прежнего спокойствия.

— Давление падает! Нет пульса!

— Камфару, быстро!

Игла впивается в тело на операционном столе.

— Не помогает! Сердце просто перестает биться!

Главный врач с усилием отогнал от себя гнев. Этот человек не должен, не должен умереть прямо здесь, после того, как операция более чем наполовину завершена!

— Подготовить электроды! Попробуем электрошок.

Он сам приложил два прямоугольных электрода к груди пациента. Разряд! Тело вздрогнуло, выгнувшись дугой. Еще один!

— Есть! Оживает! Сердце снова заработало!

— По местам! Продолжаем операцию! Скальпель…

Сестра снова промокнула ему потный лоб. Главный врач был готов продолжать сражаться за жизнь пациента. Он делал бы то же самое, даже если бы знал, что пришельцев отделяет от него чуть больше полукилометра.

Дэсс Урган прислушивался к далеким взрывам. Пока взрывов было немного, и он не мог различить, какие из них "чужие", а какие вызваны попаданиями мухобоек.

Интересно, различает ли их подполковник Магги? Трудно сказать, он пока спокойно стоит, не показывая никаких признаков тревоги.

Проклятые здания впереди и с боков искажают звуки. Урган не мог находиться в штабном подвале, пока его бойцы сражаются наверху, но здесь от него немного толку. Управления боем никакого, связи с отдельными расчетами нет, и схватка, скорее всего, представляет собой череду отдельных дуэлей.

Сердце заныло от нехороших предчувствий. Расчетам надо было действовать, как минимум, парами, чтобы один мог исправить ошибку другого или прикрыть в случае необходимости. По одиночке его группам придется плохо… Ошибка! Та ошибка, что порой хуже преступления…

Понимает ли это Магги? Если понимает, почему молчит? Или сам не понял, насколько это важно? А может, он просто будет ждать до конца боя, чтобы указать ему на промах? Какая ужасная мысль…

— Господин полковник!…

Это майор Гечи Раро. Он тоже здесь наверху. И рядом Лика Ранси со своей снайперской винтовкой. И еще пара-тройка людей…

— В чем дело, майор?

— Взгляните. Что это?

Урган задрал голову. Прямо над ним неслышно проплывал… проплывала… проплывало… нечто… Похожее на клочок тумана странных, постоянно меняющихся, но все же слишком правильных очертаний.

— Может быть, беспилотный разведчик. Я слышал, у нас есть такие в стадии разработки. Что-то вроде аэростата. Проклятье! С ним пришельцы видят все как на ладони!

— Больше не увидят!

Лика Ранси вскинула винтовку. Выстрел! Другой!

— Как странно, — она опустила оружие. — Я не могу прицелиться, оно словно ускользает. Не могу понять, то ли оно совсем близко, то ли наоборот, очень высоко и сбивать его из винтовки бесполезно.

Непонятный предмет резко изменил направление и, кажется, увеличил скорость.

— Он убегает! — воскликнул Урган. — Значит, боится стрельбы!

Лика Ранси снова открыла огонь. После третьего выстрела воздушный разведчик дернулся, будто наскочил на что-то, но тут же исчез над крышами домов.

— Кажется, я в него попала, — с сомнением в голосе сказала Лика. — Нет, определенно попала.

Урган нахмурился.

— Подполковник, — обратился он к Магги. — Срочно уходите на наш запасной командный пункт, в полицейский участок на улице Горг, и руководите боем оттуда. Забирайте с собой связиста, пару курьеров и…

— Я останусь, — просто сказала Лика Ранси. — Когда мои курьеры будут возвращаться, они придут сюда.

— Хорошо, — кивнул Урган. — Поторопитесь же, подполковник! Попала Лика или нет, но пришельцы наверняка скоро появятся здесь.

И понизив голос, чтобы слышали только они двое:

— Идите, Магги! Один из нас обязан остаться в живых! В конце концов, если уйду я, у вас будет меньше шансов занять после боя мое место…

Танк гнался за человеком. Человек, тяжело дыша, бежал через развалины, моля бога, чтобы не споткнуться и не упасть. Пустой лоток бил его по спине, но лишних двух секунд на то, чтобы расстегнуть и сбросить упряжь, у него не было. Он даже не решался оглядываться.

Оператор мог снять бегущего одной короткой очередью. Но – не хотел. Ему хотелось догнать и раздавить филита, уничтожить противника, не тратя на него дефицитных боеприпасов. И еще ему хотелось поиграть с ним, как сытая и довольная кошка с мышью.

Беглец затравленно метнулся в сторону. До войны здесь была

стройка, и дорогу преградил рухнувший подъемный кран. Оставалось только повернуть под прямым углом и постараться проскочить по краю глубокого котлована. Но ноги беглеца увязли в куче песка, и он упал, чуть не вывихнув лодыжку.

Взревев мотором, танк радостно прыгнул на него. Но кромка котлована не выдержала веса пятидесятитонной машины, и танк вдруг начал сползать по склону, а через секунду кувыркнулся вниз, ломая бетонные сваи.

Беглец с усилием поднялся на колени. Танк ворочался прямо под ним, словно черепаха, опрокинутая на спину.

— Попался, дружок, — весело и мстительно сказал кто-то рядом, и беглец чуть не заплакал от облегчения.

Это были бойцы не его, а другого расчета, но какое это имело значение? Пири Шанви уже наклонил вниз направляющую мухобойки.

Промахнуться по такой цели было невозможно.

— Тьма и пламя! Второй, Второй, возвращайся!

— Погоди! Ну потерял ты один танк, ну и что? Тут где-то еще один юнит, я должен его найти.

— Тьма с ним! И с моим первым номером тоже! Они убили Крошку!

Три пули, пронизавшие баллон, не причинили воздушному разведчику никакого вреда. Четвертая же, угодившая прямо в подвесной контейнер, разбила камеру и повредила приемник. Бесполезный и лишенный управления, Крошка теперь бесцельно тянул по прямой, все больше удаляясь от города, пока совсем не скрылся из виду.

— Первый, где ты его потерял? Над вторым подозрительным районом?

— Нет, там пусто. Все сильно разрушено. Какой-то завод, что ли? Крошку обстреляли с земли! Уже на возврате!

— Ха! Третий подозрительный район! Неплохо! Но погоди, дай я разделаюсь со своим юнитом.

— Нет, Второй. Мы должны объединить силы. Возвращайся ко мне. А я пока тут прикончу ублюдков, которые покусились на мой первый номер…

Крайний в ряду танк пришельцев был уже менее чем в ста метрах. Тюрам Барко ждал его, в волнении прикусив губу. Внезапно танк остановился и замер, пошевеливая пушкой из стороны в сторону.

"Вынюхивает!" – решил Тюрам Барко и съежился, стараясь слиться со стеной. Смерти он по-прежнему не боялся, но в этих

размеренных, по-машинному методичных движениях было что-то жуткое.

Секунда, другая… И вдруг танки развернулись, уходя туда, откуда только что пришли. Когда последний из них скрылся из виду, Тюрам Барко с шумом выпустил из себя воздух.

Оказывается, все это время он ждал развязки, затаив дыхание.

Ланио застонал и открыл глаза. Кто-то по каплям лил ему на лицо изумительно холодную воду. Придя в себя, он увидел над собой два мальчишечьих лица.

— Опять вы? Я же говорил…

— Мы не успели, — серьезно сказал белобрысый. — Там всех убило. Снарядом. А вы сильно ранены?

Ланио приподнялся.

— Кажется, нет…

Его тело болело во всех возможных местах. Но оно его слушалось.

— А где…

Большая часть комнаты просто исчезла. Вместе с его напарником. Ланио глубоко вздохнул. Очертания окружающих предметов вдруг начали расплываться.

— Дядя! Дядя! Вам плохо? Пришельцы возвращаются!

— Где? — Ланио снова вытянул себя из беспамятства. — Пришельцы?…

Он и сам уже слышал нарастающий рокот танковых моторов. Мухобойка… Где его мухобойка? Тоже похоронена под завалом? Нет! Вот она, лежит на самом краю. Заряжена и готова к бою.

— Ребята, — с трудом выговорил Ланио. — Помогите мне.

С их помощью он кое-как примостил мухобойку на подоконнике уцелевшего окна. Болело уже нестерпимо, все вокруг расплывалось и двоилось, но он все же сумел удержаться и, прождав томительно долгие секунды, пока передний танк поравняется с окном, дернул за спуск, вложив в это движение все оставшиеся силы.

— Готов, готов! — радостно завопили мальчишки, но Ланио уже опускался без чувств на грязный паркетный пол.

Он не почувствовал и то, как второй в колонне танк выжег своей плазменной пушкой все, что находилось в комнате…

— Тьма и пламя! Как не хватает Крошки!

Первый был в затруднении. Биоискатель засек поблизости сразу четыре объекта, но невозможно было определить, какой из них самый опасный, чтобы, согласно уставу, настичь его и уничтожить первым. Не мог в этом помочь и компьютер.

Четыре танка стояли посреди обширного пустыря на месте целого квартала одноэтажных частных домов. Первый все никак не мог решиться. Внезапно одна из целей на экранчике биоискателя начала перемещаться в его сторону.

Это решило все. Два танка из четырех двинулись навстречу опасности. С ревом подминая под себя высокие кусты, усыпанные темно-красными ягодами, они выскочили на широкую улицу. Согласно данным биоискателя, цель была рядом. Но где?

Компьютерная метка замигала чуть ли не в двух шагах от танков, и первый в недоумении дал команду на полную скорость. Один из танков, неуклюже повернувшись, завалил хлипкую стену длинного одноэтажного здания с провалами огромных окон. Из-под рушащейся стены с визгом бросились врассыпную собаки.

"И это – цель?" – вдруг понял Первый. Но сделать правильный вывод не успел. Из соседнего дома через всю улицу протянулась дымная полоса, и через секунду под его командой стало еще на один танк меньше.

— Знаешь, о чем я сейчас думаю, Первый? А не пора ли нам отсюда по быстрому сматываться?

— Ты что, Второй! У нас же приказ!

— А я что, против? Давай просто сгоняем в те твои подозрительные районы и ходу! А то с этими… с ракетами которые… связываться как-то неохота.

— Нет, Второй. По уставу…

— Да плюнь ты разок на эти уставы, Первый! Не для таких случаев они писались! Тут и с Крошкой тяжело было, а без – совсем мрачно получается. У тебя уже три машины потеряно, у меня одна. Скрипу будет…

— (резко) Слушай, Второй! Я здесь командир, понял?! И если не понадобится твое мнение, я его спрошу! Будем работать с биоискателями.

— Они же только направление дают, да и то…

— Еще раз повторяю, Второй! Командир здесь я! Я разворачиваю свою тройку в широкий веер и буду работать на засечку по азимутам. Ты в это время разбиваешься на две пары и вытаптываешь все подряд, цивилы это или боевые юниты. Ясно?!

— А может…

— !!! (неопределенный угрожающий звук)

— Так точно, молчу! Слушаю и повинуюсь.

— Тогда перестраиваемся и вперед, тьма и пламя!

— Что они делают! — Горво рванулся вперед.

— Сиди! — Пири Шанви сдернул его обратно в укрытие. —

Ты им уже не поможешь, а сам погибнешь.

Шанви был младше Горво лет на десять, но командиром был он, и все воспринимали это как должное.

Небольшой трехэтажный дом, получивший еще один залп из каскадных плазменных пушек, накренился и со страшным грохотом обрушился, едва не придавив ближайший танк.

— У тебя там кто-то был? — сочувственно спросил Шанви.

Горво кивнул.

— Ретшу там жил. Мы с ним вместе раньше работали… Не в одном отделе, но все равно, вместе… У них там квартира была, на первом этаже, ее при бомбежке почти не задело.

— И как это они узнали, что там кто-то есть? — испуганно шепнул кто-то. — Будто чуют.

Шанви задумался.

— Может, и чуют, — сказал он. — Даже нет, наверняка чуют. Только вряд ли они нас друг от друга отличают.

— Это почему? — спросил Горво.

— А если бы отличали, так сразу на нас бы и навалились. Еще бы, целых три расчета. Мы им нужны, больше никто.

— Выходит, нас они тоже чуют? — мрачно уточнил Брин, бывший мастер с завода, самый старший из них группы.

— Давайте будем считать, что да, — решил Шанви. — Так проще.

— А если так, что мы тогда можем сделать? — гнул свое Брин. — Уходить надо, пока они далеко.

— Что сделать? — Шанви прикусил губу. — Что-то мне, ребята, одно непонятно. Тот дом они из огнеметов минуты три жгли, не меньше. А теперь и за второй точно так же принялись. А могли бы, наверное, одним снарядом…

— Экономят, что ли? — предположил Горво. — Или жаль им на нас снаряды тратить.

— Вот и я так думаю. И как вы полагаете, если в крайний танк стрельнуть, погонится он за нами или не погонится?

— К-когда он за м-мной гнался, д-даже из п-п-пулем-мета не стрелял, — заикаясь, сказал Риво, подносчик снарядов. — П-прямо разд-давить хотел.

— И я о том же. Мы с Клюмом и постараемся их подразнить. А вы их встретите. Там, в арке, что мы только что видели. Поняли? Тогда скорей, по местам!

— А если они не купятся? — вдруг остановился Горво. — И если вас – сразу? Снарядами или из пулемета?

Шанви промолчал.

— А ты знаешь, как было в Тамо? — вдруг спросил Эванг. — Мы там даже улицы нашей не смогли найти. Потом нам

рассказали, что все в первую ночь кончили, а больше просто добивали. И из центра города ни один человек не спасся.

— Вот они, голубчики! Сами отыскались!

Снаряд, пущенный почти с двухсот метров, не попал в цель, да и не мог попасть. Зато теперь одна из меток на экранчике биоискателя была идентифицирована.

— За ними, Второй! Я держу их! Не уйдут!

— Наконец-то! А то сколько времени потеряли на этой зачистке.

Два танка с ревом бросились в погоню за убегающими. Случайно беглецы выбрали самое удачное направление: три танка первого оператора, отслеживающие цели, оказались почти на одной линии с ними, поэтому биоискатель мог указать только приблизительное направление, без дистанции. Однако интенсивность сигнала нарастала с каждой секундой. Танки догоняли беглецов.

Дорогу танкам преградила широкая полоса сплошных завалов с одним-единственным проходом. На секунду Второй заколебался: позиция была слишком удобной для засады. Однако оружие филитов, как он знал, было одноразовым, а на экранчике биоискателя в этом направлении светилась только одна метка. Поэтому он увеличил скорость и бросил танки в проход.

Снаряд, выпущенный в первый танк почти в упор, так и не смог пробить броню – не хватило скорости, но он повредил гусеницу, и грозная машина провернулась на месте, с хрустом дробя асфальт. Автоматика отреагировала на внезапное изменение обстановки меньше, чем за полсекунды, но второй танк был слишком близко и двигался чересчур быстро. Не успев затормозить, он на скорости пятьдесят километров в час врезался в ведущего и тут же получил свой снаряд под башню. Танковая броня оказалась и в этот раз достаточно прочной, но свое черное дело снаряд сделал. Двойное сотрясение вызвало самопроизвольный разряд энергоустановки, и оба танка исчезли в ослепительной вспышке.

— (безжизненно) Ладно, Второй, ты был прав, а я – нет. Не надо было нам ввязываться. Проверим на скорости подозрительные районы, сначала – третий, а потом – второй. И назад. Пусть с ними воздушники разбираются.

— Понял. (про себя, еле слышно) Ну да, конечно, прав… Теперь счет-то: три – три…

— Заворачивают! Испугались, гады!

— Да нет! Ты погляди, куда они поворачивают!

Шанви потребовалось всего несколько секунд.

— К штабу?!

Дэсс Урган чувствовал себя, словно хищный зверь в клетке. Проклятая неизвестность! Из города доносились взрывы, грохот рушащихся зданий – его ни с чем не спутаешь, затем еще один взрыв, самый мощный, и – тишина. Уже несколько минут тишина.

— Господин полковник!

Урган стремительно обернулся. К нему бежал связист с листком бумаги в руке.

— Господин полковник!… Докладывает наблюдатель… Пять танков… Идут прямо к штабу!…

Вот и понимай как знаешь. То ли это его бойцам удалось так удачно уполовинить вражеский отряд, то ли это только авангард… Стоп, это не важно. Два расчета, что скрываются в засаде где-то впереди, задержат пять танков, но не остановят. А за спиной, в штабе, около сорока человек. В том числе гражданские специалисты, почти две трети его будущего правительства (Урган горько усмехнулся про себя), женщины, трое детей… Он не дал приказа об эвакуации, чтобы не привлекать внимания пришельцев. Да и надежней убежища, чем подвалы винзавода, в округе и не найти…

Только вот укроют ли они от пришельцев, если те начнут всерьез искать? Может быть, и нет…

Как же зовут этого курьера?… Ах, да!…

— Кима, майор! Спускайтесь в штаб, возьмите нашу резервную мухобойку, запасную ракету и сюда! Займем здесь позицию, постараемся отвлечь пришельцев. Кима, вы за подносчика! Все остальные – вниз! Закрыть все входы и выходы и сидеть тихо!

— Господин полковник! — запротестовал майор Гечи Раро. — Вы не имеете права так рисковать!

— Знаю, — усмехнулся Урган. — Но что поделать, если стрелять из мухобойки умеем только я и вы.

— И я умею, — тихо сказала Лика Ранси.

— Нет, Лика, нет, — покачал головой Урган. — Я слишком… ценю вас, чтобы позволять лезть под пули. Уходите.

Проклятье, хотел ведь сказать не "ценю", а совсем другое слово, только вот язык в последнюю секунду не так повернулся.

— Откуда же они вынырнут?!

Алвин растерянно огляделся. Рев моторов будто бы доносился со всех сторон, а укромная щель между бетонными

перекрытиями, сложившимися домиком, вообще показалась вдруг совсем ненадежным убежищем. Ужасно хотелось забиться подальше и затаиться, пережидая, пока смерть пройдет мимо, но молчаливый напарник уже взвалил на себя мухобойку и Алвин, превозмогая страх, изготовился к стрельбе.

Когда чужой лобастый танк выехал на перекресток, Алвин почувствовал, как у него задрожали руки. "Это всего лишь коробка, — уговаривал он себя. — Всего лишь очень большая движущаяся коробка…"

— Уйдет же, — просипел напарник, Но Алвин уже успокоил себя и нажал на спуск, целясь в корму стремительно удаляющегося танка.

Они даже могли бы уйти, если бы бросили мухобойку. Но они потеряли решающие секунды, пока смотрели на издыхающий танк, плюющийся серо-зеленым дымом, пока выбирались из укрытия, вытаскивая тяжелую мухобойку, и пока спотыкаясь, тащили ее к знакомому подвальчику.

Следующий танк уложил их одной очередью на полпути.

— (жалобно) Ну сколько же здесь их?!

— А ты запроси компьютер.

— И верно, Второй. Как же это я сразу не догадался? Та-ак… Компьютер говорит, два в первом районе, два в третьем и от двенадцати до восемнадцати юнитов по городу.

— А во втором что, пусто?

— Не знаю. Крошка там никого не нашел, а мы еще не были. Может, парочка и есть. Хотя гляди, компьютер полагает, что те юниты, что в городе, не так просто располагались, а прикрывали первый район, третий и немножко что-то еще.

— Четвертый район?!

— Да нет, какие-то машинные бредни. Тут где-то второй юнит прячется, его грохать надо.

— А компьютер?

— Дает три места, каждое с вероятностью в три четверти. Думаю, надо начать…

— Слушай, Первый! Давай лучше по снаряду на каждое! Чего их уже экономить?…

— И точно, Второй! А я и забыл, что и у нас еще и снаряды есть!…

К сожалению, компьютер угадал. Один из снарядов лег точно в цель, и второй расчет погиб полностью, не успев даже вступить в бой.

Три близких взрыва подсказали Ургану, что с их первой линией обороны покончено. Появятся теперь танки или не появятся? Появились. Четыре, не пять, что уже хорошо. Теперь лишь бы их внимание не привлекли совсем неприметные сарайчики рядом с развалинами завода…

От напряжения Урган даже слегка высунулся из своего укрытия. Его бы вполне устроило, если бы пришельцы просто прошли мимо.

— О! Засек! Щас я их…
— (разочаровано) А, опять какие-нибудь цивилы.
— Ну и пусть. Обнаглели они тут, однако.

Очередь, пущенная метров с четырехсот, простучала рядом совсем нестрашно, но мгновенно загнала Ургана в укрытие. Майор Гечи Раро даже не шелохнулся, по-прежнему выглядывая из-за обломка бетонной плиты.

— Что там? — потянул Урган его за рукав.

Тело майора, не оказывая сопротивления, заскользило вниз. Стрелка из игломета, угодив Гечи Раро в лоб, убила его наповал.

Урган жалко и беспомощно выругался. Проклятая мухобойка была сконструирована так, что один человек мог выстрелить из нее, только встав во весь рост и положив конец рельсы на упор. Не самый приятный способ самоубийства в данной ситуации.

А тем временем, один танк, отделившись от остальных, не спеша двигался прямо к Ургану. А еще один, также не торопясь, понемногу приближался к невзрачным сараюшкам, скрывавшим вход в штабной подвал.

— Господин полковник! Дэсс!

Урган обернулся, и ему стало по-настоящему плохо. Ловко и грациозно пробираясь через завалы, к нему ползла Лика Ранси.

— Лика! — выдохнул Урган, чувствуя, что вот-вот случится непоправимое. — Как же ты!…

— Потом! — Лика закрыла ему рот своей грязной ладошкой. — Я же говорила, что умею стрелять из этой штуки.

Пререкаться и ужасаться времени, действительно, не было. Танк был уже близко и Урган, торопясь, взвалил на плечо мухобойку.

— Ну давай же, давай! — азартно шептала у него над ухом Лика Ранси. — Ну что ты лезешь вперед как бычок? Поворотись-ка…

Танк повернулся, когда до него оставалось менее пятидесяти метров. Он всего на несколько секунд показал борт, объезжая препятствие, но Лике этого хватило. Снаряд, словно сам собой

вырвавшись с направляющей мухобойки, воткнулся точно в то самое место, где имперские конструкторы, врезая теплорассеиватели, чуточку уменьшили силу брони.

— Тьма на этот компьютер! У меня всего один танк остался! Снарядами их, Второй, снарядами!

— (ворчливо) Какими еще снарядами? Я последние на те подозрительные места истратил. Лучше сам по сусекам поскреби.

— Нет, последний я тратить не буду. Я их так по стенкам размажу! Подстрахуй.

— Ладно, Первый, подстрахую. Одно радует, если и здесь есть боевые юниты, уж точно есть, что скрывать.

Урган затравленно оглянулся. Через минуту танки будут здесь. Бежать, прятаться? Некуда. Но он не имеет, не имеет права погибнуть! Особенно вместе с Ликой.

Урган еще раз огляделся по сторонам. Кажется, это шанс. Пусть даже и один из ста. Отбросив разряженную мухобойку, он с помощью подвернувшегося под руку железного прута открыл канализационный люк, в обнимку с Ликой спустился на несколько ступенек по ржавой металлической вертикальной лесенке и с усилием задвинул тяжеленную крышку.

На все про все у него ушло менее двадцати секунд.

— Тьма и пламя! Где они?

— (недоуменно) Не знаю. Вон дохлый один валяется, а больше никого. Даже биоискатель молчит.

— Ну, не совсем-то он молчит…

— Ясное дело. Но тогда и метка была бы – в пол-экрана.

— Ладно, Второй, поехали дальше. Поставим на отслеживание и пошли. Ты на чем остановился?

— (сверяясь с картой) Знаешь, Первый, проверю я вон те развалюхи… Что-то там посвечивает такое в инфракрасном. Да и биоискатель волнуется. Вроде бы и ноль, а как я подъезжать поближе стал, вдруг мерцать начало.

— (со скепсисом) Ну, проверь. А я тогда те домики возьму. Уж больно они целые. И компьютер их на подозрение взял, с вероятностью в две трети…

Элегантно развернувшись, танк отправился дальше, проехавшись прямо по крышке канализационного люка.

— Ребята! — Пири Шанви смотрел строго и спокойно. — Нельзя их к штабу подпускать, совсем нельзя. А потому – стреляем все, авось кого зацепим. А не попадем, так отвлечем.

— Да ясно, ясно уже, командир, — пробурчал Брин. — Все готовы.

Вначале он хотел назвать Шанви сынком, но в последнюю секунду передумал.

Три дымных следа вырвались из полуразрушенного дома наперерез двум танкам. Дистанция была предельной и даже больше, но им отчаянно повезло. Один из танков, похоже, делали в конце квартала, и двух попаданий для него оказалось достаточно.

— Ну дела! — Горво даже остановился. — Вроде бы в один попали, а встали оба.

— Потом, потом, — дернул его Шанви. — Уходим. Не забывай, есть еще третий!

— А-а-а! Опять! Да что же это такое!? Завис, гад! Точь в точь, как тогда! Первый, Первый! Ну за что мне такая несправедливость?!

— (нервно) Завис, так глуши. Помолчи, не до тебя тут!

Первому было страшно. Даже с учетом того, что сам он сидел в полусотне километров от поля битвы в безопасном корабле и ничто ему лично не угрожало.

И все же, он казался себе маленьким, голым и беззащитным. Экранчик биоискателя, как ему чудилось, кишел метками. Компьютер в панике выдавал фантастическое число вражеских расчетов. Одинокий, брошенный всеми, единственный уцелевший в бою танк выглядел уже не "Охотником", а жалкой добычей.

И Первый не выдержал. В панике он обратился в бегство, пустив последний танк по собственному следу. Так ему казалось безопаснее.

В это время Второй, отчаянно ругаясь, пытался оживить свой зависший танк, естественно, с нулевым результатом. Провозившись минут пять, он, плюнув, дал танку команду на самоуничтожение и, чертыхаясь, снял с головы шлем. Поспешно отключая аппаратуру и мрачно представляя, какую головомойку ему сейчас устроит непосредственное начальство, а может, и кто повыше, он даже не стал дожидаться конца.

А зря. Крохотная вставочка, уже выведшая из строя громадную, напичканную электроникой и смертоносным железом машину, сделала свою последнюю пакость. Сигнал на самоуничтожение не прошел, и танк так и остался стоять на дороге невредимым, но безжизненным истуканом. До входа в штабной подвал он не доехал меньше трехсот метров.

Сержант Леннер медленно стер с лица кровь и с трудом приоткрыл глаза. Его отбросило к стене разрушенного дома. Рядом лежали в различных позах мертвые товарищи. Даго все еще протягивал руки к лежащей мухобойке.

Еле передвигаясь, словно полупарализованный старик, Леннер подошел к мертвецу. Он не знал, продолжается ли еще бой или уже закончен. От сильной контузии он почти ничего не слышал. Подняв мухобойку и волоча ее за собой, Леннер потащился через улицу. На это у него ушло минут пять. Проклятый звон в голове мешал думать, и он просто сидел на мостовой, положив тяжелую рельсу себе на колени.

Леннер не удивился и не испугался, увидев, как в дальнем конце улицы появился одинокий танк пришельцев, идущий прямо на него. Он просто встал, уперев рельсу мухобойки в землю, и начал с усилием приподнимать ее. О том, что его оружие разряжено, он в этот момент даже не думал.

Не думал об этом и оператор танка. Оператор танка даже не стрелял. Он как завороженный смотрел, как странный, весь покрытый коркой из грязи и запекшейся крови солдат, стоящий у него на пути, плавно как при замедленной съемке поднимает свое оружие. Не вынеся напряжения, он трясущимися руками навел на филита орудие и выстрелил последним снарядом.

Человек – не самая подходящая цель для пушки. Снаряд просвистел высоко над головой Леннера, который даже не покачнулся, и разорвался где-то за дальними домами. Не помня себя от страха и совсем забыв про оставшееся в его распоряжении оружие, Первый свернул в первый же попавшийся проход, заведший его в тупик. Спереди и с боков дорогу перегородили развалины. Танк набросился на них, словно на врага. Ревя двигателем и яростно скребя гусеницами (об антиграве Первый благополучно забыл), танк перемалывал обломки стен в каменную крошку, с натугой взобрался на гору мусора и… вдруг съехал в глубокий кратер, оставшийся от попадания бомбы, где тяжело завозился, словно жук-навозник.

Вот тут-то его и поджидали.

— Получи! — с ненавистью выдохнул Тюрам Барко, нажимая на спуск.

И далеко на корабле оператор, не снимая шлема, вдруг безжизненно обвис в своем кресле. В отсеке дистанционного управления поднялся переполох. Незадачливого танкиста, так и не пришедшего в себя, с большим шумом потащили в медотсек.

А его напарник в этот день так и не дождался ожидаемого

разноса.

— Попробуйте еще раз, — попросила Лика Ранси.

— Хорошо.

Дэсс Урган изо всех сил уперся головой и руками в ребристую крышку люка. Крышка не поддавалась, словно вросла в землю.

— Бесполезно, — Урган развел руками и чуть было не сорвался вниз.

— Что же теперь? — голос Лики Ранси в кромешной темноте звучал, скорее, обеспокоенно, чем испуганно.

— Кажется, прямо над нами проехал танк, — виновато объяснил Урган. — Надеюсь, Кима видел, куда мы спрятались. А еще я могу вот так.

Нащупав в кобуре пистолет, он вытащил его и несколько раз постучал стволом по крышке люка: тук-тук. Получилось звонко и довольно громко.

— Это хорошо, — сказала Лика.

Она стояла на узкой лесенке боком, тесно прижавшись к нему. Урган ощущал ее тело и чувствовал легкий аромат ее волос.

— Да, хорошо, — сказал Урган, хотя хотел сказать совсем другое, и снова постучал в крышку.

Лика молчала.

— Дэсс, — сказала она. — Можно, я так?… Как вы… Как ты думаешь, я отомстила за Стина?

Урган вздохнул.

— Наверно. Ты попала в него. Я видел.

— А я не знаю, — сказала Лика. — Это ведь только машина, верно? Там нет людей?

— Скорее всего, — Урган в темноте пожал плечами. — Нет. Насколько я знаю, нет.

— Может быть, это и хорошо. Я никогда не стреляла раньше в людей. Даже в пришельцев. И… Стина ведь не убили, он попал в плен, верно?

— По-видимому, — Ургану не нравился этот разговор. — Среди мертвых его не было.

— Я знаю, — тихо сказала Лика. — Как ты думаешь, он вернется?

— Не знаю.

— А я не верю. Когда он уходил в Тороканские Ворота, он сказал мне, что вернется. Обязательно вернется. Вернется ко мне даже из самого ада. В этот раз он ничего не говорил… И эти пришельцы… Они такие чужие, такие жестокие… И непонятные.

И теперь прошло уже девять дней. Я больше не верю.

Ургану показалось, что она плачет. Он протянул руку, чтобы осторожно погладить ее по волосам.

— Нет, все нормально, — сказала Лика. — Когда у всех вокруг такое горе, самому ведь легче, так? Давайте поговорим лучше о чем-то другом. Расскажите что-нибудь о себе.

— Можно и обо мне. Мне тридцать четыре года, в конце зимы будет тридцать пять. Родился я в Венто, это знаете, где авиазаводы "Мико", недалеко от Шилги. Мой отец был летчиком, испытывал самолеты. Он погиб на фронте. Мама работала на том же авиазаводе, в конторе. Ее убили при бомбежке. Несколько лет я жил в Шилги у тетки, закончил там гимназию. Как только начал проходить по возрасту, поступил в летное училище в Венто. После войны туда таких пацанов не очень-то и принимали, но для меня сделали исключение. Потом закончил училище, служил в авиаполку недалеко от Дееле. Ведомый, ведущий, командир звена, заместитель командира эскадрильи, командир эскадрильи. В 67-ом поступил в Военную Академию ВВС, прошел основной и дополнительный курсы, потом получил назначение сюда, в Нейсе. Заместитель командира полка, командир полка, заместитель командира авиакрыла по летной части. Этой весной присвоили звание полковника. Если бы не пришельцы, стал бы, наверное, через несколько лет бригадным генералом.

— Нет, это как для анкеты, — сказала Лика Ранси. — Вы лучше о себе что-то скажите. Например, женаты ли вы, есть ли у вас дети… Ой!

— Да нет, все нормально. Детей у меня нет, женат был дважды, оба раза неудачно. Второй раз развелся почти год назад.

— И что же так? — сочувственно спросила Лика Ранси. — Не повезло?

— Наверное, и это тоже. Конечно, во многом виноват я сам. Первый раз женился еще курсантом. Очень славная была девушка, общительная, веселая, такая… светлая. У нас все было просто чудесно. А потом… В Дееле… Я тогда был молодой, страшно честолюбивый, знал, что способен на многое, и хотел этого многого добиться. Пропадал на службе целыми днями. А она была учительницей, преподавала гранидский язык и литературу, все ее очень любили, и дети и коллеги в школе… И мы начали просто отдаляться друг от друга – чем дальше, тем больше. А тут еще этот переворот… Она восприняла его очень болезненно, а я… А я так хотел поступить в Военную Академию. В общем, развела нас политика окончательно… А уже в Академии, на выпускном курсе, был у меня такой… молниеносный роман. Красивая, умная, из очень хорошей семьи. Да и я был уже майором и почти

что выпускником Академии. Поженились мы, вот… Мне предлагали место в Шилги, в штабе ВВС, а я хотел летать. Работы у меня всегда было много, я занимался любимым делом, а ей… ей стало скучно. Она привыкла к столице, а на базе ей было некуда себя деть. Я виноват, я не мог посвящать ей столько времени, сколько было нужно… Вот все и кончилось меньше, чем в полтора года… Так что, плохой из меня семьянин.

— Не знаю… Может, вам просто не повезло. Вам нужна не просто жена, а спутница, партнер, у которой была бы своя жизнь, но в ней всегда бы находилось место для вас. И наоборот.

— Может быть…

Урган готов был продолжать этот перспективный разговор, но тут у него прямо над головой завозились, люк сдвинулся с места, и в проеме показалась голова Пири Шанви.

— Господин полковник, вы живы?! Докладываю: враг уничтожен.

— Отбой, — Донар Млиско встал и с удовольствием потянулся. — Да не грусти ты так. Враг разбит, мы живы, что еще надо? Успеешь еще с ними поквитаться.

— Да, — согласился Тюрам Барко.

Ему было грустно. В бою было легче. А здесь снова надо начинать жить в пустом и холодном мире.

— Не расстраивайся, парень, — хлопнул его по плечу дядя Донар. — Я знаю, жить тяжко. Да надо. Не сдавайся. Ты лучше вот что. Забери сам вместе с подносчиками мухобойку, хорошо? А я до больницы сбегаю. Там сегодня одного друга моего старого оперировать должны. Его вчера родичи из Сарне привезли. Боялись, что живым не довезут. Так я схожу, узнаю, может, на сбор опоздаю немного. Передашь?

— Конечно, — невесело улыбнулся Тюрам Барко. — Обязательно передам.

— Интересно, — Урган с опаской обошел вокруг неподвижно замершего танка. — И вроде бы, никаких повреждений. Так сам и остановился?

— Так и остановился, господин полковник, — подтвердил Шанви. — Дернулся разок, и все. Дохлый он, как есть, совсем дохлый.

— Все равно непорядок, — покачал головой Урган. — Уж больно близко. Стоп, идея. Лика, пошлите кого-нибудь на завод, к главному инженеру. Нет ли у него, случайно, парочки специалистов по разборке инопланетных танков?

"Дракон" торопился, но все же прошло больше половины стандартного часа, прежде чем он добрался до Нейсе. Город был смутно знакомый, но оператор не был в этом уверен. Сколько их было, таких городов, на его пути…

Зоны поражения уже были отмечены на его карте оранжевой штриховкой. Сделав расчеты, он наметил цели и, описав полукруг, сбросил на город три кассеты с глайдер-бомбами объемного взрыва. Каждая кассета содержала в себе шесть дюжин небольших бомб с индивидуальным наведением. Внутри бомб находилась взрывчатая смесь в виде аэрозоля, реагирующего с кислородом. Одной кассеты вполне хватало, чтобы уничтожить все живое на площади в полтора-два квадратных километра.

— Будет жить, — сказал главный врач несколько громче, чем было принято. Он был горд этой операцией. — Зашивайте.

И сняв перчатки, уже сам вытер со лба пот.

Он шел к выходу из операционной, когда первая волна бомб накрыла больницу.

— Воздух! — истошно закричал кто-то поблизости, кажется, Шанви.

Урган отреагировал мгновенно. Он бросил на землю Лику Ранси и сам упал на нее, прижимая к гусеницам неподвижно застывшего вражеского танка.

Вторая порция бомб высыпалась на развалины тракторного завода. На его территории в тот момент никого не было, поэтому обошлось без жертв. Только стальные листы, о которых говорил Ургану главный инженер, сплавились между собой и стали непригодными для производства печек.

Третья кассета должна была накрыть штаб и прилегающие районы. Поскольку система относилась к типу "выпустил и забыл", компьютер отрапортовал о накрытии цели. На самом же деле, в механизме наводки что-то сработало не так, и бомбы легли в стороне, не причинив всем, собравшимся у подбитого танка, даже незначительных ожогов. Однако в городе, где упали бомбы, смерть все же собрала свой урожай…

Тюрам Барко, несший вместе с подносчиком снарядов тяжелую мухобойку, так и не успел дойти до сборного пункта в полицейском участке на улице Горг. Взрывной волной их швырнуло на землю, и пламя пронеслось над ними, не причинив вреда.

Стоя на коленях, Тюрам Барко, не мигая, смотрел в близкое

небо. Сегодня Единому явно не была угодна его смерть. Значит, надо было жить дальше.

Дэсс Урган лежал на постели и смотрел на дрожащий огонек "летучей мыши". Сон не шел. Как мало нужно, чтобы победа превратилась в нечто, напоминающее поражение. Погиб почти весь отряд истребителей танков, разрушена больница, убит главный врач…

И кем заменить сгоревшего в пламени вражеских бомб подполковника Магги? По старшинству следующим шел бы бывший начфин 21-й дивизии подполковник Фраку. Но может ли этот бюрократ руководить обороной? Вряд ли. Тогда кого же? Может, плюнуть на старшинство и назначить капитана Эреншельта? У него есть, кажется, все необходимые для этого качества. Но справится ли он? И как посмотрят на это оставшиеся в живых старшие офицеры?…

А кто сможет взять на себя весь тот объем работы, что выполнял майор Гечи Раро? А может, не обязательно назначать на этот пост военного? Скажем, взять…

Размышления Ургана прервало осторожное поскребывание по двери. Урган встал, зажег свечу и осторожно открыл дверь.

За дверью стояла Лика Ранси.

— Дэсс, — как-то беспомощно сказала она. — Пожалуйста, не прогоняй меня. Не подумай, я не шлюха… Не бросаюсь в постель начальнику через девять дней после того, как погиб мой жених… Просто я не могу больше… Не могу одна… Мне страшно, Дэсс. Эти пришельцы – они такие жестокие и страшные… Что с нами будет?…

Кажется, она готова была заплакать. И Дэсс Урган обнял ее, и подхватил на руки, и сделал все, чтобы заставить ее забыть обо всех бедах и страхах, и чтобы самому забыться в ее объятиях.

И в эту ночь он был по-настоящему счастлив.

Глава 35. Земля обетованная

Земля появилась ранним утром на одиннадцатый день плавания. С удовольствием подставляя лицо свежему ветру, Кен Собеско смотрел, как из облачной дымки на горизонте медленно выплывают очертания длинной береговой линии с приметной двойной вершиной на правом фланге.

Люди, заполнившие верхнюю палубу, выглядели измученными, но до изумления счастливыми. Всем в эти минуты хотелось только радоваться, что их тяжкий путь подошел к концу, и наслаждаться чистым морским воздухом, спокойным морем и ясным небом.

Последние трое суток были самыми тяжелыми. Три дня "Капитан Заман" сражался со штормом, пробиваясь на запад против ветра и волн. Три дня, пока длилась жестокая болтанка, пассажиров не выпускали наверх. Ни Собеско, ни Даксель, ни Чирр Чолль не страдали от морской болезни, но им тоже пришлось тяжело. Уже к концу первого дня шторма в крохотной каютке в носу судна, где они ютились, стало нечем дышать. О том, что творилось на переполненных людьми нижних палубах, Собеско предпочитал даже не думать.

Разве что только с кормежкой в последние три дня было получше. Конечно, местная жратва не отличалась ни изысканностью, ни разнообразием – суп типа кондер, полужидкая каша с редкими волоконцами тушенки и каменные сухари – но зато ее было много.

— Это уже Гордана? — Чирр Чолль протиснулся к Собеско через толпу. — Западный континент, да?

— Нет, это еще не материк, — Собеско потрепал Чирра Чолля по плечу. — Это остров Ксаннет.

— Да-а? — разочарованно протянул Чирр Чолль. — А вы точно знаете? Вы его уже видели, да?

— Видел, — Собеско невесело улыбнулся. — Даже дважды…

В первый раз далекие вершины острова Ксаннет точно так же появились из облачной дымки ясным летним утром семнадцать лет… полжизни назад.

Наверное, это был лучший месяц в его жизни. Отец, получивший длительный отпуск на поправку здоровья и по рекомендации врачей выбравший морское путешествие, был все время рядом и никуда не спешил. Мать словно сбросила с себя груз военных лет и вдруг перестала ворчать, придираться и

жаловаться на жизнь. Она просто лучилась от счастья, принимая знаки внимания местных дам и выглядела так, как и должна была выглядеть аристократка из старинного рода, заботливая мать и любящая жена гранидского полковника и героя войны. Наконец, зануда и язва сестрица осталась дома, гуляя медовый месяц со своим скучным мужем-адъютантом.

Ну а сам Кен, семнадцатилетний гимназист выпускного класса, уже твердо наметивший себе путь в летное училище? Для него это была первая заграничная поездка. Из голодной послевоенной Граниды – в роскошь, изобилие и бешеный ритм деловитой горданской столицы. Ему тогда понравился Реперайтер, но не слишком понравилась Гордана в целом – сытая, равнодушная, зацикленная на деньгах невоевавшая страна, где чиновники и разбогатевшие бандиты пользовались большим уважением, чем военные и инженеры, а сверстники разъезжали на тарахтящих мопедах и были способны говорить только о модных певцах, имена которых ему ничего не говорили, шмотках, комиксах и гулянках.

Тогда он не думал и не мог представить, что двенадцать лет спустя эта страна станет его новым домом, и он снова увидит остров Ксаннет с палубы парохода. Увидит, будучи эмигрантом, изгнанником, человеком, лишенным родины. Но и тогда он мог не беспокоиться за свое будущее, имея в кармане и синюю картонку – горданский вид на жительство, полученный в консульстве еще до отъезда, и подписанный контракт с "Ренгером", и аванс, превышавший его офицерское жалование.

И вот, жизнь описала еще один круг. И нет уже ни контракта, ни денег, ни вида на жительство, и вокруг сотни тысяч таких же беженцев, его товарищей по несчастью и конкурентов за немногие места под солнцем. Но зато только здесь и сейчас понимаешь, что правы были древние, говорившие, что каждый конец – это на самом деле новое начало…

— С добрым утречком! — к Собеско и Чирру Чоллю присоединился Дилер Даксель. — Чего это вы так рано подскочили?… А, вот оно что… Дошли, значит. Вот она, Гордана.

— Это только остров Ксаннет, — уточнил Чирр Чолль.

Даксель пожал плечами.

— Какая разница? Все равно, Гордана. Интересно, что теперь дальше?

За все время плавания они ни разу не говорили на эту тему.

— Что дальше? — Кен Собеско задумался. — Дальше нас высадят на Карантинном острове, там мы по местному закону должны будем прожить семнадцать дней. Потом переправят на

Ксаннет или прямо на материк. А дальше… Честно говоря, плохо я себе представляю, что дальше. Я ведь в прошлый раз был из привилегированных. У меня был контракт с фирмой, были деньги. И все семнадцать положенных дней я с комфортом прожил в гостинице, питался в ресторане, сидел по вечерам в кабаке с… этими… А потом поехал сразу в Реперайтер. К остальным я как-то тогда не приглядывался. Их, кажется, селили в длинные такие бараки, разбитые на клетушки. А на материке были два или три месяца бесплатного проживания в общежитии и биржа труда. Родственники им еще помогали. Или земляки. Еще вербовщиков на Карантинном было, конечно, как мух, но на их посулы покупаться охотников было мало… А больше я и не знаю.

— Ничего, — оптимистично заявил Даксель. — Окажемся на Карантинном, разберемся. Я, в конце концов, тоже на горданскую фирму работаю. Мне бы только Кару там отыскать…

— Послушайте, — Чирр Чолль дернул Собеско за рукав. — А вон тот остров, он, случайно, не Карантинный?

— Похож, — Собеско пригляделся. — Да, это определенно он.

— Тогда тут что-то не то, — недоуменно сказал Чирр Чолль. — Мы должны к нему идти, а на самом деле отдаляемся.

— И верно, — Кен Собеско развел руками. — Тогда из меня вообще плохой советчик. Что-то в этот раз все идет совсем по-другому.

Насколько по-другому, Собеско полностью осознал только через полтора часа, когда "Капитан Заман", дав приветственный гудок, вошел в небольшую бухту у северной оконечности острова Ксаннет.

Берег бухты был усеян палатками. Здесь были сотни, тысячи палаток, а среди них – десятки тысяч людей. Собеско приходилось разом видеть сто тысяч человек – на стадионе в Шилги, во время матча за кубок страны, но на этом месте поместилось бы с десяток подобных стадионов.

Среди моря палаток стояли длинные одноэтажные здания, очевидно, портовые склады и пакгаузы, и высился одинокий старинный портальный кран, похожий на колодезного журавля. От набережной отходило несколько коротких причалов, отделенных от палаток высоким забором из проволочной сетки и, кажется, с колючей проволокой наверху. У одного из причалов стоял небольшой пароходик, и с него с помощью сетей выгружали на пирс какие-то мешки и большие картонные ящики.

— Хватит любоваться, — Кен Собеско положил руку на плечо Чирру Чоллю. — Пошли собирать вещи. Кончилось наше плавание.

Пассажиры не торопились покидать корабль, и Кен Собеско прекрасно их понимал. Как ни тяжело было плавание, но за десять дней "Капитан Заман" стал чем-то близким и привычным, а обетованная земля за морем вдруг оказалась кошмаром, переполненным лагерем беженцев, пугающе многолюдным и неизвестным. Но Кену Собеско и его спутникам нечего было терять и нечего бояться. Они одними из первых вошли в небольшой домик – проходную, отделявшую огороженный забором с колючей проволокой причал от шумного лагеря.

"Как здесь называют чиновников иммиграционной службы? — мучительно вспоминал Собеско, пока они двигались в медленной очереди к единственной будке поперек прохода. — Крысами? Нет, не крысами, а, наоборот, змеями. И даже не просто змеями, а удавами… Очаровательное прозвище. И главное, как соответствует…"

Чиновник в будке действительно походил на удава – громадную сытую змеюку, неспешно переваривающую в холодке проглоченную добычу, но все же время от времени постреливающую в пространство тоненьким раздвоенным язычком. Он был толст, почти лыс и смотрел на всех немигающим взглядом рептилии.

— Документы, — лениво сказал он по-гранидски, когда Собеско, Даксель и Чирр Чолль поравнялись с его окошком.

Было видно, что эту фразу он произносит в тысячный раз, и она уже успела ему смертельно надоесть.

— Пожалуйста, — по-гордански сказал Собеско, протягивая в окошко три заполненные анкеты по пять страниц каждая, свое офицерское удостоверение, паспорт Чирра Чолля и справку Дакселя.

Чиновник коротко взглянул на документы и перебросил их сидящему в уголке неприметному писарьку, что-то корябавшему в большом гроссбухе.

— Судимости имеете? — равнодушно спросил чиновник.

— Пожалуйста, говорите по-гордански, — попросил Собеско. — Один из нас – баргандец. Он не понимает гранидского.

Удав и глазом не моргнул.

— Судимости имеете? Нет? Родственники в Гордане есть? Нет?

— У меня могут быть родственники здесь, в лагерях для беженцев, — торопливо сказал Даксель. — Жена и дети. Их зовут…

— Потом, — оборвал его чиновник. — В лагере есть доска

объявлений. Общий режим или льготный?

— Есть и такой? — поинтересовался Собеско. — И сколько это стоит?

— Десять граммов золота в сертификатах или горданских брасах.

"Однако, — подумал Собеско. — Пять лет назад было всего четыре грамма. Ох, меняется все как, меняется…"

— Нет? — чиновник не проявлял ни малейшего интереса. — Тогда проходите. Добро пожаловать в Гордану.

Это прозвучало как издевка.

— Подождите, — не сдавался Даксель. — Я сотрудник горданской корпорации "Ренгер". Я работал на заводе "Гента" в Макьелине, Шуан. Заместителем директора.

— Проходите, — чиновник раздраженно посмотрел на Дакселя. — Кому надо, разберутся. Не задерживайте очередь. Следующий.

Дакселю ничего не оставалось, как только признать свое поражение.

— Ну и чучело, — сказал он, разведя руками.

— Удав, — поправил его Собеско. — Иммиграционную службу здесь называют удавами.

Но все это уже не имело значения. Они прошли через проходную и оказались на широкой площадке, со всех сторон окруженной людьми. Дальше были видны все те же бесконечные палатки.

— И что теперь? — Чирр Чолль остановился и вопросительно глянул на Собеско. — Куда идти?

Собеско не ответил. В этой толпе он сам чувствовал себя одиноким и потерянным. Ему некуда было идти.

Кучка новеньких, прошедших в лагерь раньше них, так же беспомощно жалась к проходной.

— Вы туда идите, к горушке, — посоветовал какой-то доброхот из толпы. — Там в бывших складах еще полно места. Не скапливайтесь тут.

Собеско покорно зашагал в указанном направлении по узкому проходу между палатками, держась вслед за одинокой молодой женщиной с маленьким чемоданчиком. Он пытался встряхнуться, сбросить с себя оцепенение, но у него не получалось. Томительно долгое ожидание в медленно ползущей очереди, равнодушный удав за стойкой, неизвестность впереди – все это подействовало на него сильнее, чем он думал. А еще – тысячи людей вокруг с потухшими взглядами и осунувшимися лицами, гнетущая атмосфера подавленности и обреченности и просто прибивающая к земле аура всеобщего горя и

опустошенности. И запах нечистот…

Так жить было нельзя. Но люди – жили.

Это было как засасывающая трясина, и Собеско плелся, не поднимая головы. Женщина впереди уже оторвалась от них шагов на двадцать.

И тут ее остановили. Двое рослых парней, вышедших из-за какой-то палатки. Первый что-то сказал ей, она коротко ответила, покачала головой и пошла дальше. Второй заступил ей дорогу.

— Не торопись, красавица, — услышал глумливый хохоток Собеско.

Первый грубо схватил ее за руку и потащил куда-то за палатки. Женщина упиралась, но сопротивлялась молча, только с мольбой оглядываясь по сторонам. Человек двадцать, наблюдавшие эту сцену, отводили глаза.

— Не выделывайся, сучка! — рявкнул первый. — Я сказал, пошли!

— Мы тебя не сильно задержим, подружка, — ухмыльнулся второй. — От тебя не убудет.

— Охолонь, паренек, — насмешливо посоветовал ему Собеско. — Оставьте девушку в покое. Вы ей не нравитесь.

— А ты кто такой? — первый даже выпустил руку молодой женщины. Он был на голову выше Собеско и в полтора раза шире. — Да я тебя…

За то время, пока он замахивался, можно было уснуть и снова проснуться. Собеско легко уклонился от летящего кулака и двинул парня в солнечное сплетение. Это было именно то, что надо. Проклятое оцепенение прошло. Жизнь продолжалась снова.

— Ах ты, сука! — второй набросился на Собеско сзади, но Даксель сбил его с ног подсечкой, а уже через секунду насильника оседлал Чирр Чолль, приставив к его шее неизвестно откуда взявшийся нож.

— Убери железку, мальчик, — раздался поблизости спокойный мужской голос.

Собеско обернулся, потирая кулак. Не совсем зажившие ребра ныли, но терпимо. Здоровяк корчился на земле, беззвучно разевая рот, как рыба, выброшенная на берег, а вокруг них стояла группа крепких парней в гранидской полевой военной форме. На бандитов они не были похожи. На старшем Собеско, присмотревшись, увидел генеральские погоны с металлической пластинкой в виде меча и четырехконечной звездочкой.

Молодая женщина уже что-то возбужденно рассказывала ему, показывая на Собеско.

— Ясно, — он мягко отстранил ее. — Этих – увести.

Он подошел к Собеско и не спеша оглядел его

внимательными серо-стальными глазами.

— Я бригадный генерал Симо Койву, начальник милиции лагеря. Кто вы?

— Кен Собеско, капитан авиации. В соответствии с приказом штаба ВВС прибыл в Лешек, а оттуда командирован в Гордану. Прибыл сегодня на судне "Капитан Заман".

— Понятно. Вас кто отправлял из Лешека, капитан?

— Маршал Моностиу. Лично. И я по-прежнему остаюсь на службе, господин бригадный генерал.

— Считайте, что вы поступили в мое распоряжение, капитан. Вы зачисляетесь в милицию лагеря. Это больше, чем поддержание порядка, вам потом объяснят…

— Я не один, нас трое, — вставил в паузу Собеско.

— Да? Вы тоже военный? — бригадный генерал вопросительно посмотрел на Дакселя.

— Он баргандец, не понимает по-гранидски, — разъяснил Собеско.

— Вот как? Один – баргандец, второй – несовершеннолетний…

— У этого баргандца – Бронзовая Звезда за взорванный танк пришельцев, — жестко сказал Собеско. — А за парня я ручаюсь.

— Пусть так, — генерал принял решение. — Не будем разбивать команду. Лейтенант Ринки, проведите их в сто второй блок и введите в курс дела. Вы, капитан, назначаетесь там старшим. Можете иметь там отдельную клетушку, дополнительную пайку и все такое. Но если перегнете палку, сниму с должности. Ясно?

— Так точно!

Но говорил Собеско уже в спину стремительно удалявшемуся генералу. Вместе с ним исчезла и его свита, остались только женщина, прижимавшая к груди чемоданчик, и молодой парень в военной форме с лейтенантскими погонами, очевидно, Ринки.

Чирр Чолль засовывал в кожаный чехол свой нож, вернее, небольшой кинжал с узким лезвием.

— Откуда он у тебя? — спросил Собеско.

Чирр Чолль немного смутился.

— На часы выменял, у одного матроса, на корабле.

Собеско молчал, и Чирр Чолль пустился в объяснения.

— Вы, наверное, думаете, я зря это сделал? Часы, мол, золотые, старинные, да еще от отца, а нож этот самый простой, да? Просто отец мне всегда говорил, золото, деньги – все это по-настоящему мусор, а главный металл – это сталь… Вы меня не осуждаете?

— Осуждаю? — переспросил Собеско. — С чего бы? Это было

твое решение, ты его принял, значит, был уверен, что поступаешь правильно. Не оправдывайся в своих поступках ни перед кем, кроме себя, понимаешь? И давай обсудим эту тему позднее, хорошо? Нам надо идти дальше.

— Верно, господин капитан, — кивнул лейтенант. — Идемте, я провожу вас. Вы говорите по-горданьски? Очень хорошо… Этот сто второй блок – бывший склад, только стены и крыша, но у горданцев можно будет попросить доски и инструмент… Да, они дадут, они дают нам палатки, еду, даже лекарства, в лагере работают эти… монашки из больницы Призрения страждущих. Так что вы с ними договоритесь… От вас, в общем, требуется следить за порядком в блоке, знать всех ваших подопечных, организовать их, чтобы все получали паек и все такое прочее. Я вам потом все подробнее расскажу и покажу… Да, мы все прибыли сюда с первым кораблем… Конечно, горданцы помогают нам, но порядок в лагере обеспечиваем мы сами… Вот мы и пришли.

Собеско с грустной улыбкой осмотрел свои владения. Одноэтажная постройка без окон, распахнутые настежь железные ворота, внутри виден голый цементный пол, и какие-то люди сидят или лежат на подстилках из тряпок. Все какое-то запустелое и совершенно не жилое на вид.

— Не отчаивайтесь, капитан, — шепнул ему Ринки. — Мы вам поможем. Через пару дней и не узнаете все это.

— Отчаиваться? — хмыкнул Собеско. — Нет, я не отчаиваюсь. Я действительно не один. Вон, целая команда…

Оглянувшись, Собеско посмотрел на свою команду. Чирр Чолль о чем-то рассказывал Дакселю, наверное, посвящал его в значение последних событий. А женщина смотрела на видневшееся вдали море. Море и белоснежный кораблик, похожий на рекламную картинку.

— Какой красивый корабль, — тихо сказала она. — Наверное, на нем одни только счастливые люди. Они видят берег и палатки, издали это даже красиво. И им, наверное, нет никакого дела до нас…

Лада Вакену, по профессии художник-дизайнер, в чем-то была права. Бухта с палатками на берегу и в самом деле выглядела живописно. Но людям, находящимся на борту белоснежного корабля, как раз было дело до беженцев. Просто потому, что этот корабль был на самом деле личной яхтой президента Горданы Лёрида Кирстена.

— Еще один лагерь, — Лёрид Кирстен устало оперся на поручень. — Какой это уже, Сеймор?

Сеймор Скэб стоял рядом с президентом, спиной к далекому берегу.

— Не считал, — сказал он, не поворачивая головы. — Всего на Ксаннете их четырнадцать. Десять на побережье и четыре в глубине острова. И в ближайшую неделю нужно открывать еще, минимум, с десяток.

— Сеймор, я дал тебе карт-бланш, но мои возможности не беспредельны.

— Я знаю, — Сеймор Скэб кивнул, блеснув стеклышками очков. — Но что делать, если в страну ежедневно прибывает более полумиллиона человек? Мы сильно промахнулись, ожидая десять, от силы, пятнадцать миллионов. Их будет не меньше двадцати, а с учетом транзита через Валез и все тридцать.

— Одним словом, кусок оказался шире пасти, — невесело усмехнулся Кирстен. — Но хода назад уже нет. Нам придется поднатужиться и проглотить этот кусочек. И при этом не заработать себе несварение желудка.

— Есть и другие варианты, — как бы невзначай заметил Скэб.

— Нет таких вариантов! Мы пообещали принять всех. К тому же, меня каждый день осаждают восточные послы, умоляя прислать побольше кораблей, чтобы забрать лишнюю сотню тысяч их соотечественников.

— И никто из них не напоминает тебе…

— Нет! — резко оборвал Скэба Кирстен. — И давай закроем эту тему, ладно? Я сделал то, что должен был сделать. И принял правильное решение. Иначе мы бы сами сидели там, на Ксаннете, или подыхали в каком-нибудь подвале под разбомбленным Реперайтером! И давай больше не будем об этом, ясно?!

Затянувшуюся паузу прервал громкий писк. Лёрид Кирстен вытащил из кармана небольшой продолговатый черный предмет с дисплеем и несколькими рядами кнопок. Нажав на большую оранжевую кнопку, он выдвинул короткую толстую пластиковую антенну и поднес предмет к уху.

— Кирстен… Да, докладывайте… Ясно… Кто?… Да?… Да… Хорошо… Да, санкционирую. Вправь им, наконец, мозги… Да, действуй!

Кирстен втянул антенну и положил предмет обратно в карман.

— Хоть в чем-то пришельцы оказались полезными. Передай ему мою особую благодарность за эти мобильные телефоны. А заодно, и за ту запись. После ее просмотра легуантский посол сразу же потерял весь свой гонор, хе-хе…

Сеймор Скэб молчал, ожидая продолжения.

— А новости неважные, Сеймор. Эти болтуны в парламенте

снова подложили мне хорошую свинью.

— Закон не прошел первое чтение?

— Не то что! Его даже не рассматривали!

— Что же помешало на этот раз? Очередные поправки к закону о борьбе с преступностью?

— Хуже! Закон о борьбе с порнографией на телевидении. Ты уловил? Других проблем, кроме порнографии, у нас, оказывается, сейчас нет. Все внеочередное заседание псу под хвост. И бодяги, минимум, на неделю! Если бы я был лет на тридцать моложе, сказал бы, что разочаровываюсь в демократических ценностях.

— Ты хочешь, чтобы я взял парламент под свой контроль?

— Нет, Сеймор. Беженцы и переговоры с пришельцами – важнее этого сейчас ничего нет. А этим зверинцем пусть продолжает заниматься Риген. Все равно, это безнадежно. Даже если небо начнет падать на землю, эта публика все так же будет бороться с порнографией и пыжиться перед телекамерами. А ведь это был всего лишь примитивный пятипроцентный налог с розничных продаж. Я представляю, что будет дальше, когда они начнут делить субсидии для мигрантов. А закон об особом налоговом режиме на территориях расселения беженцев они, скорее всего, или просто похоронят, или изуродуют так, что мне придется наложить на него вето.

— Ты по-прежнему хочешь отправить их на освоение Дальнего Запада?

— Без этого, очевидно, не обойтись. У нас и так три миллиона собственных безработных. Хотя, как ты говоришь, возможны варианты.

— Парламент никогда не утвердит такой закон.

— С парламентом пора кончать, Сеймор. Он связывает меня по рукам и ногам, а времени нет. На сколько хватит наших резервов?

— По документам, на два с лишним месяца. Значит, в лучшем случае, на шесть-семь недель.

— А этот проклятый налог с продаж, даже если его и примут до конца следующего месяца, вступит в силу только с нового года. Действовать же нужно сегодня, сейчас, тут на одну кормежку уходит по несколько миллионов в день!

— Значит, придется действовать без…

— Да! Все будет сделано грязно, грубо, нецивилизованно! Но быстро. Посмотри, может быть, удастся как-то притянуть к этому пришельцев?

— Попробую. Но от нашего СОПовского проекта мы не отказываемся?

— Нет. Пусть идет по графику. Что там сейчас?

— Третья фаза.

— А, выборы префекта, раскрутка заведомо непроходимого кандидата. Пусть идет. Но главное придется сделать самим.

— А как на это посмотрят Стайс и компания?

Кирстен поморщился.

— Стайс и компания должны в первую очередь дать денег на обустройство беженцев! Они до сих пор сердятся на меня за мою самодеятельность с пришельцами и за свою потерянную собственность на Восточном континенте, но я готов дать им любую компенсацию. В Телларне, в Легуанте, заказы, субсидии, концессии, все, что угодно!

Беседу вновь прервал писк мобильного телефона.

— Кирстен!… Да, слушаю… (очень долгая пауза)… Вот как… Именно так он и выразился?… Хорошо, я понял. Свяжусь с вами вечером. До связи…

Кирстену удалось засунуть телефон в карман только со второй попытки. У него дрожали руки.

— Неудачный сегодня день, — процедил он сквозь зубы. — Тот, кто впервые назвал этих типчиков акулами, здорово польстил бедным рыбкам. Я всего лишь предложил им заплатить налоги, которые им положено платить по закону. Всего лишь налоги за первое полугодие, не больше. И что я получаю в ответ? А в ответ я получаю только то, что какой-то выживший из ума старый маразматик по имени Чупас Гид открытым текстом заявляет моему эмиссару, что они, мол, не для того меня выбирали, чтобы платить налоги. Ты понял?!

— В чем заключалось альтернативное предложение? — невозмутимо спросил Сеймор Скэб.

— Ну да, конечно, было и оно. Стайс предложил, чтобы я дал им концессии на Дальние Земли и предоставил им возможность самим заняться там размещением беженцев. В этом случае, как он заявил, они гарантируют прохождение соответствующего закона через парламент.

— По-моему, это намек, — сказал Сеймор Скэб.

— Эти надутые денежные мешки окончательно зарвались, — совершенно спокойным голосом произнес Кирстен. — Что же, спасибо за честное предупреждение. Если они считают себя со своими деньгами самыми крутыми парнями в стране, то вскоре поймут, как они ошиблись… Сеймор, я понимаю, как ты занят, но тебе придется найти время, чтобы вплотную заняться нашим резервным планом, который теперь становится основным. Срок тот же – за шесть недель все должно быть кончено. И плевать, как это будет выглядеть со стороны!

— Все будет выглядеть вполне благопристойно, Лёрид, —

впервые за весь разговор улыбнулся Скэб. — Но все же, давай доведем до конца разговор о беженцах. Я могу рассчитывать на эти десять новых лагерей?

— Можешь, Сеймор. На это денег еще хватит. А теперь мы ненадолго расстанемся. Мне надо возвращаться к переговорам.

— "Большая тридцатка"?

— Она самая. Видит бог, мне очень не хочется идти к ним на поклон. Они чужие, и этим все сказано. Но иного, очевидно, просто не дано. Хорошо хоть, что это они должны мне услугу…

Маленький человечек в безукоризненно сшитом темно-сером костюме сидел напротив Кирстена и, казалось, следил за солнечными бликами на противоположной стене огромной роскошной каюты.

Президент не торопил своего собеседника. За маленьким человечком стояли власть и сила, вряд ли уступающие его собственным. Он был эмиссаром "большой тридцатки" – группы могущественных международных банков, контролирующих всю межгосударственную торговлю на Филлине. Родом "большая тридцатка" (вернее, двадцать восемь банков) была из Мира Кольца – древней цивилизации, возникшей в незапамятные времена на берегах Круглого океана. Корни "тридцатки" уходили в седую древность, а насколько далеко тянутся ее финансовые щупальца, не знала в точности ни одна разведка мира.

Банки "тридцатки" уже давным-давно считались, да и были в действительности своеобразными государствами со своими гражданами, законами и миропорядком. Все филлинские властители тоже давным-давно научились жить с банками в мире и взаимном уважении, но не доверяли им. А Кирстен – меньше всех.

— Я очень сожалею, господин президент, но ваше предложение вряд ли может быть принято, — наконец сказал банкир. — Мы очень ценим то, что вы предупредили нас за сутки до вторжения пришельцев, и готовы оказать вам любую равноценную услугу. Но, увы. Банки "тридцатки" никогда не одолжат деньги ни одному правительству на Филлине. Это один из наших фундаментальных принципов.

— Настоящий бизнесмен должен уметь вовремя вспоминать о своих принципах и так же вовремя о них забывать, — усмехнулся Кирстен.

— Господин президент, я могу понять вас. Но я ничего не могу поделать. Сколько лет существует ваша Гордана? Чуть больше двухсот. А наша организация насчитывает свыше двух с половиной тысячелетий. Самые старые ее члены хранят у себя

анналы тех времен, когда на Западный континент еще не ступала нога человека, а Приморье было варварской периферией тогдашнего цивилизованного мира. За две с половиной тысячи лет произошло очень много различных событий, господин президент. Но мы смогли пережить их и потому, что вот уже двадцать пять веков неукоснительно придерживаемся наших принципов. И один из них – никогда, ни при каких обстоятельствах, не иметь дела ни с какими государственными властями. Мы обязаны быть абсолютно нейтральными. Иначе нам не смогут доверять. Мы готовы помогать беженцам, мы им уже помогаем и можем расширить объемы нашей помощи. Но мы не можем поступиться нашими принципами.

— Я очень ценю вашу помощь, — наклонил голову Кирстен. — Но вы сами понимаете, что одной благотворительностью невозможно решить все стоящие перед нами проблемы. Если вы не можете выделить деньги непосредственно мне, я могу предложить вам другой вариант. Гордана готова предоставить "большой тридцатке" земли на Дальнем Западе. В пользование, долгосрочную аренду, концессию – как вам будет угодно. На этих землях поселятся беженцы – тридцать миллионов активных, квалифицированных, образованных людей с Восточного континента. Вы поможете им встать на ноги, освоить территорию, построить города, заводы и железные дороги. Все ваши первоначальные вложения многократно окупятся.

Маленький человечек молчал не меньше минуты.

— Вы, признаться, поставили меня в тупик, господин президент. Такое предложение слишком ново для нас. Мы раньше никогда не занимались подобными вещами.

— Но вам так или иначе придется осваивать что-то новое. Пришельцы – это надолго. Приморья больше нет, Заморья – тоже, от Кольца останется жалкий огрызок – вы теряете большую часть бизнеса, не так ли? А более щедрого предложения, чем мое, вы не получите больше ни от кого.

Эмиссар чуть-чуть, совсем незаметно поморщился. Президент говорит, бесспорно, вполне дельные вещи. Но как он груб и прямолинеен! Для лидера демократического государства это существенный недостаток, весьма существенный недостаток…

— Я не могу вам сейчас сказать ни да, ни нет, господин президент. Мы будем обсуждать ваше предложение и, может быть, примем его. Но не ждите от нас быстрого решения. К сожалению, за все надо платить. И за наше долголетие и устойчивость мы вынуждены расплачиваться крайней консервативностью. Я понимаю, что время не ждет, но в

ближайшие несколько недель наше участие в судьбах беженцев будет ограничиваться, как вы сказали, благотворительностью.

— Но и это – огромная помощь для нас, — вежливо заявил Кирстен. — В таком случае, не могли бы вы оказать небольшую услугу лично для меня? Нет, нет, речь идет не о деньгах. Просто в ближайшее время мне понадобятся хорошие управленческие кадры. Много людей с опытом управления банками и корпорациями на всех уровнях – от отдела продаж до дирекции. Я знаю, у вас после эвакуации хватает безработных сотрудников. И не могли бы вы мне их, так сказать, одолжить? Годика, так, примерно, на два или три? Я надеюсь, ответ на эту небольшую просьбу не займет у вашей организации так много времени?

— О, нет. Я думаю, мы сможем оказать вам эту услугу. Я очень рад, что вы проявили участие к нашим людям. Полагаю, все будет решено в течение месяца. Вас это устроит?

— Да, конечно. Весьма благодарен…

Пройдя в свою комнату, маленький банкир торопливо достал из своего чемоданчика мобильный телефон – точь-в-точь такой же, как у Лёрида Кирстена. Неуклюже нажимая кнопки, он набрал номер.

— Гас, это я. Срочно отправляй людей на биржу. Пусть они быстро, но тихо, не привлекая внимания, начинают скупать акции строительных компаний и сталелитейных заводов… Да, в Гордане скоро начнется очень много больших строек…

Закончив инструктаж, банкир спрятал телефон обратно в чемоданчик и удовлетворенно улыбнулся. Что бы там не думал президент Кирстен, а в этом мире все всегда решали, решают и будут решать деньги.

Глава 36. Еду я на родину

Родная планета встретила Боорка не слишком приветливо. На столичном космодроме было жарко и душно. Раскаленный воздух медленно тек над такими же раскаленными плитами покрытия и пах дымом и пылью.

После стерильной атмосферы космического корабля каждая планета поначалу чем-то пахла. На Киилинарэ это был чуть тяжеловатый запах болота и гниющей зелени, дома всегда чувствовался привкус дыма и пыли, а на Филлине, на месте второй посадки… Там ветер пах незнакомыми травами. Чуть-чуть пряный, еле различимый запах, аромат планеты, еще не загаженной цивилизацией.

— Дымком потянуло, значит, дома, — произнес из-за спины Боорка старший офицер второго ранга Наори. Ему, может быть, тоже вспомнилась Филлина.

Наори, Боорк и еще трое офицеров – все пилоты – были отозваны с Филлины по распоряжению управления кадров космофлота. Позади у них лежал долгий путь в крошечной каютке курьерского корабля и пересадка на Оиси – ближнем из двух спутников Метрополии, впереди – новое назначение.

В отзыве из Действующей группы флота не было ничего удивительного. Космофлот уже давно испытывал дефицит штурманско-пилотского состава и решал эту проблему методом затыкания дыр, постоянно перебрасывая офицеров с военно-транспортных кораблей на крейсера, а с крейсеров – обратно на транспорты, и с кораблей, становящихся на ремонт или профилактику, — на корабли, заканчивающие ремонт или профилактику.

Это была временная, сугубо временная мера, но вопрос с расширением набора в пилотские школы Космофлота находился в состоянии утрясания уже больше дюжины лет, а договориться с министерством транспорта, курирующим гражданский космофлот, о временном призыве специалистов так и не удалось. Нет, министерство транспорта прямо не препятствовало своим пилотам переходить на военную службу в качестве вольнонаемных специалистов. Но стаж такому добровольцу не засчитывался, и по возвращению обратно в гражданский флот (а переходу в кадровый состав мешали уже космофлотовские правила) он терял право на надбавку за выслугу лет, повышенную пенсию и другие привилегии.

Так или иначе, в управлении кадров Космофлота

перемещениями занимался уже целый отдел, расширяющийся с каждым годом. Наори как-то на полном серьезе утверждал, что именно его кипучая деятельность и является главной причиной нехватки пилотского состава, так как в любой момент времени каждый девятый, а то и каждый восьмой пилот Военного Космофлота находится в поездке то ли со старого места работы в управление кадров, то ли из управления кадров на новое место работы. Это вполне походило на правду, поскольку дорога в один конец, в лучшем случае, занимала больше дюжины дней, но обсуждать эту тему с Наори никто не решился. Поговаривали, что он связан со спецотделом.

Пятеро офицеров немного задержались и покинули борт челночного корабля, совершающего рейсы между Метрополией и Оиси, в числе последних. Длинный электробус, похожий на сороконожку, уже стоял с призывно открытыми дверцами, но пассажиры не торопились.

Шаттл приземлился невдалеке от посадочных площадок Военного Космофлота, и зрелище было впечатляющее: над сторожевыми вышками, башенками маяков и приземистыми зданиями складов и космодромных служб возвышался, попирая землю чудовищными опорами величиной с башню, километровый диск высотой с двадцатиэтажный дом. Это был суперфлагман "Великая Империя" – самый огромный, самый могучий и вообще самый-самый корабль Военного Космофлота.

"Великая Империя" была великой во всех отношениях. Этот корабль был создан по личному распоряжению и под личным контролем одного из прежних Председателей Совета Пятнадцати. Строился он пятнадцать лет, и в конце концов его стоимость превзошла стоимость целой эскадры. Ежегодная эксплуатация суперфлагмана обходилась в сумму, равную затратам на строительство корабля второго класса.

Зато это был корабль непревзойденной силы и мощи. Его вооружение составляли сто сорок четыре мощнейших ракеты "космос – планета" и несколько сотен противокорабельных и противоспутниковых ракет. В ангарах "Великой Империи" находились восемнадцать космических истребителей, тридцать шесть девяток "Молний", четыре дюжины "Драконов" и около трехсот танков различных типов, включая сверхмощные "Титаны". Оберегали корабль несколько независимых друг от друга защитных систем и наконец, его экипаж насчитывал более двух тысяч квалифицированных специалистов.

Одно только было плохо: во всей Империи насчитывалось всего шесть баз, способных принять и обслужить суперфлагман,

да и то ценой необычайного напряжения сил. К тому же, "Великая Империя" вступила уже в седьмую дюжину лет своей жизни, и в ней постоянно что-то выходило из строя. Сил на капитальный ремонт при этом не хватало, и гигантский корабль большую часть времени где-то чинился по мелочам, успев стать величайшей головной болью для всех технических служб Космофлота.

В тени "Великой Империи" совсем небольшим казался "Луч", хотя на самом деле по своим размерам он превосходил корабль класса "Лидер". "Луч" был кораблем класса "Дальний разведчик", которых в Империи было всего два (третий корабль этого класса, "Полюс", пропал без вести почти три дюжины лет тому назад). Они обладали повышенной автономностью и несли массу специализированной техники для изучения планет, однако большей частью, подобно "Великой Империи", находились на приколе.

Уже много лет Дальняя разведка была причиной нескончаемых свар между Министерством колоний и Военным Космофлотом. Сами корабли обслуживали космофлотовские экипажи, но управление дальней разведки находилось в ведении Министерства. Двойное подчинение постоянно мешало делу, но ввести единоначалие вечно что-то мешало. В последнее время дело вроде бы начало складываться в пользу Космофлота, но после того, как верховный командующий Гдоод во всеуслышание назвал разведку дорогостоящей игрушкой, все застопорилось.

То, что "Луч" и его собрат "Странник" время от времени совершали экспедиции, было личной заслугой нынешнего командира отряда разведчиков, генерала третьей величины, неисправимого романтика и энтузиаста, обладавшего огромной пробивной силой. Из своих нечастых полетов разведчики привозили огромное количество всяческой информации, которая большей частью оседала в архивах Министерства колоний, а также различные инопланетные диковины, идущие, в основном, на сувениры и подношения начальству, от которого зависело выделение фондов на новые экспедиции.

Окна в салоне не открывались, наверное, никогда, внутри было очень душно, и Боорк с нетерпением следил, как вырастает в белесом небе над длинным фасадом пассажирского терминала космопорта огромная ярко-оранжевая надпись: "Радуйся, о путник космических дорог! Ты вступил на древнюю землю Великой Империи". Как стало модным в последнее время, надпись была выполнена буквами старинных очертаний и на архаичном языке с многоэтажными окончаниями, сохранившимися разве что в лексиконе Императорских указов.

Для большинства пассажиров древняя земля Великой Империи начиналась с решетчатой загородки, никак не прикрытой от палящего солнца, где им надо было ожидать, пока привезут с челнока багаж. По собственному опыту Боорк знал, что ждать им придется не меньше часа.

Сам же Боорк, как и его попутчики, на космодроме не задержался. Будучи бывалыми путешественниками, все пятеро оставили большую часть багажа в камере хранения на Оиси и прибыли в Столицу налегке.

Город находился на расстоянии примерно пятидесяти километров от космодрома, и преодолеть эту дистанцию можно было тремя способами: на антигравитационном катере, на электромобиле или же на экспрессе – монорельсовом скоростном поезде, игравшем в Столице роль основного городского транспорта. Не совещаясь и не сговариваясь, офицеры двинулись к станции экспресса. К сожалению, деньги надо было строго экономить. Размер командировочных, которые им выплатили на Филлине, не менялся уже, наверное, несколько дюжин лет, несмотря на заметно возросшие в последнее время цены и тарифы.

Вагон экспресса был битком набит, но зато в нем работала вентиляция, и ехать было почти приятно. По обеим сторонам полотна тянулись сверкающие на солнце крыши теплиц и низкие корпуса белковосинтезирующих заводов. Изредка поблескивала вода в правильных прямоугольниках прудов гидроферм.

Экспресс стремительно поднялся по склону холма. Впереди появились далекие силуэты небоскребов столичного центра. А сзади и справа Боорк заметил ломаные очертания далеких развалин.

Когда-то на месте этих развалин был огромный город – столица Империи еще с тех времен, когда она была только одним из многих государств планеты. Около трехсот лет назад, когда вспыхнуло Великое Восстание, старая столица была сметена с лица планеты ядерными бомбами. Новое правительство, пришедшее к власти после подавления восстания, решило не разгребать и расчищать гигантскую груду радиоактивного строительного мусора, а строить новую столицу километрах в сорока к северо-западу, выше по течению реки, протекавшей через разрушенный город.

Развалины так и не убрали, хотя примерно раз в дюжину лет руководство Особого Столичного Округа принимало на этот счет грозные постановления. Все упиралось в недостаток средств, и за триста лет расчистить удалось только небольшой район.

Остальная часть старого города за это время пообзавелась обитателями. Там жили бродяги, нищие, мелкие воришки, промышлявшие в Столице, а также немало рабочих с пригородного продовольственного пояса. Чаще всего они не имели разрешений на проживание и работу в Особом Столичном Округе, работали как каторжные, получали гроши, постоянно находились под угрозой поимки и высылки. Но обычно со временем им удавалось скопить нужную сумму на взятку чиновнику и получить в личной карточке желанную отметку, дающую право жить и работать в Столице, где уровень жизни был намного выше, чем в провинции.

В развалинах старого города обитали не только отбросы общества. В нескольких восстановленных домах, нелегально подключенных к электро-, водо- и прочим коммунальным сетям, находился крупнейший в Метрополии игорный центр, контролируемый осевшей в старом городе мафией, почти официально называвшейся в Империи Синдикатом. А на одной из бывших площадей бывшей столицы день и ночь шумела громадная барахолка, где можно было купить все, что угодно: от поношенной одежды до антигравитационных катеров и новейшего оружия.

Экспресс то нырял под землю, то снова выныривал на поверхность и мчался по широким эстакадам над улицами и площадями, то насквозь пронизывал огромные здания в центре Столицы. Позади остались обветшавшие невзрачные многоэтажки рабочих пригородов, промышленный район с огромными корпусами военных заводов, шестнадцати и двадцатиэтажные башни более благоустроенных районов, где проживали мелкие чиновники и, наконец, административные здания и общественные распределители делового центра. Впереди, за чахлыми деревцами Набережной, величественно возникли на фоне неба министерские корпуса левобережного района.

Левобережье было сердцем и мозгом Империи. Холм, когда-то стоявший на этом месте, был наполовину срыт, но по-прежнему господствовал над низменным правым берегом, и с искусственно выровненной площадки на самом верху, залитой бетоном, вздымались в небо две дюжины исполинских зданий, окруженных многоярусным ажурным серпантином транспортных магистралей. Из этих зданий управлялась вся Империя – все тринадцать миллиардов человек, живущих в Метрополии, на десяти планетах-колониях и многочисленных форпостах. В них работало больше трех миллионов человек, ежедневно принимающих и выполняющих сотни тысяч решений.

Через левобережный район площадью чуть менее тридцати квадратных километров проходило восемь линий экспресса, включая местную кольцевую. В воздухе кружили, взлетали или заходили на посадку сотни катеров. По многоярусным эстакадам катили десятки тысяч автомобилей, преимущественно, темно-синие или голубые служебные машины. Жизнь здесь била ключом.

Экспресс вылетел на длинный мост-эстакаду, переброшенный через реку, когда-то широкую и полноводную, а теперь обмелевшую и петляющую среди серых песчаных наносов. Поезд поднимался все выше и выше, намеренно невысокие здания прибрежных кварталов правого берега уходили куда-то вниз, зато все выше вырастали в небе министерские корпуса.

Ближе всех, прямо по ходу экспресса, находилось Министерство финансов, похожее на старинный замок с башенками, бойницами и контрфорсами, но во много раз больше любого замка и с покрытием из темно-блестящего зеркального стекла.

За кружевами Министерства финансов возвышалась сорокавосьмиэтажная спиральная башня – Министерство информации, а справа, где вид существенно портило управление по воспитанию, не зря прозванное "большим сараем", виднелись ступенчатая пирамида Министерства строительства и самый краешек изящного восьмигранника с куполообразной крышей – Министерства ресурсов.

Проехав мост, экспресс сделал остановку под стенами "замка". В вагоне стало посвободнее. Затем поезд нырнул в казавшийся узким проход между двумя громадными зданиями, похожий на горное ущелье.

Здание слева имело вид двадцатичетырехэтажного квадрата с четырьмя башнями по углам и пятой, самой высокой, в центре. Это была штаб-квартира Министерства распределения, некогда самого могущественного ведомства в Империи, всеобщего посредника, в руки которого стекались товары миллионов наименований на триллионные суммы. Однако такой монстр оказался слишком неэффективным даже для Имперской экономики и около ста лет назад рухнул под собственной тяжестью. Обязанности бывшего гиганта разделили между собой Министерства промышленности, продовольствия и ресурсов, а самому Министерству распределения осталось выполнять довольно ограниченные снабженческие функции. Правда, свою репутацию первоклассной кормушки для любителей быстрого обогащения оно не утратило.

Здание справа было огромным. Оно намного превышало по

своим размерам все другие здания в левобережном районе, так же, как и Министерство промышленности намного превышало все остальные Министерства как по бюджетным средствам, так и по числу служащих.

Министерство промышленности могло функционировать только потому, что было разделено на несколько дюжин отраслевых департаментов. Действовали департаменты почти независимо друг от друга, но об отделении никто и не помышлял. По древней, неизвестно, сколько веков насчитывающей традиции, Министерств всегда было ровно пятнадцать.

Как бы то ни было, Министерство промышленности благоденствовало и разрасталось. Построенное триста лет назад с немалым запасом тридцатиэтажное здание площадью два квадратных километра было уже переполнено. Бывшие гордостью Министерства широченные коридоры, по которым даже курсировали маршрутные электропоезда, перегораживались, чтобы получить новые кабинеты. В здании постоянно расширялись инженерные сети, прокладывались новые коммуникации, а архивы, заполнившие все подвалы Министерства, начали отвоевывать один из этажей. Как приходилось слышать Боорку, Министерство промышленности даже вступило в переговоры с соседним Министерством распределения об аренде одной из угловых башен.

Трасса все тянулась и тянулась вдоль здания Министерства промышленности, а с другой стороны строгие прямоугольные формы Министерства распределения сменились плавными линиями Министерства колоний. Это здание больше всего напоминало немного увеличенный в размерах космический корабль класса "Флагман". Вдоль нижнего карниза тянулась мозаичная полоса, а верхняя часть здания была облицована цветным камнем, привезенным с других планет. Особенностью Министерства колоний был главный вход, выполненный в псевдоклассическом стиле с десятью колоннами тридцатиметровой высоты, расположенными полукругом. Раньше колонн было восемь, но лет сорок назад решили, что их количество должно быть равным числу планет-колоний, и срочно приделали еще две. Это строителям удалось, но для одиннадцатой колонны места уже не было.

Обогнув на лихом вираже крестообразное здание Министерства транспорта (от центральной башни отходили четыре восемнадцатиэтажных корпуса), соединенных широким многоэтажным стеклянным кольцом переходов, экспресс вильнул вниз и резко затормозил напротив широкого перрона. Прямо над головой Боорка ожил динамик.

— Конечная остановка, — невнятно просипело из динамика. — Всем покинуть вагон.

— Почти приехали, — шумно выдохнул Наори. — Еще один бросок, и мы у цели.

По широкому эскалатору офицеры поднялись на станцию кольцевой линии экспресса. Здесь, на уровне восьмого-девятого этажа, задувал легкий ветерок и было не так жарко. Справа и чуть сзади, в разрыве между зданиями Канцелярии Совета Пятнадцати и Управления Императорского Двора далеко внизу виднелись ряды аккуратных белоснежных, розовых и светло-желтых домиков, окруженных зеленью. В тех домиках обитало начальство, и "жить на левом берегу" было заветной мечтой работников всех министерств и ведомств.

Слева и впереди, за паутиной трасс и эстакадой экспресса вздымались тридцатиэтажные здания близнецы: Министерство военной промышленности, Министерство правопорядка, штаб-квартира Службы Безопасности, управление Военного Космофлота (которое иногда по старинке звали военным Министерством) и самое дальнее, отсюда и не видно – Министерство энергетики.

Эти пять зданий были границей левобережного района. За ними была Площадь – почти целый квадратный километр шестиугольных каменных плит, традиционное место проведения военных парадов и праздничных шествий.

На Площади, даже в многотысячной праздничной толпе, каждый отдельный человек казался крохотной букашкой. С трех сторон ее окружали однотонные, словно залитые темным непрозрачным стеклом, стены пяти громадных зданий. Монотонный фон цвета грозовой тучи нарушали только герб Империи, символы-знаки колоний и установленный в самом центре, на стене Управления Службы Безопасности, пятидесятиметровый портрет Его Императорского Величества, исполненный специальными сверхстойкими красками на специальном материале.

Прямо напротив устрашающе огромного портрета возвышалась семидесятиметровая ступенчатая пирамида из черного полированного камня. Пирамиду со стороны Площади прорезали широкие крутые ступени, ведущие с самого низа до двухъярусных трибун, расположенных у вершины. На нижнем ярусе в праздничные дни находились члены Совета Пятнадцати, руководители министерств и ведомств, высшие военачальники, другие высокопоставленные лица, а на самой верхотуре, там, где черный камень пирамиды был облицован нестерпимо сверкавшими золотыми плитами, появлялся Император со свитой.

Облик Площади дополняли исполинские телевизионные экраны и аспидно-черная стена сорокаметровой высоты, замыкающая ее с четвертой стороны. За стеной, посреди роскошного парка, на берегу маленького озера с чистейшей водой и за несколькими кордонами охраны находился Императорский дворец, а еще дальше, в небольшой котловине, прятался от взглядов непосвященных дворец Совета Пятнадцати – подлинное сосредоточение власти в Империи.

Пятеро офицеров вышли, не доехав одной остановки до главного входа в Управление Военного Космофлота. Наори был посетителем со стажем и хорошо знал, какая дорога быстрее приведет к цели.

Прямо напротив остановки находился главный вход в Министерство науки и образования, прямо ошеломляющее своей роскошью. Посетители этого министерства наперебой рассказывали о широких мраморных лестницах, мозаичных панно из самоцветных камней с других планет, стенных панелях из ценных пород дерева.

Правда, знающих людей эта напускная пышность раздражала. Она выглядела как роскошный фрак, одетый на нищенские лохмотья. По легенде, постройка этого здания обошлась Министерству в сумму, равную его трехлетнему бюджету, а его содержание было одной из главных статей расходов – и триста лет назад, и сегодня, и во все времена Министерство науки и образования было самым бедным из всех пятнадцати Министерств, исключая только, может быть, Министерство здравоохранения.

Перейдя по подземному переходу широкую магистраль, Наори повел товарищей к малозаметной двери у самого угла здания – одному из входов в Управление. Совсем рядом нависало грудой серого камня здание Службы Безопасности – зловещее гнездо всесильного и зловещего ведомства. Об этом здании ходили разные слухи и домыслы. Говорили – свистящим шепотом, на ухо, опасливо оглядываясь по сторонам, будто бы в нем, кроме тридцати надземных есть еще, как минимум, дюжина подземных этажей, где в секретных камерах сидят узники из тех, кто пропал без вести, а еще ниже, в каменных мешках, откуда не прорывается наружу ни один звук, специально отобранные палачи с медицинскими дипломами совершенствуют свои таинственные, универсальные и научно обоснованные методы дознания и проводят над заключенными удивительные и страшные исследования, проникая все глубже в тайны человеческого мозга.

Говорили о коридорах в этом здании – не прямых, а

причудливо изогнутых так, что идя по такому коридору, не видишь того, кто идет в десяти шагах за тобой. Говорили, будто в здании множество тайных ходов, лестниц и лифтов, а из подземелий Управления Службы Безопасности тянутся подземные ходы и к Императорскому дворцу, и к центральной тюрьме, и даже на космодром. Говорили об огромных кабинетах, похожих на залы, где стенные шкафы с книгами и информационными накопителями оказывались потайными дверями в другие кабинеты, еще более огромные.

Говорили… В общем, много чего говорили об этом здании, а в последние две дюжины лет, когда главой Службы был Оонк, слухов стало еще больше, они стали еще страшнее, еще удивительнее, еще невероятнее, а обыватели, даже отправляясь в Управление за самой невинной справкой о благонадежности, на всякий случай, прощались с родными и близкими.

Очевидно, зловещая близость Управления Службы Безопасности и была причиной того, что боковой вход, избранный Наори, мало кем использовался. За дверью был пустынный вестибюль, освещенный только двумя пыльными светильниками, с такими же пыльными продавленными диванами вдоль стен и наглухо закрытым окошком справочной.

В конце вестибюля перед узким проходом сидел полусонный вахтер, а напротив него скучал в стеклянной будочке охранник с иглометом наперевес. Увидев вошедших офицеров, оба они, однако, резко оживились. Вахтер долго и с упоением изучал командировочные удостоверения, личные карточки и все прочие документы, а охранник, взявшись за рукоятку игломета, настороженно щурился, держа палец на кнопке тревоги. В общем, было видно, что оба блюстителя порядка скучали, и приход посетителей доставил им удовольствие, вызванное осознанием ответственности и нужности своей службы.

Самим же посетителям было немного не по себе. Все пятеро с тревогой наблюдали, как вахтер проверяет их документы с помощью допотопного компьютера, хотя они и твердо знали, что все бумаги надежные, подлинные, да еще и выдержали куда более тщательную проверку на пересадочной станции на Оиси.

Наконец, проверка закончилась, и вахтер с явным сожалением протянул Наори пачку документов. Охранник разочарованно вздохнул, расслабился и нажал большую синюю кнопку на своем пульте. Массивная решетка, преграждавшая проход, медленно и со скрипом отошла в сторону.

Наори, на ходу раздав документы товарищам, без промедления двинулся к лифтам. В просторной кабине он пару

секунд колебался, прикидывая, где находится комната? 2045-А, в которую им было выдано предписание, и наконец послал лифт на двенадцатый этаж.

Эта часть двенадцатого этажа была царством отдела кадров. В коридорах, освещенных голубоватыми полушариями светильников, было шумно и многолюдно. Не спеша, с чувством собственной значимости, шествовали министерские чиновники в военной форме и в штатском, сновали миловидные секретарши, толпились, поглядывая на девушек, и совсем юные младшие офицеры, только закончившие училище, и опытные космические волки. Какой-то важный чиновник мимоходом объяснял совершенно ошалевшему посетителю, что ему надо обратиться в кабинет? 2105, а если он там уже был, то все равно надо сначала сходить получить визу на четырнадцатый этаж. Кто-то с нашивками суперофицера третьего ранга страшной руганью крыл всех "подлых бюрократов", в углу стройный младший офицер любезничал с красивой секретаршей, в общем, все было как обычно.

Наори шел твердой, уверенной поступью, безошибочно выбирая путь в лабиринте коридоров, смотря прямо перед собой и сдержанно приветствуя старших по рангу офицеров. Таким же быстрым, уверенным шагом он свернул в один из боковых коридоров и вдруг резко остановился, так что Боорк, шедший следом, едва не налетел на него.

В коридорчике шел ремонт. По потолку ползла черная, похожая на жука машинка, оставляя за собой ровную канавку для кабеля, горели яркие переносные светильники, в углу стояла стопка новых пластиковых плиток для пола, а из-за двери с табличкой? 2045-А доносились голоса и жужжание краскораспылителя.

В здании Управления Космофлота ремонт шел постоянно. За триста лет оно успело пообветшать, выходили из строя различные системы, приходило в негодность или устаревало оборудование. Так что в том, что ремонтники добрались и до этого коридора, не было ничего удивительного.

Препятствие, тем не менее, оказалось серьезным. Вначале выяснилось, что постоянный обитатель кабинета? 2045-А был в связи с ремонтом отправлен в отпуск. Затем, после ряда невразумительных ответов, какая-то добрая душа посоветовала обратиться к заместителю начальника отдела суперу-три Эмууксу. Еще с четверть часа ушло на поиск кабинета того самого заместителя, номер и расположение которого (кабинета, а не заместителя; то, что Эмуукс – третий заместитель начальника, им сказали почти сразу), очевидно, являлись одной из наиболее

охраняемых тайн отдела кадров. Хотя некая служебная инструкция запрещала сообщать номера кабинетов сотрудников Управления Космофлота посторонним, Наори все же не прекращал попыток, и в конце концов ему удалось получить ответ, что если господина Эмуукса нигде нет, то его, видимо, следует искать в комнате? 2037-А3. Но комната? 2037-А3 оказалась абсолютно пустым мужским туалетом, и после этого поражения даже невозмутимый Наори выругался и предложил пойти в справочную.

Справочная была большим залом, расположенным на первом этаже, сразу же за вестибюлем главного входа. Правда, из двенадцати окошек работало только пять, и к каждому стояла длинная очередь.

Офицеры быстро разобрались в ситуации. Каждый встал в свою очередь и, поглядывая на товарищей, начал постепенно продвигаться к заветному окошку. Вначале повезло Боорку, его очередь двигалась быстрее других, но когда впереди оставалось только трое, произошла задержка. Дородная тетка, судя по некоторым деталям одежды и общей нервозности, жительница колоний, все никак не могла добиться нужного ей ответа. Очередь волновалась, девушка в окошке сердилась, на жительницу колоний уже начали сыпаться с разных сторон ругательства и добрые советы, но она как будто прилипла к стойке, своим мощным корпусом не пуская никого к заветной цели, да еще и успевая визгливо отвечать на наиболее оскорбительные выражения.

В это время Наори, не обращая внимания на разгорающийся в соседней очереди скандал, как раз успел добраться до своего окошка. Задав пожилой женщине в окошке всего два вопроса и получив заветную распечатку, он кивком поблагодарил ее и стремительно отошел, освобождая место для нового страждущего.

— Чтоб их всех тьмой накрыло, — сердито сказал Наори, когда товарищи присоединились к нему. — Он все-таки сидит в 2032-й. Вот твари, будут тебе врать в глаза, пока не припрешь к стенке!

Кабинет? 2032 найти совсем просто. Если подняться одним из центральных лифтов, надо только повернуть направо в первый же коридор и идти по нему, никуда не сворачивая, и вскоре приведет этот путь к двери с табличкой? 2032, что находится между номерами 2031-А и 2033. А вот, например, кабинет? 2032-А так легко не обнаружишь, ибо искать его следует за два коридора отсюда, в боковом тупичке, и соседствует с ним? 2049-А, а кто такую нумерацию выдумал, никто не знает, а если и

знает, то нипочем не скажет.

Искомый кабинет начинался с приемной, загроможденной различной аппаратурой. В ней был и громоздкий универсальный калькулятор устаревшей модели, и канцелярский компьютер, и "навороченный" принтер, игравший также роль копировального аппарата, и сканер для официальных документов, и целых три аппарата дальней, городской и внутренней связи, и многое другое. Все это напоминало выставку, а господствовала над ней холеная секретарша, занявшая стратегически важный пост в центре приемной, во вращающемся кресле за полукруглым столом. За спиной у секретарши почти сливалась за спиной дверь без таблички.

— Нам нужен суперофицер третьего ранга Эмуукс, — вежливо сказал Наори, предъявив распечатку из справочной.

— Он занят, — отрезала секретарша непреклонным тоном.

Полчаса назад Наори, сунувшись в эту приемную, получил ответ, что господина Эмуукса здесь нет, и его следует искать в каком-то другом месте.

Впрочем, Наори не собирался об этом напоминать. Не говоря ни слова, он расстегнул свою дорожную сумку и выудил оттуда высокую гофрированную жестянку с яркой этикеткой. На этикетке была нарисована молодая смеющаяся филитка, держащая в руке высокий стеклянный сосуд непривычной формы с ярко-желтым напитком.

Внимательно и с интересом осмотрев и повертев в руках жестянку (внутри что-то булькнуло), секретарша нажала несколько кнопок на аппарате внутренней связи.

— Проходите, — сказала она, освобождая дорогу.

Суперофицер третьего ранга Эмуукс, немолодой, с выпирающим брюшком, просматривал какие-то бумаги. Он недовольно окинул взглядом вошедших офицеров и пробурчал:

— Я занят. Приемный день – завтра. Прошу вас выйти и не мешать.

Наори, все так же молча, опять открыл сумку. Тщательно развернув сверток, он поставил на стол невысокую, но очень изящную фарфоровую вазочку, белую, с чуть голубоватым оттенком, золотой каймой поверху и неизвестными синими цветами на крутых боках. Цвета были мягкие, теплые, и вазочка выгодно отличалась от ярко размалеванных, и оттого несколько аляповатых ваз модного кронтэйского фарфора.

Чиновник посмотрел на посетителей уже с большим интересом.

— Давайте ваши документы, — наконец невнятно сказал он.

Наори протянул ему командировочные предписания и личные карточки. Несколько минут Эмуукс изучал их, и вдруг отставил документы в сторону, подняв на Наори свои невыразительные мутно-серые глаза.

— У вас же предписания на? 2045-А.

— Там ремонт, — твердо ответил Наори. — В справочной нас отправили к вам.

— Хорошо, — недовольно согласился чиновник. — Тогда зайдите в канцелярию, это второй этаж. Пусть вам выпишут новые предписания сюда, в 2032-ю. Порядок требует.

Наори снова полез в сумку. На столе появилась исполненная из темного, покрытого лаком дерева величавая птица, гордо раскинувшая крылья над подставкой в виде усеченного конуса. На подставке по кругу были вырезаны маленькие аккуратные чужие буквы.

Полюбовавшись птицей, Эмуукс осторожно поставил ее в тот же ящик сбоку стола, где уже находилась вазочка. Он что-то черкнул в командировочных предписаниях, отдал несколько распоряжений по аппарату внутренней связи, что-то послал на печать и наконец, вынув из принтера несколько листов бумаги, аккуратно сложил их пополам и протянул Наори.

— Сейчас идите в административный отдел, это четвертый этаж, комната 785-А5, получите там направления в гостиницу и литеры на питание. А за новыми предписаниями приходите ко мне завтра с утра. Всего наилучшего.

Полтора часа спустя пятеро офицеров медленно спускались с четвертого этажа по главной лестнице. Наори яростно щупал изрядно похудевшую дорожную сумку.

— Уроды, скоты, грабители! — разорялся он. — Эта публика наглеет с каждым годом! Если раньше надо было дать, чтобы тебе что-то сделали, так теперь никто на тебя и не взглянет без подношения! Если дела и дальше так пойдут, на завтра может и не хватить. Говорил же я, не жадничать, все в общий котел! И вы, Боорк, хороши. У вас были большие возможности, а вы их практически не использовали.

Боорк промолчал. Он не хотел объяснять причины своей нелюбви к филлинским сувенирам.

— У меня возникло такое впечатление, — осторожно начал младший офицер второго ранга Каэраг, самый молодой из пятерых, — что если мы бы дали тому суперу-три больше, все могло бы решиться уже сегодня. И мы сегодня же вечером могли бы разъехаться.

— Ерунда! — отрезал Наори. — Все рассчитано верно. Во-первых, с этой публикой нельзя пересаливать. Иначе в следующий

раз с тебя потребуют еще больше. А во-вторых, за сегодня мы все равно никак бы не управились. И помоги нам Звезды, чтобы все удалось закончить завтра. Ты, парень, в который раз за новым назначением приезжаешь? В третий? Так должен понимать, что двое суток – это не просто хороший, это – отличный результат. Успеешь еще к жене домой смотаться. Но то, что здесь уже шага нельзя сделать, не заплатив, — это чересчур!

— А интересно, — попытался перевести разговор в другое русло Каэраг, — Кто-то здесь пробовал не платить?

— Пробовал, — смущенно признался Боорк. — Например, я. У нас… то есть, в Министерстве транспорта… было принято делать подарки за что-то конкретное. Хорошую линию, например. Или контейнеровоз вместо балкера. А тут мне было абсолютно все равно, куда направят… Дюжину дней проторчал здесь без толку. Потом надоело. Спросил напрямую у одной мелкой сошки, сколько надо. И… подсчитал, сколько осталось от аванса, и отправился прямо к начальнику. Сунул секретарше треть сотни, ему две, и все документы принесли прямо к нему в кабинет через полчаса. Но вышел я оттуда всего с дюжиной монет в кармане… Последней.

— Я, конечно, могу их понять, — все никак не мог успокоиться Наори. — При всех их чинах получают они, по сути, гроши. Мы зарабатываем втрое, а то и вчетверо больше, если посчитать все наши суточные, полетные, колониальные, премиальные, да снабжение по третьей категории. А им зарплату лет двести никто не повышал, на карточки ничего хорошего не возьмешь, цены такие, что не подступишься, семью кормить надо – это я понимаю. Но я никак не могу понять, какой идиот выдумал этот порядок!? Я не говорю уже о том, что мы летаем к звездам, а не можем по-настоящему прокормить или одеть себя, это я молчу! Но кто, спрашивается, развел здесь эту ораву, какая сволочь не платит им денег и с какой стати их просто заставляют жить за наш счет?! Зачем вообще для того, чтобы получить перевод в другое место, нужно обязательно тащиться в Столицу? Вот этого я никогда не пойму!

На этот раз все дружно промолчали. В точности было не известно, сотрудничает ли Наори со спецотделом или нет, но развивать при нем столь скользкую тему никто не захотел.

Первым нарушил молчание Боорк. Уже возле самого турникета, где двое вахтеров проверяли пропуска на выход, он вспомнил о поручении генерала Пээла.

— Совсем из головы вылетело! У меня здесь осталось еще одно дело. Вы езжайте, я вас найду уже в гостинице.

— Хорошо, — кивнул Наори. — Давайте ваше направление, я

там все организую. Дорогу найдете?

— Найду, — улыбнулся Боорк. — Я там уже жил как-то. Буду, наверное, к вечеру. До встречи.

Отстояв очередь в справочной, Боорк выяснил, что заместителя начальника отдела топливного снабжения старшего-один Крагзаана следует искать на восьмом этаже, в кабинете? 1785. Оставалось теперь только вспомнить, какой из двух конвертов, мирно пролежавших всю дорогу во внутреннем кармане мундира, предназначен для него.

А забавная, должно быть, вышла бы путаница, — с усмешкой думал Боорк, пока древний лифт, натужно скрипя, поднимал его на восьмой этаж. — Да нет, точно. Крагзаан должен получить вот этот конверт. Белый, почти квадратный, потолще. А второй – подлиннее, из чуть желтоватой бумаги, отправится на улицу Сияющих Высот, продавцу книжного магазина "Академия".

Открывая дверь в кабинет? 1785, Боорк изрядно волновался. Даже самый маленький конверт был серьезным нарушением старого, но вполне действенного закона о монополии на распространение информации, согласно которому все частные послания должны были отправляться только через почтовую службу. И нечего было успокаивать себя, что за такую мелочь, мол, уже не сажают. С его прошлым, которое прощено, но не забыто, даже самый мелкий проступок может оказаться роковым.

Боорк снова попал в приемную. Большая, почти пустая комната со стенными шкафами, одиноким столиком в центре и копировально-печатающим аппаратом, задвинутым в дальний угол. И конечно, секретарша. Красивая, слов нет. Но глядя на нее, почему-то вспоминаешь горные ручьи, снежные вершины и закованную во льды планету Кзимоопитмун…

— Я… я хотел бы видеть старшего офицера первого ранга Крагзаана, — неуверенно начал Боорк.

— У господина заместителя начальника отдела прием закончен, — ледяным голосом сообщила секретарша. — Приходите завтра, с утра.

Боорк поёжился. Он почти чувствовал волну холода, испускаемого прекрасными прозрачными глазами.

— Э-э-э… Я… по личному делу. Меня зовут Боорк, я только что прилетел с Филлины и хотел бы передать господину старшему офицеру первого ранга весточку от родственника.

— Подождите, пожалуйста, — секретарша взялась за трубку аппарата внутренней связи.

Лед начал таять буквально на глазах, и Боорк озабоченно перевел дух.

— Заходите, пожалуйста. Господин заместитель начальника

отдела примет вас, — радушно произнесла секретарша.

Сейчас она уже казалась милейшей девушкой. Боорк неуверенно улыбнулся ей и потянул на себя ручку двери без таблички.

Еще одна неожиданность. Вместо пожилого бюрократа Боорк увидел молодого, ненамного старше себя, человека с загорелым лицом и приветливой улыбкой. Такого офицера, скорее, можно было бы представить в боевой рубке космического корабля или в координаторской базы-форпоста, но уж никак не в кабинете Управления.

Рукопожатие у старшего-один было уверенным и крепким.

— Я только что с Филлины, — сказал Боорк, изо всех сил стараясь говорить уверенно и непринужденно. — И привез… одну небольшую весточку от вашего родственника.

— Как? — сдвинул брови Крагзаан. — Именно родственника?

— Родственника, — бодро подтвердил Боорк, хотя чувствовал себя очень неуверенно. — С Филлины.

— Ах, да! — старший-один облегченно улыбнулся. — Ну, конечно! Я, прошу прощения, не разу понял, кого вы имеете в виду. У меня столько родственников в космофлоте, что я вначале забыл, кто из них сейчас на Филлине. Правда, забавно? Как он там?

— Э-э-э… Благодарю, спасибо. У него все хорошо.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — обрадовался Крагзаан. — Так что он просил вас передать?

— Вот это, — Боорк порадовался про себя, что с первого раза достал правильный конверт.

— Ах, как мило с его стороны, — конверт словно сам собой исчез из руки Боорка и оказался погребенным под стопкой бумаг на краю стола. — Весьма вам благодарен. Хотите выпить?…

Главное было уже сделано, и через несколько минут Боорк с облегчением покинул кабинет старшего-один Крагзаана. Боорк торопился. Ему надо было выполнить еще одно поручение, и он не хотел откладывать его на завтра.

Глава 37. Сияющие высоты

Улица Сияющих Высот могла получить свое название разве что в насмешку. Вся она была застроена стандартными двенадцатиэтажками, похожими на коробки для ботинок, в которых кто-то проделал ряды прямоугольных отверстий под окна. На первом этаже одной из таких коробок и притаился маленький книжный магазинчик "Академия".

На вид магазин был самый обычный. Небольшой зал с книжными полками, заставленными разнообразными справочниками, учебниками и научными трудами. Обязательная секция пропагандистской литературы, занимающая всю торцевую стену. Маленький стеллажик с музыкальными дисками… Один единственный продавец у кассы и один покупатель – молодой стройный парень, что-то увлеченно листающий у полочки с художественной литературой.

Зайдя в магазин, Боорк на всякий случай окинул взглядом полки. Хороших книг в магазинах, как правило, не водилось, но если и были исключения, то именно в таких тихих маленьких окраинных магазинчиках.

Так и не найдя ничего заслуживающего внимания, Боорк подошел к продавцу, скучающему у кассы. Продавец был уже немолодой, лысоватый, с необычайно крупным носом, длинным и грустным. Он, вроде бы, подходил под описание, но Боорк заколебался. Про нос Реэрн не упоминал.

— Добрый день. Вы – Саэнк? — вполголоса спросил Боорк. В этот раз он почему-то совершенно не волновался.

— Я-а, — медленно протянул продавец, с интересом взглянув на Боорка. — А кто вы-ы?

— Меня зовут Боорк. Я только что прибыл с Филлины и привез для вас большую почту от Стрелка.

— Ка-ак? — переспросил продавец. — Именно бо-ольшую?

Он все так же продолжал растягивать гласные.

— Э-э-э… — Боорк начал сомневаться. Как там выразился Реэрн: "почта" или "большая почта"? Да нет, кажется…

— Именно большую, — уверенно подтвердил он. — От Стрелка. С Филлины.

Кажется, последнее слово он произнес громче, чем следовало бы. Парень, стоящий у книжной полки, с любопытством посмотрел на Боорка.

Продавец был уже сама любезность.

— Ах, да-а, конечно. Я прошу прощения, давно не

приходилось слышать это прозвище. В юности мы любили называть друг друга странными именами. Я, например, был Пятнистый. И уже не вспомнишь, почему. Правда, забавно?… Да, как он там?

— Все в порядке, спасибо, — улыбнулся Боорк.

Ему было действительно забавно. Продавец Саэнк говорил не только почти те же слова, что и старший офицер второго ранга Крагзаан, но и с той же самой интонацией.

— Очень хорошо, — продавец широко улыбнулся в ответ. — Так что там у вас?…

Все дела на сегодня были уже сделаны. Длинный узкий конверт из плотной, чуть желтоватой бумаги быстро и почти неприметно переместился из внутреннего кармана мундира Боорка в ящик под кассой. Однако Боорк не спешил уходить. В разделе "Планетография" его внимание привлек небольшой темно-синий томик под названием "Тэкэрэо: планета-загадка". Боорку никогда не приходилось бывать на самой дальней из планет-колоний, но о ее странностях он был наслышан. Наскоро пролистав книгу и убедившись, что автор, несмотря на претенциозное название, не стремится к сенсационности, а просто постарался собрать и проанализировать известные факты, Боорк снова подошел к кассе, где молодой человек о чем-то беседовал с продавцом, полуопершись на прилавок.

Боорк бросил скучающий взгляд на парня, и тут у него перехватило дух. В руках у молодого человека было не что иное, как "Пришелец из глубины" – последний роман известного писателя-фантаста Тоолна, который Боорк еще не читал.

— Это последний Тоолн? — Боорк с замирающим сердцем вклинился в первую же паузу в разговоре.

— Он самый, — взгляд у парня был внимательный и доброжелательный, у продавца – изучающий.

— Я прошу прощения, — Боорк чувствовал, что сбивается на заискивающе-просительный тон, и постарался взять себя в руки. — У вас, случайно, нет еще одной такой же? Я заплачу, сколько надо.

Продавец и молодой человек переглянулись, и парень чуть заметно кивнул. Продавец, не говоря ни слова, повозился под прилавком и вытащил наверх еще одну книгу.

— С вас девять семьдесят две, пожалуйста. И… плюс три тридцать шесть.

Ошеломленный Боорк достал деньги. Заветный Тоолн достался ему в три… нет, почти в четыре раза дешевле, чем в прошлый раз. Чуть больше, чем по два номинала.

Из магазина они с молодым человеком вышли вместе.

— Вы, я вижу, тоже поклонник и ценитель Тоолна, — заметил парень.

Боорку понравилось это "тоже".

— О да, я очень люблю Тоолна. И если у вас есть время, предлагаю отпраздновать это событие… Правда, я не слишком хорошо знаю Столицу…

Как подумал Боорк, с человеком, знающим, где и как достать Тоолна, причем по цене в два номинала, следовало подружиться.

Парень приветливо улыбнулся.

— Я тоже неважно знаю город, но в двух кварталах отсюда есть небольшой кафетерий, в котором подают неплохой туа. Так что, если вы не против…

— Никоим образом. Тогда давайте знакомиться. Я – Боорк, младший офицер первого ранга Военного Космофлота, доброволец. Только учтите, плачу я.

— Хорошо, — парень снова улыбнулся, загнув вниз уголки губ, будто услышал что-то смешное. — Можете называть меня Кэно. И я пока, увы, никто.

— С ума сойти! — Боорк удовлетворенно откинулся на спинку стула. — Это же настоящий кэтэркорский туа! Я такой пил всего несколько раз в жизни, причем на самом Кэтэркоро! И это было… довольно давно. За такое не то, что втрое, впятеро заплатить не жалко.

— Я же говорил, здесь неплохой туа, — усмехнулся Кэно. — А для такого маленького заведения – так даже очень неплохой.

— Для человека, неважно знающего город, вы очень хорошо в нем ориентируетесь, — заметил Боорк.

— Чистая случайность. Когда я в первый раз сюда зашел, то просто попросил что-нибудь особенное. Вне зависимости от того, сколько это будет стоить.

О, да. Боорк внимательно посмотрел на своего собеседника. В молодом человеке действительно было… что-то. Что-то необычное, почти неуловимое – спокойная уверенность, достоинство, можно сказать, харизма, умение и привычка повелевать, обаяние, наконец. Да, для такого можно и в самом деле принести из дальнего загашника даже чашечку контрабандного кэтэркорского туа.

Кэно тоже разглядывал Боорка.

— Вы пилот, не правда ли? — вдруг спросил он.

— Почему вы так думаете? — Боорк был в так называемой внеслужебной форме, без штурманских комет на лацканах.

— В Военном Космофлоте немало офицеров-добровольцев, но все они четко делятся на четыре группы. Во-первых, медики.

Затем синоптики, планетологи и прочие научники. В-третьих, это инженеры-кораблестроители, и, наконец, пилоты. Вы – не медик, у них эмблема даже на внеслужебной форме. Для инженера у вас, извините, слишком низкий чин – им обычно присваивают звание не ниже старшего-два. Когда официантка споткнулась перед вашим столиком, вы тут же вскочили, чтобы поддержать ее, хотя сидели вполоборота – у вас отличная координация и быстрая реакция. Кроме того, в Военном Космофлоте вы недавно – это видно по выправке – а на Кэтэркоро были… довольно давно. И наконец – считайте это интуицией. Я угадал?

— Угадали.

Боорк без замаха метнул в Кэно ложечку, которой он только что размешивал напиток. Тот без труда поймал ее одной рукой и аккуратно положил на стол.

— Вы тоже пилот.

— Увы, непрофессиональный. И не стоит гадать обо мне, я уже говорил вам – я никто. Я слышал, вы говорили, что только что прилетели с Филлины. Расскажите, что там сейчас происходит.

Боорк еще раз окинул взглядом молодого человека. Что бы не говорил Кэно, а он уже успел составить о нем свое мнение. Паренек явно не из простой семьи, очевидно, сын или, судя по возрасту, даже внук какого-нибудь крупного начальника. С детства оберегаемый любящими родственниками от всех и всяческих житейских трудностей, воспринимающий это как должное, но тяготящийся опекой. Образованный, в меру начитанный, еще не успевший развить в себе здорового цинизма и поэтому слегка фрондирующий молодой человек, читающий Тоолна, который, хотя не запрещен, но все же не поощряется…

Но может ли такой человек быть стукачом? В принципе, им может быть каждый. Даже тот, про кого вначале никогда не подумаешь. Или, что для Боорка ничуть не лучше, безответственным болтуном, взахлеб распинающимся перед друзьями и подружками, а то и перед вельможными родителями о том, что поведал ему проезжий офицер космофлота.

Однако в Кэно чувствовалась некая внутренняя целостность, что-то все-таки было в этом высокопоставленном отпрыске, и Боорк понял: этот не выдаст. И не станет болтать.

— Филлина – это наше преступление, — сказал он глухо. — Там обдуманно, хладнокровно и с применением всех технических средств убивают миллионы таких же… почти таких же людей, как мы. Они сражаются, они пытаются защищаться, но мы сильнее… Они пробовали напасть своими летательными аппаратами на тот корабль, где я служил. У них не было никаких шансов. Но они

рвались вперед и погибали. И когда уцелевшие повернули назад, я помню, какая радость стояла у нас в Главной Рубке. Радость, потому что мы смогли отбиться, — Боорк закашлялся. — Сейчас мы не даем им таких шансов. Мы убиваем их с воздуха, оттуда, где они не могут до нас дотянуться… Вы когда-нибудь видели залп девятки "Молний"? Я тоже видел, на полигоне… Это даже красиво – так мощно и всегда точно… Наши "Молнии" почти никогда не промахиваются… И как, наверное, страшно, когда они не промахиваются по чьему-то городу. У них, там, на Филлине, тоже есть города. Я не знаю, что говорит о них наша пропаганда, но они вовсе не примитивные дикари. Они просто не успели догнать нас… А город – вообще очень хрупкая вещь, по нему нельзя бить ракетами… Первыми рушатся старые здания… Да, они быстро развиваются… развивались… до нас. И у них старые дома очень сильно отличаются от новых. Новые похожи на наши, даже есть такие, как здесь, а старые – такие невысокие, но красивые, даже на снимках. Они первыми превращаются в кучи камней, это выглядит очень неэстетично… А самыми прочными, как ни странно, оказываются высотные башни. Их строили недавно, строили хорошо, и они держатся. И тогда кто-нибудь пускает ракету точно в башню, и она разлетается вдребезги, и на следующем снимке, если не знаешь, то даже не видно, что она была… И для этого даже не надо особых усилий… Техника делает все сама, дистанционно, без потерь и даже неудобства… Дистанционщики в столовой профессионально обсуждают между собой, как лучше проводить зачистку… Это старый термин, еще с Кронтэи. Они не чистят, они зачищают планету от ее жителей!… А после этого…

В голосе Боорка промелькнули истерические нотки, и он оборвал себя на середине фразы.

— Простите, — сказал он. — Я ожидал… Я думал, что когда я покину Филлину, будет проще… Я ошибался. Там я занимался анализом данных воздушной разведки. Я ничего не забыл… Давайте не будем больше говорить о Филлине. Это слишком больно для меня. Там есть и моя вина…

— Нет, это вы простите… простите меня, — прошептал Кэно. — Я забыл, что для вас это – жизнь, а не просто триумф нашего оружия, как это у нас представляют. Хорошо, давайте о чем-то другом.

— Давайте, — Боорк улыбнулся через силу. — Кажется, мы с вами собирались говорить о литературе…

— Можно и о литературе. Офицеры космофлота любят читать фантастику?

— Офицеры космофлота, как правило, не любят читать

вообще. Но те, кто любит, действительно предпочитают фантастику. Причем не космическую, а Тоолна или ему подобных. Хотя лучше Тоолна, конечно, никого нет.

— Космическая фантастика вам не интересна?

Боорк задумался.

— Нет, не в этом дело. Мы летаем к звездам восемьсот с лишним лет, но освоили, по сути, только крошечный пятачок. Мы, космолетчики, больше, чем кто ни было, знаем, насколько он мал. Космос, особенно, дальний космос, продолжает преподносить нам сюрпризы. Там действительно может произойти все, что угодно. И порой, происходит. Я, конечно, не хочу сказать, что космическая фантастика – это наши суровые будни, но знаете, и в Министерстве транспорта, и в Космофлоте есть целые отделы, которые занимаются анализом фантастических романов и готовят для нас что-то вроде рекомендаций в возможных нештатных ситуациях.

— Как интересно! — воскликнул Кэно. — Теперь я понимаю, почему в свободное время вам хочется отвлечься чем-то совсем иным. Непрофессиональным.

— Верно, — подтвердил Боорк. — И Тоолн мне кроме всего прочего нравится тем, что в своих книгах он создал целый мир. Совершенно иной, живущий по другим законам, но логичный, непротиворечивый и, главное, очень реальный мир… И еще… Считайте меня наивным и примитивным человеком, но в книгах Тоолна меня привлекает четкое разделение на силы добра и силы зла. И добро побеждает…

— А знаете, какой герой Тоолна у меня самый любимый? — вдруг спросил Кэно. — Баэрд-Стрелок, "Дорога в один конец". Вы, наверное, удивлены? Совершенно третьестепенный, даже эпизодический персонаж. Но какой неожиданный поворот вдруг происходит в его судьбе! Слов нет, он герой, он убил дракона, он восстановил город своих предков и стал там правителем и, очевидно, хорошим правителем. Но я часто думаю: а что было до того выстрела? Не слишком веселая жизнь в скучном провинциальном городе. Он – уже человек средних лет, а всего лишь младший офицер городской стражи, а то и унтер-офицер. Помните, правитель города говорит, что правителей выбирают из богатых и знатных, а не из простых воинов? Баэрд знает, конечно, что он – прямой потомок какого-то древнего властителя, но что с того? Город, откуда родом его предки, уже много лет лежит в руинах, а там, где он живет, ценят и уважают не воинов, а торговцев. Богатства он не нажил, карьеры не сделал, начальство и подчиненные не любят его за угрюмость и безошибочное предсказание неприятностей… А годы идут. И жизнь проходит

мимо так, как, наверное, прошла жизнь его отца и деда… И вдруг все меняется в мгновение ока! Когда приходит беда, его лучшие качества становятся востребованными!

— У Тоолна почти все герои – обычные люди, в широком смысле, конечно, люди. Но когда приходит нужда, они становятся героями.

— Да. Но Баэрд – это самый крайний пример. Всю его жизнь изменило, по сути, одно мгновение.

— Так оно обычно и происходит, — пожал плечами Боорк. — У каждого бывает свое звездное мгновение. Надо только не пропустить его.

— Нет, не у каждого, — тихо возразил Кэно. — Баэрд заслужил свое мгновение. Он получил подсказку об уязвимом месте дракона не из-за своих знатных предков. Он просто сражался до конца и один не ушел с позиций, когда поражение выглядело неизбежным. Но в том и беда, что мы не знаем, когда придет наше мгновение и придет ли оно вообще. Баэрд ждал полжизни – и дождался. А сколько таких, что были достойны, но им так и не представилась возможность совершить что-то великое?

— А почему обязательно великое? — спросил Боорк. — В наше время тяжело стать героем, это так. Но и в обычной жизни у каждого из нас есть возможность совершать достойные поступки. Ваша судьба не уйдет от вас. Вы еще молоды, и вам, скорее всего, не придется ждать полжизни.

— А если всю жизнь?… — кажется, прошептал Кэно, но Боорк не услышал его.

— Прошу всех оставаться на своих местах! Проверка документов! — прозвучал резкий голос от входа.

В кафетерий вошли несколько полицейских и офицер СБ в темно-сером мундире и с черным чемоданчиком в руке. Боорк почувствовал, как напрягся Кэно.

— Это обычная рутинная проверка, — сказал Боорк вполголоса. — Если документы у вас в порядке, можете ничего не опасаться. Если бы они кого-то искали, то действовали по-другому.

Один из полицейских тем временем встал в дверях. Эсбист со своим чемоданчиком, в котором находился переносной компьютер, устроился за свободным столиком, а трое полицейских не спеша обходили посетителей, собирали у них личные карточки и по одной подносили ему. Ничего кроме карточек полицейские не требовали.

Боорк спокойно расстегнул специальный непромокаемый кармашек на мундире и достал оттуда свою космофлотовскую

карточку – небольшой прямоугольный кусочек пластика белого цвета с двумя синими полосками, с именем и личным номером Боорка, цифровым фото в анфас и профиль и чипом.

При всей своей внешней простоте личная карточка была настоящим чудом техники. Под тонкой защитной пленкой находился слой жидких кристаллов, который мог принимать любую окраску в зависимости от изменения статуса владельца. Чип содержал в себе разнообразные сведения о хозяине карточки чуть ли не с рождения – своего рода досье на самого себя, информация с которого считывалась и дополнялась только на специальных компьютерах Службы Безопасности. Карточка не портилась от влаги, не горела и не ломалась, подделка ее считалась невозможной. Каждый гражданин Империи должен был постоянно носить ее при себе, для чего в любой одежде предусматривался специальный кармашек.

Нашелся такой кармашек и на рубашке Кэно. Молодой человек уже совершенно успокоился и положил на стол рядом с боорковой свою карточку – обычную общегражданскую с зеленой и оранжевой полосами.

"Странно, — подумал Боорк. — Неужели родители парня не смогли снабдить его карточкой "Облеченного доверием", с широкой синей полосой, или даже "Наделенного ответственностью" – с узкой голубой по диагонали?…"

Но тут все посторонние мысли разом вылетели у Боорка из головы. Хватило одного взгляда на неброско одетого мужчину за соседним столиком, который смотрел на полицейских как кролик на голодных удавов. Он просто посерел от страха, а на его лбу крупными каплями выступил пот.

— Что с ним? — Кэно тоже заметил реакцию соседа. — У него не в порядке документы?

Мужчина нервно вертел в руках карточку с узкой ломаной красной полосой.

— Хуже, — прошептал Боорк. — У него штрафная карточка. Видите эту красную ломаную?

— Он совершил что-то серьезное?

— Нет, — Боорк покачал головой. — Если бы это было что-то серьезное, его бы посадили. Это какая-нибудь мелочь, скорее всего, работа в Особом Столичном Округе без разрешения.

— И что же теперь с ним будет? Его вышлют?

— Теперь нет, — мрачно сказал Боорк. — Его посадят. Лет на пять, а то и больше.

Человек за соседним столиком посмотрел на них безумным взглядом.

— Лопухнулся, — еле слышно заскулил он. — Великие

звезды, как я лопухнулся… Игрушки хотел купить, детишкам… Трое их у меня, трое, и жена беременная!… Великие звезды, как я попал… Помогите, найдите ее… В Старом Городе, на Голодайчике, седьмой квартал, дом господина Грауха, ее зовут Таанехт… Хеле ка-Таанехт… Передайте ей, вот деньги… Прошу вас, хотя бы половину…

Полицейские были еще далеко, они проверяли посетителей в другом углу, и он быстро сунул Боорку небольшой сверток, а затем, опустив голову, скорчился за столиком, готовясь к неизбежному.

Боорк сжал кулаки. Его захлестнула волна сочувствия, смешанного с жалостью, и это было почти невыносимо. Ведь это и он когда-то носил в кармане штрафную карточку с красной ломаной. Но он ничем не мог помочь.

Глаза Кэно стали похожими на две ледышки. Он посмотрел на Боорка, затем на мужчину, скорчившегося за соседним столиком, затем снова на Боорка. И принял решение. Он снова засунул руку в специальный кармашек, немного повозился там, и в его руке появилась… вторая карточка! Почти полностью голубая, с золотой каймой по краям! Такая карточка могла принадлежать только…

— Принц первого ранга Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон, — четкие строчки плыли и расплывались в глазах. — Вы племянник Императора?!

— Он самый, — сухо поклонился Кэно, впрочем, никакой не Кэно, а принц Кэноэ. — Спасибо вам за интересную беседу. К сожалению, она закончилась раньше и не так, как хотелось бы. Я уведу за собой полицейских, а вы расплатитесь по счету и немедленно уходите. Они могут вернуться, а я без спросу покинул дворец и не хочу, чтобы они знали, с кем я разговаривал. Прощайте, офицер. Желаю вам дождаться вашего звездного мгновения!

Принц Кэноэ поднялся и легким пружинистым шагом подошел к полицейскому, возвращавшему карточку очередному посетителю.

— Господа, — сказал он вежливым, но в то же время повелительным, не терпящим возражения тоном. — У меня больше нет времени ждать. Вот моя карточка. Я полагаю, вы можете сопроводить меня.

И не оглядываясь, небрежным жестом отстранив полицейского у входа, вышел из кафетерия. Полицейские вместе с эсбистом, спешно свернувшим свою аппаратуру, заторопились вслед.

— Вот ваши деньги, — Боорк протянул сверток мужчине за

соседним столиком. — И давайте уходить.

Тот все еще никак не мог поверить в спасение.

— Что это?… Кто это был?… Великие Звезды…

— Принц Кэноэ, племянник самого Императора, — коротко ответил Боорк и покинул кафетерий, так и оставив мужчину со штрафной карточкой застывшим с разинутым от удивления ртом.

День тем временем привычно быстро подходил к концу. Наступил час пик, люди возвращались с работы, и вагон экспресса был переполнен. Вентиляция не действовала, было невыносимо жарко и душно, зато прямо над головой Боорка трещал и хрипел динамик радио.

"…со светлым образом Его Величества в сердцах мы все, как один человек, неуклонным шагом движемся к новым сияющим высотам, неся свет прогресса и порядка всем расам, населяющим галактику! Император! Народ! Держава!" – возвестил динамик конец очередной передачи. После короткой музыкальной паузы началась новая речь. Настроение Боорка медленно, но верно стало портиться.

Он вдруг почувствовал себя очень усталым и одиноким. И очень захотелось поехать на пункт дальней видеосвязи, выстоять длинную очередь, но все равно дождаться и набрать номер Миилен… Снова услышать ее голос, увидеть ее лицо, полюбоваться новой замысловатой прической…

Но Боорк знал, что никогда не сделает этого. После провала забастовки и увольнения со службы он сам настоял на разрыве. Она работала в небольшом издательстве, выпускающем, в основном, пропагандистские материалы и сборники речей, и связь с неблагонадежным могла обернуться для нее большими неприятностями. Потом потянулись долгие месяцы блужданий, случайных приработков, безденежья – ему не хотелось представать перед ней жалким, опустившимся неудачником, переговоры по видеосвязи становились все реже, а в прошлом году, когда она вышла замуж, и совсем прекратились.

"Нет, надо скорее уезжать отсюда, — думал Боорк. — Скорее в космос, подальше от старой планеты, здесь все слишком тяжело, слишком безнадежно… Здесь мне нет места… Скорее бы получить новое назначение…"

Его желание сбылось на следующий день. Наори рассчитал все верно – они действительно управились в двое суток.

— Повезло вам, господин младший-один, — пробурчал на прощание пожилой канцелярист, выписывая Боорку путевой лист на планету Тэкэрэо, — Старший штурман на транспорте – это,

посчитай, те же привилегии, а на мозги капают не в пример меньше. Да еще новая линия открывается – это же какую вы, господин младший офицер, надбавку получать будете!

— Какая еще линия? — рассеянно спросил Боорк. — Тэкэрэо – и так самая дальняя колония. Куда же оттуда еще летать?

— Тэкэрэо – Филлина, — с некоторым оттенком зависти в голосе пояснил канцелярист. — Это же какие надбавки, я вам говорю! И за дальность, и за освоение маршрута, и за расстояние…

Боорк медленно сложив документы, механически засунул их в карман мундира. Он был оглушен и раздавлен. Филлина снова догнала его, и все опять начиналось с начала.

Глава 38. Великий

Утром следующего дня письмо, привезенное Боорком с Филлины, проделав долгий путь через руки многих людей, наконец оказалось на рабочем столе Председателя Совета Пятнадцати Оонка. Кивком головы отпустив секретаря, доставившего донесения, которые пришли по одному из тайных каналов, Оонк не спеша распечатал белый почти квадратный бумажный конверт без надписи, быстро пробежал глазами первые строчки и, одобрительно хмыкнув, отложил его в сторону. Само письмо, собственно говоря, не имело никакого значения. Вся полезная информация содержалась в нескольких кодовых словах, находящихся в первом же абзаце.

Просмотрев остальную почту – ничего интересного, мелочь, рутина, Оонк собрал все бумаги, подложив под низ письмо с Филлины, и аккуратно засунул их в один из ящиков своего стола. Ящик как ящик – пустой, широкий, цельнометаллический, как и все остальные. Задвинув его, Оонк нажал на незаметную кнопку под крышкой стола. Послышался негромкий щелчок, а через несколько секунд в недрах стола зашелестел вентилятор, перемешивая и вытягивая из хитроумного ящика невесомые хлопья бумажного пепла.

Так обычно заканчивали свой путь почти все секретные донесения. Лишь незначительная их часть, самая важная, самая необходимая, оседала в других, не менее хитроумных ящиках. Будучи многолетним руководителем Службы Безопасности, Оонк слишком хорошо знал технические возможности современного шпионажа и предпочитал не иметь у себя в кабинете вообще никакой электронной аппаратуры.

Еще много лет назад Оонк открыл, что бумага ничуть не хуже микропленок и информационных накопителей, и это открытие часто давало ему решающее преимущество перед соперниками. Конечно, он пользовался и компьютерами, зная их возможности не хуже дипломированных специалистов, но самые важные сведения он доверял только бумаге, а бумагу – только своему столу, собранному по уникальным чертежам в единственном экземпляре.

Шум вентилятора прекратился. Оонк снова выдвинул ящик. Он был девственно чист и готов к принятию новой порции документов. Задвинув его на место, Оонк удовлетворенно откинулся назад в своем кресле.

Приятно, когда задуманная на дальнюю перспективу

операция развивается точно по плану. Новоиспеченный генерал второй величины Пээл доведен до нужной кондиции и готов к использованию. Этиа всегда был хорошим работником, он получит свои маршальские нашивки. Не подвел и сейчас. Конечно, при таких условиях вербовку провел бы и любой зеленый практикант, но это не умаляет его заслуг.

Теперь можно сделать еще один шаг – через верных людей в космофлоте намекнуть, обронить мысль, что неплохо бы видеть талантливого военачальника здесь, в Столице. Тогда Гдоод, который вовремя получит нужный совет, надо понимать, сам сделает тот шаг, что требуется ему, Оонку, — назначит Пээла начальником Центральной базы на Филлине. А если и нет, если Гдоод вдруг возьмет и согласится, — тоже неплохо. Еще один свой человек в управлении космофлота не помешает, и на этот счет тоже продуманы возможные комбинации.

Вот оно – высшее искусство закулисной борьбы: заставить соперника самого сделать нужный шаг, да еще и считать его своей победой. Так было и тогда, когда решался вопрос о командовании Филлинской операцией. Он, помнится, активно возражал против назначения флаг-маршала Таорза и буквально вынудил Гдоода сделать обходной маневр, как бы обыграть его, Оонка, — поставить Таорза начальником штаба, а по сути, тем же командующим. Да, это означало усиление Таорза. Гдоод так это и понял, правильно понял, но Таорз в последний год занимался только Филлиной и оказался выведенным из игры здесь, в Столице.

Кстати, он всегда предпочитал действовать именно так – вынуждал противника выбирать из двух навязанных ему худших вариантов, заставлял считать поражение победой, маскировался, вел двойную и тройную игру, старался сам не выходить на первый план. И зря треплется Гдоод, будто бы он, Оонк, приложил руку к скоропостижной кончине Коога – прежнего Главы Совета Пятнадцати. Да нет, конечно, смерть старика была ему совсем не нужна. Очень, очень не вовремя он помер, прожил бы еще года три, больше не надо, а так пришлось преждевременно выходить из тени, брать власть, да еще в альянсе с Гдоодом.

Смерть – это, пожалуй, единственное, что старик сделал не вовремя. А так, конечно, надо ему отдать должное, он был мастером своего дела, очень ловко опирался на него, Оонка, и на Гдоода, держал их при себе, ценил, но и постоянно стравливал их между собой, не давая объединиться.

Когда не стало Коога, они все-таки объединились, раз уж приперло, но каждый понимал, что союз этот временный. Да и

какое может быть серьезное объединение с Гдоодом? Тоже выискался, великий стратег! Нацепил фельдмаршальские нашивки и считает себя великим полководцем! А сам Академию генштаба только со второго раза закончил, да и то по звонку. А амбиций-то, амбиций! Мало ему космофлота, подавай высшую власть в державе! А что он будет делать с этой властью, он когда-нибудь думал?

Впрочем, все они такие. Власть ради власти и никаких больше идей, сплошные нули, без грамма мозгов, одна только хитрость и умение толкаться локтями! О, Великое Небо! Только ему одному известно, как надоело вокруг видеть эти чугунные лбы! А еще больше – постоянно играть, подделываться под своего, чтобы не заподозрили в нем слишком умного!

Хотя, надо сказать, не умей он так ловко подделываться под своего, ни в жисть бы ничего не достиг, тут все его способности только помешали бы. Да и чего мог бы в жизни добиться поздний ребенок в семье мелкого чиновника, пусть даже и в Столице? Конечно, спасибо покойным отцу с матерью, великая им благодарность, что решили родить наследника, только зная, что выведут его в большие люди. Деньги, что накопил отец за годы службы, пошли сначала на взятку, чтобы приняли сыночка в привилегированную школу для детей большого начальства, потом чтобы не чувствовал себя сыночек в школе хуже других, ну а напоследок, чтобы поступил он после школы не куда-нибудь, а в Академию Службы Безопасности.

И уже тогда, пацаном сопливым, он осознал, как важно быть своим, как надо быть своим, как стать своим и не просто одним из многих, а лидером, предводителем, вождем. Он рано понял, что может рассчитывать только на свои силы, но что сил у него хватит на многое.

И он действительно еще со школы стал своим. Он верховодил в классе, как потом и в группе в Академии. Одноклассники сами искали его дружбы, подчинялись ему, принимали его за главного. Да и как могло быть иначе, разве могли они сравниться с ним – изнеженные, пришедшие на готовенькое, прячущиеся за спины отцов и дедов, или тихие, робкие, задавленные сознанием своей бедности и униженности? Он, Оонк, явно пошел не в отца, а скорее, в деда по матери, когда-то взлетевшего очень высоко, но проигравшего в схватке за власть и карьеру и сгинувшего где-то в глухой провинции.

Его товарищам в Академии тоже было далеко до него. Откуда в них могли взяться та ярость борьбы и страстное желание выбраться наверх? Он выиграл у них свою первую схватку – он получил распределение в Столице, именно он, сын мелкого

чиновника, не имеющий ни высокопоставленных родственников, ни богатых покровителей. Да, впрочем, куда им было с ним тягаться? Никто из них потом не поднялся выше подручных его помощников.

Настоящих людей он встретил позже, когда служил младшим офицером Службы Безопасности в одном из окраинных столичных районов. Это были настоящие сыны его поколения, вдруг рванувшего ввысь из застойного имперского болота. Многие из его ровесников пошли в революцию, другие стали его помощниками, его соратниками, его опорой в его обновленной Службе Безопасности. Да, три года, которые он прослужил на этом посту, не были потерянными годами.

Хотя добрым словом можно помянуть его школьных товарищей и однокурсников в Академии. Они ввели его в свой круг, открыли ему дорогу в высшее общество Столицы, а кто-то из них, теперь уже и не вспомнишь, кто, познакомил его с Рае…

Да, конечно, риск был. Дочь, можно сказать, четвертого человека в иерархии Службы Безопасности в Столице и он, Оонк, младший офицер в заштатном районном управлении, без родственников, без денег, без связей. Тут ему просто повезло. Повезло, что он быстро нашел нужного человека. Тесть правильно понял его, разобрался, кто он такой и кем может стать. Они всегда отлично понимали друг друга. Он дал первый толчок его, Оонка, карьеры и не прогадал. Тесть уже в отставке, но он все равно остается одним из лучших его помощников. Он получил в свое время все, что хотел: чин верховного комиссара и пост начальника Службы Безопасности Центральных провинций.

И Рае всегда была хорошей женой. Между ними не было большой любви, но она дала жизнь двум его дочерям, была его надежным соратником и боевым товарищем. Нет, зря, конечно, болтают, будто бы он, Оонк, приказал устроить ей воздушную катастрофу. Хотя, надо сказать, погибла она весьма кстати. Старик Коог сразу же ухватился за это, выдав за него, Оонка, свою любимую племянницу.

Впрочем, Коога тогда можно было понять. Положение у него тогда было скверное, и любой надежный соратник, особенно, такой как он, Оонк, был ценен. Это было время, когда решалось все. Вторые выступили против постаревших и начавших ошибаться первых, стремясь занять их места на вершине власти, а первым пришла в голову счастливая идея опереться на молодых, благо среди них было, на кого опереться.

И они победили, отвоевав себе еще полторы дюжины лет власти. Победили и младшие, отодвинув с дороги своих начальников и сами заняв их посты. Они получили власть

молодыми, полными сил и энергии, а не пресыщенными старцами. Ему, Оонку, всего шестьдесят, а он уже занимает высший пост в Империи. Такого головокружительного подъема на вершину власти не знал еще никто.

Но не надо преувеличивать успехи. Его власть – это пока власть первого среди равных, и рядом Гдоод, и рядом его собственные сторонники, признавшие его лидерство, но и сами только и ждущие его ошибок. У него в Совете лишь семь человек против шести у Гдоода, очень незначительное большинство, а ведь есть еще и те двое, почтеннейшие мумии, реликты кооговского правления, тьма на них всех!

Распустили державу, придурки! Старые импотенты! Да разве мог бы кто-нибудь даже подумать о бунте во времена Тинкоу или Хоронда? Власть должна быть крепкой и страшной, только тогда ее будут бояться, уважать, любить, наконец! Черни нужно постоянно чувствовать мощь власти! Когда за одно кривое слово отправляют на каторгу, толпа молчит или восхваляет власть. Когда можно безнаказанно разевать пасть, толпа наглеет. Они были идиотами, что приучили чернь к безнаказанности, и еще большими идиотами, когда начали так поспешно и неумело закручивать гайки. Вот и получили – подполье, саботаж, террористов – всю эту мразь, так и лезущую изо всех щелей, когда власть слаба и сама боится бунтовщиков.

Он уже давно понял, что Империя подошла к краю пропасти. Метрополия разворована и разорена. Постоянная нехватка энергии, продовольствия, различных товаров стала нормой, деньги превращаются в пустые бумажки, цены на черном рынке за последние десять лет выросли в три раза, эффективность промышленности и сельского хозяйства катастрофически падает. Одна крупная авария – и изношенные энергосети начнут выходить из строя сразу в целых провинциях. Из бюджета ежегодно выделяются огромные средства на реконструкцию, но они никогда не доходят по назначению. На Военный Космофлот тратятся триллионы, в то время как гражданский транспортный флот ветшает, не справляясь даже с ежегодно снижающимися объемами перевозок. Развитие периферии искусственно сдерживается, Министерство колоний тонет в мелочах, но не желает отдавать на места даже малой толики своих полномочий.

Полный бардак, одним словом! Великое Небо, как он ненавидит всех этих бывших властителей, бездумно толкавших Империю к гибели, не видящих дальше своего носа, разоряющих державу, утешаясь, что не им придется расхлебывать кашу. А вот ему, Оонку, придется, и откладывать нельзя.

Вначале нужно расправиться с бунтовщиками. Кстати, нужно

надо отдать им должное, они – смелые люди. Они выбрали свой путь наверх. Сложись обстоятельства по-другому, и он, Оонк, возможно, примкнул бы к ним.

Но их путь неверен. Большинство просто рвется к власти, не думая о будущем, а у меньшинства нет ничего в мозгах, кроме глупых старых сказок. Великое Небо! Разве можно распускать толпу?! Да она первым же делом сметет всех этих болтунов, что-то там бормочущих о демократии и уважении к личности. Да где вы здесь видели личности?! Одни скоты, а скотам нужны кормушка и хорошая палка!

Но кое в чем они ему помогли. Пост руководителя Службы Безопасности он получил от Коога в награду за поддержку во время кризиса. Но согласие на реформирование Службы и карт-бланш на чистку он вырвал у перетрусившего старика именно после того, как эксперимент в 26-й провинции окончательно вышел из-под контроля.

Это было славное время. Он, Оонк, стал самым молодым начальником Службы Безопасности за всю ее историю. Его не сразу приняли, нет, ему старательно ставили палки в колеса, а злобные старики заключали между собой пари, как скоро новый начальник слетит со своего поста, и желательно, вместе с головой. Но слетел не он, а они. Старая Служба Безопасности, продажная снизу доверху, обленившаяся, потерявшая былую квалификацию, была бессильна против бунтовщиков. Он вычистил ее, убрал старых идиотов, воров и взяточников, приблизил к себе молодых толковых офицеров, и Служба Безопасности стала его Службой.

Старик Коог сразу понял, что к чему. Он не мешал Оонку внутри Службы, но он же связывал его по рукам и ногам, не давал развернуться в полную силу, клал под сукно его инициативы. Он понимал, понимал, что такая мощная Служба Безопасности создается вовсе не для разгрома бунтовщиков…

Естественно, с самими бунтовщиками было проще всего. Он быстро прекратил их вольготную жизнь и загнал их обратно в подполье. Но громить не торопился, хотя, наводнив их организацию своими людьми, мог покончить с ними одним ударом. Только зачем? Они стали его надежными помощниками, с их помощью он легко затыкает глотки тем, кому не нравится усиление СБ, у них, наконец, большая роль в его плане.

Да, именно плане. Что губит державу, так это близорукая погоня за сиюминутной выгодой. Он, Оонк, не таков. Он умеет смотреть в будущее, его планы рассчитаны на годы вперед. Он знает, что делать. Первое и самое главное – всю власть надо сосредоточить в одних руках. Коллегиальное правление – вообще

идиотизм, чушь и вздор! На вершине должен быть один, неважно как он называется – президент, вождь или император.

Совет Пятнадцати давным-давно исчерпал себя как орган государственного управления. Даже, вернее, не исчерпал, а просто от него и не было никогда никакой пользы. Государственная машина Империи по-настоящему работала только при диктатуре, когда Совет превращался в фикцию, ничтожество, видимость! Но вожди уходили, и власть после них снова доставалась своре расплодившихся шакалов, бездарных подхалимов и блюдолизов!

Просто удивительно, что никто до него так и не прикончил этот застарелый идиотизм, настолько застарелый, что из идиотизма превратился в традицию. Впрочем, ничего странного. Все прежние вожди были выходцами из одного и то же верхнего, привилегированного класса. У них не хватило духу повергнуть старую Систему, да ведь они и сами были порождением этой Системы, ее плотью и продолжением. Они не думали что-то изменить, не понимали, что что-то можно изменить, не знали ничего, кроме Системы, да и не было у них нужды менять Систему.

Иногда полезно оставаться чужаком. Это помогает сохранять непредвзятый взгляд на вещи. Совет Пятнадцати должен исчезнуть, и он исчезнет. Вначале ему, как всегда, помогут бунтовщики. Они готовят выступление – что же, это хорошо известно ему, Оонку. Он знает все или почти все их планы, диспозиции, тайные склады оружия, с ними будет нетрудно справиться. Но пока – пусть готовятся, в этом он им не мешает.

Они выступят и тогда – не зря же он пугает верховников этим восстанием уже добрую дюжину лет – Совет Пятнадцати сам вручит ему чрезвычайные полномочия. Они дадут, никуда не денутся. Все информационные каналы в его, Оонка, руках, и он скормит им именно ту информацию, что нужно. А даже если кто и заартачится, он все равно сумеет навязать Совету свою волю.

Они дадут ему чрезвычайные полномочия, и этим Совет Пятнадцати сыграет свою роль в истории до конца. Он, Оонк, всегда был сторонником простых и радикальных решений. Набрать на клавиатуре передающего устройства всего одну парольную комбинацию – и где-то в подземельях дворца Совета Пятнадцати сработает доставленный туда около года назад портативный ядерный заряд мощностью в несколько килотонн.

Эта операция – его гордость, его триумф, вершина его мастерства. Одно Великое Небо знает, каких трудов, каких творческих мук, каких озарений потребовала от него эта комбинация! И с каким непревзойденным искусством она была

разработана! Лишь он, Оонк, сидя в центре невидимой паутины, следил, как две дюжины задействованных людей, выполняя, на первый взгляд, свои рутинные и повседневные обязанности, на самом деле доставляют – через все кордоны охраны – заряд в режиме ожидания во дворец Совета. Это напоминает ему, Оонку, мозаичное панно, где каждый маленький камешек сам по себе ничего не значит, но вместе эти ничтожные кусочки составляют красочную и многоцветную картину.

Даже жаль, что только ему одному суждено насладиться этой красотой. И ему же – завершить картину, вставив в мозаику последний камешек.

Итак, с Советом Пятнадцати покончено. Затем придет черед других, поменьше – верхушки министерств, провинциальных управлений, Космофлота, Службы Безопасности…

Да, и Службы Безопасности тоже. Они верно служили ему все эти годы, но они уже добились всего, чего желали, — высоких постов, денег, влияния. Они слишком долго соприкасались с Системой, и Система заразила их, как она заражает всех, кого касается, своими болезнями – безответственностью, своекорыстием, страхом…

Они боятся – боятся потерять свои посты, свои привилегии, свои доходы. Они начали бояться совершить ошибку и от того стали бояться действовать. Ему уже поступают донесения с мест о том, как одни высокопоставленные чины СБ потихоньку подворовывают, другие, стремясь получше выглядеть, — не быть, а выглядеть – главный девиз Системы – втихомолку дают в донесениях приукрашенные, а то и откровенно ложные сведения, третьи, в угаре власти, словно какие-нибудь самодуры губернаторы, возомнили себя непогрешимыми и всеведущими и лично творят суд и расправу, плодя подхалимов и затирая способных работников со своим мнением.

Нет, этот зародыш опасной болезни нужно вырвать с корнем. Тем более, что он, Оонк, создавал этот аппарат для сохранения все той же Системы, для игры с подпольщиками, для тайных подковерных схваток в коридорах власти. Он уже выполнил свою задачу. Теперь на повестке дня новые цели, а для их достижения нужны новые люди.

И еще. Для них, для сегодняшней верхушки СБ, он, Оонк, только начальник, руководитель, босс. Для будущих первых лиц СБ, как и для всей державы, он должен стать отцом, правителем, вождем! Да, вождем! Вождем Нации, именно такой титул он будет носить после победы. Вообще-то, "Спаситель Нации" лучше соответствовало бы положению вещей, но этот титул уже использован Тинкоу и вызывает нежелательные ассоциации.

Да, Вождь Нации – это наилучший вариант. Президент? Да никто и не знает, что это такое. Что-то невообразимо древнее, с времен, предшествующих Единению. К тому же, в старых книгах написано, будто бы президент избирался народом (странно, как это чернь может выбирать повелителя, тут наверняка какая-то ошибка). А в другом источнике ему попалось выражение "пожизненный президент" (тоже странно; получается, есть еще и непожизненные президенты, так это еще большая бессмыслица). Нет, президент решительно не подходит.

Конечно, можно было бы и объявить себя Императором. Но не стоит возбуждать лишние эмоции по поводу узурпации престола. Да и сам престол – не бог весть, какая награда. Все дело портит этот идиотический культ Императора. Все эти портреты, которые не висят разве что в общественных уборных, идиотские публичные восхваления Императорских речей и указов на многочасовых собраниях, дурацкие торжественные клятвы и обещания по любому поводу, маразматические ежегодные кампании по перевыполнению и созданию чего-то там "в подарок Императору"… Все это уже надоело до смерти, и служит только инструментом отбора или тупых болванов, которые воспринимают этот бред всерьез, или циников и демагогов, которые все равно не пригодны для нормальной работы.

Нет уж, хватит! Император исчезнет – на вершине должен быть только один, там нет места двоим, даже если второй не имеет ни малейшей власти и служит только символом. Вместе с ним исчезнет и окружающий его идиотизм, и это будет первым вкладом в его, Оонка, будущую популярность.

Да-да, именно популярность. Конечно, на первый взгляд это звучит смешно. Он, Оонк, ищет популярности у толпы! Тем не менее, это так. Для того дела, что он задумал, ему нужна всенародная популярность, да и нельзя править на одном только страхе, что с руки недоброй памяти Тинкоу стал почти что единственным механизмом государственного управления в Империи.

Так то же был Тинкоу! Он безжалостно вычистил всю Империю, вырезав с мясом всю гниль и не убоявшись ни крови, ни гноя. Сегодня масштаб репрессий при Тинкоу сильно преувеличивается, но он все-таки положил шестнадцать миллионов человек, когда подавлял Великое Восстание, еще шесть, когда восстанавливал разрушенное, и никак не меньше тридцати миллионов, чтобы поддержать тот страх, на который он только и мог опереться.

Да, он стал великим диктатором, вся держава застыла в страхе, все боялись не то что вякнуть, а даже шелохнуться, но что

это дало самому Тинкоу? Уже к восьмидесяти годам он превратился в выживающего из ума трясущегося старца, больного манией преследования из-за вечной боязни заговоров, и продолжающего убивать направо и налево – убивать из-за своей болезненной подозрительности, убивать, чтобы поддержать страх, убивать просто по привычке, убивать только потому, что не мог, да и не хотел остановить ту безумную карусель смерти, которую сам же и раскрутил!

И что могли сделать на этом фоне его жалкие последователи? Они помнили о нем, они тоже хотели править на страхе, но они сами боялись этого страха, и у них ничего не выходило. Но даже тень чужого страха опьяняет и манит. Хотя уже почти триста лет – два века – прошло после смерти Тинкоу, и лишь его призрак, говорят, изредка видят в Императорском дворце, держава все никак не может свернуть с порочного пути.

Нет, он, Оонк, хочет остаться в истории великим и мудрым правителем, а не параноиком-убийцей. Он – только санитар. Он только аккуратно устраняет из организма Империи пораженные ткани – всех этих зарвавшихся и заворовавшихся высокопоставленных подонков, не знающих над собой никаких законов и почти разваливших державу. Тем более, что эти люди, даже будучи не у власти, опасны для его планов. У них хватит сил и влияния, чтобы ускользнуть от кары, тихо саботировать, извратить, обернуть в свою пользу намеченные им перемены. Нет, их устранение просто необходимо.

Кто виноват? Нет ничего проще. Террористы окажут ему эту последнюю услугу, благо, что оправдываться будет некому. Их он уничтожит всех поголовно, никто из них не должен пережить мятежа.

Он долго недооценивал террористов. Громил одних, приручал других, использовал третьих, устраняя их руками своих противников. Дорого заплатил он за эту недооценку, когда неизвестная, ниоткуда появившаяся и даже не связанная с официальным подпольем группа осуществила покушение на него самого. Всегда безукоризненно действующая охрана на этот раз допустила промашку, и его спасло только то, что террорист перепутал, и ракета угодила в тот катер, где находилась его вторая жена…

Многих, особенно молодежь, влечет романтика террора, и в мелких, самостоятельно возникающих группах иногда попадаются талантливые и удачливые дилетанты. Бороться же с ними труднее всего – пока они не начали действовать, их довольно сложно найти и обезвредить. Поэтому-то, перешерстив всю свою охрану, он не тронул начальника управления по борьбе с терроризмом

(тот, бедняга, до сих пор из кожи лезет, не может поверить, что все обошлось).

Нет, в его государстве терроризм должен исчезнуть, и он исчезнет. Только властелин имеет право отнимать жизнь у своих подданных.

Хорошо, власть завоевана. Что дальше? Конечно, можно ничего не менять. Бунт подавлен, противники уничтожены, на ключевых постах его выдвиженцы, Служба Безопасности, как всегда, бдительна и на страже. Что еще Вождю Нации надо? Да, он может навести кое-какой порядок – поубавит аппетиты воротил черного рынка, прижмет взяточников и казнокрадов, повысит ответственность за выполнение нормативных заданий, снизит расходы на космофлот и некоторые дорогостоящие программы и тем самым сбалансирует бюджет, да и Служба Безопасности, как всегда… Все это, конечно, не спасет Империю, но отсрочит окончательный крах – впрочем, на его век хватит.

Так, безусловно, и проще, и спокойнее, но… Перед самим собой можно не лукавить: он, Оонк, желает войти в историю великим реформатором, спасителем нации, а не обычным диктатором, коих и без него в истории немало.

Да и не решись он на реформы, будет ли кому писать историю его, Оонка, правления? Нет, он, Оонк – последний шанс, который судьба дает Империи. Благодарение Небу, он пришел как раз вовремя, чтобы успеть спасти державу. И спасет.

Но уже если решился менять, так надо менять все. И в первую очередь – идиотскую сверхцентрализованную систему управления. В конце концов, почему любое решение должно обязательно приниматься в Столице? И почему любое действие должно быть предварительно освящено бумажкой из министерства? Единственное, что он оставит без изменений, — это Большой Совет. Пусть по-прежнему штампует себе законы, а звание члена Большого Совета и далее можно будет присваивать отличившимся для придания им дополнительного авторитета.

Всех остальных же он безжалостно разгонит. Воистину, нет хуже врага для Империи, чем эта свора непуганых бюрократов! И переделать их никак нельзя, ибо ничего другого они не представляют, не знают и не умеют. Ну, не умеют, и не надо! Да и кто умеет? Вокруг одни скоты, облепившиеся и заворовавшиеся! Работают так, что скоро уже и красть нечего будет! И притом, все хотят командовать сами и уже осмеливаются что-то там вякать в подворотнях!

Ничего, он еще заставит их работать, они у него научатся, тьма на их головы, кормить и одевать себя, они научатся трудиться и построят еще великую державу, что простоит века.

Построят, куда они денутся? Если страх уже не помогает, он, Оонк, использует другой метод.

Деньги! Вот, что будет его опорой, центральной осью его будущей державы, наградой для усердных и палкой для нерадивых. Он освободит их из-под власти карточек, лимитов и блата, вырвет их из рук жадных воров, взяточников и спекулянтов. Он заставит работать деньги, а они, в свою очередь, заставят этих грязных скотов научиться их зарабатывать!

Это будет величайшая реформа в истории Империи. Величайшая реформа, как раз под стать великому Оонку. Он заслужит себе бессмертие, пусть только придет его срок!

Для таких великих преобразований нужны две вещи: тщательная подготовка и внезапность. Что же, подготовка уже ведется. Он начал думать о переменах еще семнадцать лет тому назад, когда по приказу Коога ликвидировал скандальный эксперимент в 26-й провинции и уничтожил все, что могло напоминать о нем. Однако он не поленился тщательно изучить то, с чем столкнулся. Многие тогдашние наработки – удачные и не очень – стали отправной точкой для его программы.

Безусловно, он бы не отказался взять творца эксперимента Суорда и его людей в свою команду. Но тогда они слишком хорошо сумели спрятаться от него, а потом они стали больше нужны ему в качестве лидеров подполья. Впрочем, сейчас у него есть нужные кадры. Уже четыре года в глубокой тайне работает его экономический штаб, мозг его будущего государства, верные помощники его будущего правителя. Благодарение Небу, держава еще не оскудела умными людьми. Он много лет собирал себе такую команду, и вдруг… они появились сами!

Письмо тридцати шести, подписанное группой ученых, производственников и администраторов и поданное в виде докладной записки в Совет Пятнадцати, напугало и разгневало тогдашних верховников, но зато обрадовало его, Оонка. Авторы письма мыслили так же, как он, и пришли к сходным выводам. Опираясь на конкретные цифры и факты, они предупреждали, что Империя опасно, почти смертельно больна. Если не принять срочные меры, писали они, через три – три с половиной дюжины лет в державе начнутся необратимые и неконтролируемые процессы распада. Указывался в письме и выход из гибельного тупика – реформы, подобные тем, что уже много лет обдумывал он сам.

Конечно, ни сам Коог, ни прочие старцы из Совета даже не поняли Письма. Они увидели в нем только покушение на устои, а когда выдержки из Письма тридцати шести появились в подпольной печати, даже ему, Оонку, пришлось потрудиться,

чтобы вывести авторов из-под удара.

Всех "подписантов" вместе с семьями пришлось оперативно изъять и поселить на уединенной базе отдыха СБ недалеко от Столицы. Зато они все быстро поняли, что к чему, и согласились сотрудничать с ним, Оонком. Они стали именно тем мозговым центром, которого ему так не хватало, и в разговорах, беседах, долгих спорах с ними он окончательно решил, как будет действовать.

Настоящая подготовка начнется после завоевания власти. Старая Система еще послужит ему, она еще успеет подготовить все необходимое для своей гибели. За несколько лет по его приказу будут построены новые заводы по производству потребительских товаров, отремонтированы дороги и реконструированы энергостанции. Он оснастит старые предприятия новой техникой, наведет порядок с хранилищами продовольствия, даст команду инженерам и конструкторам создать новые технологии… Тотальная перетряска кадров в министерствах и провинциях даст ему несколько лет относительного порядка, а конфискация имущества сотен тысяч бандитов, воров, мздоимцев и торгашей во время мятежа обеспечит достаточными средствами.

И самое главное, все эти годы создавать специальный фонд. На специальных складах, под специальной охраной, в каждой провинции, в каждом округе, и накапливать, накапливать, накапливать – сырье, детали, станки, продовольствие, одежду, утварь, все! Запасы должны быть собраны на триллионные суммы, их должно хватить на пару лет непрерывной распродажи.

А потом и только потом, когда все уже будет построено, налажено, произведено и накоплено, он, Оонк, сделает решающий шаг, и этот шаг будет внезапным, как того требует великая реформа. В один день – сразу – отменяются все карточки, литеры, нормы потребления. Распределители преобразуются в магазины (кажется, так они когда-то назывались, слово новое, незнакомое, но ничего, привыкнут). И в этих магазинах, на улицах, с грузовиков и лотков начинают продавать, продавать, продавать – без всяких ограничений, все, что угодно, по ценам, раза в полтора-два выше дореформенных, но все равно дешевле, намного дешевле, чем на черном рынке.

В этот же день упраздняются все министерства (лучше разогнать сначала всех, а потом заново создавать необходимое). На их месте будут созданы временные комитеты с иными функциями и полномочиями, куда будут кооптированы нужные сотрудники из прежних структур.

Подумать только! Компьютерная система централизованного

управления ресурсами экономики "Каскад" создана более двухсот пятидесяти лет тому назад, но до сих пор внедрена лишь частично и в очень ограниченном объеме. Даже Коогу, помешанному на контроле, не удалось преодолеть сопротивление и саботаж со стороны министерских чиновников и провинциальных администраций. Он, Оонк, запустит ее в работу. Центральная власть будет иметь полную и объективную картину того, что происходит в державе. Это повысит управляемость экономики, ликвидирует "серые зоны" и "черные дыры", в которых бесследно исчезают триллионы государственных средств.

Но, посадив чиновников и промышленников на надежный длинный поводок, он одновременно даст им больше самостоятельности и ответственности. Большая часть предприятий – сначала выпускающих потребительские товары, а затем и остальных – будет выведена из подчинения центру и объединена в различные концерны и тресты. Вначале он полагал, что каждое предприятие должно получить полную независимость, но в его экономическом штабе с цифрами в руках доказали, что такие хозяйственные единицы будут слишком слабыми, чтобы самим осуществить нужные преобразования, и их будет слишком много, чтобы наладить над ними должный контроль.

Хорошо, пусть будут объединения, в его штабе уже просчитывают, кто и с кем должен объединяться. Но так или иначе, всем им постепенно придется самим, без указки из министерства, строить свою производственную и сбытовую политику. В какой-то переходный период всю их продукцию может покупать специальный фонд. Дешево покупать, конечно, но зато это даст им время приспособиться к новым условиям.

Энергетика, межпланетный транспорт, финансы, добыча некоторых полезных ископаемых так и останутся под плотным контролем государства, но всем остальным придется научиться работать по-новому. Конечно, дольше всего такой переходный период продлится для военных заводов. В его державе Космофлот перестанет получать триллионы на закупки гор никому не нужного оружия. Как считает его штаб, нынешний уровень боеготовности можно обеспечить и при впятеро меньших расходах. Нужно только прекратить выбрасывать деньги на примитивную, быстро ломающуюся технику, законсервировать часть баз, убрать из флота устаревшие корабли…

Конечно, есть соблазн вообще поставить Космофлот на прикол – восемьсот лет летаем в космос, а никаких противников пока не встречалось. Но не зря говорят, в Дальнем Космосе может произойти все, что угодно. Поэтому флот останется. Сохранится и часть мощностей военных заводов, а остальные получат

достаточно времени, чтобы научиться зарабатывать на мирной продукции.

Зарабатывать – вот ключевое слово его реформы. Еще во время эксперимента в 26-й провинции он понял, насколько весомым стимулом может стать прибыль, и постарается сделать все возможное, чтобы вбить это в голову всем остальным. В его штабе предложили условно разбить каждое объединение на определенное число паев, которые формально принадлежали бы государству, но находились бы в пожизненном пользовании работников в количестве пропорционально должности – от директора до последнего работяги – с правом продажи, залога или передачи по наследству. Директора и так привыкли распоряжаться на предприятиях как у себя дома, так пусть почувствуют себя собственниками – выплачивают часть прибыли по паям, занимают под их залог деньги в ссудных кассах (такие кассы еще надо будет создать, но это тоже проблема решаемая), придумывают, как повысить доходы.

Да и для черни появится лишний стимул и лишний кнут. С началом реформы будут отменены все ограничения на увольнения, перемену работы и места жительства. Торгаши и цеховики с черного рынка получат шанс легально стать богатыми и уважаемыми людьми, но вряд ли они сразу откажутся от привычных махинаций и ловкачества. У полиции и СБ, конечно, забот прибавится, но за это им деньги и будут платить. Причем, большие деньги. В его державе профессия полицейского, эсбиста, чиновника должна стать престижной профессией. И сопровождаться такими привилегиями, что каждый любитель воровства, мздоимства и вымогательства десять раз бы сначала подумал, чего он рискует лишиться.

Но уж чего не будет в его державе, так это Синдиката. Он готов закрыть глаза на мелкое мошенничество, незаконные увеселения, контрабанду, но организованная преступность должна исчезнуть. Всех главарей он планирует ликвидировать во время мятежа, перед остальными встанет четкий и недвусмысленный выбор: завязать, вписавшись в легальную экономику, или умереть.

Да, между делом, не следует забывать и о страхе, что ни говори, инструменте надежном и безотказном. От старых пороков тяжело избавляться, поэтому законы в его Империи будут простыми и суровыми. Если за взятку, неуплату налогов или злоупотребление властью будет положена многолетняя каторга с конфискацией имущества, это отпугнет многих.

Свои наказания найдутся и для нерадивых хозяев. Не смог директор правильно воспользоваться своей властью, не сумел

правильно расставить кадры, не выполнил обязательства, не рассчитался с рабочими – все паи у него отбираются, а сам он увольняется с должности. И решает пусть такие вопросы суд – вот на что, кстати, нужно будет обратить особое внимание. Судьи в его державе будут пользоваться особыми правами, будут подотчетны только ему, Оонку, но и наказания за злоупотребления будут жесточайшими.

Конечно, работать в новых условиях не все смогут. И без спада в первые годы не обойтись, тем более, что в его экономическом штабе утверждают, что от четверти до трети предприятий на самом деле никому не нужны и только переводят зря ресурсы. Но благодаря фонду любые товары все равно будут в продаже, а люди, что окажутся без работы, будут получать от государства пособия (интересная идея – платить человеку за то, что он бездельничает. Даже он, Оонк, не сразу ее понял и принял). А посему, ни неудовольствия, ни беспорядков не предвидится.

Да и сама проблема безработицы, хотя незнакома и необычна, на самом деле не так страшна. Надо только дать возможность предприимчивым людям основать свое дело, и они быстро втянут избыточную рабочую силу. В 26-й провинции, несмотря на все ограничения, сразу же после начала эксперимента как грибы стали вырастать мелкие лавки, ресторанчики, мастерские. Он, Оонк, пойдет еще дальше. Он снимет запреты, откроет для мелких предпринимателей доступ к ссудным кассам, упростит и снизит налоги, оградит бизнес от бюрократов в районных управлениях. Он даже разрешит частным лицам выкупать за бесценок паи обанкротившихся заводов и торговых баз (лишь бы оплатили их долги) и даст им все те права, что и остальным предприятиям. Полиция и Служба Безопасности, конечно, взвоют – за такой мелюзгой попробуй уследи, но он, Оонк, уверен: все хлопоты окупятся сторицей.

Ну а кроме того, можно снять часть ограничений на переселение в колонии. Пора кончать со старой практикой, когда почти все в колониях делается руками бесправных кронтэйских рабочих, по сути, рабов. Это могло оправдывать себя, пока новая производственная база только создавалась в горах и болотах чужих планет, но теперь, когда на первый план вышли эффективность и качество, рабский труд уже не подходит. На колониальных заводах и рудниках должны трудиться наемные рабочие, получающие хорошие деньги за свой труд – это снимет главный источник напряжения на периферии.

Теперь остается только сама Кронтэа. Самая драгоценная жемчужина в имперской короне. Планета, без которой империя не

была бы Империей. Планета, благодаря которой любой забулдыга может почувствовать себя не быдлом, каким он в действительности является, а представителем высшей расы.

Программа "Волшебное путешествие". Самая, пожалуй, удачная идея Управления по воспитанию за все время его существования. Любой гражданин Империи имеет право два раза в жизни за символическую плату провести две дюжины дней на кронтэйском курорте. Обычно в первый раз он приезжает туда ребенком, с родителями, чтобы спустя годы привезти на Кронтэю уже своих детей.

Каждые шесть дней гигантские лайнеры стартуют из космических портов Метрополии, увозя орды туристов на райскую планету, завоеванную для них предками. Там, на Кронтэе, стираются все сословные перегородки, существовавшие дома (у высшего класса есть свои курорты, но чернь обычно об этом не задумывается). Там все – граждане Империи, пользующиеся одними и теми же правами и привилегиями. Все они живут в роскошных отелях на берегах Экваториального моря, где нет ни бурь, ни штормов, ни опасных хищников. Для них там возможны все виды удовольствий – от утонченных до самых грубых: аттракционы, морские пляжи, зоопарки и океанариумы, поездки по живописному побережью и экскурсии в отреставрированные кронтэйские города с их необычной, болезненно-утонченной эстетикой, все виды зрелищ – от концертов до гладиаторских боев – и наконец, всевозможные бордели и шоу и даже изумительно дешевая и разнообразная еда и выпивка в многочисленных ресторанах и барах.

И повсюду, всегда и везде рядом с туристами местная обслуга, безукоризненно вежливая, вышколенная, услужливая, готовая выполнить любую прихоть своих повелителей из высшей расы. От этого кружится голова даже у самых зачморенных работяг из трущоб провинциальных городов. И не зря самой большой наградой для такого работяги, из-за которой, порой, убивают и продают, станет разрешение на сверхлимитную третью поездку…

Он, Оонк, тоже совершил в детстве свое Волшебное Путешествие. И уже тогда его поразила та тупая нерассуждающая покорность, с которой воспринимают свою незавидную участь большинство кронтов. А меньшинство… У этих под маской покорности скрываются целые бездны страха и ненависти, ненависти и страха перед жестокими завоевателями. Иногда эта ненависть прорывается наружу, и тогда по планетам-колониям прокатываются бессмысленные и страшные бунты, в которых, порой, вырезаются до последнего человека целые поселки

Имперских колонистов.

Десять лет назад на Кронтэе вспыхнуло самое настоящее восстание. Там было централизованное руководство, организация нападений на военные базы и транспорты вербовщиков и даже попытка прорваться в курортную зону, чтобы захватить в заложники туристов. Он, Оонк, сам допрашивал схваченных главарей (иронично: кронтам запрещено бывать в Метрополии, и единственными, заслужившими эту привилегию, оказались вожди мятежа). Все они принадлежали к так называемой туземной администрации – лидеры общин, переводчики, учителя, надзиратели – представители того тончайшего образованного слоя, который Империя считала своей опорой в полудикой массе кронтов.

Именно тогда он, Оонк, понял, насколько велика эта пропасть. Кронтам не место в его Империи. Нет, он не будет их уничтожать, он просто загонит их в резервации на своей планете и предоставит собственной судьбе. Эта раса уже сломлена, ее силы подорвали постоянная принудительная вербовка, каторжный труд на далеких планетах, ничтожное прозябание на подачках колониальной администрации, последовательное оглупление и унижение расы путем уничтожения ее интеллектуальной элиты. Пройдет еще несколько сотен лет, и они тихо исчезнут, окончательно оставив космос Империи и, возможно, филитам.

Он пожертвовал Филлиной, чтобы отвлечь внимание своих генералов от дел в Метрополии. Гдоод тоже хорошо понимает, что двоим нет места на вершине. За ним стоит грозная сила Космофлота. Решись он на переворот первым, и ему, Оонку, будет почти нечего ему противопоставить.

Но Гдоод слишком любит играть наверняка и поэтому проиграет. Он клюнул на наживку, рассчитывая, что власть сама упадет в руки покорителя Филлины. В этом Гдоод прав, но он потерял темп, а он, Оонк, этот темп выиграл! И не зря он, Оонк, направил на Филлину своим представителем не кого-нибудь, а тупого и прямолинейного генерального комиссара Ургеу, которого так легко и сладостно обыгрывать. Победа над слабым противником расслабляет, и Гдоод не успеет ударить первым, когда придет время игры на опережение!

И все же он, Оонк, рад, что филиты приняли его предложение, и половину планеты пока удалось уберечь от бравых генералов. Филлина может стать именно тем толчком, что возродит космическую экспансию Империи, покончит с унизительным топтанием на пятачке "Зоны действий". Эта раса молода и активна. Она проложит новые дороги, по которым затем

пойдет и Империя.

Только… Сумеют ли филиты забыть, чем стал для них первый контакт с Империей? После победы он готов принести извинения, выплатить компенсацию, вернуть им часть земель… Они не прогадают – в обмен они получат выход в космос на правах не слуги, а честного вассала, младшего партнера, почти равного. Они получат жизненное пространство, новую технику, это будет мощный толчок в их развитии.

Но если они не забудут и не простят… Тогда их надо будет безжалостно добить, не дав им не малейшего шанса нанести удар в спину. И не зря на Филлине работает группа из Отдела специальных исследований Службы Безопасности, которой поручено найти и создать действенное биологическое оружие против филитов… Если понадобится, он, Оонк, не колеблясь, прикажет пустить его в ход.

И поэтому – пока никакой вербовки рабочих с Филлины. Империя – для имперцев: вот каким должен стать его принцип на ближайшие несколько лет. Ради этого он готов пойти навстречу тем просителям, что вот уже которую дюжину лет оббивают пороги в канцелярии Совета Пятнадцати. Колонии получат права провинций, управители станут губернаторами, на периферию распространится большая часть положений экономической реформы. Может быть, он даже разрешит колониям создать свое обрабатывающее производство, чтобы на месте изготовлять простейшее оборудование и запчасти. В конце концов, подобная политика уже триста лет проводится на Тэкэрэо, и ничего – не развалилось.

Но всякие разговоры о самостоятельности колоний нужно выжигать каленым железом. Прекращение поставок – слишком действенное оружие. Метрополия уже не может жить без колониального сырья и колониального продовольствия, поэтому экономическая зависимость колоний от метрополии должна остаться.

И вот уж, где особенно надо навести порядок – это в сельском хозяйстве. Сейчас почти все оно основано на дешевом труде кронтэйских рабов, что не только неэффективно, но и небезопасно. В его штабе предлагают или передать плантации в собственность предприимчивым людям, или преобразовать их в высокомеханизированные агропромышленные комплексы, но такая перестройка требует времени. И во время переходного периода либо придется потуже затянуть пояса, либо активнее привлекать к обязательным поставкам скваттеров.

Скваттеры – вот кого стоит поддержать Вождю Нации. Они заслуживают этой поддержки. Иногда даже странно: скваттеры

нарушают закон, они бесправны, часто гонимы, обираемы всеми – от управителя колонии до последней шестерки в канцелярии районного уполномоченного. Они постоянно рискуют потерять все то, что наживали годами, даже погибнуть, наконец. Но все же тысячи и десятки тысяч всеми правдами и неправдами добывают разрешения на право жительства в колониях, бросают подчас перспективную и хорошо оплачиваемую работу, отрываются от такой привычной и гарантированной кормушки, чтобы отвоевать у чужого леса или саванны несколько гектаров земли, вручную построить там дом и вкалывать, вкалывать, вкалывать! Горбатиться от зари до зари с прадедовским мотокультиватором, воевать с местной флорой и фауной, постоянно бояться засухи, потопа или визита колониальной администрации. И при этом всем выращивать невиданные урожаи и в удачные годы кормить целые округа!

Такие люди заслуживают не только поддержки – уважения. Они будут истинными гражданами его будущей великой державы. Поэтому для нынешних скваттеров обрабатываемая ими земля станет их собственностью, а новички получат ее сначала в аренду за небольшую плату с правом последующего выкупа.

Конечно, скваттерам за это придется платить налоги. Говорят, они обожают собственную независимость и не желают иметь никаких дел с властями, но на такую сделку они пойдут. Взамен они получат легальный статус, покой, технику, льготные ссуды, страхование – он, Оонк, не сомневается, что их удастся приручить.

Но для этого в колонии должны пойти самые лучшие, самые надежные, самые умелые кадры. Он, Оонк, не сможет непосредственно контролировать их, поэтому очень много зависит от того, насколько эти люди будут готовы исполнить его планы.

Люди! Вот главная проблема! Откуда взять достаточное количество людей, на которых можно положиться, которые разделят и воплотят в жизнь его идеи, которые будут готовы отказаться от привычного воровства и взяточничества, и которые возглавят процесс реформ на заводах, в конторах, судах, в районах, округах, провинциях?…

Впрочем, найти таких людей не настолько сложно, как кажется на первый взгляд. Они всегда на виду – инициативные и деловые директора заводов и начальники цехов, активные и талантливые администраторы в районных и окружных управлениях, толковые и надежные офицеры Космофлота и Службы Безопасности, удачливые и оборотистые дельцы черного рынка. Они – чужеродный элемент в теле Системы, им завидуют,

на них пишут доносы, большинство из них занесены в базы данных Службы Безопасности как подозрительные или явные нарушители законов, их не любят и боятся начальники. Но именно они, они движут Империю, заставляют вращаться ее ржавые шестеренки, они служат опорой Системе, эксплуатирующей и отторгающей их.

В своих преобразованиях он, Оонк, может положиться на этих людей. Новый мир станет их миром. Они будут его губернаторами и министрами, сядут в кресла директоров заводов и ссудных касс, возьмут в свои руки правопорядок и правосудие или даже просто откроют собственные мастерские или лавочки… Эти люди дадут первый толчок преобразованиям, они заставят толпу работать – сначала на себя, а затем и на благо державы.

Он, Оонк, еще не стар. Он еще увидит, как преобразится мир, как из неизбежного хаоса первых лет реформ родится новая держава, как на вершине общества займут причитающиеся им места активные и мыслящие люди, как вырастут новые города, пролягут новые пути, как Империя, сбросив с себя путы старой Системы, вступит в эру порядка и процветания. Подстегнутый соперничеством, снова стронется с места научно-технический прогресс, выводя державу на новые, еще неведомые рубежи и бесконечно увеличивая ее могущество. И этой новой, расцветающей Империей будет править он, Оонк, вождь и спаситель нации, самый великий, самый мудрый и самый любимый миллионами и миллиардами. Со всеми смутами будет покончено раз и навсегда. Изобилие – вот самое лучшее средство против бунтовщиков, а Служба Безопасности всегда будет наготове, чтобы вразумить неразумных.

Он, Оонк, оставит своему преемнику действительно великую Империю. Но такой важный момент, как поиск продолжателя своего дела, тоже нельзя оставлять на самотек. Хотя это вопрос не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня, смену надо готовить уже сейчас.

Великое Небо не подарило ему сыновей. Может быть, и к лучшему. Как показала история, сыновья великих правителей редко оказывались достойными своих отцов. Да и нельзя забывать, что великого Хоронда лишил власти его собственный ничтожный отпрыск, которому надоела роль вечно второго…

Нет, то, что родились девочки, тоже, возможно, перст судьбы. Две старшие, дочери Рае, уже взрослые. Старшая – замужем за заместителем директора крупнейшего машиностроительного завода в Первой провинции. Этот парень наверняка далеко пойдет. Занять такой пост к сорока годам – не шутка, даже имея такого тестя. Он, Оонк, сразу уловил в нем родственную душу. Но

его ждет другая дорога – поднимать экономику Империи.

Среднюю дочь пришлось отдать за одного из кооговых внуков. Парень, бесспорно, не без способностей, но амбиций у него явно побольше, нежели талантов. Конечно, пока был жив Коог, карьера его складывалась без сучка и задоринки, ну а теперь этого внучка можно будет оценить по-настоящему. Кто он сейчас? Чиновник для особых поручений при губернаторе Третьей провинции. Посмотрим.

И наконец, младшая, Аэле. Красавица, в мать, и умница… понятно, в кого. Как говорят, она в свои двенадцать лет уже вовсю верховодит в своей компании. Хороший признак и явно неплохие задатки. Не зря он, Оонк, после гибели второй жены сам руководит воспитанием девочки. Надо будет, кстати, постараться проводить с ней побольше времени…

Размышления Председателя Совета Пятнадцати прервал негромкий мелодичный звонок переговорного устройства. Оонк, не глядя, нажал на кнопку.

— Ваше превосходительство, — прошелестел почтительный голос секретаря. — К вам государственный советник Тмаар, губернатор 41-й провинции.

— Хорошо, — поблагодарил Оонк. — Пригласите. И еще. Подготовьте, пожалуйста, справку о самовольном продлении сроков филлинской операции. По последним донесениям.

Это чтобы Гдоод и его генералы не слишком наглели и не забывали, что ему, Оонку, известно все, что происходит в Империи.

Глава 39. Самая крутая мафия в государстве

Все города Метрополии похожи друг на друга. Повсюду – от полярных областей до экваториального острова Ргангаипоу – стоят одни и те же многоэтажные жилые коробки, длинные пристройки общественных распределителей, где граждане получают по карточкам свою месячную норму потребления, грязно-серые заводские корпуса с огромными окнами, всегда забранными мутной стеклянной плиткой, присутственные места посреди пустых площадей с обязательными колоннами и чахлой клумбой у входа… Города побольше, конечно, могут позволить себе и монументальные стадионы, и громадные Дворцы Искусств, и административные высотки, но и те всегда сооружаются по типовым проектам. Строгим канонам должны следовать даже памятники.

Разнообразие в Империи не поощряется.

За одним исключением. В любом мало-мальски приличном городе есть небольшой район, квартал или даже отдельный двор, зайдя куда, словно попадаешь в другой мир. Чистые, ухоженные тротуары, вежливые, предупредительные полицейские на каждом углу, в зеленых садиках играют дети и чинно беседуют их няни, мамы или бабушки в яркой, удобной, красивой одежде. Ну а дома вокруг просто поражают и радуют глаз своим разнообразием, красотой и фантазией архитекторов.

Нет нужды говорить, кому позволено жить в таких домах.

В небольшом тихом городке Саэлвини, административном центре 11-го округа 28-й провинции, жители привилегированного района уделяют наибольшее внимание, скорее, не домам, а садам. Каждый сад чем-то отличается от остальных – то ли диковинно подстриженными кустами, такими густыми и пышными, что на них, кажется, можно лежать как на подушках, то ли огромными дивно пахнущими цветами или таинственными вьющимися растениями, то ли экзотическими деревьями из других провинций Метрополии и даже с других планет.

Порой все это так разрастается, что за стеной зелени не видно и самого дома.

Как и в данном случае. Прохожие видят за декоративным забором с почти незаметной сигнализацией только кроны нарочито суровых голубых сосен и темно-зеленую, почти черную листву дикого тмооба с планеты Кэтэркоро, в которой кое-где

высвечивают ярко-оранжевые фонарики ягод.

Дом, который совершенно не виден за этим буйством зелени, принадлежит, бесспорно, важному лицу. Одни знают его как заместителя директора текстильной фабрики "Луувинга" (не смейтесь, продукцию этой фабрики знают даже в далекой Столице, да что там, она значится в широком, но достаточно элитарном списке Поставщиков Императорского Двора). Для других владелец дома – хозяин целой сети нелегальных цехов, поставляющих на черный рынок превосходный текстиль. Среди третьих этот человек известен как Первый, Ванио Суорд, руководитель подпольного "Союза Борьбы". Некоторые добавляют к этому имени титул – Ванио ли-Суорд, но это не важно. Государственные преступники титула не имеют.

Этот день государственный преступник Суорд начал с письма, доставленного ему нарочным из Столицы. Распечатав длинный конверт из чуть желтоватой плотной бумаги, Суорд вынул из него сложенный вчетверо большой лист, пробежал глазами первые строчки текста, посмотрел лист на свет, даже понюхал его и вдруг бросил прямо на решетку декоративной жаровни, обогревающей комнату.

В 28-й провинции, расположенной в умеренном поясе Северного полушария, сейчас середина зимы…

Лист бумаги на горячей решетке потемнел, как бы съежился, и вдруг на нем проступили ряды желто-коричневых букв. Текст был короткий, писавший письмо явно торопился, и строчки немного налезали друг на друга. Через две минуты лист совсем почернел, распался, и крошки пепла провалились внутрь жаровни, туда, где тлели топливные брикеты, насыщенные ароматизатором.

Суорд невесело вздохнул, оторвав взгляд от крошечных язычков пламени. Реэрн, старый товарищ, опять воспользовался этим экзотическим, но зато достаточно надежным способом, чтобы донести до него свои мысли. Его по-прежнему волнует отсутствие демократии в структуре Союза, и исключение группы Скитальца – тому новое подтверждение.

Увы, старый друг, здесь ты не прав. Народ Империи и даже его боевой авангард – "Союз Борьбы" – еще не готов к принятию демократии. И он, Суорд, — один из немногих в государстве людей, которые не только знают это, но и готовы привести достаточно веские доказательства.

Для этого надо вернуться на много лет и почти на тысячу километров назад, в столицу 26-й провинции город Лосхабнио,

где его отец служил директором провинциального архива Управления по воспитанию.

Этот архив не был похож на другие городские архивы. Те прятались за заборами с колючей проволокой наверху, охранялись бдительными часовыми, оборудовались мощными КПП, где посетителей чуть ли не просвечивали рентгеном с ног до головы…

Архив Управления по воспитанию был просто очень старым и очень большим зданием, построенным в незапамятные времена из "вечного" керамитобетона и стоявшим в незаметном переулке недалеко от центра города. В нем было всегда тихо и пустынно, не шумели бумагорезательные машины и не тарахтели дробилки, превращающие накопители информации в электронный скрап. В бесконечных стеллажах тихо дремали старинные папки с результатами давным-давно завершившихся кампаний, протоколами и стенограммами давным-давно забытых съездов и конференций, характеристиками и доносами на давным-давно умерших людей.

Он, Суорд, тогда, впрочем, еще только маленький Ванио, любил приходить к отцу на работу. Ему нравилась эта тишина, а бесчисленные ряды стеллажей с документами, казалось, скрывали в себе страшные тайны.

Но свою тайну он нашел не здесь. Однажды, во время обычной ежеквартальной большой уборки, ему поручили снести в подвальную каморку безнадежно сгоревший монитор, который уже было невозможно починить, но еще не разрешалось списать. Забросив монитор на груду разнообразного хлама, он запер тяжелую железную дверь, но вместо того, чтобы уйти, нерешительно остановился на площадке.

Уже наступили летние каникулы, друзья успели разъехаться кто куда, на улице было невыносимо жарко, а архивный подвал, наоборот, манил прохладой. И еще его манила таинственная дверь напротив – точно такая же железная дверь в глубине небольшой ниши, всегда запертая на огромный висячий замок, от которого не было ключа.

На всякий случай он сильно дернул за замок и тут же испуганно отпрянул в сторону. Массивный засов неожиданно соскочил и повис на одном болте, глухо ударяясь о металл. Поблизости никого не было, времени у него хватало, и он решился. Толкнув дверь – она пошла туго, но все же поддалась ему, он шагнул в темноту. Машинально пошарив рукой вдоль косяка, он нащупал кнопку выключателя, нажал ее и был вознагражден. Тусклый свет вырвал из мрака узкую каменную лестницу и контуры обширного помещения внизу.

На всякий случай прикрыв за собой дверь, он спустился по лестнице, стараясь не касаться ни стен, ни покрытых наслоениями пыли перил, и очутился в большом подвале. Куда-то в темноту тянулись ряды полок, где под пыльной пластиковой пленкой угадывались очертания томов.

На минуту он испытал разочарование – такой же архив, как и наверху, только более старый. Но все же, оставляя следы в толстом слое пыли, он подошел к большому столу с закрепленной на кронштейне старинной настольной лампой. Носовым платком он протер рефлектор лампы и, не слишком веря в успех, щелкнул выключателем. На крышку стола легло яркое пятно света, наполнив подвал причудливо изломанными тенями. Теперь стало видно, что под пыльной пленкой, покрывающей стол, находились какие-то пачки бумаги.

Осторожно, чтобы не поднять пыль, сняв пленку, он остановился в недоумении. Пачка бумаги оказалась газетной подшивкой. В его время газеты изготавливались из специальной нестойкой бумаги, которая сама собой превращалась в пыль через три-четыре дюжины дней. Но эти газеты явно не собирались распадаться в его руках, и он подтянул поближе к себе всю стопку, прошитую крепкой пластиковой лентой, и начал с любопытством разглядывать верхний лист.

Сначала ему в глаза бросились яркие краски цветной фотографии в четверть полосы – до этого он и не предполагал, что газеты могут быть цветными. Затем он обратил внимание на название – "Новая жизнь". Известные ему газеты не имели названий, они просто были "Государственной газетой", "Газетой 26-й провинции", "Городской газетой Лосхабнио", "Архивной газетой", которую выписывал его отец, или "Молодежной газетой", которую получал он сам. Все эти газеты писали практически об одном и том же и были одинаково скучны, высокопарны и неинтересны.

Он, наконец, нашел дату и тут у него по-настоящему перехватило дух. Газета была издана немногим более двухсот шестидесяти лет назад, за четыре с половиной года до Великого Восстания!

"Ргиавл хочет посоветоваться с народом", — гласил заголовок на первой полосе. Он с жадностью схватился за эту статью и в первом же абзаце столкнулся с еще одним ошеломительным открытием. Ргиавлом звали тогдашнего Председателя Совета Пятнадцати, но это имя было ему совершенно не известно!

Он всегда интересовался историей – и официальной, которую преподавали в школе, и недозволенной. Да и как могло быть иначе – ведь он был уроженцем 26-й провинции, оплота вечной,

молчаливой, потаенной оппозиции Столице. Все рожденные в этом краю знали, что когда-то давно, в незапамятные времена, это была страна Шаоранн, государство посильнее и побольше древней Империи, а в отдаленных деревнях все еще помнили старый язык и старинную письменность.

На уроках официальной истории в школе заставляли учить всех Императоров и Председателей Совета Пятнадцати с древнейших времен, но никакого Ргиавла среди них не было, это он помнил точно. Молчала о нем и неофициальная история. Но здесь, на страницах газеты, выпущенной без малого два века назад, он существовал и правил Империей!

От этого газета становилась только интереснее, и он с удвоенным вниманием принялся за передовую статью. И снова был удивлен (он уже устал удивляться), что газета опубликовала не всю речь Председателя Совета Пятнадцати, а только выдержки из нее и, притом, с собственными комментариями. А говорил Ргиавл уже совсем невероятные вещи. Он прямо признавался, что Империя оказалась в состоянии серьезного кризиса: падает производительность труда, резко снижается качество продукции, растет бюджетный дефицит (он не знал, что это такое, но понял: что-то очень неприятное), система управления забюрократизирована и неэффективна…

В статье назывались еще какие-то беды и трудности, но он их плохо запомнил. О том, что дела в государстве идут неладно, часто вполголоса говорили между собой взрослые. Даже отец порой жаловался матери на тупость Столичного начальства и на то, что выделенные для архива средства постоянно пропадают где-то на полдороге. Но оказывается, об этом двести шестьдесят лет назад мог говорить во всеуслышание сам Председатель Совета Пятнадцати! Это как-то не укладывалось в голове.

Перевернув страницу, он столкнулся с еще более невероятными вещами. Председатель Совета Пятнадцати Ргиавл предлагал преодолевать кризис за счет "пробуждения инициативы масс" и "воспитания в гражданах Империи чувства хозяина". Дабы пробудить эту инициативу, планировалось собрать в Столице Всенародное Совещание с выборными делегатами (вначале до него просто не дошло, кто и кого будет выбирать, потом ему показалось, что он читает не официальную газету, пусть и вышедшую двести шестьдесят лет назад, а крамольную листовку подобно тем, что изредка появлялись на заборах и стенах университета).

Возгордившись от осознания собственной смелости, он начал просматривать и другие статьи и незаметно для себя увлекся. Официоз, который в известных ему безымянных газетах занимал

до девяноста процентов площади, здесь ограничивался первой полосой и двумя разворотами, а на оставшихся одиннадцати страницах хватило места и для очерка о природе планеты Тэкэрэо (которая тогда еще, по-видимому, не была Имперской колонией), и для статьи о каком-то заводе, производящем холодильное оборудование (на вид вполне современное), и для множества интересных мелких заметок, кулинарных рецептов, смешного рассказика о вороватом продавце (он не знал слова "фельетон"), и даже криминальной истории о том, как ссора между двумя семьями, живущими на одной площадке, привела к кровавой развязке.

Его привел в себя только писк браслета связи – мать звала его домой ужинать. Он выключил лампу, постарался хоть немного привести в порядок запачканную в пыли одежду и покинул подвал, тщательно поставив на место засов. При тусклом освещении на площадке следы того, что запертую дверь открывали, были совершенно незаметными.

С этого дня и началось его приобщение к тайне. Он приходил в архив почти каждый день, сначала немного крутился среди отцовских сотрудников, а затем украдкой пробирался в подвал, снимал засов, спускался в свое убежище и часами просиживал в нем, все больше погружаясь в мир почти двухвековой давности. Удивительно, но никто из взрослых так и не засек его. Отец постоянно был занят, и ему очень льстило, что сын интересуется его работой. Мать, как всегда, была поглощена ведением хозяйства и активной светской жизнью, а работники архива в эту часть подвалов почти никогда не спускались.

Газета "Новая Жизнь" выходила раз в полдюжины дней, и это облегчало ему скольжение сквозь время, помогая не утонуть в частностях. Когда ему было интересно, он доставал с полки (он уже освоился в подвале и знал, где что лежит) подшивку "Государственной Газеты", такой же официальной, как и в его время, но намного менее официозной, и находил там важные подробности.

Он читал о том, какой огромный интерес вызвало предстоящее Всенародное Совещание. Он следил за тем, как выдвигали и выбирали делегатов провинции и министерства, находил в "Новой Жизни" подборки писем-наказов, иногда наивных, иногда деловых, а порой, настолько радикальных, что у него перехватывало дух. Он возмущался, читая, как власти проводят нужных им людей, радовался победам общественности и огорчался поражениям, а затем, как, наверное, и те, кто брал в руки эту газету два века назад, от корки до корки проштудировал стенограммы открывшегося Совещания.

После Всенародного Совещания, которое оставило у него впечатление всенародного плача о наболевшем (многое он мог бы повторить слово в слово и сейчас, чего-то не понял, что-то вызвало у него грустную усмешку – нам бы ваши проблемы), события понеслись кувырком. Совет Пятнадцати постановил избрать половину членов Большого Совета всенародным голосованием и принял закон о самостоятельности предприятий (он мало, что в нем понял, уяснив лишь, что предприятиям дали свободу в принятии хозяйственных решений, "Новая Жизнь" его хвалила и называла прогрессивным). Наконец, гражданам в духе того же развития инициативы было разрешено основывать мелкие предприятия и товарищества (на этом он застопорился на целый день, но в конце концов разобрался, что это такое. Идея ему понравилась.).

Общественная жизнь в то время, кажется, просто бурлила. На каком-то заводе рабочие, в силу того же закона о самостоятельности, сами избрали себе директора. Откуда-то появилось множество мелких предприятий, о которых "Государственная Газета" немного недоуменно говорила, что они слишком активно занялись торговлей в ущерб производству. В "Новой Жизни" начали печатать различные разоблачительные материалы о деятелях прошлого (большинство имен было ему известно по урокам истории) и о преступлениях, совершенных в те годы, когда Кронтэей управляли военные (тогда это были относительно недавние события). Государство сотрясали многочисленные митинги и демонстрации. Там кипели страсти, вещали только что выдвинувшиеся народные трибуны, а массы требовали, чтобы Большой Совет целиком состоял из народных избранников.

Тогда же он впервые встретил имя Тинкоу. Будущий великий диктатор и Спаситель Нации в то время был космофлотовским маршалом и возглавлял одно из управлений в военном министерстве. На каком-то совещании он очень резко выступил против перемен и призвал Совет Пятнадцати немедленно прекратить потакание крамоле и остановить развал державы.

Но Совет Пятнадцати не прислушался к его призывам, похожим на требования. В конце концов, он был вынужден уступить волне митингов и отказался от первоначального намерения самому назначать половину членов Большого Совета. В "Новой Жизни" появилось очень много статей, где говорилось, какие законы нужно срочно принять и какие экономические преобразования совершить.

Прошли, прокатились, как снежная лавина, выборы, и вот он уже с замиранием сердца читал репортаж о торжественном

открытии работы избранного Большого Совета. Открытие началось со скандала: часть депутатов отказалась встать при появлении Председателя Совета Пятнадцати, и "Новая Жизнь" назвала это высшим проявлением свободы и демократии.

Большой Совет начал работу, и всеобщие восторги несколько поутихли. Он по-прежнему читал речи депутатов; на митингах и демонстрациях требовали уже ответственного перед народом правительства, но даже на страницах безусловно поддерживающей перемены "Новой Жизни" появились нотки разочарования. Депутаты примерно поровну разделились на радикалов и консерваторов. Они проводили дни заседаний, произнося речи и ругая друг друга, но дело так и не продвигалось вперед. На митингах стало больше криков и эмоций. На них все чаще выступали люди, которых даже "Новая Жизнь" называла безответственными болтунами и демагогами. Провинции требовали – и добились – большей самостоятельности, которая обернулась бесконтрольностью губернаторов, а в некоторых из них появились движения, требующие полной независимости от Метрополии.

В экономике перемены тоже пока не приносили ожидаемых результатов. Директора получивших свободу предприятий использовали ее для злоупотреблений, а многочисленные частные фирмы ударились в спекуляцию. Начали появляться недоуменные, а затем и гневные статьи о развале нужных государству заводов и институтов. Кто-то очень сильно разбогател, но большинство только обеднело.

Кажется, все общество встало в оппозицию Совету Пятнадцати. Его ругали за половинчатость и непоследовательность решений, за бессилие и неумение навести порядок, за разгул преступности и растущие цены. Где-то поблизости постоянно маячил Тинкоу, ставший вождем самых крайних, самых крикливых и злобных консерваторов, больше всего критикующих власть за ее бессилие, и негодующих, из-за того что она потакает охватившей общество страсти к обогащению любой ценой, ведущей к развалу государства. "Новая Жизнь" постоянно смеялась над его вопиющей отсталостью, тупой агрессивностью и примитивностью его суждений, возмущалась, что он по-прежнему продолжает занимать официальный пост, и требовала, чтобы правительство уволило его или же чтобы он ушел со службы сам, раз уж превратился в публичного политика.

Чем ближе становилось Великое Восстание, тем больше росло его недоумение. Да, перемены оказались не такими, как хотелось. Газеты возмущенно писали о перебоях с товарами, спекуляции и произволе, не виданных в прежние времена. Но правительство,

половинчато и нерешительно, но продолжало двигаться прежним путем, понемногу уступая под давлением митингов и демонстраций. Кто и зачем мог против него восставать? Тинкоу со своими приверженцами, судя по публикациям в газете, не пользовался особой популярностью. Это была всего лишь одна из многих крикливых кучек.

История Великого Восстания имела две версии – официальную и неофициальную. Официальная история, наверно, с большим удовольствием не упоминала бы о нем вообще, но развалины в двух шагах от Столицы скрыть было нельзя, и она невнятно говорила о неких заговорщиках, устроивших бунт и подорвавших ядерные заряды, когда их затея провалилась. Неофициальная версия гласила о смелых революционерах, поднявших народ на выступление, закончившееся ядерным ударом по восставшей Столице.

Обе версии оказались ложью. Последние полгода перед Восстанием стали временем нарастающего хаоса. Создавалось впечатление, что люди вообще перестали работать, а только митинговали, спекулировали и ругали правительство, словно стараясь за один год компенсировать столетия молчания и подчинения. Попытки полиции навести порядок вызывали яростные протесты общественности и призывы защитить дело свободы от насилия над личностью. Перебои с продовольствием становились все более явными, начали поговаривать о введении карточек (для него карточки были привычной с детства картиной, хотя его семьи эти ограничения непосредственно не слишком касались. Он в свое время даже в очередной раз удивился, узнав, что два века назад как-то обходились без них).

За три с небольшим месяца до Восстания его пристальное внимание привлекла обеспокоенная статья в "Новой Жизни" о старых ядерных зарядах на армейской базе, расположенной почти в центре Столицы. Статья была посвящена тому, как персонал базы пытается организовать их вывоз, но у него ничего не выходит.

В предпоследнем номере "Новой Жизни" уже явно чувствовался испуг перед народной стихией, вышедшей из берегов. В большой передовой статье один из самых известных авторов газеты призывал прекратить "раскачивать корабль". Пожалуй, впервые в этом образцово оппозиционном издании прозвучала мысль о том, что следует все же поддержать усилия правительства в деле наведения порядка.

Но было уже поздно. Последний в подшивке номер "Государственной Газеты" сообщал, что в Столице идут уличные бои, причем было совершенно неизвестно, кто борется с кем и

против кого. Голодные толпы громили магазины и зажиточные квартиры. Полиция и внутренние войска, которых несколько месяцев подряд шпыняли все, кому не лень, бездействовали.

Потом была тишина. И маленький, всего на четыре полосы, последний номер "Новой Жизни". "Все кончено, — писала газета в прощальной, грустной и полной раскаяния и горечи статье. — Мы оказались не готовы к свободе и приняли ее за вседозволенность. Мы были слишком несдержанны, нетерпеливы и недальновидны и теперь платим за это самую страшную цену. Столица погибла в огне ядерного взрыва, и мы даже не знаем и никогда не узнаем, почему и как это произошло".

Прежнего Совета Пятнадцати больше не было. Главой государства стал поддержанный Космофлотом и частью общества Тинкоу, пообещавший навести порядок. Ему никто не сопротивлялся. В главных городах провинций сразу же начались массовые аресты…

"Дело свободы погибло, — говорилось в самом конце статьи. — И зная, что из себя представляет Тинкоу, мы не испытываем никаких иллюзий по поводу того, что нас ожидает. Мы оказались недостойными свободы и потеряли ее, даже не успев толком почувствовать, какой она должна быть. Может быть, наши потомки будут умнее нас и смогут когда-нибудь совершить вторую попытку…".

Знакомство с историей двухвековой давности изменило его. Он стал задумываться о вещах, о которых раньше не имел ни малейшего понятия. И когда на следующий год пришло время выбирать, куда поступать после школы, он внезапно отказался от гарантированного зачисления на исторический факультет университета 26-й провинции, решив попытать счастья в Высшей Академии Управления в Столице. Отец был разочарован, но не возражал и, организовав нужные рекомендации, отправил сына в Столицу, пожелав ему на прощание успешно сдать вступительные экзамены. Экзамены он сдал.

Высшая Академия Управления была весьма необычным учебным заведением. При поступлении в нее главную роль играли не деньги или связи, а реальные знания и смекалка. Академия готовила различных помощников, заместителей, референтов, секретарей – всех тех, кто реально делал дело за спинами вельможных начальников, и могла себе позволить подбирать лучшие кадры. Наверное, поэтому в ней царил дух некоторого вольнодумства и даже радикализма, совершенно немыслимый в других учебных заведениях Империи.

Впрочем, в то время быть вольнодумцем было легко. Только

начинались дни правления Коога, в воздухе пахло какими-то неясными надеждами, и повсюду с молчаливого непротивления властей создавались многочисленные кружки, общества и клубы, где сотни и тысячи людей увлеченно дискутировали о том, как обустроить государство.

Естественно, такой кружок не мог не возникнуть и в Академии Управления. И главную роль в нем играл, конечно, он сам. Под влиянием истории Восстания и прочитанных старых книг (в подвале архива хранились не только газеты) он рассчитывал на медленное, эволюционное изменение структуры государства. Он надеялся на то, что несколько тысяч его единомышленников, которые через две-три дюжины лет займут высокие посты, смогут мирно и без потрясений повернуть государство на новый путь.

И он в то время активно занимался объединением разрозненных студенческих кружков в единую организацию. Он издавал небольшую газету, писал статьи и произносил речи, несколько раз он даже немного перегибал палку, но знакомства с чинами из районного отделения СБ не повлекли за собой серьезных последствий.

Тогда же он познакомился и с Реэрном. Серьезный, не по годам рассудительный курсант военно-космического училища был без памяти влюблен в одну из его однокурсниц, так же как и она в него, но все же у него хватало сил и на то, чтобы занимать одно из ведущих мест в руководстве его организации, которой через много лет было суждено стать "Союзом Борьбы".

А пока же он закончил Академию первым на своем курсе и начал быстро продвигаться по ступенькам управленческой карьеры. Вместе с ним росла и его организация, которая уже имела отделения в половине провинций и на нескольких планетах-колониях. Власти, если и знали об этом, не вмешивались: на дворе стояли золотые денечки либерального кооговского правления, да и к тому же они в то время никак особенно не проявляли себя.

Так все и шло, пока чуть больше двух дюжин лет тому назад он не был назначен помощником губернатора в своей родной 26-й провинции.

Новому молодому и амбициозному губернатору и его еще более молодому помощнику досталось неважное наследство. Провинция год за годом срывала план обязательных поставок. Бывшие ее гордостью текстильные фабрики работали с перебоями, а их продукция оседала, никому не нужная, на пыльных полках пустых распределителей. Имея плодородные

земли и обладая благодатным климатом, провинция не могла обеспечить себя продовольствием, выпрашивая подачки из централизованных фондов. Наконец, в окраинных округах ширилось и набирало силу полупартизанское, полутеррористическое движение "Фронт Освобождения Шаоранна", на счету которого значились нападения на полицейские участки и ряд убийств чиновников провинциальной администрации.

Нужно было срочно искать выход, и он предложил своему начальнику смелый эксперимент, который, как он рассчитывал, мог бы положить начало мирному преобразованию Империи. Основой эксперимента должны были стать реформы, подобные намеченным Ргиавлом триста лет назад, но реформы контролируемые и не сопровождаемые излишним ажиотажем.

Молодой губернатор в душе, кажется, был немного авантюристом. Он тоже проникся идеей и взял на себя сложнейшую задачу убедить в обоснованности эксперимента Совет Пятнадцати. В конце концов, ему это удалось.

Из многочисленных нововведений, предложенных помощником губернатора 26-й провинции, утверждены были всего три, зато самые важные. Традиционно средства, оставшиеся в распоряжении предприятий после покрытия издержек и уплаты налогов, аккумулировались в централизованном фонде соответствующего министерства, которое решало, как и на что их потратить. В порядке эксперимента предприятиям было разрешено оставлять половину этих средств у себя, а также полностью распоряжаться любой продукцией, произведенной сверх плана обязательных поставок. Естественно, свобода предприятий в использовании этих средств была ограничена рядом условий (он хорошо помнил, какие злоупотребления царили на заводах и фабриках триста лет назад, и постарался заранее закрыть возможные лазейки).

Во-вторых, и это было, пожалуй, самое главное, частные лица получили право открывать свои собственные мелкие предприятия для производства ряда товаров (следовал список), оказания некоторых услуг (еще один список) и розничной торговли (третий список, самый обширный). В последнюю минуту кто-то вычеркнул из этого списка детские игрушки, которые так и не удалось восстановить, хотя там числились и такие вещи, как печатная продукция или транспортные средства, но это уже не имело значения.

Частные предприятия рассматривались, в первую очередь, как семейные, хотя хозяевам и было разрешено нанимать нескольких человек со стороны. Он предлагал двенадцать наемных рабочих,

Совет Пятнадцати урезал эту цифру до четырех. Зато Совет в конце концов согласился на ускоренную процедуру регистрации, низкий налог, щадящую арендную плату и упрощенную систему отчетности.

Наконец, в-третьих, жители сельской местности могли зарегистрироваться как мелкие производители, платить фиксированную (и довольно небольшую) сумму налога и продавать выращенную ими продукцию в отведенных для этого местах или в частных лавочках. Для них также действовал лимит в четыре человека при найме рабочих.

Первые месяцы не было ничего. Совсем ничего. Директора предприятий не знали, что им делать с дарованной полусвободой, люди не верили власти и боялись, что все обещания окажутся обманом. Никто не хотел начинать первым.

В те дни он не знал покоя. Лично объездил всю провинцию, встречался с руководителями районных администраций и директорами заводов, выступал на многочисленных собраниях, писал разъяснительные статьи в газеты, организовал специальную передачу на местном телевидении… Первое в Лосхабнио частное кафе торжественно открывал сам губернатор в присутствии чиновной свиты, корреспондентов, телекамер и толпы любопытствующих. Через полдюжины дней перед кафе стояли очереди, и хозяину пришлось выставить с десяток столиков на улицу и выдернуть из какой-то конторы троюродного брата с женой и детьми, чтобы хоть как-то справиться с наплывом посетителей. Еще через несколько дней таким же ажиотажем сопровождалось открытие первого частного магазина.

Следующий успех был достигнут на крупнейшей в провинции текстильной фабрике "Лиансма". После долгих бесед и уговоров ее директор решился потратить часть оставленных ему денег на поощрение рабочих, а на остальные – закупить дополнительное сырье и заказать соседнему станкостроительному заводу новую производственную линию, рассчитавшись частично деньгами, частично – готовой продукцией. На новой линии фабрика начала сверхплановое производство одежды новых фасонов и расцветок и открыла несколько магазинов по сбыту своей продукции. Спустя три дюжины дней число этих магазинов пришлось удвоить, а директор снова пригласил к себе помощника губернатора, чтобы посоветоваться, как наиболее рационально потратить свалившиеся на него новые деньги.

После этого в провинции начался самый настоящий бум. К концу года Лосхабнио и другие крупные города были покрыты густой сетью частных кафе, магазинов, транспортных агентств, мастерских и цехов. Селяне везли в город продукты целыми

грузовиками, и провинция впервые за много лет обошлась без дополнительных поставок продовольствия из центра. Заводы и фабрики наперегонки устанавливали у себя новое оборудование и осваивали новые виды продукции, которую можно было бы выгодно продать. Появилась конкуренция. Если в первые месяцы с прилавков сметалось все подряд, то теперь первичное насыщение прошло, и потребители стали разборчивее, что заставило многих производителей всерьез задуматься о повышении качества.

Конечно, без определенных издержек в этом деле не обошлось. Деньги, долгое время исполнявшие ограниченную роль расчетного механизма, вдруг обрели цену, а вместе с ней и появилось желание ими обладать. Благодаря заблаговременно предпринятым мерам и жесткому контролю той волны алчности и стяжательства, что захлестнула собой реформы Ргиавла два века назад, удалось избежать, но все равно число нарушений и мошенничеств превысило все ожидания.

Одним из первых был обойден запрет найма более чем четырех рабочих. В самом деле, в законах нигде не было сказано, что одному человеку не может принадлежать несколько предприятий, или что дюжина отдельных фирм не имеет права работать в одном и том же месте и заниматься одним делом. Директора заводов и фабрик быстро освоили методы своих далеких предшественников, записывая частные предприятия на своих родственников или друзей и заключая с ними договора на сбыт продукции – очень выгодные для них и "невыгодные" для себя. При этом снять их с работы можно было только через столичное министерство, а полиция и суды оказались не готовыми к работе в новых условиях.

И все же эксперимент, похоже, удавался. Нет, мгновенного чуда не произошло. Ни в первый, ни во второй год провинция не выполнила план обязательных поставок, но их без приписок не выполнял никто, а результаты все же были лучше, значительно лучше, чем до начала эксперимента. Продовольственная проблема была практически полностью решена за год, а особенно большие успехи были достигнуты в тех отраслях, которые традиционно считались второстепенными и даже несерьезными, — легкой промышленности и производстве потребительских товаров.

Для него самого это было трудное, наполненное заботами, но очень счастливое и радостное время. Мир вокруг него менялся, менялся на его глазах, менялся согласно его планам – что могло быть лучше этого? Он был постоянно в разъездах, побывал, наверное, на всех крупных заводах провинции, в самых отдаленных ее уголках, во всех окружных и районных

администрациях – консультируя, разъясняя, наводя порядок, разбираясь с обиженными. Его часто приглашали в другие города и провинции – он старался не отказывать никому. Эксперимент нуждался в пропаганде, и он обеспечивал ему эту пропаганду.

До поры до времени центральная власть была на его стороне. Ему позволяли печататься в газетах и выступать на телевидении. Признанием его заслуг стало присвоение очень значительного для его должности чина полномочного советника и высокого титула "ли". Его начальник-губернатор считался одним из первейших кандидатов в Совет Пятнадцати. Оба они – руководитель эксперимента и его идеолог – пользовались огромной популярностью, особенно среди образованных слоев и молодежи.

Однако чем дальше, тем более чужой становилась для Империи 26-я провинция. Это были два разных мира, которые стремительно расходились друг от друга, а мелкие пограничные конфликты между ними быстро превращались в неразрешимые противоречия.

Все началось, пожалуй, с наплыва приезжих. Слава о 26-й провинции как о месте, где можно без всяких карточек и норм приобрести за наличные различные нужные в хозяйстве вещи, разошлась далеко и быстро. Улицы Лосхабнио и других крупных городов заполнили тысячи заезжих визитеров. Люди из всех уголков Империи изобретали поводы, чтобы съездить в 26-ю провинцию, и каждый из них возвращался оттуда, тяжело нагруженный сумками, пакетами и картонными коробками.

Вначале никто не видел в этом ничего плохого. Новые покупатели помогали как частным, так и государственным предприятиям быстрее наращивать обороты и стимулировали увеличение производства (повышать цены условиями эксперимента было запрещено). Проблемы начались, когда индивидуальных "туристов", покупающих для себя, ближайших друзей и родственников, сменили серьезные деловые люди, приобретавшие прямо с заводов и мастерских крупные партии товаров для перепродажи на черном рынке за пределами провинции.

С этим пытались бороться, введя различные ограничения и запреты, но их с легкостью обходили. На границах провинции, в морских и воздушных портах появились специальные посты, но людей для них не хватало, а те, что были, оказались слишком податливыми к возможным соблазнам.

Одна 26-я провинция не могла снабжать всю Империю, и товаров стало не хватать. Заводы переходили на работу в три смены, но этого было недостаточно. С необычайной быстротой

строились новые цеха, вводились в строй новые производственные линии, но эти меры запаздывали. В провинцию ввозилась масса товаров, которые можно было выдать за местные и легально продать, но и этого было мало. Новые магазины в Лосхабнио открывались каждую дюжину дней, но и их быстро заполняли возбужденные скандальные толпы. В некоторых местах доходило до стычек между местными и приезжими.

Чем дальше, тем сильнее обнаруживались несоответствия в законодательстве. Многие виды сырья и комплектующих не производились в провинции, и получить их можно было только через систему обязательных поставок, что вначале вызвало серьезные проблемы с дополнительным обеспечением. Заводы решали ее, обменивая на сверхнормативное сырье свою готовую продукцию, но такой вид сделок за пределами 26-й провинции был незаконным.

Очень мешала сохраняющаяся негибкость с трудовыми ресурсами. Заводам и фабрикам было крайне сложно нанимать работников сверх утвержденных штатов или увольнять нерадивых. Работа сотрудников частных предприятий не включалась им в трудовой стаж, что оказывало самое негативное влияние на величину их будущих пенсий. Результатом стали рост разнообразной нелегальщины и широкое развитие различных схем фиктивного трудоустройства.

Общественные распределители стояли пустые, что вызывало состояние, близкое к панике, у провинциального управления Министерства распределения. Эти заведения и раньше не отличались богатством ассортимента, но теперь в них не было не только товаров, но и посетителей. Прежняя система распределения, основанная на карточках и научно обоснованных нормах потребления, рушилась на глазах. Вместо отоваривания карточек люди предпочитали делать покупки в коммерческих магазинах, где выбор был значительно больше, качество выше, а цены, зачастую, ниже. Некоторые распределители забрасывали Министерство прошениями о преобразовании в магазины или, хотя бы, о разрешении открыть у себя коммерческие отделы, но их старания, как правило, были тщетны.

На заводах и фабриках произошло окончательное разделение на плановую и внеплановую продукцию, причем далеко не в пользу первой. В некоторых местах перевод рабочего на плановый участок производился только в качестве наказания. Столичные министерства заполнили ходатаи из 26-й провинции, с помощью взяток и подношений старающиеся добиться снижения плановых заданий для своих предприятий.

Во всеуслышание било тревогу Управление по воспитанию,

обеспокоенное тем, что в новых частных предприятиях не предусмотрены по штату тэоны, а ежедекадные собрания производятся не с надлежащей частотой и в ненадлежащем порядке.

Проблема, замеченная Управлением по воспитанию, была даже более сложной, чем казалось. Эксперимент изменил не только способ хозяйствования, менялась и психология. Благодаря преобразованиям и, в первую очередь, созданию множества частных предприятий, в провинции появились люди, не зависящие от государства и не нуждающиеся в его указаниях и подачках. Все отношения, которые они имели с государством, ограничивались ежемесячной уплатой налогов.

Несмотря на всю свою лояльность и аполитичность, эти люди были прямым вызовом существующим порядкам, и власть не могла этого не видеть и не понимать. По сути, у нее оставалось два выхода: или самой возглавить дальнейшие преобразования, распространив их на все государство, или объявить эксперимент неудачным, безжалостно уничтожив всё и всех, кто были с ним связаны.

Он начал замечать сгущающиеся тучи к концу третьего года эксперимента. Это был особый год, год перелома, когда провинция, по всем признакам и прогнозам, должна была впервые без корректировок и приписок полностью выполнить годовой план обязательных поставок. Достижение, обязанное остаться незамеченным, так как абсолютно все сорок восемь провинций всегда рапортовали о 100 %-ном выполнении плана вне зависимости от реальных результатов. Да и какое значение имели экономические достижения, когда речь шла о сохранении устоев?

Первой атакой, как обычно, стала разгромная статья в "Государственной газете" – статья грубая, лживая, тенденциозная, в которой начисто отрицались все достоинства эксперимента, а 26-я провинция называлась источником крамолы и рассадником преступности. Первым чувством, возникшим у него после этой статьи, были не гнев и отчаяние, а досада. Дело его жизни оказалось под угрозой именно в тот момент, когда оно было так близко к успеху! Уже были почти готовы пакеты документов для распространения реформы на соседние провинции, после чего преобразования становились необратимыми. Накопленный за три года опыт уже позволял надеяться на относительно безболезненное прохождение переходного периода.

И он не мог, не имел права проигрывать! За ним стояли его сотрудники, его друзья и единомышленники в других провинциях, за ним стояли тысячи людей, поверивших в перемены и поддержавшие их своими делами. Наконец, у него

была организация, на чью поддержку он мог рассчитывать.

Он сражался до конца. Когда он все еще верил в успех, он всеми силами сдерживал радикализм своих сторонников, чтобы не давать недругам лишнего козыря. Он всеми своими средствами вел отчаянную пропагандистскую кампанию против всей государственной машины. Он даже добился приема у самого Коога, пытаясь доказать ему ценность эксперимента для будущего Империи.

Тщетно. Кольцо вокруг 26-й провинции сжималось все сильнее. В Лосхабнио зачастили различные инспектора, ревизоры, проверочные комиссии – все одинаково тупые, злобные и старающиеся раздуть любой инцидент в чрезвычайное происшествие, а ошибку – в государственное преступление.

Даже губернатор, до этого безоговорочно поддерживавший эксперимент, пошел на попятную и постарался побыстрее свернуть реформы. Но вырвавшуюся на свободу инициативу масс уже было не остановить. Заводы, наконец, справились с проблемой товарного голода, и эпоха дефицита начала понемногу отходить в прошлое. Некий изобретатель построил трехколесную машину с прицепом, наладил серийное производство и начал продавать свои творения всем желающим. Несколько крупных цеховиков совершенно легально стали миллионерами. Кто-то заново открыл рекламу, и в государственных газетах и на государственном телевидении появились рекламные объявления и даже рекламные клипы, что вызвало у Управления по воспитанию даже не протесты, а дикую ярость.

Эксперимент приобрел скандальную известность в правящей верхушке. Мощная группа деятелей из второго эшелона выступила против Коога и его приближенных, обвинив их в потакании "подлым искусителям" и "плутократам". Коогу удалось каким-то чудом удержаться у власти, но было ясно, что он ничего не забыл и ничего не простил.

В 26-й провинции царила атмосфера лихорадочного возбуждения. Необычайно расцвели разнообразные увеселительные заведения. В частных ресторанах всю ночь играла музыка и кружились в танце хмельные пары, спеша насладиться последними днями свободы.

Иронично, но последний гвоздь в гроб эксперимента забила забастовка на военных заводах, на которые никакие преобразования никогда не распространялись. Раньше работа на этих предприятиях считалась самой престижной и приносила ряд существенных льгот. Но теперь, когда на первый план вышли деньги, продуктовые заказы по праздникам, розыгрыши талонов на холодильник или карточки повышенной категории уже не так

высоко котировались. Рабочие долго терпели, наблюдая развеселую жизнь за оградой, а когда эта жизнь стала подходить к концу, внезапно вышли на улицу, требуя распространения эксперимента и на военные предприятия.

Забастовка превратилась в массовую демонстрацию. Наверное, впервые за последние без малого триста лет на улицы Лосхабнио вышли десятки тысяч людей с призывами продолжать преобразования, лозунгами поддержки губернатора провинции и заверениями в верности Императору и Совету Пятнадцати.

Когда "Государственная Газета" назвала этих демонстрантов бунтовщиками, он понял, что дни эксперимента в 26-й провинции сочтены. До него уже доходили сведения, что против него самого и его сторонников готовится грандиозный процесс по обвинению в заговоре с предрешенным исходом. Надо было срочно спасать то, что можно было еще спасти, и он забросил все свои дела, используя оставшиеся у него немногие дни для того, чтобы окончательно перевести организацию на нелегальное положение. Надо было создать сеть квартир, укрытий и явок, позаботиться об источниках доходов, связи, новой организационной структуре и многих других, не менее важных вещах…

Он успел. Почти успел. Процесс состоялся, но на нем не было ни него, ни других руководителей "Союза Борьбы". Всех их осудили и приговорили заочно.

Но это было позже, много позже. А пока губернатор 26-й провинции был снят с должности и отправлен в почетную ссылку в дальние колонии. Вместе с новым губернатором в провинцию вступили внутренние войска. И начался погром. На заводах и фабриках гремели взрывы – это взлетали на воздух только что построенные цеха. Новенькие станки крушили ломами и тяжелыми кувалдами. Бронемашины давили заботливо ухоженные огороды и таранили ажурные каркасы теплиц. Пылали разгромленные мастерские и разграбленные магазины, со звоном вылетали витрины и с жалобным хрустом трещали под ударами столики частных кафе и ресторанчиков. Люди снова вышли на улицы, и в пламени пожаров вспыхивали короткие яростные схватки.

Горячие головы в верхах Союза не раз и не два предлагали, просили, требовали от него брать власть в провинции в свои руки. Он не поддался: такое выступление не имело ни единого шанса на успех. Но чтобы утихомирить и снова подчинить себе радикалов, а они в то время оказались в большинстве, он сам стал радикалом, выдвинув лозунг вооруженного восстания и начав создавать боевую организацию.

Будущее показало, что, воздержавшись от преждевременного

выступления, он был прав. Беспорядки в провинции прекратились. Коогу, как всегда, не хватило решимости, и он отозвал своих погромщиков, неуклюже делая вид, будто ничего особенного не произошло.

В 26-й провинции наступило странное время двоевластия. Губернатор сидел у себя в резиденции и отдавал приказы и распоряжения, но их не спешили выполнять. Реально всем распоряжался Центральный Комитет "Союза Борьбы" (сокращенно "Центр"), создавший свою исполнительную вертикаль, располагающий печатными изданиями и радиостанциями, выплачивающий компенсацию пострадавшим во время погромов и продолжающий экономические преобразования в духе официально отмененного эксперимента.

Тогда им казалось, что реванш близок. Власть была деморализована и бессильна, население было на их стороне, аналогичные параллельные системы управления начали действовать и в соседних провинциях. Но, поверив в успех, они, похоже, потеряли бдительность и поплатились за это. У власти нашелся свой козырь – руководитель Столичного управления СБ Оонк, ставший новым шефом Службы Безопасности. Он нанес им несколько внезапных и страшных ударов, заставив организацию снова отступить в подполье, где она и пребывает до сих пор.

Суорд вздохнул и устало потер ладонями виски, все так же следя за крохотными язычками пламени внутри жаровни. Ему еще есть, о чем вспоминать. С тех пор прошло уже больше семнадцати лет, и все эти годы были наполнены борьбой, озарены победами и омрачены тяжелыми поражениями. Но можно ли жить одним прошлым? Ему уже за шестьдесят, две трети жизни, считай, уже израсходовано, и все чаще приходится задумываться, каким будет итог.

А итог, увы, печален. Нет сил видеть, как государство на всех парах идет к пропасти, зная, как его можно спасти, но будучи не в состоянии что-либо сделать. Власть испугалась эксперимента в 26-й провинции больше, чем он ожидал, и все предложения, имеющие с ним хоть что-то общее, отвергаются с порога. Вместо этого правительство сделало все возможное, чтобы максимально ограничить инициативу на местах, — и преуспело в этом. Но в результате оно получило то, что должно было получить, — некомпетентность и неэффективность управления на всех уровнях, тотальную нехватку ресурсов, дефициты и несбалансированность экономики. Попытки Коога поправить положение поощрением доносительства и созданием многочисленной и прожорливой контрольно-ревизионной службы

только усугубили дело.

Нет, его аналитики правы, да и сам он видит это. Империя на краю гибели. Первые звоночки уже звенят – губернаторы уже потихоньку принимают постановления, запрещающие вывоз с территории их провинций тех или иных товаров. Нарыв, из которого разовьется смертельная болезнь сепаратизма.

В последний раз он попытался заставить власть задуматься четыре года назад. То самое знаменитое Письмо тридцати шести – его рук дело. И еще – его боль и его скорбь. Казалось, все было просчитано верно. На такие аргументы должен был откликнуться любой мало-мальски здравомыслящий человек, имеющий в мозгу хотя бы одну извилину. Никто из авторов Письма не был связан с Союзом – просто умные, честные и компетентные специалисты, обеспокоенные положением дел в государстве. Они были готовы доказать свою правоту и объяснить причины своего беспокойства.

Ожидаемой дискуссии не было. Совсем. Все тридцать шесть исчезли вместе со своими семьями раньше, чем он успел защитить и укрыть их. Немногие оставшиеся следы вели в Службу Безопасности.

После этого с властью было уже не о чем говорить. Но теперь в запасе оставалось только восстание, на успех которого при нынешнем соотношении сил нет ни малейшей надежды. Как ни тяжело это признать, Союз в тупике. Он многого добился за эти годы, многого достиг, но все эти достижения неизбежно оборачиваются потерями.

Да, он создал сильную, дисциплинированную и сплоченную организацию, имеющую надежную базу в северных провинциях и проникшую во все уголки Империи. У него под рукой двести тысяч обученных бойцов, склады новейшего оружия, подпольные заводы боеприпасов, полигоны и учебные центры. С Союзом старается не ссориться даже Синдикат, зачастую не церемонящийся с официальной властью.

Однако даже он в точности не знает, сколько и кто из его людей работают еще и на Службу Безопасности. Вряд ли мало. Он уже давно осознал, что их умело ведут, подбрасывая им нужные темы, стимулируя их активность на одних направлениях и придерживая на других, подталкивая их к принятию тех или иных решений. Иногда он чувствует себя словно внутри стеклянного аквариума или ведущим с завязанными глазами бой против зрячего противника, который может легко предупредить и парировать его удары.

Сознавая невозможность восстания, он все эти годы делал упор на пропаганду. Да, весь государственный аппарат оказался бессилен против его подпольных газет, бюллетеней и хроник

текущих событий. Люди узнают правду, но, критикуя власть, он сам указывает ей на слабые места и этим только усиливает противника.

Союз не испытывает недостатка в деньгах. Под его крылом работают множество мастерских, цехов, плантаций, даже целых фабрик, поставляющих на черный рынок одежду и обувь, продовольствие и посуду, бытовую электротехнику, средства связи – всего и не перечислишь. На эти деньги Союз содержит широкую сеть конспиративных квартир, баз и учебных центров, финансирует больницы и школы, выплачивает пособия родственникам погибших и пенсии ветеранам.

А еще, деньги – это оружие, порой, более сильное, нежели иглометы, бомбы и ракеты. Не только Служба Безопасности может иметь в рядах Союза своих агентов – удовольствие взаимное. Когда-то он презирал продажность имперских чиновников, сейчас он ее использует. Конечно, среди его информаторов в СБ, Военном Космофлоте, министерствах, провинциальных администрациях и даже в Управлении Императорского Двора и Канцелярии Совета Пятнадцати хватает тех, кто честно и бескорыстно служит за идею. Но большинство все же подцеплено на более надежный и безотказный крючок – деньги и те блага, которые дает обладание ими.

Однако в последние годы его все чаще тревожит, а не становятся ли деньги тем средством, которое постепенно подменяет собой цель? Чтобы жить и развиваться, Союзу требуется больше денег, а это неизбежно означает рост численности коммерческих подразделений и их влияния внутри организации. Иногда даже сложно сказать: служит ли коммерция для финансирования основной деятельности Союза или, наоборот, Союз нужен для того, чтобы управлять производством, заниматься закупками сырья и сбытом готовой продукции и защищать коммерсантов от властей и конкурирующих мафиозных структур. Да-да, порой и он сам задает себе вопрос, а не превращается ли Союз Борьбы в новый Синдикат – обычную мафию, пусть даже и самую крутую мафию в государстве? Вопрос, на который нет ответа…

Конечно, так было бы много проще. И зачем стремиться к чему-либо или что-то менять, если он и так – властелин могущественной подпольной империи с миллионами верных подданных и миллиардными капиталами? Даже верховная власть в Империи еще может оказаться в его руках, если не мешать естественному развитию событий и слегка подтолкнуть его в нужном направлении.

Как говорят аналитики, распад произойдет быстро. Отоварить

карточки становится все сложнее, а цены на черном рынке растут, оказываясь непосильными для все более широких масс населения. Однажды где-то терпение иссякнет, и Империю потрясут первые голодные бунты. Их, конечно, подавят, более или менее жестоко, но правительство встревожится и начнет исправлять положение самым простым и естественным способом – расходуя резервы и отрывая в одном месте, чтобы закрыть брешь в другом. При этом немалая часть перераспределяемых продуктов прилипнет к рукам исполнителей, что существенно снизит эффект этих мероприятий.

Какое-то время они на этом продержатся, но затем наступит цепная реакция. Губернаторы будут стремиться предотвратить ухудшение ситуации в своих провинциях и для этого они, вопреки приказам из центра, начнут сосредотачивать у себя все возможные виды ресурсов. На границах провинций появятся посты и кордоны. То же самое будут делать и министерства, борясь за сохранение прежней доли стремительно уменьшающегося бюджетного пирога. От борьбы министерств между собой и с властями провинций первым пострадает производство, начнут рваться связи, возникнут проблемы с транспортом, и товарный дефицит еще более обострится. Снова вспыхнут бунты, еще более злые, отчаянные и беспощадные, и власть уже не будет успевать их давить. Дольше всех продержатся СБ, внутренние войска и Космофлот, но реакция распада доберется и до них. Территориальные подразделения расхватают власти провинций, а остальные превратятся в более или менее организованные банды, озабоченные собственным прокормлением и борьбой за власть с другими такими же группировками.

И тогда Империя начнет разваливаться. Отложатся провинции, сначала периферийные, а затем и центральные, потом постараются отложиться колонии, хотя им не хватит ни квалифицированных кадров, ни ресурсов. Обломки государства начнут потрясать бессмысленно жестокие пограничные стычки за контроль над территорией, населением, функционирующими заводами и рудниками…

В этом кровавом хаосе Союз с его цельной структурой, дисциплиной и единством, возможно, окажется хозяином положения и сможет снова объединить государство. Но какой ценой? И на сколько веков окажется оно отброшенным назад?

Впрочем, немалую часть его соратников цена не волнует. Если путь к власти лежит через разруху и хаос – да здравствует хаос, и чем хуже, тем лучше!

Логика, которую он в силах понять, но не может принять. Пусть это наивно и непродуктивно, но в глубине души он по-

прежнему остается верным своей юношеской мечте – мирно преобразовать государство, без хаоса, крови и страданий, без ломки через колено людских судеб вывести его на новый, как он считает, лучший путь. Он верит, что это достижимо, и эксперимент в 26-й провинции это доказал. Ведь можно, можно! Можно совершить преобразования без переломов, уличных митингов и ритуальных плясок на костях предков!

Вот только в нынешнем руководстве Союза его сторонников – меньшинство. И он намеренно всеми силами способствовал созданию Объединенного Комитета – во-первых, чтобы сосредоточить под собственным командованием всю оппозицию режиму, а во-вторых, чтобы увеличить разброс мнений и усилить фрагментарность, которая и позволяет ему и дальше управлять Союзом железной рукой, выступать верховным арбитром, разделять и властвовать и всегда проводить нужные ему решения.

Реэрн, Реэрн, старый друг, как ты далек от этих незримых схваток! Еще много лет назад он сам дал Реэрну задание отойти от активной работы и перейти в резерв на случай восстания. Признаться, ему хотелось сохранить эту пару, так любящую друг друга…

Реэрн подчинился этому приказу, но он всегда незримо был рядом, а его роль информатора вообще трудно переоценить. Но вся беда в том, что таких как Реэрн – активных, мыслящих, инициативных людей, которым тяжело дышать в удушливой атмосфере Империи, в рядах Союза не так уж и много. Большая часть его сторонников – аутсайдеры, оказавшиеся не в состоянии найти достойное, как им кажется, место в жизни и мечтающие о власти как о компенсации за все их лишения.

Или, что ничуть не лучше, фанатики наподобие того же Скитальца, чье исключение из Союза так взволновало Реэрна. Конечно, трудно противостоять человеку, чья искренность и убежденность не вызывают сомнений. И ко всему, человеку, наделенному обаянием и ораторским даром. Но предложение Скитальца отказаться от "грязных денег" и прекратить сотрудничество со "спекулянтами" и "эксплуататорами" гибельно для Союза. Работать бесплатно, действительно, могут только фанатики, а если отказаться от коммерческой деятельности, перестать пользоваться услугами наемных работников и добывать средства путем экспроприаций, организация быстро превратится в разбойничью банду или кучку одержимых.

И еще, чем ему особенно противны радикалы, так это нетерпимостью к чужому мнению, неспособностью к компромиссам и неуемным зудом реформировать и изменять согласно своим абстрактным идеалам, не спрашивая мнения

людей, которых они стремятся насильно облагодетельствовать. А ведь если руководствоваться после победы так любимыми Реэрном принципами демократии, к власти вполне могут придти именно эти люди, и тогда о том, чтобы избежать крови и беспорядков, не стоит и мечтать.

Победы? А верит ли он сам в победу? Если быть совсем честным, нет. Или очень слабо – если вдруг реализуется тот мизерный шанс, что Космофлот и Служба Безопасности еще до наступления окончательного краха вступят схватку между собой и дадут Союзу возможность стать той третьей силой, что в нужный момент вступит в борьбу и окажется победителем. Так, кстати, тысячу лет назад поступила Империя. Оставшись нейтральной в разрушительной войне, что опустошила государства Севера, она пришла и овладела пепелищем, подчинив общей судьбе и победителей, и побежденных.

Но если им представится такой шанс, власть они должны брать под лозунгом наведения порядка. Только так! А в совсем идеальном варианте даже с сохранением легитимности. В обществе накопилось столько горючего материала, что любое сотрясение может вызвать взрыв – снова хаос, разруха, кровь – все то, что он хочет любой ценой избежать.

И уж конечно, никакой демократии. Свободу нельзя давать даром, ее нужно завоевывать, и придти она может только тогда, когда станет востребованной. Так же, как и самые лучшие законы не будут работать, если сами люди не захотят их соблюдать. Порядок, вообще, обеспечивается не законами, а состоянием умов.

Поэтому их девизом должно стать "Терпение и еще сто раз терпение". Пусть сменятся поколения. Пусть уйдут те, кто привык жить в несвободе. Пусть вырастут новые учителя, которые воспитают своих учеников. Пусть появятся тысячи и миллионы людей, не нуждающихся в опеке государства и не зависящие от его щедрот. Вот этим людям уже может понадобиться демократия, и задачей новой власти будет вовремя уступить дорогу, так же как вначале – подготовить для этого почву.

Да, их уделом будет только положить начало преобразованиям. Сначала – перебросив ресурсы с военной промышленности и никому не нужных "великих строек", ликвидировать дефицит продовольствия и потребительских товаров. Нельзя ожидать от людей высот духа, если они постоянно думают только о пропитании или погоне за самыми необходимыми вещами. Второе, не менее важное: им надо будет навести в государстве порядок. Жесткий, может быть, даже жестокий, но настоящий порядок с минимумом льгот и

исключений. Почему-то, стоит появиться льготам, так тут же находятся желающие их распределять.

И главное, всеми силами крепить доверие людей к новой власти. Быть максимально открытым, не скрывать своих решений, ошибок и упущений. Обязательно объяснять свои действия и пытаться, пытаться быть справедливой властью, рассматривающей граждан как союзников, а не как потенциальных смутьянов и нарушителей…

Увидеть конечный результат ему, наверное, будет не суждено. Вряд ли он сумеет дожить до того времени, когда мир окончательно изменится, когда его будут населять независимые, честные и уверенные в себе люди, когда закон, порядок и достаток придут на смену нищете и произволу. Но он не жалеет об этом. Главное – начать, а та группа молодых и перспективных, которых он потихоньку опекает и продвигает и из которых лет через дюжину выберет себе преемника, сумеет достойно продолжить его дело…

Суорд сухо рассмеялся. Мечты, мечты, ему ли не знать, как далеки они от действительности. Пора прекращать сеанс воспоминаний и возвращаться к работе.

Он склонился над бумагами на своем столе, но тут же снова поднял голову. В комнату вошел его заместитель – сухощавый невысокий человек с невыразительной внешностью и неопределенного возраста. В Центре его прозвали Бухгалтером, и Суорд хорошо знал, что большая часть его ближайших соратников не вкладывает в это прозвище никаких добрых чувств.

Бухгалтера не любили за его педантизм и аккуратность, переходящие в занудство, за подчеркнутую отстраненность от теорий и идеологической работы, за то, что он осуществляет контроль над коммерческой деятельностью Союза и особенно за то, что он занимает именно то место рядом с вершиной, достойным которого считает себя почти каждый из "вождей". Для Суорда же такой заместитель был просто незаменим. Бухгалтер, когда надо жесткий и непреклонный, был отличным противовесом не в меру амбициозным деятелям в Центре. Кроме того, он был невероятно работящ, исполнителен, не амбициозен и совершенно не способен на двойную игру.

— Новый отчет из Одиннадцатой провинции, — сообщил Бухгалтер. — Опять резкое падение поступлений.

— А казалось бы, старый, проверенный товарищ, — вздохнул Суорд. — Но давайте не будем делать скоропалительных выводов. Пусть ваши люди проведут расследование и установят, что это – несчастный случай, некомпетентность или…

— Я понял, — кивнул Бухгалтер. — Я возьму это дело под свой контроль. Хотя, по моему первому впечатлению, здесь именно или…

Суорд снова вздохнул. Многие друзья его молодости, занимающие посты в руководстве Союза, недовольны, что их, старых борцов, оттирают на второй план новенькие – быстроглазые и ловкие. Но быстроглазые и ловкие, как правило, честно и безупречно выполняют свои обязанности, а стоит поручить что-то конкретное "старой гвардии", как они тут же все заваливают или, что еще хуже, воспринимают свой пост как кормушку. Надо признать, эти деятели способны только ораторствовать или писать статьи, при этом они выглядят на редкость здравомыслящими и толковыми людьми, а вот к реальным делам их подпускать все-таки не стоит…

Бухгалтер ждал. Он всегда чувствовал, когда беседа окончена, а когда – нет.

— Интересная информация, — сказал Суорд, показывая еще одно донесение. — Кажется, мне надо будет завтра поехать в Столицу.

— Вы успеете вернуться до заседания Центра?

— Постараюсь. Или свяжусь по одному из Столичных терминалов. Если же не получится, проведите его, пожалуйста, за меня.

— Никаких проблем, — сухо улыбнулся Бухгалтер. — С учетом повестки, будет много крику, но мы справимся. В самом крайнем случае, я отложу дебаты по четвертому пункту до вашего возвращения…

Бухгалтер вышел, а Суорд снова застыл, глядя на еле заметные язычки пламени. Да, в Столицу необходимо поехать. Это, конечно, еще не шанс и даже не полшанса, но в его положении не стоит пренебрегать и одной тысячной.

Глава 40. Чувство цели

Сон покинул его и не пожелал возвращаться. Да и попробуй тут снова заснуть, если солнце, жаркое летнее солнце, несмотря на ранний час, уже успело подняться над вершинами деревьев и светит прямо в глаза даже через плотные шторы.

И зачем он выбрал себе комнаты на солнечной стороне? Кажется, это было зимой.

Широко зевнув, он откинул в сторону покрывало и свесил ноги на пол. В эту секунду специальный фотоэлемент должен был зажечь сигнал в комнате для прислуги.

— Светлого пробуждения, Ваше Высочество!

Вот и камердинер, тут как тут. За дверью ждал, что ли?

Еще раз широко зевнув, он встал. Камердинер помог ему скинуть ночную тунику и набросил на плечи халат из приятно прохладного "мокрого" шелка. Ступая по мягкому ковру, в котором ноги утопали почти по щиколотку, он подошел к окну. Камердинер и тут подсуетился, отодвинул шторы и распахнул окно в парк.

И почему летом человек так и норовит проснуться с восходом солнца? Хотя, какой тут восход, вон оно, куда успело вскарабкаться! Светит себе и светит с незамутненно ясного неба.

Сегодня будет жаркий день.

Молитву произнести, что ли? Новому утру и ясному солнцу. Да ну ее! Все равно, никого рядом нет, а камердинер стерпит. И не такое терпел, бывало.

Ладно. Перейдем, пожалуй, сразу к водным процедурам. Камердинер снова забегал, открыл перед ним нужную дверь. Ковер под ногами сменился мягким, чуть пружинящим губчатым пластиком.

Вот он, его персональный зал для омовений. Рай в представлении санитарного врача или ополоумевшего сантехника. Целая дюжина вделанных в пол громадных ванн, почти что мини-бассейнов с бурлящей ароматизированной водой разной температуры и приспособлениями для гидромассажа. Искусственный мини-водопадик. Волноимитатор. Мыльный барабан. С полторы дюжины душей разной интенсивности и режима вдоль стен. И в углу, в отдельной кабинке, три мраморных унитаза разной высоты, но одного и того же нежно-голубого цвета.

Зачем ему столько? Умывальник-то там всего один. Всегда хотел спросить, только не знал, у кого. Для гостей, надо

понимать. Д-да…

Сюда бы, в это фаянсово-мраморное великолепие, да парочку девчонок пошустрей для этого… гидромассажа!…

Нет. Нет настроения. Как там говорится? "Настроение нужно только для любви, для битвы оно не годится". Вот его-то у него и нет сегодня, этого настроения. Кто рано встаёт, тот этим… мизантропом стаёт. Ну… тем, у кого вечно морда кислая. И взгляд страдающий.

Какой у него нынче взгляд, страдающий? А, тьма его разберет! Вот морда точно кислая. И волосы дыбом. Ну, это поправимо.

И камердинер опять здесь же. Принял халат и ждет тут весь из себя и готовый к приказам.

— Сегодня только душ, Фруамс.

И ухом не повел. А ведь все понимает, шельма. Ну и ладно. Пусть себе. Уходит.

Теперь можно и процедуры. Посидел немного на каждом из трех голубых унитазов – из принципа, побрызгался под душами, плюхнулся в бассейн, где водичка попрохладнее, постоял под потоками теплого воздуха в сушилке… Хорошее настроение все никак не приходило. Мрачно взял с полочки над умывальником зубную щетку с безукоризненно прямым полосатым столбиком пасты. Вот зараза, и как это ему всегда так ровно удается? Он вон сколько сам пытался – и никак! Учат их там, пасту на щетку намазывать, в какой-нибудь школе камердинеров, что ли?

Он засунул щетку в рот и нажал на кнопку. Та привычно заурчала и зашевелилась, елозя по его зубам.

Нет, не привычно. Что-то в ней было сегодня не так. И вообще, все было не так. И камердинер все время лезет на глаза, хотя обычно внимания на него – не больше, чем на столик у кровати.

Неудачно что-то денек начинается.

Он с отвращением швырнул щетку в умывальник, прополоскал рот специальным составом для укрепления десен и с помощью вездесущего камердинера облачился в банный халат – махровый и пушистый.

— Чашечку туа, ваше высочество?

И стоит уже наготове с подносом. Да уж конечно, как это – после омовения, да без чашечки туа? Дворец, надо понимать, от этого обрушится.

Туа был превосходным. Как всегда. Но каким-то слишком стандартным. Вот в том маленьком кафе, на улице Сияющих Высот, в него, очевидно, добавляли малюсенькую щепотку пряностей, что придавало напитку совершенно особый вкус.

И тут ему захотелось сплюнуть. Первосортным кэтэркорским туа. Прямо на ковер. Воспитание не позволило.

Не будет больше никакого кафе на улице Сияющих Высот. И вообще, кончились его прогулки. Нет уже ни запасной личной карточки, ни лазейки в заборе. Он, принц первого ранга Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон, отныне пленник во дворце. Как птичка в клетке. Большой-пребольшой и очень золотой клетке. Со всеми удобствами. С решетками и охраной.

Внезапно ему сделалось очень жалко себя. И дернула его нелегкая родиться племянником Императора, по порядку престолонаследия – третьим в очереди! Есть в космофлоте такое понятие – дубль-резерв, резерв резерва. Вот он и есть тот самый дубль-резервист, после двоюродного брата – кронпринца и отца – младшего брата царствующего Императора. И оставаться ему таковым – всю жизнь, даже если нынешний кронпринц сам станет Императором и у него появится хоть дюжина сыновей.

"Имеющий в имени священное сочетание "оэ" да останется навечно в лучах сияния трона". Эк, как загнул! Выучили, зар-разы! А для чего, спрашивается? Кому нужны в наше спокойное время резервные наследники? Заговоры устраивать? Да было бы, из-за чего стараться! Вот дядя-Император, величие из него, конечно, так и прет: не говорит, а вещает, не ходит, а шествует, не ест, а… Ну, и так далее. Вся жизнь – сплошной ритуал, ни дня для самого себя. И работка, что не позавидуешь. Молитва рассвета, молитва заката, церемонии всякие, а в свободное время – указы подписывать, что из Канцелярии Совета Пятнадцати приносят. И что самое паскудное, все эти церемонии и ритуалы давным-давно утратили свой сакральный смысл (ишь, какой термин ввернул!). Ну, простите нас, предки, плохие мы у вас потомки. Что для вас было верой, для нас – привычка. И дурацкая, надо сказать.

И вот скажите, кому такое добро нужно? Попросили бы – сам бы отдал, вместе с тремя унитазами и электрической зубной щеткой. Или обменял бы на что-нибудь. Да вот беда, желающих нет.

Жизнь несправедлива. Вот его двоюродный дядя, принц Кхаэро, в этом списке резервных наследников – четвертый, сразу за ним, значит. Так ему никто жить не мешает. Служит себе в свое удовольствие в Звездной Гвардии, во дворец является по большим праздникам, на церемонии его и канатом не затащишь, а сам, небось, когда хочет – в город. Кробро попить. Или туа. Кэтэркорского, с пряностями! У-у-уй!

А вот ему – низ-зя! Не положено. Не годится, мол, дубль-резервному наследнику престола с простолюдинами якшаться. В любое Императорское поместье – всегда пожалуйста. На

спецкурорт, в охотничьи угодья – с дорогой душой. В театр – в специальный день и в специальную ложу, но тоже можно. А чтобы вот, просто так, без свиты, да прямо по улицам, да в книжный магазин – ни-ни. И вообще на публике появляться без должной пышности – ни-ни. А служить – так только кумиром народным. Мерзость.

Великие Звезды! Ну почему, ну зачем он вступился за того идиота четыре дня назад?! Сам лопухнулся, пусть сам бы и расплачивался! Не расстреляли бы его, в конце концов. Правду говорят, что самое страшное наше чувство – жалость, потому что она заставляет совершать безумные поступки.

Хотя в глубине души он знал, что не мог поступить иначе. Воспитание-с…

Продолжая жалеть себя, он поставил пустую чашку на услужливо подставленный поднос. За спиной камердинера вырисовался личный парикмахер с феном и набором инструмента для укладки волос.

— Потом. После тренировки.

Наставник уже ждал его в спортзале, облаченный в черно-красный спортивный костюм и в головной повязке голубого императорского цвета.

Именно то, что ему сейчас нужно. Чистая, не замутненная сознанием работа тела. Бросок. Еще бросок. Уклонение. Обратное сальто с перекатом. "Разорванное кольцо"… И вдруг ноги отрываются от пола, а сам он оказывается лежащим лицом вниз на матах с вывернутой за спиной рукой, и твердая, как железное дерево, ладонь наставника нежно касается его шеи.

— Вы сегодня невнимательны, принц, — констатирует факт наставник, рывком поднимая его на ноги.

Вот напасть! И всего-то был простой "обратный крюк"! На такой примитив он не попадался вот уже два… нет, почти три месяца, после той… э-э-э… Замнем тему.

— Вам нужно серьезно потренировать уклонения, — говорит наставник. — Отключите сознание, доверьтесь вашему мозгу, дайте энергии свободно течь через вас – только тогда вы сможете увидеть атаку еще до ее начала. И гибкость, гибкость! Путь амитанграи-ре – это путь гибкости. Вы молоды, у вас гибкое тело, и это должно стать вашим преимуществом. Продолжим!

И вперед! И не жалеть себя! Тренированное тело гибко и послушно. Уклонение! Уклонение! Обратный прогиб! Стремительно летящий в лицо металлопластовый имитатор клинка словно сам собой оказывается зажатым между ладонями! Наставник одобрительно хмыкает. И снова атака! Кувырок с заваливанием! Кулак наставника проходит вскользь по ребрам!

Подсечка в шпагате! Подскок! Сальто с двойным выпадом! Летящая нога встречается в воздухе с рукой, и вот он снова лицом вниз на матах, кажется, на том же самом месте.

— Не так уж плохо, — с ноткой одобрения произносит наставник. — Для сегодняшнего дня неплохо. Можно сказать, что мы провели с вами полноценную тренировку. Но помните, принц. Никогда не думайте о посторонних вещах во время схватки. Даже учебной. Никогда!

Легко сказать, не думать! Счастливый человек! Сейчас, небось, переоденется, спустится на станцию спецподземки, покажет охране свой пропуск и пойдет себе, свободный и счастливый, куда ему захочется. Несправедливо. Наставнику можно, а ему, принцу первого ранга, племяннику Императора – нельзя. И все тут.

После душа он оделся сам, без камердинера. Раньше это мелкое нарушение порядка всегда доставляло ему небольшое удовлетворение, сейчас – только раздражало. Тоже мне, достижение, сам натянул штаны, и уже гордится собственной самостоятельностью. Фу. Белоручкой был, белоручкой и остался.

И наконец, завтрак. В Малой Столовой, хотя она только называется Малой, а на самом деле больше спортзала.

Гонг.

— Ее Высочество леди Элаэнне! Его Высочество принц Кэноэ!

Престарелый церемониймейстер, пыжась, стукает своей палкой по паркету.

— Доброе утро, мама!

— Доброе утро, Аутви! Ты сегодня рано встал?

Она всегда называла его только детским именем, да еще с уменьшительно-ласкательным префиксом. И правильно. Детское имя – оно свое, а взрослое, хотя оно и звучное, и красивое, и с этим, священным сочетанием, не отцом с матерью дадено, а Управлением Императорских родственников. Отчего и чувствуешь себя неудавшимся экспериментом.

Пауза грозила слишком затянуться.

— Да, мама, — поспешно сказал он. — Как проснулся в семь утра, так и все. Зато столько времени оказалось до завтрака.

— Вот и хорошо, — улыбнулась леди Элаэнне. — А то прибежал, похватал что-то наспех, и снова бежать.

Он наклонил голову. И верно, в последнее время он, действительно, вечно опаздывает на завтрак. И от того торопится.

— Тебе налить сока? — спросил он, чтобы скрыть смущение.

— Налей, Аутви. Аурканрового. А тебе чего положить? Наша Нриант по секрету призналась, что ей сегодня особенно удались тосты. Вот эти, с соленым сыром и ломтиками копченого мяса.

Попробуешь?

Широкое лицо главной поварихи Нриант, стоящей за спиной матери у передвижного столика со снедью, расплылось в улыбке. Все-таки, необычный человек его мама. Все ее очень любят, и родственники, и слуги. И ничем она вроде бы таким не выделяется – невысокая, чуть-чуть полноватая, привлекательная, но совсем не похожая на холеных придворных красавиц, да и выглядящая на все свои четыре дюжины с хвостиком. Но с ней всегда так хорошо и спокойно, и есть у нее такая… добрая аура. Он и не помнит, ругала ли она его когда-нибудь, даже в детстве. Если и ругала, то тут же отходила. Надменно-ледяная тетя Стоэмран, и та рядом с ней становится похожей на человека…

У леди Элаэнне была привычка читать за едой, но сегодня ее книга лежала на краю стола названием вниз. Но и этого хватило ему, чтобы безошибочно опознать Тоолна, того самого, что он купил в городе четыре дня назад. В этом не было ничего удивительного: библиотека у них была общая, и то, что он тоже пополняет ее, всегда вызывало в нем чувство гордости и удовлетворения. Но сейчас эта книга только напоминала ему об утрате.

— Ты сильно расстроился из-за того, что не сможешь сегодня пойти в город?

Ну вот, его мама, оказывается, еще и телепат.

— Расстроился? По-моему, здесь нужно какое-то другое слово. Какая бы она ни была, но это была часть моей жизни. И она мне нравилась.

— А помнишь, как ты когда-то любил прятаться в самых неожиданных местах, и мы с бабушкой вечно тебя искали?

— Это было давно, мама. Я уже не ребенок.

— Да, Аутви. Ты уже вырос. Но тебе по-прежнему не нравится твоя жизнь.

— Слишком много хорошо – тоже плохо. Нет, я был в городе, я мог сравнивать и знаю, что по сравнению с ними мы живем… как в сказке. Но иногда это так скучно. Мне часто становится страшно от того, что всю жизнь придется прожить вот так – бесцельно и бессмысленно. Зачем все это?! Вся эта роскошь, богатство, если не оно для нас, а мы для него? Зачем мне целых три голубых унитаза? Ведь по-настоящему мы никому не нужны, а нас все держат и держат здесь как в большой клетке, даже неизвестно, ради чего!

— Все мы здесь в одинаковом положении, Аутви. Но почему ты думаешь, что наша жизнь зависит только от внешних обстоятельств? Человек сам определяет свою судьбу. И раз мы есть, значит, мы кому-нибудь нужны, хотя бы друг другу. Тебе

необходимо найти свою цель в жизни. Когда ты ходил гулять в город, ты только прятался, Аутви. Теперь постарайся найти себе настоящую цель. Цель, ради которой стоит прожить жизнь. Постарайся, сыночек, мир вокруг тебя так велик! Может быть, съездишь сегодня со мной в издательство "Радуга"? Там готовят к печати совершенно фантастический альбом!

Нет уж, благодарю покорно. Ездили уж, бывали. Когда мама одна, это все ничего. А его-то положено принимать по протоколу! Это сам директор, никак не меньше, свита, экскурсия. А под конец – сидеть в кабинете и перелистывать альбомы, пока мама занимается делом. Нет, спасибо.

Гонг.

— Его Высочество принц Клоэрмэ!

О, вот и папаша пожаловал! И что же его так подхватило? Валялся бы себе в постели до полудня…

Зевал, во всяком случае, высокородный принц Клоэрмэ так, что становилось страшно за его нижнюю челюсть – вдруг отвалится.

— Ы-ы-ы-ы-ы ы вся семья в сборе! Как я успел, о?! Но какое ка-а-э-э-э! Нальство! Этот изверг Нгрэосо назначил партию на такую рань! Если он у меня выиграет, я назначу ему следующую… на час ночи! Пусть поработает ногами, а не другой частью тела, ха-ха-ха!

Засмеявшись, он локтем сбросил со стола бокал, чудом не разбившийся, что вызвало у него новый взрыв хохота.

— Но мне надо поправля-аться, поправля-аться!

Комично шмыгая носом, он перенюхал все графинчики на столе, состроил унылую физиономию и громовым голосом потребовал себе порцию "утренней микстуры". Главная повариха Нриант, сама обслуживающая их за завтраком, потянулась за графином, и он тут же ущипнул ее за объемистый зад.

— О, повернись, красавица, ко мне! — громко и фальшиво пропел он, тут же одним глотком хватанул полбокала и, одновременно запихивая в себя еду, начал в подробностях рассказывать перипетии ночной партии в круанх.

Веселый человек его папа. И что самое лучшее, его болтовню можно и не слушать. Не нужен ему слушатель и вообще никто не нужен, кроме, разве что, партнеров для игр. Самодостаточная личность, что и говорить.

Но печально, когда хочется походить на кого угодно, только не на родного отца. Нет, с ним всегда весело, он никогда не злится и не ругается, а по части развлечений ему вообще нет равных… Только говорить с ним абсолютно не о чем: книг он не читает, интересуется только собственными увеселениями,

советоваться с ним по серьезным вопросам бесполезно. Даже в жилетку не поплачешь – вечно шляется в одном халате на голое тело…

О, Великие Звезды! Неужели и ему предстоит стать таким?! Ведь отец, как и он, в той же самой клетке. Ничего ему нельзя, все не положено. И цель есть в жизни – прожить ее в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая, и ничем не огорчаясь…

Не доев последний тост, он встал из-за стола. Отцовский смех вдруг показался ему слишком громким, а шутки – чересчур пошлыми.

Что делать, если настроение безнадежно испорчено, жизнь кажется пустой и никчемной, а яркий и разноцветный мир – серым и скучным? Конечно же, идти в парк. Опробовано и запатентовано: прогулка есть лучшее средство против депрессии.

Машинально шагая сначала по широким аллеям, посыпанным мелким гравием, затем по дорожкам, проложенным среди старательно подстриженных и ухоженных деревьев и кустов, а затем по узеньким тропинкам в тенистых зарослях, он чувствовал, как раздражение понемногу проходит, а мир вокруг начинает приобретать свои обычные краски. Прогулка по дворцовому парку всегда успокаивала его. Это было его любимое место, площадка для детских игр, один из немногих уголков, где он мог побыть наедине с самим собой. Парк никогда не надоедал ему, это была целая маленькая страна, раскинувшаяся на добрых полутора тысячах гектаров, где хватало места и аккуратным клумбам посреди безупречно прямых аллей, и ровным зеленым лужайкам, и таинственным диким уголкам, где в укромных местах таились уютные мягкие скамейки, которые одним движением руки превращались в удобные, хотя и узковатые ложа, и даже чистому ручью с многочисленными мостиками, спрятанными в зелени заводями и потайными гротами.

К ручью он и вышел в конце концов и долго стоял на середине ажурного мостика, следя за проплывающими внизу рыбами.

Легко сказать – найти цель. Маме хорошо, у нее есть дело – покровительствовать художникам и фотомастерам, организовывать выставки, помогать с изданием альбомов, встречаться с кинодокументалистами. Десятисерийный цикл о природе планет-колоний – ее идея. Да и сама она превосходный фотохудожник – все стены в ее комнатах увешаны цветными стереоснимками…

Мама была бы только рада, если бы он к ней присоединился. Но он-то знает, это не его призвание. Во всех художественных

школах и жанрах он разбирается – научили, а вот сам во всем этом – дилетант, причем неквалифицированный. Да и не может он так просто, как мама, поехать по делам в издательство или на кинофабрику.

Так. Подойдем к проблеме с другой стороны. А чем вообще могут заниматься принцы и принцессы? Например, наукой. Вон, у троюродного дяди Нкэанби собственная лаборатория в Институте физики пространства, у дедушки Лкээрно – ученая степень по математике, кузена Круанмэ и за уши не оттащить от компьютера…

Поздно. Раньше о таких вещах надо было думать, да и не лежит душа к точным наукам. Ему всегда нравилась история, увлекали старинные книги и древние хроники в дворцовой библиотеке, занимал поиск интересных подробностей в архивных документах. Он с удовольствием читал старые книги об искусстве управления и даже проштудировал учебники по вымершей науке политологии.

Н-да, выбрал же себе увлечение, однако! История и политика – вот уж, нет ничего сегодня нужней и полезней!… И что теперь со всем этим делать, скажите на милость?! Продолжить "Хронику царствований", да? Нет, что-то он, конечно, накропает. Дядя-Император обязательно похвалит и скажет что-нибудь проникновенное. Труд его великий издадут, и непременно очень роскошно, аж в шести экземплярах, поскольку как история – наука секретная и от чужих глаз закрытая. А потом поставят все его книжечки в библиотеку, на одну такую ма-аленькую полочку, где все тома – обязательно на мелованной бумаге и с золотым обрезом… Рядом со стишатами принцессы такой-то из позапрошлого века: "Я стояла у окна, площадь мне была видна…" Кого-кого, а графоманов среди его предков хватало…

Оставим тему. В науке ему, в общем, не преуспеть. Что же тогда остается? Как все принцы, он получил хорошее военное образование, причем учился не так, как другие, а всерьез, без дураков. До сих пор приятно вспомнить обалдевшую рожу какого-то генерала, принимавшего у него зачет по пилотированию. Не ждал, небось, такой прыти от принца-белоручки…

Пока в Столице служил маршал Гдэаск, жизнь не была такой скучной. С ним можно было поговорить о новейших видах оружия, поехать на полигон, даже самому поднять в воздух опытный образец аэрокосмического истребителя, который так и не пошел в серию… Но маршал Гдэаск далеко, на Филлине, чистит или, как сказал тот офицер, зачищает планету от ее жителей. А его свидетельство, настоящее, заслуженное свидетельство пилота валяется в ящике стола, никому не нужное.

Кто ему позволит пилотировать даже самый занюханый орбитальный челнок?! В семье уже, мол, есть один космолетчик – принц второго ранга Свэрэон, командующий Императорской Яхтой, и больше, как ему сказали, не нужно. Это раньше принцы армиями командовали, а сейчас под это дело и генералов хватает.

Куда не погляди, тупик. Эх, сейчас не ломать бы себе голову, а смотаться в город, прогуляться по центральному проспекту Великих Свершений, посидеть на Набережной на лавочке с видом на левобережье, потом съездить на окраину, заказать что-нибудь особенное в первом же попавшемся более-менее приличном кафе, а вечером, может быть, нарваться на драчку, продемонстрировать на каком-нибудь долдоне благоприобретенные умения… Нет, мама права. Это все равно не жизнь, это прятки.

От себя не спрячешься. И как там говорил персонаж в одной книге: уже тридцать лет, а ничего не сделано для бессмертия. Ему скоро двадцать шесть…

Вот жизнь пошла, хоть топись. Только и этого не получится – глубины здесь метра полтора, не больше, да и примчатся, вытащат тут же – весь парк-то под наблюдением. Вон те шишечки на декоративных столбиках у входа на мост – это на самом деле никакие не шишечки, а замаскированные камеры.

В детстве они любили расстреливать их красящими шариками из воздушных пистолетов. Это было намного интереснее, чем швыряться камнями, к тому же, за разбитые камеры их ругали.

В упругом прыжке он развернулся, приняв, как сказал бы его инструктор по стрельбе, приседающее положение с упором на руку, и выбросил в сторону ближайшей камеры правую руку с вытянутым пальцем.

— Пах! Пах!

Попал? Конечно же, попал. Хотя, нет. В последнее время он привык стрелять из игломета, а у воздушного пистолета дальность была не более семи-восьми метров, и надо было обязательно делать поправку. Из пистолета он бы промазал. Тьфу, совсем квалификацию потерял!…

— Тренируешься, Кэноэ? Пошли с нами, потом сыграешь на победителя!

Здрассьте, пожалуйста. Два его младших кузена, оба все такие веселые и беззаботные. Сзади тащится слуга с ракетками и корзинкой мячей. Может, действительно, отвлечься, постучать мячиками? Все равно, ни один, ни второй ему пока не соперники.

— Нет, ребята, спасибо. Сыграйте уж без меня.

— Ладно, дело твое. Тогда до скорого. Встретимся на приеме?

— А где же еще? Это вы – наполовину вольные пташки, а для меня приемы – обязанность, тьма ее возьми, и покрой навеки!

Важнейшая составляющая дворцовой жизни – приемы. Малые – по пятым и одиннадцатым дням декады, Большие – по 25-м числам каждого месяца и в дни официальных праздников. И присутствие на них ближайших Императорских родственников если не обязательно, то, по крайней мере, очень желательно.

Вот и устраивали бы в кругу семьи. Так нет, вечно толпятся кучи каких-то посторонних. Говорят, для приглашения на малый прием нужно только заплатить определенную сумму в Управлении Двора. Надо понимать, пол-управления с этих только денег и содержится.

Одна только радость – на любом приеме почему-то всегда находится пара-тройка девок, которые сами так и вешаются на шею. Будто нет у них других задач и целей, кроме как оказаться в постели какого-нибудь скучающего принца первого ранга. Одной из этих настойчивых красавиц можно будет в конце концов уступить и приятно провести время на парковой скамейке или даже в спальне – смотря по обстоятельствам.

Однако, зайдя в Зеркальный зал, где обычно проводились малые приемы, он с грустью понял: приключений не будет. Сегодня на приеме присутствовала его так называемая невеста, принцесса второго ранга Кээрт.

Хотя почему так называемая? Самая настоящая невеста, которую для него со всем тщанием выбрали геральдмейстеры, врачи, генетики и еще тьма весть кто, вплоть до астрологов.

Ну скажите, разве можно было смириться с этим? Нет, против самой Кээрт он ничего не имел, даже наоборот, но ему активно не нравилось то, что никто даже не подумал сначала узнать его мнение. Отцу, по крайней мере, дали выбрать из трех кандидатур. Он и выбрал маму. И правильно сделал.

Наверное, было бы легче, если бы они с Кээрт росли и воспитывались вместе, в конце концов, она приходилась ему троюродной сестрой. Но ее отец принц второго ранга Ларнэон был управителем Таангураи – по традиции, руководить первой колонией Империи должен был член Императорской фамилии – и впервые он увидел ее меньше года назад. Вначале она ему понравилась – красивая, если не первая красавица во Дворце, то уж, наверняка, в первой дюжине. Стройная, изящная, почти на голову ниже его. Фигура, правда, так себе, грудь небольшая, бедра узковаты, но зато – очень симпатичное и живое лицо, слегка овальное, суживающееся книзу, мягкие губы, чуточку вздернутый и слегка длинноватый носик, ямочки на щеках,

небольшая неправильность с передними зубками, что казалось особенно привлекательным на фоне стерильно-белозубых заученных улыбок придворных красавиц. Наконец, аккуратная челочка, светло-золотистые волосы собраны в хвостик и струятся по спине, доходя до чуть ниже лопаток. За одни эти волосы в нее можно было влюбиться.

Кээрт приехала вместе с отцом – невысоким, спокойным, с такими же как у нее озорными серыми глазами и великолепно развитым чувством юмора. Понимали отец и дочь друг друга с полуслова. Тогда ему, кажется, удалось вписаться в их компанию, отвечая на каждую их шутку своей и с легкостью беря правильный тон. Можно было подумать, что те, кто выбирал для него невесту, сделали правильный выбор.

Но вскоре отец Кээрт улетел обратно на Таангураи, а в их отношениях что-то разладилось или, точнее, так и не смогло наладиться. Они часто общались, без труда находя общие темы и обнаруживая между собой больше общего, чем различного. И мама, и отец быстро с ней подружились, особенно, мама, но между ними оставался какой-то барьер, который никто не мог и не хотел переступить. Кээрт, как правило, не участвовала в привычных развлечениях, сторонилась шумных и фривольных вечеринок. Она почти всегда была какой-то холодновато-отстраненной и недоступной: он так ни разу и не осмелился поцеловать ее, а уж тем более – по-свойски прижать где-то в укромном уголке.

Хорошо, хоть, что ему не надо было сегодня подходить к ней – в таком настроении из этого вряд ли могло выйти что-нибудь путное. Кээрт, повернувшись к нему спиной, разговаривала в дальнем углу зала с незнакомым человеком, на вид лет шестидесяти, лысоватым и по-зимнему бледным. Немного дальше была видна мама, очень элегантная в своем аквамариновом платье. Леди Элаэнне разговаривала с двумя известными художниками, причем, художниками настоящими, а не придворными мазилами. Отец, как всегда, собрал вокруг себя кучку таких же, как он сам, бездельников. Все смотрели ему в рот и льстиво смеялись его шуткам.

В зале хватало родственников и знакомых, но никто не подходил к нему, и это его радовало. Несколько раз он ловил на себе изучающий взгляд человека, беседующего с Кээрт, но решил не обращать на это внимание.

Гонг.

Чистый, звенящий звук, будто отражающийся в многочисленных зеркалах.

— Его Величество Император!

Все кланяются. Члены семьи – поменьше, остальные – пониже.

Прием был малый, поэтому обошлось без представлений. Император в сопровождении небольшой свиты пересек весь зал, тяжело поднялся по ступенькам и сел в предназначенное ему золотое кресло. Невидимый оркестр заиграл "Торжество".

Когда Император проходил мимо, было видно, что он сильно сдал. Ему было тяжело и неудобно в роскошных, расшитых золотом одеждах, лицо совсем обрюзгло, а темно-синие прожилки на носу и щеках свидетельствовали о том, что он слишком сильно налегает на алкогольные напитки. Сопровождала его, как всегда, Императрица Стоэмран, высокая, прямая, очень красивая, но холодной, безжизненной красотой, и кронпринц – бесцветный молодой человек в очках (он почему-то отказывался от коррекции зрения) чуть постарше Кэноэ.

Оркестр доиграл до конца, и можно было распрямиться и делать все то, что обычно делается во время приемов – слоняться по залу, подпирать колонны, болтать ни о чем с родственниками и знакомыми, выслушивать скучные просьбы незнакомых и, наконец, флиртовать. Стоп. Не сегодня. Кээрт здесь, значит, никакого флирта.

Поискав глазами Кээрт, он обнаружил ее оживленно беседующей с леди Элаэнне, а вот прежний ее собеседник, немолодой и лысоватый, уже стоял рядом с ним, держа на шпажке малюсенький бутербродик с сыром. Ничего, кроме этих бутербродиков, на приемах не подавали. И правильно, нечего кормить тут эту ораву. На приемы не жрать ходят.

— Совершенно верно, Ваше Высочество, — весело подтвердил лысоватый. — На приемы, действительно, ходят не жрать, а разговаривать.

Кажется, последнюю фразу он произнес вслух. Ай-яй-яй.

— Хорошо, давайте разговаривать, — сказал Кэноэ, стараясь оставаться вежливым, несмотря на плохое настроение. — Вы знаете, о чем?

— Кажется, знаю. Между прочим, знаете ли вы, что о вас вот уже пятый день только говорит весь Голодайчик?

— Говорит кто? — ошеломленно спросил Кэноэ. Ему показалось, что он ослышался.

— Голодайчик. Это, знаете, такой район в Старом Городе. Тот мужчина со штрафной карточкой, от которого вы увели полицию, живет именно в этом районе. На него ваше вмешательство произвело неизгладимое впечатление.

Ну вот, и этот туда же. Сговорились они, что ли?

— Простите, а откуда вы все это знаете? — хмуро

поинтересовался Кэноэ. — И не сложно ли вам будет представиться? А то вы меня, похоже, знаете, а вот я вас, кажется, — нет.

— О, прошу прощения, — немолодой собеседник склонился в церемонном поклоне (ровно под углом в тридцать градусов, как положено приветствовать принца Императорского дома). — Это мое упущение. Мое имя Суорд. Ванио Суорд. Я полагаю, оно вам знакомо?

— Признаться, я слышал только об одном Суорде. Но если это вы, не опасно ли вам появляться в Столице, да еще в Императорском дворце?

— Опасно? Не думаю. У меня надежное прикрытие. Кроме того, я слишком заметная деталь пейзажа, чтобы меня можно было так просто и примитивно арестовать. Зачем? Крупных процессов сейчас не готовится, узнать у меня все равно ничего не удастся – есть такие приемы мнемотехники, что позволяют надежно забывать. Лишать мою организацию руководства тоже в данный момент не имеет смысла – я, в конце концов, хорошо известен и наверняка просчитан и предсказуем. Конечно, если бы я внаглую приперся под своим именем, это был бы другой разговор. Но я не нарушаю правила игры.

— Ну, если так… Хотя, должен вас предупредить, зал очень хорошо прослушивается и просматривается камерами. Странно, но есть люди, которые об этом не знают.

— И это не проблема. Если вы обратили внимание, мы очень удачно стоим. Вы загораживаете от камер меня, я – вас. И… вы знаете, что такое генератор шумов?

— Знаю. Полезное изобретение.

— Один такой у меня в кармане. Наш разговор не расшифрует никакая аппаратура.

— Я вижу, вы очень предусмотрительны, — засмеялся Кэноэ. — Но мне всегда было интересно: на что же вы надеетесь? В смысле, в глобальном плане. Империя – это не самое лучшее, чего могло бы достичь человечество, но она существует в нынешнем виде уже тысячу лет. Этого колосса не так легко опрокинуть. Простите, если мой вопрос вам неприятен.

— О нет, никоим образом. Но хочу сказать, я ни на что и никогда не надеюсь. Вам не кажется, что в слове "надежда" есть что-то беспомощное? То, что заставляет вас отказаться от поиска решения проблемы в пользу неких сторонних от вас сил?

— Понимаю. "Надежда – глупое чувство", как говорится в одной хорошей книге. Тогда поставлю вопрос по-другому. За счет чего вы рассчитываете решить вашу проблему? Слово "рассчитывать" не вызывает у вас неприятных эмоций?

— Не вызывает. А рассчитываю я… на все понемножку! Немножко – на обстоятельства, немножко – на чужие ошибки, немножко – на своих соратников. Наконец, начинаю немножко рассчитывать на вас.

— На меня?! — Кэноэ нервно рассмеялся. — Вам не кажется, что это похоже на фарс? Вождь подпольщиков вербует в ряды противников власти племянника Императора! Или у вас есть какой-то особый, не подвластный моему пониманию расчет?

— А почему вы вдруг отождествляете себя с властью? — серьезно спросил Суорд. — Вы не хуже меня знаете, что власть в Империи – это не Император, а Совет Пятнадцати. И люди очень четко отделяют одно от другого. Вы спрашивали меня, на что я рассчитываю? Конечно, будь Империя и в самом деле тысячелетним колоссом, сильным и могучим, ни у какой подпольной организации не было бы ни малейшего шанса противостоять ему. Но это не так. Государство слабо. Ничтожества и посредственности, управлявшие им в последние дюжины лет, ослабили его. Душа любую инициативу и противостоя переменам, они позволили развиться в нем коррупции, воровству и безответственности. Здесь, в Императорском Дворце, и даже в Столице кажется, будто все в порядке. На самом деле Империя близка к гибели. В Дворцовой библиотеке должна быть некая вещь под названием "Письмо тридцати шести". Прочитайте его, и вы поймете, что меня беспокоит.

— Я читал его, — сухо заметил Кэноэ. — Продолжайте.

— Тогда вы знаете, что впереди – беспорядки, кровь, может быть, долгие годы хаоса. Выйти из кризиса только за счет ресурсов старой системы нельзя. Нужно поворачивать на другой путь.

— Революция? Те книги, что мне приходилось читать, утверждали, что революции редко приводили к чему-то хорошему.

— Это были, наверное, хорошие книги, — уважительно кивнул Суорд. — Я тоже не сторонник революций. Любая революция – это взрыв, который невозможно удержать под контролем. А взрыв – это кровь и хаос. Нам нужен мирный переход, и мне представляется, что такой переход возможен. Но чтобы совершить его, нужна иная власть, не власть Совета Пятнадцати, она принадлежит старой системе. В то же время, новая власть должна оставаться легитимной, иначе переворот неизбежно превратится в революцию. И такая власть у нас есть. Это власть Императора, который сам находится в плену у Совета Пятнадцати.

— Насчет последнего согласен, — проворчал Кэноэ. — Но власть Императора – это фикция. Ее нет. Она выродилась в кучку бездельников, исполняющих давно потерявшие значение ритуалы. Неужели кто-то еще принимает ее всерьез?

— И еще как! Простые люди традиционно уважают Императора, особенно в глубинке. Пару лет назад мы делали опрос – кому люди доверяют полностью, частично или совсем не доверяют. Опросили около двадцати тысяч человек во всех провинциях и в нескольких колониях. Так вот. Императорской власти доверяют – полностью или частично – 124 % населения Империи (из 144)! Наш "Союз Борьбы" занял второе место с 95 процентами. Да и вы сами, наверное, знаете, сколько писем приходит в адрес Императора.

— Знаю. Этим занимается целый департамент в Управлении Двора. Говорят, иногда они кому-то помогают. Очень часто на приемах люди пытаются получить аудиенцию у Императора, обычно с ними говорит кто-то из советников. Даже странно, что сегодня нет ни одного из таких просителей.

— Ну вот. А вы говорили – кучка бездельников. Между прочим, Император даже имеет право распустить Совет Пятнадцати.

— Знаю. Он был созван во время Единения. Когда началась Северная война, в Империи было объявлено чрезвычайное положение, а Император своим указом созвал чрезвычайный совет, который временно принял на себя верховную власть. Вначале в него входили шестнадцать человек, но один скоро умер, и их осталось пятнадцать. А чрезвычайное положение так никогда и не было отменено.

— Я потрясен, — сказал Суорд. Было видно, что он не преувеличивает. — Выходит, вы тоже историк?! Может, вы еще и знаете…

— Что Великое Восстание на самом деле не было восстанием? Знаю. Мне даже знакомо имя некоего Ргиавла. Приходилось слышать о таком?

— Приходилось, — слабо сказал Суорд. — Я начинаю по-черному завидовать вашей библиотеке.

— Да что библиотека? Это мелочь. Я вот не совсем понял, какие виды вы имеете лично на меня?

— Честно говоря, и сам пока не знаю. Так, наметки. Вы, может быть, помните, как три года назад было наводнение в 14-й провинции? В то время там оказался кто-то из ваших родственников, кажется, ваш дед по матери, принц Лкээрно. Он, по сути дела, возглавил спасательные работы. Люди тогда действовали с каким-то особым старанием, мне рассказывали, что

все переживали душевный подъем. Особенно, на фоне того, что официальная власть никак не прореагировала на их беду. Помните, я говорил про опрос? Совету Пятнадцати полностью доверяют 6 % населения, доверяют частично – 17 %. И люди склонны воспринимать Императора как защиту от существующей власти. Понимаете?

— Понимаю. Вы предлагаете мне посещать места землетрясений, наводнений, обвалов, ходить по больницам и госпиталям. Одним словом, символизировать, что Императорская власть откликается на народные беды.

— Да. И не надо иронии. Это действительно так, и это очень важно. Нам нужно создавать легенду, если хотите, что Император помнит о людских бедах и нуждах. В нашем государстве существует чудовищная отстраненность людей от власти. Нам необходимо изменить это положение!

— Простите, нам – это кому? Нам или вам?

— Скажем так, нам с вами.

Кэноэ несколько секунд изучающе смотрел на Суорда.

— Согласен. Значит, вы предлагаете мне стать неким Рыцарем Справедливости? Но у меня, между прочим, несколько специфическое положение…

— Вы имеете в виду возможные проблемы с вашими выездами? Вы можете сослаться на Императорский Указ о наследниках за номером 0-97-К-62 от одиннадцатого седьмого 3397-го, он должен быть в вашем архиве. Вас не должно смущать, что с тех пор прошло больше четырехсот лет. Нынешний глава Совета Пятнадцати Оонк – законник, он уважает указы и кодексы, по крайней мере, официально. Кстати, по тому же указу вам положена собственная канцелярия и солидный денежный фонд.

— Ну, насчет этого я в курсе. Похоже, у вас есть на примете и кандидатуры моих советников и секретарей.

— Не буду скрывать, есть. Но не буду и настаивать. Живите, как вам подсказывают ваше сердце и ваш разум. Женитесь на Кээрт – она хорошая девочка.

— Вы и ее знаете?!

— Да нет, только что познакомился. Просто я очень хорошо знаю ее мать. Когда-то мы вместе учились.

— А…

Кэноэ оборвал себя. Он вспомнил, что отец Кээрт, действительно, женился то ли на помощнице, то ли на секретарше. Из-за этого, Кээрт, кстати, стала принцессой второго ранга только после ее официального признания его невестой, хотя она могла бы иметь этот титул по праву рождения.

— И еще, — Суорд вынул из кармана небольшой пакетик. —

Это меня просил передать вам ваш наставник в качестве подарка своему самому прилежному ученику. И запомните, любой дворец имеет больше одного тайного выхода. А теперь, я с вашего позволения, откланяюсь. Может быть, мы еще встретимся.

— Может быть, — растерянно пробормотал Кэноэ. — Желаю удачи.

Но говорил он уже в пустоту. Суорд, отойдя от него на несколько шагов, словно растворился в воздухе.

В маленькой, но очень удобной кабинке туалета Кэноэ, закрывая корпусом камеру, осторожно открыл пакетик. Там оказалась личная карточка с широкой синей полосой "облеченного доверием", его стереофотографиями в анфас и профиль и именем Тви не-Кэно, а также сложенный вчетверо листик тонкой бумаги с нарисованной на нем схемой. Не разворачивая, Кэноэ отправил схему обратно в карман. Ее стоило рассмотреть повнимательнее и подальше от следящих камер.

После этого он позволил себе удовлетворенно расслабиться. День, так неудачно начатый, завершался просто великолепно. Теперь он уже не назовет свою жизнь бесполезной и бессмысленной. У него появилась цель.

Конец первой книги